Биографии, автобиографии, мемуары

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга — лауреат важнейшей британской премии в жанре нон-фикшн (Baillie Gifford Prize for Non-Fiction) за 2000 год. Как сказала председатель жюри Марта Кирни, «Брауну удалось переизобрести сам жанр биографии». Автор 18 книг и многолетний ведущий пародийной колонки в журнале Private Eye, Браун «искусно переплел детали из множества источников: дневниковые записи, письма фанатов, расшифровки интервью, рейтинги и чарты», создав уникальный портрет изменившей мир «великолепной четверки» к полувековому юбилею ее распада. «Непросто представить себе, чтобы кто-то сумел сказать нечто новое про «Битлз», учитывая, сколько всего про них уже написано, — и все же это очень оригинальная книга. Это веселая книга, но и очень глубокая, заставляющая задуматься о самой природе славы». По словам Брауна, он стремился «передать возбуждение и беззаботность эпохи «Битлз» и то, с какой скоростью менялись Джон, Пол, Джордж и Ринго, причем как к лучшему, так и к худшему. Я хотел показать, какое влияние они оказывали буквально на каждого, от ее величества королевы до Чарли Мэнсона. И я решил, что лучше всего для этого подойдет россыпь коротких глав, из которых, как из призм, сложится калейдоскоп».

Впервые на русском!

- Крейг Браун
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- 150
- Благодарности
- Источники информации
- Фотоматериалы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435

- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479

- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523

- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567

- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611

- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655

- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699

- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743

- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787

- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831

- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875

- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919

- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938

Крейг Браун
ONE TWO THREE FOUR: «Битлз» в ритме времени

Посвящается Франсес, Сайласу, Талуле и Тому

Пройдет столетье, и для всех
Все обновится: плач и смех,
Одежда, мысль, беда, успех;

Век этот новый, век живой
Пройдет, оставив за собой
Прах незаметный, твой и мой;

Пусть, возвышаясь, он царит,
Он, верю, больше совершит,
Чем наш непросветленный быт.

«1967», Томас Гарди (1867)[1]

Эти пятьдесят лет были замечательными для всего мира… Подумать только, чего бы мы лишились, если бы никогда в жизни не слышали The Beatles.

Королева Елизавета II, в речи на праздновании своей золотой свадьбы, ноябрь 1997 г.

1

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Брайан Эпстайн и его личный помощник Алистер Тейлор, оба в строгих черных костюмах и при галстуках, спускаются по крутой лестнице из восемнадцати[2] ступенек во влажную духоту подвального помещения на Мэтью-стрит. Брайану оно напоминает «глубокую могилу: темень, сырость и вонища». Он уже жалеет, что пришел. И он, и Тейлор охотнее отправились бы на концерт классической музыки в филармонию, но любопытство взяло верх. На сцену неторопливо выходят четверо молодых музыкантов. Брайан узнает в них завсегдатаев семейного музыкального магазина, которым он управляет: эти парни вечно торчат в кабинках, слушают свежие пластинки и треплются с девчонками, но покупать ничего не покупают.

Между песнями трое молодчиков с гитарами орут друг на друга, сквернословят, поворачиваются спиной к зрителям и в шутку обмениваются тумаками. Тейлор видит, как Брайан удивленно округляет глаза. Тейлор потрясен и шокирован — «тебя словно бьют» — и уверен, что те же чувства испытывает и Брайан.

После концерта Тейлор говорит:

— Они просто УЖАСНЫ.

— Они и ВПРЯМЬ ужасны, — соглашается Брайан, — но, по-моему, они классные. Идем поздороваемся.

Джордж первым из битлов замечает, что к ним идет человек из музыкального магазина.

— Привет, — говорит он. — Что привело к нам мистера Эпстайна?

2

У других групп были фронтмены, то есть любимчика выбирали за вас. В те годы никто не сказал бы, что любит Хэнка Марвина больше Клиффа Ричарда[3] или Майка Смита — больше, чем Дейва Кларка[4].

То ли дело «Битлз» — выбирай не хочу, а уж выбор покажет, кто вы есть. Кэролин Си[5], поклонница из Америки, считала, что «Пол — для тех, кто предпочитает андрогинную красоту; Джон — для ценителей интеллекта и остроумия; Джордж обладал чем-то неописуемым, что позднее определят как духовность; а Ринго был святым покровителем неудачников».

Линда Грант[6] из Ливерпуля в двенадцать лет запала на Ринго, хотя «сама себе не могла объяснить свой выбор». В школе, вспоминает она, с ней училась «одна паинька, которой нравился Пол. Джордж был вроде никакой, а Джон казался недоступным, слишком пугающим».

Ринго был битлом для девочек без амбиций. Выбираешь его, значит склонна к реализму. То есть других уже разобрали, но можно еще попытать крохотный шанс с барабанщиком. «Когда меня спрашивали, кто мне нравится, я отвечала: «О, мне — Ринго», — вспоминает Фран Лебовиц[7], выросшая в Нью-Джерси. — В Ринго Старре мне нравилась, да и сейчас нравится, личность. Конечно, любимцем девочек у нас в школе он не был, с большим отрывом уступал Полу Маккартни, битлу-красавчику. Так что выбор Ринго Старра наверняка был обусловлен чувством противоречия».

В 1963 году шестнадцатилетняя Хелен Шапиро[8] была признанной звездой, и на ее гастролях «Битлз» выступали на разогреве. Однако же, как и у любой девчонки, у нее имелся свой любимый битл. «Джон был уже женат, хотя тогда об этом еще не знали, так что я, вместе с тысячами других девчонок, была в него влюблена… Джордж казался самым серьезным. Время от времени он делился планами на будущее, что сделает, когда разбогатеет, и выспрашивал у меня о финансовой стороне дела. Помощи от меня, правда, было мало. Деньги меня по-прежнему не интересовали. Пол высказывался за всех их, а Ринго молчал».

Патти Бойд[9] познакомилась с «Битлз», когда ее выбрали на роль одной из школьниц в фильме «A Hard Day's Night»[10]. «На первый взгляд, Джон казался самым циничным и наглым, а Ринго — самым милым. Пол был симпатягой, а Джордж — самым красивым парнем, какого я встречала: бархатисто-карие глаза и темно-каштановые волосы». Но Патти не просто увлеклась

Джорджем, как миллионы прочих поклонниц, а добилась куда большего. Читатель, она вышла за него замуж!

Битлы были на любой вкус. Фанаты, выбирая того или иного, выражали себя. Каждый из битлов воплощал одну из стихий: Джон — огонь, Пол — воду, Джордж — воздух, Ринго — землю. Даже друзья для их описаний выбирали основные краски, подчеркивая контраст характеров, будто в каком-нибудь анекдоте, мол, встретились как-то англичанин, валлиец, ирландец и шотландец… Кэролин Си отмечала, как в «A Hard Day's Night» они показали свои типажи: «Пол вышел милашкой, Джон острословом, Джордж был задумчивым, а Ринго валял дурака».

Актер Виктор Спинетти[11] рассказывал об одном случае. Тогда в Зальцбурге, на съемках фильма «Help!»[12], он свалился с гриппом. «В номере отеля меня навестили битлы. Первым явился Джордж Харрисон. Постучался, вошел и сказал: «Я взобью тебе подушки. Должен же кто-то взбивать больному подушки». Он взбил мне подушки — и был таков. После него пришел Джон Леннон и давай маршировать туда-сюда по комнате, выкрикивая: « *Sieg heil, Schweinhund!*[13] К тебе идут врачи. Будут ставить на тебе опыты. *Sieg heil! Heil Hitler!*». Потом был Ринго. Он сел у моей кровати и, взяв меню из гостиничного ресторана, стал, как ребеночку, читать: «Жили-были три медведя. Мама-медведица, Папа-медведь и Мишка-малышка». Когда он ушел, Пол приоткрыл дверь и спросил в щелку: «Это заразно?» Я сказал: «Да». Пол закрыл дверь, и больше я его не видел». Прагматичный Пол остался верен себе, сообразив, что если он или кто-то еще подхватит грипп, то съемки встанут.

Работавший с Брайаном Эпстайном Алистер Тейлор заметил, насколько по-разному битлы относятся к деньгам. «Брайан каждый месяц вручал ребятам банковские выписки — все аккуратненько, постатейно, в плотных белых конвертах. Принимали их битлы кто как. Джон комкал и совал в карман, Джордж еще мог взглянуть на бумаги. Ринго же явно в них не разбирался и поэтому не тратил времени, пытаясь понять. А вот Пол осторожно вскрывал конверт, садился в углу кабинета и часами скрупулезно изучал цифры».

С возрастом разница в характерах стала заметнее. Как будто битлы строили рожицы, кто во что горазд, а потом каким-то волшебством так и остались каждый со своей. Когда их спросили, кого из знаменитостей поместить на конверт «Sergeant Pepper»[14], Джордж предложил индийских гуру, а Пол — различных деятелей искусства, от Штокхаузена до Фреда Астера. Кандидатуры Джона зловеще выбивались из общей картины: маркиз де Сад, Эдгар

Аллан По, Иисус, Гитлер. Ринго просто заранее согласился с выбором других.

Конечно, группа вращалась вокруг полярных фигур Пола и Джона. Звукорежиссер Джефф Эмерик наблюдал за ними во время работы: «Таких разных людей надо было еще поискать. Организованный и дотошный Пол всюду носил с собой блокнот, в который убористым почерком методично заносил аккорды и тексты песен. Безалаберный Джон записывал мысли на клочках бумаги, какие только под руку подвернутся. Пол был прирожденным оратором; Джон едва умел формулировать мысли. Пол был дипломатом; Джон — агитатором. Пол говорил учтиво и стремился к безукоризненной вежливости; Джон был горлопаном и не гнушался грубостей. Пол готов был часами шлифовать одну партию, а нетерпеливый Джон спешил перейти к следующей. Пол точно знал, чего хочет, и частенько обижался на критику, а толстокожий Джон был всегда открыт чужому мнению».

Джон был нервным, требовательным и желчным; Пол — мягким, располагающим к себе и уступчивым, однако некоторым за этой ширмой обаяния виделась расчетливость, если не сказать корысть. Тони Барроу, пресс-атташе «Битлз», считал, что «самым отчаянным спорщиком, особенно в конфликтах с Эпстайном, был Джон, однако на амбразуру его толкал именно Пол. Сам он вступал под конец, договариваться. Порой Джон доводил Брайана до слез, а дипломатичный Пол, добиваясь своего, действовал мягко. Джон не так больно кусал, как громко лаял. Криками он маскировал свою низкую самооценку… Пол сулил людям золотые горы: билеты, подарки, — а выполнять эти обещания поручал людям вроде меня. Выставляя себя благодетелем, он был щедр на обещания, но скуп на дела. Обаятельный, прямо подарок в плане пиара, мастер создать себе имидж, он до мозга костей был и остается подлинным шоуменом. Живет обожанием публики».

Обладатель по-юношески наивного лица, Пол был дотошен, боек, дипломатичен, энергичен, гармоничен, вкрадчив, оптимистичен, общителен, задорен, сентиментален, заботлив. Джон — угловат, склочен, неряшлив, капризен, упрям, ленив, противоречив, раздражителен, язвителен, пессимистичен, эгоистичен, угрюм, замкнут, суров. Пол считал, что заслуживает всеобщей любви, а Джон — что ничьей любви не заслуживает.

Однажды Пол попытался объяснить, как они дошли до жизни такой: «Воспитание, нестабильность в семье вынуждали Джона проявлять твердость, остроумие, всегда быть начеку и отвечать шпильками. Я же рос в комфортных условиях, в окружении родных и друзей, воспитывался в типичных северных традициях — тебе вечно готовы подлить чайку и зовут «душенькой», —

поэтому с общением у меня проблем нет. Я могу успокоить, разговорить, полюбезничать. Вообще, я люблю любезничать… Душевных травм мне никто не причинял, а вот Джону, который рос без отца, постоянно приходилось слышать: «Где же твой папаша, ублюдок?» У его матери был сожитель, а тогда это называлось «жить во грехе». Еще одно больное место Джона. Он постоянно ощущал себя под ударом, и это формировало его характер… Так что тараканы у него в голове будь здоров, еще с детства».

Особенная сила музыки битлов, ее магия и красота, заключается в переплетении этих противоположностей. Прочие группы были громкими или глубокомысленными, прогрессивными или традиционными, трагичными или жизнерадостными, с уклоном в фолк, романтику или агрессию. Но стоит услышать альбом «Битлз», как понимаешь, что в нем вся человеческая жизнь. Как говорил Джон — когда они с Полом сочиняли вместе, — Пол «вкладывал в песню легкость и оптимизм, а я всегда привносил грустинку, диссонанс, оттенки блюза». Именно тонко сбалансированное натяжение такого вот тянитолкая и делало их величайшие мелодии такими выразительными, универсальными и одновременно специфичными.

Уже подростками они целенаправленно подходили к написанию песен. Пол прогуливал уроки в школе, а Джон присоединялся к нему в доме Маккартни на Фортлин-роуд. Пол открывал школьную тетрадку в синюю линейку и на чистом листе писал: «Новое оригинальное произведение Леннона — Маккартни», и вместе они тут же принимались сочинять новый текст. Оглядываясь назад, Пол не смог припомнить ни одного бесплодного дня. «Мы ни разу не посидели впустую… За все те годы мы ни разу не разошлись после встречи со словами: «Не пишется, и хрен с ним»».

Бывало, что вклад каждого из них в одну и ту же песню выделялся так остро, что казалось, будто они изображают собственные карикатуры. Пол придумывает: «We can work it out» («Мы еще можем все поправить»), и тут же Джон подрезает его: «Life is very short» («Жизнь очень коротка»)[15]. Пол поет: «It's getting better» («Дела налаживаются»), а Джон встревает: «Can't get much worse» («Хуже быть не может»)[16]. В песне «A Day in the Life»[17] кому, как не Джону, одержимому чтением газет, полагается смеяться над новостью о человеке, которому в машине вышибло мозги; и кому, как не бесшабашному Полу, — просыпаться утром и, выскочив из кровати, проводить гребнем по волосам.

Во многих других песнях легкие мелодии, а стихи — мрачные или же музыка тягостная, а стихи — светлые. В словах к «Help!»[18], «Run for Your Life»[19], «Misery»[20] и «Maxwell's Silver Hammer»[21] так и сквозит депрессия и психоз, но положены они на бойкий мотив. Сольные произведения, когда соавторы-соперники не перетягивают канат, лишены этого измерения инаковости; Джон раз за разом впадает в жалость к себе, а Пол фантазирует[22].

Время шло, их сотрудничество сходило на нет, и все чаще они сочиняли песни порознь. Однако взаимный дух соперничества их не оставил и вел дальше; каждый искал одобрения другого. «Они были идеальной парой, — писал критик Иэн Макдональд[23]. — Они смеялись над одним и тем же, думали с одинаковой скоростью, уважали талант друг друга и знали, что их негласное стремление превзойти и удивить друг друга было ключевым для поддержания жизни в их музыке».

3

Конец ноября 1940 г.

Мэри Мохин тридцать лет, а она все не замужем. Мать Мэри скончалась в 1919-м, когда рожала пятого ребенка, который тоже не выжил. Мэри тогда было десять. Возможно, эта пережитая в столь раннем возрасте трагедия и повлияла на ее решение стать акушеркой. Своей цели она добилась, и даже с лихвой: теперь она старшая медсестра палаты.

Джиму Маккартни уже тридцать восемь, а он так и не женат. У своей матери он был пятым ребенком, но только третьим, кто прожил дольше двух лет. Ему не исполнилось и четырнадцати, когда он оставил школу и устроился на службу в хлопкоторговую компанию. Он стал брокером и прилично зарабатывает[24]. Однако главное его увлечение — игра на трубе в собственном ансамбле из шести-восьми человек, *Jim Mac's Band*. Они исполняют все самые модные танцевальные мелодии, из которых любимейшая у Джима — это «I'll Build a Stairway to Paradise»[25].

Глухой на одно ухо, Джим избежал призыва в войну, но прикомандирован к пожарной бригаде Фезекерли[26]. С самого августа немцы бомбят Ливерпуль; сильнее страдает только Лондон[27]. Неким образом простоватый ливерпульский юмор помогает держаться. На Арнольд-Гроув в доме Харрисонов выбило окна и осколками посекло кожаный диван, который приберегали для особых случаев. «Знала бы, что этим кончится, сидели бы на нем все эти годы», — говорит миссис Харрисон.

Мэри снимает комнату у сестры Джима, Джин. Мэри с Джимом уже несколько лет хорошо знакомы, но о романтических отношениях и не думали.

(а)

Этим вечером в небе показались нацистские бомбардировщики. Джин с Мэри навещают мать Джима на Скаргрин-авеню, и как раз в это время раздаются сирены. Приходится им остаться у нее и переждать налет. Сыплются бомбы, а Джим и Мэри несколько часов болтают и, к тому времени, как раздается сигнал о том, что в небе чисто, сознают, что созданы друг для друга. После недолгой помолвки, 15 апреля 1941 года, они женятся; спустя год у Мэри рождается первый ребенок, мальчик, которого окрестили Джеймс Пол Маккартни.

(б)

Этим вечером тихо. Сирены не звучат. Зазвучат они завтра ночью, когда Джин и Мэри думали остаться дома. Выходит так, что Джиму и Мэри не удается поговорить по душам, и каждый идет своей дорогой. Джеймс Пол Маккартни так и не родился.

4

Нам было велено собраться в Спик-Холле, в пригороде Ливерпуля. Национальный фонд объектов исторического интереса или природной красоты описывает этот особняк как «редкостный образец тюдоровской фахверковой архитектуры, расположенный на живописном берегу реки Мерси». Как говорится в путеводителе, поместье «пережило более 400 лет неспокойной истории».

Час был ранний, вот я и знакомился с гостевым комплексом — это постройка, а не состояние, — разглядывая кру́жки, шарфы, мыло и книги о Тюдорах. «Ты книжный червь? Пролистай нашу подборку книг для взрослых и детей и открой для себя новое отличное чтиво!»

Вскоре бойкий водитель по имени Джо собрал нас в кучу и проводил к микроавтобусу. Там он спросил, кто откуда будет. Выяснилось, что трое из Испании, двое из Италии, четверо из Австралии, двое из Австрии и четверо из Англии. Еще несколько человек купили билеты, но задержались, и нам пришлось их ждать. Наконец к автобусу бросились две молодые женщины, отчаянно размахивая руками. «Сейчас мы их попугаем, — сказал Джо, включил зажигание и тронулся с места. Женщины замахали еще отчаянней. — А сейчас посмотрим, как слезы сменятся улыбками», — произнес Джо, останавливаясь и впуская опоздавших.

Как только мы оставили Спик-Холл позади, Джо нажал на панели кнопку, и динамики в салоне взорвались песней «Love Me Do»[28].

— Эт’ чё за мусор? — выкрикнул австралиец.

— Я знаю, кто идет пешком! — ответил Джо. — Выпустим его из салона, а потом его переедем!

Было очень весело.

Скоро мы уже были на Фортлин-роуд, вдоль которой тянулся ряд непримечательных домов, в которые редко, а то и вовсе не заглядывают члены Национального фонда.

В 1995 году Национальный фонд купил дом номер 20 по Фортлин-роуд — по предложению тогдашнего генерального директора Би-би-си Джона Бёрта[29], уроженца Ливерпуля, который заметил, что дом выставлен на продажу. Семь лет спустя Национальному фонду перешел и дом, где рос Джон Леннон, — «Мендипс» на Менлав-авеню, после того как его купила Йоко Оно. Тогда она объявила: «Узнав, что дом продается, я испугалась, что он попадет не в те руки и на нем попытаются нажиться. Вот я и

решила купить его и пожертвовать Национальному фонду, чтобы за ним присматривали и пускали в него посетителей. Я в восторге, что Национальный фонд взял дом под опеку».

Однако решение это одобрили не все. Тим Нокс, бывший тогда главным куратором[30] Национального фонда, заявил, что он «в ярости». Он считал, что основной критерий, по которому фонд принимает недвижимость под опеку, — подлинная художественная и архитектурная ценность — забыт в угоду дешевому популизму. «Это рекламные маневры, а не серьезные приобретения, — сказал он, добавив полушутя: — Теперь придется купить еще четыре дома, чтобы не обидеть Ринго».

Остальные согласились. «С точки зрения архитектуры дом не более и не менее интересен, чем любой другой дом на одну семью в ряду соседних домов с фактурно оштукатуренными наружными стенами, в любом другом районе, населенном представителями среднего класса, — говорил архитектурный критик Стивен Бейли[31]. — Его особенная ценность заключается в опосредованной, мистической связи с гением. На беду историков архитектуры из фонда, из дома вынесли практически все содержимое, а следовательно, в нем не осталось никакой опосредованной, мистической связи с телевизором гения, кухонной утварью или еще какими-нибудь артефактами, которые могли бы позволить приобщиться к вдохновению, подарившему нам такой поток блестящих слов и музыки. Все это пришлось подделывать.

Национальный фонд […] гордится доступом к экспертизе. У него в штате ведущие мировые историки архитектуры; вот они-то и отправились скупать вещи, чтобы воссоздать дом Леннона. Но когда высокоученые эксперты отправляются в волшебное таинственное путешествие[32] к подозрительным ливерпульским дельцам, чтобы приобрести у них всякий хлам, разговоры об экспертизе звучат глупо и смешно. Хлипким аптечным шкафчиком восхищаются из-за его аутентичности. Линолеум изучают так же пристально, как рельеф Донателло. Конические ножки от телевизора они отыскали, а вот сам «ящик» — уже нет… Раз ж вы ступили на долгую и извилистую дорогу[33] фальсификации, то где остановитесь? Ответ — в мире грез народной памяти и фантазий».

Однако Национальный фонд все это не смущает. «Вообразите, как входите на кухню через черный ход, где тетя Леннона, Мими, готовила ему ужин» — гласит сквозящее благоговением описание «Мендипс». Дом преподносят как религиозную святыню, место паломничества. «Следуйте за нашим восхитительным

экскурсоводом по закоулкам памяти… Спальня Джона — очень атмосферное место, где можно побыть наедине со своими мыслями об этом невероятном человеке…»

Паломников в «Мендипс» ожидают правила и ограничения строже, чем в Сикстинской капелле. «Фотосъемка или запись аудиотура строго запрещены. При входе в дом вас попросят сдать все сумки, камеры и звукозаписывающую аппаратуру».

И уж конечно, пройдет совсем немного времени, прежде чем какой-нибудь пилигрим узрит в «Мендипс» некое чудо: слепой обретет зрение, калека встанет и пойдет или какой-нибудь маленькой девочке будет явление матери Джона, Джулии, — и тогда еще больше паломников повалит на Менлав-авеню, образуя стройные очереди в ожидании увидеть то самое место, где Джулия преставилась.

Пока пассажиры нашего микроавтобуса потихоньку выгружались из салона, позади нас еще больше людей вывалило из автобуса «Волшебного таинственного путешествия», а позади него из такси выбралось четыре немца. У калитки дома номер 20 по Фортлин-роуд кипела толпа гостей со всего мира: в футболках с символикой «Битлз», они позировали для селфи. Металлический знак у дома гласит: «Фамильный дом, гордость семейства Маккартни — Джима, Мэри, Пола и Майка. Доступен благодаря Национальному фонду».

Я потихоньку продвигался к голове очереди. Заранее (сильно заранее) забронированный официальный тур по обоим домам битлов обошелся мне в 31 фунт (включая путеводители), и я теперь боялся, как бы приехавшие с неофициальным туром не протиснулись мимо экскурсовода и, работая локтями, не заняли мое место в доме Пола. К счастью, водитель Джо стоял неподалеку и присматривал за избранными. Наша маленькая группа с важным видом прошествовала в садик перед домом номер 20 по Фортлин-роуд, и за нами, к нашему удовлетворению, заперли калитку, отгородив всех остальных.

Наш экскурсовод от Национального фонда представилась Сильвией. За год она проводит по дому, где прошло детство Пола, 12000 человек: по двадцать человек за раз, четыре раза на дню. Манера ее речи наводит на мысли о Гиацинте Бакет[34]. Из садика она радушно приглашает нас пройти в дом номер 20 по Фортлин-роуд. Тут, говорит она, Пол прожил восемь лет; «очень важные восемь лет для его музыки. Одним из первых гостей Пола был Джордж Харрисон. Он приносил с собой гитару».

В толпе зашептались. Похоже, начинала формироваться обещанная Стивеном Бейли мистическая связь.

— А потом начал захаживать и Джон Леннон: он на

велосипеде срезáл через поле для гольфа, и дорога занимала у него менее десяти минут. А в комнате позади вас, — она указала рукой, — Джон с Полом и устраивались, когда писали песни. К тому времени, когда Пол отсюда съехал, был конец шестьдесят третьего года, то есть битлы уже попали в чарты, их показывали по телевизору. Пол, однако, по-прежнему возвращался сюда до самого конца шестьдесят третьего года, ночевал в своей спальне наверху. Из битлов он последним перебрался в Лондон. И поэтому, когда семья Маккартни… извините, вы там что, записываете?

Я замер. Я и правда скрытно записывал речь Сильвии на мобильник, но оказалось, что обращается она к одному из австралийцев, что стоял возле нее. Тот принялся уверять ее, мол, нет, ничего он не записывает.

— Правда? — с подозрением отозвалась Сильвия. — Прошу прощения, просто мне это не нравится, — пробормотала она, не сразу возвращаясь в прежнее русло. — Э-э… когда… э-э… семья Маккартни… В общем, э-э… Когда Маккартни сюда переехали, э-э, это были муниципальные дома, то есть Маккартни домом не владели и, как и все здешние жители, платили муниципалитету аренду.

Незаметно для Сильви я продолжал записывать — держал мобильник как можно небрежнее, чтобы не привлекать внимания. Это щекотало нервишки, будто я воровал товары в магазине под самым носом у охранника.

— За прошедшие годы, как вы понимаете, окрестные дома выкупили у муниципалитета, новые владельцы сменили двери и окна. Когда Национальный фонд приобрел этот дом двадцать два года назад, тут были новые фасадные окна, но члены фонда заметили, что в доме напротив сохранились старые рамы, и заключили сделку с соседями: они получили новые окна, а мы вернули сюда старые. Теперь он выглядит в точности так, как в то время, когда здесь жила семья Пола.

Мы все послушно уставились на фасадные окна, дивясь тому, что они выглядят именно так, как и должны были выглядеть, пока не стали выглядеть иначе. Я же тем временем продолжал записывать, а тревожное предчувствие разоблачения все нарастало.

— Так, ладушки, если кто-то хочет сфотографироваться у переднего фасада дома, просто дайте мне свой мобильный или фотоаппарат. Встаньте у края окна, чтобы я могла взять вас в кадр, теснее. — Группы гостей встали, улыбаясь от уха до уха, у старой парадной двери Пола, ну или двери, поставленной на ее место, чтобы напоминала подлинную дверь, которой,

естественно, не была. — Это все? Все в кадре?

Сильвия предупредила, что в доме и в садике на заднем дворе снимки делать запрещено:

— На то есть особая причина. В доме повсюду висят авторские фотографии, сделанные Майком, младшим братом Пола. Мы очень рады были их заполучить. Они вам понравятся. Но если их начнут фотографировать, Майк их заберет.

Мы переместились в садик на заднем дворе. На обложке буклета Национального фонда перечисляются «5 вещей в доме номер 20 на Фортлин-роуд, достойных внимания». Первая описывается как «Водосточная труба на заднем фасаде. После смерти матери Пола его отец требовал, чтобы оба его сына возвращались домой к ужину, потому что вечером он запирал двери на замок и в дом их не пускал. Опаздывали братья неизбежно, поэтому всякий раз бежали на задний дворик, взбирались по водосточной трубе и влезали в окошко ванной, которое на такой случай держали приоткрытым». Пока мы глазели на трубу — или, точнее, на копию трубы, — Сильвия пересказала эту забавную байку практически слово в слово.

— Итак, прежде чем пройти в дом, сдайте мне свои сумки и фотоаппараты, а если у вас есть мобильный телефон, то выключите его и тоже отдайте мне. Телефонов у вас в карманах быть не должно.

С этими словами Сильвия завела нас в дом. Гости выстроились в очередь, сдавая ей телефоны и камеры, словно на границе какой-нибудь особенно нервной страны. Гаджеты Сильвия закрыла в шкафу под лестницей. Я же ослушался правил и спрятал телефон в карман, о чем немедленно пожалел. Во время всей экскурсии я с ужасом ждал, что кто-нибудь мне позвонит: рингтон сработает как тревожная сирена, по сигналу которой меня раскроют и пристыдят.

Мы втиснулись в гостиную, обклеенную тремя разными видами обоев — «Маккартни купили остатки рулонов», — ни одни из которых не были подлинными.Не были подлинными ни коричневое кресло, ни массивный телевизор из 1950-х, ни журнальный столик, как не были подлинными и ковры.

— Эту комнату Маккартни называли залой. Национальный фонд воссоздал ее, опираясь на старые фотографии и семейные воспоминания, — сказала Сильвия. На вопрос, подлинное ли пианино, она ответила: нет. — Пол все еще владеет отцовским домом и останавливается в нем во время визитов в Ливерпуль. Там-то и стоит подлинное пианино. Джим, бывало, играл на нем «The Entertainer»[35]. Ну, знаете? Скотт Джоплин. Если вспомнить Скотта Джоплина и песню Пола «When I'm Sixty-Four»[36], то

влияние сразу становится заметным… Папа Джим был хорошим музыкантом-самоучкой. Пол пошел по стопам отца. После нескольких уроков он сказал: «Буду как папа. Сам всему научусь». Тут он сочинил «World Without Love»[37] и самое начало «Michelle»[38] писал тоже тут, и «Love Me Do»… Они сидели здесь, когда писали ее. Пол сидел вот здесь и писал «I'll Follow the Sun»[39]. — Она указала на фото Джона с Полом на стене. — Песня, которую они дописывают на этом снимке, — это «I Saw Her Standing There»…[40] Еще одна песня, которую они тогда довели до ума, была «Please Please Me»[41].

То и дело Сильвия пыталась выставить это как нечто личное, начиная предложения словами: «Пол мне рассказывал…», например: «Пол мне рассказывал:«Мы пережили несколько печальных лет, но большую часть времени мы были счастливы»». Или: «Вот здесь была столовая. Пол мне рассказывал: «После смерти мамы мы тут больше не ели»». Она добавила: «Пол мне рассказывал: «Многие сочли, что песня «Let It Be»[42] — про Деву Марию, но она о моей матери, которая всегда говорила: «Будь что будет»». Таких историй я за долгие годы начитался[43], но Сильвии, видимо, доставляло удовольствие сообщать о том, что она слышала их лично от Пола; как будто мы и сами потом еще много лет будет кайфовать, сообщая всем, что слышали это от человека, который слышал это от Пола напрямую.

Мы гуськом прошли в кухню.

— Напольную плитку не меняли. На этом кафеле постояли все битлы… разве что Ринго всего дважды, ведь он появился последним.

Мы воззрились на священную плитку у нас под ногами.

— Подлинная мойка обнаружилась в саду, где ее использовали как садовый горшок, и фонд вернул ее на изначальное место.

Мы с благоговением взглянули на кухонную мойку, вообразив, как юный Пол в поте лица намывает тарелки.

Подлинного в кухне только плитка да мойка, все остальное — приличные копии, найденные экспертами фонда: пакет мыльных хлопьев «Люкс», маргарин «Сторк», чайная жестянка и жестянка из-под печенья, радиоприемник, сушилка для белья. Фотографии всех этих предметов — бытовые эквиваленты групп-двойников — можно приобрести на сайте Национального фонда: фотоснимки проигрывателя 1950-х, пылесоса, хлебницы, щипцов для стирки, сковородки, чайника, бельевых прищепок, скалки. Все это рачительно каталогизировано, словно экспонаты из лондонского Тауэра. Фотография деревянной ложки (дата: 1960–1962 гг., 260 мм; материал: дерево) подписана как:

«Исторический предмет из категории «приготовление пищи и напитков»; краткое описание: деревянная ложка в миске на буфете».

Также можно приобрести фото чайного ситечка, коврика у входа, сковороды, вешалки для одежды или «ведра эмалированного с черной кромкой и ручкой с деревянной ухваткой; дата неизвестна».

И конечно, гордость коллекции — «ведро мусорное, металлическое, дата: 1940–1960 гг.; краткое описание: металлическое мусорное ведро с отдельной крышкой (плюс запасная крышка в угольном сарае)». Вообразите себя старым помятым мусорным ведром годов так 1940–1960-х: с какой гордостью вы стали бы ключевым экспонатом Национального фонда, чтобы ежегодно вами восхищались 12000 гостей просто за то, что вы в точности похожи на ведро, в которое семья Маккартни когда-то выбрасывала мусор!

Пока мы все еще толпились внизу, я, вконец перепугавшись, что мне позвонят, незаметно отключил-таки телефон и стал делать пометки вручную.

— Линолеум на полу точь-точь как тот самый, — сказала Сильвия, — нам удалось его раздобыть, а шкаф, куда я убрала ваши сумки, ну, именно туда Пол, наверное, вешал свою куртку, а порой и кожаные брюки. Простите, вы записываете? Зачем вы записываете?

Я испуганно сообразил, что Сильвия обращается ко мне.

— Для кого это?

— Для себя, — ответил я.

— Я просто хотела убедиться, что вы не журналист.

— Так я журналист. Пишу книгу.

— Мне не нравится, что вы делаете пометки.

— Почему?

— Потому, что многое из того, что я вам рассказываю, было рассказано мне Майком, а это личные сведения.

— Какие же они личные? Вы сами говорили, что пересказываете их двенадцати тысячам человек ежегодно.

— Простите, но вы меня смущаете. Как, говорите, вас зовут?

Так мы стояли и препирались посреди гостиной Маккартни, очень жарким августовским днем. В конце концов мы пришли к некоему соглашению: я не буду записывать то, что Сильвия сочтет строго конфиденциальным. Однако она то и дело бросала на меня подозрительные взгляды. Я чувствовал, что попутчики сторонятся меня, будто я испортил воздух.

Наконец нас допустили наверх. Сильвия провела нас в спальню Пола. На его кровати лежала акустическая гитара,

настроенная под левшу. Само собой, гитара была не подлинная. Еще на кровати были пластинки, альбом для зарисовок и экземпляр «Нью мюзикл экспресс»[44].

— Мы собрали всевозможные вещицы, которые были у него в комнате. Например, книги о птицах — Пол был заядлым орнитологом-любителем. А вот еще, но это строго конфиденциально, — добавила она, пронзив меня взглядом, как ножом. — Пол рассказывал мне, что ему нравилось смотреть на поля, они тогда принадлежали полицейскому колледжу. Ему нравилось наблюдать за полицейскими лошадьми на заднем поле.

И лишь позднее, листая цветной путеводитель Национального фонд по дому номер 20 на Фортлин-роуд, я случайно наткнулся на этот пассаж в предисловии от Пола: «Из нашего дома был виден полицейский колледж, и с крыши сарая мы бесплатно смотрели ежегодный парад полиции».

5

6 июля 1957 года школьный друг Пола, Айвен Вон, предложил ему сходить на ярмарку прихода Вултон; там должны были выступать два его приятеля в скиффл-группе.

Пол и Айвен смотрели, как праздничная процессия покидает церковь: духовой оркестр, за ним девочки и мальчики-скауты, праздничные платформы, а во главе шествия — Королева роз и ее служительницы. Замыкал колонну грузовик, в кузове которого играла молодежная скиффл-группа под названием *The Quarrymen,* — организаторы пошли на уступку современности.

Сделав круг, *The Quarrymen* спрыгнули с машины и расположились в поле, сразу за кладбищем. Айвен и Пол заплатили три пенса за билет на их концерт. Первая песня, которую они услышали в исполнении Джона, была «Come Go With Me» группы *The Del-Vikings*[45]. Пол смотрел, восхищенный не столько аккордами Джона, сколько его способностью на ходу выдумывать слова, — уже тогда Джон не опускался до заучивания текстов. Точно таким же манером, импровизируя, Джон исполнил «Maggie May»[46], «Putting on the Style»[47] и «Be-Bop-a-Lula»[48].

Между сетами Джон удалился в палатку скаутов, где со спокойной душой можно было оставить гитару. Толпа тем временем любовалась трюками собак ливерпульской городской полиции, а малышня выстроилась в очередь за шариками.

Пол с Айвеном тоже прошли в палатку. Пол Джона знал, потому что видел его в автобусе, но ни разу с ним не заговаривал: Полу тогда едва исполнилось пятнадцать, а Джону было почти семнадцать, и уже тогда он умел внушать страх. «Пялиться на него не хотелось — как бы не врезал». Вот Пол и держался застенчиво в сторонке. Группа тем временем переместилась в церковный зал для собраний, где им позднее предстояло играть следующий сет. Спустя какое-то время Пол набрался смелости и попросил у Джона поиграть на его гитаре.

Получив инструмент в руки, он осмелел еще больше: сперва попросил перенастроить гитару, а потом взялся играть на ней разные мелодии, среди которых были «Twenty Flight Rock»[49], «Be-Bop-a-Lula». «Это было поразительно, — припоминал потом один из участников *The Quarrymen*. — Он держался так уверенно, что устроил просто представление. Да еще так естественно».

Набравшись еще уверенности, Пол уселся за пианино и исполнил попурри из песен Литтл Ричарда[50]. Джон тоже был помешан на Литтл Ричарде: впервые услышав его «Long Tall Sally»[51], «потерял дар речи, так это было великолепно». И вот

спустя год перед ним какой-то парень пел точно как его кумир.

«Уууу-УУУУУУУУУУУ!»

«Я отметил про себя: «А он хорош, как я», — говорил Джон, вспоминая тот необычайный момент. — И потом подумал: так, а что, если взять его в группу? Его, конечно, пришлось бы держать в узде, но он был хорош, и взять его стоило. А еще он смахивал на Элвиса».

Другой член группы вспоминал, что они присматривались друг к другу, «словно коты». Через некоторое время Пол с Айвеном отправились домой, а *The Quarrymen* остались доигрывать концерт.

Позднее Джон спросил лучшего друга Пита Шоттона, игравшего на стиральной доске, как ему Пол. Пит ответил, что Пол ему по душе.

— Что скажешь, возьмем его в группу?

— Я — только за.

Две недели спустя, катаясь на велосипеде, Пол заметил на дороге Пита Шоттона. Остановился поболтать.

— Кстати, — заметил Пит, — мы тут с Джоном поговорили и… подумали: а не хочешь ли ты к нам в группу?

Если верить Питу, Пол целую минуту делал вид, будто тщательно обдумывает предложение.

— А, ну ладно, — наконец ответил он, пожав плечами, и поехал домой.

О той первой встрече Пола с Джоном все рассказывают по-своему. Вы не услышите двух одинаковых версий. Одни говорят, что эти двое встретились в палатке, другие — что в церковном зале для собраний. Некоторые убеждены, что при этом присутствовала тетя Мими, другие столь же уверены, что ее там не было. Из тех, кто верит, что она там была, одни говорят, что концерт ей понравился, другие — что она всю программу неодобрительно цокала языком. В 1967-м Пит Шоттон рассказывал первому биографу «Битлз» Хантеру Дэвису, что не припомнит, чтобы Пол произвел хоть на кого-то особое впечатление: «Он казался очень тихим». Зато шестнадцать лет спустя, когда он засел за автобиографию, его воспоминания изменились: «Джона сразу же впечатлило увиденное и услышанное».

6

Тем временем в нашем микроавтобусе Национального фонда мы ехали в «Мендипс», где Джон Леннон жил с тетей Мими. Смотрителя «Мендипс» зовут Колин, и он, как выяснилось, женат на Сильвии. Прежде он преподавал английский язык и историю, потом вышел на пенсию и перебрался в Дербишир. Но в 2003 году откликнулся на объявление о вакансии экскурсовода в «Мендипс», так с тех пор там и работает.

По дороге между двумя домами я все боялся, что Сильвия позвонила Колину и предупредила обо мне, мол, доставлю ему неприятности. Но Колин, встречая нас у ворот садика на переднем дворе «Мендипс», был невозмутим. «Вас также приветствует Йоко Оно Леннон. Именно она в 2002 году купила этот дом и сразу же пожертвовала его Национальному фонду… Надеюсь, вы с удовольствием приобщитесь к годам, что сформировали Джона».

Он указал на табличку на переднем фасаде:

ДЖОН

ЛЕННОН
1940–1980
Музыкант и поэт-песенник
жил здесь
1945–1963
© The National Trust Photolibrary/ Alamy/DIOMEDIA

— Вы наверняка заметили, что у дома Пола нет синей таблички. Чтобы ее заработать, нужно быть двадцать лет как мертвым. Ну, теперь вспомните дом Пола. Вот этот дом построили в тридцать третьем, а дом Пола — только двадцать лет спустя. Его сдавали внаем, им не владели, это был, что называется, муниципальный жилой фонд. Он предназначался для рабочего класса. Дом Джона располагался в одном из самых престижных районов. Тут жили юристы, врачи, банкиры. Так что он был битлом из среднего класса. Наши исследования показали, что первым владельцем этого дома был мистер Гаррап, банкир, и мы полагаем, что именно его семья назвала этот дом «Мендипс». Эти окна подлинные, их никогда не выпускали с двойными рамами. В тридцать восьмом дом купили Джордж и Мэри Смит, а в сорок пятом к ним перебрался и стал тут жить племянник Мэри, Джон. Его растили как единственного ребенка в семье. Мэри Смит — больше известная как тетя Мими — славилась своим испепеляющим взглядом, — продолжал Колин, — который она метала в людей из муниципальных домов. Она называла их «простонародьем» — за то, что они жили в съемных домах. Совсем как моя мама. Это потому, что тетя Мими была снобкой. И моя мама тоже! Обе были те еще СНОБКИ!

Нотка гнева, с которой он произносил «снобка», меня ошеломила. Обычно от экскурсоводов Национального фонда, которые шествуют по старинным английским поместьям как по своим собственным, такого не услышишь. Сами они, чванливые и напыщенные, отвечают всем требованиям снобизма. Многие из них сочли бы тетю Мими в некотором роде образцом поведения.

Колин сообщил, что тетя Мими не любила, когда прихожую пачкают, поэтому гостей она направляла к черному ходу. Кажется, есть такое старое ливерпульское присловье: «Зайди сзади, побереги ковер».

— Пол мне рассказывал: «Я пришел с гитарой за спиной, забыв, что Джон меня предупреждал: «Пол, только не подходи к парадной двери»». Вот и вам придется проследовать к черному ходу…

С этими словами Колин провел нас в большой сад за домом. На ходу я случайно обернулся. Перегнувшись через калитку

парадного хода, на меня с улыбкой смотрели битлы в щегольских серых костюмах года так 1964-го.

© *Craig Brown*

Я присмотрелся повнимательней: это были не «Битлз», а их двойники, одна из групп-трибьютов, приехавших в Ливерпуль на международный фестиваль «Неделя битлов».

Через черный ход Колин провел нас в кухню, которую в 1960-х Мими обновила сама: установила новую столешницу из желтого огнеупорного пластика и двойную мойку. Потом то, что подновила она, подновили уже следующие владельцы дома, но Национальный фонд, решительно настроенный повернуть время вспять, прочесал всю страну в поисках именно той кухонной утвари, которой могла бы пользоваться тетя Мими: огромные банки маринованного лука, жестянки кулинарного разрыхлителя и сгущенного молока, хлебница с надписью «ХЛЕБ», деревянная разделочная доска, чай «Пи-Джи типс», стиральный порошок «Ринзо», хозяйственное мыло «Олив грин» и…

— Вы что, записываете?

Я поднял взгляд на Колина. Тот прервал свой монолог и указывал на меня пальцем:

— Заметки делаете? Многое из того, что я вам рассказываю, — конфиденциальная информация.

Меня снова постигло чувство, будто меня спалили на магазинной краже, и я принял это в штыки. Мол, какая же это конфиденциальная информация, если ее ежегодно раскрывают

двенадцати тысячам гостей? Колин сказал, что уже написал одну книгу про «Битлз» и теперь собирает материал для второй. Явно хотел приберечь кое-что из этих сведений для себя. Впрочем, до сих пор он не сказал ничего такого, чего бы я еще не знал.

— Что ж, — примирительно произнес я, — дайте знать, когда будете говорить то, чего мне упоминать не следует, и я это записывать не стану.

— Ладно, — согласился Колин. — Не записывайте ничего из того, что я стану говорить дальше.

По-моему, это было нечестно. В конце-то концов, я заплатил 31 фунт (включая путеводители) за экскурсии по домам Пола и Джона, и меня никто не предупредил, что заметки делать нельзя. В прошлом я делал заметки на экскурсиях по замку Виндзор, в загородных аристократических усадьбах Кливден и Петуорт-хаус, и всюду экскурсоводы смотрели на меня благосклонно.

Я рассвирепел. Набившиеся в тесную кухню гости смущенно потупили взгляд.

Что за глупости, прогрохотал я, это же чистый абсурд: этот дом — публичное место, это тур Национального фонда, я заплатил за него, а ведь ни на один другой дом во владении Национального фонда подобные ограничения не распространяются, и прочая, прочая… Колин ответил, мол, а вы за разрешением в головной офис обращались? Если нет, то почему? А то, что он тут рассказывает, — это конфиденциальная информация и т. д. и т. п. Спор превратился в мучительный замкнутый круг, и гости начали выскальзывать в соседнюю комнату. Колин то и дело прерывался, загоняя нарушителей назад.

— Оставайтесь тут, пока я не скажу идти дальше! — резко говорил он.

В конце концов ему все-таки пришлось повести нас дальше. Я с видом диверсанта переместился в хвост группы и с вызовом продолжил делать заметки. Однако так распалился, что выходили у меня одни кракозябры. Колин же тем временем стал предварять даже самые банальные замечания фразами типа «это строго между нами» или «сугубо между нами».

Он поведал нам, что тетя Мими сдавала комнаты (тоже мне новость!), поскольку ей нужен был дополнительный доход, чтобы помочь Джону учиться в художественном колледже. «Какая ирония: она называла других простонародьем, а сама сдавала комнаты внаем», — гаденько добавил Колин и снова назвал Мими снобкой. Бедная тетя Мими! Что бы она подумала тогда, в 1959-м, узнай она, что спустя шестьдесят лет 12000 человек ежегодно, за 25 фунтов с носа (не считая путеводителей) будут топтаться у нее

на кухне и слушать, как ее называют снобкой?

Я испытал облегчение, когда Колин внезапно объявил, что нам можно без сопровождения подняться на второй этаж. Избавившись наконец от его пристального наблюдения, я заглянул в туалет наверху. Интересно, стульчак — тот самый, на котором сиживал Джон, или все-таки подделка? Я прошел в спальню. Над изголовьем, приколотые к стене, висели обложки трех журналов, и на каждой красовалась Брижит Бардо в соблазнительной позе.

Примерно в то же время, когда «Мендипс» открылся для публики, по телевизору показали документальный фильм об участии в проекте Йоко. Она выступала в роли руководителя, указывала, как все точно должно быть. Она настойчиво добивалась своего. Придралась даже к цвету покрывала на кровати Джона: «Оно совершенно точно не было розовым. Знаете, Джон говорил мне, что оно было зеленое».

Редко когда мне доводилось слышать нечто столь же неправдоподобное. Однако, стремясь умаслить Йоко, сотрудники Национального фонда всячески убеждали ее, что да, конечно же, они проследят за тем, чтобы кровать застелили покрывалом нужного цвета. И я был счастлив, увидев, что покрывало по-прежнему розовое — розовее не бывает. Отчаянно захотелось указать на это Колину, мол, глянь, я тоже в теме, но я боялся, как бы он не сдал меня полиции. Вместо этого я присмотрелся к письму от Йоко, стоявшему в рамке на кровати. В нем говорилось, что Джон «постоянно вспоминал Ливерпуль» и всякий раз, приезжая с ней в город, он ехал по Менлав-авеню, указывал на дом и говорил: «Йоко, смотри, смотри, вон он!»

Дальше заявлялось, что вся музыка Джона и его «послание мира… произрастали из того, о чем Джон мечтал в своей крохотной спальне в «Мендипсе»». Она описывала молодого Джона как «тихого, впечатлительного интроверта, вечного мечтателя, который претворил свои невероятные мечты в жизнь — для себя и для всего мира».

В конце письма Йоко признавалась, что, входя в эту спальню, до сих пор ощущает «мурашки по коже», и высказывала надежду, что и гостю Национального фонда «это поможет осуществить свою мечту».

Ежегодно все больше поп-звезд переходят из бунтарей в культурное наследие. В Блумсбери я живу в доме, носящем табличку с надписью:

РОБЕРТ НЕСТА

МАРЛИ
1945–1981
ПЕВЕЦ, ПОЭТ-ПЕСЕННИК
ИКОНА РАСТАФАРИ
ЖИЛ ЗДЕСЬ
В 1972 г.

По всему Лондону развешаны подобные таблички, посвященные среди многих прочих Джими Хендриксу, Томми Стилу[52], *Dire Straits,Pink Floyd,The Small Faces*, Дону Ардену, *Spandau Ballet* и *Bee Gees*.

Оказывается, Боб Дилан — большой любитель посещать места, связанные с рок-звездами. В 2009 году он побывал в «Мендипс» и, по слухам, говорил потом: «Кухня — прямо как у моей мамы». Дэвид Кинни, автор книги «Диланологи», отмечает, что Дилан также посетил дом, где вырос Нил Янг[53] в Виннипеге, а также студию звукозаписи «Сан рекордз» в Мемфисе и там даже встал на колени, чтобы поцеловать место, на котором Элвис впервые исполнил «That's All Right»[54]. Когда Дилан покидал студию, вслед за ним выбежал кто-то и признался в большой любви, на что Дилан ответил: «Что ж, сынок, у нас у всех свои герои».

Да и в родном городе Дилана Гиббинге, штат Миннесота, можно сходить на экскурсию в старую синагогу, которую посещала семья Диланов, в его старую школу, в его старый дом и в гостиницу, где проходила его бар-мицва[55]. Меню тематического бара «У Цимми», посвященного Дилану, включает гамбургер «Проливной дождь», пиццу «Медленный поезд» и сирлойн «Простой поворот судьбы»[56].

7

Джона и Пола связывало нечто более глубокое, чем просто музыка. Оба еще подростками остались без матерей: мать Пола умерла, когда ему было четырнадцать, мать Джона — когда ему было семнадцать.

Когда Пол встретил Джона, его мать уже умерла, а мать Джона, Джулия, еще была жива. «Его мама жила совсем недалеко от меня. Моя-то мама умерла, и это одно дело, но, когда ты подросток и твоя мама жива, а вы с ней живете порознь, это очень печально. Просто ужасно. Помню, Джону это совсем не нравилось».

Пол вспоминал, что жизнь Джона без Джулии имела «оттенок грусти». «Она была рыжеволосой красавицей. Любила смех и музыку; научила Джона аккордам на банджо, а в те дни всякая женщина, игравшая на банджо, считалась особенной, артистической личностью… Мы с Джоном оба были влюблены в его маму. Ее смерть выбила его из колеи».

Это их объединило. Парни как бы сговорились вывернуть свое горе наизнанку, превратить его в оружие. «Если кто-нибудь спрашивал: «А мама твоя придет?» — мы грустным голосом отвечали: «Она умерла». Нарочно смущали людей, заставляли их тушеваться. А сами понимающе переглядывались».

Связывало их и еще кое-что особенное. В 1977-м Пол рассказал своему другу и биографу Барри Майлзу: «Как-то ночью она, в одном нижнем белье, прошла мимо нашей спальни. Больше такого не случалось, но тогда я сексуально возбудился. В смысле, дальше этого не пошло, но я этим очень гордился и думал: «Как здорово!» Не у каждого мама способна возбудить».

Джон как-то днем заглянул к матери в спальню. Джулия, в черном свитере ангорской шерсти, поверх облегающей блузки в темно-зеленую и желтую крапинку, крепко спала. Джон запомнил это в точности. Он лег рядом с Джулией на кровать и случайно коснулся ее груди. Этот момент он потом проигрывал в памяти до конца жизни: «Я думал: стоит ли останавливаться? Момент был странный, потому что в то время я, как тогда говорили, ухлестывал за девчонкой классом пониже, которая жила через дорогу. Я по-прежнему думаю, что не надо было останавливаться. Она наверняка позволила бы».

Приятелям Джона Джулия запомнилась как жизнерадостная и кокетливая. Во время первой встречи с ней Пит Шоттон «услышал звонкий девичий хохот, и в дверь вбежала, пританцовывая, привлекательная женщина с головой, обмотанной старыми

шерстяными панталонами». Джон представил его. «О, это Пит, да? Джон мне столько про тебя рассказывал». Пит протянул ей руку, но Джулия не пожала ее. «Она с хихиканьем погладила меня по ляжкам, приговаривая: «О-о, какие у тебя ладные, стройные бедра!»».

Спустя двадцать четыре года, в 1979-м, сидя у себя в квартире в «Дакоте», Джон записывал кассету. В начале он объявил: «Запись первая в текущей истории жизни Джона Уинстона Оно Леннона». Перебрав несколько разнообразных тем — дом его деда и бабки на Ньюкасл-роуд, недавний «христианский» альбом Боба Дилана «Long Train Coming» («жалкий… просто стыд»), как ему понравились волынки на эдинбургском параде военных оркестров, проходившем в его детстве, — он вернулся, в который раз, к воспоминанию о том, как лежал рядом с матерью на кровати и касался ее груди.

Песня «Julia» в «Белом альбоме»[57] звучит даже не как элегия, но как любовная песня, полная страсти к тому, кем не овладеешь:

> Julia, sleeping sand, silent cloud, touch me
> So I sing a song of love — Julia[58].

8

Сорокаоднолетний Бобби Дайкинс, скользкий хахаль Джулии — «официантишка с нервным кашлем и редеющими намаргариненными волосами», как описывал его Джон, — лишился водительских прав и работы. Посреди ночи он пьяным ехал по Менлав-авеню; полицейский заметил вихляющую машину и попытался ее остановить. Дайкинс не подчинился, свернул влево там, где нужно было повернуть вправо, и въехал на островок безопасности. Когда его попросили выйти из машины, он упал на землю и без помощи подняться уже не смог. Полицейский объявил ему, что он арестован, и взял его ответ на заметку: «Болван сраный, ты меня не арестуешь, я же из прессы!»

Дайкинса ночь продержали в камере, утром отвели в суд и выпустили под залог. Спустя две недели, 1 июля 1958 года, его на год лишили прав и оштрафовали на 25 фунтов — его жалованье примерно за три недели, — плюс судебные издержки.

Дайкинс решил, что надо урезать семейный бюджет, и осуществил это за счет семнадцатилетнего Джона. Сказал, что больше его прожорливый аппетит им не по карману и Джону, который часто ночевал у тетки, придется теперь переселиться к сестре Джулии, Мими, насовсем. Во вторник, 15 июля, Джулия зашла на Менлав-авеню к Мими сообщить о таком повороте событий.

Уладив все дела с Мими, Джулия в 9:45 вечера отправилась домой. Бывало, что она срезала дорогу через поле для гольфа, но в тот раз решила поехать на автобусе номер 4, до которого оставалась пара минут. Остановка располагалась на противоположной стороне дороги, в сотне ярдов от дома сестры.

Когда Джулия уходила, заглянул друг Джона, Найджел Уолли, но Мими сказала, что Джона нет дома.

— Ой, Найджел, как ты вовремя! Проводи меня до остановки, — сказала Джулия.

Найджел довел ее до Вейл-роуд, где они распрощались, и он ушел. Когда Джулия переходила Менлав-авеню, он услышал «визг шин, потом удар, обернулся и увидел подброшенное в воздух тело». Он бросился к ней. «Кровавого месива не было, но наверняка были страшные внутренние повреждения. По-моему, она погибла на месте. До сих пор помню, как ветер трепал ее рыжие пряди и они падали на лицо».

Смерть матери сокрушила Джона. «Я знаю, как жутко это повлияло на Джона, — спустя десятилетия рассказывал Найджел. — Ему было очень одиноко. Он совершенно

переменился. Стал жестче и шутил страннее». Джон не разговаривал с ним несколько месяцев. «Он невольно винил в ее смерти меня. Ну, знаете, «если бы Найджел не отвел ее на остановку или побыл бы с ней еще минут пять, ничего не случилось бы»».

9

На дворе июнь 1957-го. Пол — способный ученик школы-гимназии[59], и ему советуют сдать два предмета из экзаменов обычного уровня — испанский и латынь — на год раньше срока.

Джим не раз пеняет сыну, что невозможно делать домашние задания, сидя перед телевизором. Пол на это отвечает, мол, разницы никакой. В его пользу говорят хорошие школьные оценки. Однако мыслями он в другом: ему только и нужно, что слушать пластинки вместе с приятелем, Иэном Джеймсом. Вместе они курсируют по музыкальным магазинам. Иногда играют на гитарах. Экзамены отходят на второй план.

В конце августа приходят результаты экзаменов Пола.

(а)

Он сдал испанский, но завалил латынь. А значит, не сможет перейти в следующий класс, как планировал. Вместо этого останется на второй год. Джим расстроен. Он думает, что Пол намеренно провалил экзамен, чтобы не поступать в университет. Пол тоже расстроен. В сентябре он снова идет в школу, и ему противно сидеть в классе с теми, кто младше его.

Он теперь в одном классе с мальчишкой, с которым вместе курил в автобусе. Когда Пол учился в классе старше, то толком не разговаривал с ним, зато теперь эти двое сближаются. Мальчишку зовут Джордж Харрисон.

Глядя на зарождающуюся дружбу с высоты следующего класса, друг Пола Иэн Джеймс недоумевает. Для него эти двое — совершенно разные личности. «Джордж всегда был угрюмым и замкнутым, а Пол — беспечным. Он при желании мог бы стать комиком, у него же талант рассказчика. Джордж был совсем не таким. Странно, что они вообще подружились».

Пол впечатлен тем, как Джордж играет на гитаре, и знакомит его с Джоном Ленноном, которому уже семнадцать, и в школе он не учится. Джон не хочет общаться с четырнадцатилетним пацаном. Его раздражает то, как Малыш Джордж — как его называют — всюду таскается за ним, «будто чертов малец, от которого никуда не денешься».

Но вот однажды, когда они едут с Джоном в одном двухэтажнике, Пол ухватывается за шанс протащить

Джорджа в их новую группу. На втором этаже автобуса он велит Джорджу сыграть «Raunchy»[60]: «Давай, Джордж, покажи ему!» Малыш Джордж, как его называют, расчехляет гитару и начинает играть. Джон впечатлен: «Он принят, ты принят, точка!» Прослушивание окончено.

(б)

Пол сдал и испанский, и латынь, переходит в следующий класс, на шестую ступень средней школы, вместе со своим лучшим другом Иэном Джеймсом. Время от времени в школьных коридорах он натыкается на Джорджа Харрисона, но Малыш Джордж в младшем классе, да и потом, у них же так мало общего. Пол и Джордж иногда сталкиваются в автобусе, однако у Пола совершенно нет причин знакомить его с Джоном Ленноном, вот он их и не знакомит.

10

Двадцать первого мая 1956 года Лео Валентен, француз по прозвищу Человек-птица, слывущий «самым отважным человеком в мире», сидел на корточках в самолете, поднявшись в небо над ливерпульским аэропортом Спик. Автор книги «Je suis un homme-oiseau»[61] готовился выпрыгнуть из салона, нацепив крылья из древесины бальсы и алюминиевого сплава. После этого последнего прыжка он планировал выйти на заслуженный отдых, а 200 фунтов, обещанных ему организаторами Ливерпульского воздушного шоу, помогли бы ему осуществить мечту — купить провинциальный кинотеатр у себя дома, во Франции.

«Когда человек бросается в пустоту… — писал он. — Это безумный поступок. Хочется отвернуться, но ты заворожен видом того, кто насмехается над смертью».

По некоторым подсчетам, на летном поле собралось 100000 зрителей; тринадцатилетний Джордж Харрисон и Пол Маккартни, которому вот-вот исполнится четырнадцать, приехали туда вместе, на велосипедах.

На глазах у мальчишек Валентен выпрыгнул из заднего люка самолета, но одно из крыльев зацепило фюзеляж и сломалось. «Мы смотрели, как он падает, и выдохнули в голос: «Ой-ой, что-то тут не так…»», — вспоминал потом Пол.

Валентена крутило и вертело, он не мог выровняться. Основной парашют не раскрылся, а запасной облепил его саваном. Так толпе было даже легче разглядеть стремительно падающую с неба фигуру.

«Мы-то думали, что парашют в любую секунду раскроется, но он так и не раскрылся. Мы охнули: «Не выживет!» Он и не выжил». По словам одного из очевидцев, Валентен рухнул на поле пшеницы, «раскинув руки, точно птица».

В 1964-м Джон Леннон предупредил пресс-атташе «Битлз» Дерека Тейлора, чтобы тот не ел сэндвичи с сыром в аэропорту Спик. Признался, что когда работал в Спике упаковщиком, то плевал в них.

Весной 2002-го аэропорт Спик переименовали в Ливерпульский аэропорт имени Джона Леннона. Джон Леннон оказался одним из немногих людей — наряду с Джоном Ф. Кеннеди, Леонардо да Винчи и Йозефом Штраусом, — в честь которых назвали аэропорт. За залом регистрации наблюдает его семифутовая статуя, а над островком безопасности у входа

высится огромная желтая подводная лодка. Девизом аэропорта служат слова из песни Джона «Imagine»: «Above Us Only Sky»[62].

11

Вечеринка:

Хаскиссон-стрит, дом 22

Ливерпуль, 8 мая 1960 г.

Ночные вечеринки стали столь популярны среди ливерпульских студентов Художественного колледжа, что на гулянку многие приносили с собой не только спиртное, но и яйца — на завтрак.

Остин Дэвис, художник и преподаватель колледжа, пригласил на одну такую вечеринку в дом номер 22 по Хаскиссон-стрит[63] Джона и Стю Сатклиффа, еще одного члена «Битлз». Стю иногда присматривал за детьми Остина и его жены, актрисы Берил[64]. Джон привел подругу по имени Синтия, а его приятели по группе, семнадцатилетние Пол и Джордж, увязались за ним без приглашения. Их группа пока называется *Silver Beats*, но они пытаются придумать что-нибудь получше.

Гости на вечеринке — очень странная мешанина личностей: в комнате на верхнем этаже музыканты Королевского ливерпульского филармонического оркестра, все еще во фраках, только что отыгравшие Чайковского, болтают с Фрицем Шпиглем, их солистом-флейтистом[65]; внизу студенты Художественного колледжа раз за разом прокручивают недавний сингл Рэя Чарльза «What'd I Say»[66].

Джордж зачарован этой песней. Он стоит в ступоре, заливая в себя вино стакан за стаканом, постепенно забывая стеснительность. В какой-то момент он замечает Шпигля, которому случилось спуститься вниз, и кричит: «Эй, Джеральдо[67], а Элвис есть?»

Пол входит во вкус, ему такие гулянки нравятся. Он всегда стремится произвести на людей впечатление: носит черные водолазки и напускает туману, весь такой Жак Брель[68]. «Я вел себя загадочно, чтобы девчонки смотрели на меня и думали: «Что это за интересный француз в углу?»». Порой он берет с собой на вечеринки гитару и, наигрывая французские мелодии, напевает «rhurbarbe, rhurbarbe»[69]. Он уже сочинил мелодию для песни, в которой пока всего одно слово на французском, и это — имя,

Мишель[70]. Правда, рифма к нему не идет.

Приходит утро, а гулянка все не кончается. Впоследствии Берил вспоминала, что загул длился трое суток. Где-то посреди первой ночи Джон и его товарищи по группе пошли вразнос и запели в голос. Берил объявила их ужасными горлопанами. «Они играли почти две ночи. Я сказала, что это отвратительный шум. Забрала детей». Она увела детей к друзьям по соседству и осталась там с ними. Наутро вернулась в дом номер 22, чтобы переодеться, а дверь в ее спальню заперта. Один из гуляк сказал, что там ее муж с подругой. «Вечером мы разошлись, развелись по-хорошему. Больше я битлов не видела». Однако на «Битлз» Берил зла не держала. Даже наоборот. Сорок восемь лет спустя Берил Бейнбридж, признанная писательница и дама-командор ордена Британской империи, вспоминала те дни с большой теплотой и назвала «Eleanor Rigby»[71] одним из своих «Дисков для необитаемого острова»[72].

12

Уже известный журналист, редактор и быстро набирающий популярность ведущий телепередач Малькольм Маггеридж 7 июня 1961 года прилетел из Лондона в Гамбург. За два месяца до этого он расписался в своей ненависти к средствам массовой информации, с которым вскоре будет ассоциироваться его имя:

> Видел себя по телевизору и, как всегда, расстроился […] решил, что ноги моей больше на ТВ не будет. Есть в телевидении как таковом что-то низкое, дешевое и ужасное: это призма, пропускающая сквозь себя слова, искажающая их энергию, подающая их неверно. Оно — совсем не то, чем его считают: экран проецирует не истину и искренность, а лишь ложь и лукавство.

Наведавшись в редакцию журнала «Штерн», Маггеридж отправился гулять по городу. Верный себе, он с удовлетворением объявил его «необыкновенно безрадостным: немцы с каменными лицами ходят туда-сюда, зазывалы в форменных мундирах обещают полную наготу, трех негритянок и прочие аттракционы, включая женщин-борцов. В теплый вечер вторника клиентов у них негусто».

Из любопытства он заглянул в клуб «Топ Тен» на Ripербан, «молодежный рок-н-ролльный притон». Выступала некая группа: «дети без возраста, неразличимые по полу, в облегающих брюках, топали ногами, и только запах пота выдавал в них живые существа». Оказалось, это англичане из Ливерпуля: «Патлатые, со странными женоподобными лицами, они истязали инструменты и визгливо орали в микрофоны».

© *Popperfoto/Getty Images*

Сойдя со сцены, музыканты узнали Маггериджа — ранее видели его по телевизору — и разговорились с ним. Один спросил: правда ли, Маггеридж коммунист? Тот ответил: нет, просто состою в оппозиции. «Он кивнул с пониманием, — писал Маггеридж в своем дневнике, — потому что и сам в некотором смысле был оппозиционером. «Деньги на этом делаете?» — продолжал расспросы юноша. Я признал, что да, так и есть. Парень и сам делал деньги. Надеялся привезти в Ливерпуль 200 фунтов».

Разошлись они по-хорошему. «Во время беседы, в чем-то даже трогательной, — отметил в дневнике Маггеридж, — их лица напомнили мне ренессансные скульптуры святых или дев-великомучениц».

13
Открытки из Гамбурга

i

16 августа 1960 г.

Джорджу всего семнадцать, он садится в кремово-зеленый фургон «остин» их гастрольного менеджера, пузатого валлийца по имени Аллан Уильямс. В руках у Джорджа жестянка с булочками, которые напекла ему мама. Провожая сына, миссис Харрисон отводит Уильямса в сторонку. «Вы уж за ним присмотрите», — просит она.

Никто из битлов еще не бывал за границей. Джим Маккартни весь в дурных предчувствиях, но понимает, что на пути Пола встать не может. Парни только что подписали контракт, по которому еженедельно получают 210 немецких марок, или 17 фунтов и 10 шиллингов, а средняя зарплата по Британии — 14 фунтов в неделю. «Ему предложили столько же денег, сколько я сам получаю в неделю. Разве можно запретить ему ехать?»

ii

В фургон набилась разношерстная команда. Джордж сидит позади с остальными битлами. За рулем — Аллан Уильямс, рядом с ним — его жена-китаянка Берил и ее брат Барри. Тут же и бизнес-партнер Уильямса, «лорд Вудбайн», получивший такое прозвище из-за пристрастия к сигаретам «Вудбайн», и Джордж Стернер, заместитель Бруно Кошмидера, владельца немецкого клуба, с которым ребята и подписали контракт.

iii

Это начало долгого путешествия. Пять часов пришлось ждать в Ньюхейвене, а потом еще четыре — в порту Хук-ван-Холланд, пока Уильямс доказывал, что битлам не нужны никакие разрешения и визы, ведь они еще студенты. В Амстердаме сделали короткую передышку. Джон улучил момент и стянул в магазине два украшения, гитарные струны, пару носовых платков и губную гармошку. Уильямс, как менеджер группы, велит ему

вернуть добро в магазин, но Джон отказывается.

iv

Проезжая по Германии, они распевают песни «Rock Around the Clock»[73], «Maggie May» — но, едва оказавшись на улице Ripербан, умолкают, пораженные, ослепленные вездесущим неоновым светом и обилием открытых дверей, в которые видно, как раздеваются женщины. Но вскоре в ребятах снова закипает врожденный энтузиазм, и они кричат во все горло: «Ливерпульцы в городе!»

v

Ripербан пересекает Гроссе-Фрайхайт. Зажигаются огни стрип-клубов, на улицу высыпают проститутки. Продолжая крутить баранку, Аллан Уильямс говорит, что эти улицы кишат «отребьем и распутниками: тут тебе и наркоманы, и сутенеры, и зазывалы стрип-клубов и притонов, и гангстеры, и музыканты, и трансвеститы, и обычные гомосексуалисты, и старые развратники, и молодые развратники, и женщины в поисках женщин».

vi

И все же для группы, чьи достижения на родине граничат с ничтожными, это просто мечта. Осенью они не прошли отбор на региональное телешоу «Поиск звезд»[74]; первые три месяца этого года вообще нигде не выступали; в мае провалили прослушивание на разогревающую группу в турне Билли Фьюри[75]. Так что сейчас дела налаживаются. Жители Гамбурга устали от безжизненных потуг местных групп: Уильямс говорит, что у немцев рок-н-ролл звучит как марш смерти. Зато британские группы, игравшие в Гамбурге, — *Dave Lee and the Staggerlees* из Кента, *The Shades Five* из Киддерминстера, *The Billions* из Вустершира — ни о чем не жалели. Немцы их любили всех: и хороших, и плохих, и никаких.

vii

Битлов встречает Бруно Кошмидер, ничем не

примечательный менеджер ничем не примечательного заведения, тесного и душного клуба «Индра», где за стойкой бара всего два клиента. Кошмидер провожает группу в комнаты, где им предстоит жить. Звезд с неба парни не хватали, но и то, что их встретило, пустило прахом даже самые скромные надежды: на всех пятерых — две темные, сырые, тесные комнаты за обшарпанным кинотеатром Кошмидера «Бемби-Кино». Лампочек нет: обходиться предстоит спичками. Стены бетонные. Первая комната — пять на шесть футов. Из мебели — армейская двухъярусная койка да протертый диван.

viii

— Какого хрена?! — восклицает Джон, куда более привычный к уютной обстановке в доме тети Мими.

— Да чтоб меня! — хором произносят остальные.

— Это временно, — заверяет их Кошмидер. Он врет.

Первую комнату предстоит делить Джону, Стю и Джорджу. Джон и Стю оккупируют койку. Джордж, как самый младший, довольствуется диваном.

Вторая спальня размерами такая же, но в ней нет окон. Сидя тут, не скажешь, день на дворе или ночь. Есть несколько одеял, и нет отопления.

Их жилье почти оборудовано собственным санузлом; за стенкой толщиной в лист бумаги — туалет кинотеатра. Амбре легко просачивается внутрь.

Умываться и бриться приходится над раковиной рядом с писсуарами. За время первых двух сезонов в Гамбурге Джордж так ни разу и не принял душа или ванны.

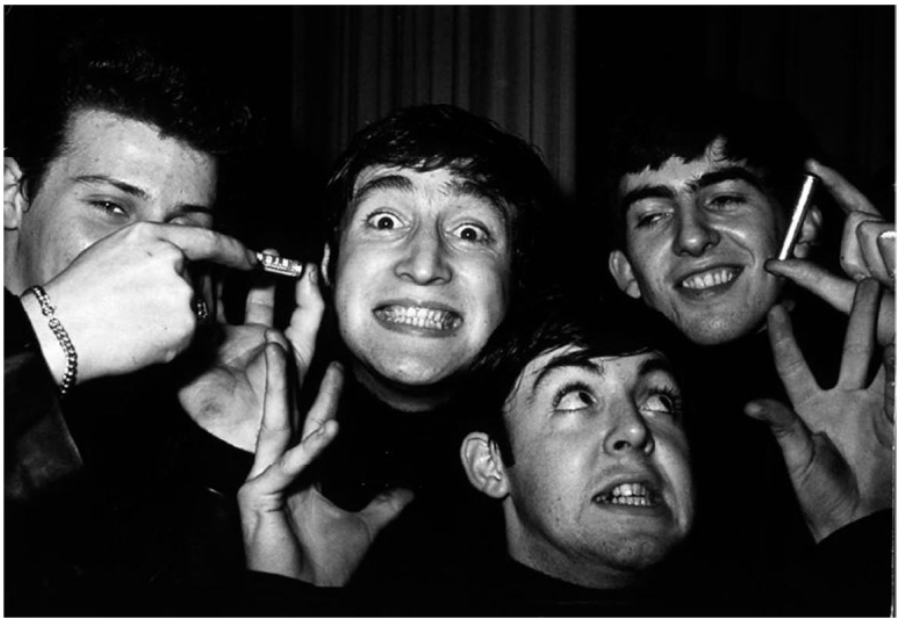
ix

Это вам не Лас-Вегас. Понятно дело, что от приподнятого настроения битлов и следа не осталось. Первое выступление в «Индре» прошло без огонька. Они застыли на сцене и с пыхтением исполняют каверы на популярные хиты под угрюмыми взглядами полудюжины посетителей. Кошмидер не впечатлен. Он-то нанял «Битлз», чтобы они заводили аудиторию, а вместо этого они скорбно торчат на сцене.

— *Mach Schau!* Делайте шоу! Мне нужно шоу, мальчики! — требует Кошмидер.

Значит, шоу ему делать? Это срабатывает, и битлы

фонтанируют приколами: отныне «Битлз» отрываются по полной программе, скачут по сцене, пляшут и орут, выкрикивают в зал оскорбления и дерутся.



Horst Fascher/K & K Ulf Kruger OHG/Redferns/Getty Images

x

Они регулярно исполняют одну и ту же песню минут по десять, а то и двадцать, просто ради смеха. Как-то вечером, на спор, целый час исполняли всего одну — «What'd I Say» Рэя Чарльза. И пока друзья беснуются, Пит отыгрывает с постной миной на лице, будто выполняет поденную работу: не барабанит, а, скажем, моет посуду.

xi

А еще Пит — единственный, кто отказывается от возбуждающих средств. Остальные поддерживают свое неистовство сборной солянкой дешевой наркоты: «пурпурные сердца» и «черные бомбы» — дексамил и дюрафет, амфетамины и прелудин, таблетки для похудения с активным компонентом[76], ускоряющим метаболизм, — он не дает заснуть и заставляет болтать без умолку. Немецкой подружке Стю, Астрид Кирхгерр, повезло, у нее есть домашний поставщик — ее мать. «Колеса

стоили по 50 пфеннигов за штуку, и мама брала их для нас в аптеке. Вообще-то, их без рецепта не отпускали, но у мамы в аптеке был знакомый». Когда нужно, парни глотают их, как леденцы, запивая пивом. Готовы даже есть «сэндвичи с прелли».

xii

Неудивительно, что именно Джон закидывается наркотой больше прочих и отжигает похлеще остальных, выкрикивает непристойности, катается по сцене, швыряет в друзей едой, притворятся горбуном, запрыгивает на спину Полу, бросается в аудиторию, с наслаждением обзывает их «сраными фрицами», «нацистами» или «немецкими идиотами».

Дипломатия никогда ему не давалась. Однажды вечером он выходит на сцену в одном исподнем, надев на шею стульчак от унитаза, и принимается маршировать туда-сюда с метлой в руке, выкрикивая: «Sieg heil! Sieg heil!» В другой раз он появляется в плавках. На середине «Long Tall Sally» разворачивается к аудитории спиной и спускает трусы, натряхивая голым задом. Несведущие в ливерпульских обычаях, немцы вежливо аплодируют.

xiii

В Гамбург на время приезжает Синтия и видит, как Джон, которому наркота и выпивка совершенно снесли крышу, катается по сцене «в истерических припадках». Да и вне сцены ведет себя столь же дико. Однажды помочился с балкона на монахинь внизу. Впрочем, остальные — не то чтобы образец воздержанности: между сетами Пол говорит что-то грубое о подружке Стю Астрид, которую обожает вся группа, и Стю, как и полагается, отвешивает ему оплеуху. Пол тут же лезет в драку, и вот они уже катаются по сцене, сцепившись в «смертельном захвате», как потом рассказывал Пол. Однако их представления популярны, ведь нужно шоу, делать шоу! В городе их называют *benakked Beatles* — «безумные битлы».

xiv

Гамбургские зрители любят цапаться между собой, но группу не трогают. Официанты, нанятые в Гамбургской академии бокса и

подзабывшие правила этикета, носят тяжелые ботинки, в которых так удобно раздавать пинки, а под пиджаками у них складные дубинки, заткнутые за пояс. Под барными стойками в клубах спрятаны баллоны со слезоточивым газом — на случай, если дебош перейдет в полноценный погром. Каждый вечер в десять часов битлам приходится исполнять обязанности надзирателей и громко объявлять по-немецки комендантский час для несовершеннолетних: «Es ist zweiundzwanzig Uhr. Wir mussen jetzt Ausweiskontrolle machen. Alle Jugendlichen unter achtzehn Jahren mussen dieses Lokal verlassen»[77].

xv

Бруно Кошмидер — полная противоположность тому, каким должен быть радушный хозяин заведения. Кош[78] он и по имени, и по натуре: расхаживает по клубу, вооруженный узловатой ножкой от немецкого стула из тяжелой древесины. Если клиент попадается неуправляемый или слишком уж громко возмущается, его волоком тащат в хозяйский кабинет, прижимают к полу и уделывают до синяков.

xvi

На рассвете в клуб заваливаются партнеры и приятели Кошмидера, пропустить по отходной. Им нравится посылать группе на сцену подносы со шнапсом: «Beng, beng — ja! Prost!»[79] Пейте залпом! Название группы, которое они произносят как «пидлс» (что по-немецки означает «пиписьки»), кажется им уморительным: «О, «Пидлс»! А-ха-ха!»

xvii

Ребята развлекаются не только во время выступлений. Как-то раз Пола подбивают нацепить немецкую каску с пикой и промаршировать по Ипербану с метлой вместо винтовки и под крики «Sieg heil!». Еще они любят играть в чехарду посреди улицы. Эти игры и забавы оказываются заразными: Пит Бест вспоминает, как к ним присоединялись прохожие, образуя «длинную цепочку немцев всех возрастов, и все они скакали вслед за нами… Дружелюбные копы на перекрестках останавливали движение, чтобы нас пропустить».

xviii

Секс в сердце Рипербана — «почти неограниченный», по словам Пита, — легкодоступен. «Как можно было пригласить девчонку в убогую нору рядом с сортиром кинотеатра, темную и сырую, как сточная канава, и столь же привлекательную? — спрашивает спустя десятилетия Пит и сам же отвечает на свой вопрос: — А мы вот приглашали, и ни одна не отказывалась».

Джордж Харрисон прощается с невинностью в «Бемби-Кино», а Пол, Джон и Пит на это смотрят. «Да они не видели ничего толком, я же одеялом накрылся… А когда кончил, они захлопали и заулюлюкали. Ну хоть в процессе молчали».

В таких условиях о личном говорить не приходится. Фанатка из Ливерпуля, Сью Джонстон[80], получает письмо из Гамбурга от Пола. Он рассказывает, как однажды ночью Джон сошелся с «поразительной, экзотической женщиной, которая при ближайшем рассмотрении оказалась мужиком». Остальные битлы над этим поржали.

Возможно, пройдут годы, и в экзаменационном тесте по математике появится вопрос на основе Питова рассказа: «Для ночных услад к нам четверым обычно приходило девочек по пять-шесть. На каждого приходилось по две, по три девочки за ночь, а самой запоминающейся ночью любви в нашей зачуханной берлоге стала та, когда обслужить битлов пришло сразу восемь пташек. Они умудрились дважды потрахаться с каждым из четверых!» Многие из этих девушек — проститутки с Гербертштрассе, которые с радостью отказались от обычного заработка ради компании неистовых юных англичан. Пит никогда их не забудет: «Я кого-то еще по именам помню: Грета, Гризельда, Хильда, Бэтси, Рут… Такие вот первые групи битлов».

xix

Джон не отстает от остальных, но, что характерно, будет вспоминать эти дни сексуального чуда со смесью отвращения и разочарования.

«Раньше я мечтал, как было бы здорово, когда ты «щелк!» пальцами, а они раз — и скидывают тряпки, готовые отдаться, — расскажет он Алистеру Тейлору. — Большую часть своих подростковых лет я фантазировал о том, что у меня есть такая власть над женщинами. Но вот что странно: мечты сбылись, но все оказалось не так уж и весело. Одной из моих самых заветных фантазий было уложить в постель сразу двух девушек или даже

мать с дочерью. В Гамбурге такое случалось пару раз. В первый это было потрясающе, во второй — было чувство, словно я на сцене. Чем больше женщин мне отдавалось, тем больше эта движуха вызывала чувство ужасного отвращения».

XX

Что не менее характерно, Пол эти сексуальные подвиги будет вспоминать главным образом в терминах самоутверждения. «Мы словно пробудились, — говорит он Барри Майлзу в 1997-м. — До Гамбурга опыта у нас было не так уж и много. Приходили, конечно, стриптизерши да проститутки… Но практика, как мне кажется, получилась хорошая… Так что возвращались мы домой относительно прожженными. Не то чтобы экспертами, но более умудренными, нежели парни, которым такой возможности не перепало».

14

Мы собираемся у клуба «Стар», точнее, там, где он прежде стоял, пока в 1983-м от него не остались одни головешки. Косая надпись на высоком черном знаке, похожем на блестящее надгробие, сообщает: «Клуб «Стар»», а снизу под ней — изображение электрогитары. Под гитарой — перечень имен из далекого прошлого, каждое написано под лихим углом, своим шрифтом: *The Liverbirds* Рэй Чарльз *The Pretty Things* Джин Винсент Бо Диддли *Remo Four* Билл Хейли *King Size Taylor and the Dominoes* Скриминг Лорд Сатч Литтл Ричард *Johnny Kidd and the Pirates Gerry and the Pacemakers The Rattles The Searchers* Бренда Ли *The V.I.P.s The Walker Brothers Ian and the Zodiacs* Джерри Ли Льюис Тони Шеридан Чабби Чекер Рой Янг *The Lords*.

И наконец, в верхнем левом углу — «Битлз».

— О'кей, группа пробыла в Гамбурге триста дней. Ливерпульская четверка только четыре недели, остальное время на барабанах был Пит Бест, в шестидесятом и шестьдесят первом — выступали со Стюартом, Стюарт покинул группу в шестьдесят первом поступает в Художественную школу умирает в апреле шестьдесят второго в Гамбурге в шестьдесят первом Пол сменил гитару на бас…

Нашего гида зовут Петер. Это жилистый мужчина за семьдесят, заядлый курильщик, редкие седые волосы собраны в хвост. Петер галопом несется по событиям и датам, словно цитируя краткое содержание краткого пересказа как нечто, прочитанное уже сотни раз. Так оно, собственно, и есть: Петер водит группы по этому туру четыре дня в неделю начиная с 1970-го. Он говорит с сильным немецким акцентом:

— В шестьдесят девятом клуб «Стар» закрылся, потом тут тринадцать лет было кабаре, в восемьдесят третьем все сгорело. Одно здание было спереди и отстроили то, которое сзади, а там, где в шестидесятых был зал, теперь задний двор. «Пидлс» играли тут апрель май, потом ноябрь и декабрь шестьдесят второго.

Прошло всего несколько минут, а мы уже с трудом за ним поспеваем. Это напоминает мне урок математики, ну или хотя бы урок истории о Войне роз: густая мешанина дат и мест.

— Топ-исполнители в апреле, шесть недель до мая главным образом Джин Винсент, но в ноябре Литтл Ричард и в декабре *Johnny and The Hurricans*. «Пидлс» были одна из всего четырех или пяти групп, которые аккомпанировали только топ-исполнителям.

Петер то и дело рассказывает анекдоты, но делает это слишком неожиданно, да и понять его часто тяжело.

— В Германии знают альбом «My Bonnie», *Tony Sheridan and the Beat Brothers*, а в Англии — Тони Шеридан и «Пидлс», так что никто не знает, что «Пидлс» и Тони Шеридан — одна группа!!!! [81] Смотрю на них и думаю: кто это? Что за рокеры из Англии? Потом такой: шайзе, это же «Пидлс»!!!!

Мы как можем стараемся в нужный момент улыбаться. Тем временем Петер заводит нас в грязный, замусоренный внутренний дворик и передает нам небольшую черно-белую фотографию — снимок этого места в прошлом. Тогда оно тоже не отличалось чистотой, но выглядело совершенно иначе.

— Это фото до пожара. Тут была сцена, а тут зал, сцена налево, в пяти метрах. Тот еще пожарчик выдался!

Мы передаем открытку по кругу: смотрим на нее по очереди, потом на дворик в его теперешнем виде, потом снова на открытку, словно пытаясь сложить пазл. «Кусочки» не сходятся.

— Тут было три ступеньки: раз, два, три.

Мы смотрим под ноги, притворяясь, будто видим ступеньки.

— О'кей, тут можно сфотографироваться. — Один или два человека снимают призрачные три ступеньки.

Петер идет дальше, а мы за ним по пятам. На ходу он быстренько рассказывает еще один личный анекдот:

— Я встретил Джона в шестьдесят шестом, в кожгалантерее на Рипербане. Они там покупали ковбойские сапоги, кожаные куртки, а я был в магазине, когда он снимался в фильме «Как я выиграл войну»[82], и я говорил с ним десять минут.

Кто-то спросил, о чем они болтали.

— Это было так давно, что уже не помню.

И он спешит рассказать дальше обо всех группах, которые выступали тогда в Гамбурге:

— О'кей, шестидесятые были просто удивительным временем. Тут были *Jaybirds*, потом *Ten Years After* всем составом. Выступали *Small Faces*, а потом, спустя десять недель, *Eric Clapton und dur Cream*. Выступала тут группа под названием *Mandrake Root* с Риччи Блэкмором, потом они стали *Deep Purple*. Тут выступала очень классная группа *The Earth*. На обратном пути они сменили название на *Black Sabbath*. Через полгода у нас тут выступал Джими Хендрикс. С шестого марта шестьдесят седьмого Хендрикс отыграл у нас три дня: пятница, суббота, воскресенье. Утром в понедельник Джими покупает «Фендер стратокастер», где-то за одиннадцать сотен. В среду он выступал на фестивале в Монтерее и сжег новый «Стратокастер», купленный в Гамбурге. Сжигать гитару он не хотел, но тогда *The Who* ломали барабаны, да? И вот он подумал: «Как бы мне их уделать?» А теперь мы отправляемся в район Рипербан.

Мы идем до конца улицы, а на ходу Петер рассказывает, какие люди приезжают на его экскурсии, посвященные «Битлз»:

— Часто одни англичане. Немцам почти неинтересно, если только людям постарше, с востока страны. А так еще испанцы, японцы, из Южной Америки.

Жителям Гамбурга «Пидлс» не так интересны. У нас был Музей пидломании, но он через три года закрылся. Теперь всем только секс-туры подавай или про преступность.

О Музее битломании Петер хранит теплые воспоминания. Говорит, он занимал пять этажей, но экспонировались в основном репродукции, а не оригиналы.

— Подлинный был только контракт с Бертом Кемпфертом, все остальное — нет. Не подлинные гитары, не подлинные барабаны. Зато на пятом этаже подлинные знаки из клуба «Стар», из «Индры», все уличные знаки. Музей был очень хороший, но не популярный. Я много жителей Гамбурга спрашивал, они туда не ходили.

Останавливаемся на мощеном пятачке, где улица соединяется с Рипербаном. Это место называется Битлз-Платц. На краю круга стоят четыре алюминиевых силуэта с гитарами и еще один за барабанами. Они больше похожи на гигантские фигурные ножи для теста.

— Это их состав в шестидесятом. Тут у нас Джон, Джордж, Пол, Пит и вон там справа Стюарт. На барабанах Пит Бест, не Ринго.

Петер смотрит на пятачок безутешным взглядом. Здесь очень ветрено и уныло.

— Мне это место не нравится, но это лучше, чем ничего. Ему лет десять. А вон там лейбл. — Мы снова присматриваемся к пятачку, и я едва различаю то, о чем он говорит: в центре пятачка — кружок диаметром поменьше, из камня более светлого оттенка, похожий на этикетку гигантской пластинки, а по периметру того, что, наверное, представляет собой сам диск, бегут две-три[83] металлические дорожки с нанесенными на них названиями песен «Битлз». Какое-то все кустарное.

Кто-то спрашивает, возвращается ли сюда Пит Бест. Из сотен имен, что ассоциируются с «Битлз», Пит Бест — то, которое по-прежнему может омрачить атмосферу.

— Пит Бест бывал в Гамбурге четыре-пять раз, я часто видел его; говорят, будто он ничего не получил, но с ним же есть видео, дивиди, ему дали много денег, он очень счастлив.

Мы смотрим на названия песен, нанесенные на металлические дорожки, среди них: «She Loves You» и «I Want to Hold Your Hand»[84].

— В шестьдесят четвертом группа на неделю отправилась в Париж, там записала две песни из тех, которые они исполняли на немецком: «Sie Liebt Dich» и «Komm Gib Mir Deine Hand», можно на «Ютьюбе» послушать.

Пересекаем Риперban. В витрине магазина под названием «Туристический центр» висит большой британский флаг, на его фоне выставлены сувенирные кру́жки и котики, собачки и пингвины с подвижными головами. Впрочем, ничего связанного с битлами не видать. Видимо, тут и располагалась та самая кожгалантерея, где Петер повстречал Джона больше полувека назад.

— Я был в магазине, когда туда в шестьдесят шестом заглянул Джон. С ним был актер Майкл Кроуфорд и Нил Эспинолл[85]. — Он осекается, вспомнив, что уже говорил об этом. — Джими Хендрикс пробыл в Гамбурге три дня, остановился в небольшом отеле, в марте шестьдесят седьмого. Хотите взглянуть?

Он достает фотографии и начинает их перебирать. Одна из них — черно-белый снимок Джими Хендрикса и Чеса Чедлера на германской улице.

— Этих зданий уже нет. Джими спрашивает меня: «Где мне тогда найти места, связанные с «Пидлс»?» И я вожу его по городу. В марте шестьдесят седьмого я видел шесть концертов Джими. Я забираю его у выхода из отеля. В конце Джими дает мне автограф. Он пишет: «Петеру оставайся таким же клевым Джими Хендрикс». Джими угостил меня сигаретой. Это были сигареты «Кул», через К, вот и мне он пишет «kool»[86] через К.

Петер показывает нам здание, в котором располагался клуб «Топ Тен», и снова гонит урок истории, за которым очень тяжело поспеть:

— В том здании был клуб «Топ Тен», сегодня это дансинг. До «Топ Тен» в нем был ипподром, как цирк, там ослики или пони ходили по кругу… Такой вот был шоу-бизнес в пятидесятые! «Пидлс» отыграли тут три месяца, с первого апреля шестьдесят первого по конец июня, по шесть-восемь часов ежедневно, тридцать пять марок деньги не сильно большие. — Он указывает на крышу, где однажды Джон, Джордж и Пол позировали для фотографии. — В шестьдесят первом группа жила под крышей, занимали комнаты, одну-две. В шестьдесят первом Стюарт покинул группу, Пол сменил гитару на бас. Тут и другие группы играли — Алекс Харви, Рори Галлахер[87], но в восемьдесят восьмом клуб «Топ Тен» закрылся.

Нет ничего — ни знака, ни таблички, — что указало бы на то, что некогда тут было. Петер злится:

— Гамбургу плевать на клуб «Топ Тен»! Плевать на «Пидлс»!

А еще на Рипербане стоит полицейский участок, в котором Пола и Пита продержали ночь по обвинению в том, что они устроили небольшой поджог у себя в комнатах.

— Кто-то говорит, что это были презервативы на стене, кто-то — что это была какая-то бумага. Короче, начался пожар, их арестовали, потом выслали из страны, отсюда минут десять-пятнадцать до двери с «Rock'n'Roll».

По пути Петер снова рассказывает, что первую свою экскурсию он провел в мае 1967-го, для Джими Хендрикса, а теперь у него по четыре экскурсии в неделю, пятьдесят недель в год. «Уйма экскурсий». Хотя смотреть особо не на что. Все уже не то, что прежде. Прежний только полицейский участок. А так кругом одни воспоминания о воспоминаниях, интересные только самым преданным археологам-битловедам.

В 1967-м, когда Хантер Дэвис впервые спросил у битлов о работе в Гамбурге, они даже не смогли вспомнить, сколько раз туда ездили[88]. С тех пор историки группы постоянно пытаются воссоздать события их жизни в Германии, день за днем, час за часом. Но в хронологии битлов это время такое же древнее, как и Темные века.

Наконец мы останавливаемся у огромных ворот, где знак на английском сообщает: «Не входить». Петер говорит, что водить нас туда ему запрещено, но если мы пройдем на ту сторону сами по себе, то следует сфотографировать первую дверь справа. Стоя у нее, Джон и позировал для фото, которое позднее пошло на конверт его сольного альбома «Rock'n'Roll»[89].

— Удачи вам, первая дверь за воротами, вам пройти нормально, мне нельзя.

Отворив калитку, мы проходим на ту сторону и видим унылое пятиэтажное здание из красного кирпича, которому не помешал бы ремонт. Мы послушно фотографируем дверной проем, хотя сами толком не понимаем, на кой оно нам надо.

Наконец мы останавливаемся у клуба «Индра», который до сих пор каким-то чудом остается клубом с живой музыкой, но внутрь нас не пускают. Табличка у входа на немецком сообщает: «17 августа 1960 года на сцене «Индры» выступали «Битлз». Это были их первые гастроли в Германии и начало великой карьеры».

Тогда мы движемся к «Кайзеркеллеру», у которого висит обрамленная афиша: *Rory Storm and the Hurricanes*.

— Вот откуда пришел Ринго, — сообщает нам Петер, и мы пытаемся разглядеть его на афише, а Петер показывает фотографию семнадцатилетнего Джорджа с гитарой. — Продана на аукционе «Бонэм» за двести пятьдесят тысяч фунтов, включая

налоги и прочее. На прошлой неделе в «Сотбис» контракт Брайана Эпстайна с группой продали за двести тридцать пять тысяч фунтов. Поразительно!

Мы проникаемся и вздыхаем, прикидывая, как столь малое могло вырасти в столь крупное.

— Но в шестьдесят втором «Кайзеркеллер» закрыли и тут сделали дискотеку.

15

Отработав три с половиной месяца в Гамбурге, ребята возвращаются в Ливерпуль, но так и не решаются поведать близким о том, что там произошло, потому как дело выдалось печальное.

Если коротко, то парней переманил из «Кайзеркеллера» владелец конкурирующего клуба. Коварный Кошмидер, желая отомстить, донес в полицию,что Джордж — несовершеннолетний, и его, по закону, депортировали. Дома Джорджу «стало стыдно, ведь он столько успел нахвастать». Затем Кошмидер наклеветал и на Пола с Питом, якобы те устроили поджог в своих комнатах, и тогда их тоже депортировали. 1 декабря 1960-го они вернулись в Ливерпуль — с разбитыми мечтами и без гроша в кармане. Десятью днями позднее приехал и Джон. Стю остался в Германии с Астрид, разойдясь с битлами.

Опала была неожиданной и болезненной. Джон разбудил Мими посреди ночи, бросая камешки в окно ее спальни. «Он протиснулся мимо меня, бросив на ходу: «Заплати за такси, Мими». А я ему вдогонку кричу: «И где же обещанные сто фунтов в неделю, Джон?».

«Ты в своем стиле, Мими, — закричал Джон. — Ты что, не видишь — я с ног валюсь?»

«Немедленно выкинь эти сапоги. Я тебя в них из дому не выпущу»».

Почти все оборудование застряло в Гамбурге, и оправдать проведенное за границей время битлам было нечем. Они теперь сильно отставали от групп, не покидавших Ливерпуля. В явные лидеры выбились *The Swinging Blue Jeans*, возглавлявшие регулярные «Вечера *The Swinging Blue Jeans*» в клубе «Кэверн» на Мэтью-стрит[90].

За те три месяца, что битлов не было дома, мода изменилась: все теперь подражали *The Shadows*, перешли на облегающие костюмы, играли инструментальную музыку, синхронно исполняли танцевальные номера. Поначалу раздосадованные, битлы разбрелись кто куда и даже не пытались связаться друг с другом: Джордж не знал, что Пол и Джон вернулись. Джон впал в депрессию и заперся у себя в спальне в «Мендипс», не желая никого видеть. Но если тетя Мими нехотя потакала Джону в его жалости к себе, то Джим Маккартни не желал видеть, как Пол киснет, слоняясь по дому. «Дьявол найдет занятие праздным рукам, — сказал он, велев сыну выбраться из дому и подыскать себе достойную работу. — Пол, музыка — дело хорошее, но с ней

не заработаешь на жизнь». Некоторое время Пол работал в курьерской компании, потом ишачил намотчиком проволоки в фирме «Мэсси энд Коггинс». А стоило коллегам прознать, что он музыкант, как его окрестили «Мантовани»[91]. Впрочем, Полу, сообразительному и с презентабельной внешностью, сулили быстрый карьерный рост. «Мы дадим тебе шанс, парень, — сказал управляющий, впечатленный его результатами экзаменов. — С таким отношением к работе ты далеко пойдешь».

Пол, как ни странно, готов был выбросить белый флаг. Спустя несколько недель, что он провел в конторе «Мэсси энд Коггинс», объявились Джон и Джордж: они застолбили дневное выступление в «Кэверн», и без Пола никак. Тот ответил, что у него теперь стабильная работа и он получает 7 фунтов 10 шиллингов в неделю. «Меня тут всему обучают, я в шоколаде. Лучше не пожелаешь».

Однако друзья не отступили, и Пол наконец сдался, прогуляв работу 9 февраля 1961 года — ради дневного выступления в «Кэверн». Точно так же он поступил 22 февраля, но работодатели наверняка вынесли ему предупреждение, потому что, когда через неделю встал вопрос об очередном дневном выступлении в «Кэверн», Пол принялся нерешительно мычать и экать. «Либо ты сегодня придешь, либо вали нахер из группы», — предъявил ему Джон.

Как же быть? Выбери Пол группу, отец пришел бы в ярость. Поддайся он отцовским настояниям и останься на фирме — помашешь ручкой и группе, и звездному будущему. Джон, как обычно, о компромиссах слышать не хотел, однако вместе с тем словно бы включал Пола в собственную эдипову борьбу: «Я всегда говорил: «Брось вызов отцу, пусть валит нахер. Не поколотит же он тебя. Старик ведь…» Но Пол всегда прогибался. Отец велел найти работу, и вот он бросил группу, стал развозить посылки, говоря: «Надо зацепиться, карьеру делать». Мы поверить этому не могли. Я позвонил Полу и сказал: «Либо приходишь, либо валишь». Пришлось ему выбирать между мной и папашей…»

Что бы стало, выбери Пол «Мэсси энд Коггинс»?[92] Сегодня он твердо уверен, что намотчик из него, как из грязи — пуля: «Все наматывали по четырнадцать катушек в день. У меня получалось полторы, и именно эти полторы катушки не работали», — вот только трудно представить, что Пол так и не овладел бы этим ремеслом. К тому же его тащили в руководство, а карьера, которую он все же сделал, показывает, что парень он был напористый, инициативный и обладал навыками, необходимыми для того, чтобы провести через трудные времена даже самую бедовую компанию.

Вместо этого он бросил фабрику и воссоединился с битлами. Спустя неделю ему по почте прислали конверт с зарплатой — вместе с карточкой социального страхования и уведомлением об увольнении.

16

Вечеринка:

Адмирал-Гроув, дом 10

Ливерпуль, 8 июля 1961 г.

Свой седьмой день рождения Риччи Старки встретил в коме. Его на «скорой» доставили в Королевскую ливерпульскую детскую больницу. На месте врачи диагностировали у него перитонит из-за лопнувшего аппендикса. Когда его везли на каталке в операционную, он попросил чашку чая. «Будет тебе чай, когда оклемаешься», — добродушно ответила медсестра. Но в себя он не приходил еще десять недель. Трижды за ту первую ночь врачи сообщали его матери, Элси, что мальчик вряд ли выживет. Из больницы он не выйдет еще год.

В 1954-м Риччи снова оказался в той же больнице на свой четырнадцатый день рождения. На этот раз у него случился плеврит, который перешел в туберкулез. Пока он выздоравливал в больнице Уиррала, его научили вязать, плести корзины и строить игрушечную ферму из папье-маше. Каждые две недели в отделение приезжал учитель музыки с набором ударных инструментов — тамбурины, маракасы, треугольники, крохотные барабанчики, — и дети должны были играть с ним вместе «Три слепых мышонка» и «Лондонский мост падает». Однако Риччи упрямо отказывался присоединяться к ним, если только ему не давали в руки барабан. Когда учитель уезжал, Риччи, за неимением ничего лучшего, барабанил по тумбочке у койки. На этот раз он задержался в больнице на два года.

Однако двадцать первый день рождения выдался куда веселее: Риччи не только выжил, но и обратил навыки ударника себе на пользу. Он играет на барабанах в самой популярной ливерпульской группе *Rory Storm and the Hurricanes* и даже ездит на собственном «форд-зодиаке». Не так давно он взял себе имя Ринго Старр, а его соло на барабанах называют не иначе как «Star Time»[93].

Rory Storm and the Hurricanes играют сезон в лагере отдыха «Батлинз», в уэльском городе Пуллхели, но раз в неделю у них выходной. Так что после дня рожденияРинго едет домой, чтобы

отпраздновать его как следует. В крошечный двухэтажный дом его матери — две комнаты внизу, две наверху, номер 10 по Адмирал-Гроув, — набилось столько народу (64 человека, по подсчетам Ринго)[94], что к нему тянется непрекращающаяся очередь. Среди гостей *The Hurricanes, The Dominoes, The Big Three* и *The Pacemakers*, а также юная Присцилла Уайт[95], которая, бывает, выходит на сцену «Кэверн» под псевдонимом Свингующая Силла, а еще регулярно делает Элси прическу в обмен на «Спам» и жареную картошку[96].

Подарки так и сыплются на Ринго: среди них два кольца — в добавление к трем, которые он уже носит, и золотой именной браслет от Элси, на котором с одной стороны выгравировано: «Риччи», а с другой: «На 21-й ДР, с любовью от мамы». От тетушки Нэнси он получает золотой медальон святого Христофора: покровитель странников и путешественников, с младенцем Христом на плечах, переходит реку вброд. Ринго вешает медальон на шею — чтобы берег его в разъездах.

17
Еще 5 открыток из Гамбурга

i

На вторых гастролях в Гамбурге битлы работают в новом заведении, клубе «Стар», у них новый менеджер — Манфред Вайсследер и новое жилье — милая чистая квартира на Гроссе-Фрайхайт. Впрочем, герр Вайсследер ставит условие: «Отрывайтесь в клубе «Стар», но если обосретесь — отправлю домой».

Спустя всего несколько дней Джорджа стошнило прямо на пол у кровати. На следующее утро бесформенная лужа никуда не делась и злобно таращится на него. Уборщица отказывается убирать рвоту, рассудив, что такое в ее обязанности не входит. Джордж по каким-то своим причинам не намерен отмывать пол. Впрочем, Джордж всегда славился упрямством.

ii

Проходит день, а лужа все на месте. Уборщица ворчит, мол, битлы устроили в квартире свинарник: вонючие носки, пустые бутылки, разбросанные всюду вещи… Но недавняя выходка — это уже ни в какие ворота. Уборщица идет прямиком к герру Вайсследеру и жалуется. Герр Вайсследер с сочувствием ее выслушивает. Он пойдет и глянет, что да как.

iii

Осмотрев улики, герр Вайсследер выносит вердикт не в пользу битлов и велит своему подручному и вышибале Хорсту Фашеру заставить Джорджа прибраться. Фашер — бывший чемпион по боксу. А еще он отсидел за непреднамеренное убийство, последовавшее за ссорой с каким-то матросом. Ослушаться его решаются лишь самые отважные. Джон уже имел несчастье повздорить с Фашером: назвал его нацистом, а герр Фашер в отместку завел Джона в ванную комнату и обоссал его.

Но Джордж, упрямец Джордж, стоит на своем… ну или просто немного в сторонке. Нет, говорит он, не стану я оттирать

лужу с пола. С какой стати? Это не моя обязанность. Мне так вообще плевать, пусть себе живет, мне через нее перешагнуть не сложно.

iv

Спор заходит в тупик. Уборщица отказывается подтирать рвоту; Джордж убирать за собой не желает. Следующие несколько дней Пит Бест с нездоровым восхищением следит за ее неспешным дурнопахнущим развитием, смотрит, как она «растет и растет, расцветает и живет собственной жизнью. В ней тушили окурки, в нее бросали объедки, пока она не стала похожа на ежа».

Битлы окрестили ее «Нечто» и относятся к ней чуть ли не как к домашнему питомцу. Вскоре о ней прознали местные жители. Пит вспоминает, как «о Нечто заговорили, как хотели прийти и посмотреть на него». По прикидкам Пита, Нечто дюймов шесть в диаметре и продолжает расти вверх, «как миниатюрный цветник».

Нечто растет, и у Джорджа в голове зарождаются пугающие мысли. «Я боюсь спать — а ну как съест меня», — признается он.

v

Как-то утром герр Фашер заявляется без предупреждения. Ему хватает одного взгляда на стареющее пятно блевотины, и он решает: баста. Он приносит совок. «Не надо! Это наш питомец!» — кричат битлы. Но герр Фашер глух к их мольбам. Он соскребает рвоту совком, спускается вниз и через парадную дверь выносит на Гроссе-Фрайхайт. Битлы следуют за ним в пародии на похоронную процессию. Фашер, отыскав на улице мусорный бак, бросает в него Нечто.

Джордж чувствует, что одержал небольшую, но важную победу. Он сдержал слово и не пошел на уступки. Его честь спасена.

18

Конец августа 1961 года. Летний сезон в Пуллхели для *Rory Storm and the Hurricanes* завершился. Они имели такой успех, что их ждут и на следующий год.

Ринго нравится путешествовать. Осенью *The Hurricanes* обещали гастроли по континенту, но по разным причинам все отменилось. Ринго нервничает: возможно, пришла пора для смелого шага — покинуть группу, покинуть Ливерпуль, покинуть Британию.

Его всегда манила Америка: большие тачки, кантри, блюз, рок-н-ролл, вестерны. Так почему бы не махнуть туда? Вдохновленный творчеством Лайтнин Хопкинса[97], он выбирает Хьюстон, в штате Техас. Идет в американское консульство, которое в Ливерпуле располагалось в Кунард-билдинг, и просит иммиграционную анкету. Как выяснилось, сначала надо доказать, что у тебя есть деньги и что в США тебя ждет работа. Не испугавшись трудностей, Ринго пишет в Торговую палату Хьюстона; в ответ ему присылают список местных агентств по трудоустройству. После долгих колебаний он выбирает работу на заводе, решив, что, как только приедет, поменяет ее на что-нибудь другое.

Ринго полон решимости, но то, что он позднее назовет «огроменными анкетами», оказывается серьезным препятствием. Американцы хотят знать все о его семье, включая политическую ориентацию. «Был ли «красным» дог вашего дедушки?» — так описывает это Ринго. Заполнение анкет оказывается Ринго не по зубам; он не в силах их одолеть и признает поражение.

Спустя несколько дней Тони Шеридан просит Ринго присоединиться к его группе сопровождения на гастролях в гамбургском клубе «Топ Тен». Ринго соглашается без колебаний. За сутки предупреждает Рори Сторма об уходе и едет в Хитроу. Перед посадкой в самолет он немного волнуется, потому что это его первый полет. Если бы не анкеты, летел бы он сейчас в другом самолете и совсем в другую сторону.

19

В середине июня 1962-го появляется Джо Фланнери, менеджер *Lee Curtis and the All Stars*.

— Ну и когда ты к нам присоединишься, Пит? — спрашивает он.

Пит Бест улыбается:

— Шутишь! С какой стати мне уходить из «Битлз»? Мы вот-вот прославимся.

Фланнери тушуется:

— Наверное, я поторопился с выводами. Тут прошел слушок…

— С какой стати кому-то распускать такие слухи?

Пит озадачен. Он и не собирается покидать «Битлз». В конце концов, два года у них отбарабанил.

Разговор не дает ему покоя. Что за слух такой? В середине июля Пит упоминает об этом в разговоре с мистером Эпстайном. Мистер Эпстайн краснеет и начинает что-то бормотать. Тогда Пит ставит вопрос ребром:

— Послушай, Брайан, есть какие-то планы меня заменить?

Мистер Эпстайн спешит развеять его страхи:

— Как менеджер тебе говорю: Пит, никто тебе замену не ищет.

Питу этого достаточно. Больше ни слова не сказано. Все идет как и прежде: каждое утро Пит и гастрольный менеджер группы Нил Эспинолл грузятся в фургон Нила, забитый оборудованием «Битлз», которое все так же хранится в огромном доме у матери Пита на Хейменс-Грин. По пути заезжают и за остальными битлами — Джоном, Полом и Джорджем.

Пятнадцатого августа группа отыгрывает два концерта в «Кэверн»: первый — днем, второй — вечером.

— Заеду за тобой завтра, Джон! — напоминает в конце дня Пит.

— Нет, — отвечает Джон. — Я своим ходом доберусь.

Это были последние слова, сказанные Питу кем-либо из битлов.

Перед самым уходом из «Кэверн» мистер Эпстайн просит Пита заглянуть завтра в десять утра к нему в контору. В приглашении нет ничего странного: они часто встречаются, чтобы обсудить оргмоменты. Нил привозит Пита в офис NEMS[98]. Мистеру Эпстайну явно не по себе, он несет какую-то чепуху. Спрашивает, как, по мнению Пита, дела у группы. Пит говорит: «Супер»[99] — этому слову еще только предстоит войти в моду.

Судя по всему, у мистера Эпстайна что-то на уме. Но разве можно винить его за уклончивость? Ему всего двадцать семь лет, и прежде он торговал мебелью.

© Michael Ochs Archives/Getty Images

И вдруг совершенно внезапно мистер Эпстайн выпаливает:

— У меня для тебя плохие новости. Мы с парнями решили, что в группе ты нам больше не нужен, и вместо тебя мы берем Ринго.

— Почему? — с трудом произносит Пит.

— Им кажется, что ты не очень хороший барабанщик, — отвечает мистер Эпстайн и добавляет: — Джордж Мартин тоже считает, что ты не очень хороший ударник.

Джордж Мартин — «парлофоновский» продюсер, у которого прослушивались «Битлз». Дождавшись, когда Пит отойдет подальше, Джордж Мартин сказал Брайану Эпстайну, что Пит не держит ритм и что для записи лучше использовать сессионного ударника.

Пит говорит, что он ничем не хуже Ринго, а может, даже и лучше.

— Ринго в курсе?

Ринго — хороший друг Пита.

— Он начинает с воскресенья.

Мистер Эпстайн продолжает быстро, по-деловому. Звонит телефон. Мистер Эпстайн берет трубку и слушает.

— Он еще у меня, — говорит он и снова кладет трубку.

Возвращается к разговору, обещает, что, пока действует контракт, он будет платить Питу оговоренную зарплату: 50 или 60 фунтов в неделю, — а еще переведет в другую группу, в которой Пит станет главным.

— Пока не пришел Ринго, надо отыграть еще в парочке мест, — как бы невзначай добавляет он. — Придешь?

Что сказать, Пит не знает, поэтому соглашается. Потом уходит.

Как запомнилось мистеру Эпстайну, разговор длился два часа. Пит считает, что все заняло минут десять.

Внизу его ждет Нил Эспинолл.

— Ты что, призрак увидел? — говорит он.

— Меня вышвырнули! — отвечает Пит.

Нил, который встречается с матерью Пита, говорит, что тогда и он уйдет.

Пит отговаривает его:

— Не глупи, «Битлз» нарасхват.

Нил подвозит его до дому. Пит закрывает за собой дверь и начинает плакать. Ему сейчас охота повесить себе камень на шею и спрыгнуть с Пир-Хед. Он просто не в силах отыграть еще два выступления с битлами, поэтому в тот вечер не приезжает в честерский танцевальный зал «Риверпарк». «Меня же предали, как бы я вышел с ними на одну сцену? Сядь я тогда за барабаны, то втирал бы себе соль в рану».

Лишь много позднее он узнает, что за две недели до этого «Парлофон» предложили «Битлз» контракт, а ему никто и не сказал.

Мона, напористая мама Пита, которая помогала управлять группой до прихода Брайана и называет ее «группой Пита», немедленно звонит в Лондон Джорджу Мартину. Учтивый музыкальный продюсер заверяет ее, что, хотя он действительно собирался пригласить сессионного ударника для записи, «Битлз» сами решали, оставить Пита или нет.

Мона отчитывает Брайана Эпстайна:

— Это ревность, Брайан, чистая ревность, потому что эта армия поклонников — фанаты Питера! Из-за него в Ливерпуле так любят «Битлз»! — Она уверена, что Питера выгнали, чтобы убрать его из центра внимания, «потому что остальные — просто реквизит».

Такая вот детективная интрига. Как обычно в случае с «Битлз», у каждого — своя версия истории. В книге «The Beatles. Антология» — которая, точно Библия, излагает авторизованную

версию событий — Пол вспоминает, что после прослушивания в студии на Эбби-роуд Джордж Мартин отвел их троих в сторонку и сказал: «Ударник меня совсем не устраивает. Может, замените его?» «Мы ответили: «Нет! Нельзя!» В юные годы такие поступки кажутся ужасными: можно ли предать друга? Нет. Но наша карьера была под угрозой. Наш контракт запросто могли отозвать».

Тем не менее Джордж Мартин всегда утверждал, что удивился, узнав об увольнении Пита. Игра Пита его не впечатляла, и он определенно заметил, что Пит отличался от других членов группы, которые любили дурачиться и прикалываться. «Я не думал, что Брайан Эпстайн позволит ему уйти. Его внешность была самым ходовым товаром. Я с удивлением узнал, что они прогнали Пита Беста. Без барабанов при записи было никак, но, вообще-то, большой роли они не играют. Все равно фаны не особо отмечают качество игры ударника».

Однако Пит Бест утверждает, что за те два года, что он был битлом, никто не жаловался на качество его исполнения: «До самого конца мы вместе бухали, как лучшие друзья».

Со временем Джон стал охотнее говорить об этом, как, впрочем, и о многом другом.

«Пит Бест нас достал, — заявил он в 1967-м. — Паршивый был ударник. Расти не хотел. Но ходил миф, будто играл он супер, а Пол просто завидовал, потому что Пит был красавчик и всякое такое… Во-первых, в «Битлз» он оказался только потому, что без ударника мы бы не поехали в Гамбург… Мы собирались его выгнать, только сначала хотели подыскать нормального барабанщика».

Ринго тоже проявил твердость. Спустя тридцать лет его спросили, не жалко ли ему Пита. «Нет. С какой стати? Я был хорошим барабанщиком, поэтому меня взяли в группу. Дело же не в моей личности, а в том, что я лучше его играл на барабанах, вот мне и позвонили. Я никогда Пита не жалел. На знакомстве с битлами многие сделали карьеру».

Как и в романах Агаты Кристи, признался в конце концов тот, кого подозревали в последнюю очередь. Много лет спустя Джордж, юный задумчивый тихоня Джордж, сам все выложил. Он объяснил, что Пит постоянно сказывался больным, и приходилось звать Ринго ему на замену, и «всякий раз, как Ринго садился за барабаны, казалось, что ему там самое место. В конце концов мы поняли: надо брать Ринго в группу на постоянной основе. Да, это я заварил кашу, я подбил всех, чтобы Ринго взяли к нам насовсем.

Я несколько раз говорил с Джоном, а потом и все пришли к этой мысли… Сами мы не смогли бы выгнать Пита. Как такое скажешь?.. Брайан Эпстайн был нашим менеджером, так что ему и пришлось это сделать. По-моему, получилось у него неблестяще, но все прошло как прошло и стало как стало».

«БИТЛЗ» МЕНЯЮТ УДАРНИКА!

Ринго Старр (бывший ударник *Rory Storm & the Hurricanes*) примкнул к «Битлз»,сменив за барабанами Пита Беста. Ринго годами восхищался «Битлз» и рад своему новому назначению. Само собой, он с огромным воодушевлением смотрит в будущее.

«Битлз» комментируют новость: «Пит покинул группу по взаимному согласию. Не было ни ссор, ни споров. Мы расстались полюбовно».

Во вторник, 4 сентября, битлы вылетят в Лондон, где на студии EMI будут записывать песни, сочиненные специально для группы.

«Мерси-бит», передовица, 23 августа 1962 г.

После публикации этой новости в редакцию «Мерси-бит» пришла петиция за возвращение Пита, подписанная сотнями фанатов. Они осаждают дом Пита. Мо Бест вспоминает, что «стонущие и рыдающие фанатки толпились в гостиной». Те же фаны устроили пикет у конторы мистера Эпстайна в Уайтчепеле. Рэй Макфолл, владелец «Кэверн», выделяет ему телохранителя. Ринго получает анонимку с угрозами.

Очередной концерт «Битлз» в «Кэверн» проходит тяжело. Фанаты Пита перебивают их, скандируют: «Pete is Best!»[100] — и: «Пит — все наше, Старр — параша!» Через полчаса Джордж не выдерживает и огрызается. Обиженный фанат ставит ему фингал под глазом. Фанатка Пита Беста по имени Дженни пишет Джорджу письмо с жалобами, на которое он бойко отвечает: «Ринго играет намного лучше и умеет улыбаться, а это куда больше того, на что был способен Пит. Пройдет пара недель, и непривычное ощущение исчезнет, большинство наших фанатов станут воспринимать Ринго естественно… С любовью, Джордж».

Со временем правота Джорджа подтверждается. Поклонницы столь переменчивы. «Прежде я любила Пита, и, когда его выгнали, мое сердце разбилось, — спустя больше сорока лет признается одна из них, Эльза Бреден, в интервью биографу

«Битлз» Марку Льюисону. — Но вскоре все забылось, будто его и не было. С Ринго группа только выиграла, в этом сомнений никаких. Он обеспечил им уверенный бэкбит — он ведь великий рок-н-ролльный драммер, — и идеально вписался в коллектив».

Спустя всего шесть дней после увольнения Пита Джон, Пол, Джордж и Ринго попадают в объективы телекомпании «Гранада» — их снимают во время обеденного концерта в «Кэверн». Пит приходит на них посмотреть. Его замечает отец Пола, Джим, и победно восклицает:

— Их показывают по телевизору! Здорово, правда?

— Простите, мистер Маккартни, — отвечает Пит, — это не у меня надо спрашивать.

За следующие два года битлы в совокупности зарабатывают 17 миллионов фунтов. Пит примыкает к *Lee Curtis and the All Stars*, а когда Ли начинает сольную карьеру, группа меняет название на *The Pete Best All-Stars*. Затем один член группы выбывает, и они становятся *The Pete Best Four*. Когда уходит еще один член группы, название становится *The Pete Best Combo*. Слава «Битлз» растет, интерес к Питу пропадает. «Доход был скромный или вообще никакой, мне едва хватало на оплату счетов. Дошло до того, что приходилось собирать по карманам мелочь на курево. Я уже не мог оставаться в стороне и не обращать внимания на тот факт, что и мне положена доля от успеха «Битлз», ведь я к этому тоже причастен».

Жена Пита, Кэти, работает продавщицей в кондитерской универмага «Вулвортс». Однажды в 1967-м, дождавшись, когда она уйдет на работу, Пит поднимается в спальню, запирает дверь, закупоривает все щели, кладет подушку на пол перед газовым камином и поворачивает вентиль. Рори, брат Пита, приходит, когда тот уже почти без сознания. Учуяв запах газа, Рори выламывает дверь и с криком: «Дебил хренов!» — приводит Пита в чувство.

В тот же год Хантер Дэвис заканчивает фундаментальную биографию «Битлз». Он частенько рассказывает им о своих поездках, а им всегда интересно узнать, как поживают старые приятели. «Им было интересно почти про все, кроме Пита Беста. Они его как будто отрезали, — можно подумать, он вообще не затронул их жизнь. Моя весть о том, что Пит теперь режет хлеб за восемнадцать фунтов в неделю, почти не вызвала отклика — разве что Пол скривился. Джон задал пару вопросов, но быстро остыл, и они вернулись к работе над новой песней»[101].

В 1969 году Пит начинает карьеру госслужащего и поступает в бюро по трудоустройству. Многие годы две его дочери, Беба и Бонита, даже не подозревают, что их отец некогда был одним из

битлов.

Сейчас Пит, семидесятивосьмилетний пенсионер, возглавляет группу *The Pete Best Band*. Его веб-сайт — *www.petebest.com* — обещает, что «с первого же удара вы погрузитесь в ностальгию по «золотым годам» «Битлз», 1960–62 гг.». Тэглайн сайта: «Человек, который дал «Битлз» бит».

В 2019-м, по подсчетам «Санди таймс», состояние Ринго Старра оценивалось в 240 миллионов фунтов, что делает его восьмым самым богатым музыкантом в мире. Он посвящен в рыцари, владеет домами в Лондоне, Лос-Анджелесе и Монте-Карло и женат на Барбаре Бах, бывшей девушке Бонда[102]. Старая барабанная установка Пита Беста выставлена в ливерпульском музее истории «Битлз» — печальная и одинокая, как памятник утрате; могила неизвестного барабанщика. В аудиогиде Джордж Мартин объясняет: «Он, может, и был самым симпатичным, но был молчалив и не обладал такой харизмой, как остальные. Что важнее, играл он хорошо, но, как по мне, не отлично. Я и не понимал, что ребята думают то же самое, а они взяли и приняли это как окончательное решение, катализатор, и бедняге Питу дали пинка. Я всегда ощущал себя чуточку виноватым. Но думаю, Пит это пережил».

20

В старый дом Пита Беста на Хейменс-Грин я приехал вечером четвертого дня ежегодной Недели «Битлз». В его подвале сохранен интерьер клуба «Касба»[103]. Такой себе подвалистый подвал, темный, сырой и душный, был полон людей за семьдесят, похожими на Берни Сандерса или Бернарда Мэннинга. Многие щеголяли футболками с символикой битлов. Группа-двойник настраивала инструменты в аутентичной манере 60-х, снова и снова повторяя «раз-два, раз-два», все никак не доходя до трех.

«Касба» — это храм Пита Беста, а не «Битлз»; имя Ринго тут вообще под запретом. У входа продавались фотографии группы: Джон, Пол, Джордж и Пит, — все подписанные Питом, по цене 15 фунтов за штуку. К обтянутой красным сукном доске была пришпилена газетная вырезка с заголовком: «ПЕТИЦИЯ ЗА ТО, ЧТОБЫ НАЗВАТЬ УЛИЦУ ИМЕНЕМ ПИТА БЕСТА, НАБРАЛА 10000 ПОДПИСЕЙ». У меня сразу возник вопрос: в Ливерпуле уже есть Пол-Маккартни-уэй и Джон-Леннон-драйв — так почему бы не быть и Пит-Бест-авеню?

Снаружи, в саду, индонезийская группа-двойник *The Indonesian Beat Club*, состоящая из пяти «вечных обожателей «Битлз»», исполняла энергичную версию «My Bonnie», совсем как Пит и его группа в старые времена. Встав в очередь за напитком, я услышал, как кто-то упомянул фан-клуб Пита Беста. Это блог в «Твиттере», у которого целых 53 подписчика. Твиты такие: «PETE IS BEST», «МНЕ ТАААААК ХОЧЕТСЯ ПИТА БЕСТА ЧТО Я СХОЖУ С УМА», «Счастье в Пите Бесте!». И трогательное: «МОЙ ПИТ БЕСТ ТИХО ПЛАААЧЕЕЕЕТ»[104].

Флаеры у входа рекламировали Волшебный музей «Битлз», которым управляет сводный брат Пита, Роаг, сын Моны и Нила Эспинолла.

Среди экспонатов коллекции — барабанная установка Пита «Премьер», а история тут оканчивается 1962 годом; ощущение, будто Ринго никогда и не было на свете. Посетителей приветствуют таблички: «ПИТ, ДЖОН, ПОЛ, ДЖОРДЖ, СТЮАРТ». По заявлению Роага, это «не просто самый аутентичный музей «Битлз» в Ливерпуле, но и самый аутентичный музей «Битлз» во всем мире. Мой старший брат был первым барабанщиком «Битлз», с 1960-го по 1962-й. С ними он выступил более 1000 раз и записал 27 треков».

На сайте Пита Беста говорится, что «в свободное от звездных обязанностей время Пит много гастролирует с группой *The Pete Best Band*. Их саунд повторяет «Битлз» в годы становления, когда

они и были для многих теми самыми «Битлз»».

21

Вечеринка:

Кафе «У Риса»

Паркер-стрит, 9–13, Ливерпуль

23 августа 1962 г.

В июле 1962-го Синтия понимает, что беременна. Полагая, что Джон плохо воспримет известие, Синтия тянет несколько дней. Наконец набирается смелости.«Он побледнел, в его взгляде мелькнул страх. «Выход один, — сказал Джон. — Мы женимся»».

Синтия говорит, что это необязательно, но Джон настаивает. На следующий день он сообщает новости Брайану Эпстайну. Тот подтверждает, что жениться вовсе не обязательно. «Битлз» только-только подписали контракт со звукозаписывающей студией, и известия о женитьбе битла могут отпугнуть поклонниц. Тетя Мими не желает слышать о свадьбе и заявляет, что Синтия просто хочет привязать Джона к себе.

Сообразив, что Джон настроен серьезно, Брайан берет все на себя: бронирует срочную регистрацию на первую же свободную дату, через две недели.

Двадцать третьего августа Брайан, одетый в элегантный костюм в тонкую полосочку, забирает Синтию из ее съемной квартиры. На Синтии белая блузка с высоким воротником и рюшами, жакет и юбка в лилово-черную клетку, черные туфли, а в руках черная сумочка. Брайан на машине с шофером отвозит ее в бюро записи актов гражданского состояния на Маунт-Плезант. По пути он по мере сил успокаивает невесту и говорит ей, что она очень мило выглядит.

Джон, Пол и Джордж в стильных черных костюмах расхаживают по приемной загса. Синтии кажется, что все «жутко нервничают». Ее брат Тони с женой Марджори тоже пришли.

Заведующий загсом начинает речь, но тут снаружи раздается грохот отбойного молотка. Церемония продолжается. На все про все уходят считаные минуты. Жених и невеста расписываются в акте: Джон Уинстон Леннон, 21 год, музыкант (гитарист), и Синтия Пауэлл, 22 года, студентка (Художественный колледж).

Ну и что дальше? Брайан предлагает отправиться в кафе «У Риса», что за углом, и пообедать. Битлы выбирают зал на первом этаже: он дешевле, чем «Феймос Грил Рум» на верхнем.

Невеста с женихом и пятеро гостей встают в очередь за супом, курицей и десертом. Спиртное здесь не подают, и за здоровье молодых поднимают стаканы воды. Джон сияет от гордости. Синтия на седьмом небе: «Это даже лучше, чем венчание в церкви и прочие прелести».

Брайан дарит им посеребренную пепельницу с гравировкой: «Удачи, ДЖОН И СИНТИЯ. От Брайана, Пола и Джорджа, 23 авг. 62 г.», а еще набор для бритья в кожаном чехле с монограммой «JWL»[105]. Джон будет всюду брать его с собой. За обед — по 15 шиллингов на нос — платит Брайан, который также сообщает, что на Фолкнер-стрит у него есть квартирка, где Джон и Синтия могут жить сколько угодно. Синтия от радости кидается ему на шею. Брайан смущен.

Той же ночью битлы дают концерт в Честере, и Синтия пользуется возможностью обустроить квартирку. Джон в дурном настроении, срывается на разогревающей группе: «Вы все наши песни исполняете!» О свадьбе он не говорит никому. Даже Ринго, новый барабанщик, не в курсе.

22

В ноябре 1962-го двадцатидвухлетний шеффилдский антрепренер с необычным именем Питер Стрингфеллоу искал группу для выступления в своем новом ночном клубе «Блэк кэт»[106]. Название завлекающее, самое то; под тем же названием Стрингфеллоу устраивал вечерние мероприятия в церкви Святого Айдана, где иногда арендовал помещение.

Проглядывая «Нью мюзикл экспресс», Стрингфеллоу наткнулся на объявление группы «Битлз». То, что нужно, решил он: их песню «Love Me Do» в начале октября один клиент попросил поставить первой. С тех пор ее заказывали еще не раз.

В родительском доме телефона не было, и Стрингфеллоу вышел на улицу к будке.

Его соединили с менеджером группы, мистером Эпстайном, и тот запросил 50 фунтов.

— Полсотни?! — воскликнул Стрингфеллоу. — Прошу прощения, но столько получает за выступление Скриминг Лорд Сатч, а про ваших «Битлз» никто слыхом не слыхивал!

Так ведь у «Битлз», напомнил Эпстайн, есть песня в чартах, в отличие от Сатча.

Однако Стрингфеллоу знал, что «Love Me Do» теряет позиции, и обещал подумать. На следующий день он перезвонил Эпстайну, готовый заплатить 50 фунтов, но Эпстайн ответил, что цена уже 65. Он явно мандражировал не меньше самого Стрингфеллоу. Чутье подсказывало, что битлы теперь нарасхват и Эпстайн не справляется с их успехом. Стрингфеллоу снова обещал подумать.

Слово он сдержал и через два дня перезвонил. Сказал, что готов платить 65 фунтов, но цена Эпстайна выросла до 100 фунтов. «У «Битлз» выходит новый сингл, который окажется в топе», — уверенно заявил он. Стрингфеллоу пытался торговаться, но мистер Эпстайн предупредил, что ниже 90 фунтов цену не сбросит. Наконец они сговорились на 85. Стрингфеллоу был потрясен. «Из будки я вышел весь в поту, потому что ни одной группе еще столько не платил».

Между пропажей «Love Me Do» из чартов и выходом «Please Please Me» возникла жутковатая пауза. «Битлз» как будто затихли. Стрингфеллоу паниковал: деньги на ветер?!

Он дал объявление в «Нью мюзикл экспресс»: в апреле в «Блэк кэт» выступают «Битлз», — и заказал в типографии билеты с указанной на них ценой — 4 шиллинга каждый. Заявки хлынули потоком, даже из Шотландии, и тогда он снова пошел в типографию, попросив ставить цену 5 шиллингов. К январю он

продал больше 1500 билетов, а ведь столько народу в «Блэк кэт» не уместится.

Стрингфеллоу отыскал новое место — танцевальный зал «Азена», самый пафосный в Шеффилде, — и дал объявление в «Нью мюзикл экспресс» о смене площадки. Ко второму апреля он продал 2000 билетов, а в вечер концерта к залу явилась еще тысяча человек в надежде, что им повезет пробиться внутрь.

23

На Неделю «Битлз» в Ливерпуль я прибыл слишком поздно, пропустив выступление *Les Sauterelles* на открытии. Группа образовалась в 1962-м и, как сказано в брошюре, «быстро стала самой популярной швейцарской бит-группой 60-х. Жарким летом 68-го их сингл «Heavenly Club» на шесть недель возглавил швейцарские чарты».

После них выступала венгерская группа-трибьют «Битлз», *The Bits*, следом — *The Norwegian Beatles*, «самая, наверное, северная группа-трибьют», потом *Clube Big Beatles* из Бразилии, которые собирались открыть свой собственный клуб «Кэверн» в Сан-Пауло. На крытой сцене выступали шведская *The Bertils, The Fab Fourever* («ведущий канадский трибьют «Битлз»»), *Bestbeat* из Сербии, которых в 2012-м «Ньюсуик» назвал «одной из тридцати самых выдающихся групп-трибьютов «Битлз» на планете», и *B. B. Cats*, женская группа из Токио, специализирующаяся на гамбургском репертуаре «Битлз».

Сегодня в мире выступает больше тысячи трибьютов. Многие — гватемальцы *Tefeatles*, бразильцы *Rubber Soul*, колумбийцы *Nowhere Boys*, испанцы *Abbey Road* — существуют дольше самих «Битлз»: к примеру, британские *Bootleg Beatles* вот уже сорок лет играют вместе, как и австралийские *Beatnix*.

Вечером я встал в долгую извилистую очередь у Большого центрального зала посмотреть на калифорнийских *The Fab Four*, одну из самых успешных групп-трибьютов в мире. Почти всем в очереди было за семьдесят, то есть на пике битломании им было лет по пятнадцать. Мужчины носили мешковатые джинсы и футболки с символикой «Битлз», а женщины — слаксы и объемистые топы. Несколько человек прикатили в инвалидных колясках. На рок-концертах фаны ломятся поближе к сцене, но, когда двери в Большой центральный зал отворились, большинство устремилось наверх, к сидячим местам.

Шоу открывал унылый тип в джинсах и вязаной шапочке. Он заунывно пропел пассивно-агрессивную «Dont't Let Me Down»[107] Джона под дерганые попытки изобразить пиротехнические фокусы на акустической гитаре. Что я забыл среди этих старперов в битловских прикидах? Переодеть их — и будет встреча ветеранов Второй мировой, собравшихся на показательные полеты «спитфайров»[108].

© *Pictorial Press Ltd/Alamy/DIOMEDIA*

В 1970-е годы мои родители любили телепередачу «Старые добрые времена»[109]. Зрители в студии одевались эдвардианцами: джентльмены в шляпах-канотье, блейзерах и с моржовыми усами; женщины — в шляпках с перьями и пышных платьях с высокими воротничками. Они восхищенно ахали, когда напыщенный церемониймейстер, Леонард Сакс, объявлял очередной водевильный номер — чечеточник, фокусник, квартет барбершоп, — разражаясь потоком витиеватых слов: «Престидижидация!» («Ооох!»), «Изобильно!» («Аааx!»), «Велеречиво!» («Ооох!») — и стуча молотком. Под занавес все дружно принимались петь «Down at the Old Bull and Bush»[110]. Тогда это называлось путешествием по закоулкам памяти; зрители, сидя по домам, с радостью сговаривались одурачить время, повернуть его вспять и воскресить мертвых.

Так, может, и это воскрешение «Битлз» — все та же старая пластинка, грезы о синих высоких холмах?[111]

Я вспомнил край забытых нег,
На солнце дол сосновый,
Дорог счастливых вечный бег,
Где не ходить мне снова.

Такие вот тоскливые мысли одолевали меня, когда на сцену вышли *The Fab Four*. Стоило им заиграть «She Loves You», и словно зазвучали сами «Битлз», да и на мой подслеповатый взгляд они казались битлами: Пол изгибал брови и закатывал глаза, задумчивый Джордж витал в облаках, Ринго мотал головой из стороны в сторону, Джон широко расставил ноги, будто верхом на осле. Передо мной разыгрывалась некая волшебная иллюзия. Вроде бы понимаешь, что это не настоящие битлы — откуда бы? Но подсознательно веришь, что это и впрямь они. Как на спектакле: да, понятно, что на сцене актеры, но воспринимаются они как живые Отелло с Дездемоной. Фокус — в переплетении знания и воображения. И когда на сцене *The Fab Four*, включается иная иллюзия, столь же убедительная, столь же преходящая: пока они играют, мы все становимся на полвека моложе и зачарованно внимаем битлам в зените их славы.

24

Хелен Шапиро выгнали из школьного хора за несдержанность. Она так и норовила оживить строгие гармонии.

Тогда двенадцатилетняя Хелен собрала свою группу *Suzie and the Hula-Hoops*, в которую вошли ее однокашники: Марк Фельд[112], Стивен Гульд и Сьюзан Сингер.

Группа, впрочем, скоро распалась. Хелен частенько зависала у актерского входа театра «Хакни эмпайр», неподалеку от ее дома, и высматривала звезд: Адама Фейта[113], Билли Фьюри, Клиффа Ричарда и *Lord Rockingham's XI*. Однажды ей даже удалось получить автограф Марти Уайлда[114].

В тринадцать лет она решила, что станет либо стюардессой, либо певицей. Окончательный выбор за нее сделал дядя Гарри, которому случилось увидеть рекламу школы современной популярной песни Мориса Бермана, в которой когда-то училась Альма Коган[115]. Берман и сам до войны играл на барабанах в ведущих эстрадных оркестрах[116], а нынче вел колонку в «Мелоди мейкер»[117]. Познакомившись с юной Хелен, он пришел в восторг от ее глубокого блюзового голоса и даже отказался брать с нее плату. Каждую субботу Хелен посещала занятия у него в школе на углу Бейкер-стрит и Мэрилебон-роуд, где разучивала гаммы, оттачивала дикцию, фразировку и умение работать с микрофоном.

Спустя полгода Берман связался со своим старинным другом, дирижером и продюсером Норри Парамором[118]. Парамор предложил Хелен сделать пробную запись в студии EMI на Эбби-роуд. Она исполнила «Birth of the Blues»[119], и Парамор просто не поверил, что тринадцатилетняя девочка обладает таким мощным, хорошо поставленным голосом.

EMI заключили с Хелен контракт. Вместо процента с прибыли ей предложили пенни за каждый сингл и шесть пенсов за каждую долгоиграющую пластинку на двенадцать песен. Если Хелен добьется успеха, выплаты вырастут до трех фартингов за песню и далее, вплоть до максимальных двух пенсов за сингл. «Все решалось за меня. В EMI работали ушлые бизнесмены, а я была девчонкой, которой хотелось просто петь. Финансовой стороной дела я не интересовалась, а спохватилась слишком поздно».

Хелен и ее родители хотели сменить ей имя. В то время еврейские исполнители часто так поступали, чтобы не стать жертвами антисемитизма. Однако Норри Парамор посчитал, что мало кто сообразит, что фамилия Шапиро — еврейская, а сама по себе она была броской, так что ее решили сохранить.

Десятого февраля 1961 года вышел первый сингл Хелен «Don't Treat Me Like a Child»[120]. Сперва он достиг приличного, казалось бы, двадцать восьмого места в чартах, но потом Хелен засветилась в первом выпуске нового музыкального шоу «Спасибо счастливым звездам»[121], и сингл взлетел на четвертую позицию. Хелен стали узнавать на улицах.

Ее следующие две песни «You Don't Know» и «Walkin' Back to Happiness»[122] разошлись тиражом в миллион пластинок каждая и оказались на первом месте в чартах. В 1961 году Хелен заслужила звание лучшей певицы страны и на следующий год — тоже.

Ближе к концу 1962-го промоутер Артур Хаус рассказал, что собирает исполнителей для ее очередных гастролей по стране. «У тебя будет славная компания. Кенни Линч, Дэнни Уильямс[123]. На поддержке у тебя снова *The Red Price Band*. Конферансье — Дейв Аллен[124]. Еще будет женская группа *The Honeys*[125] и бристольский вокальный квартет *The Kestrels*. Будут и новички, «Битлз». Не знаю, может, ты слышала их «Love Me Do»?»

«Битлз» Хелен, конечно же, знала: «Смешные ребята со смешными прическами». Гастроли начались 2 февраля с концерта в брэдфордском театре «Гомонт».

Открывали его *The Red Price*, затем выступали *The Honeys*, комик (и по совместительству конферансье) Дейв Аллен и «Битлз», а закрывал первое отделение Дэнни Уильямс (прозванный «британским Джонни Мэтисом»)[126]. После перерыва на сцену снова выходили *The Red Price*, а следом за ними *The Kestrels*, Кенни Линч, Дейв Аллен и, наконец, гвоздь программы — Хелен Шапиро.

Во время саундчека в Брэдфорде Хелен познакомилась с басистом «Битлз» Полом. «Я сказала что-то типа, мол, мне нравится «Love Me Do», а он познакомил меня с остальными битлами. Они очень радовались, ведь это был их первый большой тур. Раньше они выступали в клубах и дансингах Гамбурга и Ливерпуля, но на гастролях не были ни разу и горели желанием попасть на сцену».

Тут кто-то из парней заикнулся, мол, они написали для Хелен песню «Misery», но ее от имени Хелен завернул Норри Парамор. Хелен извинилась и сказала, что ничего об этом не знает.

Когда «Битлз» вышли на сцену, Хелен отметила их излишне громкое звучание. Очевидно, они привыкли к шумной публике в зале. «Вскоре они сообразили, что если зрители в зале сидят, а не пляшут, то не надо выставлять звук до предела… Им еще многому предстояло научиться».

Менеджеры предлагали Хелен ездить отдельно ото всех, в

лимузине — звезда ты или кто? — но она предпочитала сидеть в автобусе с разогревающими группами. «Я бы эти покатушки ни на что не променяла, особенно с «Битлз»». В автобусе битлы расчехляли гитары, а Хелен пела что-нибудь типа «The Locomotion»[127]. Она вспоминала, как Пол набивал руку, отрабатывая автограф, а потом спрашивал, как ей. Во время одной из таких совместных поездок Джону и Полу пришла в головы мысль подбежать к микрофону и хором спеть «У-у-ууу!»; всего через несколько недель их новая фишка станет вызывать у поклонниц экстаз.

Однажды вечером Хелен впустила битлов к себе в гримерку, где они впервые увидели себя по телевизору. Джон себя просто не узнал, особенно в «жокейской» стойке. Парни толкались и перешучивались: «Нет, ну ты глянь», «Ну ты и урод».

© David Redfern/Redferns/Getty Images

Гастроли продолжались, популярность «Битлз» росла и росла,

а вот слава Хелен сходила на нет. Так совпало, что и «Битлз», и Хелен почти одновременно выпустили по синглу: 17 января — «Please Please Me», а «Queen for Tonight»[128] — 26 января. Шли недели, и знаменитый хедлайнер поменялась местами с какой-то там группой на разогреве. К началу февраля «Please Please Me» занимала 33-е место в чартах, тогда как «Queen for Tonight» не попала в них вовсе. К 6 февраля «Please Please Me» поднялась на шестое место, а «Queen for Tonight» по-прежнему не было видно. Тринадцатого февраля «Queen for Tonight» со скрипом выбралась на 42-е место, тогда как «Please Please Me» занимала третье. К 23 февраля «Please Please Me» занимала второе место, а «Queen for Tonight» была на 33-м и выше подняться не сумела: на следующей неделе сползла на 35-е. Хелен было всего шестнадцать, а она уже теряла успех: «В четырнадцать я стала открытием, но пострадала от синдрома Ширли Темпл[129]. Выросла. Еще звездой не перестала быть, а уже тихонечко устаревала».

Однажды, читая в автобусе музыкальную газету, она наткнулась на заголовок «Шестнадцатилетняя Хелен Шапиро вышла в тираж?». «Меня словно ударили под дых». Джон Леннон, который был на шесть лет старше, заметил ее огорчение. Отношения у них всегда были хорошие: Хелен, как и многие ее сверстницы, была в него влюблена. Он же, как ни странно, опекал ее, относился к ней — по словам самой Хелен — как «к младшей сестре».

— В чем дело, Хелли?

Она показала обидный заголовок, и Джон попытался ее утешить:

— Ерунда, было бы из-за чего расстраиваться! Ты классная. Еще много лет петь будешь.

Но никакие утешения не могли скрыть правду. Потом Хелен Шапиро будет вспоминать это время как «важную веху — не для меня одной, но для многих соло-исполнителей. «Битлз» возвестили о наступлении новой эры, о новой волне групп, о ливерпульском феномене».

К концу февраля «Битлз» стали популярнее Дэнни Уильямса, и им доверили закрывать первое отделение. Теперь уже вопли зрителей заглушали музыку. Хелен так и продолжала ездить в автобусе с группами на разогреве, но Брайан Эпстайн, видя, как растет звездный статус битлов, пересадил их в отдельную машину. Для них гастроли завершились досрочно, и парни отправились давать собственные концерты. Хелен их не хватало: «После их отъезда все стало по-другому».

Впоследствии она продолжила записываться. «Песни становились лучше, зато продажи падали. Весь 1963 год

ливерпульский феномен набирал обороты. Интерес к лондонским исполнителям пропал, как и к соло-артистам. Зловещее предупреждение увидел всякий, кто выступал вне группы, особенно без барабанов, соло-, бас- и ритм-гитары».

Следующий сингл Хелен, «Woe is Me»[130], поднялся только на 35-е место. К октябрю 1963-го, когда у Хелен вышла «Look Who it Is»[131], «Битлз» стали самой популярной группой в Британии: «She Loves You» занимала первое место и уверенно шла к тиражу в миллион экземпляров.

Желая помочь Хелен в продвижении ее сингла, продюсер телепередачи «На старт, внимание, марш!»[132] предложил ей выступить на камеру: спеть эту песню перед «Битлз», которые были хедлайнерами. Условились, что Хелен споет по куплету для каждого из битлов по очереди, но, так как куплетов было всего три, один из парней оставался не у дел. Бросили монетку, и проигравшим оказался Пол, который отправился на соседнюю студию, где судил конкурс двойников: четыре девочки под фонограмму исполняли «Let's Jump the Broomstick»[133] Бренды Ли.

Пол решил, что победила девочка под номером четыре, четырнадцатилетняя Мелани Коу из лондонского района Стэмфорд-Хилл.

25

На предыдущих шоу призом было свидание с поп-звездой, но в этот раз победительнице пришлось довольствоваться альбомом «Битлз» «Please Please Me». Узнав об этом, Мелани Коу не смогла скрыть огорчения. «Я-то думала, что буду ужинать с «Битлз», поэтому ужасно расстроилась». Вдобавок Пол так крепко пожал ей руку, что у Мелани отклеились накладные ногти. «Я их в первый раз наклеила, хотела, чтоб все было супер-пупер». Впрочем, продюсеры, впечатленные ее природной живостью, предложили Мелани годичный контракт в группе подтанцовки, что ее несколько утешило и позволило познакомиться со звездами вроде Стиви Уандера, Дасти Спрингфилд[134], Силлы Блэк и *Freddie and the Dreamers*.

Жила бы Мелани дальше спокойной жизнью простой школьницы, если бы Пол ее тогда не выбрал? Вместо этого она утратили покой и, осмелев, против воли родителей, зачастила в центр Лондона. «В 1964-м в городе было три или четыре дискотеки. Куда ни пойдешь — всюду одни и те же лица».

В одну из таких тайных вылазок она со своей подругой из Гамбурга отправилась в клуб «Бэг о'нейлз»[135], на Кингли-стрит, недалеко от Карнаби-стрит. Ей, прямо как в песне «Битлз», было всего семнадцать[136]. Подруга давно уже хвастала, что знакома с битлами, но Мелани не верила. «Мы сидели, выпивали, и тут входит Джон Леннон со своей свитой. Подруга ему машет, он подходит и говорит: «А, это ты! Давай к нам!» Я глазом моргнуть не успела, как вся такая, семнадцатилетняя, сижу за столом с Джоном Ленноном! Вот как все было!»

После двух таких знаковых встреч — сперва с Полом, потом и с Джоном — редко какая девушка устоит перед соблазнами взрослой жизни. К несчастью, вскорости Мелани забеременела. Однажды днем, бросив на кухонном столе записку — все сказано в ней[137], — Мелани покинула дом и переселилась к своему дружку-крупье, в лондонский район Бейсуотер.

Прошла неделя с ее побега, и вот 27 февраля 1967 года она увидела в «Дейли мейл» свое фото и статью под заголовком: «Старшеклассница бросила машину и пропала».

Волей случая в тот же день ту же газету прочитал и Пол Маккартни. Тот же заголовок попался ему на глаза. Статья начиналась:

> Отец семнадцатилетней Мелани Коу, школьницы, у которой, казалось бы, было все, вчера искал дочь в

Лондоне и Брайтоне.

У Мелани была собственная машина, «остин-1100». Когда девушка пропала, машина осталась у дома, незапертая.

Оставив полный гардероб одежды, она ушла в чем была, одетая в брючный костюм цвета корицы и черные лаковые туфли. Чековую книжку она тоже не взяла и деньги со счета не снимала.

Мелани — блондинка, ростом 5 футов 1 дюйм, ученица выпускного класса — готовилась к экзаменам. Она планировала поступать в университет или театральную школу.

«Ума не приложу, почему она сбежала, — сообщил репортерам отец. — У нее все есть. Та еще была модница, но всю одежду оставила дома, даже меховую шубку».

Не подозревая, что Мелани — та самая девушка, которую он три с лишним года назад выбрал победительницей конкурса двойников, Пол вдохновился и сочинил «She's Leaving Home».

«У меня в голове сложились стихи: она сбегает, оставив записку, родители просыпаются, а потом… Получалось довольно щемяще, — припоминает он. — Я показал текст Джону, он добавил реплики греческого хора, длинные продолжительные ноты. Одна из фишек структуры песни в том, что она бесконечно удерживается на этих аккордах».

Реплики хора Джон написал без труда. «Мы посвятили ей жизнь», «Как нелегко нам пришлось», «Все что желаешь — иди покупай». В свое время он этих жалоб наслушался от тети Мими.

«Битлз» записали «She's Leaving Home» вечером 17 марта 1967 года. К тому времени Мелани Коу уже вернулась к родителям, которым удалось-таки ее отыскать.

Впервые она услышала эту песню в конце мая, когда та вышла на альбоме «Sgt. Pepper». «Я и не поняла, что в песне поется обо мне, подумала только, что это, в принципе, может быть про меня. Она так грустно звучала. За душу брала. А когда мне было уже за двадцать, мама сказала: «Знаешь, та песня — про тебя»». Она видела интервью с Полом по телевизору, в котором он сказал, что написал песню, вдохновившись газетной статьей, и сложила два и два.

«Самое интересное в песне — это слова отца: «Все что желаешь — иди покупай». В статье отец говорит примерно то же. Он не понимает, зачем мне было сбегать из дому, ведь они покупали мне все, обеспечивали меня. Это правда: мне купили

машину, постоянно дарили дорогие шмотки и всякое такое. Но, как известно, с родителями не всегда можно ужиться, да и любовь за вещи не купишь».

Маккартни, сам того не зная, угадал и еще кое с чем: до того как податься в крупье, парень Мелани, намного ее старше, торговал автомобилями[138].

26

1963 год «Битлз» начали с разовых выступлений: на танцевальном вечере Вулвергемской благотворительной ассоциации в ратуше Уиррала (14 января) и на вечеринке клуба молодых баптистов в кооперативе Дарвена (25 января). Четвертого апреля, в разгар весны, они дали дневной концерт для мальчиков из школы Стоу в Бакингемшире.

Однако их слава быстро росла. В марте второй сингл, «Please Please Me», не попал на первое место британских чартов лишь потому, что все никак не ослабевала популярность «Wayward Wind» Фрэнка Айфилда[139] и «Summer Holiday»[140] Клиффа Ричарда. Зато в мае «From Me to You»[141] первым из битловских синглов вышел на первое место; дебютный альбом «Please Please Me» тоже оказался на первом месте — да там и остался на четыре с лишним месяца.

К концу месяца «Битлз» второй раз появились на национальном телевидении, с песней «From Me to You» — в детской программе «Попс и Ленни»[142], где им аккомпанировал львенок Ленни, знаменитая кукла-варежка. Более того, для них придумали новую радиопередачу на Би-би-си: «Вот идут «Битлз»»[143]. Отдел исследования слушательской аудитории Би-би-си подсчитал, что первый выпуск радиопередачи прослушало 5,3 процента населения страны или 2,8 миллиона человек; комментарии варьировались от «противного шума» до «того, что надо».

Впрочем, у славы есть и обратная сторона. Изначально Пол хотел отметить свой двадцать первый день рождения в родительском доме на Фортлин-роуд, но вскоре стало ясно, что из-за фанатов могут возникнуть проблемы. Маккартни перенесли празднество в дом тетушки Джин, в Хайтоне, на противоположном берегу реки Мерси. В большом саду за домом хватало места для просторного шатра, и никто не должен был помешать.

Вечеринка состоялась 21 июня 1963 года. В гости пришли: трое битлов; жена Джона, Синтия; брат Пола, Майк; два друга Майка, Роджер Макгаф и Джон Горман; друг Джона, Пит Шоттон; подружка Ринго, Морин; диск-жокей Боб Вулер, Джерри Марсден, Билли Дж. Крамер[144] и немало других музыкантов. Особенно Пол обрадовался, когда в дверь вошли *The Shadows*.

— Поверить не могу, — сказал он Тони Брамвеллу, работавшему на Брайана Эпстайна, и, поразмыслив, добавил: —

Хотя мы же вроде теперь равны?

— Да, только вы круче, — ответил Брамвелл; Пол взглянул на него с сомнением, так, «будто я его дурачил».

Пришла и новая подружка Пола, семнадцатилетняя актриса Джейн Эшер. Они познакомились за два месяца до этого. Синтии она очень понравилась: «Такая красивая, с золотисто-рыжими волосами, зеленоглазая. Вроде и с пяти лет актриса, но не зазвездилась, общаться с ней было просто. Дружелюбная она была».

Отец Пола, Джим, исполнял на рояле старомодные номера, а позднее на импровизированную сцену вышла подающая надежды группа *The Fourmost*. Их басист Билли Хаттон договорился с именинником об оплате: «Пол предложил мне обычную цену за такую работу, но раз уж мы все равно собирались на вечеринку, то попросили шиллинг и четыре с половиной пенса каждому».

Вечеринка продолжалась, а Пит Шоттон заметил в углу Джона: «жутко смурной, он потягивал скотч с колой». Джон Питу обрадовался, и вместе они вышли в сад. Выпив еще несколько стаканов, Джон принялся выискивать среди гостей поп-звезд.

— А вот Клифф Ричард не наведался, хотя мог бы, — проворчал он, перед тем как пойти за добавкой.

Пит тем временем пошел освежиться, а когда вернулся, то не поверил своим глазам. «Ушел в сортир с дня рождения, а вернулся на поминки. Какая-то херня случилась».

Боб Вулер, диджей и конферансье из «Кэверн», валялся на полу, в крови. Сказали, что он подшучивал над Джоном по поводу его недавней поездки в Испанию с Брайаном Эпстайном, вот Джон ему и отомстил. «Вулер поднял Джона на смех, а тот ему спьяну врезал», — припоминал в своей автобиографии Тони Барроу. Еще один помощник Эпстайна, Питер Браун, добавил подробностей: якобы, «обезумев от гнева и в дым пьяный», Джон принялся «мутузить» какого-то гостя; «оттаскивать Джона пришлось втроем, но он успел сломать бедняге три ребра».

Тони Брамвелл вспоминал, как «Джон рассвирепел. Набросился на Боба, сломал ему ребра, но и ему самому нос расквасили». Шоттон пошел дальше: «Джон в ответ сбил Боба с ног и несколько раз хватил его по лицу лопатой. Отделал его так, что пришлось вызывать «скорую»».

Синтия Леннон в своей второй автобиографии, написанной спустя сорок два года после этих событий (в первой о них она не упоминает), рассказывала: «Прилично набравшись, Джон взорвался. Кинулся на Боба, но к тому времени, как их разняли, Боб заработал фингал под глазом и ему здорово намяли ребра. Я побыстрее увела Джона домой, а Брайан повез Боба в больницу».

Джон якобы потом говорил Синтии: «Он назвал меня педиком». Прочие, однако, предположили, что Вулер сказал нечто более злоехидное: «Да ладно, Джон, расскажи, чем вы с Брайаном в Испании занимались. Мы же все знаем».

Тридцать шесть лет спустя Рекс Мейкин, семейный поверенный[145] Эпстайнов, поведал о случившемся, при этом ловко исключив из рассказа имя Брайана Эпстайна и отдых в Испании. Он предположил, что Вулер клеился к Джону: «В тот вечер все здорово напились, и Джон Леннон заподозрил, что Вулер к нему пристает. Поэтому и врезал ему, сломал нос и подбил глаз».

Биографы «Битлз» тоже рассказывают совершенно противоположные версии того события. Хантер Дэвис, приславший Эпстайну и битлам на утверждение экземпляр своей авторизованной биографии 1968 года, писал, что «Джон подрался с местным диск-жокеем», и процитировал его: «Я его страшно отделал. Все ребра ему переломал. По пьяни. Он обозвал меня гомиком…»

Некоторые биографы описывают случившееся более яркими красками. «Джон вспылил, — утверждал Рэй Коннолли. — Накинулся на Вулера, бил его по лицу и телу кулаками и палкой… Он как с цепи сорвался, а когда их наконец разняли, то Вулера, человека безобидного и гораздо старше Джона, Брайану пришлось срочно везти в больницу, где врачи занялись его подбитым глазом и ушибленными ребрами».

Филип Норман в своей биографии 1981 года «Shout!»[146] описал вечеринку как «типичную ливерпульскую попойку, разгульную и шумную». Упомянул, что «Джон Леннон подрался с другим гостем», но не сказал, кто это был или из-за чего началась драка. В биографии Пола 2016 года Норман был куда словоохотливей: не согласился с Конноли в том, что Вулер был безобиден, и напротив, охарактеризовал его как «язвительного острослова». Описывая драку, он говорил, что Джон «осыпал Вулера жестокими ударами по голове и туловищу», а вот оценку повреждений не привел, однако в биографии Джона 2008 года утверждал, что Вулер «заработал ушибы ребер и синяк под глазом».

В биографии «Битлз» 2005 года у Боба Спитца Джон колотил Вулера «жестоко, крепко сжатыми кулаками. Этого ему показалось мало, и тогда он схватил садовую лопату, которую забыли тут же во дворе, и пару раз ударил Боба черенком. Как говорит один из очевидцев: «Боб заслонялся руками, а Джон сбивал о него кулаки в кровь»». Если верить Спитцу, то Вулер уезжал на «скорой» совсем плохой: «сломанный нос, трещина в

ключице и три сломанных ребра».

Сломанный нос, трещина в ключице и три сломанных ребра! Кто больше?! Конечно же, самую высокую ставку делает Альберт Голдман. Из всех биографов Джона он беспощадней прочих и никогда не скупится на краски[147]: «Джон сжал кулак и врезал мелкому диск-жокею по носу. Потом схватил лопату, что лежала во дворе, и стал молотить ею Вулера до смерти. Удары сыпались на беззащитного человека, лежащего на земле. Дошло бы до убийства, если бы Джон внезапно не осознал: «Если ударю его еще раз, то прибью!» Невероятным усилием воли Леннон удержал свою руку. В тот же миг подбежали трое и разоружили его. Вулеру, который заработал сломанный нос, трещину в ключице и три сломанных ребра, вызвали «скорую». Леннон сломал себе палец».

Ни одно событие из жизни битлов не демонстрирует столь ясно случайную и субъективную природу истории, основанной, казалось бы, на объективности, но зиждущейся на зыбучих песках памяти.

Итак, таблица итогового счета выглядит следующим образом:

ТОНИ БАРРОУ

Описание нападения — «Ударил Вулера»

Нанесенный ущерб — Не упомянут

ТОНИ БРАМВЕЛЛ

Описание нападения — «Набросился на Боба»

Нанесенный ущерб — Сломал ему ребро, нос расквасил

ПИТЕР БРАУН

Описание нападения — «Отмутузил»

Нанесенный ущерб — Сломал бедро

РЭЙ КОННОЛИ

Описание нападения — «Накинулся на Вулера, бил его по лицу и телу кулаками и палкой»

Нанесенный ущерб — Подбитый глаз

АЛЬБЕРТ ГОЛДМАН

Описание нападения — «...схватил лопату... и стал молотить ею Вулера до смерти. Дошло бы до убийства...»

Нанесенный ущерб — Сломанный нос, три ребра сломано, вызвали «скорую».

СИНТИЯ ЛЕННОН

Описание нападения — «Кинулся на Боба»

Нанесенный ущерб — Фингал под глазом, ребра.

ДЖОН ЛЕННОН (1963) прессе

Описание нападения — «Я был просто не в себе и не понимал что творю»

Нанесенный ущерб — Не упомянуто

ДЖОН ЛЕННОН (1963) Барроу

Описание нападения — «Назвал меня сраным педиком, вот я его и отметелил»

Нанесенный ущерб — Ничего кошмарного, сам напросился

ДЖОН ЛЕННОН (1968) Хантеру Дэвису

Описание нападения — «Я его страшно отделал»

Нанесенный ущерб — Все ребра ему сломал!

ДЖОН ЛЕННОН (1980)

Описание нападения — «Я отлупил его почем зря, здоровенной палкой его бил»

Нанесенный ущерб — Все ребра ему сломал!

РЕКС МЕЙКИН

Описание нападения — «Врезал ему»

Нанесенный ущерб — Сломал нос

ФИЛИП НОРМАН

Описание нападения — «Жестоко осыпал ударами по голове и корпусу»

Нанесенный ущерб — Ушибы ребер

ПИТ ШОТТОН

Описание нападения — «Несколько раз хватил его по лицу лопатой»

Нанесенный ущерб — Отделал его, пришлось вызывать «скорую»

БОБ СПИТЦ

Описание нападения — «Жестоко молотил сжатыми кулаками»

Нанесенный ущерб — Сломанный нос, три сломанных ребра

Впрочем, все единодушны в том, что на следующий день Вулер связался с Рексом Мейкином, который решил действовать за обе стороны и в конце концов выторговал 200 фунтов компенсации Вулеру. Вскоре весть об инциденте достигла прессы. Ответственный за ограничение ущерба, Тони Барроу, связался с Джоном, но тот уперся рогом. «Он сухо сказал мне: «Вулер совсем охренел и берега потерял. Назвал меня сраным педиком, вот я его и отметелил… Не потому, что пьян был. Этот козел сам напросился. Он меня задирал, и я ему врезал. Хрен ему, а не извинения»». Барроу же, как ему и было положено, «подправил, отредактировал и приукрасил» этот безнадежный материал, так что на следующий день в «Санди миррор» писали:

> Прошлой ночью гитарист Джон Леннон, двадцатидвухлетний лидер группы «Битлз», сказал: «С

какой стати мне бить лучшего друга?[…] С Бобом я не стал бы драться. Надеюсь, он понимает, что я был просто не в себе и не ведал, что творю».

В больнице Вулер получил от Джона телеграмму с извинениями: «ПРОСТИ, БОБ. УЖАСНО СОЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО НАТВОРИЛ. ЧТО МНЕ ЕЩЕ СКАЗАТЬ?» Как потом выяснилось, от начала и до конца она была надиктована Брайаном Эпстайном[148].

Что же такого произошло в Испании? Почти все согласны в том, что, когда Джулиану было три недели[149] от роду, Брайан вдруг пригласил Джона поехать на отдых. В своей первой автобиографии, названной «A Twist of Lennon» (1978)[150], Синтия вспоминает, что Джон спросил, не возражает ли она, и тогда, «подавив обиду и зависть, я сказала, мол, поезжай». Во второй (2005) ее воспоминания изменились; теперь, когда Джон спрашивает, не возражает ли она, о зависти или обиде речи уже не идет. «Я искренне ответила, что не возражаю».

А вот непреклонный Альберт Голдман утверждает, что Джон соизволил навестить новорожденного сына лишь спустя неделю после его появления на свет, а потом, «обернувшись к Синтии, поставил ее перед фактом, что уезжает в отпуск с Брайаном Эпстайном». По версии Голдмана, Синтия совсем не думала уступать и «пришла в ярость от таких поразительных известий». Голдман добавляет, что к реакции Синтии Джон остался глух и заявил: «Ты снова только о себе и думаешь». Похоже, что эту версию он почерпнул из желчных мемуаров Питера Брауна «Любовь, которую ты отдаешь» (1983), хотя вряд ли Браун присутствовал при разговоре Джона и Синтии.

Так было что-то или нет? На самом деле все просто: никто ничего не знает, но все делают вид, будто знают, или хотят, чтобы остальные думали, будто им что-то известно. Синтия объясняет все это в двух предложениях. Отметает вздорные сплетни и говорит, что, когда Джон вернулся из Испании, «ему пришлось мириться с ехидными насмешками и намеками на то, что он — скрытый гей. Это приводило его в ярость: он просто хотел отдохнуть в компании друга, а тут раздули из мухи слона».

Что до тех, кто работал с «Битлз», то Алистер Тейлор и Тони Барроу согласны с Синтией в том, что никакой сексуальной подоплеки не было. Тейлор утверждает, что «в одном из откровеннейших разговоров Джон все отрицал». «Брайан меня не хотел, — сказал он Тейлору, добавив: — Даже если б мне совсем крышу снесло, я все равно мужика бы не трахнул. И уж точно не дал бы себя трахнуть. Даже такому классному чуваку, как Брайан.

Как подумаю, так блевать тянет». Барроу говорит: «Джон предельно ясно дал мне понять, что в этом деле ни о каких взаимных чувствах речи не идет… Не думаю, что в Испании или еще где-то отношения между Брайаном и Джоном приобрели плотский характер. Я верю в версию Джона: он поддразнивал Брайана и заигрывал с ним, но не переступил за грань».

С другой стороны, Тони Брамвелл утверждает, будто бы Джон признался, что в конце концов дал Брайану, «лишь бы он наконец отстал». При этом Брамвелл добавляет, что Джон мог и солгать. «Те, кто хорошо знал Джона, кто годами общался с ним, ни на секунду в это не поверили». Зато Питер Браун придерживается иного мнения, живописуя нереально красочную картину, словно бы взятую из бульварного романа: «Напившись сладкого испанского вина, в полудреме, Брайан и Джон молча разделись. «Все о'кей, Эппи», — сказал Джон, и они легли на кровать. Брайан и рад был бы обнять его, да только боялся. И вот Джон лежал на кровати, робкий и неподвижный, а Брайан воплотил свои фантазии, уверенный, что обретет наконец удовлетворение, но следующим утром проснулся все с той же щемящей пустотой внутри»[151].

Пит Шоттон был ближе всех к Джону и не склонен к домыслам. Он пишет, что, когда Джон с Брайаном уехали, «по всему городу пошли разговорчики». Когда же Джон вернулся, Шоттон его подколол: «Ну как, оттянулись там с Брайаном, а?» — на что Джон тихо ответил: «Знаешь, Пит, однажды ночью кое-что и правда случилось…

Эппи все нудил и нудил, пока я наконец одним вечером не спустил штаны и не сказал: «Да бога ж ради, Брайан, засади мне в жопу, и дело с концом». А он ответил: «Вообще-то, Джон, я таким не занимаюсь. Я не по этой части». — «Ну, — говорю, — а по какой тогда?» И он признался: «Мне бы просто хотелось тебя приласкать, Джон». Вот я и дал ему мне подрочить… Ну и что в этом такого-то, а, Пит? Подумаешь. Бедняга хренов, такой уж он».

И это говорят близкие люди. Неудивительно, что биографы Джона разделились во мнениях. Биограф Эпстайна, Рэй Коулман, настаивает на том, что ничего сексуального не было: «После смерти Эпстайна и Леннона нашлись те, кто — не имея доступа ни к одному из них и не будучи знаком с ними при жизни — взялся утверждать, будто бы между Брайаном и Джоном была сексуальная связь. И это — невзирая на отсутствие каких-либо доказательств, несмотря на твердые заверения Синтии и многих других женщин в гетеросексуальной ориентации Джона, несмотря на заявление Маккартни о том, что он, «как и все мы, миллион раз спал с Джоном в одном гостиничном номере и не заметил

никаких намеков на Джонову голубизну»». Коулман возражает, мол, Эпстайн «ни за что не стал бы рисковать так радикально, меняя отношения с кем-то из битлов по отдельности или со всеми вместе». Еще он добавляет, что «Эпстайн не был хищником», хотя на деле существует много свидетельств, заставляющих в этом усомниться[152].

В биографии Джона Рэй Конноли предполагает, что Пит Шоттон искренне верил в свои слова о том, что Джон якобы позволил Брайану подрочить ему. «Говорил ли Джон правду? В его окружении все знали о его откровенной гетеросексуальности. Но также он любил эпатировать. Может, он придумал историю о гомосексуальном опыте ради забавы или просто сгустил краски после того, как Брайан попристава л к нему? Возможно и то и другое. Вместе с тем он всю жизнь стремился изведать нечто новое. Так не была ли ему любопытна однополая любовь? И когда Брайан приударил за Джоном, не захотелось ли ему ощутить, каково это — когда тебя ласкает другой мужчина?»

Боб Спитц убежден, что «произошло нечто», но не уверен, что именно: «Уединившись в номере после целого вечера возлияний и дурачеств, Брайан инициировал нечто, что привело к физическому контакту». И хотя Спитц излагает соответствующий фрагмент биографии в условном наклонении: «Если Джон участвовал в некоем половом акте, то…», «Вполне возможно, любопытство взяло над ним верх…», «Он мог экспериментировать…» — но заканчивает на весьма конкретной ноте: «Вдали от дома, на прекрасном курорте с мужчиной — определенно, фигурой, замещающей отца, — который заботился о нем, Джон расслабился и открылся настолько, что беззаветно позволил этому случиться».

Неугомонный Голдман, что характерно, не оставляет места сомнениям: «У них с Брайаном был секс». Цитируя книгу Шоттона в качестве доказательства, он оспаривает детали: «Брайан поведал Питеру Брауну подлинную историю: он отсосал Джону. О такой близости Джон никому рассказать не мог, иначе заклеймил бы себя до конца жизни». Впрочем, как мы уже видели, Питер Браун оказался куда осмотрительней, упомянув только, что Брайан «воплотил в жизнь свои фантазии»».

Голдман, и так зайдя далеко, шагнул на мили дальше, утверждая, без каких-либо доказательств, что «Джон и Брайан не ограничились единственным сексуальным экспериментом в Испании. Они сохраняли половую связь до конца жизни Брайана, а их отношения носили деспотичный характер: Джон играл роль жестокого господина, а Брайан — покорного раба».

Книгу Голдмана Филип Норман справедливо

охарактеризовал как «враждебную» и «смехотворно невежественную». В своей биографии Пола Норман допускает, что половой акт между Джоном и Брайаном возможен, но не доказан, добавляя, что «спустя годы Джон поведал близкому другу, что у него было некое сношение с Брайаном, «всего разок, просто понять, как это, а потом еще раз — чтобы убедиться, что мне это не нравится»». А вот в биографии Джона Норман предлагает иное описание событий, на этот раз от Йоко Оно, у которой он за три года взял несколько интервью: «Спустя годы Джон наконец признался, что же там на самом деле случилось. Но не кому-нибудь из тех, с кем провел те годы, а невозмутимой женщине, с которой делил последнее десятилетие своей жизни. Однажды ночью во время той поездки Брайан отбросил всякое смущение и моральные принципы и открыто приударил за Джоном. Однако Джон ему ответил: «Если тебе так хочется, сними себе мальчика»». Норман добавляет, что «потом он намеренно скормил Питу Шоттону миф о кратковременной слабине, чтобы остальные поверили, будто у него есть абсолютная власть над Брайаном»[153].

Пожалуй, лучше оставить последнее слово за Полом. «Стоит случиться катастрофе, как свидетели наперебой несут свои версии, — заметил он спустя десятилетия, говоря о феномене «Битлз». — И все они правдивы».

27

1963 год «Битлз» начали в относительной неопределенности, а закончили самой знаменитой группой Британии. Еще через шесть недель они стали самой знаменитой группой в мире.

В начале 1963-го они были обычной поп-группой, которая перебивалась шабашками. Их первый сингл «Love Me Do» не поднялся выше 17-го места в чартах.

Их первый в 1963 году концерт организовал Элгинский клуб фолк-музыки — в танцевальном зале «The Two Red Shoes»[154] в шотландском городе Элгин, куда пришло двести человек. Из Элгина битлы на своем фургоне поехали в Дингуолл; по дороге парни так сильно мерзли, что лежали друг на друге, лишь бы согреться. «Когда лежавший сверху коченел, то перемещался вниз, — вспоминал потом Пол. — Так мы друг друга и грели».

Дела у многих других британских исполнителей — Адама Фейта, Марка Винтера, Джета Харриса[155] и, разумеется, *Cliff Richard and the Shadows* — шли не в пример лучше.

Успех «Битлз» лавиной обрушился на тех, кто в то время вырвался вперед. Коллективы и сольные исполнители, прежде неохотно бравшие битлов к себе на разогрев, оказались в унизительном положении — теперь уже они выступали у битлов на разогреве. За какие-то пять дней в сентябре «Битлз» сперва в отеле «Савой» получили награду «Лучшая вокальная группа года», а после возглавили «Большой поп-концерт» в Альберт-Холле. Тогда же «She Loves You» заняла первое место в чартах. Они стояли, одетые в новенькие, с иголочки, костюмы, на ступеньках на задах Альберт-Холла, и Пол с наслаждением подставлял лицо солнечным лучам. «Мы смотрели друг на друга и думали: «Вот оно! Лондон! Альберт-Холл!» Мы ощущали себя богами! Богами, мать их!»

И это было только начало. В октябре их выступление в телепередаче «Воскресный вечер в лондонском «Палладиуме»» привлекло пятнадцать миллионов зрителей. Четвертого ноября они выступали в телепрограмме «Королевское варьете». Позднее, в том же месяце их новый сингл «I Want to Hold Your Hand», не успев выйти, разошелся в Великобритании тиражом в миллион экземпляров. Это примерно по пластинке на каждые полсотни жителей страны.

К концу 1964-го они стали самыми знаменитыми парнями на планете. В музее мадам Тюссо их восковые фигуры заняли место рядом с мировыми лидерами, серийными убийцами и членами королевской семьи. В городе Уэст-Бриджфорд, графство

Ноттингемшир, четверо башковитых учеников школы-гимназии Беккета завершили школьный концерт пылким исполнением «From Me to You» на латыни[156]. Студенты университета города Лидс избрали Ринго Старра вице-президентом студенческой ассоциации юристов, предпочтя его бывшему лорду главному судье. Во время визита на студию EMI сэр Малькольм Сарджент, самый знаменитый британский дирижер того времени, спросил Джорджа Мартина, не мог бы тот познакомить его с битлами («Парни, тут с вами сэр Малькольм хотел бы поздороваться»).

Познакомиться с ними хотели все. Ярчайшие звезды Голливуда — Эдвард Г. Робинсон, Дин Мартин, Ллойд Бриджес, Кирк Дуглас, Шелли Уинтерс, Джек Пэланс, Джек Леммон — жертвовали деньги на благотворительность, лишь бы попасть в очередь за автографами. Во Франции Уоллес Симпсон, герцогиня Виндзорская в изгнании, напевала их песни. «Ах, «Битлз»! Ну как их можно не любить? — сказала она Ники Хэслему[157], восходящей звезде дизайна интерьеров. — «I give her all my love, that's all I do-ooo!»[158] Восхитительно. Вы с ними знакомы? О, вам повезло!»

А что же их соперники? Группы вроде *Peter Jay and the Jaywalkers* не могли смириться с этим, ведь еще год назад битлы смотрели на них снизу вверх. Джордж, стоя в дальнем конце зала, неотрывно следил за *The Jaywalkers*, когда те расставляли на сцене разноцветные прожекторы, сверкающую барабанную установку и взрывные тарелки, и думал о них как «о настоящих тяжеловесах». Но те дни миновали.

Группам, которые еще совсем недавно держались с «Битлз» на одном уровне, теперь за ними было не угнаться. *The Hollies* сформировались в 1962-м, к 1963-му уже выпускали хиты, но к 1964-му их успехи, по сравнению с достижениями «Битлз», выглядели мизерными. В опубликованных спустя полвека воспоминаниях Грэма Нэша[159] нетрудно уловить нотки негодования:

> Ругать «Битлз» в те дни значило богохульствовать. Да только кого это волновало? У меня вот их святость в печенках сидела. У битлов что было на уме, то и на языке, и их не заботило, как это воспримут другие. Лондон им покорился. Джон и Пол были святее папы римского, прямо хоть зови их Иоанном и Павлом. А если их имена не слетали у тебя с языка в беседе, то все, бери билет назад к себе в провинцию, и точка. Кит Ричардс в интервью «Лайф» прямо в жилу сказал: ««Битлз» теперь в каждой бочке затычка». Да, мне нравились их песни,

сама группа была классная. Все британские группы в долгу перед ними, но жопу им лизать — увольте. И потом, *The Hollies*, если не ошибаюсь, были в той же десятке, что и битлы, так если вам наши песни не нравятся — просто молчите в тряпочку.

28

В конце 1963-го «Битлз» две недели выступали по два раза в день — у них было собственное рождественское шоу в концертном зале «Астория», в Финсбери-Парк. Всего на их концерты было продано 100000 билетов. Конферировал Рольф Харрис, жизнерадостный и добродушный австралийский шоумен, чьи комические песенки «Tie Me Kangaroo Down, Sport» и «Sun Arise»[160], спродюсированные Джорджем Мартином, вошли в первую десятку хитов. Будучи лет на десять старше битлов, Харрис принадлежал к старой школе, в которой превыше всего ценился профессионализм.

Однажды вечером, пока Харрис объяснял неусидчивой молодежи в зале верования австралийских аборигенов, изложенные в песне «Sun Arise», Джон схватил микрофон и начал дурачиться за кулисами. И когда Рольф стал разливаться о том, как некоторые племена считают солнце богиней, из динамиков громыхнул скрипучий голос Джона: «Ну, не знаю, не знаю, Рольф».

Публика взревела от смеха. Рольф завертел головой, но перебившего не увидел и стойко продолжил о том, как эти племена верят, будто каждое утро солнце накрывает мир своим подолом.

— Трындеть, конечно, не мешки ворочать, — снова заговорил Джон, — но я говорю тебе, Рольф: не верю! Ты все выдумал!

Профессионал до мозга костей, Рольф стерпел насмешку и непринужденно улыбнулся. «Зато внутри, — признавался он позднее, — я кипел от гнева».

После шоу он вломился в гримерку к битлам с криком: «Хотите обосрать свое выступление — ради бога! Главное, в мое не суйтесь!»

Битлам, однако, что горох об стену. «О-о-о-о, Рольфи разозлился», — сказал Джон, а Джордж добавил: «Ага, расстроился Рольфи».

В автобиографии 2001 года «Can You Tell What it is Yet?»[161] Харрис рассказывает об этом в веселом тоне: «Мы вместе посмеялись. Ну как на них злиться, они же были такие обаятельные! Я просто высказал им свое мнение, и больше такого не повторялось».

Но был ли между ними мир? В 1994 году Харрис, по неосторожности, обмолвился о том случае с меньшим добродушием: «Они валяли дурака и подняли меня на смех. Рождественское шоу: я на сцене, а они спрятались за кулисами с

микрофонами и несли всякую чушь. Потом я в гневе бросился за кулисы и заорал на них:

«Наберитесь уже профессионализма! Нельзя же вот так мешать другим на сцене. Чтоб больше мне тут ни гугу!» Ох и зол же я был!.. И уж поверьте, больше битлы себе такого не позволяли!»

29

Между датами рождения Джона Леннона (9 октября 1940 года) и Клиффа Ричарда (14 октября 1940 года) — всего пять дней.

К зиме 1958-го Клифф уже занимал второе место в чартах с песней «Move It». Джон в это время, как типичный неудачник, колесил по Ливерпулю с *The Quarrymen,* подвизался случайными концертами в сельских клубах или на закрытых мероприятиях, довольствуясь зачастую платой в виде кружки пива и сэндвича.

«Не слишком ли он эротичен для телевидения?» — ахали в «Дейли скетч», после того как Клифф на телешоу «Ну надо же!»[162] продемонстрировал довольно откровенные телодвижения. Критик из «Нью мюзикл экспресс» высказал куда больше озабоченности: «Отвратительно, как он агрессивно вертит бедрами. Вряд ли родителям стоит показывать такое детям». До 1963 года Клифф, а не Джон был бунтарем, баламутом и угрозой для цивилизации. Тем вечером, когда Клифф и *The Shadows* всполошили национальное телевидение, *The Quarrymen* исполняли популярные песни в жанре скиффл на свадьбе Гарри, брата Джорджа Харрисона, на Аптон-Грин.

С 1958 по 1962 год двадцать песен Клиффа побывали в двадцатке хитов, из них шесть — на первом месте. Также он снялся в главной роли в фильмах «Экспрессо бонго» и «Молодые»[163]. Стоит ли удивляться, что Джон, не чуравшийся зависти, испытывал тогда к нему смешанные чувства. Когда «Битлз» наконец, в декабре 1962-го, протиснулись в чарты с песней «Love Me Do» и достигли пика в виде семнадцатого места, Клифф взирал на них с высоты второго, которое заняла его песня «Bachelor Boy»[164]. В следующем месяце «Нью мюзикл экспресс» опубликовал результаты ежегодного опроса читателей: среди «Лучших исполнителей» Клифф Ричард был вторым, уступив только Элвису Пресли, а битлы занимали какое-то сто одиннадцатое место. Лучше они показали себя в более узкой категории — «Малая британская группа»: заняли восьмую позицию, набрав 735 голосов; зато *The Shadows* были первыми, за них отдал голос 45951 человек.

Спустя три месяца, в марте 1963 года, «Битлз» оказались на втором месте с песней «Please Please Me», а первое место все равно занял Клифф, с песней «Summer Holiday».

Однако в том же году группы поменялись местами. К концу 1963 года Клифф по сравнению с битлами уже устарел. Джорджу Мелли[165] эротические телодвижения Клиффа теперь казались

просто «шарканьем на полусогнутых, не столько вызывающим сексуальное возбуждение, сколько наводящим на мысли, что певец обмочился». За «Битлз» было будущее, а Клифф отошел в прошлое. Своей обиды он скрыть не мог, хотя и очень старался. В редком приступе откровенности репортеру «Дейли миррор» он ворчал про то, какие «Битлз» примитивные: «Все, что они сделали, — это вернулись к рок-н-роллу. Мы все эти вопли и беснование свели на нет, а битлы их воскресили».

В то Рождество «Битлз» заняли сразу две позиции в британских чартах — первое и второе места с песнями «I want to Hold Your Hand» и «She Loves You», а Клифф хирел на восьмом с «Don't Talk to Him»[166]. Фанаты покинули его в поисках кумиров поярче и побойчее, а под Новый год и вовсе выяснилось, что родные сестры Клиффа организовали фан-клуб *The Dave Clark Five*.

Пять лет Клифф безуспешно штурмовал американский рынок. На самом деле именно его провал и заставил Брайана Эпстайна скрупулезно спланировать американскую кампанию «Битлз». «Клифф поехал туда и облажался, — с бесконечным удовольствием заявил Джон американскому журналисту Майклу Брауну, когда битлы грузились в самолет в аэропорту Кеннеди. — На афише концерта Фрэнки Авалона[167] он стоит четырнадцатым».

О том, как битлы преуспели там, где он сам потерпел фиаско, Клифф узнал, снимаясь на Канарах в своем третьем музыкальном фильме, «Wonderful Life»[168].

Фильм вышел 2 июля 1964-го и оказался в тени «A Hard Day's Night», выпущенного четырьмя днями позднее. «A Hard Day's Night» побил рекорд кассовых сборов, и критики по обе стороны Атлантики восхваляли его за свежесть и оригинальность. Напротив, «Wonderful Life» журнал «Филмс энд филминг» назвал «скучной и непримечательной картиной», а газета «Санди таймс» описывала его как «кошмарно скучный фильм» и «ерунду». Для американского рынка фильм переименовали в «Swingers' Paradise»[169], что нисколько не помогло. На этом кинокарьера двадцатитрехлетнего Клиффа завершилась.

© *John Pratt/Keystone Features/Getty Images*

Вскоре после выхода обеих картин «Мелоди мейкер» опубликовал большую статью о переменчивых вкусах молодежи. «Дни увлечения Клиффом Ричардом для меня прошли пару лет назад, — сказал один двадцатилетний юноша. — Вот оглядываюсь назад и думаю: какой же я был сопляк! У групп типа «Битлз» и «Стоунз» есть что-то такое, что мне, наверное, никогда не надоест. Ну, до старости уж точно».

Джон взлетел на такие высоты славы и богатства, что на Клиффа Ричарда уже и не смотрел. А вот стоило при Клиффе хотя бы мельком упомянуть «Битлз», как он выходил из себя. С середины 60-х он был исполнителем «для всей семьи», благонравным и благопристойным, выступал в кабаре, на детских рождественских представлениях[170] и в субботних вечерних телепередачах. Но в глубине души знал, что «уже не торт»: «Успех «Битлз» и «Стоунз» отправил меня и «Шедоуз» в тираж. Мы теперь были старичками». В субботу, 6 апреля 1968 года, пока Джон

гостил в Индии у Махариши Махеша Йоги и сочинял песни для «Белого альбома», Клифф, в ярко-синем двубортном костюме с белоснежным кружевным жабо и манжетами в рюшах, скакал по сцене Евровидения, исполняя свою «Congratulations». Когда огласили финальные результаты голосования, оказалось, что Клифф занял второе место, уступив испанской исполнительнице Массиель с песней «La La La».

Клифф, прослывший человеком приятным во всех отношениях и к тому же истинный христианин, так и не научился сдерживать своего негодования по отношению к «Битлз». В воскресенье, 19 января 1969 года, он пел гимны в эдинбургской церкви и говорил о своих религиозных воззрениях, как вдруг сорвался: ««Битлз» очень успешны на сцене, а вот в жизни — нет. Они только тем и заняты, что гоняются по миру за мечтой, и пора бы им осознать, что от этого их Махариши один вред. Мне кажется, они ищут то, что христиане уже давно обрели».

Пройдет почти четверть века, а упоминание «Битлз» по-прежнему будет выводить Клиффа из себя. Когда в 1992 году Том Гибберт[171] брал у него интервью для «Q» и спросил, завидовал ли им Клифф, тот ответил с таким напором, что сразу стало ясно: кукситься он так и не перестал.

«В какой-то мере завидовал. Обидно, конечно, что пресса обходила меня стороной. Однако же мои пластинки по-прежнему расходились тиражами под миллион экземпляров, так что на прессу мне наплевать. И взгляните на меня сейчас: я начинал за пять лет до «Битлз», теперь их нет, так что никто меня не догонит. Я всегда буду впереди всех. Я уже тысячную неделю в чартах, а мой ближайший соперник не продержался и половины этого срока. Он догонит меня, только если я прямо сейчас возьму и перестану записываться, а он ближайшие пять лет будет попадать в хит-парады. И нечего там. У меня фора о-го-го… И вот еще: королями бунта были мы. «Битлз» признала королевская семья, их приняли верхи общества, а вот *The Shadows* — нет. Один — ноль в нашу пользу».

30

Однажды до Ринго Старра дошло, что ему уже никогда не бывать просто Риччи Старки.

Он с родными пришел в гости к тетушке в Ливерпуле, пил чай и вдруг пролил его на блюдце. То, что произошло потом, его ошеломило.

«Все принялись суетиться, мол, нельзя же так! Дайте ему чистое блюдце!»

В былые дни его заставили бы прибрать за собой. Но то время прошло. Теперь с ним обращались совсем иначе, будто с высокопоставленной особой, с посторонним, а не с членом семьи. Он говорил, что это было «как стрела в башку»: «Внезапно я стал «одним из этих» даже для своих, а это же очень непривычно. Я вырос и жил среди этих людей и вдруг оказался в стране чудаков… Когда мы прославились, то вскоре стало ясно, что людей притягивает некая смутная аура нашей знаменитости. А уж когда на это повелись и родные, я совсем офигел».

Назад дороги не было. Малейшая жалоба — и все начинали суетиться еще больше. «И ведь не встанешь и не скажешь: «Обращайтесь со мной как обычно». Это было бы по-звездному».

31

Вечеринка:

Кингс-роуд, Лондон SW3,

18 апреля 1963 г.

«Please Please Me» опускается в чартах, пересекаясь по пути с поднимающейся «From Me to You». «Битлз» в это время выступают в варьете в Альберт-Холле, «Звучание свинга — 63»[172], вместе с Делом Шенноном, Лэнсом Персивалом[173], Рольфом Харрисом, *Shane Fenton and the Fentones,The Springfields* и Джорджем Мелли.

В перерывах между репетициями они встречаются в гримерке с Джейн Эшер. Джейн всего шестнадцать, а она уже, можно сказать, ветеран шоу-бизнеса: свою первую роль сыграла в фильме «Мэнди»[174], а также снималась с Джеком Уорнером в хаммеровском ужастике «Эксперимент Куотермасса»[175]. После этого она озвучила Алису на пластинке «Алиса в Стране чудес», снялась в диснеевском фильме «Принц и нищий» и в британском сериале «Приключения Робин Гуда», стала самой юной Венди в театральных постановках «Питера Пэна». А с недавних пор была известна в каждом доме как регулярная участница передачи «Жюри музыкального автомата»[176] на Би-би-си.

На концерте Джейн присутствует по приглашению журнала «Радио таймс»: ее эмоции фиксируют репортер и фотограф. «Битлз» перед ней благоговеют, но больше всех, наверное, Пол: «Мы с ней сфотографировались, она нам всем понравилась. Мы-то думали, она блондинка, потому что до этого видели только на черно-белых экранах, в «Жюри музыкального автомата», а она оказалась рыжей. Мы так и сказали: «Ого, да ты рыжая!»».

Концерт в Альберт-Холле стал для «Битлз» исторической вехой. Публика впервые громко вопит на их выступлении. После представления фанаты залезают на крышу их автомобиля и мешают уехать. Когда полиция наконец расчищает путь, битлы с друзьями катят куда глаза глядят. Обычно они едут в клуб «Ad lib»[177], недалеко от Лестер-сквер. Но Джордж, самый застенчивый из четверых, опасается, что сотни фанатов уже мчатся туда. Журналист Крис Хатчинс, едущий с ними, предлагает отправиться к нему на Кингс-роуд. Он сразу об этом

жалеет, не представляя, как «Битлз», Шейн Фентон[178] и Джейн Эшер втиснутся в его тесную однокомнатную квартиру и где им там всем сидеть, ведь стульев на всех не хватит.

Одна проблема решена: все устраиваются на ковре. И тут же встает другая: Джон нашел пузырек амфетаминов и принимается глотать их, запивая розовым игристым вином «Матеуш», которым их угостил Хатчинс. Под действием таблеток Джон язвительно поддразнивает Джейн. Его подавленное сексуальное влечение часто оборачивается злостью. Начинает он с восторженных фанатов.

Джон: Да, фанаты нас так любят, что готовы на части разорвать.

Джейн (смеется) : Ой, Джон, ты ужасный циник. Ты же обожаешь внимание!

Джон: Еще бы я не циник. Мы играем рок-н-ролл под новым именем. Рок-музыка — то война, жестокость, завоевание. Мы поем о любви, но подразумеваем секс, и фанаты об этом знают.

Хатчинс: Фанаты думают, что вы приличные парни, живете порядочной жизнью.

Джон: Это просто образ, причем неверный. Ты на «Роллинг стоунз» посмотри. Они нашу фишку сперли.

Ринго: Я их понимаю.

Джейн: Фанатки не могут без мечты, что однажды выйдут замуж за битла.

Джон: Да, но только совсем малышня. А девчонке постарше как дашь автограф, так она сразу примеряется к твоему галстуку или к пряди твоих волос. И требует секса. А потом сообщает, что ей всего пятнадцать. Есть еще бухло?

Хатчинс (наливая Джону остатки вина) : Больше нет. Я к приходу гостей не готовился.

Джон: О'кей, бухла, значит, больше нет. Давайте поговорим о сексе. Джейн, а как девушки с собой развлекаются?

Джейн (пораженная, но сохраняя хладнокровие) : Об этом я говорить не стану!

Джон: Кроме тебя, здесь девушек больше нет, а я хочу знать. Как вы дрочите?

Хатчинс: Дрочила здесь только один.

Джон: Ха, класс! Бухла нет, пташек нет, хозяин оскорбляет… Что за тусовка такая? Я фигею, красота! Пойду найду себе цыпочку. Вызовите мне такси.

Джейн (в слезах, ее утешает Джордж) : Знаешь, Джон, ты порой такой жестокий.

Джон (стоя у парадной двери) : Это во мне самое лучшее.

Тут Пол уводит Джейн из комнаты, подальше от Джона. Они

садятся на кровать и принимаются болтать о книгах и еде. Доходят до «Кентерберийских рассказов» Чосера, которые проходили в школе. Пол экспромтом цитирует из «Рассказа аббатисы»: «Ful semly hir wympul pynched was»[179]. Это, похоже, впечатляет Джейн, выпускницу элитной школы «Квинс-колледж» на Харли-стрит, гораздо больше, чем статус поп-идола, а Пол не менее впечатлен ее нравственными ценностями. Посиделки близятся к концу, и Пол вызывается подбросить Джейн до дома. Они еще не попрощались, но Пол уже решил, что эта девушка просто создана для него. У порога дома Эшеров на Уимпол-стрит он просит у нее телефон, и Джейн с радостью называет номер.

32

Они начинают встречаться, и родители Джейн выделяют Полу отдельную спаленку на втором этаже дома номер 57 на Уимпол-стрит, рядом с комнатой брата Джейн, Питера. Там Пол и жил следующие три года как член семьи Эшеров, там и хранил плоды своей невероятной карьеры: золотые диски складывал под кровать, а орден Британской империи поставил на полку, рядом с двумя рисунками Жана Кокто. Именно в доме на Уимпол-стрит в 1965 году Пол получил письмо от бухгалтера группы, извещающее о том, что в возрасте двадцати трех лет он стал миллионером.

Эшеры были по-своему примечательной семьей: примечательно целостной, примечательно культурной, примечательно гостеприимной. Питер Эшер[180] в восемь лет снялся в фильме «Жена плантатора»[181], где главные роли исполняли Клодетт Кольбер и Джек Хокинс, а в десять — в «Разве жизнь не чудесна!»[182], с Сесилом Паркером и Дональдом Волфитом. Младшая сестра Джейн, Клэр, участвовала в радиопостановке «Дневник мистера Дейла», много лет шедшей на Би-би-си. Их мать, Маргарет, преподавала в Гилдхоллской школе музыки и театра, где в 1948-м была учителем Джорджа Мартина по классу гобоя.

Мартин, так же и как Пол пятнадцатью годами спустя, наслаждался визитами к Эшерам, этим гостеприимным интеллектуалам. Он хоть и вел себя как человек из светского общества (наследие службы в BBC в период войны, когда его «научили важным армейским мелочам, например как правильно держать нож и вилку»), вырос он в трехкомнатной квартире в лондонском районе Дейтон-Парк, без кухни и без ванной, с общим туалетом на три семьи. После детства, проведенного в стесненных условиях, Джорджа Мартина пленили удобства жизни у Эшеров на Уимпол-стрит. Теперь же настала очередь пленяться Полу. Тут все дышало окультуренностью. В прихожей дома номер 57 висела гравюра с портретом Альфреда, лорда Теннисона, дальнего родственника Маргарет Эшер; в столовой, в застекленном книжном шкафу, стояло редкое первое издание 1962 года «Семи столпов мудрости»[183], доставшееся семье от отца Маргарет, достопочтенного Эдварда Грэнвилла Элиота, поверенного Лоуренса Аравийского.

Отец Джейн, доктор Ричард Эшер, был известным эндокринологом: в 1951 году он впервые описал и дал название синдрому Мюнхгаузена, умственному расстройству, которое

вынуждает человека фабриковать симптомы болезни. Он был способным и остроумным автором: его статья в «Ланцете» за февраль 1951-го начинается так: «Здесь описан распространенный синдром, с которым знакомо много врачей, но о котором мало написано. Страдающие им люди, как и знаменитый барон Мюнхгаузен, много странствуют, а их рассказы, подобно тем историям, что приписываются барону, захватывающи и вместе с тем правдивы. Соответственно, и сам синдром посвящен барону и назван в честь него». Как и следовало ожидать, заглавие статьи «Синдром Мюнхгаузена» чопорные коллеги раскритиковали как неоправданно легкомысленный.

Читать статьи доктора Эшера в «Бритиш медикал джорнал» по-прежнему одно удовольствие: они веселые, живые, афористичные, самоироничные и блистательно-умные — а заодно демонстрируют широту образования, к которому приобщался Пол во время бесед с их автором. В статье «Как опасно лежать в кровати» Эшер выступает против консенсуса коллег о том, что постельный режим — самый верный путь к выздоровлению: «Взгляните на пациента, который залежался в кровати. Жалкое зрелище! Кровь в его жилах застоялась, кальций уходит из костей, в прямой кишке скапливаются каловые камни, плоть на седалище гниет, вспученный мочевой пузырь протекает, а дух лишается живости». Затем он сам же себя одергивает: «Изображенная мной картина мрачна и несправедлива: все не так уж и плохо». Далее, в той же статье, он рассуждает о причинах, по которым удержание больного в постели столь распространено: «Слишком часто медсестра укладывает пациентов в койку, подобно тому как домохозяйка убирает тарелки на сушилку, — дабы создать видимость порядка».

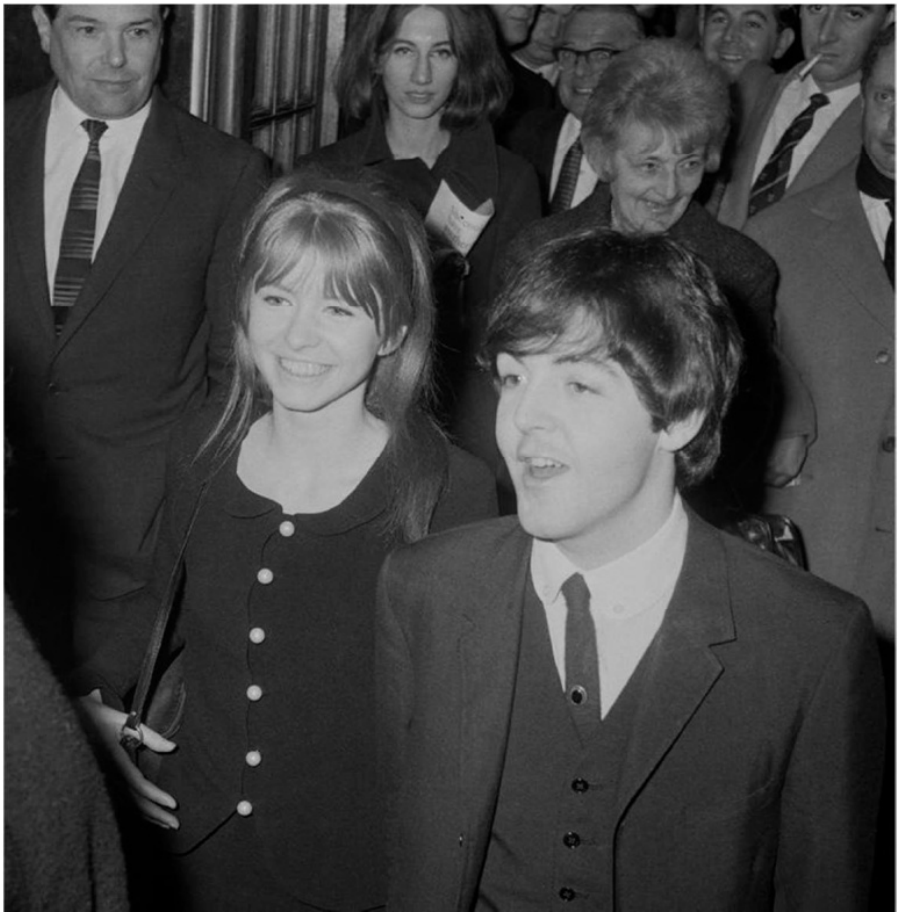
Другая его статья, под зажигательным заголовком «Почему медицинские журналы такие скучные?», выступает против унылого и невнятного изложения в пользу прозрачности и точности: «Дурное название отбивает всякий аппетит к клиническим темам, тогда как хорошее, напротив, разжигает его. Я назвал эту статью «Почему медицинские статьи такие скучные?», но вовсе не утверждаю, будто это название особенно хорошо, однако оно гораздо лучше такого — «Изучение негативистских психомоторных реакций, вызываемых употреблением вербализированного клинического материала»».

Разумеется, Пол упивался такой пикировкой. В застольных дискуссиях участвовала вся семья Эшеров: разговоры оживлялись эрудицией, любознательностью и юмором. «Они занимались тем, чего я прежде не видел, например играли в слова за ужином, — рассказывал Пол Барри Майлзу. — Я вроде сам смышленый, но

моя сообразительность — интуитивная. Я кое-как поспевал за ними, но часто приходилось признаваться, мол, не знаю такого слова». Он помнил один спор во время ужина, разгоревшийся между доктором Эшером и его сыном Питером, ровесником Пола, по поводу того, когда в Англии впервые появились помидоры. В доме на Фортлин-роуд обсуждались вовсе не такие темы. За все годы, что Пол прожил у Эшеров, с ним обращались не как с поп-звездой, но как с членом семьи. «Мне это очень нравилось, ведь в их глазах я был не просто битлом». А еще в доме на Уимпол-стрит царила атмосфера соревнований. «Мне всегда казалось, что парни развлекаются, а я учусь; учусь очень многому». В цокольном этаже, где находилась музыкальная комната, Маргарет Эшер учила Пола играть на блокфлейте, на которой он потом сыграет в песне «Fool on the Hill»[184], — но быстро оставила всякие попытки обучить его нотной грамоте.

Его интеллектуальное любопытство постоянно подогревали. «Не хочу показаться Джонатаном Миллером[185], но я пытаюсь проглотить все, все, что упустил, — рассказывал он журналистке Морин Клив[186] в 1966-м. — Люди произносят великие слова, пишут великие картины, и мне надо знать, кто что сотворил… Мне как-то не по себе, когда все вокруг знают то, чего я не знаю». Он читал Юнга и Хаксли, смотрел пьесы Альфреда Жарри и Гарольда Пинтера, слушал экспериментальную музыку композиторов вроде Штокхаузена и Лучано Берио.

Иногда Джейн брала Пола в гости к друзьям семьи за город. «Вот еще фишка высшего общества: на выходные выезжать за город… Мне тогда впервые оставили книгу на прикроватной тумбочке. Их выбор чтения меня сильно впечатлил. Понравилось, что меня сочли в меру образованным. Со мной не говорили свысока».



© John Downing/Daily Express/Hulton Archieve/Getty Images

Как и следовало ожидать, у двери дома отирались фанаты, готовые наброситься на кумира. Когда Пол уехал на съемки «Help!», отец Джейн решил подготовить для него путь побега. Он вылез через окно на задворки, к задам соседнего дома, и постучал в окно. Объяснил жильцам деликатную проблему Пола и, когда тот вернулся в Лондон, представил ему тайный маршрут на Нью-Кавендиш-стрит. «Через мансардное окно своей спальни я выбирался на узкий парапет — шириной всего в фут или около того, так что главное было — не бояться высоты. Я шел вправо, то есть в соседний дом на Уимпол-стрит, номер 56, в котором жил старик из бывших военных, полковник. Очень обаятельный джентльмен в квартире на верхнем этаже. «Э-э, мне бы пройти, полковник!» — «Да-да, ясно, военная тайна и все такое!» И он провожал меня к лифту, на котором я спускался в цокольный этаж, где жила молодая пара. Они отводили меня через кухню в гараж».

Если бы я мог стать любым из битлов, в любое время их жизни, я бы стал Полом в годы, когда он жил на Уимпол-стрит с Джейн, обласканный ее семьей, благословенный удачей, довольный жизнью, открытый образованию, обожаемый миром, и чтобы из моей головы, как по волшебству, лились под звуки рояля чудесные песни: «I Want to Hold Your Hand», «I'm Looking Through You», «Things We Said Today», «And I Love Her», «We Can Work it Out», «Here, There and Everywhere», «Yesterday»[187].

Однако ничто не длится вечно. На Рождество 1967 года Пол и Джейн объявили о своей помолвке; спустя семь месяцев Джейн, в ответ на случайный вопрос ведущего ток-шоу Саймона Ди, объявила в эфире, что все кончено: «Я не разрывала помолвку, но она расторгнута, все кончено. Понимаю, звучит банально, но, хотя мы по-прежнему любим друг друга и видимся, из этого ничего не вышло. Возможно, мы останемся друг для друга любовью детства и встретимся снова, когда нам будет под семьдесят».

Вот уже более полувека они оба хранят молчание о причине расставания, упоминая о нем лишь в самых общих чертах, оставляя другим строить домыслы.

Некоторые предполагают, будто Джейн застукала Пола в постели с американкой Фрэнси Шварц[188]. Пока Джейн пропадала на съемках, Пол и Фрэнси были вместе в его новом доме в Сент-Джонс-Вуд. «У ворот, как всегда, торчали фанаты, и они пытались предупредить Пола о том, что приехала Джейн. Только вот Пол решил, что они шутят», — вспоминал Алистер Тейлор. Если верить ему, это Джейн рассталась с Полом, а не он с ней, и отказалась принять его назад. Хотя Пол, мастерски владеющий собой, потом говорил: «Меня разрыв не сильно расстроил» — и: «Я испугался слишком серьезных отношений», как-то раз он обмолвился: «Без нее я страдал». Другие вспоминают, что разрыв стал для него потрясением. Тейлор, считавший Джейн «самой восхитительной женщиной на свете», говорил, что Пол «был совершенно убит… и поехал крышей. «У меня было все, и я сам все это похерил», — вздыхал он». Его парикмахер, Лесли Кавендиш, отмечал, что «это разбило ему сердце. Он перестал бриться. Почти не выходил из дома и плотнее подсел на наркотики».

Один или двое их знакомых утверждают, что к этому все и шло. Марианна Фейтфулл вообще не верила, что Пол и Джейн суждено быть вместе: «Между Джейн и Полом всегда ощущалось какое-то напряжение. Я четко помню один вечер на Кавендиш-авеню, когда Джейн просила закрыть окно, а Пол такой: да пусть открыто будет. Прямо как в пьесе Джо Ортона[189]. Офигеть

просто… Я весь вечера сидела и наблюдала, как Джейн встает и закрывает окно, а Пол его открывает… и все это молча. И вот вскоре они расстались, о чем я, разумеется, сказала бы любому заранее». Вот только зачем Джейн просила открыть окно, она припомнить не может[190]. Наверное, чтобы проветрить комнату от дыма марихуаны, без которой не обходился ни один визит Мика и Марианны?

33

Перед тем как выйти на сцену танцевального зала «Маджестик» в Ньюкасле, Джон и Пол улучили момент и написали песню.

Двадцать шестого июня 1963-го они делили двухместный номер в гостинице «Роял теркс хэд»[191]. Пол потянулся за сигаретами. «До выступления оставалась еще пара часиков, вот мы и решили: «О, ништяк, давай покурим и напишем песню!»» Стихи для предыдущих синглов: «Love Me Do», «Please Please Me», «From Me to You», «I Saw Her Standing There» — все вращались вокруг одного человека, но сейчас Пол решительно настроился сотворить нечто иное.

«Это была идея Пола, — вспоминал Джон. — Вместо стандартного «я тебя люблю» мы ввели третьего персонажа». Это стало предвестником их нового подхода к написанию песен: Пол вел повествование от третьего лица, будто в мини-рассказе, а Джон привносил больше автобиографичности.

> You think you've lost your love
> Well I saw her yesterday-ay[192].

Один парень говорит с другом о девушке, которая вроде как его бросила. Эти двое — сознательно или же подсознательно — становятся альтер эго самих авторов: Пол — оптимист, уверенный в себе и вечно лезущий с советами, и Джон, склонный причинять боль («she said you hurt her so»)[193] и бегущий от чувства вины. Энергетика этой песни, как и многих последующих, написанных Ленноном и Маккартни, возникает из переплетения света и тьмы.

Следующий день у «Битлз» был выходной, так что Джон с Полом вернулись в Ливерпуль и там на Фортлин-роуд закончили песню, пока Джим, отец Пола, сидел в гостиной, курил и смотрел телевизор.

На этом этапе Джон и Пол, как настоящие сороки, тащили все, что им глянулось, из чужих песен: «woo» появилось из «Twist and Shout» *The Isley Brothers*. Джону особенно нравились все эти завывания и крики, звуки как бы за пределами слов: когда он услышал, как Элвис Пресли поет «All Shook Up», то первым делом подумал, что ни разу еще не встречал такого, чтобы в песне звучали разом и «uh huh», и «oh yeah», и «yeah, yeah» одновременно.

Через какое-то время оба ворвались в гостиную:

— Пап, вот, послушай! Что скажешь?

И они спели ему свою новую песню «She Loves You».

— Очень мило, сынок, — ответил Джим, человек старой закалки. — Но сейчас кругом сплошные американизмы. Нельзя просто «She loves you, yes, yes, yes»?

Джон с Полом не приняли его совет всерьез. «Мы расхохотались и сказали: «Нет, пап, ты не въезжаешь»».

Спустя четыре дня «Битлз» поехали в студию EMI на Эбби-роуд записывать новую песню. Прибыли они рано, чтобы успеть попозировать для фото в переулке за студией. К этому времени их всюду преследовали фанаты. Сарафанное радио работало в полную силу: те фанаты, которые уже были на месте и поджидали битлов, звонили и звали друзей, а те потом перезванивали другим и так далее. Вскоре собралась такая толпа девчонок, что они пробились в вестибюль и стали носиться по всему зданию в поисках кумиров. «Там просто дурдом», — сообщил Нил Эспинолл, проходя на студию.

Тем временем инженер звукозаписи EMI Норман Смит[194] раскладывал на пюпитрах ноты. Он взглянул на стихи. «Дай, думаю, мельком гляну, одним глазком.

А там: «She loves you, yeah, yeah, yeah; she loves you, yeah, yeah, yeah; she loves you, yeah, yeah, yeah…» Господи, решил я, ну и текст. Мне уже не нравится».

Джордж Мартин невозмутимо сделал пробный прогон, добавив к Джону и Полу Джорджа Харрисона на припеве. «Песня была отличной, но меня заинтриговал заключительный аккорд, своего рода большая секста: Джордж пел сексту, а Джон с Полом терцию и квинты, как в аранжировке Глена Миллера. Они говорили: «Отличный аккорд! Такого еще не слышали!» Но это, конечно, было не совсем так».

На деле бóльшая часть ранних находок Джона и Пола происходила из их блаженного неведения. Ни один из них не знал нотной грамоты и не получил никакого музыкального образования. Зачастую они подбирали аккорды вслепую. Их ранние песни отражают наивное удивление, с которым они случайно натыкались на источник музыки, словно бы первый раз.

Когда бесчинствующих фанатов вывели из здания, началась сессия. Инженеру звукозаписи Джеффу Эмерику показалось, что возбуждение, вызванное вторжением фанаток, высекло искру, усилило энергетику и изобретательность, и не в последнюю очередь в Ринго и Джордже. Услышав исполнение песни, Норман Смит, который поначалу отнесся к ней скептически, сразу просек фишку: «Они начали петь, и я такой: ого, вот это да! И сразу забегал вокруг микшерного пульта».

Эмерика песня моментально очаровала: «Никогда прежде я не встречал такой живости и вообще очень редко слышал подобное. Я до сих пор считаю этот сингл одним из самых восхитительных в карьере «Битлз»».

«She Loves You» выпустили 23 августа 1963 года. За три месяца только в Великобритании было куплено три четверти миллиона экземпляров, что сделало сингл самым быстро продаваемым в истории. Восемнадцать недель он держался в тройке лучших, а в чартах оставался сорок одну неделю. Для многих — как фанатов, так и для врагов «Битлз» — эта песня остается квинтэссенцией их творчества. Те самые слова, которые так не понравились Джиму Маккартни, — yeah! yeah! yeah! — стали символом феномена «Битлз». Он либо низменный и нечленораздельный, либо свежий и освобождающий, тут уж все зависит от вашего вкуса. В Европе «Битлз» повсеместно называли *The Yeah-Yeahs*.

Для людей консервативных, предпочитавших, чтобы мир не менялся, «She Loves You» стала сигналом тревоги. Марксисты сочли ее символом западного растления. «Неужели придется разбираться со всей грязью, что приходит с запада? — обращался к членам своей партии лидер Восточной Германии Вальтер Ульбрихт. — Я считаю, товарищи, что этим монотонным «yeah-yeah-yeah», или как они там называются, нельзя давать ходу».

В кои-то веки Америка не спешила перенимать новое веяние. Продажи сингла, вышедшего в США 16 сентября, составили около тысячи экземпляров за первые несколько недель, а в чарты «She Loves You» даже не попала. В популярном клубе «Café Wha?»[195] в Гринвич-Виллидж крутой фолк-певец Стив Денот услышал ее только в октябре. Его тогдашняя подружка Вики Тил[196] вспоминает, как он ворвался в квартиру и со словами: «Послушай вот это, малыш» — поставил пластинку. «Мы со Стивом занялись любовью, но посреди секса, когда в песне сменился ритм, он остановился и сказал: «Послушай!» Музыка зазвучала в новом ритме. Стив сказал: «Вот ни хера же! Так нельзя! А эти «yeah, yeah, yeah»? Вот ни хера же! Так не делают!»».

Вики не понимала, к чему Стив ведет. «Это новый вид музыки, — объяснил он. — Я такого ни разу не слышал. Фантастика». И тут же мрачно добавил: «Мне конец. Все кончено. Нам всем крышка».

34

Джон Леннон и Ринго Старр родились в 1940-м, когда в обиход англичан вошли слова «blitz» («блиц»), «paratroops» («десантные войска»), «call-up» («призыв») и «quisling» («квислинг»)[197], а глагол «to scramble» («взбалтывать») приобрел новое значение — «линять», в смысле «быстро убегать восвояси».

Другие неологизмы 1940-го возвестили приход нового, бесцеремонного и развязного века американских товаров и трендов: «beefburger» («бифбургер»), «crew cut» («стрижка-бобрик»), «holiday camp» («база отдыха»), «mobile home» («дом на колесах»), «nylons» («нейлоновые чулки»), «telly» («телик»), «super-duper» («супер-пупер»), «youth club» («молодежный клуб»). Многие были связаны с открытиями и изобретениями: «jeep» («джип»), «plutonium» («плутоний»), «radar» («радар»). Некоторые, как, например, «telly», служили ласковыми сокращениями названий недавних технических новшеств, получивших столь широкое распространение, что казались старыми друзьями. Прочие, как, например, «extra-sensory perception» («экстрасенсорное восприятие»), появились в результате тщательного изучения известного или — если взглянуть под другим углом — неизведанного.

На следующий, 1941 год в английском языке появился термин «welfare state» («государство всеобщего благосостояния»), а также слова «disc jokey» («диск-жокей»), «boogie» («буги»), «cheesed-off» («взбелененный»), «Terylene» («терилен»), «sunbathe» («загорать»), «straight» («правильный», в смысле «конформист») и «knockers» («буфера», в смысле «груди»). В том же году — между рождениями Джона и Пола — впервые появилось слово «teenager» («тинейджер»).

Пол Маккартни родился в 1942-м, когда в английский язык пришли слова и фразы «spaceman» («космопилот»), «office block» («офисное здание»), «napalm» («напалм») и «sixty four dollar question» («вопрос на шестьдесят четыре доллара»)[198], а также выражение «preggers» («залетела») и сокращение «PR» («пиар»). Джордж, самый молодой из битлов, родился в 1943-м, когда возникли слова «bobby socks» («носки-бобби»), «disposable» («одноразового пользования»), «paper towel» («бумажное полотенце»), «pizzeria» («пиццерия»), «double glazing» («двойное остекление») и «falsies» (предок «пушапа»). Тогда же состоялся дебют «squarebashing» («армейской дисциплины») и, наверное в качестве некоего вселенского противовеса, «group therapy» («групповой терапии») и «free expression» («свободы

самовыражения»). В Великобритании Барнс Уоллис изобрел прыгающую бомбу, а в Швейцарии доктор Альберт Хофман соединил лизергиновую кислоту с диэтиламином, получив диэтиламид лизергиновой кислоты, который позднее станет известен как ЛСД.

Большинство датируют рождение группы «Битлз» 1957 годом, когда встретились пятнадцатилетний Пол и шестнадцатилетний Джон. Многие слова и выражения, появившиеся в тот год, связаны с молодежью: «Frisbee» («фрисби»), «skiffle» («скифл»), «sexpot» («секс-бомба»), «scooter» («скутер»), «pop-art» («поп-арт»), «bonkers» («псих»), «backlash» («ответка»), «Hell's Angels» («Ангелы Ада»), «flick knife» («нож-выкидуха»), «diminished responsibility» («ограниченная вменяемость»), «consenting adult» («совершеннолетний»), «role model» («пример для подражания»), «angry young men» («сердитые молодые люди»)[199]. Долгоиграющая пластинка теперь называлась «album» («альбом»). В США женщины — дорожные инспекторы получили прозвище «meter maid» («счетчица»). В том году стало популярным словечко «fab», сокращенная форма прилагательного «fabulous» («чудесный»), хотя в народ оно пошло только в 1963-м, и все чаще его употребляли в связке с «четверкой».

© Fox Photos/Getty Images

В том же 1963-м появилось еще одно слово, ассоциируемое с Чудесной четверкой. Пятого октября 1963-го молодой импресарио Энди Лотиан был в концертном зале Карнеги-Холл города Глазго, когда на сцену вышла ангажированная им группа. Реакция публики на их выступление напоминала освобождение Мафекинга[200]: «…творился сущий ад. Девушки теряли сознание, визжали, мочились прямо на сиденья. Весь зал словно впал в коллективный транс». Посреди этого хаоса перепуганный репортер «Радио Скотланд» завопил: «Энди, что тут происходит?» И на ровном месте у него в голове родилось новое слово. «Не переживай, — прокричал он репортеру, — это просто…

битломания!»

35

К концу 1963-го пошли сомнения в разумности молодежи. «Многие молодые люди склонны жаловаться на порицание старших, — в гневе писал некий читатель одной газеты, — но, когда видишь отвратительное поведение, которое имеет место в наши дни по всей стране и которое известно как «битломания», определенные выводы напрашиваются сами собой».

Ему вторил ведущий колонки в вечерней газете Йорка «Ивнинг пресс»: «Спроси любого подростка в Йорке, и он перечислит всех битлов по именам. А теперь попросите того же подростка назвать имена каких-нибудь других известных личностей. Генерального секретаря ООН, к примеру, или даже нашего премьер-министра. Теперь-то ответ так запросто с его языка не слетит. Вот она, слава. Вот она, система ценностей в нашем современном мире». Тот же самый обозреватель, с говорящим именем Джон Блант[201], описывал «воющие, визжащие, суматошные, пихающиеся, дерущиеся толпы, которые собираются, стоит появиться «Битлз»».

Во время всего тура «Битлз» по Великобритании репортеры пытались описать звук, с которым тысячи подростков орали во всю глотку. «Я ни разу не присутствовал при изуверском истреблении пятитысячного стада, — писал репортер «Ньюкасл джорнал» Родни Пибус, — но, по-моему, вопли, издаваемые замученными животными, походили бы на те, что вынудили меня плотно заткнуть уши». Прочие издания приглашали психологов, чтобы те копнули глубже, в надежде отыскать источник этого безобразия. «Это на самом деле не истерия. Истерия — патология. А это — расстройство», — заявил профессор Джон Коэн, глава факультета психологии Манчестерского университета. На главный вопрос, почему девушки визжат и орут, он ответить не смог: «С тем же успехом можно спросить стаю гусей, почему они летают и хлопают крыльями». Девятого декабря на концерте «Битлз» в «Одеоне», в Саутэнде, полицейский, вооруженный измерителем шума, зафиксировал уровень криков в 110 децибел, что равноценно непрерывному артобстрелу.

Американский журналист Майкл Браун освещал концерт «Битлз» в кембриджском кинотеатре «Ригэл» 26 ноября 1963 года. Ранее, в марте того же года, они выступали в том же зале на поддержке у «потрясающего американца» Криса Монтеса и «классного американца» Томми Роу[202]. Зато теперь уже их поддерживали другие. Фанаты выстроились в очередь перед входом в «Ригэл» с 10:30. К шести вечера очередь вытянулась на

полмили. За несколько часов до начала концерта «Битлз» встретились с полицией в оговоренном месте за милю от кинотеатра, чтобы их тайком провезли в здание в полицейском фургоне.

В детстве, когда меня водили в кинотеатр в Доркинге или на рождественский спектакль в Лезерхеде, перед началом и в конце представления играли гимн «Боже, храни королеву». Словно по волшебству, все зрители поднимались с мест и стояли по стойке смирно, пока не стихали последние патриотические ноты. Когда перед концертом «Битлз» в Кембридже заиграл национальный гимн, Майкл Браун не заметил никаких протестов. Впрочем, перед самими битлами выступала уйма групп на разогреве, которых публика не встречала надсадными воплями; среди этих групп были *Peter Jay and the Jaywalkers,The Vernon Girls* и *The Brook Brothers*. Зато стоило объявить «Битлз», как публика взорвалась неистовыми криками, не смолкавшими до самого финального аккорда «Twist and Shout». «Некоторые девушки машут платочками, — писал Браун. — Другие сидят в позе эмбриона, сгорбившись и подтянув колени к груди, и то молотят себя кулачками по ляжкам, то зажимают уши. Парни вообще не отрывают ладоней от ушей».

На глазах у Брауна девушка, сидевшая у самого прохода, рыдала всякий раз, как огни зажигались и гасли. В конце, после «Twist and Shout», она вскочила на кресло и принялась орать и рыдать одновременно, но, как только из динамиков раздался гимн, она, вместе со всеми остальными, умолкла и оцепенела. Зато когда гимн завершился — «Бо-о-о-оже-е-е-е, хра-а-а-ани-и-и-и ко-о-ро-о-ле-е-еву-у-у!», — они снова завопили[203].

То же самое повторялось на каждом выступлении «Битлз» в ходе турне по Великобритании. Распорядители концертов, мужчины средних лет, битые жизнью, не получали никакого удовольствия от юношеского задора. На концерте в зале «Де Монфор» в Лестере 1 декабря полиции и распорядителям выдали ватные беруши. Пятидесятидевятилетний Рэй Миллоурд пожаловался, что его пинала и била обезумевшая фанатка: «На выступлениях Клиффа Ричарда у нас постоянно случались истерики, но это уже ни в какие ворота. В меня швырнули туфлей и зонтиком. Одна девица отбивалась как тигрица. Пришлось заломить ей руку за спину и усадить на место. Она все царапалась, лягалась и визжала». Теперь в группу со всех сторон летели «джелли бейбиз»[204] — битлы мимоходом обмолвились, что любят это желейное драже, и хотя потом попросили фанатов больше так не делать, ничего не помогало. Поклонницы неверно истолковали просьбу и швыряли битлам целые коробки

шоколадных конфет, а еще альбомы для автографов, всевозможные куклы и даже огромную плюшевую панду. И все же беснующиеся фанаты послушно замирали, пока звучал национальный гимн, что давало «Битлз» возможность выскочить за кулисы и на улицу, к поджидающему их «остину-принцесс», а поклонники оставались в зале, не смея сдвинуться с места из почтения к ее величеству.

В ноябре того же года, когда королева-мать, принцесса Маргарет и лорд Сноудон[205] прибыли в театр Принца Уэльского на «Королевское варьете», зрители встретили их криками: ««Битлз» давай!» И тогда, наверное, до царственных особ дошло, что их статус, как статус и многих известных исполнителей, в тот год понизился до уровня группы на разогреве.

Занимая место в зале, Брайан Эпстайн нервничал: как бы Джон чего не выкинул. Накануне он придумал дерзкую шутку под последнюю песню «Twist and Shout»: «Для нашего последнего номера мне потребуется ваша помощь. Те, кто на дешевых местах, — хлопайте в ладоши. А остальные — будьте добры, побренчите драгоценностями». Шутка и без того была на грани, но во время генеральной репетиции Джон придумал, как поднять градус: он хотел сказать «сраными драгоценностями». К облегчению Эпстайна, когда настал заветный момент, Джон этот выразительный эпитет употреблять не стал и дружелюбно поднял большие пальцы, желая показать, что просто шутит. Публика, в галстуках и вечерних платьях, взорвалась смехом и аплодисментами.

После концерта битлов представили королеве-матери. Или же — если учесть сменившиеся приоритеты публики — это королеву-мать представили битлам? Она сказала, что прекрасно провела время. Ну и где же у них следующий концерт? Ответ был: в Слау. «А, это недалеко от нас», — ответила королева-мать[206].

На следующий день о «Битлз» писали все газеты. Отведя им целую передовицу, газета рабочего класса «Дейли миррор» приветствовала революцию:

> Фанаты «Битлз» повсюду, от Уопинга до Виндзора. Их любят все, и стар и млад. Сразу ясно, почему эти дерзкие, энергичные парни из Ливерпуля обрели такую популярность.
>
> Они молоды и свежи. Они резвы и веселы. Какая замена нытикам и плаксам, воющим под грустные мелодии на мелководье истерзанных и чуть теплых сердец.
>
> «Битлз» — взбалмошные. У них прически как

мочалки, но мочалки чисто ВЫМЫТЫЕ. Они сверкают чистотой. Исполнение — свежо и молодо. Они развлекают и без сомнительных шуток про гомиков…

Юнцы вроде «Битлз» неплохо удружили шоу-бизнесу — как и нам всем — и новым звучанием, и новым обликом.

Удачи, «Битлз»!

Вечно стоящая на страже против всего нового и неприглядного «Дейли телеграф» помешательство осудила. «Эта истерия, похоже, заполняет умы и сердца, в которых изначально было пусто, — возражал автор анонимной передовицы. — Разве вас не пугают толпы молодых людей, таких внушаемых, таких разнузданных и неуправляемых? Какая благодарная почва для маньяка! Гитлер этого не одобрил бы, но наверняка увидел бы, что при иных обстоятельствах можно на ней взрастить».

Когда год спустя, в октябре 1964-го, «Битлз» вернулись в Лестер и намеревались провернуть свой обычный трюк — выбежать из здания к поджидающей их машине в то время, как звучит национальный гимн, — оказалось, что нравы общества переменились. На этот раз шестьдесят или семьдесят фанаток не стояли смирно, а выскочили на улицу и, окружив машину с битлами, принялись колотить по крыше и стеклам. Перепуганный водитель растерялся и врезался в автомобиль по соседству, но фанатки так и продолжали стучать по крыше и окнам, а битлам пришлось дожидаться, пока не прибудет полиция и не освободит их.

36

Внезапное появление «Битлз» стало потрясением для многих из старой гвардии шоу-бизнеса.

Марлен Дитрих, звезде «Голубого ангела» (1930) и «Белокурой Венеры» (1932), был шестьдесят один год, когда она согласились участвовать в «Королевском варьете» 1963 года. Ее международный статус, казалось бы, гарантировал ей роль звезды вечера.

В июле 1963-го шестнадцатилетняя дочь импресарио Рудольфа Делфонта, Сюзан, попросила его ангажировать на концерт «Битлз». Делфонт смутился: «Никогда про них не слышал… когда я спросил, чем они занимаются, дочь ответила, что «они, ну, знаешь, в каком-то роде… другие»».

Вскоре после этого кто-то в его организации ангажировал «Битлз» для воскресного концерта в театре «Принцесс» в городе Торки. Тогда он сразу же позвонил управляющему театром.

«— Как дела? — спросил я.

— Все билеты проданы, — ответил управляющий. — Фанаты ночуют под дверью, надеются на чудо.

Мне этого хватило. Я ангажировал группу».

К ноябрю «Битлз» затмили Дитрих. Большой день близился, и Делфонт заметил, что Дитрих, считавшая, что все лавры должны достаться ей, расстраивается все больше и больше. «Я ждал битвы характеров, но мне следовало знать, что мисс Дитрих не опустится до вульгарной ссоры, — вспоминал он. — Вместо этого она дала отпор с утонченной беспощадностью леди Макбет».

Сестра Делфонта, Рита, вспоминала, что на репетициях Дитрих вела себя «капризно и эгоистично», занимая куда больше отведенного ей времени. Когда она закончила, все фотографы бросились в переднюю часть партера. «Не сейчас, дорогие! — остановила она их. — Приходите через час, когда я буду в гриме!» Ей и в голову не пришло, что фотографы ждали «Битлз».

© George Freston/Fox Photos/Getty Images

Битлы репетировали под непрерывное сверкание фотовспышек. «А когда Марлен вернулась, в платье с блестками и при полном гриме, поблизости не оказалось ни единого фотографа», — рассказывает Рита Делфонт.

Фотографы собрались и перед самым началом концерта, для фотосессии. В центре их внимания снова оказались «Битлз», но всякий раз, как они меняли позу, Марлен Дитрих каким-то чудом тоже оказывалась в кадре. «Парни были еще не совсем уверены в себе, поэтому вторжение восприняли как комплимент». А вот съемочная группа с первого взгляда распознала кражу сцены.

Тем не менее Дитрих произвела огромное впечатление на Ринго. «Помню, как пялился на ее ноги, когда она опиралась на стул. Класс! Я любитель ножек. Точеные! Просто загляденье!»

Сама Дитрих наконец потеплела к группе. «Они такие СЕКСАПИЛЬНЫЕ! — заметила она Брайану Эпстайну, когда опустился занавес. — С ними было весело. Восхищаюсь «Битлз». Девчонки по ним прямо с ума сходят. То-то они, наверное, развлекаются!»

Спустя четыре года битлы отплатили Марлен Дитрих

комплиментом по-своему, поместив ее на конверт альбома «Sgt. Pepper», в компанию избранных.

37

В цокольном этаже дома Эшеров на Уимпол-стрит находилась небольшая комната, где Маргарет Эшер давала своим ученикам уроки игры на гобое. Там стояли диван, пианино и пюпитр. Когда комната не была нужна Маргарет, она разрешала Полу сочинять там свои поп-песни.

Однажды в середине октября 1963 года к Полу заскочил Джон. Вдвоем они спустились в маленькую комнатку и вдвоем уселись за пианино миссис Эшер. Брайан Эпстайн поставил им новую, чрезвычайно важную задачу: сочинить такую песню, которая позволит выйти на недосягаемый американский рынок. Пока что все их синглы, успешные в Великобритании, — «From Me to You», «She Loves You», «Please Please Me» — там не выстреливали.

Поразмыслив, парни придумали строчку: «Oh, you-ou-ou got that something»[207]. Пол взял аккорд, аккомпанируя, и Джон воскликнул: «Вот оно! Давай еще раз!»

Где-то через час Пол поднялся наверх и заглянул в комнату к Питеру Эшеру.

— Хочешь послушать, что мы сочинили? — предложил он.

Питер спустился в подвал, и там Пол и Джон сыграли ему только что сочиненную песню, «I Want to Hold Your Hand». — Что скажешь? — спросил Пол.

— Боже мой! Сыграете еще разок? — сказал Питер.

Слушая песню во второй раз, он подумал: «Наверное, я совсем спятил, но ничего круче я в жизни не слыхал».

День-два спустя Джон и Пол с песней «I Want to Hold Your Hand» отправились в студию на Эбби-роуд. Работали они быстро и тогда же записали «This Boy»[208] для второй стороны сингла (свое первое рождественское обращение к фан-клубу) и половину «You Really Got a Hold on Me»[209]. Пол на этом не успокоился и, прервав сессию, отправился на обед с победительницей конкурса сочинений на тему «За что я люблю «Битлз»».

В те дни у них вообще было много дел. За следующие три недели битлы успели принять участие в телепередаче «Спасибо счастливым звездам», съездить на гастроли в Скандинавию, выступить в «Королевском варьете» («побренчите драгоценностями»), дать концерты в Челтенеме, Шеффилде, Слау, Лидсе и Нортгемптоне и еще съездить в Дублин.

Девятого ноября «Битлз» в «остине-принцесс» прибыли в Ист-Хэм, где у театра «Гранада» толпа неистовствовала так, что даже еду для битлов пришлось доставлять под полицейским эскортом.

Перед выходом «Битлз» на сцену в гримерку заглянул Джордж Мартин и попросил тишины.

— Слушайте, у меня важная новость. Из EMI только что сообщили: предпродажи «I Want to Hold Your Hand» перевалили за миллион.

Все обрадованно загомонили. «Да, классно, — сказал Джон, всегда умевший отыскать тучу, застилающую солнце, — но это значит, что она будет на первом месте всего неделю».

«I Want to Hold Your Hand» в Великобритании вышла 29 ноября 1963 года, почти через шесть недель после того, как Джон с Полом за час сочинили ее в цокольном этаже дома Эшеров. За две недели она поднялась на первое место, сместив «She Loves You» на второе. Вопреки предсказанию Джона, на первом месте она пробыла четыре недели, а в чартах продержалась до конца апреля. К тому времени их следующий сингл «Can't Buy Me Love» возглавлял чарты уже третью неделю[210].

«I Want to Hold Your Hand» вышла в Америке лишь через месяц, да и то по счастливой случайности. Вашингтонский диск-жокей получил британский сингл от стюардессы и раз за разом крутил его в своей передаче, после чего радиостанциям Чикаго и Сент-Луиса пришлось последовать его примеру. Тут-то «Кэпитол рекордз» и увидела ее потенциал и выпустила синглом на второй день Рождества 1963 года. За неделю песня добралась до 43-го места в американских чартах, и было похоже, что поднимется еще выше.

38

В три утра 17 января 1964 года «Битлз» были у себя, в королевском люксе парижского отеля «Георг V», отыграв первый из серии концертов в театре «Олимпия». Они сидели, одетые в пижамы и халаты, когда вошел Брайан Эпстайн с телеграммой в руке.

— Парни, — сказал он, — вы номер один в Америке!

В кои-то веки даже Джон испытал трепет. Их гастрольный менеджер Мэл Эванс стал свидетелем этой радости. Для него они тогда были «просто кучкой мальчишек, скакавших от чистого восторга».

© Lefebvre André/Paris Match via Getty Images

Ринго ликовал: «Нам просто не верилось. Стали вести себя как техасцы, улюлюкая и выкрикивая: «Йи-иха-а-а!»» Пол вскочил Мэлу на спину и потребовал прокатить его. Освещавший их турне фотограф Гарри Бенсон предложил устроить постановочный бой на подушках. «Глупее ничего не слышал», — сказал Джон. А секундой позже схватил подушку и шмякнул ею Пола по затылку. Все четверо, в пижамах и халатах, вскочили на огромную кровать в стиле ампир и стали лупить друг друга подушками. Продолжая дурачиться, они подхватили Ринго, раскачали и — раз-два-три-

четыре! — стали подбрасывать его в воздух. Будет ли у них еще повод для такой безумной радости?

39

Все происходило стремительно. Ровно год назад, 17 января 1963-го, они играли в «Кэверн» и танцевальном зале «Маджестик» в Биркенхеде. А за год до того, 1 января 1962-го, получили отказ от Дика Роу из «Декка рекордз», мол, «группы с гитарами свое отыграли».

И вот они покорили Америку. За первые три дня после релиза в США «I Want to Hold Your Hand» продался тиражом в четверть миллиона пластинок. А всего в итоге их разошлось пять миллионов.

Поэт Аллен Гинзберг впервые услышал эту песню в баре «Дом»[211], месте «крутой тусовки» нью-йоркского Ист-Виллиджа: «Высокое альтовое, похожее на йодль «УУУУ» пронзило мне череп. Тогда же я понял, что оно пронзит череп всей западной цивилизации». И, к удивлению товарищей-интеллектуалов, осанистый Гинзберг вскочил и пустился в пляс.

Когда Брайан Уилсон из *The Beach Boys* услышал песню, то «… просто обалдел. Мою нервную систему будто тряхнуло током». Тогдашний сингл *The Beach Boys* «Be True to Your School» содержал припев:

> Be true to your school now
> Just like you would to your girl or guy
> Be true to your school now
> And let your colors fly[212].

В тот же миг Уилсон осознал, что «Битлз» превратили его в ископаемое. Он был на два дня моложе Пола, но теперь ощущал себя стариком: «Я сразу понял, что все переменилось».

Последние полгода *The Beach Boys* были самой популярной группой в Америке, однако с того момента им предстояло жить в тени «Битлз». Что еще хуже, британцы подписали контракт с «Кэпитол рекордз», тем же лейблом, с которым работали *The Beach Boys*. Те же боссы, что еще недавно все внимание уделяли *The Beach Boys*, теперь говорили только о великолепной четверке. « *The Beach Boys* годами были будущим музыки, но вот люди сочли, что оно за «Битлз», и верности «Кэпитол рекордз» как не бывало», — вспоминал их промоутер Фред Вейл.

В апреле следующего года *The Beach Boys* записали «Don't Back Down»[213], от которой так и веяло обреченностью: «The girls dig the way the guys get all wiped out… When a twenty-footer sneaks

up like a ton of lead»[214]. После этого *The Beach Boys* про серфинг больше не пели.

Во Фрихолде, штат Нью-Джерси, четырнадцатилетний мальчишка сидел на переднем сиденье маминой машины, когда по радио зазвучала песня. Время как будто остановилось, а волосы у него встали дыбом. Им овладело «нечто странное, типа магии вуду», а радио «засияло и как будто с трудом удерживало в себе этот звук». Когда они приехали домой, мальчик не зашел, а побежал в кегельбан на Мейн-стрит, ворвался в телефонную будку и позвонил своей подружке Джен.

— Ты слышала «Битлз»? — спросил он.

— Да, они клевые, — ответила Джен.

Затем мальчик помчался в магазин «Ньюбери», в котором был крохотный музыкальный отдел. «I Want to Hold Your Hand» в продаже не оказалось, так что вместо нее он купил сингл «My Bonnie», которую вроде бы записали «Битлз» с Тони Шериданом. «Это было обдиралово: битлы подыгрывали какому-то хрену с горы… Я купил пластинку. Послушал ее. Ничего особенного, но на большее рассчитывать не приходилось».

Ему тут же захотелось гитару, выставленную в витрине магазина «Уэст авто» на Мейн-стрит. Летом он вызвался покрасить дом тети Доры и на заработанные деньги купил гитару. «Время тем летом тянулось очень медленно». Он жил от релиза до релиза битловских синглов. «Я рыскал по газетным киоскам в поисках журналов с фотками, которых еще не видел, и мечтал… мечтал… мечтал, что это я на них… Я не мечтал о встрече с битлами. Я хотел ими стать».

И даже теперь, полвека спустя, Брюс Спрингстин верит, что песня «I Want to Hold Your Hand», услышанная в машине матери, навсегда изменила ход его жизни.

В Чикаго десятилетняя Руби Вакс[215] как раз была в музыкальном магазине, когда в динамиках зазвучала вторая сторона сингла «I Want to Hold Your Hand».

«Из колонок раздалось битловское: «Well, she was just seventeen…», и у меня внутри будто красные тревожные огни заполыхали. Никогда еще не слышала такого будоражащего звучания… это был Великий Момент. С тех пор ни одному мужчине не удалось «завести» меня так, как это сделали тогда битлы».

В следующие несколько недель Руби обклеила стены своей комнаты плакатами с «Битлз», которые затем ритуально облобызала. Она собирала все: журналы, ручки, пластинки, солнцезащитные очки, часы, носочки и наклейки. «Я ставила пластинку битлов и увеличивала громкость до предела, до боли в

ушах, а потом рыдала, стонала и визжала от любви к ним». Она даже звонила в Ливерпуль, чтобы услышать, как оператор произносит «здравствуйте» с местным акцентом. «И тогда меня так переполняло эмоциями, что приходилось вешать трубку».

Отбывая десятилетний срок в исправительном учреждении на острове Макнил в штате Вашингтон, мелкий бандит Чарли Мэнсон постоянно слышал «I Want to Hold Your Hand» по радио у других заключенных.

Если верить его биографу, Мэнсона впечатлила их музыка, но еще больше — поклонение публики: «Чарли всегда страстно хотелось внимания; он решил, что жаждет настоящей славы. Раз уж четверо битлов ее получили, то чем он хуже?.. Чарли принялся рассказывать всем и каждому — и тем, кто его слушал, и тем, кто не слушал, — что когда-нибудь он превзойдет «Битлз»».

Остаток срока Мэнсон не расставался с гитарой. Всякий раз, когда его мать, Кейтлин, приезжала его навестить, он с маниакальной одержимостью твердил ей, что обязательно прославится, в самом ближайшем будущем.

40

В январе 1964-го в Лондон приехали *The Ronettes*[216] на свои первые гастроли по Великобритании. На поддержке у них выступала местная группа «Роллинг стоунз».

В первый же вечер им устроил вечеринку диск-жокей «Радио Люксембург» Тони Холл[217] — у себя дома на Грин-стрит в Мэйфере, по соседству с улицей, где жили Джордж и Ринго.

Когда *The Ronettes* прибыли, Джон, Джордж и Ринго уже ждали. О славе битлов девушки были наслышаны — с самого прибытия в Англию они только о битлах и слышали, — но с их музыкой ознакомиться пока не успели. Битлов же к ним так и тянуло: еще бы, такие чувственные, томные голоса и ладные фигурки.

Едва *The Ronettes* вошли, как Джон, Джордж и Ринго устремились к ним и принялись осыпать комплиментами. «У тебя самый классный голос, — сказал Джордж Ронни Беннетт[218], солистке. — Мы, как его услышали, сразу полюбили». Джон, обычно скупой на похвалу, тоже не сдержался. «Офигительно поете», — сказал он.

«Они всё нахваливали наши длинные черные волосы, нашу потрясающую внешность, — вспоминала Ронни. — Да и мы, собственно, неплохо провели время».

Они стали танцевать под песни *The Ronettes* : «Be My Baby», «Baby, I Love You», «I Saw Mommy Kissing Santa Claus»[219]. Весь вечер девчонки с удовольствием показывали битлам модные в Америке движения: пони, джерк, нитти-гритти. Джон, совсем не любитель танцев, охотно внимал наставлениям Ронни. «Всякий раз, как мы начинали танцевать, Джон подходил ко мне и говорил: «Я вроде не до конца просек, как надо, Ронни. Мне бы еще урок». Я почти сразу поняла, что ему нравлюсь».

Джордж, в свою очередь, ясно показал, что ему приглянулась старшая сестра Ронни, Эстель. «Мы были молоды, к тому же в чужой стране, вот и решили развлечься, ведь наши парни остались дома», — вспоминала Ронни, чей скорый на расправу ухажер, музыкальный продюсер Фил Спектор[220], тоже находился на безопасном расстоянии, в Америке.

Ночь шла, Джордж с Эстель куда-то запропастились, а Ронни позволила Джону устроить ей тур по дому. Интерьер ее впечатлил: «В каждой комнате старинные вазы и картины». Наверху Джон принялся дергать за ручки дверей. Ронни сообразила, что он ищет, где бы с ней уединиться. «Наконец Джон отыскал незапертую дверь, и мы вошли в нее. В комнате было так

темно, что мы даже не заметили, что на кровати сидят Джордж с Эстель. «Упс! Простите, ребята!» — сказала я». Наконец они отыскали свободную комнату, сели на банкетку у окна и стали смотреть на «сказочную панораму огней и башен, простиравшуюся до бесконечности». В этой романтической обстановке Ронни спросила:

— Ну и как тебе все это?

— Ну, тут сквозняки, и банкетка жесткая — заду больно.

— Я не о том. Я про то, каково быть знаменитым?

— А, это… Серьезный вопрос. Надо бы покурить.

И они заговорили о славе. Джон вспоминал, как битлы сидели в кафешках и фантазировали о будущем:

«— Мы жевали бутеры с джемом, приговаривая: «Вот получим контракт со студией, и все изменится. Будем ездить на лимузинах с шоферами и до конца жизни забудем про бутеры с джемом!» А потом подписали контракт со студией, и знаешь что?

— Ничего не изменилось?

— А вот и нет. Все сбылось: жизнь изменилась. Ездим на лимузинах с шоферами и больше не едим бутеров с джемом. Как вспомню — так блевать тянет».

Ронни слушала и думала: уж не из этих ли Джон, «глубоких мыслителей, вроде Фила»? А еще она заметила, что нравится Джону «не только из-за голоса». И когда он поцеловал ее, она «даже на секунду забыла о Филе».

О поцелуях Ронни пела часто, все-таки жанр обязывает — «I'll make you happy, baby, just wait and see. For every kiss you give me, I'll give you three»[221], — но в жизни у нее дальше поцелуев дело не заходило. «Понимаю, сейчас в это трудно поверить, но с мальчиками я всегда ограничивалась поцелуями в губы, даже с Филом. Меня привлекала романтическая сторона отношений, а секс так и оставался загадкой. Однако, судя по тому, как развивались события на банкетке, долго так не продлилось бы». Целуя Ронни, Джон стал трогать ее «в тех местах, о наличии которых я даже не подозревала». Затем он обхватил ее за талию и начал подталкивать к огромной кровати, но тут Ронни вспомнила о Филе, резко уперлась ногами в ковер, и Джон, не устояв, упал на пол.

— Может, вернемся на вечеринку? — предложила Ронни.

Эстель и Ронни сходили на несколько парных свиданий с Джорджем и Джоном. Ронни заинтриговало то, как благоговеют эти два битла перед звездами; они постоянно просили рассказать побольше об американских певцах и музыкантах: «Расскажите про *The Temptations* !..[222] А какой на самом деле Бен Кинг?»[223]

Как-то вечером Джордж с Джоном забирали Эстель и Ронни

из вестибюля отеля «Стрэнд палас». Увидев, что девушек провожает мать, Джон растерялся и тоже пригласил ее на ужин, о чем горько пожалел, потому что та радостно ответила: «Отличная мысль! Погодите, я возьму сумочку».

Вечер прошел очень неловко, даже для Ронни. «В присутствии матери особо не поговоришь. А сама она за вечер не сказала ни слова. Только сидела и таращилась на нас».

Много позже мать призналась Ронни, что ей тогда очень не понравилось, как «эти взрослые мужчины ухлестывают за моими девочками… Я только думала: «Ну и что за жизнь меня теперь ждет?»». В тот вечер ей было больно и муторно, как никогда. В конце месяца в Лондон приехал Фил Спектор. Ронни понимала, что беззаботного веселья больше не будет: по клубам Фил ходить отказывался и, уж конечно, одну ее никуда не отпускал. Он ничего такого не говорил, но Ронни чувствовала, что ему не по нраву то, как много она времени проводит с битлами: в этом плане Фил был очень и очень непрост[224]. Тогда же в Ронни влюбился Кит Ричардс из «Роллинг стоунз». «Кит все говорил: «У нас такие замечательные детки родятся! У тебя густые черные волосы, и у меня густые черные волосы»».

Пятого февраля Тони Холл закатил еще одну вечеринку у себя в квартире на Грин-стрит. На сей раз в честь «Битлз», которые собирались в свой первый тур по Штатам. «Вечер выдался очень приятный, — вспоминает один из гостей, — потому что прославиться-то «Битлз» прославились, но понятия не имели, что ждет их на американской земле, вот и мандражировали». Все танцевали под «Heat Wave», новый хит *Martha and the Vandellas*[225], а Ронни подпевала во весь голос.

«Ронни была желанной пташкой, ее все хотели, — вспоминал Тони Колдер[226], музыкальный пиарщик. — Малышка просто ах, на нее все слюни роняли». Фил Спектор «весь извелся, ведь к Ронни все так и липли. Куда бы она ни пришла, воздух искрил от сексуального напряжения: парни об нее все глаза сломали. Такая девушка экзотическая, да еще американка!».

А стоило матери Ронни обмолвиться, дескать, Джон предлагает *The Ronettes* лететь в Америку вместе с «Битлз», как Фил взревновал еще больше. Сама Ронни об этом щедром предложении Филу рассказать не решилась, вот и поручила маме попросить за нее.

— Знаешь, Фил, если девочки вернутся в одном самолете с «Битлз», это будет отличной рекламой.

— Нет, я уже купил билеты.

На следующий день *The Ronettes* улетели в Нью-Йорк без «Битлз». Фил сказал Ронни, что возвращается другим рейсом.

41

У себя дома, в Восточном Гарлеме, Ронни с матерью и сестрой смотрели по телевизору репортаж из аэропорта Кеннеди о прилете «Битлз», и вдруг на экране мелькнула знакомая фигура. «Я чуть сознание не потеряла, когда из самолета вслед за битлами вышел Фил Спектор. Думала, придушу его!»

Спектор добился, чтобы его взяли в самолет «Битлз», но оказался непростым попутчиком. «Безумный, как мартовский заяц, — заметил Ринго. — Он боялся летать, поэтому в Америку «возвращался пешком». Ну точно псих. Весь полет нервничал и ходил туда-сюда по салону…»

Когда самолет приземлился в Нью-Йорке, «I Want to Hold Your Hand» выбралась на первое место в чартах «Биллборд». От предзаказов на сувенирную продукцию не было отбоя: следующим самолетом в Америку отправили полтонны битловских париков и 24000 рулонов обоев с изображениями «Битлз».

После пресс-конференции в аэропорту битлов привезли к отелю «Плаза»[227] и провели мимо многотысячной толпы фанатов, вопивших: «Хотим «Битлз»!»

Джон и Джордж сообщили гостиничной охране имена *The Ronettes*, так что Ронни и Эстель беспрепятственно пропустили наверх, вместе с кузиной Недрой, третьей участницей группы, и ее бойфрендом Скоттом. В кои-то веки Фил Спектор ослабил бдительность: пока Ронни развлекалась, он работал на студии.

Битлам отвели целый этаж. Столы ломились от сэндвичей и выпивки. «Раз уж гулять не пускают, то пусть кормят как следует, — пояснил Джон. В каждой комнате работал телевизор, но с выключенным звуком. Всюду стояли проигрыватели и были разбросаны пластинки. — Мне нравится Америка, — сказал Джон. — Мигом приносят все, что ни пожелаешь».

Эстель и Ронни сидели на полу вместе с Джорджем и Джоном, слушали пластинки и болтали. С наступлением сумерек Ронни заметила, что гости, пришедшие первыми, уходят, а на смену им является множество других, по большей части девушки в коротких юбках: «Тут и дурак бы понял, что начинается что-то этакое».

Мэл Эванс напомнил первой партии гостей, что им пора на выход.

— Не волнуйся, Скотт с нами, — сказала Ронни.

— Мы его не знаем, — ответил Джон. — Пусть уйдет.

Тогда, сказала Эстель, она тоже уйдет. Она и Ронни

попыталась с собой забрать, но, как и предполагает название группы, Ронни всегда была ее лидером: «Раз уж тут затевалось нечто странное, мне надо было это видеть».

Оставшиеся гости набились в одну из спален. Тогда Джон схватил Ронни за руку и произнес:

— Идем. Ты ведь хочешь посмотреть, что там такого интересного?

В спальне, как показалось Ронни, было чересчур уж людно. Гости столпились в кружок, а то, что происходило в центре, фотографировал какой-то тип, взобравшись на стул. Перед Джоном с Ронни все расступались.

Ронни в ужасе смотрела на происходящее. «Ничего поразительней я еще не видала. На кровати лежала девушка, а парень из битловской свиты занимался с ней сексом — на глазах у толпы… Девушка, судя по всему, и не возражала быть развлечением на вечеринке у «Битлз», хотя сами битлы стояли в сторонке. Ей, наверное, достаточно было просто быть в одном номере с ними, словно о таком можно будет рассказывать внукам».

Парочка в кровати продолжала «заниматься сексом во всех мыслимых позах», а фотограф знай себе щелкал затвором камеры. Ронни тогда получила урок. Она все еще была девственницей, и даже больше, у нее имелся пунктик: ложась в постель, не снимать белья — так, на всякий пожарный. И хотя основы она знала, «про позу 69 и прочие мне не было известно вообще ничего. В 1964 году даже в фильмах не было откровенных сцен, а тут девица нагишом напропалую занимается сексом! Я этого никогда не забуду».

Ошеломленная Ронни то и дело ахала: «Боже мой!» Джон наклонился к ней и прошептал:

— Ронни, а можно потише?

Представление продолжалось, и Джон занял единственное кресло в комнате. Он пригласил Ронни сесть ему на колени. Его возбуждение было весьма ощутимым. «Я тогда, может, и была простушкой, но четко знала, когда пора вставать с колен парня». Она вышла из комнаты.

Джон последовал за ней. Они прошли к нему в спальню. Он указал на панораму Манхэттена за окном и спросил, помнит ли Ронни, как они любовались Лондоном. Ронни присела, и Джон, встав у нее за спиной, принялся массировать ей шею.

Ронни ответила, мол, ей надо ему кое-что сказать. Джон отмахнулся: не сейчас. Ронни настаивала, и тогда Джон признался, что знает о ее связи с Филом: «Просто подумал, вдруг и у нас с тобой выгорит». Ронни встала. Ей нравилось говорить с

Джоном о музыке, сказала она, «но есть парни, к которым относишься как к брату. Я тебя так и воспринимаю. Я люблю тебя, Джон, но только не так, как тебе хочется».

Она вышла. Джон раздраженно захлопнул дверь, но на следующий день позвонил и вел себя как ни в чем не бывало. Спросил, свободна ли Ронни вечером. Битлы хотели выбраться и попробовать настоящей нью-йоркской кухни.

Все три участницы группы *The Ronettes* замечательно провели тихий вечер в компании всех четырех битлов в ресторанчике «Барбекю Шермана», в Гарлеме, на углу 151-й улицы и Амстердам-авеню. Впоследствии, когда Ронни заходила в ресторан, управляющий с улыбкой здоровался и говорил: «Помню-помню! Это ты привела к нам «Битлз»!»

42

В Великобритании «Битлз» шли к успеху постепенно, издалека. В Америке они появились внезапно, будто цунами. Только что было тихо, и вдруг раз — и повсюду «Битлз».

Бóльшую часть 1963 года «Битлз» были знамениты в Великобритании, но неизвестны в Америке. И Брайан Эпстайн, и группа опасались не подгадать со временем своего прибытия. Памятуя о том, что случилось с Клиффом Ричардом, они не собирались повторять его ошибку. «Много британских групп побывало по ту сторону Атлантики, и всех их забыли, — отмечал личный помощник Эпстайна, Алистер Тейлор. — Клифф Ричард вторгся в Америку, но Америка этого не заметила».

Утром 31 октября в аэропорту Хитроу приземлился Эд Салливан[228], угрюмый телеведущий популярного ток-шоу, который искал новые европейские таланты. Первым делом его ошеломила толпа визжащих девиц на крыше Королевского павильона. Неужто встречают кого-то из королевской семьи? Он спросил об этом у одной из девушек, но та лишь расхохоталась в ответ. Немного погодя сотрудник аэропорта объяснил Салливану: «Это «Битлз»».

Не тратя времени даром, Салливан связался с Эпстайном и пригласил битлов к себе на шоу. Преследуемый призраком Клиффа, Эпстайн уже продумал, как обеспечить успех американской кампании «Битлз». Все — реклама и маркетинг, контракты со студиями, концерты и промоушн, пресса и телевидение — должно быть улажено до приезда группы. В начале ноября он вылетел в Нью-Йорк, где провел серию деловых встреч, на одной из которых познакомился с продюсером и зятем Эда Салливана, Бобом Прехтом[229].

Прехт определенно хотел заполучить «Битлз», но лишь как новую английскую диковинку. Эпстайн же, со своей стороны, намеревался представить их как звезд и сделать гвоздем программы. Сделка, которую он в конце концов заключил, стала блестящим компромиссом: «Битлз» будут главными гостями двух выпусков шоу подряд, но за мизерную плату в 7000 долларов. Прехт сэкономил деньги — оба знали, что Эпстайн теряет на этом как минимум 50000 долларов, — а «Битлз» получили площадку, которой так жаждали: две недели подряд они будут звездами самого популярного шоу в Америке. К началу 1964-го Эд Салливан тоже уверился в гениальности сделки: когда в пятницу, 7 февраля, «Битлз» наконец прилетели в Америку, «I Want to Hold Your Hand» уже занимала первое место в чартах, а «She Loves You»

— двадцать первое и поднималась все выше.

Толпа фанатов в пять рядов с воплями льнет к окнам терминала в аэропорту Кеннеди. Как только люк самолета открывается, крики заглушают даже шум реактивных двигателей. После пресс-конференции в аэропорту «Битлз», в сопровождении четырех полицейских машин и двух мотоциклов, под вой сирен едут в отель «Плаза». На площади Гранд-Арми-Плаза фанаты стоят широкой стеной, многие из них ждут тут с самого рассвета.

В одном из филадельфийских муниципальных жилищных комплексов Джо Куинан-старший, без постоянного места работы, из статьи в еженедельнике «Католик стандард энд таймс»[230] узнает, что «Битлз» — не самое пристойное зрелище для детей. Его сыну, Джо-младшему, кажется, что отец верит, будто бы «единственная цель этой группы — это развратить молодежь Америки и направить ее на путь греха».

Джо-старший не позволит Джо-младшему[231] и трем его сестрам посмотреть «Шоу Эда Салливана» с участием «Битлз». Он заранее предупредил своих четырех отпрысков, что на те вечера, когда в программе заявлены «Битлз», к крохотному черно-белому телевизору будет иметь доступ только он сам. «Он прямо напрашивался, нет, требовал подсыпать ему крысиного яду в пиво», — вспоминает Джо-младший.

Днем, когда «Битлз» готовятся к репетиции, студию заполняют девочки-подростки, но все тихо, потому что сцена еще пуста. Как только на сцену вкатывают барабанную установку Ринго, поднимается визг.

В начале репетиции Эд Салливан напоминает присутствующим, что надо уделять внимание и другим исполнителям, не только «Битлз».

— Иначе я приглашу цирюльника, пусть их обреет. — Отпустив эту шпильку, он заявляет в своей обычной чопорной манере: — Наш город — нет, страна — еще никогда не видел таких, как эти четверо парней из Ливерпуля. Дамы и господа… «Битлз»!

Репортер «Нью-Йорк геральд трибьюн» сравнивает шум в аудитории с «ужасающим визгом и скрежетом, с каким поезд подземки на линии «Би-эм-ти Астория»[232] закладывает поворот на восток на пересечении 59-й улицы и Седьмой авеню».

За кулисами Брайан Эпстайн припирает Салливана к стенке.

— Мне хотелось бы ознакомиться с текстом вашего вступительного монолога, — просит он.

— А мне хотелось бы, чтобы вы от меня отстали, — отвечает Салливан.

Спустя час Салливан возвращается на сцену отрепетировать

вступительный монолог. «Послушайте, ребятки, — говорит он, — в нашем шоу выступают и другие одаренные исполнители, так что давайте похлопаем и им». Для пущей уверенности он заставляет зрителей отработать аплодисменты. Зрители послушно хлопают. Куда ж они денутся: студия вмещает 700 человек, а на билеты для сегодняшнего шоу поступило 50000 заказов.

— Начинаем через восемь минут, — объявляет Салливан под сдавленные стоны присутствующих.

Восемь минут — это же целая вечность!

Восемь минут спустя звучат фанфары. Блестящий занавес поднимается, его складки образуют арку.

— Добрый вечер, дамы и господа! Сегодня в прямом эфире из Нью-Йорка «Шоу Эда Салливана»! Рекламный спонсор сегодняшнего шоу — «Анацин», лекарство от головной боли с особым сочетанием ингредиентов, которое снимает боль, напряжение и снижает раздражительность. «Анацин»! А также — «Пиллсбери», производитель легкого и воздушного замороженного теста «Пиллсбери» и охлажденных молочных продуктов. А теперь, — барабанная дробь, — встречайте! Эд Салливан!

Выходит Салливан — мрачный, насупленный, с бегающим взглядом, будто ушлый брат Хамфри Богарта[233].

— Спасибо большое!

Он вскидывает руки и тут же их опускает их, давая аудитории знак, чтобы прекратили хлопать. Бросает тревожный взгляд налево, потирает нос тыльной стороной ладони. Снова дает аудитории знак заткнуться; на лице — ни намека на улыбку.

Наконец воцаряется тишина.

— Знаете, тут произошло одно примечательное событие, доставившее «Битлз» большое удовольствие, — говорит он как бы между прочим. — Мы, то есть они, получили телеграмму от Элвиса Пресли и полковника Тома Паркера[234] с пожеланиями огромного успеха в нашей стране, и, по-моему, это очень мило.

Строго говоря, это не совсем правда: полковник Паркер отправил телеграмму без ведома Элвиса.

Поднимается крик.

— В рамках… — Салливан откашливается. — В рамках…

Он снова откашливается. Раздается еще больше криков. Тогда Салливан грозит аудитории пальцем, ни дать ни взять разгневанный школьный директор, и опускает взгляд себе на ноги.

— В рамках нашей передачи на этой сцене побывало много восхитительных исполнителей. Спасибо нашему маленькому

итальянскому повару Топо Джиджо[235]. Спасибо бельгийской поющей монахине, Сестре Улыбке, Милтону Берлу… и, разумеется, выступавшему в прошлое воскресенье дуэту, незабываемым Сэмми Дэвису и Элле Фицджеральд[236]. Этим вечером вся страна с терпением ждет выступления английской группы «Битлз», и вы их услышите, этих потрясающих послов доброй воли, — после рекламы! Итак, если вам предстоит выступление на публике, попробуйте новинку: «Аэрошейв», настоящий зверь!

После рекламной паузы возвращаемся к Эду Салливану. Вид у него такой, будто ему предстоит сообщить об автоаварии со смертельным исходом.

— Итак, вчера и сегодня наша студия ломилась от представителей прессы и сотен фотографов со всей страны. Они, люди бывалые, согласны со мной в том, что никогда еще прежде наш город не знал того ажиотажа, который вызвали эти юноши из Ливерпуля, «Битлз». Итак, сегодня вечером вы дважды услышите их выступление — прямо сейчас и во втором отделении. Дамы и господа… — он экстравагантно взмахивает руками, — «Битлз»!

Вопли, вопли, и еще больше воплей. Камера берет в кадр аудиторию: это все практически одни девушки в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет.

«Close your eyes and I'll kiss you»[237], — поет Пол, натряхивая головой и закатывая глаза. Рядом с ним Джордж притопывает. Ринго счастлив. Джон, стоящий справа, выглядит отстраненным, если не сказать слегка скучающим.

Камера крупным планом выхватывает лица орущих девчонок: они вопят, схватившись за головы, словно боятся, как бы те не отвалились. При этом никто не встает с мест, боятся нарушить инструкции грозного мистера Салливана.

Пол как рыба в воде: приплясывает и трясет головой. На протяжении шоу ни у кого не возникает сомнений, что этот битл у руля.

Камера наезжает на Ринго. Он явно видит монитор, потому что растягивает губы в улыбке еще шире, чем вызывает у публики оглушительный крик.

«All my loving, I will send to you-ou-ou!» Когда Джордж и Пол выдают свое «ооо», все кричат еще громче. Джон позволяет себе мельком улыбнуться. Он, самый язвительный из битлов, на сцене нервничает больше других.

Джордж, которого с утра лихорадит, играет тягучее гитарное соло в стиле кантри-энд-вестерн. Какие же у него густые брови!

Какая-то девочка двенадцати лет подскакивает в кресле, хлопает в ладоши, кричит и лохматит себе волосы. Песня

заканчивается, битлы отвешивают низкие поклоны, и Пол тут же затягивает слащавую балладу из «Музыканта»: «There were bells, on a hill, but I never heard them ringing, till there was you»[238]. Под изображением его головы на экране появляется титр: «ПОЛ». Потом — под еще больше криков — Ринго, кадр крупным планом («РИНГО»). Ринго ухмыляется, бормочет себе что-то под нос и смеется. Затем — Джордж, который впервые изображает широкую улыбку. И наконец, Джон, чей кадр сопровождается подписью: «ПРОСТИТЕ, ДЕВЧОНКИ, ЭТОТ ЖЕНАТ». Крики в его честь звучат заметно тише, но он все же улыбается.

Песня заканчивается, битлы снова низко кланяются и сразу же переходят к «She loves you, yeah, yeah, yeah!». Все оживает. В зале нет девчонки, которая бы не визжала и не хваталась за голову, словно в вагончике особенно страшных американских горок.

«She said she loves you, — (Ринго, крупным планом, ухмыляется и кивает в такт), — and you know that can't be ba-ad[239]. WOOOOOOH!»

Все четверо с удивительной живостью трясут головами. Это как стартовый сигнал для самых громких криков за весь вечер. Джон слегка пружинит на широко расставленных полусогнутых ногах. Микрофон у него барахлит, и поэтому его голос весь вечер еле слышен, будто он на подпевке, даже когда поет соло.

И вот уже все в зале дружно хлопают. Большинство девчонок одеты в сарафаны и джемперы, волосы почти у всех расчесаны на старомодный боковой пробор.

«YEAH, YEAH, YEAH, YEAH, YEAH, YEAH, YEEEEAAAAAH!»

Конец. Все вопят. В кадре Эд Салливан — аплодирует. Он улыбается, ну или почти улыбается, хотя уголки его губ опущены. Он вскидывает руку, обращаясь к залу, просит тишины.

— Вы обещали! — рявкает он, напоминая девочкам о предупреждении, изложенном перед началом шоу.

Зрительницы замолкают, хотя в дальней части аудитории еще слышна возбужденная болтовня.

Эд Салливан продолжает назидательным тоном:

— Они вернутся во втором отделении, после того, как вас порадуют Джорджия Браун, звезда мюзикла «Оливер!»[240], Тесси О'Ши, одна из звезд мюзикла «Девушка, что пришла на ужин»[241], но сейчас — пару слов об «Анацине».

За сотню миль от студии тринадцатилетний Джо Куинан-младший сумел обойти отцовский запрет, прошмыгнув в соседний квартал, к телевизору более милосердного дяди Джерри. Джо ошеломлен увиденным: «Я до сих пор верю, что именно тогда я стал разумным человеком, личностью, а не просто

родительской собственностью».

В калифорнийском городе Эль-Серито братья Фогерти[242] — Том и Джим — смотрят «Шоу Эда Салливана» вместе с друзьями, Дугом Клиффордом и Стю Куком.

Им сразу же приходит в голову собрать свой квартет, совсем как «Битлз». «Ух ты, раз уж эти англичашки могут выйти на сцену и сбацать рок-н-ролл, то чем мы хуже?» Битловских париков у них под рукой нет, так что вместо них парни цепляют на головы парики Трех Балбесов[243].

© *CBS via Getty Images*

Тринадцатилетний Том Петти[244] смотрит шоу по телевизору у себя дома в Гейнсвилле, штат Флорида, и думает: «Все возможно… собираешь друзей, и вот вы уже настоящий ансамбль. Можно лабать». Проходит несколько недель, и в гаражах по всей округе играют группы.

Крисси Хайнд[245] двенадцать лет, она дочь менеджера в издательстве, выпускающем телефонные справочники «Желтые страницы». Она смотрит «Шоу Эда Салливана» по телевизору у себя дома в городе Акрон, штат Огайо. Она никогда этого не

забудет: «Это было как секс, только без секса. Точно помню, где сидела. Это было просто удивительно. Словно земная ось сместилась… словно на Землю напали инопланетяне. Юные девственницы, которые, как я, не хотели взрослеть и, как я, не хотели выходить во взрослый мир, открывали для себя новое измерение — сексуальность. Условную, когда не боишься, что тебе прыщавый попадется. Наслаждение сразу в мозг». Когда она на следующий день пришла в среднюю школу имени Харви С. Файрстоуна, то увидела, что все парни зачесали челки на лоб, и тогда она решила поступить так же: «Бигуди забросила. Расчесала волосы прямо и обрезала челку».

В Балтиморе тринадцатилетний Грег Кин[246] следует моде. Еще в пятницу после уроков он вернулся домой как Дион[247], а в понедельник пошел в школу, смыв с волос бриолин и начесав их на лоб. «Все махом случилось».

Двух сестер Уилсон из Белвью, штат Вашингтон, — тринадцатилетнюю Энн и девятилетнюю Нэнси[248] — словно громом поразило. «Это было знаменательное событие, вроде высадки на Луну… Мы тут же принялись устраивать в гостиной воображаемые концерты, играя на воображаемых гитарах и подражая английскому акценту, изучая все фэнзины»[249].

Четырнадцатилетний Билли Джоэл[250] смотрит телевизор вместе с семьей, на Лонг-Айленде. «Они походили на парней из рабочего класса, которых все знали. А у Джона Леннона тогда, на «Шоу Эда Салливана», так и вовсе был такой вид, мол, идите в жопу, клал я на все». Билли тут же понял, какова его судьба: «В тот момент я сказал себе: «Я знаю этих парней. Я могу на них положиться. Я и есть эти парни. Вот чем я хочу заниматься. Именно этим. Хочу быть как эти парни. Вот кем я стану — рок-музыкантом»».

На сцене снова появляется Эд Салливан. Вид у него такой, будто ему и самому не помешала бы пара таблеток «Анацина».

— В общем, так… — В зале шепчутся, и Эд понижает голос до баса: — Тихо там! — сам удивляясь собственной резкости, выкрикивает он. На его губах мелькает змеиная улыбка. — Перед вами замечательный фокусник, которого мы встретили в Европе прошлым летом и пригласили к нам, — Фред Капс![251]

Голландский фокусник во фраке методично демонстрирует свой номер. Когда он заканчивает выступление, Салливан не награждает его признательным рукопожатием, а небрежно помавает рукой в его сторону. Далее на сцену выходит актерский состав бродвейского мюзикла «Оливер!», возглавляемый Джорджией Браун. Она исполняет песню «As Long as He Needs Me», а потом «I'd Do Anything»[252]; ей аккомпанирует

семнадцатилетний английский актер Дейви Джонс[253].

Потом выступает пародист Фрэнк Горшин[254], который изображает Дина Мартина, Марлона Брандо и Берта Ланкастера, вызывая у публики натянутый смех.

Затем следует еще одна рекламная пауза: «Новые быстрозамороженные сайки «Пиллсбери»: горячая выпечка «Пиллсбери» — любовь с пылу с жару!»

На сцену выходит «Тесси О'Ши, английская кудесница» — беловолосая дама, дородная и бойкая, весьма уверенная в себе, в сверкающем вечернем туалете и белом меховом палантине.

— Привет, мои хорошие, как у вас дела, — выпевает она. — Я ужасно рада, что сегодня к вам пришла, пусть даже, мои лапушки, на несколько минут, но спою вам песенки, что в голову придут.

Юная аудитория, терпеливо высидевшая голландского фокусника, актеров мюзикла «Оливер!», пародиста и толстуху с банджо, изо всех сил сдерживает отчаянное желание увидеть «Битлз». Вместо них Салливан представляет комедийный дуэт Макколл и Брилла[255], которые исполняют многословный скетч о начинающих актрисах, пытающихся произвести впечатление на голливудского агента. Смех публики вызывает только злободневная шутка, придуманная комиками перед самым выходом на сцену: ««Снаружи меня ждет дочурка. Знаете, она ведь тоже была битлом». — «И что же с ней случилось?» — «Ее растоптали!»»[256]

Салливан их не благодарит. Наконец, после рекламы ананасно-лимонного парфе «Пиллсбери», наступает долгожданный момент. «Дамы и господа, и вновь на нашей сцене… «БИТЛЗ»!» Первый раз улыбка Салливана выглядит искренней.

«She was just seventeen — you know what I mean!»[257] — поет Пол для аудитории, состоящей главным образом из девушек, которым, скорее всего, и невдомек, о чем он. Вот только им на это совершенно плевать: они уже вопят, срывая глотки.

Джордж выглядит куда веселее, но самые громкие крики вызывают крупные планы Ринго. Видимо, все дело в некой оптической иллюзии, но Джон выглядит приземистым и каким-то широким, как в кривом зеркале. «Woooh!» — затягивают битлы и синхронно трясут головами, отчего девчонки просто сходят с ума. «Oh yeah, I'll tell you somethin', I think you'll understand…»[258] Камера наезжает на девочку в очках с крылышками: она жует жвачку, подпрыгивает на сиденье, сцепив ладони в молитвенном жесте, и излучает чистый восторг. «I can't hide! I can't hide! I can't hide!»[259] Позади нее дородный седовласый мужчина — очки в роговой оправе, галстук-бабочка — выдавливает болезненную

улыбку, но понятно, что он с нетерпением ждет окончания.

А вот и оно. Крики накладываются на крики. Ринго присоединяется к Полу, Джорджу и Джону, соскочив с подиума у них за спинами. Эд Салливан жмет руку каждому из них. Видно, как Джордж говорит: «Спасибо!» Потом он машет задним рядам, и остальные следуют его примеру. Даже Салливан улыбается. По губам видно, как битлы, покидая сцену, говорят: «Спасибо». Салливан хочет что-то сказать и знаками просит у зала тишины.

— Все мы с вами… — начинает он, но крики не смолкают. — Все мы с вами… Все мы с вами… — Он вскидывает руки. — Все, кто пришел на сегодняшнее шоу, все мы хотим выразить глубокую признательность департаменту полиции Нью-Йорка за то, как великолепно они, под командованием заместителя начальника полиции Стэнфорда, справились с тысячами юных граждан, заполонивших Бродвей и Пятьдесят третью улицу для встречи «Битлз». Мы также глубоко признательны репортерам, журналистам и фотографам, которые были чертовски добры к «Битлз» и к нам.

Программа, которой пора уже закончиться, по некой причине не завершается. — А сейчас, дамы и господа, водевильный номер — «Уэллс и четверка Фэй»![260]

На сцену, приплясывая, выбегают акробаты и начинают кувыркаться под музыку. Шоу все еще не кончается.

— Прежде чем я расскажу о программе следующего воскресенья, где главными звездами станут Митци Гейнор[261] и «Битлз», — славное угощение от «Пиллсбери»!

Салливан, этот суровый директор школы, выказывает слабый намек на благорасположение:

— Вы — замечательные зрители, несмотря на то что ваше терпение подверглось жестокому испытанию. — По его губам ящеркой скользит улыбка. — В следующее воскресенье наше шоу пройдет в Майами-Бич, в отеле «Довиль»… В следующее воскресенье гвоздем программы станут голливудская кинозвезда Митци Гейнор и «Битлз»… — (Громкие крики совершенно заглушают имена других участников.) — Также нашим гостем станет победитель боя Листон — Клей в Майами-Бич, куда двадцать седьмого февраля приедет президент Джонсон. — Он завершает следующим: — Я, да и все мы получили огромное удовольствие, а «Битлз», которые выступали у нас впервые, очарованы теплым приемом. Вы молодцы. А теперь хорошо вам добраться до дома, спокойной ночи!

Затем идут заключительные титры и реклама: «Спонсор сегодняшнего выпуска «Шоу Эда Салливана» — «Пиллсбери»: все лучшее, с чего начинается ваша выпечка. А также новый

«Аэрошейв» — один мазок на все бритье».

43

Многие американские подростки смотрят «Шоу Эда Салливана» под громкое фырканье и бурчание у них за спинами. В Нью-Йорке двенадцатилетней Сигрид Нуньес[262] приходится мириться со злобными насмешками дяди — над внешним видом битлов, над их голосами и каждым движением. Некоторые родители называют их педиками. Другие идут на крайние меры и выключают телевизор. «И ты называешь это музыкой? — кричит отец приятельницы Сигрид. — Когда, по-твоему, эти уроды последний раз мылись?»

Однако не все представители старшего поколения настроены против «Битлз». Билли Грэм[263] смотрит «Шоу Эда Салливана», чтобы, как он сам говорит, «лучше понять нынешнюю молодежь». Впервые самый известный проповедник США нарушает собственное правило не смотреть телевизор в день отдохновения. В конце концов, должен же он знать, что происходит. Он не без оснований заключает, что ««Битлз» — продукт нашего времени. Они воплощают неугомонность и тягу молодых людей к чему-то новому, к чему-то иному». Позднее, выступая перед полным залом в Оклахоме, он наставляет: «Присмотритесь к реакции детей на «Битлз», и вы поймете, что человек — создание эмоциональное».

В Нью-Йорке Джейми, Александр и Нина Бернстайн — самому старшему девять лет, а младшему два года — то и дело поглядывают на отца, сорокапятилетнего Леонарда[264]. Всего за три месяца до того, на следующий день после убийства президента Кеннеди, на панихиде, которую транслировали по телевидению, он дирижировал Нью-йоркским филармоническим оркестром, исполнявшим малеровскую симфонию «Воскресение»[265]. В отличие от Билли Грэма, он видит в «Битлз» будущее: «Вместе со своими детьми — двумя дочерями и сыном — я влюбился в музыку «Битлз» (и, разумеется, в их лица и типажи), обнаружив в ней прелестенные фальцетный визг и крунинг, неумолимый бит, безупречное интонирование, невообразимо свежие тексты, прямо-таки шубертовский поток музыкальной изобретательности и невероятную пофигистскую крутизну этих четырех всадников нашего апокалипсиса… Вместе мы узрели его, это Видение, внимали этой рассветной птице, трубному слоновьему реву, фанфарам будущего».

На следующее утро, за завтраком в номере люкс отеля «Плаза», «Битлз» просматривают рецензии в газетах. Консервативные комментаторы наперебой выражают неприятие

— кто жарче. В «Нью-Йорк таймс» опубликовано целых два обзора, и ни один из них лестным не назовешь. «Вокал «Битлз» можно описать как хриплый и невнятный, с минимально разборчивой дикцией, необходимой для передачи схематичных текстов», — пишет музыкальный критик Теодор Стронгин[266]. Телевизионный критик Джек Гульд[267] воспринял их выступление со «сдержанным разочарованием», однако объявил его «неплохим плацебо для масс».

В статье на первой полосе «Геральд трибьюн» под заголовком «Провал «Битлз» на телевидении» говорится: «Похоже, все приличное звучание «Битлз» осталось за океаном, но их спасли красотки в зале». Штатный обозреватель презрительно замечает, что они состоят «на 75 процентов из рекламы, на 20 процентов — из причесок и на 5 процентов — из ритмичных стенаний», а также называет их «иллюзией, которой место не в Британии, а в цирке Барнума»[268].

Отзывы «Нью-Йорк дейли ньюс» содержат смесь восхищения, ошеломления и непонимания. «Даже Элвису Пресли ни разу не удавалось вызвать у поколения крикунов такого смехотворного безумия. Пресли с его вихляниями и кошачьими воплями — это еле теплый травяной чай по сравнению с настойкой стоградусной крепости, которой напоили нас «Битлз»».

«Одна только мысль о «Битлз» вызывает душевное расстройство», — отмечает неделей позже Джордж Диксон в статье для «Вашингтон пост». Как и многие другие, он не перестает говорить о том, что битлы недостойны того, чтобы о них говорить. «Их банальное выступление нагоняет тоску и уныние и едва ли стоит упоминания, — пишет он. — И все же вот уже несколько дней все здесь только о них и говорят».

Для критиков рейтинги популярности «Битлз» — что кость в горле. Выпуск передачи с выступлением битлов посмотрели 73 миллиона американцев, вторая по величине зрительская аудитория в истории коммерческого телевидения. Самую большую зрительскую аудиторию собрала страшная новость, прозвучавшая с экранов одиннадцатью неделями ранее: «Только что сообщили о выстрелах в Далласе».

Для многих эти два события связаны навечно: убийство Кеннеди — зима; «Битлз» — весна. Прошло много лет, а Джо Куинан-младший, ныне успешный писатель, убежден в достоверности этой связи: «Я всегда считал, что безумный успех «Битлз» в Америке напрямую связан со смертью Кеннеди. Помню, как ознакомился с этой теорией спустя много лет после самих событий и подумал: вот, наконец хоть одна здравая теория о поп-культуре, которая не констатирует очевидное. «Битлз» помогли

Америке исцелиться… Некоторые музыканты исцеляют народы. Некоторые исцеляют государства. «Битлз» исцелили планету».

Из «Горячей сотни «Биллборд»», за неделю от 4 апреля 1964 г.

1. «Can’t Buy Me Love» — «Битлз».
2. «Twist and Shout» — «Битлз».
3. «She Loves You» — «Битлз».
4. «I Want to Hold Your Hand» — «Битлз».
5. «Please Please Me» — «Битлз».

А также:

31. «I Saw Her Standing There» — «Битлз».
41. «From Me To You» — «Битлз».
46. «Do You Want to Know a Secret» — «Битлз».
58. «All My Loving» — «Битлз».
65. «You Can’t Do That» — «Битлз».
68. «Roll Over Beethoven» — «Битлз».
79. «Thank You Girl» — «Битлз».

На той неделе в хит-парад 100 лучших песен попало две композиции про самих «Битлз»: «We Love You Beatles» группы *The Carefrees*[269] и «A Letter to the Beatles» группы *The Four Preps*[270].

45

Когда «Шоу Эда Салливана» с выступлением «Битлз» закончилось, некоторым его участникам не хотелось о нем вспоминать.

Для Чарли Брилла и Митци Макколл все начиналось просто замечательно. Они, оригинальные молодые комики, жаждали успеха. По их собственным словам, у себя в Лос-Анджелесе они «едва не умирали с голодухи», но тут позвонил их менеджер и объявил: «Эй, я пробил вас на «Шоу Эда Салливана»».

Они завопили от радости. Крупнейшее в Америке шоу могло превратить безработных артистов в национальных звезд.

Они немедленно приступили к работе, оттачивая номер. «Мы репетировали и репетировали… всем уши прожужжали, что едем на «Шоу Эда Салливана», ура-аааа! Я, можно сказать, это в небе написал! Мы шли к славе!» А еще им не терпелось увидеть своих кумиров: им намекнули, что в шоу примут участие две звезды мюзиклов, «Двухтонная Тесси» О'Ши[271] и Джорджия Браун, а еще пародист Фрэнк Горшин. Вскользь упомянули, что будет какая-то там английская поп-группа.

По дороге в студию Чарли и Митци все еще доводили номер до ума, но тут их такси встало. Улицы перекрыли, а очередь у телестудии растянулась на квартал. Они не понимали, в чем дело.

Им, неизвестным исполнителям, предоставили худшую гримерку. В углу стоял автомат с газировкой для общего пользования. Комиков пригласили на генеральную репетицию. Потом из громкоговорителя раздался голос: «Макколл и Брилл, Макколл и Брилл, зайдите в кабинет мистера Салливана!» Они прошли в его кабинет. «И мы увидели его, Эда Салливана! Его как раз гримировали. Я смотрел на человека, от которого зависела вся наша карьера!» Салливан просмотрел их номер и остался им недоволен. «Зрители в зале ваших шуток не поймут, — предупредил он. — Сегодня у нас одни четырнадцатилетние и пятнадцатилетние девчонки. В общем, дети».

Через час комикам предстояло выступить в прямом эфире, а мистер Салливан требует переделать номер, который они шлифовали чуть ли не месяц! Пришлось забыть о панике и вносить изменения.

Неожиданно в дверь гримерки постучали. «На пороге возник парень со смешной прической и в бабушкиных очках, — вспоминает Чарли, — и говорит: «Шт'колатут у вас есть?» А я такой: «Тебе нужна школа или шоколад, я что-то не пойму». Он

рассмеялся, повторил: «Не, што, кола тут у вас есть?» — и указал на автомат с колой. Я тогда говорю: «Да, конечно, заходи!» И он такой: «А дайм найдется? Десять центов?» Я ему: «Ха, так тебе еще и колы купить? Мы тут денег не печатаем»».

Молодой человек взял себе кока-колы, сел на диванчик и начал болтать с комиками. «Не закрывая рта, он достает ручку и рисует меня на салфетке. Глядит на меня, и рисует нас с Митци».

Когда началось шоу, парень вышел на сцену вместе со своей группой. Они пели: «Close your eyes and I'll kiss you», но ни Чарли, ни Митци их не слышали. «Боже мой, стоял такой шум, что я не расслышал ни звука из того, что они пели. В жизни такого дурдома не видал! А когда они закончили, крики так и не смолкли!»

Макколл и Брилл выступали во втором отделении, как раз перед «Битлз». На сцену комики вышли под вопли зрительниц, которые решили, что сейчас появятся битлы. Комики, не растерявшись, исполнили сатирическую сценку: Чарли был кастинг-директором, к которому приходила на прослушивание Митци в разных обличьях, великолепно перевоплощаясь то в сценическую мать, уверенную в гениальности своего чада, то в актрису, осваивающую метод Станиславского. Каждую шутку встречало гробовое молчание.

«Казалось, мы торчим на сцене целый год… мы совершенно растерялись. Даже не понимали, закончили выступление или нет. Тут руководитель оркестра решил, что настал кульминационный момент, и дал знак барабанщику — та-да!»

Сейчас они вспоминают те три минуты как худшие в своей жизни. Провал был таким жутким, что за кулисами другие исполнители отводили взгляды. Тем временем «Битлз» под несмолкающие вопли пели: «I Saw Her Standing There» и «I Want to Hold Your Hand».

После шоу Фрэнк Горшин повел их в модный ресторан «Сарди» и попытался утешить. «Не переживайте, — сказал он. — Жизнь-то на этом не кончается». Но они ужасно расстроились и, сгорая со стыда, решили не возвращаться в Калифорнию, а на недельку махнуть во Флориду.

Как-то вечером в Майами они шли к своей машине, а рядом остановился лимузин. В салоне сидели битлы, приехавшие на второе выступление на «Шоу Эда Салливана» в отеле «Довиль». Джон Леннон вспомнил, как сидел у комиков в гримерке, и весело представил их Полу, Джорджу и Ринго.

— Что тут делаете? — спросил он.

— От вас бежим, — ответили комики.

Их агент в Лос-Анджелесе не звонил им полгода. В конце

концов их карьера наладилась, но тот день, который начинался так многообещающе, а завершился таким разочарованием, они не забудут никогда. «Мы стали свидетелями небывалого величия, но не распознали его», — говорит Чарли. До самого конца шестидесятых годов они невольно содрогались при одном упоминании «Битлз». А тогда шел только 1964 год, так что содрогаться им предстояло еще долго.

46

А ведь были и другие, куда более прискорбные жертвы. В те одиннадцать недель, что минули между убийством Кеннеди и появлением битлов на «Шоу Эда Салливана», на первые места в чартах весьма неожиданно вышла молодая католическая монахиня из Бельгии, исполнявшая на французском гимн святому Доминику.

В сентябре 1959-го двадцатипятилетняя Жанна-Поль («Жаннин») Мари Деккерс, дочь кондитера, стала послушницей в римско-католической монашеской обители Пресвятой Девы Фишермонской конгрегации сестер святого Доминика и приняла имя сестра Люк-Габриэль.

Ей было позволено играть на акустической гитаре и исполнять для сестер песни своего собственного сочинения. Настоятельнице они понравились, и сестре Люк-Габриэль предложили записать альбом, чтобы потом продавать его как сувенир для посетителей монастыря.

В 1961-м сестра Люк-Габриэль записала альбом на студии «Филипс» в Брюсселе. Инженеры звукозаписи передали альбом руководству компании, а те убедили монастырь выпустить трек «Доминик» синглом, а сестру Люк-Габриэль — взять псевдоним Сестра Улыбка.

Песня стала хитом в Бельгии, затем во всей Европе, а потом и в Америке. Чарты всегда были сборной солянкой, но «Доминик», песня об основателе ордена доминиканцев в XIII веке, да еще и исполненная на французском, — единственный сингл такого рода, ставший международным хитом.

Он жил просто, Доминик-ник-ник,
Бедный поющий странник,
Во всяком городе, на всякой дороге
Говорит он единственно о Боге,
Говорит он единственно о Боге.

Сестра Люк-Габриэль, получившая прозвище Поющая Монахиня, была необычной поп-звездой. Деньги, вырученные с продажи записей, шли прямиком в казну обители: «Настоятельница стремилась защитить мою духовную жизнь, поэтому меня держали вдали от мира песен, зрелищ и всякого такого. В некотором смысле это было даже хорошо. Настоятельница опасалась, как бы я не возгордилась».

© *Hulton Deutsch Collection/CORBIS/Corbis via Getty Images*

Странствуя по Европе в поисках талантов, Эд Салливан посетил Фишермонскую обитель и заснял, как сестра Люк-Габриэль, в очках с толстенными стеклами, бренчит на гитаре и поет «Доминик». Она стала одной из его самых популярных находок, даже популярнее хитроумного мышонка Топо Джиджо и танцующего медведя из Большого Московского цирка.

После убийства президента Кеннеди американская публика обратилась к невинному и полному надежды творчеству Поющей Монахини. Всего за неделю ее альбом «Her Joys, Her Songs»[272] потеснил «Louie Louie» группы *The Kingsmen*[273] и занял первую строчку чартов, на которой продержался с декабря и весь январь.

Однако с появлением «Битлз» и выходом альбома «With the Beatles» карьера Поющей Монахини резко затормозила. После мирового турне сестра Люк-Габриэль удалилась в обитель, где до нее дошли новости о том, что песня «Доминик» получила премию «Грэмми» в номинации «Лучший госпел или религиозная песня», а ее альбом разошелся тиражом 2 миллиона экземпляров.

В 1966-м вышел художественный фильм «Поющая монахиня», в котором главную роль сыграла Дебби Рейнольдс, но к тому времени сестра Люк-Габриэль заметно подрастеряла кротость и назвала фильм «совершенно идиотским». Примерно в то же время она покинула обитель и вернулась к прежнему имени Жаннин Деккерс. Стремясь возродить свою музыкальную карьеру, она

выпустила несколько синглов, но те оказались чересчур радикальными для ее поклонников, которые их просто не поняли. Первый, песня-протест против позиции Римско-католической церкви в вопросе контроля за рождаемостью, назывался «Слава Господу за золотую пилюлю»; следующий вышел необычайно мрачным и назывался «Сестра Улыбка умерла». Ни один не раскрыл ее сильных сторон.

Позднее потерпел неудачу и вышедший в 1970-х унылый альбом «Я не звезда небесная». К тому времени Деккерс сожительствовала с женщиной, хотя обе соблюдали целибат, а свою гостиную превратили в часовню. Осознав, что ее карьера автора хитов закончена, Деккерс стала преподавать в школе для детей-инвалидов. В начале 1980-х бельгийские власти предъявили ей иск за неуплату налогов с прибыли от записей в размере 63000 долларов. Но у нее не было ни гроша: она совершенно справедливо возразила, мол, требуйте налоги с монастыря, получавшего львиную долю отчислений. В попытке заработать денег она перевыпустила «Доминик», на этот раз в диско-аранжировке, однако популярности сингл не снискал.

В апреле 1985-го Деккерс и ее сожительница Анни Берше[274] («сестра Анни») покончили с собой в своей квартире в городе Вавр под Брюсселем. «Мы отправляемся на встречу с Господом, Отцом нашим, — говорилось в их предсмертной записке. — Только Он спасет нас от финансового краха».

47

В Майами, где «Битлз» готовились к выступлению на втором «Шоу Эда Салливана», к ним обратился Гарольд Конрад, публицист оргкомитета чемпионата мира по боксу в тяжелом весе. Он хотел, чтобы «Битлз» фотографировались либо с чемпионом Сонни Листоном[275], либо с жалким выскочкой Кассиусом Клеем[276], которому предстояло через неделю провести матч в Майами. Букмекеры говорили, что ставки семь к одному против Клея; «Нью-Йорк пост» предсказывала, что бой закончится за восемнадцать секунд.

Джон ответил с ходу: «Клей не победит. Он трепло. Тот, другой, его прибьет. С ним и сфоткаемся».

Однако Листону было недосуг фотографироваться с этими «мелкими дрыщами и дармоедами». Он вместе с Гарольдом Конрадом и Джо Луисом[277] пришел в студию посмотреть, как записывают «Шоу Эда Салливана»; где-то в середине он повернулся к Конраду и брезгливо спросил: «Это вот из-за этих мудаков, что ли, все разорались? Да моя собака на барабанах играет лучше, чем тот со шнобелем!»

Британский фотограф Гарри Бенсон, отчаянно желавший соединить сразу две величайшие новости того времени, все-таки уговорил битлов уважить аутсайдера: «Прихожу я к битлам и говорю: «Он очень колоритный тип, к тому же молод и хорош собой, так что может получиться неплохо»».

Клей согласился встретиться с «Битлз» 18 февраля, в спортзале на Пятой улице. К битлам присоединился Роберт Липсайт, двадцатишестилетний начинающий репортер из «Нью-Йорк таймс». Ему предстояло освещать бой, потому что опытные журналисты сочли это ниже своего достоинства, не желая дежурить у больницы «Маунт-Синай» в ожидании новостей из палаты интенсивной терапии. Вдобавок горлопан Кассиус Клей раздражал их своей самоуверенностью, словоохотливостью и манерой пританцовывать на ринге.

© Harry Benson/ Contour by Getty Images

«Битлз» прибыли вовремя, недовольные тем, что согласились принять участие в этом проекте. Липсайт смотрел, как они угрюмо входят в зал: «По лестнице поднимались четверо задохликов, рассыпая отборную брань с британским акцентом. Очевидно, это и были битлы. Раздраженные, они явно не хотели позировать для фото с Клеем, он же был никто».

Ринго вообще считал, что группа зря тратит время. «Пойдем нахер отсюда», — сказал он. Другой сказал: «Этого тупого дрочилу вырубят в первом же раунде».

Презрение было обоюдным. Едва Фредди Пачеко, личный врач Али, увидел битлов, как сразу презрительно подумал: «Гопники из Ливерпуля, обгорели на солнце, красные, как омары. Щуплые, чахлые, смотреть больно».

Клея не было. Внезапно дверь раздевалки распахнулась, и он заполнил собой проем. «Здоро́во, «Битлз»! — сказал он. — Давайте, что ли, срубим бабла!»

Бенсон убедил их войти в ринг, где Клей взял их в оборот. «Он им не давал и рта раскрыть. Присмирил, как ягнят». Битлы делали вид, будто все скопом нападают на Клея. Клей подхватил Ринго на руки, назвал Пола «красавчик», а потом поставил их

рядком, поднес кулак к челюсти Ринго и велел всем опрокинуться, как костяшки домино. Битлы делали все, что требовал Клей. Он даже заставил их растянуться плашмя на ринге. Потом он спросил: «Кто тут самый великий?» И они хором ответили: «Ты!» На всех фотографиях с Кассиусом Клеем битлы выглядят мелкими и тщедушными: они едва доставали ему до плеча.

Спустя какое-то время Клей с битлами разговорились о боксе и музыке, как и о деньгах, которые собирались заработать.

— А вы умней, чем кажетесь, — сказал Клей.

— Точно, — ответил Джон. — А вот ты — нет.

Джон сильно рисковал, но Клей присмотрелся и, увидев, что он улыбается, решил, что это просто шутка.

Немного погодя они распрощались, и «Битлз» увели из спортзала. Как только они ушли, Клей обернулся к Липсайту и спросил: «Это что еще за мелкие хлюпики?»

Двадцать пятого февраля 1964 года Кассиус Клей победил Сонни Листона за шесть раундов. Листон покидал зал в слезах, с рукой на перевязи, а Клей ликовал:

«Пусть все будут свидетелями! Я — самый великий! Я потряс мир! Я величайший в истории!»

Клею было двадцать два года — немногим меньше, чем Полу, и немногим больше, чем Джорджу. Опытные спортивные обозреватели заподозрили подвох.

Больше всех взъярился грубоватый Джимми Кэннон[278]. «Клей — из тех же, что и эти «Битлз», — писал он. — Как и все эти знаменитые певцы, которых не услышишь, и гопники в кожаных куртках с железными крестами, что гоняют на мотоциклах, и Бэтмен, и патлатые мальчишки, и чумазые девчонки, и школьники, которые отплясывают голышом на тайных вечеринках на квартирах, и студенты-бунтари, которым любящие папаши ежемесячно присылают пособие, и художники, штампующие этикетки консервированного супа, и лодыри-серферы, и все эти скучающие юнцы, которые возвели лощеную пресыщенность в культ».

Для многих представителей старшего поколения Кассиус Клей и «Битлз» олицетворяли нахальство, неопрятность, неуважение и все прочее, что тянуло мир в пропасть. Йе, йе, йе… Ну кто так выражается?!

48

Yeah, yeah, yeah — на этих трех коротких словах, а точнее, повторяющемся полуслове сосредоточился критик «Ньюсуик», выражая все, что ему было ненавистно в «Битлз»: «С музыкой у них просто беда: гитары и барабаны гремят, выдавая беспощадный бит, который расправляется с вторичными ритмами, гармонией и мелодией. А уж стихи (уснащенные полоумными выкриками «Йе, йе, йе») — это и вовсе катастрофа, безумная мешанина пожеланий с открыток на Валентинов день».

В статье для «Нэшнл ревью» правоконсервативный политический обозреватель Уильям Бакли[279] накатал изобличительную речь под заголовком «Йе, йе, йе, они — дрянь»: «Позвольте же мне сказать в качестве доказательства безграничной преданности правде: «Битлз» не просто мерзкие, ибо я сочту святотатством заклеймить их эпитетом слабей, чем «богомерзкие». Они так ужасны, так пугающе немузыкальны, так фундаментально бесчувственны к чуду искусства, что достойны титула коронованных повелителей антимузыки, прямо как самозваные папы римские, вошедшие в историю как антипапы».

Однако молодежь была настроена иначе. Роз Чест[280] впервые услышала «Битлз» накануне своего девятого дня рождения. «Эта песня впервые дала мне понять, что есть некий иной мир, такой, в котором не было моих родителей, родственников, соседей, учителей и одноклассников. Мир без забот, мир привлекательных молодых людей, которым нет дела до болезней и денег и которых не волнуют домашние задания и популярность в школе… Что именно делало «She Loves You» гимном освобождения? Возможно, припев «Йе, йе, йе», а может, захватывающее «Ву-у-у!», или же дело было в самих «Битлз». Ничего подобного им я в жизни не видела».

Позднее, весной того же года Роз вместе с родителями остановились в каком-то пуэрто-риканском отеле, где она познакомилась со своей сверстницей. Обе семьи отправились на совместную прогулку, и, пока родители о чем-то болтали, девочки затянули «She Loves You». Пели они во все горло, почти не зная слов, разве что «Йе, йе, йе!» да «Ву-у-у!».

«Прошло больше полувека, а я все еще помню, как это было захватывающе. Взрослые на нас не злились. Они просто недоумевали. Это была наша музыка. Музыка для нас, не для них, и нас это устраивало».

В третьем классе Роз опустилась в самый низ школьной социальной лестницы. Четыре самые популярные девчонки в

школе нарядились в битловские костюмы и туфли, нацепили парики и стали играть на картонных гитарах. Они пели «She Loves You», завывали «Ву-у-у!» и трясли головами.

«Теперь, вспоминая «She Loves You» и то, как мне нравилась эта песня, как свежо она звучала и как радостно было мне ее слышать, я понимаю, что она воплощала иллюзию будущего, которое было бы счастливее и интереснее моего одинокого и почти унылого детства, полного домашки, экзаменов, подлых девчонок и глупых парней, и родителей, которые тревожились из-за пустяков и злились по любому поводу».

Джо Куинан ничего подобного еще не слышал. До того, как из транзисторного приемника его сестры в Филадельфии прозвучала «She Loves You», «музыка меня не интересовала, ну вот совсем. До того момента я музыку воспринимал в лучшем случае как нечто раздражающее, а в худшем — как некое средство экзекуции для подрастающего поколения». Его родители слушали Фрэнка Синатру, Тони Беннетта и Перри Комо[281]. «С появлением «Битлз» мы, наверное, испытали те же чувства, что и французы, когда в 1944-м в Париж ворвались американские войска… Битлы несли надежду на то, что жизнь стоит того, чтобы жить, поп-культура не обязательно должна быть серой, предсказуемой, сентиментальной и фаталистичной». Когда он впервые услышал «She Loves You», она стала для него «песней, обращенной напрямую ко мне, а не ко взрослым… Я до сих пор считаю, что это величайшая из песен всех времен. Для меня она была и навсегда останется песней, изменившей мир. Я люблю эту песню. Всем сердцем. А с такой любовью знаешь, что надо радоваться»[282].

49

В калифорнийском городе Резеда шестнадцатилетняя Пэм Миллер[283], безумно влюбленная в новую группу, делала записи в своем дневнике, пытаясь строить фразы, как уроженка Ливерпуля. Десятого февраля 1964 года она писала: «Пол, ты ваще клевый. Чесслово, лапа, ты откуда т'кой милый? С ума по те схожу, чувак, вот ведь я дурында».

С тех пор она каждый день посвящала Полу по стиху, скрепленному поцелуем. Февраль сменился мартом, а записи стали более интимными: 2 марта 1964 г. В доме у Пола время 2:21 ночи. Он спит. Я рада. Хотелось бы увидеть его спящим, очень хотелось бы. Хотелось бы самой лечь с ним рядом (шучу, шучу). Надеюсь, он прочел мои стихи, перед тем как закрыл свои прекрасные карие глаза.

Возможно, Пэм была прогрессивнее иного фаната «Битлз» ее возраста. Имелось у нее одно особенное сокровище: вкладыш от жевательной резинки — карточка с фотографией Пола. Пол сидел на кровати в гостиничном номере и играл на гитаре, широко расставив ноги. Пэм пристально изучила эту карточку: «Можно было четко разглядеть очертания его мошонки, сплющенной облегающими брюками. Я эту карточку всюду носила с собой в золотой шкатулочке, обложив ватой, словно какую-нибудь драгоценность».

Чуть ли не ежедневно Дейв Халл, по прозвищу Дебошир[284], диск-жокей местного радио, KRLA, сообщал о развитии отношений Пола и его новой подруги.

Пэм слушала его с растущим отвращением к девице, которую стала называть «стремной, веснушчатой шавкой Джейн Эшер» или попросту «свинорылой дурой».

Свою спальню Пэм украсила сувенирной продукцией «Битлз». Три ее лучшие подружки тоже были заядлыми фанатками битлов, и у каждой был свой любимчик.

Стиви нравился Ринго: «Я должна встретиться с Ринго, иначе вся моя жизнь пройдет зря. О, как я страдаю! Он моя любовь, и я люблю его. Господи, прошу, не дай никому забрать моего Ринго!»

Линда[285] любила Джона. Пэм и Линда прикидывались Полом и Джоном. Они разговаривали друг с другом «по-ливерпульски», ходили на воображаемые вечеринки и на воображаемые ужины в дорогих ресторанах. У Пэм был катушечный магнитофон, она придумывала небольшие пьески, в которых все роли исполняла сама, и в каждой Джейн Эшер умирала. Зато в письмах к Полу Пэм была сама тактичность:

Дорогой Пол!

Твои фанаты всегда будут любить тебя. Лично я навеки твоя. С тех пор как я узнала о твоей помолвке с Джейн Эшер, я люблю тебя иначе, беззаветно.

Кэти, подруга Пэм, была влюблена в Джорджа. Один из знакомых отца Кэти работал на «Голливуд-боул», спортивной арене под открытым небом, где в августе должны были выступать «Битлз». К счастью, этот знакомый сумел раздобыть для девочек четыре билета на концерт. Пэм свой вставила в рамку, повесила на стену спальни и стала отсчитывать дни. В дневниковой записи от 3 июня значится: «В этом году и правда есть 23 августа! Оно наступит через 83 дня!»

За двадцать один день до концерта подруги вчетвером отправляются смотреть «A Hard Day's Night». Надежды Памелы полностью оправдываются. У себя в дневнике она напишет: ««Битлз» — величайшие актеры в мире».

23 августа она напишет: «Самый лучший день!!! Сегодня я видела Пола. Вживую видела его стройное тело, уникальные, очень длинные ноги. Видела ямочки у него на щеках и жемчужно-белые зубы. Видела его вьющиеся и при этом прямые длинные волосы, я видела его большие, как у оленя, глаза… а они видели меня. Наверное, сама судьба привела его на наши солнечные берега… ко мне».

50

Дорогой Джордж!

Меня постоянно спрашивают: не думаю ли я, что после своей поездки в Америку битлы примут американское гражданство? Но я все-таки вас знаю, вы больше любите свою родину, Ливерпуль, правда ведь, Джордж? Ну конечно! Что ж… очень надеюсь прийти к тебе на день рождения, потому что мне надо с тобой поговорить, а то я совсем сойду с ума. Год назад одна моя школьная подруга была у тебя на вечеринке. Ты и остальные заехали за ней. Ой, было так смешно! Пол заглянул у них в «тубзик», и она потом несколько месяцев не давала матери его мыть. Помыть унитаз, правда, пришлось, потому что он завонялся. А так прикольно вышло, подруга прямо жила в туалете.

Эмма П.,

Харрисберг, штат Пенсильвания

Дорогие мои, милые «Битлз»!

Подумать только, я, Гарриет Уоттс, живу на одной планете с битлами, дышу тем же воздухом, смотрю на те же солнце, и луну, и звезды. Ой! В голове не укладывается!

С любовью и навеки ваша, Гарриет У.,

Атланта, штат Джорджия

Дорогие «Битлз»!

Я сказала маме, что не представляю мира без «Битлз», а она ответила, что прекрасно представляет.

Навеки преданная вам, Лилли К.,

Фэрбанкс, штат Аляска

Дорогие «Битлз»!

У меня 826 картинок с битлами, и это только начало. Со всей любовью к вам,

Диана А.,

Нью-Йорк

Дорогие «Битлз»!

Мы открыли фан-клуб «Битлз».

Пока что у нас только два человека. Я — президент клуба, а Уинифред — вице-президент, отвечает за набор новых членов. Ваши поклонницы,

Глория Дж. и Уинифред З.,

Окленд, штат Калифорния

Дорогие «Битлз»!

Посвятите, пожалуйста, следующую песню мне.

Продажи будут просто супер, потому что у меня полно друзей, и они все купят по диску.

Ваша поклонница,

Ирма С.,

Роли, штат Северная Каролина

Дорогие «Битлз»!

Позвоните, пожалуйста, мне по номеру 629-7834.

Если ответит моя мама, то вешайте трубку. Она не очень-то любит «Битлз». С любовью,

Максин М.,

Кливленд, штат Огайо

Дорогие «Битлз»!

Я ваша преданная поклонница. У меня даже нет проигрывателя, но я собрала все ваши пластинки.

Люблю, Донна Дж.,

Портленд, штат Мэн

Мои обожаемые, любимые «Битлз»!

У меня по всей спальне висят ваши фотографии: фотки «Битлз» над кроватью, фотки «Битлз» над письменным столом, фотки «Битлз» в чулане, фотки «Битлз» в книжном шкафу.

Мама думает, что вы для меня просто временное увлечение. С бесконечной любовью, поклонница «Битлз»

Стелла Дж.,

Чикаго, штат Иллинойс

ДОРОГИЕ «БИТЛЗ»!

ВЫ НЕ МОГЛИ БЫ ВЫСТУПИТЬ У НАС НА ШКОЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ 15 МАЯ? ПРОСТО НИКТО НИ РАЗУ НЕ ПЕЛ У НАС НА ШКОЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ, РАЗВЕ ЧТО МАРША ГОЛДМАН ИЗ 10 КЛАССА.

МАРША ПОЕТ НЕПЛОХО, НО ПОСТОЯННО ЗАБЫВАЕТ СЛОВА.

ПОЖАЛУЙСТА, СОГЛАШАЙТЕСЬ. ЛЮБЛЮ,

ДЖОАН Г.,

СЕНТ-ПОЛ, ШТАТ МИННЕСОТА

Дорогой Джон!

Мне бы прядь твоих волос. А еще по пряди от Джорджа, Пола и Ринго. У вас ведь и так много волос, что вам какая-то прядка для меня? С любовью,

Сильвия М., Нью-Йорк

P. S. Подпишите, пожалуйста, каждый свою прядку, чтобы я знала, которая кому принадлежит. Сложно определить, какая чья, когда они не на головах.

51

На первом американском концерте «Битлз» в крытом манеже «Вашингтон Колизей» фанатки вопили так пронзительно, что полицейскому пришлось заткнуть уши патронами. Сразу же после выступления «Битлз» стали почетными гостями в британском посольстве, где истерия приняла уже иную форму.

Их приветствовал посол, сэр Дэвид Ормсби-Гор[286].

— Здравствуйте, Джон, — произнес он, протягивая руку.

Что тут же спровоцировало битлов на их фирменные шуточки.

— Я не Джон, — ответил Джон, — я Чарли. Вон там Джон.

— Здравствуйте, Джон.

— Я не Джон, — ответил Джордж. — Я Фрэнк. Джон вон тот.

— Ох, извините. Я вечно путаюсь в именах. Вот моя супруга их хорошо запоминает.

Ормсби-Гор провел их в бальную залу, полную мужчин во фраках и дам в вечерних туалетах. Все смотрели на «Битлз» со странной смесью возбуждения, любопытства и пренебрежения.

«Сплошь сливки общества, а мы таких прежде и не встречали», — вспоминал Пол.

В поисках выпивки Джон улизнул в соседнюю комнату, где наткнулся на английского дипломата, который тут же взял его в оборот:

— А не пожелают ли наши гости поучаствовать в скромной, но важной лотерее?

Джон замялся.

— Ну идите же! Займитесь своим делом! — резко произнес кто-то из посольских. Джон, самый строптивый из битлов, заявил, что сначала выпьет, и добавил:

— А туда я не вернусь.

— Еще как вернетесь! Идемте же, идемте!

— Пойдемте! — подхватила молодая женщина в бальном платье.

Джон обернулся к Ринго:

— Пойду-ка я отсюда.

Ринго успокоил его:

— Раньше начнем — раньше закончим.

И «Битлз» пришлось доставать из шляпы лотерейные билеты и оглашать выигравшие номера.

Потом какая-то дама подшофе обняла Пола:

— А ты который из них?

— Роджер.

— Какой такой Роджер?

— Роджер Маккласки Пятый.

Позднее, когда спросили ее мнения о битлах, она ответила: «Чудовищные». Их окружила толпа гостей, все просили автографы для детей и внуков. Кто-то возле Джона нарочито громким шепотом произнес: «Нет, ты глянь, он еще и писать умеет!»

Жертва должна была услышать шутку, так и было задумано. Битлы замерли, замер и Брайан Эпстайн: ответить за Джона могли его кулаки. Но он просто перестал раздавать автографы, даже когда сотрудник посольства сунул ему листок и рявкнул: «Ты распишешься, причем с удовольствием!»

Более послушный Ринго продолжал раздавать автографы, но тут какой-то неизвестный с ножницами откромсал у него прядь волос.

Впоследствии рассказы об этом происшествии все больше напоминали басню. Ринго был уверен, что покушался на его волосы мужчина, потому что вроде бы припомнил, как одернул обидчика, но тот лишь отмахнулся: «А, пустяки, старик… чушь, чушь». Питер Браун настаивает, что это была «женщина в вечернем платье. Она достала из сумочки маникюрные ножницы и срезала прядь волос Ринго в качестве сувенира для дочери». Эту версию подтверждает репортер «Ньюсуик», мол, «некая матрона выхватила ножницы и срезала прядь с головы Ринго», а потом «скрылась в толпе».

Джон говорил, что «волосы с головы Ринго срезала какая-то свинья. Я их всех обругал и ушел, прямо посреди приема». Однако Пол не сомневался, что преступников было куда больше и что мишенью были все четверо битлов: «Помню, как девчонки пытались отстричь у нас пряди, но это было уже слишком, поэтому пришлось отпихиваться локтями».

В своей автобиографии Джордж Мартин писал, что «эти великосветские оболтусы вели себя омерзительно. Они подходили к парням и как бы невзначай спрашивали: «О, а ты кто из них будешь?» А пока Ринго с кем-то разговаривал, один достал ножницы и срезал у него с головы прядь волос».

Американский журналист Майкл Браун, всюду таскавшийся за «Битлз» в поисках материала для книги, уверен, что «это была британская дебютантка», которая достала «маникюрные ножницы из сумочки». Официальный биограф группы Хантер Дэвис утверждал, что «несколько пожилых дам с коктейлями обступили «Битлз» и потребовали автографов». Однако он считает, что «отстричь у Ринго пряди» попыталась «одна юная леди». В книге «Дневник «Битлз»: личная история, день за днем»[287] Барри Майлз сгустил краски: «Британское высшее общество, надменные

дебютантки и аристократы, просто опозорились, а одна дама так и вовсе срезала у Ринго прядь волос за левым ухом. Джон отгонял от себя охотников за автографами, говоря: «Они не умеют себя вести»».

Беспощаднее всего была Синтия Леннон. В своей первой автобиографии «A Twist of Lennon» (1978) она описала тот случай в терминах классовой борьбы: «Британское высшее общество за границей обращалось с ними как с фриками, в лучших традициях британского высшего общества в худшем его проявлении. Радушные хозяева взялись за ножницы. «А ты кто из них будешь? Дорогой, ты же не будешь возражать, если я срежу у тебя прядку волос и отошлю дочери в школу?» А вот фигушки, дамочка! Это было уже через край, и они ушли. Церемонии церемониями, но такого битлы терпеть не собирались».

Мужчина, женщина или женщины, молодые или старые… Как бы там ни было, большинство свидетелей согласны, что сделал это кто-то из англичан. Из аристократов.

Эпстайн повел битлов на выход. Джон сыпал оскорблениями. На прощание леди Ормсби-Гор сказала:

— Спасибо большое, что пришли. Жаль, что так все обернулось. Понимаю, вам это было не в радость.

Ринго обернулся к сэру Дэвиду и спросил:

— А ты кто такой?

В машине по пути назад в отель Эпстайн заверил «Битлз», что больше никогда не заставит их ходить на официальные приемы.

Чиновники министерства иностранных дел публично отрицали, что подобное рукоприкладство имело место, повторяя заверения сэра Дэвида, мол, «утверждения, якобы с ними дурно обошлись, не соответствуют истине». В Лондоне Джоан Квеннел, член парламента от Консервативной партии, написала министру иностранных дел Рэбу Батлеру, спросив, правда ли, что «молодые английские исполнители, известные как «Битлз», подверглись жестокому обращению со стороны британских чиновников». Мистер Батлер ответил, дескать, напротив, менеджер «Битлз» прислал леди Ормсби-Гор письмо с благодарностями «за чудесно проведенный вечер».

52

Загадка разрешилась спустя сорок лет, когда Беверли Марковиц, пятидесятивосьмилетняя жительница Канады, дала интервью газете «Ошава таймс».

В 1964 году Беверли жила с родителями в городе Силвер-Спринг, штат Мэриленд, и встречалась с местным диск-жокеем. Она пару раз слышала «I Want to Hold Your Hand» по радио, но не особо прониклась: «Подумаешь, очередная рок-н-ролльная группа с клевыми стрижками. С виду очень симпатичные».

Бойфренд Беверли раздобыл билеты на первый американский концерт «Битлз» в «Вашингтон Колизее», и она согласилась пойти. «Он мне все уши прожужжал, мол, «Битлз» скоро прославятся». После концерта он сказал Беверли, что битлы идут в британское посольство на вечеринку, и предложил забуриться туда же, без приглашения. Беверли отнеслась к предложению без энтузиазма. «Мы стояли на парковке. Поздно, холодно, снег идет, темно и все такое… Мне надо было домой, а то отец прибил бы». Однако бойфренд отказа не принял, да и одеты они были подходяще. «Я была с красивой прической, в нарядном платье и на каблуках, а мой спутник — в костюме». В конце концов Беверли уступила.

Проникнуть в посольство оказалось не так уж и трудно. «На улицу вышел подвыпивший седовласый тип, а когда он направился внутрь, мы шмыгнули следом.

Прошли мимо прессы, за бархатные канаты ограждения и оказались на вечеринке». Однако «Битлз» торчали наверху, в огороженной зоне. Час был поздний, Беверли просила парня отвезти ее домой, но «он сказал, что никуда они не уйдут, пока битлы не спустятся».

Наконец битлы спустились. Беверли подошла и попросила автографы. «Они все были милые, кроме Джона. Этот вообще никому ничего не подписывал. Я все спрашивала его: «Ты чего такой?» Заносчивый, прямо сил нет».

Парень по-прежнему отказывался ехать домой, сколько бы Беверли ни говорила, что отец придет в ярость. «Я все повторяла: ну пойдем, пойдем, пойдем, — а мой парень все никак не хотел уезжать. Повод уйти придумать не получалось, и я решила: пусть нас вышвырнут».

Ей показалось, что верный способ нарваться на это — срезать у кого-нибудь из битлов прядь волос с головы. Она выбрала Ринго: «Он самый невысокий, а я на каблуках, так что к нему подобраться было проще всего… Я достала из сумочки маленькие ножницы и такая чик-чик-чик у него прядку сбоку. А он сперва и

не почувствовал».

Потом Ринго обернулся и схватил ее за плечо. Как Беверли и планировала, ее немедленно вышвырнули из посольства, и она вернулась домой с локоном одного из битлов.

Потом она вклеила волосы Ринго в альбом с автографами, где прядка и хранится по сей день вместе с автографом битла.

Для некоторых процесс добычи волос Ринго оказался не так уж и сложен. В Англии тринадцатилетняя поклонница Кэти Риггинс и ее подруга написали письма матерям Ринго и Джорджа с просьбой прислать им что-нибудь из вещей, принадлежащих их сыновьям. Примерно год спустя Кэти получила прядь волос Ринго вместе с письмом от Фреды Келли, секретаря Северного фан-клуба «Битлз», в котором сообщалось, что миссис Старр просила передать ей это. Подруга Кэти получила идентичный конверт со старой зубной щеткой Джорджа Харрисона.

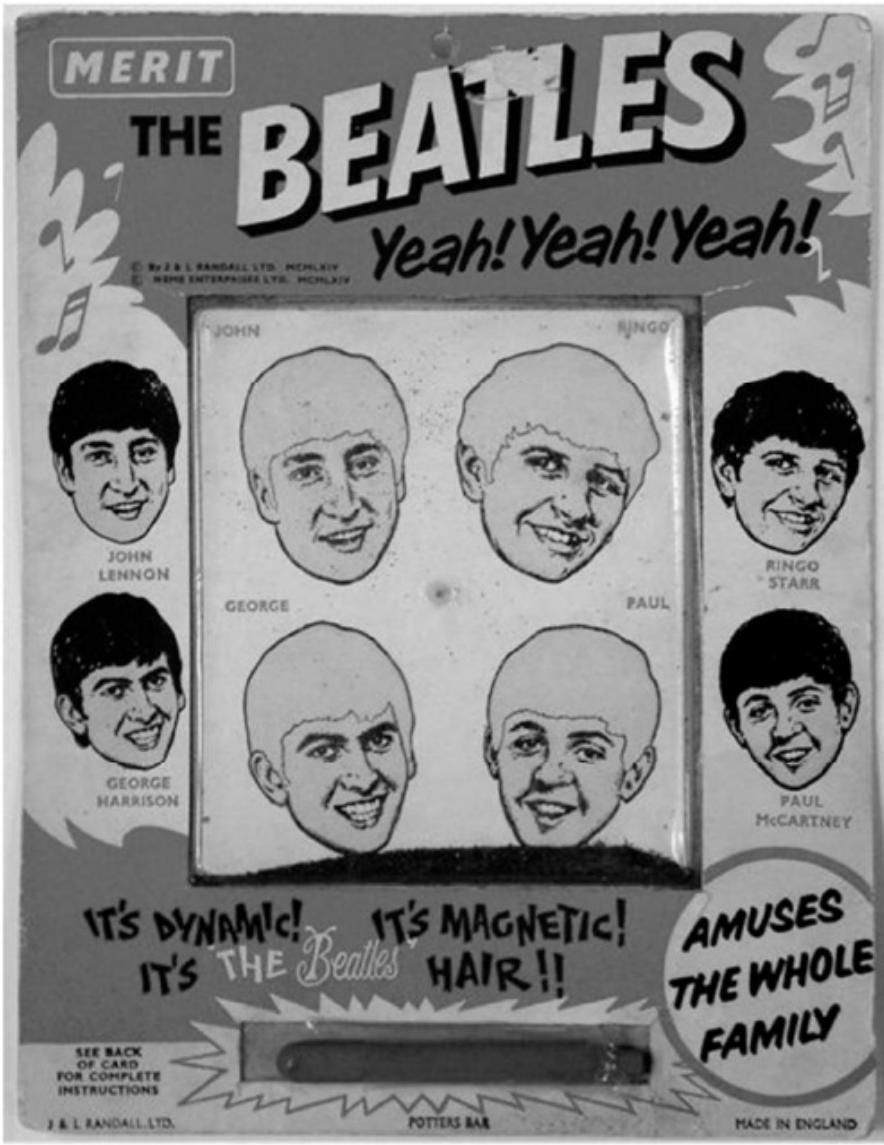
53

В 1964 году мне было семь лет. На Рождество родители подарили мне и моим братьям битловские парики. В то время фабрика в Бетнал-Грин производила 30000 париков в неделю, а в магазинах они продавались по 30 шиллингов за штуку. Но то были качественные парики из пряжи, а наши стоили 7 шиллингов и 6 пенсов и были изготовлены из того же тонкого литого пластика, что и дешевые маски. Парик был очень ломкий, с острыми краями, носить его было больно: запрокинешь голову, и он впивался в шею, а если повернуть голову, то царапало за ушами.

Да и на волосы эти «парики» мало походили. Их можно было метать, как фрисби. В тот же год Санта положил мне в рождественский чулок для подарков магнитную игру «Сделай битлам прически». Оказалось, что вовсе это никакая не игра, ведь к ней не прилагалось ни правил, ни инструкции. В комплект входило четыре трафарета битловских голов, магнит и мелкие железные опилки. Вся игра заключалась в том, чтобы магнитом собирать опилки на трафарет в нечто, отдаленно напоминающее фирменную прическу битлов. Точнее, прическу, которой они обзавелись бы, если бы страдали выпадением волос. Спустя пятьдесят пять лет, в 2019-м, мне попалась та самая магнитная игра «Сделай битлам прическу», в хорошем состоянии, за 1250 фунтов.

Пока я не услышал музыки «Битлз», я только и знал что про их прически, ну и про «йе, йе, йе». Об их стрижках говорили все, и разговоры частенько заканчивались ссорами в семьях: младшее поколение стояло «за», а старшее — железно «против». Об этом спорили даже в семьях самих битлов.

«Дальше уже просто некуда, эти прически — самый край», — жаловалась тетя Джона, Мими, после того как посмотрела их первое выступление в телепередаче «Спасибо счастливым звездам» 13 января 1963 года.



© Trac *ksimages.com/Alamy/DIOMEDIA*

В конце того же года фельдмаршал Монтгомери, по прозвищу Монти, стал первым, кто упомянул «Битлз» в парламентских дебатах. Выступая от палаты лордов в поддержку срочной военной службы для юношей, он сказал: «Посмотрите, как хорошо они сражались в Малайзии, в Корее и против Мау-мау…[288] — Свою речь он закончил словами: — В заключение хотелось бы добавить: если мы сделаем службу в армии обязательной, кто знает, вдруг и битлы состригут свои патлы». Через несколько недель, 9 декабря, представитель Лейбористской партии Эмрис Хьюз ответил на доводы Монтгомери.

МИСТЕР ЭМРИС ХЬЮЗ: Не понимаю, для чего им стричься. Не понимаю, как этот аргумент привлечет молодых людей в армию. Зачем солдату стричься определенным образом? Почему бы не разрешить солдатам носить бороды? *(смех)* Мой почтенный и ученый друг, член парламента от Нортгемптона (мистер Пэджет) смеется. Меня самого спрашивали, откуда такая дилемма для юношей, желающих поступить на службу: пойдешь в армию — сбривай бороду, а во флоте бороду можно оставить.

Не в первый и не в последний раз спор о прическах «Битлз» перерос в дебаты обо всем на свете.

ЛОРД РОБЕРТ ГРОВЕНОР (Фермана и Южный Тирон, Ольстерская юнионистская партия): А известно ли почтенному джентльмену, что некоторым солдатам дозволяется носить бороды?

МИСТЕР ЭМРИС ХЬЮЗ: Об этом я не знал. Если почтенный член парламента желает позднее развить эту тему, я буду очень рад получить экспертную информацию по ней.

МИСТЕР РЕДЖИНАЛЬД ПЭДЖЕТ (Нортгемптон, представитель Лейбористской партии от королевской армии и флота): Если моему почтенному другу интересна причина, традиционная причина, по которой солдатам воспрещается носить бороды, то заключается она в том, что за бороду удобно держать противника, когда режешь ему глотку, а на кораблях подобное случается гораздо реже, чем на суше.

Происхождение причесок битлов обычно датируют 12 или 13 октября 1961 года. Якобы это случилось в доме номер 29 по рю-де-Бон, в Париже. Джон, в то время самый состоятельный член группы, получил в подарок на двадцать первый день рождения от тети Элизабет 100 фунтов (более 2000 фунтов по нынешнему курсу). Деньги он решил потратить на поездку в Париж вместе с Полом. В то время оба начесывали кок а-ля Элвис.

Прибыв в Париж, они разыскали своего друга по гамбургским денькам, Юргена Фолмера. Фолмер тогда носил длинную челку, как ответ на — как он сам выразился — «буржуазные ужасы, творящиеся в Гамбурге». Прикинув, что это могло бы прибавить им привлекательности среди девиц легкого поведения в кварталах богемы на Левом берегу, Джон и Пол попросили сделать им стрижки, как у Фолмера, хотя «у него челка с одной стороны пробора была длиннее, — припоминает Пол, — как у обросшего Гитлера». В чердачной комнате гостиницы «Бон» Юрген согласился постричь их. Сперва он поработал над Полом, затем над Джоном. На следующий день консьерж, увидев обрезки волос на полу, ойкнул от неожиданности.

Возможно, именно тогда Джон с Полом стали носить

прически в стиле «мочалка», но откуда же пошел сам стиль? Астрид Кирхгер, экзотическая немецкая подружка Стю Сатклиффа, иногда приписывала себе авторство этих стрижек, а иногда отрицала его: «Говорят, что это я придумала битлам их стрижки, но все это враки! В Германии такие прически были у многих парней!»

За полгода до этого, в Гамбурге, она подстригла Стю как раз в этом стиле, с челкой. Пит Бест вспоминал, как Джон с Полом тогда хохотали над Стю. «Это было чересчур. Мы катались по полу и тыкали в Стю пальцем». Стю смутился и уложил волосы на другой манер, но, если верить Бесту, через несколько дней вернулся к новой стрижке. Тогда-то Джордж ее и скопировал.

Сама Астрид проследила корни стрижки на две тысячи лет в прошлое, утверждая, что скопировала ее с прически персонажа Жана Маре[289] в фильме Жана Кокто 1960 года «Завещание Орфея», «а она была в точности как у древних греков». Впрочем, самый упорный из исследователей творчества и жизни битлов, Марк Льюисон, не верит этому утверждению, поскольку обнаружил фото Юргена Фолмера, сделанное в 1957-м. На нем Юрген щеголяет той же прической за три года до выхода фильма Кокто.

Пусть происхождение прически и теряется во времени, ее влияние на мир отрицать нельзя. Пит Бест задавался вопросом: «Кто бы мог предвидеть, что простой эксперимент Астрид над шевелюрой Стю выльется в то, чему половина мужского населения планеты станет подражать, а некоторые обеспокоенные государства, вроде Индонезии, объявят вне закона?»

Пятнадцатого октября Пол с Джоном вернулись в Ливерпуль. Нил Эспинолл приехал забрать их на очередное выступление. «Сперва мы заехали за Джоном, смотрим, а у него челка закрывает лоб. Потом заскочили за Полом… и тут уж поняли, что это неспроста. И не только потому, что у него тоже была прическа с челкой, а потому, что он выскочил из дома, как обычно, и тут же начал хвастать тем, что сменил стрижку, попробуйте не оценить!» Пол вспоминал, как все кругом спрашивали: «А что это у тебя с волосами?» — а они с Джоном отвечали: «Эх вы, это новая мода!»

Так оно и вышло: в 1950-х молодые люди в Великобритании зачесывали волосы назад и фиксировали их бриолином, в подражание угрюмому меланхоличному облику столичных стиляг. У битлов волосы закрывали лоб и, необработанные фиксатором, выглядели по-мальчишески небрежно и привлекательно. Всего за два года стрижка стала символом нового десятилетия свободы и молодости, из-за чего и была объявлена вне закона в некоторых учреждениях. В ноябре 1963

года директор гилдфордской школы-гимназии Кларкс запретил ученикам стричься «под битлов». «Этот идиотский стиль вызывает в наших мальчиках все самое худшее, — разгневанно заявил он. — Они выглядят как кретины. Если выяснится, что запрет не соблюдается, то я обращусь за поддержкой ко всем вашим родителям». Однако некий анонимный «старшеклассник» отреагировал на постановление раздраженно. «Большинство парней запрету не обрадуются, — рассказал он газете «Суррей эдвертайзер». — Как по мне, это глупо. «Битлз» классные, не вижу ничего плохого в их прическах».

Через несколько месяцев мода на стрижки «под битлов» охватила Америку. Писатель Том Вулф[290] помнит, как 7 февраля 1964-го «Битлз» прибыли в Штаты: «Когда они приземлились в аэропорту Кеннеди, все мальчишки понеслись по залам, начесывая челки на лбы. Вот когда по-настоящему начались шестидесятые». Джордж Мартин вспоминает, что видел на Пятой авеню взрослых мужчин в битловских париках: «Это было просто безумие». Только в Нью-Йорке ежедневно продавалось 20000 битловских париков, по цене 2 доллара 98 центов каждый.

Примерно в то же время четырнадцатилетний Брюс Спрингстин вошел в музыкальный отдел магазина «Ньюбери» в городе Фрихолд, штат Нью-Джерси, и увидел альбом «Meet the Beatles». Он по-прежнему убежден, что это «величайший конверт пластинки всех времен… На нем была одна надпись: «Meet the Beatles»[291]. Именно этого мне и хотелось. Эти четыре затененных лица, как скульптурные портреты на горе Рашмор[292], только в мире рок-н-ролла… А ПРИЧЕСКИ… ПРИЧЕСКИ. Что все это значило? Это было удивительно, это поражало. По радио же их не видно. Сегодня уже и не объяснишь, какой эффект оказывали их… ПРИЧЕСКИ».

Брюсу немедленно захотелось себе такую же. Про последствия он знал: «Порка, оскорбления, унижения, статус изгоя — со всем этим придется смириться». Когда отец увидел новую прическу Брюса, то «сперва расхохотался. Ему было смешно. Потом стало не смешно. Потом он разозлился. А потом, наконец, задал животрепещущий вопрос: «Брюс, ты педик?»».

Столь же нетерпимыми оказались почти все современники Брюса. Зато один или два единомышленника приготовились, во имя «Битлз», сносить насмешки всего мира. Собрав в кулак всю волю, они шли навстречу буре. «Я не обращал внимания на оскорбления, по возможности избегал драк и делал все, что от меня требовалось… Каждый день я ждал разборок».

Двадцатью годами ранее Фрэнк Синатра породил «синатраманию»: девушки бесновались на его выступлениях,

заходясь пронзительными криками. В 1962-м композитор Джул Стайн объявил, что Синатра «победил рок-н-ролл», но, как оказалось, поспешил с предсказанием. У сорокадевятилетнего Синатры не было ни одного сингла в чартах, лишь один альбом занимал десятое место. А вот синглы «Битлз» удерживали в чартах первые пять мест, а альбомы — два первых. Синатра никак не мог с этим смириться. «Он искренне ненавидел рок-н-ролл, ненавидел «Битлз»… Он их просто презирал», — отмечал друг семьи Синатры, Рок Бриннер, которому в ту пору было семнадцать[293]. Как только по радио или телевизору начинали передавать выступление «Битлз», Синатра заставлял детей выключить передачу. «Длинные волосы выводили его из себя, — припоминал Джордж Джейкобс[294]. — Ему плевать было, насколько хороша новая музыка… он видел в ней лишь призыв к употреблению наркотиков»[295].

К концу 1964-го пришлось сдаться даже самым упертым британским противникам причесок в стиле битлов. В декабре того же года граф Маунтбеттен Бирманский, глава штаба обороны Великобритании, бывший лорд Адмиралтейства, последний генерал-губернатор Индии[296], попросил своего начальника секретариата Уильяма Эванса приобрести коробку битловских париков — «для внуков». Управляющий директор компании-производителя собственноручно доставил особый подарочный набор в «Бродлендз», гемпширскую резиденцию Маунтбеттена. «Маунтбеттен расхаживал в парике все Рождество», — вспоминал Эванс. Спустя год после критики причесок в палате лордов фельдмаршал Монтгомери исполнил поворот кругом, заявив, что собирается пригласить «Битлз» к себе в загородную резиденцию — «посмотреть, что они за люди».

Однако более деспотичные режимы стремились объявить прически битлов вне закона. В июле 1964 года президент Индонезии Сукарно объявил, что его правительство больше не намерено терпеть «прически а-ля «Битлз»» на головах индонезийской молодежи. «Несколько дней назад в нашу страну прибыла группа бестолковых молодых англичан, называющихся «Битлз», — заявил он на одном из своих выступлений. — У них волосы до бровей… Молодые люди, если среди вас найдутся те, кто вздумает подражать им, — берегитесь! По моему приказу индонезийская полиция будет останавливать всякого, кто появится с «обитленной» головой, и обривать его наголо… Есть у нас полиция или нет? Запомните, запомните это мое распоряжение!»

В Советском Союзе пластинки «Битлз» были под запретом, а длинные волосы у мужчин — объявлены вне закона; повсюду

велась антибитловская пропаганда. В 1966-м в программе новостей на единственном государственном телеканале показали гротескные фотографии членов группы и их визжащих поклонниц, сопроводив их комментариями, в которых мешались ужас и сарказм:

> Поп-квартет «Битлз», какие они стиляги! Но когда они только начинали свою карьеру, то выходили на сцену в одних плавках, надев на шеи стульчаки от унитазов!
>
> Потом они познакомились с доброй феей — лондонским дельцом Брайаном Эпстайном. Этот жулик сообразил, что на юношах можно неплохо заработать. А их поклонники, пораженные психозом, больше ничего не слышат. Люди бьются в истерике, вопят, теряют сознание! Обычный финал выступлений «Битлз» — разрушенные концертные залы и драки. Это мир, состоящий из четырех стен, обклеенных фотографиями четырех длинноволосых певцов.

Далее следовали сцены крайней нищеты на Глубоком Юге[297], безумные пляски подростков, куклуксклановцы у горящих крестов. Все это дополняло портрет западного безразличия к социальному неравенству.

Пляшите дальше, ребята, не смотрите по сторонам! Зачем вам знать, что происходит? Еще, еще, громче и быстрее! Вам на всех наплевать!

Михаил Сафонов был ленинградским школьником, когда по советскому радио прозвучала «A Hard Day's Night» в качестве примера капиталистической песни о беспощадной погоне за деньгами. Так он впервые услышал «Битлз». Поначалу их музыка никак его не задела, но уже к концу 1965-го он подхватил битломанию в особо опасной форме. Со своими школьными приятелями он выменивал пластинки «Битлз» на черном рынке. По всему Советскому Союзу поклонники группы, такие же юные, как Михаил, переписывали тексты песен «Битлз», распространяли их и учили по ним английский язык. Самые непокорные вместо «Ленин» произносили «Леннон»[298], хотя за такое можно было лишиться всякой надежды на высшее образование. В одной школе поставили и показали по телевидению спектакль с судом над «Битлз», в котором обвинитель называл их «Жуками». В конце группу заочно признавали виновной в антиобщественном поведении. Однако приговор вызвал обратную реакцию. «Чем больше государство преследовало «Битлз», — вспоминает Михаил, — тем больше обнажались лживость и лицемерие

советской идеологии. А нападая на то, во что влюбился весь мир, оно еще больше изолировало само себя. Мы лишь еще больше усомнились в правоте нашей любимой родины».

В школе Михаила прозвали Ринго, за то, что он перенял прическу битла. Окончив школу с серебряной медалью, он должен был явиться за наградой во Дворец культуры. Запретную прическу он скрыл, зачесав волосы на пробор и зафиксировав их подслащенной водой, чтобы имитировать допустимую длину. Однако на выходе группа милиционеров остановила его, как патлатого нарушителя, заметив, какой длины его волосы на самом деле. Отпустили, только когда он предъявил медаль.

Впоследствии Михаил стал старшим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН. Оглядываясь назад, он верит, что «битломания подорвала фундамент советского общества… Можно даже утверждать, что для разрушения тоталитаризма в СССР они сделали больше, чем Солженицын и Сахаров».

Эта мысль может показаться странной, но ее подтверждают и Михаил Горбачев, и Владимир Путин. В мае 2003-го Пол приехал в Москву и дал концерт на Красной площади, где среди зрителей присутствовал и президент Путин. Он сказал Полу, что, когда советским мальчишкой услышал их песни, это стало для него «глотком свободы». В тот же самый приезд Пола бывший президент СССР Горбачев сказал ему: «Я твердо верю, что музыка «Битлз» научила советскую молодежь: есть и другая жизнь».

По мере того как волосы битлов постепенно отрастали, закрывая уши и воротники и ложась на плечи, их примеру следовали волосы и на других головах. Для молодежи они стали символом свободы и даже счастья. «Волосы у меня, может, и длинноваты, но это потому, что еще в раннем детстве в голове у меня отложилось: длинные волосы — счастье. И все благодаря «Битлз»», — говорит виолончелист Стивен Иссерлис[299], которому в 1967-м было девять лет.

Когда в начале того года вышла песня «Penny Lane», многие постоянные клиенты Гарри Биолетти, чью парикмахерскую она увековечила, ждали от него бури восторга.

«О боже мой, нет! — возразил он. — Я стриг битлов, еще когда они начинали в *The Quarrymen*. А их портреты я снял со стен. Такие прически вредны для дела. Я не предатель, но бизнес есть бизнес. У меня тут вообще короткие стрижки приветствуются».

Наш деревенский парикмахер в Суррее прикрепил к зеркалу карикатуру: двое мужчин в общественной уборной, один длинноволосый, другой с короткой стрижкой.

«Черт, ты меня напугал! — восклицает стриженый. — Я думал, ты девчонка!» В то время была популярна одна шутка: юноша заходит в местную парикмахерскую и просит постричь его «под битла». Тогда мастер делает ему стрижку полубокс.

— Но у битлов не такая прическа! — возмущается юноша.

— Зайдут ко мне — будет такая же, — звучит ответ.

С середины и до конца 60-х за битлами было просто не угнаться: они отращивали усы, бороды и бакенбарды. В сентябре 1968 года специалисты музея мадам Тюссо в пятый раз за четыре года взялись переделывать восковые фигуры «Битлз», приводя их в соответствие непостоянным оригиналам; спустя три месяца Пол отрастил бороду, и пришлось начинать сначала.

К тому времени личный парикмахер «Битлз», Лесли Кавендиш, сам стал полноправной знаменитостью. Он начал карьеру с того, что мыл головы в парикмахерском салоне Видала Сассуна[300], а теперь его наперебой приглашали на фотосессии, просили дать интервью модным журналам и звали на все самые лучшие вечеринки. Он даже выпустил автобиографию «Острое лезвие»[301], в которой подробно описал, кто из четверки как реагировал на его работу. Как ни странно, самым неприступным оказался Ринго, «единственный из битлов […] кто не хотел забывать о том, что он битл», а Пол был разговорчивым и благодарным. У Джорджа были самые густые волосы, «чуть ли не вдвое гуще, чем у Пола», но при этом он почти не разговаривал, пока его стригли, ограничиваясь разве что «вежливой благодарностью» под конец. Джон был сложным, и, «возможно, худшим из моих клиентов», потому что не мог усидеть на месте. «Я терпеливо и вежливо повторял ему: «Джон, не шевелись, пожалуйста» — на что он рассеянно кивал, явно не понимая, о чем его просят».

Потом за стрижками Джона следила Йоко Оно.

Если честно, я не понимал и половины из того, что говорила Йоко, но не понимал этого и Джон. Она бесила его все сильнее.

— Я не понимаю, что ты мне говоришь! — жаловался он, угрожающе мотая головой. — Не понимаю!

— Это потому, что ты меня не слушаешь, — игриво отвечала ему Йоко, словно упрямому капризному ребенку, — а может, он им и был. Удивительно, но это заводило Джона. Обычно он всегда доминировал в разговоре, но вот эта бойкая дамочка захватила всю власть в их диалоге.

Волосы были единственной частью тел битлов, которую можно было отрезать, не вызывая тревоги, и потому служили желанной добычей для поклонниц и коллекционеров. В 1966 году немецкий парикмахер Клаус Барух постриг Леннона по

армейской моде, готовя его для съемок в фильме «Как я выиграл войну». По всему миру разошлись новости с заголовками: «ЛЕННОН ИГРАЕТ БЕЗ ВОЛОС», «БИТЛ СБРИЛ МОЧАЛКУ», «ЛЕННОНА ОБОЛВАНИЛИ». Брайан Эпстайн не хотел, чтобы драгоценные обрезки волос попали в руки охотников за сувенирами, и поручил Нилу Эспиноллу проследить, чтобы их сожгли.

Впоследствии выяснилось, что господин Барух все-таки приберег пару прядей на черный день. Спустя пятьдесят лет известная далласская аукционная фирма выставила на торги прядь волос Джона Леннона длиной в четыре дюйма. «Это самая длинная прядь волос Джона Леннона, которую когда-либо выставляли на аукцион», — объявил организатор торгов Гэри Шрам. В итоге волосы ушли Полу Фрейзеру[302] из Бристоля за 35000 фунтов, что втрое превышало начальную цену. На момент написания этой книги его компания «Пол Фрейзер коллектиблс» предлагала «совершенно подлинный полудюймовый во́лос Джона Леннона с исключительной историей получения, приобретенный у парикмахера Клауса Баруха в Берлине» за 399 фунтов. Фирменная брошюра добавляет, что этот единственный волос «закреплен на подложке и готов к обрамлению».

54

Дорогой Ринго!

В мире есть лишь один Ринго и лишь одна Уинифред Хендерсон.

Не пора ли единственному и неповторимому Ринго и единственной и неповторимой Уинифред Хендерсон наконец сойтись?

Чмоки-поки, Уинифред Х.,

Байонна, штат Нью-Джерси

Дорогой Ринго!

Чем ты занимался, прежде чем стать битлом? Ты был обычным человеком? Люблю,

Дженет Л.,

Майами, штат Флорида

Дорогой Ринго!

Из всех битлов у тебя самая красивая улыбка. Это твои настоящие зубы? Надеюсь, ты не против, что я спросила?

Искренне твоя,

Эвелин М.,

Солт-Лейк-Сити, штат Юта

Дорогой Ринго!

В твою честь я назвала своего нового щенка, и теперь он — самый гордый пес в нашем квартале.

С любовью,

Сюзи П. Уинстон,

Салем, штат Северная Каролина

Дорогой Ринго!

ТЫ САМЫЙ КРАСИВЫЙ В МИРЕ МУЖЧИНА, КРОМЕ МОЕГО ПАПЫ. МОЙ ПАПА ТОЖЕ КРАСИВЫЙ, ТОЛЬКО ПО-СТАРОМУ.

Люблю,

Норма А.,

Денвер, штат Колорадо

55

В эти дни Ринго — олицетворение удачи, но предыдущий этап его жизни был сплошной черной полосой. Дом Старки — традиционная двухэтажная постройка с двумя комнатами на каждом этаже, в неблагополучном ливерпульском районе Дингл, про жителей которого поговаривали, будто они «играют в догонялки с тесаками». В доме не было ванной, а сортир стоял во дворе. Отец бросил семью, когда Ринго было три[303] года. «Я был из рабочей семьи, а в Ливерпуле тот, кто оставался без отца, внезапно опускался на самое дно». В школе его поместили в поток троечников, записав в число тех, кто звезд с неба не хватает, или, как написано в школьной характеристике, «честный, жизнерадостный, готовый стать хорошим работником». Но с тринадцати лет он два года провалялся в больнице, так что его образование фактически прервалось; если бы соседская дочь не научила его читать, он остался бы неграмотным.

В пятнадцать лет Риччи Старки прямиком из больницы устроился курьером в железнодорожную компанию «Бритиш рейлуэйз», но спустя шесть недель его уволили по состоянию здоровья. Некоторое время он поработал официантом, но потом отчим пристроил его подмастерьем трубопроводчика. «Я начал учиться на слесаря, но в первый же день саданул себе по пальцу. Я и барабанщиком-то стал потому, что только стучать и умел». Он был лишен одновременно и тщеславия, и жалости к себе. Несмотря на все несчастья, Ринго отказывался верить, будто «едва ты родился, как тебя начинают принижать»[304]. В одном интервью на радио в 1966-м ведущий Брайан Мэттью беззаботным тоном поинтересовался у Ринго: «Можете ли вы сказать, что в целом жизнь у вас выдалась легкой?»

Ринго: Жизнь у меня была неплохая. Я не голодал. Не мерз. Знаете, у меня жизнь была хорошая. Я бы ее ни на что не променял. Да, сейчас я живу намного лучше, но и то, что было до этого, я бы запросто повторил.

Мэттью: Вы из большой или маленькой семьи?

Ринго: Я единственный ребенок.

Мэттью: А, ну вот.

Ринго: Да, все говорят: «Ты был у родителей один, тебя, наверное, избаловали», но моя мама работала, приносила в дом деньги. Поэтому я всегда если просил, то только о мелочах, не наглел. Даже эти мелочи мне казались большими, хотя, конечно, это было не так.

Ходили слухи, будто Пита Беста выгнали из группы потому,

что остальные завидовали его смазливой мордашке. Если так, то пропуском Ринго к славе и богатству стало то, что кто-то однажды окрестил «мордой кирпичом».

Он не был ни самым красивым из битлов, ни самым харизматичным, ни самым музыкальным, ни самым интересным, но неким образом это позволило ему стать неотъемлемой частью группы. Он был этаким Горацио, доктором Уотсоном, Томми Аткинсом[305] — простой трудяга, бескорыстный и надежный, он, может, и отстает от товарищей на несколько шагов, зато именно благодаря ему они сами не переходят границ.

— Почему ты всегда говоришь о себе просто: «Я ударник»? — раздраженно спросил его Джон в присутствии журналиста во время гастролей по Великобритании в 1963 году.

— Не люблю болтать. Такой вот он я, — ответил Ринго. — Говорить — не плохо, просто я не общительный. Морда кислая, языком трепать не умею.

Ринго часто сравнивают с рабочей лошадкой среди призовых скакунов; он — рубаха-парень, говорит без обиняков, на него можно положиться. Из всех битлов он единственный, кого можно назвать «чувак». «Ринго не самый изобретательный в мире барабанщик, — заметил Джордж Мелли[306], — но он восхитительно прост, на публике производит впечатление «туповатого» и решительно невзыскателен в плане вкусов. Для «Битлз» он мостик с миром, убедительно подтверждающий, что они в некотором смысле самые обычные люди».

В мае 1963-го, когда «Битлз» еще только набирали популярность, Ринго заглянул в офис фан-клуба группы и попросил Фреду Келли заняться письмами от его поклонниц. Фреда, которой не хотелось с этим связываться, ответила:

— Попроси маму с папой. Так у всех родители делают.

— Мама не знает, что посылать, — ответил Ринго, добавив: — Да и потом, мне-то писем мало приходит.

Фреда сжалилась над ним и сказала:

— Ладно, неси их, но только один раз.

На следующий день Ринго принес «маленький полиэтиленовый пакетик, в каких продаются колготки, — вся его почта уместилась внутри. У Пола стопки писем достигали двух футов в высоту, а у Риччи набралось всего десять конвертов».

И по сей день ходят шутки о Ринго как о самом слабом из битлов. В одной из серий «Гриффинов»[307] три подружки сидят в комнате и обсуждают, кому какой битл нравится. Первые две признаются в любви Полу и Джону. — Знаете, — говорит третья, — я люблю Ринго!

Тут появляется Ринго, который приставил лестницу к окну, и

просит повторить, что она сказала. Девочка смущенно мямлит:

— Я сказала… не знаю, что я сказала.

Но от Ринго так просто не избавишься.

— По-моему, ты сказала, что любишь Ринго, — говорит он. — Э-э… да нет… нет, вряд ли.

— Я же слышал, ты сказала: «Я люблю Ринго». Вот он я! — Ринго раскрывает руки для объятий и широко улыбается.

Тут первая девочка с надеждой спрашивает:

— А Пол и Джон с тобой?

— Нет, только Ринго, — отвечает он.

Три подружки расстроенно вздыхают.

Но минули годы, и Ринго посмеялся последним. В Америке он обзавелся внушительным штатом поклонников — побольше, чем на родине. Внешность, которую в Великобритании считали заурядной, в Америке нашли примечательной и даже экзотичной. Фил Спектор написал и спродюсировал песню «Ringo, I Love You» для певицы Бобби Джо Мейсон[308], которая пела о своей мечте: как Ринго возьмет ее за руку, а она взъерошит ему волосы. Сингл группы *The Young World Singers*[309], выпущенный к президентским выборам 1964 года, назывался «Ringo for President»[310]. Как говорил Брайан Эпстайн: «Америка открыла Ринго».

Ринго то и дело всплывает в личных воспоминаниях моделей, певиц и актрис. Пару лет назад я листал мемуары Кристин Килер[311] и в главе «Похоть и замужество» наткнулся на такой вот пассаж:

> Я продолжала ходить в «Ad lib» и как-то вечером танцевала с Ринго Старром. Ливерпульская четверка тогда владела вниманием всего мира, и на танцполе мы привлекали взгляды. Потому-то на следующее утро и проснулись в одной постели, в то самое утро, когда Фредди пришел мириться. Был бы это кто другой, а не битл, Фредди отделал бы Ринго, а так он просто стоял и смотрел на нас раскрыв рот. Ринго дал деру — и по пути сломал балясину лестничных перил, — а неделю спустя женился в первый раз.

В своих мемуарах Питер Браун, директор NEMS, отмечает, что из битлов Ринго «остепенился» последним, и добавляет: «Его большие грустные глаза и стремление держаться в тени делало его легкой мишенью для любой сногсшибательной блондинки, которой удавалось к нему подобраться», в том числе и для известной модели Вики Ходж[312]. В мемуарах Крис О'Делл[313], бывшей сотрудницы лейбла «Эппл» («замечательная история обычной женщины, добившейся того, о чем грезили миллионы»),

несколько страниц посвящено ее интрижке с Ринго в начале 1970-х: «Как будто замкнуло два провода и сквозь меня пропустили разряд влечения. В тот момент Ринго уже не был просто другом или просто битлом. Он был мужчиной. Очень желанным мужчиной… Мы утешали друг друга именно тогда, когда нуждались в этом. Он был добр ко мне всегда и неизменно нежен, и я была счастлива просто быть с ним. Хотела, чтобы это продолжалось, но понимала, что надежды тщетны…» В 1981-м Ринго женился на бывшей девушке Бонда, Барбаре Бах.

У него был счастливый дар оборачивать несчастье себе на пользу. Ринго родился левшой, но бабушка по отцовской линии переучила его. Такое насильственное вмешательство впоследствии может создать проблемы, но Ринго умудрялся играть на барабанной установке для правшей, следуя задавленному инстинкту левши, что придавало его исполнению специфический стиль, воспроизвести который безуспешно силятся трибьюты.

Его игра на ударных никогда не выделялась: ему нравилось, что она остается неприметной, на службе у песни. Джефф Эмерик в свою бытность режиссером звукозаписи у «Битлз» считал его скучным: «Я, честно, не могу припомнить ни одной запоминающейся беседы с Ринго», однако поражался тому, какой гальванизирующий эффект оказывает его игра на всю группу: «Слушать, как битлы исполняют одну и ту же мелодию по девять или десять часов кряду, невероятно утомляло и выматывало. Особенно когда исполнение становилось все хуже и хуже, по мере того как они закидывались наркотой и начинали чудить. Любопытно, что во время этих джем-сейшенов чаще всего именно Ринго уводил их в новом направлении: устав исполнять один и тот же бит, он менял его, и это порой разжигало искру музыкальной перемены в ком-нибудь еще».

Как и многие музыканты, Грэм Нэш считает, что игра Ринго недооценена: «Ринго стучит в ритме сердца, а это мой любимый звук. Это один из секретов классной игры на ударных, потому что в жизни все с биения сердца и начинается. Когда ты в утробе матери, то первым делом слышишь ее сердце, и его биение задает ритм всей твоей жизни… Если хочешь связи с человеком, то пульс — очень важная часть музыки. Очень тонкое дело… Ринго — невероятный барабанщик, один из самых недооцененных. «Битлз» очень повезло заполучить его».

Он всегда был скромен. «Ринго — милый парень, — сказал Брайан Эпстайн своему юристу Нэту Уайссу. — Одарен менее прочих, но это его не сковывает, а, наоборот, становится одним из его величайших достоинств». Возможно, это сказано

снисходительно, но явно из лучших побуждений: в группе, где и без того было три автора, царила напряженная атмосфера. Появись четвертый — и произошел бы взрыв.

Ринго единственный из битлов не обладал талантом к сочинительству. Но однажды его постиг внезапный приступ вдохновения. Зачатки песни, словно ниоткуда, проникли ему в голову, и он просидел над текстом три часа, а на следующий день представил его остальным. После неловкого молчания они посчитали своим долгом сообщить Ринго, что эту песню уже сочинил и записал Боб Дилан.

Вокалист из него тоже был так себе, хотя остальные битлы были счастливы блюсти трогательную традицию — уступать ему одну песню на альбоме. Пока записывали «Sgt. Pepper», Эмерик смотрел, как Ринго вымучивает «With a Little Help from My Friends». Товарищи, как и положено — ведь это песня о том, как друзья помогают тебе попадать в ноты, — собрались вокруг него, «молча направляли и подбадривали, пока он боролся с своими вокальными способностями». Но когда нужно было вытянуть последнюю высокую ноту, Ринго вдруг стушевался и утратил рвение. «Все хорошо, просто сосредоточься, и получится, — сказал Джордж. — Запрокинь голову и выдай!» Наконец у Ринго все получилось, и битлы возликовали, подняв бокалы со скотчем и колой. На следующий день, когда остальные писали бэк-вокал, «Ринго сидел за пультом[…] и широко улыбался, точно гордый отец».

Он — олицетворение пословицы: «Терпение и труд все перетрут». Он идет вперед, несмотря ни на что, и будь что будет. Незадолго до выступления на спортивной арене «Монреаль-Форум»[314] перед 10000 зрителей битлам сообщили об антисемитском заговоре с целью убийства Ринго. Ринго в ответ указал на нестыковку: «Они круто облажались, ведь я не еврей». Власти тем не менее восприняли угрозу всерьез, испугавшись, что сидящий за барабанной установкой Ринго — легкая мишень. Ринго же отнесся к угрозе со своим обычным олимпийским спокойствием и уступил только в одном: установил тарелки под углом в 45 градусов — в надежде, что они, в случае чего, отклонят пулю. Весь концерт рядом с ним сидел полицейский в штатском. Играя, Ринго думал о своем телохранителе: «Ну пальнут в меня, и что он сделает? Пулю поймает?» Вскоре он уже не мог сдержать улыбки: «Мне становилось все смешнее и смешнее, а он все сидел и сидел на месте».

Ринго — как поплавок; что бы ни случилось, всплывет. Он — обычный человек, которому Провидение уготовило сплошное процветание; триумфально нетрагический герой, которого

собственные недостатки возносят выше и выше. В фильме «Help!» есть эпизод, когда он сбегает с яхты, прыгая за борт. Снимали на Багамах, камера стояла на плоту в сотне ярдах от яхты. В то же время место съемок окружили сетками, для защиты от акул. Виктор Спинетти смотрел, как дубль за дублем Ринго сигает в воду, как его потом достают и, дрожащего, поднимают на борт.

«— Эй, Ви-ви-вик, — обратился он ко мне после очередного дубля, когда ему сушили волосы, — м-м-мне надо с-с-снова прыгать?

— А что? — спросил я и ошеломленно услышал в ответ: — Да я п-п-плавать не умею».

56

На странице 598 книги Джеймса Босуэлла «Жизнь Сэмюэля Джонсона»[315] появляется некий безымянный священник. Когда Босуэлл и доктор Джонсон находятся в самом разгаре спора о лучших английских проповедях, «священник, чьего имени я не упомню», высказывает мнение. Джонсон осаживает его: «Они — ничто, сэр», — и безымянный священник более не упоминается.

Спустя сто двадцать пять лет после описанного Джонсоном случая эссеист Макс Бирбом сетовал на то, что, кроме этой беглой отповеди доктора Джонсона, ныне никто об этом безымянном священнике ничего не узнает: «Фрагментарно, бледно, мимолетно — считай, что не было, — едва заметно; он будто слабо вскинул руку и более не воздел ее над бушующими волнами времени…»

Джимми Никол в истории «Битлз» появляется столь же кратко и мимолетно. На 420 страницах фундаментальной биографии группы за авторством Хантера Дэвиса он не упоминается вовсе и всего дважды удостаивается упоминания в 983-страничной биографии Боба Спитца (на с. 5–6 и 507), где его имя написано с ошибкой: Джими. В собственной обширной «Антологии» группы ему уделяется единственное упоминание на странице 139. В 400-страничной книге Филипа Нормана «Shout! Подлинная история «Битлз»» он упоминается целых три раза, да и то в пределах одного короткого абзаца:

> В июне были гастроли по Скандинавии, Голландии, Юго-Восточной Азии и Австралии. Ринго Старру удаляли гланды, и три четверти тура он пропустил. Его место занял Джимми Никол, сессионный барабанщик, слишком мелкий и невзрачный, чтобы породить какие-либо слухи о том, что он останется в группе. Никол играл с группой до самого Мельбурна, где они воссоединились с Ринго: с этого момента Джимми Никол исчезает с горизонта.

Фрагментарно, бледно, мимолетно — считай, что не было, — едва заметно… Такова судьба Джимми Никола. До июня 1964 года его карьера то шла в гору, то катилась с горы, но чаще, конечно, катилась с горы. Он отыграл «Giddy-Up-a-Ding-Dong» с группой *Colin Hicks & His Cabin Boys*[316], но в чарты песня так и не попала. Тогда он ненадолго примкнул к *Tony Sheridan and the Wreckers*, а от них ушел к *Vince Eager and the Quiet Three*[317]. С ними он отправился на гастроли по Великобритании в 1960-м, где им довелось выступать на одной сцене с Эдди Кокраном[318] и

Джином Винсентом. Кокрану они понравились, и он обещал забрать их с собой в Лос-Анджелес после гастролей, но 17 апреля 1960-го Кокран и Винсент попали в автокатастрофу — такси разбилось на окраине Чиппингема[319], и Кокран погиб. Лишившись наставника, *Vince Eager and the Quiet Three* были вынуждены остаться в Великобритании и, вместо того чтобы лететь в Лос-Анджелес, отыгрывали летний сезон в Грейт-Ярмуте. Впоследствии, рассорившись из-за денег с менеджером и продюсером группы Ларри Парнсом, Игер и его группа разошлись, а Джимми вновь остался на мели и без дела.

Действуя самостоятельно, он собрал группу *Jimmie Nicol and the Shubdubs*, но их ска-версия «Humpty Dumpty»[320] так и не выстрелила. В начале 1964-го он сыграл для «Beatlemania», бюджетного альбома каверов на песни битлов, а потом устроился на работу в музыкальный магазин, а по вечерам играл в группе Джорджи Фейма, *The Blue Flames*.

Вечером 4 июня 1964-го он сидел у себя дома в Барнсе, что на юго-западе Лондона, когда зазвонил телефон.

— Алло, Джимми Никол дома? Это Джордж Мартин. Чем вы заняты в ближайшие четыре дня? Ринго заболел, и нам нужно, чтобы вы подменили его на гастролях «Битлз». Не возражаете прокатиться в Австралию?

Вот вы бы отказались? Мартин попросил Джимми приехать на студию EMI в 3 часа дня, добавив: ««Битлз» хотят прогнать с вами несколько номеров».

Ранее тем же днем «Битлз» позировали для фотосессии в преддверии их первого мирового тура, но тут Ринго затошнило, началась рвота. Его срочно отвезли в больницу Университетского колледжа, где диагностировали тонзиллит и фарингит. Брайан Эпстайн сообщил остальным троим, что нужна будет замена для Ринго. Джордж, наименее сговорчивый из битлов, уперся рогом: «Без Ринго «Битлз» не «Битлз». С какой стати нам без него ехать? Я никуда не собираюсь».

Эпстайн объяснил, какими финансовыми потерями обернется отмена тура, и тогда Джордж, у которого имелся пунктик насчет денег, сразу же передумал. За сутки надо было найти кого-нибудь, кто умел бы играть на барабанах и хотя бы отдаленно напоминал битла. Так получилось, что первые две кандидатуры, которые пришли на ум битлам, — Рэй Дю-Вализ *The Blue Notes* и Бобби Грэм[321] из *Marty Wilde's Wildcats* — уже были ангажированы, однако после дружеского телефонного звонка от Пола Джорджи Фейм отпустил к ним своего нового барабанщика.

В студии на Эбби-роуд Джимми с успехом отыграл свою часть песен «I Want to Hold Your Hand», «She Loves You», «I Saw Her

Standing There», «This Boy», «Can't Buy Me Love» и «Long Tall Sally».

— Лады, берем тебя, — сказал Джон.

Тем же вечером к Джимми пришли две женщины: парикмахер, чтобы сделать ему прическу «под битлов», и костюмерша, которая привезла костюм Ринго — его предстояло срочно подогнать под нового битла, более высокого и плотного.

На следующий день Джон, Пол, Джордж и Джимми вылетели в Копенгаген, где их поселили в отель «Ройял». Они жили в том же люксе, что и президент Хрущев за две недели до них. Ринго в это время отлеживался на койке в больнице Университетского колледжа и жалел себя: «Странные дела творились: я занемог, а они взяли Джимми Никола. Я уж испугался, что они меня больше не любят. Всякого-разного себе понадумал».

Но то, что стало тучей для Ринго, для Джимми обернулось лучиком надежды. «За день до того, как я стал битлом, девушки меня не замечали, а на следующий день ехал в лимузине вместе с Джоном Ленноном и Полом Маккартни, и все девчонки мечтали ко мне прикоснуться».

Первый концерт новый драммер «Битлз» начал без особого успеха. «Он сидел на подиуме и тупо таращился на девчонок, — вспоминал потом Пол. — Мы начинаем «She Loves You»: «И раз, два…», а он ничего. Мы опять: «Раз, два…», а он снова ничего». Правда, потом очухался.

Следующие десять дней с Джимми обращались как с полноправным битлом. Он появлялся на пресс-конференциях вместе Джоном, Полом и Джорджем, улыбаясь от уха до уха и хохоча над их шутками. Впрочем, как показывают видеохроники, сам он шутил мало. Когда в Голландии Джимми спросили, как он пережил первые два концерта группы, он отвечает: «Обливался потом». Зато уже остальные вопросы: «Когда купаетесь, вы что-нибудь на голову надеваете?» или «Вы этим занимаетесь из-за денег?» — адресованы другим битлам, а Джордж через голландского переводчика пытается объяснить каламбур с названием группы.

© Jeff Hochberg/Getty Images

В Гонконге, когда пресс-секретарь «Битлз» Дерек Тейлор представил их как «Джон, Пол, Джордж и Джимми Никол», первые трое заулюлюкали и засвистели в поддержку четвертого.

— Мистер Никол, вас так резко выбросили в большой мир известности… Как вы себя ощущаете? — спрашивает репортер.

— Это все очень будоражит, — отвечает Джимми.

— Верно! — хором вставляют Джон и Джордж.

Даже сейчас при взгляде на фото битлов с того десятидневного тура невольно вздрагиваешь: такое ощущение, будто какой-то турист всунул голову в отверстие ярмарочного стенда для фото «Побудь битлом». Он резко бросается в глаза, будто чужак, вторгшийся в семейный альбом.

Когда они летели из Гонконга в Сидней с остановкой в Дарвине, Джимми сидел рядом с Джоном. Казалось, они неплохо поладили, и Джимми даже пришло в голову, что если верно разыграть карты, то он вполне сможет заменить Ринго на постоянной основе.

На пресс-конференции в Сиднее трое постоянных битлов в обычной остроумной, жизнерадостной манере отвечали на вопросы репортеров.

— Что вы ожидаете встретить здесь, в Австралии? — Австралийцев.

— Вы отрабатывали австралийский акцент?

— Не, да че там, не ваще.

Пресс-конференция продолжалась; журналисты переключились на Джимми, который курил сигареты одну за другой.

— А как насчет вас, Джимми? Вы ничего не сказали. Каково вам среди битлов? Новый талант, замена Ринго?

— Хороший опыт, приятель.

— А как там Ринго?

— Э-э, ему намного лучше. Вернется в воскресенье.

— А вы дальше как?

— Э-э, вернусь в Лондон, там для меня собирают группу. Выступлю на телевидении.

Внимание снова переключилось на Джона, Пола и Джорджа, которым ответы на более общие вопросы давались проще. Однако, заметив молчание Джимми, один репортер спросил:

— Вы уговорились, чтобы Джимми молчал?

— А вы у него спросите, — ответил Джордж.

— Я не могу говорить о том, чего, э-э, не знаю.

— В какой группе вы играете в Англии, Джимми?

— Ну, в Англии я играл во многих группах. Перед самым отъездом был в ритм-энд-блюз-группе…

— Брайан Эпстайн — ваш менеджер?

Джимми подумал несколько секунд.

— Никто… нет, менеджер не он.

Остальные трое рассмеялись над его нерешительным ответом.

— Будь он твоим менеджером, ты сразу бы понял! — сказал Джон.

Триста тысяч человек высыпали на улицы Аделаиды, чтобы приветствовать Джона, Пола, Джорджа и Джимми. Битлов встретил лорд-мэр, они удостоились приема в муниципалитете. Там парни вышли на балкон к ликующей толпе, и каждого из них назвали по имени. Когда прозвучало имя Джимми, накал страстей заметно снизился, один или два человека даже выкрикнули «фу».

На пресс-конференции один из репортеров заметил:

— Вас приветствовало больше людей, чем королеву.

— Еще бы! — сказал Джордж. — Она-то хитов не записала.

— Джимми, как думаете, Брайан Эпстайн взмахнет волшебной палочкой и сделает вас пятым битлом?

— Этого я не знаю.

— Каково это — внезапно стать битлом?

— Ну, это край, вообще! — Он-то имел в виду, что лучше и быть не может, но сегодня это отдает некой обреченностью.

Во время всего тура Джимми испытывал к человеку, которого заменял, двоякие чувства: «Пока Ринго не примкнул к нам в Мельбурне, я молился о его выздоровлении и в то же время надеялся, что он не вернется. Я оттягивался по полной». Однако на публике Джимми оставался жизнерадостным.

— Джимми, сегодня у вас последнее выступление, а завтра возвращается Ринго.

— Да, все верно. Я жду встречи с ним.

— И потом для вас все заканчивается. Что дальше? Поговаривают, что в Англию вы не вернетесь.

— Пока не вернусь. Мне хотелось бы съездить в Сидней.

В конце последнего концерта в Аделаиде, на последнем выступлении Джимми с битлами, Пол при всех поблагодарил его за то, что он временно был их драммером. Затем добавил, что на следующий день возвращается Ринго, и публика взорвалась аплодисментами.

Ринго с Брайаном Эпстайном прилетели из Лондона в Мельбурн, опередив остальных, которые летели из Аделаиды. Отель окружило с четверть миллиона поклонников, скандировавших: ««Битлз» давай! «Битлз» давай!» Полиция призвала на помощь военных, но и те не сумели помешать фанатам повыдергивать клоки волос с головы Ринго, когда тот вышел из машины к отелю. Остальных троих битлов вместе с Джимми провели через черный ход. Когда битлы воссоединились в отеле, Ринго и Джимми обменялись рукопожатием.

Пятерых битлов вывели на гостиничный балкон. «Привет, народ! Как дела?» — произнес в громкоговоритель Пол. «Привет-привет!» — добавил Ринго, и толпа обезумела. Джимми тоже помахал рукой, но ничего не сказал. Ринго решил, что сейчас самое время разыграть шуточную грызню, схватил Джимми за горло и сделал вид, будто душит его на камеру.

На пресс-конференции в танцевальной зале отеля Джимми сидел с краю. Его спросили, не намерен ли он собрать свою группу, но ответ никого особо не интересовал. «Не знаю пока, — начал Джимми. — Пока не вернусь…» Тут его перебил Джон, а Ринго жестом попросил Джимми молчать. Чувствуя себя не у дел, Джимми забарабанил пальцами по столу. Больше ему с битлами

барабанить было не суждено.

Вечером Брайан Эпстайн строго-настрого запретил парням покидать отель: веселиться только в номере. Пока Джон, Пол, Джордж и Ринго кутили, Джимми нарушил запрет и выскользнул на улицу. Заметив пропажу, Эпстайн отправил на поиски Мэла Эванса и Дерека Тейлора. Те нашли Джимми в каком-то баре.

— На улицу тебе нельзя, — напомнил Тейлор. — Тебе нельзя в бар.

— Да о чем ты? Я больше не битл.

— Ты битл, пока мы не посадим тебя в самолет.

Эванс с Тейлором расплатились за него и отвели в отель.

Наутро, пока бывшие товарищи по группе еще не проснулись, Джимми в сопровождении Брайана Эпстайна поехал в аэропорт. Атмосфера в машине, как показалось Джимми, была напряженной. Неужели Эпстайн все еще сердился на него из-за вчерашнего непослушания?

В аэропорту не было ни поклонников, ни прессы с телевидением. Джимми одиноко сидел в зале ожидания, но тут его заметил какой-то журналист и поинтересовался его дальнейшими планами.

— Ну, надеюсь заняться тем, что мне нравится, — ответил Джимми. — Теперь есть шанс чего-то добиться.

На прощание Эпстайн подарил ему золотые часы с гравировкой: «Джимми от Брайана Эпстайна и «Битлз», с благодарностью» — и вручил 500 фунтов в конверте — гонорар за десятидневный тур. Джимми поднялся по трапу, махнув рукой одинокому фотографу. Едва самолет взлетел, Джимми Никол перестал быть битлом. Он больше ни разу ни с кем из них не общался: «Когда закончилась моя часть в гастролях «Битлз», я вернулся в Англию сам по себе. Битлы потом мне ни разу не позвонили. Ни разу».

Еще несколько недель он грелся в лучах догорающей славы: один или два человека узнали его на улице, а когда он пришел посмотреть выступление Ширли Бэсси[322] в ночном клубе «Весь город говорит»[323], та объявила, что в зале присутствует Джимми Никол, и попросила его встать и поклониться.

Что же дальше? Мало у кого в глубине души не зародилось бы чувство, что еще капелька везения — и все эти слава, богатство, кураж и обожание не закончились бы.

Поначалу казалось, что Джимми поймал попутный ветер. Привлеченная его новообретенной славой, студия «Пай рекордз» выпустила его ска-версию «Humpty Dumpty», хитро подписав конверт как «Джимми Никол, один из «Битлз»». «Дейли миррор» выпустила статью под заголовком «Джим составит конкуренцию

«Битлз»». В ней он якобы говорил, будто Брайан Эпстайн еще пожалеет, что не взял его в группу. Джорджи Фейм предусмотрительно приберег для него местечко в *The Blue Flames*, но забронзовевший Джимми решил, что достоин большего.

Казалось, удача ему благоволит. Спустя три дня после возвращения Джимми Дейв Кларк, вокалист-ударник *The Dave Clark Five*, слег в больницу с язвой двенадцатиперстной кишки — ровно тогда, когда группу пригласили на трехнедельный летний сезон в блэкпульском театрально-концертном комплексе «Винтер гарденс». На этот раз Джимми предложили не просто занять место барабанщика, но и вообще заменить всю группу собственной. Само собой, он был вне себя от радости. «Словами не сказать, что я чувствую, заняв место Дейва, — говорил он в интервью «Дейли миррор». — Неделю ты барабанишь с самой крутой группой в мире, а потом узнаешь, что тебе предлагают подменить еще один крутой коллектив целиком».

За два дня он заново собрал свою старую группу *The Shubdubs,* и они отправились в Блэкпул. Надо ли говорить, что немало из исполнителей на разогреве — среди которых были комик Дик Эмери и трубач Эдди Кэлверт[324] — расстроились, узнав, что звезда теперь Джимми. «Там почти все опешили, когда выяснилось, что гвоздь программы — мы, никому не известная группа. А все из-за внезапной славы Джимми», — вспоминал один из участников *The Shubdubs.*

Но пока Джимми Никол выступал в Блэкпуле, дела покатились под гору. Срочно выпущенный второй сингл «Husky» не сумел попасть в чарты, несмотря даже на появление группы в передаче «На старт, внимание, марш!». Джимми подписал с «Пай рекордз» контракт на три сингла, так что третий обязательно должен был стать хитом, иначе после провалов «Humpty Dumpty» и «Husky» с Джимми не стали бы работать.

Для этого решающего сингла Джимми взял «Baby Please Don't Go», старую блюзовую песню еще из 1930-х. Он не знал, что другая группа, *Them,* уже записала ее для «Декки», с двумя неизвестными исполнителями — Вэном Моррисоном и Джимми Пейджем[325] — на вокале и соло-гитаре; на второй стороне пластинки была песня «Gloria»[326].

Сингл *Them* занял 10-е место в хит-параде; сингл *The Shubdubs* провалился. Джимми оказался в свободном падении. «Пай рекордз» отказались возобновлять контракт; жена подала на развод. Джимми как ни в чем не бывало купил себе новенький «ягуар», но через две недели получил повестку в суд за четырехкратное нарушение правил дорожного движения.

Он продолжал платить членам *The Shubdubs* по 26 фунтов в

неделю, пусть даже работы было мало, а сам он выступал соло в барах за 10 фунтов в неделю: «Я занимал денег где только мог, потому что верил, что однажды все переменится». Однако перемен так и не случилось. В начале 1965-го трубач группы решил, что с него хватит; вскоре его примеру последовали и остальные.

Тогда Джимми собрал группу из семи человек — *The Sound of Jimmie Nicol* — и как-то даже умудрился убедить «Декку», что у бойкой версии «Oh My Darling Clementine», переименованной в «Sweet Clementine», есть все необходимые компоненты будущего хита. В погоне за мечтой он занял 3000 фунтов на инструменты для группы. Дебют состоялся на Зерновой бирже в Челмсфорде 3 апреля 1965 года, но не получил ни одного отзыва.

Срочно нужно было обвинить кого-нибудь в своих неудачах, и Джимми придумал теорию: Брайан Эпстайн ополчился на него, наказывая за непослушание в последнюю ночь на гастролях в Австралии; наверняка Эпстайн надавил на промоутеров, и те внесли Джимми в черные списки. Логики в этом не было никакой — зачем это Эпстайну? — но сомнения окружающих только больше подогрели в Джимми подозрительность.

В апреле Джордж Харрисон сходил на концерт *The Sound of Jimmie Nicol*. В антракте он попросил официанта передать Джимми выпивку, но Джимми не принял угощения. «Я отказался, — объяснял он позднее. — Гордость-то у меня есть. Меня не купишь». К тому времени ему всюду мерещились оскорбления.

«Sweet Clementine» провалилась, и «Декка» прекратила сотрудничество с Джимми. Больше он не мог позволить себе платить группе. В то же время он разошелся с менеджером. Тридцатого апреля 1965 года, когда «Битлз» снимали «Help!», Джимми объявили банкротом, а долги в размере 4066 фунтов намного превышали сумму на его банковском счету — 50 фунтов.

В «Дейли мейл» напечатали статью под заголовком «Взлет и падение пятого битла». В интервью газете Джимми пожаловался, что, «подменив Ринго, я испортил себе жизнь. До того я жил себе и хлопот не знал, зарабатывая по 30–40 фунтов в неделю. Думать не думал, что это изменит всю мою жизнь. Все в шоу-бизнесе говорили, что мне теперь везде зеленый свет, что мое имя у всех на устах. Но когда мое имя пропало из заголовков, пропал и я. Никто меня больше и знать не хотел». Когда же его спросили о будущем, он ответил: «Будущее? Какое будущее? У меня его нет».

Ринго Старр прочел это унылое интервью, когда снимали сцену из «Help!», где он проваливается в дыру, незаметно прорезанную в полу вокруг барабанной установки. «Я не думал,

что ему так не повезет, — сказал Ринго. — И никто не думал». На следующей неделе Джимми вызвали в суд по иску от бывшей жены, затребовавшей долг по алиментам в размере 30 фунтов.

Пол Маккартни пытался ему помочь, убедив брата Джейн, Питера Эшера, взять его в небольшие гастроли дуэта *Peter and Gordon*. Джимми затем перебрался в Гётеборг, где стал играть в шведской группе *The Spotniks*. В конце концов он поехал с ними в Мехико, где их ангажировал в качестве домашней группы отель «Аламеда». Как и битлы, Джимми во второй половине 60-х экспериментировал с наркотиками, вот только меры не знал: как-то вечером выпал из-за барабанов прямо во время выступления, и его выгнали из группы.

После этого он с музыкантом по имени Эдди Куинн[327] создал группу с неуклюжим названием *Los Nicolquinn*, составленным из фамилий участников. Вместе они исполнили его песню «I'm Lost»[328], с мрачной фразой: «Я разбит и сокрушен». Припев состоял из названия песни, которое повторялось снова и снова.

В Мексике Джимми повторно женился, но жене вскоре надоели его постоянные жалобы на то, что Брайан Эпстайн разрушил ему жизнь. Однажды Джимми взял дареные золотые часы и разбил их вдребезги. Его новый брак не продлился и года.

Шли десятилетия. Джимми снял экспериментальный фильм под названием «Газ»[329], в котором можно увидеть, как он ладонями барабанит по голой женщине; он создал группу *Blue Rain*; записал свою версию «Jumpin' Jack Flash»[330]. Вернувшись в Лондон в 1970-х, забросил музыку и занялся строительным бизнесом. Сегодня его забыли настолько, что он не мелькает даже в списках забытых.

В 1981 году вышла книга Филипа Нормана «Shout!», в которой он лишь единожды упомянул Джимми Никола, да и то не слишком любезно. Спустя три года нидерландский Официальный фан-клуб «Битлз» отыскал Джимми и убедил принять участие в амстердамском конвенте. Во время сессии «вопрос — ответ» Джимми заявил, что «Битлз» заставили его изображать Ринго Старра: «В прессе все было черным по белому написано, но они отказывались признавать, что, кроме Ринго, у них был еще один ударник».

С тех пор Джимми Никола видели все меньше и реже. В 1988-м пошли неподтвержденные слухи о его кончине, а позже выяснилось, что он сам их распустил. В 2005-м в Лондоне с ним встретился репортер «Дейли мейл», но Джимми наотрез отказался разговаривать. Его бывшая мексиканская жена по-прежнему верит, что он, совсем недолго побыв битлом, так и не оправился:

«Опыт выступления с «Битлз» оставил отпечаток на всю жизнь. Они не взяли Джимми, и он думает, что все неудачи — от того, что он с ними выступал. Он обозлился. После гастролей с битлами, похоже, вся жизнь стала ему не в радость. По-моему, из-за этого у него расстроилась психика».

В 2011-м на виниловой ярмарке в Утрехте один голландский коллекционер заметил Джимми Никола или человека, похожего на него. «Я подошел к нему и спросил: «Вы Джимми Никол? Барабанщик?» Он расписался у меня на листочке: «Джимми Никол» — и, не сказав ни слова, ушел».

57

Эрик Клэг работал почтальоном. Весь 1964 год он ежедневно доставлял мешок писем от поклонниц в дом номер 20 на Фортлин-роуд в Ливерпуле, где вырос Пол Маккартни и где по-прежнему жил его отец.

«Когда «Битлз» были на пике славы, я носил туда сотни открыток и писем, — тридцатью четырьмя годами позднее вспоминал Клэг. — Целыми мешками. Я их на горбу таскал. Но они, ясное дело, только напоминали мне о Джоне Ленноне и его матери».

Шестью годами ранее Клэг служил младшим констеблем в ливерпульской полиции. Пятнадцатого июля 1958 года, будучи не при исполнении, он вел свой седан «стандарт-вангард» по Менлав-авеню, и тут неожиданно на дорогу перед ним вышла сорокачетырехлетняя женщина. Он затормозил, но было уже поздно: седан сбил женщину, и ее подбросило в воздух.

Мими Смит и ее квартирант Майкл Фишвик в это время сидели на кухне. Они услышали скрежет тормозов и удар. Молча переглянулись и, по словам Фишвика, «стремглав выскочили на улицу».

Приехала «скорая», но поделать врачи уже ничего не смогли: Джулия, младшая сестра Мими, погибла. «Я перебежала дорогу, глянула на нее и сразу поняла: надежды никакой», — вспоминала Мими.

Эрик Клэг в то время еще только учился водить, и ему не полагалось садиться за руль в одиночку. Вслед за внутренним расследованием началось судебное разбирательство. Клэг настаивал на том, что ехал со скоростью 28 миль в час в зоне с ограничением 30 миль в час. Очевидец опроверг эти показания, однако присяжные поверили констеблю. Мими пришла в ярость: «Коронер из кожи вон лез, выгораживая этого убийцу Джулии». Суд вынес вердикт: «несчастный случай», и Эрика Клэга отпустили.

Мими замахнулась на него тростью. «Я так разозлилась… вот же свинья… Достала бы его — убила бы». Друг Джона, Найджел Уолли, который присутствовал на судебном разбирательстве, вспоминает, что Мими кричала Клэгу: «Убийца!» — пока приставы не призвали ее к тишине.

Клэга сперва отстранили от службы, а потом и вовсе уволили из полиции. Он поступил на работу почтальоном и так, собственно, стал носить письма в Аллертон, район на окраине Ливерпуля.

До февраля 1998-го его личность оставалась никому не известной, но его отыскал репортер «Санди миррор». До тех пор Клэг никому не признавался в своей причастности к смерти Джулии Леннон.

«Даже много лет спустя меня преследуют воспоминания, — сказал репортеру Клэг. — Ни дня без них. С тех самых пор, как «Битлз» прославились, я ждал, что правда выплывет. Боялся, чего уж там. Я не люблю об этом вспоминать. Одно время я хотел отправить соболезнования семье, но решил не усугублять. Они ведь возмущались, негодовали — и по делу, надо думать. Помню, винили меня, а я оправдывался: я-то что! Миссис Леннон выскочила на дорогу прямо передо мной, тут уж ничего не поделаешь. Прямо под колеса… Но скорости я не превышал, честное слово. Да, это ужасно, но такое случается. Потом я читал, каким тяжелым потрясением стала для Джона Леннона смерть матери. Мне правда очень жаль, но, говорю же, это был несчастный случай».

Когда битлы прославились на весь мир, Клэг прочел в газете, что мать Джона Леннона погибла под колесами автомобиля на Менлав-авеню. «Я сложил два и два и сразу понял, что тогда сбил его маму. Все снова встало перед глазами. Ужасное чувство. Я весь истерзался. О «Битлз» тогда говорили повсюду, особенно в Ливерпуле, так что забыть об этом я не мог. Дом на Фортлин-роуд, где жил когда-то Пол Маккартни, стоял как раз на моем почтальонском маршруте. Когда «Битлз» были на пике славы, я носил туда сотни открыток и писем. Целыми мешками. На горбу их таскал. Но они, ясное дело, только напоминали мне о Джоне Ленноне и его матери. Я всегда это скрывал, хранил глубоко в душе. Даже жене и детям ничего не рассказывал. Но теперь, думаю, придется».

58

Имя тем, кого недолюбливал Ноэл Кауард[331], было легион. В список входила большая часть знаменитостей XX века и кое-кто из века XIX, в том числе Гилберт и Салливан («НЕНАВИЖУ Гилберта и Салливана»), Таллула Бэнкхед («заносчивая шлюха»), Мэрилин Монро («глупая сука»), Артур Миллер («чувство юмора отсутствует напрочь, что внушает опасения»), миссис Александр Вуллкотт («носит тошнотворные наряды и подло щурится»), Оскар Уайльд («глупое, самодовольное и неадекватное создание»), Невилл Чемберлен («самодовольный старый мудак»), герцог Виндзорский («как мне давно известно, он, обладая плебейским складом ума, предпочитает людей второго сорта»), Мэнди Райс-Дэвис («паршивая, заносчивая, мерзкая шлюшка») и Сэмюэл Беккет («я лучше целый год буду по вечерам играть в лото, чем снова пойду на «В ожидании Годо»»)[332]. Неудивительно, что «Мастер», как его называли, не питал симпатии к «Битлз».

© Lebrecht Music & Arts/Alamy/DIOMEDIA

Когда 6 июня 1964-го битлы только познакомились с Кауардом, то все, казалось бы, прошло гладко. Их представила эксцентричная пышноволосая певица Альма Коган, прославившаяся своими недавними песнями: «I Can't Tell a Waltz from a Tango» и «Never Do a Tango with an Eskimo»[333]. Она, в свою очередь, познакомилась с битлами за кулисами лондонского «Палладиума». Особенно Альме понравился Брайан Эпстайн; поговаривали даже о свадьбе. Поэтому было совершенно естественно, что она приглашала Брайана и битлов на вечеринки для представителей шоу-бизнеса, которые часто закатывала у себя на фешенебельной квартире в Стаффорд-Корт на Кенсингтон-Хай-стрит.

Там битлы общались с настоящими знаменитостями, с

легендами шоубизнеса, с такими любимцами публики, как Дэнни Кей, Фрэнки Вон, Этель Мерман и Сэмми Дэвис-младший[334]. Особенно в такой компании расцветал Пол. «Мы стояли на пороге революции в шоу-бизнесе… Там все были немного старше нас, лет так на десять-двенадцать, но с ними было весело. Они, многоопытные исполнители, приняли нас в свой круг».

Как и многое в жизни, эти вечеринки Пол воспринимал как образование: «Как-то я смотрел документальный фильм про Джона Бетчемана[335], где он рассказывал, как его, выпускника колледжа, пригласили в один загородный дом. «В нем я научился, как быть гостем», — говорил Бетчеман. Это и происходило с нами в квартире у Альмы. Мы научились играть в шарады, а потом и на своих вечеринках стали в них играть. Чуток повышали свою образованность».

Шестого июня 1964 года был для Ноэла Кауарда обычным суетным днем. Он пообедал с Вивьен Ли («она была бодра и весела») у нее дома в усадьбе «Тикеридж-Милл», в Сассексе, откуда на машине поехал в Брайтон, заглянуть к ее бывшему мужу, сэру Лоренсу Оливье и его новой супруге Джоан Плоурайт[336]. Вечером он вернулся в Лондон поужинать с Теренсом Рэттиганом и Робином Моэмом[337], а после, слегка за полночь, отправился к Альме Коган на вечеринку по случаю ее дня рождения.

Альма познакомила Кауарда с Джоном и Полом. Тот нашел их «приятными молодыми людьми, которые вели себя довольно прилично и говорили с забавным акцентом». Однако больше он о них не думал: светская круговерть не оставляла времени на размышления. На следующий день Кауард обедал с «дорогой королевой-матерью в Кларенс-хаус[338]. Она была как никогда очаровательна».

Возможно ли, что он испугался «Битлз»? К 1964 году Кауард уже был частью старой гвардии. Он родился в 1899 году, а в 1911-м впервые выступил на сцене в Вест-Энде. Происхождением он не сильно отличался от битлов — его отец был обедневшим торговцем пианино, — но быстро приспособился к светскому обществу, с готовностью усваивая аристократические манеры и интонации. Неудивительно, что его мало привлекала культура пролетарских слоев общества. «Интересно, надолго ли это уныние ради уныния?» — высокомерно отозвался он в 1956-м о пьесе Джона Осборна «Оглянись во гневе».

Внешность и манеры Кауарда разительно отличались от битлов. Он пел четко и отточенно, изысканно выговаривая слова, его песни были остроумными, язвительными, многозначительными и отшлифованными. В его лексиконе

попросту отсутствовали всякие «yeah, yeah, yeah».

Кауард опрометчиво, пренебрежительным тоном поведал о своем знакомстве с Джоном и Полом Дэвиду Льюину из «Дейли мейл». Ему и в голову не пришло, что Льюин процитирует в печати его сетования о том, что «Битлз» «совершенно лишены таланта. От них один только шум. В мое время юнцов учили быть на виду, но помалкивать, что, в сущности, не так уж и плохо».

Годом позднее, 11 июня 1965-го, Кауард расстроился, прочитав новости о том, что по случаю дня рождения королевы участников «Битлз» возвели в кавалеры ордена Британской империи. «Это, разумеется, бестактно и вообще ошибочно со стороны премьер-министра, — писал он в дневнике, — и, по-моему, королеве не стоило соглашаться. За бесталанный, хотя и внушительный, вклад в казну им следовало вручить какие-нибудь иные знаки отличия».

Через две недели Кауард отправился в Рим, на свадьбу итальянской княгини Торлония, куда он пришел с Мерл Оберон[339]. Когда у него выдалось свободное время, он отправился в театр «Адриано», где выступали «Битлз». Не стоит даже сомневаться, что среди зрителей он оказался единственным шестидесятишестилетним мужчиной.

Концерт был ужасно громким и разгильдяйским, возможно, потому, что зал был наполовину пуст и битлы получили шанс подурачиться вволю. Пока Ринго пел «I Wanna Be Your Man»[340], Пол так развеселился, что ему пришлось уйти со сцены; Джордж скорчил ему вслед недовольную рожу. Когда Пол вернулся, то опрокинул микрофон, чем рассмешил Джона, а Джордж продолжал раздраженно морщиться.

Впрочем, куда больше раздражен был Ноэл Кауард, который бóльшую часть времени не вынимал пальцев из ушей. «Я прежде не видел их выступлений, — писал он потом в дневнике. — Шум стоял оглушительный, и я не мог разобрать ни слов, ни музыки; только один сплошной гул». Тем не менее после концерта он отправился за кулисы повидаться с битлами, но обнаружил лишь Брайана Эпстайна, который «сказал, что они вернулись к себе в отель, и осведомился, не угодно ли мне поехать к ним».

В отеле его приняли Эпстайн и агент по рекламе «Битлз» Венди Хансон, которая предложила Кауарду коктейль и пошла звать битлов, но вскоре вернулась и передала, что они обижены его отзывом в «Дейли мейл» год назад.

«Такое поведение было крайне неприличным, но я решил сохранять твердость и достоинство, — вспоминал потом Кауард. — Мне сказали, что «Битлз» не хотят меня видеть, потому что этот осел Дэвид Льюин процитировал в своей статье мое

нелестное замечание».

Тогда то ли Эпстайн, то ли Венди Хансон — тут воспоминания Кауарда и Маккартни разнятся — решил попробовать еще раз.

«Брайан заходит и говорит: «С вами хочет повидаться Ноэл Кауард», — вспоминал Пол. — И мы все такие: «А, ну нахер, нет! Нет-нет-нет! Я спать…» Брайан возразил: «Нельзя! Нельзя же так!»». Ринго тоже вспоминает, что их уговаривал именно Брайан: «Он пришел и сказал: «Там внизу Ноэл Кауард, хочет с вами поздороваться»». Ринго запомнилось общее настроение группы: «Нахер! Не хотели мы его видеть. Шел бы в жопу этот Ноэл!»

Но Эпстайн не уступал. В конце концов Пол, всегда такой дипломатичный, согласился на встречу от имени всей группы.

«Я попросил Венди привести хотя бы одного из них, и она вернулась с Полом Маккартни, — писал у себя Кауард. — Я вежливо, но твердо объяснил, что нельзя всерьез воспринимать слова газетных репортеров. Бедный парень оказался вполне дружелюбен, и я через него передал остальным свои поздравления, хотя на самом деле хотел сообщить им, какие же они невоспитанные мелкие засранцы».

Кауард умер в 1973-м, но его дневники опубликовали только в 1982-м. «Он наговорил о нас всяких гадостей, — заметил в 1997-м Барри Майлзу Пол. — Ну и хрен с ним».

Однако еще более грубые слова приберег Кауард для поклонников «Битлз» с того концерта: «Напоминало оргию онанистов, хотя, как мне объяснили, все было куда скромнее обычного. Мне все это ужасно неприятно. Меня всегда мутит от групповой истерии в любом, а особенно в коммерческом, масштабе, и очень тревожит осознание того, что бóльшая часть современных подростков ритуально безумствует из-за четырех безобидных, глупого вида парней. Возможно, мы движемся к полному вымиранию куда быстрее, чем думаем. Лично мне хотелось бы схватить парочку этих визжащих юных психов и треснуть их друг о дружку башками».

59

Как еще описать эти кауардовские «визги юных психов»? В феврале 1965-го Элинор Брон[341] возвращалась с битлами из Нассау в Хитроу, завершив съемки на Багамах для фильма «Help!». «Я была совершенно не готова к тому, что встретило нас на взлетной полосе. Шум, будто на Трафальгарской площади, только со звуком, выкрученным до предела. Что-то невообразимое, словно миллионы скворцов одновременно взвились в воздух. Только вместо скворцов — девчонки, как я теперь понимаю, совсем юные девчонки, облепившие терминал. Повсюду, куда ни посмотри, там, где они углядывали местечко, там, куда их пускали, и там, куда не пускали, — они просачивались, протискивались и проникали повсюду, размахивали руками и плакатами, толкались и напирали, рискуя вывалиться за ограждение, вертелись ужом и оголтело визжали и завывали на высокой, печальной, пронзительной ноте — мучительный и безответный стон».

С точки зрения съемочной группы, была от этих криков и польза. Клайв Рид, второй режиссер фильма «Help!», отвечал за то, чтобы битлы приезжали на площадку вовремя. Выяснилось, что по уровню шума можно было определить их местонахождение на трассе. «Он говорил: «Они сейчас у кольца» — или: «Едут через мост»», — вспоминает оператор-постановщик Дэвид Уоткин.

После концерта битлов на стадионе Ши[342] Ронни Спектор и ее кузина Недра сели в «бентли» к приятелю. Тут их заметили поклонницы и решили, что в машине с ними и битлы. «Едва мы захлопнули дверцы, как фанаты окружили «бентли». Они орали, вопили и раскачивали автомобиль из стороны в сторону… Сотни кричащих подростков молотили в стекла кулаками, а те, что забрались на крышу, — пятками. Сидеть в машине, в которую пытается проникнуть толпа обезумевших детей, — самое страшное на свете. За окнами мелькали кулаки да пятки. Мне это напомнило сцену из фильма Альфреда Хичкока «Птицы», когда стая воробьев бьется в дверь».

© Hulton Deutsch Collection/CORBIS/Corbis via Getty Images

Крики и вопли были неуемными и неуправляемыми. В ноябре 1963 года двести работниц хлопкопрядильной фабрики в Аккрингтоне устроили забастовку: бригадир запретил им слушать по радио передачу «Выбор домохозяйки»[343], потому что не выдерживал истошных женских воплей, которыми встречали любую песню «Битлз».

Прочие же, не столь взбалмошные поклонники умели найти в себе внутренний выключатель. Джазовый певец Джордж Мелли повел свою маленькую дочь на рождественский концерт «Битлз» в Хаммерсмите в 1964-м. Еще до начала он услышал, как позади него две девушки обсуждают, кричать ли на выступлениях разогревающих исполнителей или же приберечь все для битлов. «Они сговорились приберечь. Как только «Битлз» наконец вышли на сцену, девчонки благоразумно прикрыли уши и заорали во все горло». Напористая леди Кристабель Эмптхилл[344], шестидесяти девяти лет от роду, сопровождавшая внука на том же концерте, не сдержала раздражения. Ткнув одну из крикуний зонтиком, она громогласно изрекла: «Знаете, милочка, вопят только дурнушки».

Двенадцатилетняя Линда Грант кричала безостановочно, хотя и не знала зачем: «Я не понимала, зачем надо кричать, но кричала, как и все. Так было положено. В этом был какой-то культовый элемент». В августе 1964-го в развлекательном комплексе «Сиэтл-Центр-Колизей» вопли начались еще до выхода «Битлз» на сцену. Репортер Ларри Кейн[345] отметил, что к тому времени, как Джеки Дешеннон[346] завела последнюю песню, «крики достигли такой силы, что мне впервые за весь тур

пришлось зажать уши ладонями и придерживать магнитофон локтями. Я содрогнулся от боли. И это было лишь начало… Во взгляде Пола Маккартни мелькнул страх. Обычно Пол выглядел бодро и жизнерадостно, но тогда он поджал губы и насупился, выдавая напряжение… Шум, напирающая толпа фанатов, желейное драже, летящее на небольшую сцену, — все это создавало ощущение, что я оказался в дурдоме, среди четырнадцати тысяч буйнопомешанных».

В том же зале находился чопорный тип в роговых очках — доктор Бернард Сейбел, заведующий департаментом социального обеспечения штата Вашингтон; он методично заносил в блокнот свои психологические наблюдения для будущего отчета. На следующий день «Сиэтл дейли таймс» опубликовала статью под заголовком «Детский психолог о БИТЛОМАНИИ: это пугает».

> 14000 подростков, пришедших посмотреть «Битлз», — это невероятное и пугающее зрелище… Истерия и потеря самообладания выходят далеко за рамки воздействия музыки. Многие из присутствующих становились безумными, озлобленными, неуправляемыми, они вопили, теряя человеческий облик.
>
> …внешние проявления ужасают. Воспитанные девочки вели себя словно одержимые неким демоническим порывом и бились в эмоциональном экстазе, отринув наложенные старшими ограничения.
>
> …музыка громкая, примитивная, назойливая, с настойчивым ритмом, исподволь высвобождает (возможно, сублимирует?) и без того слабо контролируемые, новообретенные импульсы подростка.
>
> Присовокупите к этому феномен массового гипноза, заразительную истеричность и блаженное чувство приобщенности к всеохватывающему, оргистическому опыту, и любой ребенок станет «Повелителем мух» или битлом.

Позднее в Ванкувере Ларри Кейн стал свидетелем «самого настоящего погрома», когда в беснующейся толпе затоптали нескольких девушек; машины «скорой помощи» сновали во все стороны. «Жертв увозили с ранами, полученными во имя «Битлз»: разбитые в кровь губы и носы, синяки, шишки, ссадины и ушибы». К концу вечера медицинскую помощь оказали 135 пострадавшим; среди увечий были переломы конечностей и травмы головы.

На следующий год, когда «Битлз» прилетели в Хьюстон, толпа окружила самолет еще до того, как выключили двигатели. Некоторые поклонники забрались на крылья, подползли к

иллюминаторам и приветственно замахали руками пассажирам в салоне. В Далласе юные фанаты шли пешком от аэропорта до отеля, в котором остановились битлы; многие рыдали, а одна поклонница сжимала в руках пучок травы и кричала: «Ринго! По этой траве прошел Ринго!»

На концерте следующим вечером, когда зазвучала «I Saw Her Standing There», юная Кэрол Бедфорд[347] «совершенно потеряла самообладание и обеими руками схватилась за голову». Пытаясь успокоить толпу, битлы заиграли более медленную «This Boy», но без толку. «Один полицейский чуть не расстался с жизнью. Он загородил мне вид на Ринго, и я метнулась, чтобы сбросить его с балкона». К счастью, парень Кэрол вовремя остановил ее.

В августе 1965-го «Битлз» прилетели в Чикаго, и мама двенадцатилетней Руби Уэкс купила билеты на оба их концерта — дневной и вечерний — на стадионе «Уайт Сокс». «Я больше всего любила Пола и готова была ему отдаться, но для этого нужно было стать похожей на Джейн Эшер. Чтобы выпрямить волосы, я включила утюг. Никто же не сказал, что гладить надо через ткань. Почти все волосы обуглились и выпали, осталась только парочка опаленных клочков. Несчастные четыре волосенки торчали из-под пластиковой фуражки Джона Леннона».

На дневном концерте Руби орала вместе с остальными девчонками, но к вечернему у нее созрел хитрый план, как увидеть битлов лично. Заметив, как они уходят со сцены в туннель под стадионом, она решила, что этот путь ведет в гримерку. Дождавшись, когда отыграет первая песня, она прошмыгнула в туннель. Руби оказалась в душевой, где, к своему огорчению, обнаружила «четырех девчонок: толстых, несчастных, безволосых, затянутых в корсеты». Вместе они нашли где спрятаться. «Прежде чем заныкаться в душевой кабинке, я перетрогала все стульчаки в туалетах: на них же сохранились бактерии битлов! Затем присоединилась к жирным неудачницам, и вместе мы бог знает сколько прождали в кабинке; стояли там и задыхались от волнения, потеряв счет времени».

Через некоторое время крики унялись. Девочки нерешительно вышли из кабинки, озираясь в поисках битлов, но тех нигде не было видно. «На стадионе было темно и пусто, а в тишине слышался только голос моей матери: «Вуби, вуби, где ты?»».

Газеты всех мастей привлекали психиатров для объяснения этого любопытного феномена. В Великобритании доктор Дэвид Холбрук сообщил читателям журнала «Нью стейтсмен», что ««Битлз» — это мастурбационная фантазия вроде той, которую, вероятно, представляют себе онанирующие девушки.

Привлекательные, улыбчивые лица молодых людей, музыка, похожая на гул крови в ушах, ритм, крики, выкликаемые имена, оргазм». «Штатный психолог» популярной газеты «Ньюс оф зэ уорлд» заявил, что «девушки подсознательно готовятся к деторождению. Издавая безумные крики, они репетируют этот момент». Холбрук считал, что мания швырять в битлов желейным драже тоже имеет символическое значение.

Виктор Спинетти, проезжая вместе с битлами через Пиккадилли-серкус на премьеру фильма «Help!», был ошеломлен бурей криков. Лимузин «Битлз» еле двигался сквозь толпы поклонников. Джон сказал: «Выпихивайте Пола первым! Он у нас красавчик!» Но первой открылась дверь со стороны Джорджа. В салон просунулась девушка и остервенело дернула его за волосы. Спинетти сравнивал это со сценой из «Вакханок»[348]: «Две тысячи лет назад Еврипид уже рассказал все о поклонницах «Битлз». Правда, его герой лишился не только волос, но и рук с ногами».

В Панама-Сити проповедник-фундаменталист углядел в происходящем происки дьявола. «Что можно сказать о «Битлз» в свете учения Библии?» — обратился он к пастве. Он предположил, что «трущобы Ливерпуля» исторгли этих «апокалиптических прихвостней Сатаны». Даже больше, в их музыке «действовали демонические злые силы», как было сказано в первом послании Павла к Тимофею: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским». Он сообщил, что его родная дочь подпала под чары Сатаны: «Я пять месяцев смотрел, как моя дочь, истинная христианка, танцует и беснуется под музыку «Битлз» и рок-н-ролльные песни». Ее безумие закончилось, лишь когда «Господь гласом тихим осудил ее».

Даже самые искушенные невольно поддавались всеобщей истерии. В феврале 1964-го Джордж Мартин с супругой Джуди сидели на первом американском концерте «Битлз» в Вашингтоне. В соседнем кресле безостановочно подскакивала молоденькая девушка.

— Правда же они классные? — то и дело спрашивала она. — Правда же они клевые?

— Да, — сдержанно ответил Мартин. — Да, они классные.

— Вам они тоже нравятся, сэр?

— Да, пожалуй, — ответил он, полагая, что девушка наверняка удивлена присутствием тут зрителей в возрасте.

Но как только битлы заиграли «I Want to Hold Your Hand», Мартин, к своему удивлению, обнаружил, что «мы с Джуди вдруг вскочили и закричали вместе со всеми. Глупо, конечно, но точно так же вопят болельщики на футбольных матчах… нас с

необыкновенной легкостью захлестнул мощный поток бурного веселья и счастья».

60

На том же самом вашингтонском концерте тринадцатилетняя Джейми с пакетиком желейного драже стояла у самой сцены, чтобы осыпать битлов конфетами.

После концерта Джейми задержалась в зале, где какой-то добродушный полицейский вручил ей смятый листок, подобранный на сцене: на листке рукой Джона был написан порядок исполнения песен, от «Roll Over Beethoven» до «Long Tall Sally»[349].

Джейми рассеянно сунула листок в пакетик к оставшимся конфетам. Больше тридцати лет пакетик заплесневелого драже пролежал у нее в шкафу. В 1995-м, когда Джейми понадобились деньги на обучение дочери, она вспомнила про замызганный листок и выставила его на аукцион, где какой-то коллекционер приобрел листок за 5000 долларов; в наши дни эта цифра составила бы около 40000 долларов.

Цена реликвий «Битлз», даже самых незначительных, продолжает расти. В 2016-м неиспользованный билет на вашингтонский концерт принес владельцу 30000 долларов. Даже набор из четырех крохотных лоскутов постельного белья — прямоугольнички полсантиметра на полсантиметра, отрезанные от простыней, на которых битлы спали в детройтском отеле «Уиттиер» в ночь 6 сентября 1964 года, — ушел за 595 фунтов.

В 2019-м один-единственный кирпич, снабженный серебряной табличкой с надписью: «Настоящим подтверждаем, что это один из 5000 кирпичей, извлеченных «Роял лайф»[350] из кладки клуба «Кэверн» на Мэтью-стрит в Ливерпуле, в Англии» — ушел в Лос-Анджелесе за 896 фунтов. Лот номер 83 на том же аукционе был обозначен в каталоге как «заявка на оплату сверхурочных услуг Д. Т. Х. Хипсона, работавшего в доме «Санни Хайтс» в Уэйбридже у Ринго Старра в последнюю неделю апреля (до 30-го числа) 1967 года. На заявке, поданной к оплате 4 мая 1967 года, стоит подпись Старра: «Р. Старки». К ней прилагается отчет о расходе наличных из кассы «Битлз лимитед», датированный 4 мая 1967 года». Возможно, радость обладания подобным малозначащим лотом трудно поддается определению, но коллекционер с готовностью выложил за него 384 фунта. Прочие лоты включали страницу с перечислением школьных провинностей Джона, из-за которых его задержали после уроков с 28 октября 1954 года по 9 января 1955-го. «В списке провинностей значатся: «непрерывная болтовня», «разговоры на уроках», «шумел» и «снова ел на уроке»» (3125 фунтов),

квартальный телефонный счет от июня 1967 года на 12 фунтов 91 пенс, адресованный миссис М. Э. Смит и подписанный «синими чернилами» Джоном (1024 фунта), и корешок от билета в телестудию, где записывали передачу «Жюри музыкального автомата» 7 сентября 1963 года, в которой участвовали «Битлз» (437 фунтов).

Все вышеперечисленные лоты ушли за более или менее доступную цену. А вот перечерканный черновик письма Джона королеве с отказом от ордена Британской империи куплен за 19200 фунтов; бейсбольный мяч, подписанный всеми четырьмя битлами перед их последним американским концертом, продан за 56250 фунтов; новозеландский альбом с автографами, содержащий подписи всех битлов, а также Брайана Эпстайна, Джейн Эшер, Патти Бойд и Хелен Шапиро, — за 10240 фунтов; а скромное объявление 1964 года (17×22 дюйма) о том, что зал ожидания «Бленхейм» в ливерпульском аэропорту «будет закрыт в интересах общественной безопасности» на время пресс-конференции «Битлз», подписанное группой, ушло с молотка за 31 250 фунтов.

За прошедшие годы связанные с «Битлз» сувениры покрупнее собрали куда больше денег: в 2005 году работники музея мадам Тюссо обнаружили восковые головы Джона, Джорджа и Ринго, изображенные на обложке альбома «Sgt. Pepper» и почти двадцать лет считавшиеся утерянными, — муляжи продали на аукционе за 81500 фунтов. В 2018-м выставленный на аукционе «Сотбис» «документ о расторжении договора с «Эппл кор», подписанный всеми битлами» был куплен за 118750 фунтов. Экземпляр скандального «мясницкого» конверта альбома «Yesterday and Today», на котором битлы, в окровавленных халатах, держат расчлененных кукол, принадлежавший Джону и подписанный Джоном, Полом и Ринго, ушел за 179200 фунтов. Однако все это крохи по сравнению с 790000 долларов, отданными в 2015 году за экземпляр «Белого альбома» с номером 0000001 («очень чистый и почти новый, с незначительными потертостями»)[351].

Наверное, самые ценные из реликвий — это музыкальные инструменты, ассоциируемые с битлами: на том же самом аукционе в 2015-м мембрану с барабанной установки, за которой Ринго играл на «Шоу Эда Салливана», продали за 2 миллиона 100 тысяч долларов, тогда как за гитару Джона выручили 2 миллиона 400 тысяч. В 1997-м на аукционе «Бонэмс» гитару, которую заказал, но так и не использовал Пол, продали участнику торгов из Токио за 126000 долларов.

Снимок группы с автографами всех битлов сейчас ушел бы за 29500 фунтов. Для сравнения: цветная фотография всех трех

членов экипажа «Аполлона-11», Нила Армстронга, Базза Олдрина и Майкла Коллинза, продалась бы всего за 10000 долларов — примерно за ту же цену, что фотография с автографом Джона Леннона.

Подписанное фото Нила Армстронга, первого человека на Луне, оценивается в 3000 долларов; подписанные фото Уинстона Черчилля и Джона Кеннеди сейчас продают по 1750 и 3000 фунтов соответственно. Подписанное фото президента Трампа — примерно за 1000 долларов. Автограф Пола Маккартни стоит 2950 фунтов, что делает его самым дорогим на сегодняшний день автографом живого человека[352].

Стоит кому-нибудь умереть, и его автограф прибавляет в цене, так как смерть ограничивает запас реликвий. Такова мрачная сторона поклонения: автограф, ассоциируемый со смертью кумира, ценнее прочих. В 2011 году конверт альбома «Double Fantasy», подписанный Джоном Ленноном для своего убийцы, Марка Чепмена[353], ушел с аукциона за 532000 долларов.

61

«Новые факты о Великолепной четверке» (Из журнала «Фэбьюлос»[354], 1965 г.)

1. Джон летал в Гонконг в пижаме.

2. Джон — кошатник.

3. Бóльшую часть детства Ринго провел в чеширской больнице.

4. Джон завидовал кузену Стэнли, потому что у того был конструктор «Меккано»[355].

5. Брайан Эпстайн долго сомневался, брать ли Ринго Старра на место Пита Беста.

6. Джордж боится летать.

7. Джордж купил лук и стрелы.

8. Патти Бойд не нравились «Битлз», пока она не повстречалась с ними на съемочной площадке «A Hard Day's Night».

9. Отец Джона работал певцом на довоенных трансатлантических лайнерах.

10. Отчим Ринго, Гарри Грейвз, поет песни «Битлз» на семейных вечеринках.

11. Битлы не ходят к парикмахеру.

12. Пол моет голову каждый день.

13. «Битлз» отказались участвовать в программе «Королевское варьете» 1964 года.

14. Ринго не умеет плавать. Разве что недалеко и по-собачьи.

15. В 1962 году Брайан Эпстайн стал менеджером битлов и заставил их коротко подстричься.

16. Их никогда не фотографируют с зачесанными назад волосами.

17. На официальном завтраке в Лондоне с шампанским и икрой Пол ел кукурузные хлопья и яичницу с беконом. Завтрак давал музыкальный издатель Дик Джеймс[356].

18. «Битлз» не хотели лететь в Австралию без Ринго, когда тот заболел, но Брайан Эпстайн заставил их передумать.

19. У Пола есть «мини», а еще «астон-мартин-DB4».

20. Персональная рождественская открытка Джорджа — его фотография, на которой он щерится на фотографа.

21. До концерта в шотландском городе Данди Джон толком не видел зрителей в зале. Потом он стал носить контактные линзы.

22. Одна американская фирма написала битлам с предложением продавать воду из их ванн по доллару за флакон.

23. Предложение они отклонили.

24. Их дорожный менеджер Мэл Эванс когда-то работал вышибалой в ливерпульском клубе «Кэверн».

25. На прошлое Рождество их второй дорожный менеджер, Нил Эспинолл, получил в подарок от группы «ягуар».

26. Пол на завтрак пьет кофе. Остальные пьют чай, даже в Америке.

27. Ринго заказал новую одежду у модельера Кэролайн Чарльз[357].

28. Джейн Эшер подарила Полу электропроигрыватель для «астон-мартина».

29. Брайан Эпстайн говорит: «Америка открыла Ринго».

30. Пол считает себя не очень хорошим гитаристом.

31. Битлы не пьют скотч с колой. Если они иногда и употребляют спиртные напитки, то разбавляют их лимонадом.

32. Джон сказал американскому журналисту, что американская мода на пять лет отстает от британской.

33. Битлам никогда не нравилось желейное драже. Они сказали так в шутку.

34. В багажнике своего «остина-принцесс» они возят ящик газировки.

35. Их новый шофер Альф Бикнелл раньше возил Дэвида Нивена и Кэри Гранта[358].

36. Берт Ланкастер прислал Ринго пистолеты. Эти двое подружились в Голливуде.

37. Берт предоставил битлам свой дом для просмотра «Выстрела в темноте»[359].

38. Эдвард Робинсон[360] и его внучка дважды становились в очередь за рукопожатием «Битлз» на их вечеринке в Голливуде.

39. Так же поступили супруга певца Дина Мартина и пятеро их детей.

40. Брюки у битлов без карманов, а в пиджаках только два боковых. Дизайн придумал Пол.

41. Денег с собой битлы не носят, разве что пару банкнот.

42. Для своей тещи Джон купил дом в Суррее, рядом со своим. 43. Битлы не носят маек.

44. Пол хочет приобрести ферму.

62
Рассказ Мэри Вуд

Когда «Битлз» прославились, мне было лет одиннадцать. Мы жили в Ларне, в Северной Ирландии. Тогда был один музыкальный журнал большого формата, вдвое больше А4, и в нем были снимки битлов, каждый во всю страницу. Мне не очень нравились фото Джона, Ринго и Джорджа, но я все равно их пришпилила на стену рядом с фотографией Пола, потому что иначе было бы несправедливо. Когда я ложилась в постель, лицо Пола было совсем рядом с моим. Я его обожала, но потом вырезала по контуру и клейкой лентой прикрепила к голове плюшевого мишки, чтобы спать с ним в обнимку. Правда, оно быстро рассыпалось в труху.

«Битлз» изменили представления о том, какие парни нравятся девушкам. Просто потому, что у битлов были длинные волосы. Тогда мужчины ходили с короткими стрижками, а вдобавок у них была перхоть. Но длинноволосый и более мягкий стиль был приятней глазу. По-моему, в битлах было что-то девичье.

В этом все и дело. Недавно мне сказали, что в развитии девочек-подростков есть такой латентный период, когда они мечтают о мужчинах, но еще не хотят секса с ними. Поэтому участники многих бой-бэндов выглядят неженками. Это период «подростковых мечтаний», когда грезишь о любви, идеализируя объект воздыханий, но не хочешь, чтобы реальность разрушила твои грезы, поэтому и не идешь на свидание.

Мой папа был врачом, семейным доктором. В мечтах я воображала, что Полу понадобится какая-нибудь медицинская помощь и он зайдет к нам, чтобы папа его осмотрел. Папа тогда прописал бы ему постельный режим на пару дней, а так как в гостиницу Полу было бы нельзя — его бы там узнали, — он задержался бы у нас, в импровизированной больничной палате на одного. Я помогала бы его выхаживать, и помолвка стала бы вопросом времени.

Да вот беда — Пол редко приезжал в Северную Ирландию. Но в ноябре 1964-го он приехал-таки, и тетя Шейла купила билеты нам с сестрой и кузинам; мы отправились в концертный зал «Кингс-холл» в Белфасте. Четверо битлов вышли на сцену с инструментами, но их музыка потонула в шуме массовой истерии, что царила в зале. Все вопили и стонали. Я делала вид, что кричу, чтобы не выделяться. Вы пробовали кричать? Это не

так уж и просто, получается выдать всего два залпа по десять секунд. Толку никакого, да еще голос срываешь. Вот сами попробуйте. Мы все равно ни слова не слышали, и я не знаю, пели на самом деле «Битлз» или только делали вид.

Кое-что в Поле, однако, вызвало у меня отвращение: он сильно потел и утирался одеждой. Впрочем, я искренне, подсознательно верила, что выйду за него замуж. Чувствовала это всеми фибрами души, поэтому толком не готовилась к выпускным экзаменам в школе. Думала, мне все равно будет не до университета или карьеры, я постоянно буду в разъездах вместе с Полом. То, что я собиралась замуж за Пола, сильно отразилось на моем поведении, но я никому ничего не говорила, потому что это было вроде как таинство веры, наш с Богом секрет.

В день, когда мне исполнилось восемнадцать, я села на самолет до Лондона. Школу окончила и сдала экзамены. Оценки получила паршивые. Я знала, что Пол живет в Сент-Джонс-Вуд, и направилась к ближайшей станции метро. Думала, придется самой все выяснять, но нет, человек за стойкой на станции назвал точный адрес, и я, вооружившись картой Лондона, направилась к дому Пола.

Я воображала, как встану у дома, как он рано или поздно выйдет и, увидев меня, пригласит войти, как потом влюбится в меня, и мы через несколько дней обручимся, и тогда мои родители сразу увидят, что я сама знаю, как мне строить жизнь. Это поставит их на место.

К моему удивлению, у дома толпились двадцать или тридцать девчонок. Как ни странно, нас объединяло какое-то чувство товарищества, хотя мы вроде бы состязались за один и тот же приз. Не знаю. Возможно, это и впрямь были «подростковые мечтания», мы вовсе не хотели создавать с Полом семью, нам просто нравилось это воображать.

Другие девчонки сказали, что Пола нет дома. Почему же тогда они торчали у ворот, рыдали, стонали, просовывали письма за ограду? Кажется, там была ограда.

Вскоре после этого Пол женился на Линде. Я восприняла это как предательство, чувствовала себя как тот, кто отучился в Королевском сельскохозяйственном университете Сайренсестера[361], чтобы управлять своим имением, но имение продали, и выпускник остался не у дел, без места в жизни, без возможности применить свои навыки. Вот так Линда коварно лишила меня моей судьбы.

63

Среди тех, кто явился на премьеру фильма «A Hard Day's Night» 6 июля 1964 года, были «Роллинг стоунз», а также ее королевское высочество принцесса Маргарет и лорд Сноудон.

На подступах к кинотеатру «Лондон павильон» две сотни полицейских сдерживали 12000 поклонников, скандирующих: ««Битлз»! «Битлз»! «Битлз»!»

Группа пока еще не привыкла к такому приему, и, когда лимузин битлов подъезжал к Лестер-сквер, Джон посмотрел в окно и невинно спросил у Брайана Эпстайна: «Там финал Кубка, что ли?»

Прибытие «Битлз» толпа встретила — по словам одного из очевидцев — «гортанным ревом», вслед за которым хор голосов затянул «С днем рожденья тебя».

Ринго, старшему из битлов, на следующий день исполнялось двадцать четыре года. Как только битлы вошли в кинотеатр, директор и сотрудники заведения разостлали у входа чистую красную ковровую дорожку — как раз к приезду королевской четы. В день своей свадьбы, в мае 1960-го, принцесса Маргарет и лорд Сноудон были самой обожаемой парой в Великобритании, если не во всем мире. А в тот же день в Ливерпуле *The Silver Beetles* провалили прослушивание и не попали на разогрев к Билли Фьюри в его северном турне.

Однако спустя четыре года толпа ясно дала понять, кого теперь обожают больше всех. После ажиотажа, вызванного прибытием битлов, приезд королевской четы показался ужасно обыденным, приветственные возгласы в адрес принцессы и ее супруга звучали жалко по сравнению с восторженным приемом группы.

Принцесса Маргарет и лорд Сноудон вошли в зал под фанфары, а оркестр лондонской полиции торжественно исполнил «Боже, храни королеву». Зрители в зале вытянулись по стойке смирно, как и сами битлы. А вот Мик Джаггер и остальные «стоунзы», сидевшие позади битлов, даже не пошевелились. Алистер Тейлор, личный помощник Брайана Эпстайна, пришел в ужас. «Разумеется, Джона считают бунтарем, но на самом деле он им не был. Он первым вскочил на ноги, едва зазвучал государственный гимн, за ним встали и остальные парни. Встали все присутствующие, кроме «Роллинг стоунз». Эти сидели вразвалочку, с вызовом. Джону это не понравилось». Спустя сорок лет Тейлор по-прежнему не может сдержать возмущения: «По-моему, они хотели выказать свое пренебрежение, но тем вечером

они были гостями «Битлз», и, как мне кажется, им следовало вести себя приличнее».

После фильма битлов представили принцессе Маргарет. Синтия Леннон подбирала свой наряд с особым старанием: в универмаге «Фенуикс» купила длинное платье черного и бежевого шелка без рукавов и черный шифоновый жакет от Мэри Куант[362], отороченный черными перьями. По настоянию Джона волосы она заколола наверх, как Брижит Бардо. Сам Джон, как и остальные битлы, надел фрак и черный галстук-бабочку. В своей первой книге, написанной тремя месяцами ранее, «Пишу как пишется»[363], Леннон, любитель каламбуров, назвал аристократическую чету «Привеса Маргарина и Бонем Артрит», однако в их присутствии как будто присмирел. «Увидев особ королевской крови во плоти, Джон испытал не меньшее благоговение, чем все мы, — вспоминала Синтия. — Он гордился тем, что принцесса пришла посмотреть его фильм, и все его антиправительственные взгляды как ветром сдуло. Он даже раскраснелся от удовольствия, когда она к нему обратилась.

— Как вы справляетесь со всем этим преклонением? — спросила принцесса». Синтию разочаровал такой банальный вопрос; беседа оказалась «куцей и поверхностной». Джон представил супругу принцессе: «Мадам, это моя жена Синтия» — однако та удостоила ее лишь беглого взгляда: «Очень приятно».

Принцесса с мужем удостоили своим присутствием и прием в отеле «Дорчестер», но на ужин не остались, поскольку должны были ехать на другую встречу. Брайана Джонса и Кита Ричардса никто не приглашал, однако они, с вызывающей небрежностью одетые в водолазки, каким-то образом затесались среди гостей. «Ха, самая крутая тусовка на свете!» — съязвил Джонс. Накануне вечером они выступали в телепередаче «Жюри музыкального автомата», и утренние газеты объявили их «грубыми», «обезьяноподобными», «невоспитанными» и «непривлекательными».

Вечеринка натужно сочетала старое и новое, молодость и старость. Заштатный эстрадный оркестр с трудом исполнял хиты из первой десятки чарта.

К Джону обратилась какая-то старуха в бальном платье.

— Вы просто очаровательны, — сказала она.

— Не могу сказать о вас того же, милочка, — ответил Джон.

Тем временем принцесса Маргарет и лорд Сноудон явно вошли во вкус и задержались дольше, чем планировали. Это, в свою очередь, означало, что и ужин тоже задерживается. Незнакомый с протоколом, Джордж Харрисон подошел к продюсеру фильма Уолтеру Шенсону и спросил: «А кормить когда

будут?» Шенсон ответил, что ужин не подадут, пока не уедет королевская чета. Джордж подошел к принцессе и запросто сказал:

— Мадам, мы тут помираем с голоду, а Уолтер говорит, что, пока вы не уйдете, нам не дадут поесть.

— Идем, Тони, мы тут некстати, — ответила принцесса, принимая распоряжение от младшего из битлов.

Это можно рассматривать как поворотный момент в светской жизни Великобритании — принцессе пришлось удалиться по приказу битла. Первый — но не последний раз — особа королевской крови уступила знаменитости. Прием близился к концу, и все заметно расслабились. Расфуфыренные и увешанные драгоценностями охотники за автографами обступили Брайана Джонса и Кита Ричардса; Джонс увлеченно подписывал все подряд. Тут оркестр заиграл государственный гимн. Верный себе, Джонс не обратил на это внимания и продолжал раздавать автографы. «Прекратите!» — зашипела на него какая-то старуха в бриллиантовом колье. Джонс схватил с ближайшего стола женский шарфик, обернул его вокруг шеи, и в торжественном ритме гимна станцевал канкан.

Когда оркестр дошел до финального рефрена, Джон, чьи антиправительственные настроения к тому времени основательно подогрело шампанское, визгливо затянул: «Бо-о-оже, храни параллели!» Двигаясь на выход, он снова встретил пожилую леди, с которой ранее обошелся так резко. «Доброй ночи, миссис Х! Станцуем еще с вами, мэм, сказал Сомерсет Моэм!»[364] — каламбуря на ходу, заорал он. Ничего подобного в «Дорчестере» еще не видали; времена-то менялись[365].

64

После этого Джон, Пол и Ринго вместе с Брайаном и Китом отправились в клуб «Ad lib», находившийся по соседству, на Лестер-Плейс. Пол ушел сравнительно рано — ему на следующий день надо было петь в передаче «Вершина популярности»[366], — а Ринго, уже именинник, уехал в пятом часу утра, задержавшись, чтобы прочитать в утренних газетах рецензии на фильм: «Четыре утра, я, в зюзю пьяный, пытаюсь читать, а глаза в кучу не собираются». Жаль, ведь рецензии полнились хвалебными эпитетами в превосходной степени, а «Дейли мейл» даже сравнивала «Битлз» с братьями Маркс[367].

Джон явно собирался сидеть до последнего, осушая один бокал скотча с колой за другим. «Он сжимал стакан так крепко, будто хотел его раздавить, — говорил потом очевидец. — Взгляд был жесткий, суровый и невеселый. В разговоре Джон то и дело кривил губу, обнажая крепкие белые зубы».

Ночь шла своим чередом, а он все больше проникался любовью к «Роллинг стоунз».

— Обожаю вас. Сразу полюбил, как только услышал, — сказал он; однако даже по пьяни Джон не погружался в омут сентиментальности так глубоко, чтобы оттуда не выбраться. — Но есть и косяк: один из вас хуже остальных. Сообразите, кто это, и избавьтесь от него.

Разговор зашел о музыке: Джонс и Ричардс утверждали, что «Стоунз» играют настоящий ритм-энд-блюз, а вот «Битлз» выдают коммерческую попсу. Для Джона это была больная тема, и он поспешно ее сменил. Сперва он посмотрел на Джонса.

— У тебя хаер хорош, — сказал он и посмотрел на Ричардса. — И у тебя хаер хорош, — сказал он и вспомнил об отсутствующих. — А вот у Мика Джаггера… вы не хуже моего знаете, что у него хаер так себе. Так и продолжалось.

Джон сказал:

— Пройдет год, я деньжат подзаработаю и свалю.

— Пройдет год, — сказал Брайан, — а мы останемся.

Джон с философским видом затянулся сигаретой:

— Ага, останетесь, но *где* ?

Все считали «Битлз» и «Роллинг стоунз» соперниками. Впервые они познакомились год назад, в ричмондском пабе «Станционная гостиница» в Суррее[368]; в то время «Битлз» уже прославились и возглавляли сборные гастроли по стране, а «Стоунз» все еще выступали в пабах.

В самом начале мая 1963-го Джорджа Харрисона пригласили

в жюри конкурса талантов в Ливерпульской филармонии; в составе жюри был и Дик Роу[369], уже получивший прозвище «Человек, который отверг «Битлз»». Роу покаялся Джорджу, что до сих пор не простил себе своей ошибки. Джордж учтиво ответил, что, скорей всего, он правильно сделал, потому что на прослушивании они выступили паршиво.

Видя, что Роу разочарован талантами в филармонии, Джордж дал ему наводку: в Ричмонде по воскресеньям выступает одна классная группа. Недели не прошло, как Роу предложил им контракт. «Битлз», следившие за возможными соперниками, очень расстроились, узнав, что сделка «Стоунз» с «Деккой» куда выгоднее их соглашения с EMI. Вскоре они начали волноваться о том, что эти никому не известные парни из последних могут выбиться в первые. С тех пор в их дружбе возникла какая-то напряженность. Однажды Джон с Полом вышли из офиса Дика Джеймса[370] на Чаринг-Кросс-роуд, а из проезжавшего мимо такси их окликнули Мик и Кит. Битлы попросили их подвезти, и в машине Мик сказал: «Мы записываемся. Есть песни?» Джон и Пол с ходу назвали одну: «Как насчет песни Ринго? Будет вам сингл». Вот так, после случайной встречи, «Роллинг стоунз» обзавелись синглом «I Wanna Be Your Man», их первым, вошедшим в горячую двадцатку хитов.

В некотором смысле Джон сам подлил масла в огонь своих опасений: будто бы «Стоунз» аутентичнее «Битлз», будто они — это битлы, сбросившие оковы аккуратных костюмчиков. Там, где Джон пел «want to», Мик Джаггер выдавал «wanna», а там, где «Битлз» хватало всего лишь «держать тебя за руку», «Стоунз» оттягивались по полной. Грубоватая мрачная разнузданность «Стоунз» напоминала Джону, какими битлы были до того, как Брайан Эпстайн навел на них глянцевый лоск. В модных кругах стало принято считать «Битлз» мягкими, милыми и искусственными, а «Стоунз» — крутыми, быковатыми и настоящими.

Сравнение все больше злило Джона. «Джона бесила огласка, которую получали «Стоунз» за свою грубость и бесцеремонность, — вспоминал Билл Гарри, редактор «Мерси-бит». — Он знал, что «Стоунз» — из среднего класса, из графств на периферии Лондона, а вовсе не стиляги-тедди в кожанках. Пока битлы корячились в Гамбурге, «Стоунз» учились в престижных школах. Вот Джон и злился. Очень злился».

Фанаты вскоре осознали необходимость определиться: либо ты за «Битлз», либо за «Стоунз», будто группы были чем-то вроде футбольных команд или враждующих государств. Отдавая предпочтение «Стоунз», парни ощущали себя мужественнее, а

девушки — соблазнительнее. Те, кто громогласно выступал в поддержку битлов, лишь усугубили ситуацию. «Этот сброд — совсем не те, за кого себя выдают, — писала о «Стоунз» Морин Клив из «Ивнинг стандард» в марте 1964-го. — Они сотворили нечто ужасное с нашей музыкальной индустрией, отбросили ее назад лет на восемь». Местами ее критические замечания и вовсе походили на комплименты: «Только наши поп-исполнители приоделись, причесались и, самое главное, повеселели, как пришли «Роллинг стоунз», этакие битники, и разрушили образ поп-музыкантов 60-х».

Спустя пару дней еженедельник «Мелоди мейкер» напрямую спросил читателей: «ВЫ БЫ ОТПУСТИЛИ СВОЮ СЕСТРУ НА СВИДАНИЕ С ОДНИМ ИЗ «РОЛЛИНГ СТОУНЗ»?» — на что Морин Клив неделей позднее ответила: «А вы бы отдали за кого-нибудь из них свою дочь? Родителям не нравятся «Роллинг стоунз». Они не хотят, чтобы их сыновья походили на них. Не хотят отдавать за них дочерей».

Далее она приписывает «Битлз» те же самые нравственные качества, которые Джон усиленно отрицал: ««Роллинг стоунз» отчаянно нуждаются в таких достоинствах среднего класса, как опрятность, послушание и пунктуальность. С подобными людьми империи не построишь. Они садятся за стол, не вымыв рук».

Противостояние продолжается по сей день. Семидесяти-и восьмидесятилетние гордо заявляют: «А мне всегда нравились «Роллинг стоунз»» — словно это доказывает их нерушимую принципиальность.

Джон еще много лет будет зацикливаться на «Роллинг стоунз», и не в последнюю очередь потому, что таким, как он, свойственно предпочитать группы вроде них. В то же время он презирал «Стоунз» как подражателей, воровавших идеи у «Битлз».

Битлы выпустили «Yesterday», и «Стоунз» тут же записали «As Tears Go By»[371]. Узнав от Глина Джонса, инженера звукозаписи, работавшего и с битлами, и со стоунзами, что одна из новых песен «Битлз» называется «Let it Be», «Стоунз» назвали свой новый альбом «Let it Bleed»[372], и так далее. Даже перед самым распадом «Битлз» Джон продолжал обвинять их в плагиате: «Вот я вам перечислю все, что мы делали первыми, а два месяца они за нами это повторяли. И так каждый альбом, чтоб его, да вообще все, что мы делали… Мик в точности прет все у нас. Он нам подражает. Вот взять «Satanic Majesties»[373] — это же «Pepper»! «We Love You» — ну что за херня! Это же «All You Need is Love»».

© *Victor Blackman/Express/Getty Images*

Две самые известные группы Великобритании, будто елизаветинские вельможи, искусно соперничали между собой, хотя трения несколько сглаживались пиететом выскочек перед звездами. С точки зрения Джорджа Харрисона, «Мик Джаггер постоянно отирался где-то поблизости, вынюхивая, что происходит. Хотел знать все, чем мы занимаемся».

Джаггер жил на Мэрилебон-роуд, откуда через Риджентс-парк было рукой подать до дома Пола Маккартни в Сент-Джонс-Вуд. Время от времени они встречались, но именно Джаггер ходил в гости к Маккартни, никак не наоборот. «Не помню, чтобы он к нам заглядывал, — говорит о Поле тогдашняя подружка Джаггера, Марианна Фейтфулл. — Это Мик таскался к нему, ведь это же Пол Маккартни, это к нему ходить надо. Пол у нас не бывал. Мне всегда было любопытно, каким видит его Мик, что о нем думает. Забавно было наблюдать за этим соперничеством. Причем Пол ничего не делал. Он вроде бы и не замечал того, что Мик с ним соперничает. Интересно, в общем. Словно игру по телевизору смотришь».

В некоторых отношениях эти две группы были зеркальным отражением друг друга: Пол и Мик — два смекалистых фронтмена, с прицелом на главный приз; Ринго и Чарли — самые старшие, невозмутимые чуваки на барабанах; Джон и Кит — изгои, крутые парни, таких не обманешь; а Брайан и Джордж — не от мира сего, таят обиду на то, что их не считают крутыми.

За фасадом вечного раздражения Джон прятал страх перед

жизнью. Ники Хэслем, который хорошо его знал, называл его «неженкой». Уловив эту уязвимость, Кит Ричардс постоянно подзуживал Джона. Как и многие другие задиры, Джон боялся сам стать жертвой травли. Старался первым нанести удар, но Ричардс, в отличие от него, был непробиваем. Как-то раз Джон заметил Киту, что его гитарное соло в середине «It's All Over Now»[374] просто «дерьмо». Кит остался невозмутим: «Может, он в тот день не с той ноги встал. Так-то оно так, соло и правда можно сбацать лучше. Вот только я обезоружил его: «Да, не лучшее мое соло, Джон. Прости, прости, старик, что звук говно. Забирай — сыграешь, как тебе надо».

Еще в самом начале Ричардс любил высказывать Джону, что тот держит гитару слишком высоко: «Нафига ты гитару под самый хавальник задрал? Это ж не скрипка!»; «Смени ремень, Джон. Чем длинней ремень, тем лучше играется»; «Неудивительно, что у тебя нет свинга. Только рок и никакого ролла». Время шло, и Кит не без удовольствия отмечал, как медленно, но верно гитара Джона сползает все ниже.

65

В последний раз мы встречались с Памелой Миллер[375] в 1964 году, на концерте «Битлз» в «Голливуд-боул». У себя в дневнике она задавалась вопросом, не судьба ли привела Пола в Америку, ведь она «тоже тут». Однако не прошло и года, как она познакомилась с парнем по имени Боб, который пристрастил ее к «Роллинг стоунз».

Когда Памела рассказала о новой любви Кэти и Стиви, своим старым подружкам по «Битлз», те отреагировали плохо:

09.05.1965

Дорогая Пэм, наверное, ты не догадываешься, почему мы с Линдой и Стиви повели себя так вчера после школы. Все дело в том, что ты — фальшивка. Смотри, ты так растеряешь всех подруг. Как ты вообще могла предпочесть Мика Полу?.. Косишь под странную, Пэм, но ты не такая. Ты просто неудачница. Такое поведение никому не нравится… Ты же так любила битлов, а теперь фанатеешь от «Роллинг стоунз». Не понимаю, как ты могла переметнуться. Разве что… ты всегда притворялась. «Стоунз» грязные и расхлябанные, просто отвратительные. Вспоминаю, как прежде ты подписывалась «Пол и Пэм», и уже не верится, что ты — та самая девушка. Я не ненавижу тебя, но, если честно, ты мне не больно-то нравишься.

Кэти и Стиви.

66

Чем большего успеха битлы достигали, тем чаще становились мишенью для авантюристов и шарлатанов.

Джеффри Арчер[376], который был на полгода старше Джона Леннона, приехал в Оксфорд в октябре 1963-го, записавшись на годичный курс повышения квалификации ради диплома департамента дополнительного образования Оксфордского университета. Впоследствии он с гордостью именовал себя выпускником Оксфордского университета, хотя на курс его зачислили всего лишь по результатам трех экзаменов по программе неполного среднего образования, к которым прилагалась еще и грамота, якобы выданная Международной федерацией физической культуры, точнее, клубом бодибилдинга на Ченсери-лейн.

Тогда же он занялся самопродвижением и сделал на этом карьеру длиной в жизнь. Прибыв в редакцию оксфордского студенческого еженедельника «Черуэлл», он объявил, что с их помощью соберет полмиллиона фунтов для «Оксфама»[377]. «Я дам вам возможность опубликовать потрясающий материал. Но мне потребуется помощь».

Редактор «Черуэлла» устроил Арчеру встречу с корреспондентом «Дейли мейл», освещавшим проблемы высшего образования. В баре Дискуссионного общества Оксфордского университета Арчер обрисовал свой план и спросил, поддержит ли его «Дейли мейл».

— Сомневаюсь, — ответил журналист.

— А если я привлеку «Битлз»? — добавил Арчер.

Если верить Арчеру, он отправил телеграмму Брайану Эпстайну «с просьбой об интервью, подписанную от имени восьми тысяч студентов Оксфорда, с одобрения ректора и проректоров».

Эпстайн опасался: не хотел, чтобы битлы принимали участие в подобного рода благотворительности, иначе потом от других просителей не отбрыкаешься. Тем временем «Черуэлл», не дожидаясь его ответа, опубликовал передовицу с заголовком: «Битлы соберут миллион фунтов», что, разумеется, было подхвачено всеми газетами страны. На одном из концертов Арчер пробрался за кулисы и убедил битлов позировать для снимка, на котором они вкладывают банкноты в жестянки для сбора пожертвований и держат плакат с надписью: «ТРЕБУЕТСЯ 1000000 фунтов».

Увидев фото, Эпстайн рассвирепел. «Он был вне себя от злости, — вспоминала Пэт Дэвидсон, пресс-атташе «Оксфам». —

Ни с кем из «Оксфам» говорить не хотел. Бушевал».

© PA/PA Images via Getty Images

Тогда Арчер объяснил Эпстайну, что выход битлов из проекта скверно скажется на их репутации. В то же время он пообещал устроить «Битлз» достойный обед и встречу с почетным ректором университета, бывшим премьер-министром Гарольдом Макмилланом. Перспектива впечатляла, однако Эпстайн согласился неохотно. «Неясно, впрочем, договорился ли Арчер с Макмилланом, когда обещал встречу Эпстайну, — осторожно пишет биограф Арчера, Майкл Крик. — Однако он определенно был уверен, что у него все получится».

Сила пиара или мифа — или же и того и другого — такова, что многие до сих пор верят, будто благодаря содействию Джеффри Арчера «Битлз» однажды обедали с Гарольдом Макмилланом. Но встречи не было. Арчер утверждал, что застолбил обед на конец февраля 1964 года, а когда позвонил битлам, чтобы получить подтверждение, то узнал, что те улетели во Флориду, на встречу с Кассиусом Клеем. Пришлось Макмиллану обедать с одним только Джеффри Арчером, мрачно жалуясь, что без «Битлз» мероприятие прошло как ««Гамлет» без призрака». Или же, если точнее, как призрак без Гамлета.

Когда битлы вернулись, Арчер хотел устроить им еще одну

встречу, чтобы они сфотографировались в Оксфордском университете рядом с подписанной ими афишей. На этот раз отказался уже Гарольд Макмиллан, однако же 5 марта 1964-го Джон, Пол, Джордж и Ринго отужинали в Брасенос-колледже. Декан вспоминал, что Джон «почти все время спал», Ринго «отвечал односложно», зато Джордж и Пол фонтанировали энергией. Декан вообще решил, что Пол «так умен и сообразителен, что вполне мог быть выпускником Оксфорда». Когда подали копченого лосося, Джордж скривился и спросил официанта: «А есть бутеры с джемом?» — на что официант ответил: «Меняю бутер с джемом на автограф». На том и порешили.

После ужина Шеридан Морли, студент Мёртон-колледжа[378] неожиданно столкнулся с Ринго Старром у писсуара в туалете Брасенос-колледжа: «Он спросил меня, знаком ли я с Джеффри Арчером. Я ответил, что в Оксфорде всем любопытно, кто такой этот Джеффри Арчер. Тогда Ринго сказал: «Он вроде приятный малый, но при случае закатает твои ссаки в бутылку и продаст»».

67

Близился конец 1963-го, и, как объявила газета «Ивнинг стандард», «1963-й стал годом «Битлз». Приглядитесь к сердцу нации, на нем вытравлено: «Битлз»». Вот уже и политики всех партий не стеснялись упоминать «Битлз», доказывая, что идут в ногу со временем и сами не промах. В феврале 1964-го, когда «Битлз» отправились завоевывать Америку, премьер-министр сэр Алек Дуглас-Хьюм, глава Консервативной партии Великобритании, в своем обращении к ежегодной конференции Молодых консерваторов назвал «Битлз» «нашим лучшим экспортным товаром». Он похвалил их «весомый вклад в бюджет», добавив, что «если между нами и какой-то страной нарушен торговый баланс, то, смею обещать, «Битлз» скоро будут… В Штатах же, по моему разумению, они добились успеха потому, что они — группа очень простых и приятных молодых людей».

Вскоре политики наперебой расхваливали «Битлз», награждая их эпитетами в превосходной степени. По мере того как близились всеобщие выборы, кандидатам в парламент от Консервативной партии советовали как можно чаще упоминать в своих речах «Битлз». Казалось, их имя — это заклинание, способное превращать стариков в молодых, а косных — в продвинутых.

Лидер Лейбористской партии Гарольд Вильсон не собирался допускать, чтобы консерваторы его перещеголяли. Рьяный поборник всего современного, надклассового и энергичного, а к тому же член парламента от графства Мерсисайд с его крупнейшим городом Ливерпуль, Вильсон безжалостно высмеивал попытки старого аристократа Дугласа-Хьюма подмазаться к молодежи и поднимал на смех «провозвестников минувшей эпохи, притворяющихся современными и называющих «Битлз» тайным оружием консерваторов». Вильсон утверждал, что правительство консерваторов «не задумываясь назначит Пола с Джорджем и Ринго с Джоном на пост посла Великобритании в США, лишь бы заработать голоса».

© *Kent Gavin/Keystone/Getty Images*

Зная, что битлы получают премию Клуба Варьете[379] «Деятели шоу-бизнеса — 1963», Вильсон позвонил сэру Джозефу Локвуду, президенту EMI, и заявил, что, «будучи соотечественником «Битлз»», идеально подходит для того, чтобы эту награду им вручить.

Так и случилось, что 19 марта 1964 года на многолюдном званом обеде в отеле «Дорчестер» лидер оппозиционной партии произнес речь, восхваляющую «Битлз»:

Характер этого события не политический, и о политике вы от меня не услышите ни слова. Разве что я поддамся искушению. Вчера я заявил то же самое, и искушение было сильным. На днях лидер кое-какой партии — его имя из меня не вытащить и клещами — все же попытался вовлечь наших друзей «Битлз» в политику. Вероятно, у него на то имелись свои резоны, но мне, как парламентскому представителю от графства Мерсисайд, остается только с горечью вопрошать: неужто не осталось ничего святого? Дабы и впрямь не удариться в политику, я лишь повторю сказанное музыкальным корреспондентом «Таймс», который назвал музыку «Битлз» самобытной по натуре и блестящим образцом творческой изобретательности. Уверен, корреспондент «Таймс» говорил за всех нас, написав о наших друзьях «Битлз», что их музыка, «с ее гирляндами пандиатонических аккордов»[380], — гармонически одна из самых интригующих. *(смех в зале.)*

Вильсон по-хозяйски засуетился, когда «Битлз» вышли на сцену получать награду.

Вильсон: По очереди! Это вам! А это — вам!

Джордж: Дамы и господа, мистер Баркер, мистер Добсон[381] *(смех в зале)* и представители прессы, я рад сказать, что это правда очень здорово, особенно то, что награду вручили по отдельности каждому, потому что нам всегда очень сложно распиливать один приз поровну, на четыре части.

Вильсон (спешит встрять и продемонстрировать, что он знает, кто из битлов кто) : А теперь Пол.

Пол: Спасибо большое за это серебряное сердце. Но я по-прежнему считаю, что одно надо было вручить старому доброму мистеру Вильсону.

Вильсон: Ринго…

Ринго: Кто с нами общается, знает, что я молчун, так что буду краток: большое спасибо.

Джон: Я бы хотел сказать то же, что и остальные: спасибо за эти пурпурные сердца[382].

Ринго: Серебряные! Серебряные!

Джон: Простите, Гарольд! От всей души спасибо всем, но, увы, нам пора, потому что режиссер требует нас к себе, чтобы простой не обошелся ему в целое состояние.

Спустя несколько недель Эдвард Хит, недавно возглавивший министерство торговли, пошутил: мол, «Битлз» приносят так много денег, что в одиночку «поддерживают всю экономику страны».

В октябре 1964-го Лейбористская партия Вильсона участвовала во всеобщих выборах под скромным «попсовым» девизом: «Пойдем с лейбористами»[383]. В день выборов «Битлз» снимались в выпуске телепрограммы «Новости северо-востока»[384]: они сидели за круглым столом в гостинице в Стоктоне-на-Тисе, покуривая и попивая чай из серебряного чайника. Они были, как всегда, жизнерадостны и остроумны, а единственное сколько-нибудь «политическое» замечание сделал Джордж, высказав неудовольствие требованиями налоговой инспекции.

Ведущий: Вы сами-то проголосовать успели?

Пол: Нет, мы пропустили выборы. Мы…

Джон: Мы в это время ужинали.

Джон и Пол: (Смеются.)

В.: Мне кажется, Пол метит в премьер-министры. Не передумали еще?

Пол: Нет, в политику не пойду. Это тяжкая доля. Суровые трудовые будни.

Ринго (комментируя) :…сказал он веселым голосом.

Пол (интервьюеру) : Сигаретку?

В.: Нет, я не курю. Спасибо.

Ринго: Знаете, а они [сигареты] ведь дорожают.

Джордж: Скоро нам придется завязать.

Пол: Придется нам бросать.

Ринго (дает Полу прикурить) : Да уж. К чему такая роскошь!

Джон: Гарольд, ИХ налогом не облагай.

Ринго: А то и так все скверно.

…

В.: В последние недели группы Гримонд[385], Дуглас-Хьюм и Вильсон потеснили вас со страниц газет. Вы не завидуете этим коллективам?

Джордж и Джон: Нет.

Пол: Нет. Мы продаем больше пластинок и сувениров, чем они.

Джордж: У них положение угрюмондовое!

«Битлз»: (Смеются.)

Ринго: Классно сказано.

Пол: Нет, знаешь, я вот им удачи желаю.

В.: К вам обращались какие-нибудь политические партии: мол, заявите, что вы за них голосовали?

Джон: Нет-нет.

Джордж: Нет, а то потом другие не станут покупать наши пластинки.

На выборах Гарольд Вильсон привел свою партию к победе, став самым молодым премьер-министром за последние 150 лет. Спустя несколько десятилетий другой премьер-министр, Гордон Браун, утверждал, что ««Битлз» помогли лейбористам победить в 1964-м». В конце 1960-х он, совсем еще юный студент факультета истории в Эдинбургском университете, спорил с преподавателями о том, что «в выборах 1964 и 1966 годов партия победила на волне энтузиазма к переменам, а «Битлз» служили лучшей иллюстрацией этого настроения. Если бы не их слава, Гарольду Вильсону пришлось бы попотеть, продвигая свою тему: создать деятельную, энергичную Великобританию, свободную от закоснелой элиты, живущей прошлым… Он выдвинул тезис о том, что Великобритания меняется, и лучшей иллюстрацией этому служили «Битлз», которые с 1962 года стали примером для меня и миллионов таких же подростков — незаурядных молодых северян, полных новых сил».

Президента США пришлось убеждать дольше. Когда в начале 1964-го «Битлз» приехали в Америку с первым турне, шестнадцатилетняя дочь Линдона Джонсона, Люси, умоляла его пригласить их в Белый дом.

«По всей стране полыхали очаги боли, — вспоминала она полвека спустя, — и мне в голову пришло, что я, как дочь американского президента, смогу осуществить мечту всякого подростка: принять битлов у себя дома. Я попросила отца пригласить их к нам. Его ответ меня ошеломил. Отец сказал, что нашей семье сейчас самое время усердно работать. Нам не до всяких там «yeah, yeah, yeah». Он не запрещал мне слушать «Битлз» или танцевать под их музыку, но дал понять, что в Белый дом они не приедут. Точка. Закончили. На этом тему закрыли».

Однако к лету того же года президент Джонсон передумал. Как и все остальные, он жаждал прикоснуться к сиянию их славы. Перед началом вторых американских гастролей «Битлз» пресс-служба Белого дома закинула удочки к Брайану Эпстайну: не согласятся ли они вместе с президентом Джонсоном возложить венок на могилу президента Кеннеди в Вашингтоне, с последующей фотосессией? Эпстайн от имени «Битлз» ответил вежливым, но твердым отказом.

68

Шли годы, и даже политики, питавшие к битлам скромнейший интерес, стали упоминать их в обязательном порядке, в знак того, что не отстают от жизни. Одиннадцатого октября 1969 года, празднуя десятую годовщину своего пребывания в парламенте, Маргарет Тэтчер на балу Ассоциации Консервативной партии в Финчли[386] отметила, что за последнее десятилетие общество сильно изменилось:

— В пятьдесят девятом году не было ни «Битлз», ни Дэвида Фроста[387], ни общества вседозволенности, ни хиппи.

Вряд ли ей было известно, что за неделю до этого в нескольких милях оттуда, на Эбби-роуд, Джон и Йоко записывали «Cold Turkey» и «Don't Worry Kyoko (Mummy's Only Looking for Her Hand in the Snow)»[388] для сингла группы *Plastic Ono Band*.

— Однако кое-что не изменилось, — продолжала Тэтчер. — Хорошее остается хорошим, а плохое — плохим… О хороших новостях следует говорить, а у нас в Финчли хороших новостей хватает.

Затем она похвалила Общество хризантем Финчли за выращенные «крупные и пышные цветы».

Восемнадцать лет спустя госпожа Тэтчер готовилась побороться за второй срок на посту премьер-министра. Ее помощники, надеясь заполучить голоса молодежного сегмента электората, организовали интервью с журналом «Смэш хитс»[389], аудитория которого составляла примерно 3,3 миллиона читателей; их средний возраст — около пятнадцати лет.

За неделю до интервью помощница госпожи Тэтчер, Кристин Уолл[390], подготовила для нее памятку с перечнем тем, которые может поднять интервьюер, Том Гибберт[391]. Список включал такие темы, как «какие популярные исполнители и кинозвезды нравились вам в молодости», «ваше отношение к сегодняшним звездам», «ваше мнение о наркотиках».

В разделе «Замечания, которые надо высказать» мисс Уолл советовала: «Стоит отметить, что в определенной степени подростковый бунт — это часть взросления» и «Молодежь всегда отвергает любое правительство, какая бы политическая партия не стояла у власти», добавив, что «интервью вам может не понравиться. Мистер Гибберт будет задавать поверхностные вопросы, поскольку не осознает истинной глубины проблем. В интервью необходимо продемонстрировать, что вы, пусть даже и не уделяя пристального внимания популярной музыке, поддерживаете прочные связи с молодежью и понимаете их

нужды…».

В утро интервью она вручила миссис Тэтчер следующую памятку:

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР,

ВАШЕ ИНТЕРВЬЮ СО «СМЭШ ХИТС»

Вы просили примеры современной и старой популярной музыки. Вот некоторые из них:

ПОСЛЕДНИЕ ХИТ-ПАРАДЫ:

Первое и второе место в сингл-чартах занимают две американские песни в стиле соул. Обе были хитами в 60-х и сейчас, 20 лет спустя, снова в моде. На первом месте

«STAND BY ME» БЕНА КИНГА, а на втором — «WHEN A MAN LOVES A WOMAN» ПЕРСИ СЛЕДЖА…[392] Список горячей десятки прилагается.

По-прежнему неплохо держится в чартах музыка из мюзикла «ПРИЗРАК ОПЕРЫ» Эндрю Ллойда Уэббера. Альбом с саундтреком занимает первое место в чартах долгоиграющих пластинок, а сингл «MUSIC OF THE NIGHT», исполняемый МАЙКЛОМ КРОУФОРДОМ, сейчас на 34-м месте, пробыв в десятке лидеров…

Следующий странный абзац зачем-то напомнил госпоже Тэтчер, что «ДВУМЯ ХИТАМИ БИГ-БЭНДОВ были «PASADENA» *THE TEMPERANCE SEVEN*[393] в 1960-е годы и «ЦВЕТОЧНЫЙ ТАНЕЦ» в исполнении ДУХОВОГО ОРКЕСТРА *БРИГХАУЗА И РАСТРИКА*[394] — в 1970-е». Не обошли вниманием и панк. Единственный музыкальный феномен, который удостоился отдельной памятки спустя семнадцать лет после распада, это…

«БИТЛЗ»

Среди многих хитов «Битлз» два самых популярных — это, пожалуй, «YESTERDAY», который впоследствии записали сотни других исполнителей, в том числе ФРЭНК СИНАТРА И ЭЛВИС ПРЕСЛИ, и «ALL YOU NEED IS LOVE», прозвучавший в 1968 году по телевидению для 64000000 зрителей.

Когда настал тот самый день, миссис Тэтчер постаралась показать, что держит руку на пульсе. Предложив Гибберту стакан воды (««Малверн». Британская! У нас только британское!»), она быстренько пробежалась по большей части пунктов памятки, упомянув и «When a Man Loves a Woman», и биг-бэнды, и панк («Я знаю, у нас есть панки. На свой внешний вид панки не жалеют ни времени, ни денег»).

Когда Гибберт спросил миссис Тэтчер, не расстроится ли она, если и ее дети соберут поп-группу, она ответила: «Нет, я ничуть не расстроюсь… Я бы куда больше встревожилась, если бы они сидели без дела. А Марк, между прочим, учился играть на

гитаре». Не то чтобы у него хорошо получалось, добавила она, «но музыкальное чутье у него есть, мои дети слушали… ах, у нас в доме были все популярные новинки — в наше время были «Битлз», очень интересная группа, они снова возвращаются, потому что их песни мелодичны. Помню «Telstar», приятная такая песня, мне очень нравилась».

Тут Гибберт ее вежливо поправил, напомнив, что «Telstar» — композиция группы *The Tornados*[395].

— Да-да, *The Tornados*, а еще была Дасти Спрингфилд, но «Битлз» мне запомнились больше других. Дети целыми днями крутили их пластинки. Я сначала говорила: «Вам обязательно все это слушать?» — но потом привыкла.

© *Trinity Mirror/Mirropix/Alamy Stock Photo*

Тридцать первого мая 1990-го, за полгода до того, как ее сместили с поста, Маргарет Тэтчер прибыла на Эбби-роуд, на празднование восьмидесятилетия студии EMI. Там она позировала фотографам за барабанной установкой в студии и на знаменитой «зебре» снаружи. «Мне нравились песни «Битлз», — сказала она журналистам. — «Битлз» гениально исполняли свои композиции и некоторые песни тоже сочинили гениально».

Однако через пять лет после отставки она охладела к влиянию битлов. В своей автобиографии она сетовала на «целую

«молодежную культуру» неверно истолкованного восточного мистицизма, чудно́й одежды и увлечения галлюциногенными наркотиками».

«Когда мы в 1970-м вернулись в Лондон, Челси было просто не узнать, — продолжала она. — К происходящему я испытывала смешанные чувства. Чувствовались талант и деятельность, но в большой степени это был мир фантазий. В Британии испытывали извращенную гордость за наш вклад в эти тренды. Карнаби-стрит в Сохо, «Битлз», мини-юбки и макси-юбки стали новыми символами «Свингующей Британии». Они и правда неплохо шли на экспорт, а Гарольд Вильсон умело приписывал себе максимум политических заслуг в этом. Беда была в том, что они скрывали подлинную экономическую слабость страны, которую не могли поправить ни талантливая индустрия моды, ни предприимчивые компании звукозаписи. Как заметил Десмонд Доннели[396]: «Больше всего я боюсь, что Великобритания потонет в море, хихикая»».

69

Вечеринка:

Дома у мистера Брайана Эпстайна. Фуршет, 21:30.

Форма одежды свободная.

Уоддон-Хаус[397], 15, Уильям-Мьюз, Найтсбридж, Лондон, SW1

12 августа 1964 г.

Брайан Эпстайн устраивает вечеринку в честь вторых американских гастролей «Битлз»: тридцать концертов в двадцати четырех городах за тридцать два дня. Покрыть предстоит 22441 милю.

Приглашения разослали самым разным звездам: Силле Блэк, *Peter and Gordon,The Searchers*, Томми Стилу, Мику Джаггеру, Киту Ричардсу, Лайонелу Барту, Дасти Спрингфилд и Альме Коган, а также трем самых популярным диск-жокеям: Алану Фриману, Питу Мюррею и Брайану Мэтью[398].

Эпстайн велел своему декоратору, Кену Партриджу, подготовить интерьеры, которые создадут нужную атмосферу на вечеринке. Партридж возвел на крыше дома шатер и установил в нем распашные французские окна, из которых открывался вид на город. Пол-помост устлали вишнево-красным сизалевым покрытием. На эстраде уместился бы небольшой оркестр, есть еще и танцпол. Центральный столб, поддерживающий шатер, обложен испанским мхом, а наверху увит гирляндой из семисот гвоздик, образующей пальмовую крону. На возведение всей этой конструкции ушло пять дней.

Брайан боится, как бы Партридж не переусердствовал, и заранее предупреждает:

— Только без выкрутасов.

— То есть белые скатерти, серебряные канделябры и белые цветы?

— Самое оно.

— В розово-белую полосочку?

— Да, вот это все.

В день вечеринки Партридж, как цербер, не пускает никого наверх до начала приема. Однако ближе к вечеру Брайан сообщает ему, что приехала мама.

— Она только что от парикмахера и хотела бы взглянуть.

— Нет, — говорит Партридж.

— Ну прошу тебя!

— Ладно, но только ради нее.

Куини Эпстайн проводят наверх, и она приходит в ужас, взглянув на красные и белые гвоздики. Сочетание красного и белого — к несчастью, утверждает она. Куини вообще дама суеверная. А еще она убеждена, что птицы, изображенные на драпировках, принесут несчастье.

— Что же нам делать? — спрашивает Брайан у Партриджа и добавляет: — Надо все поменять! Парни вот-вот отправятся в гастрольную поездку, им нужна удача!

— Что делать? — переспрашивает Партридж. — А ничего.

А потом просит Пэм Фостер, флористку, придумать что-нибудь. Та прибегает в «Харродс» (благо универмаг неподалеку от дома) и покупает там красные чернила. Вернувшись, она выливает их в ведро, снимает отовсюду белые цветы и начинает окунать в чернила.

Наконец прибывают гости. Ужин на крыше дома роскошен до чрезвычайности. Тони Барроу считает, что термин «фуршет» не в силах описать «изобилие предложенных блюд — от говяжьего филе до ломтиков утиной грудки, от холодных омаров до прочих деликатесных морепродуктов и корзин с экзотическими фруктами».

Все идет гладко, но тут в вестибюле поднимается шум. Женщина в норковой шубке настаивает, что она и ее спутник тоже приглашены. В списке гостей их нет.

— Какой ужас! — говорит она привратнику.

Наверху Кену Партриджу докладывают о случившемся. «Кто она?» — спрашивает он и спускается вниз, где сталкивается с «маленькой женщиной в розовой шубке». — Вчера мы с Ли были в ресторане и встретились там с Брайаном, — объясняет она. — Он нас пригласил.

Партридж узнает ее и восхищенно восклицает:

— Джуди Гарленд![399] Прошу вас, входите. Милости прошу!

Как и многие смятенные души, Брайан Эпстайн обожает Джуди Гарленд. Вчера они случайно встретились в ресторане «Каприс», куда Джуди пришла с Ли, то есть с Лайонелом Бартом, и Брайан пригласил ее на вечеринку познакомиться с «Битлз» поближе. Правда, по нелепой случайности забыл добавить ее в список приглашенных.

Джуди входит в комнату нижнего этажа, где, как отмечает Партридж, словно бы бомба взорвалась: «Все гости наверху, а тут сотни грязных бокалов, окурков и всего прочего».

— Боже мой, я опоздала, — вздыхает Джуди.

— Нет, все на крыше.

— А что они там делают?

— Ну, прыгать точно не собираются. Ужинают.

Партридж проводит ее на крышу и усаживает рядом с Лайонелом Бартом.

Силла Блэк замечает, что Джуди не пытается скрыть израненные запястья: «Белые бинты так и бросались в глаза».

— Возьмите меня за руку, — говорит Джуди Партриджу. — Мне так страшно.

Он протягивает к ней руку, и Джуди тычет в нее зажженной сигаретой.

— Я нечаянно, — настаивает Джуди.

— Буду беречь этот шрам до конца жизни, — стоически отвечает Партридж. Брайан подходит поздороваться с Джуди; вокруг нее собираются восхищенные гости постарше. Джуди расслабляется, а к концу вечеринки весело болтает с остальными. Те, кто помоложе, — «Стоунз», *The Searchers* — толком не знают или вообще знать не хотят, кто она такая. С «Битлз» Джуди встретилась две недели назад, на «Вечере тысячи звезд»[400] в лондонском «Палладиуме»; в концерте также принимали участие Мерл Оберон, Лоуренс Оливье, Глория Свенсон и Жа Жа Габор[401]. В «Палладиум» Джуди приехала прямиком из лечебницы, куда ее определили после того, как она порезала предплечья и запястья, — впрочем, журналистам она объяснила, что пыталась ножницами открыть металлический чемодан. Шестнадцатилетняя актриса Хейли Миллс[402] стояла за кулисами вместе с битлами, когда на сцену поднялась Гарленд в расшитом блестками облегающем красном платье с длинными рукавами. «Раздались громкие аплодисменты, а потом все стихло, и Джон, воспользовавшись паузой, выкрикнул: «Джуди, покажи запястья!» Вряд ли она услышала. Надеюсь, что не услышала».

Сегодня Джон и не пытается возобновить знакомство с Джуди, а вот Пол рад обсудить с ней новый мюзикл Лайонела Барта, «Мэгги Мэй». По мнению Тони Барроу, в тот вечер Джуди выглядела «бледной, слабой, держалась скованно и совершенно не походила на тех жизнерадостных героинь, которых изображала на экране». Тем не менее она «была какой-то взвинченной и без умолку болтала с хозяином приема».

Немного погодя Брайан замечает, как его бабушка настойчиво расспрашивает Джуди. Улучив удобную минутку, он

спрашивает у Джуди, о чем они беседовали.

— Как испечь шоколадный торт, — отвечает Джуди.

Джуди удаляется в туалет и долго оттуда не показывается. Силла Блэк начинает прощаться, но к ней подходит взволнованный Брайан: — Джуди в туалете уже минут пятнадцать.

— Ну и что? Женщины — не парни, Брайан, — отвечает она. — Им нужно время. Спустя пять минут Силла желает Ринго спокойной ночи, и тут к ней снова подлетает Брайан.

— Она все еще там, — шепчет он. — А вдруг она покончила с собой?! Силла, посмотри, что с ней.

— Господи боже! — встревоженно восклицает Силла. — По-твоему, я должна проверить, не перерезала ли она себе вены?

— Силла, умоляю!

С нарастающим беспокойством гости собираются у двери в туалет. Кто-то даже стучит в дверь, но ее не открывают. Наконец Джуди выходит. Тони Барроу замечает, что она «взмокла от пота», но бодра и весела.

Около полуночи приезжает полиция: соседи пожаловались на шум. Алистер Тейлор идет с ними разбираться, прихватив непочатую бутылку шампанского. Брайан спрашивает, на что она ему. Алистер объясняет, что это — предложение мира.

— Нет уж! — восклицает Брайан. — Свое вино раздаю я сам.

Он выхватывает у Алистера бутылку, направляется к выходу, но, передумав, говорит:

— Алистер, передай шампанское полицейским, скажи, что это от меня, а в будущем, будь добр, проси разрешения, прежде чем осыпать посторонних дарами моего щедрого гостеприимства.

Позднее, когда Джуди уходит, Брайан с Лайонелом Бартом придумывают, как бы заполучить ее на сцену театров Вест-Энда. Им не удастся воплотить свой план в жизнь.

Джуди Гарленд остается жить чуть меньше пяти лет, а Брайану Эпстайну — ровно три года и две недели.

70

Двадцать восьмого августа 1964 года, когда битлы пробивались через толпу в вестибюле отеля «Дельмонико» на Парк-авеню, Ринго тесным кольцом обступили поклонницы. Одна порвала на нем рубашку, другая схватилась за золотой медальон с изображением святого Христофора — подарок тетушки Нэнси.

Пропажу Ринго заметил, лишь когда вырвался из свалки, но было уже поздно. В номере отеля «Уорик», где «Битлз» давали интервью в прямом эфире, Ринго был заметно расстроен.

— В чем дело? — спросил диск-жокей «Радио WABC» Брюс Морроу по прозвищу Братец Брюси[403]. — Неважно выглядишь.

— Кто-то захапал мой образок святого Христофора, — трагически произнес Ринго.

Со своего двадцать первого дня рождения Ринго постоянно носил медальон, а через год после этого примкнул к битлам, поэтому считал его своим талисманом на удачу.

Интервью транслировалось в прямом эфире. На улице шесть тысяч фанатов, прильнув к транзисторным приемникам, слушали, что говорят в номере наверху. Внезапно Братца Брюси осенило: «Я прямо в эфире обратился к поклонникам:

«Наверное, кто-то из вас нашел медальон с изображением святого Христофора. Он принадлежит Ринго Старру». Я не стал говорить «сорвал» или «украл», а сказал именно «нашел». И добавил: «Если вы его вернете, то вас не накажут. Вы подниметесь к Братцу Брюси, увидите Ринго, и он вас поцелует». Само собой, все как с ума посходили: в окна сразу влетел громкий крик: «АААААА!» У гостиницы столпились тысячи поклонниц».

О прискорбном исчезновении медальона — и об обещанной награде за его возвращение — рассказали и другие радиостанции. Поклонницы не растерялись и за час смели из манхэттенских магазинов все медальоны с изображением святого Христофора. Количество проданных медальонов можно было определить по числу звонков от девушек, утверждавших, что они нашли потерянный талисман. Братец Брюси сам ответил на один из звонков. «Братец Брюси, меня зовут миссис Макгоуэн. Моя дочь Анджела нашла медальон Ринго со святым Христофором. Ее не накажут?»

Правду ли она говорила? Вполне возможно, потому что непритворно тревожилась за дочь. Когда Анджела призналась, что порвала рубашку Ринго и что из-за этого у него с шеи слетел медальон, Братец Брюси понял, что виновница найдена.

«Я сообразил, что мне досталась новость дня, и не хотел,

чтобы о ней узнали прежде времени. «Никуда не уходите, — попросил я. — За вами пришлют машину»».

На следующий день под жужжание телекамер Ринго давал интервью сразу трем репортерам, нависшим над ним с микрофонами. Затем Братец Брюси представил ему Анджелу Макгоуэн.

— Энджи, милая, вот твой кумир, Ринго.

Энджи, симпатичная брюнетка, вышла вперед, сделала книксен и вернула медальон святого Христофора владельцу.

— Он маленький, но очень много для меня значит, — сказал Ринго.

— Прости за рубашку, — сказала Энджи.

— Ну, новую рубашку можно купить, а вот такой медальон — нет.

Как и было обещано, он поцеловал Энджи; но тут вперед вышли три ее подружки, и Ринго их тоже поцеловал. Энджи снова поцеловала Ринго, погладила его по голове, и он дал ей автограф. Братец Брюси сообщил, что девушки снова поцеловали Ринго, но уже за кадром.

— Он опять целуется с Энджи! Эй, что вы там устроили?!

Ринго сунул медальон с изображением святого Христофора в карман пиджака — там целее будет.

71

По мнению Пенелопы Фицджеральд, идейный посыл творчества Ивлина Во заключается в следующем: «Мне скучно, вам страшно»[404].

То же можно сказать и о Бобе Дилане. Он мало чем схож с Ивлином Во, но его присутствие устрашает, а его презрение сдерживается лишь полнейшей безучастностью.

Летом 1964 года это было особенно заметно. К тому времени Дилан зарекомендовал себя самым крутым, бескомпромиссным и напористым исполнителем на планете. А вот титул «самый популярный» принадлежал другим.

Как и многие американцы, Дилан впервые услышал «Битлз» в январе 1964 года. Вскоре от них уже было не скрыться. «Мы ехали по Колорадо, в машине играло радио, и восемь из десяти топовых песен принадлежали им… «I Wanna Hold Your Hand» и прочие ранние композиции», — вспоминал он.

Дилан сразу понял, что «Битлз» — не просто коммерческий успех и толпы визжащих девчонок: «Они делали то, чего не делал никто. Невозможные, шокирующие аккорды тем не менее опирались на гармонии… Я знал, что сейчас «Битлз» задают музыке новое направление».

Журналист Ал Ароновиц[405] устроил встречу этих двух музыкальных гигантов. Пока битлы жили в отеле «Дельмонико», Дилан был у себя дома в Вудстоке, на севере штата Нью-Йорк. Ароновицу позвонил Джон Леннон, с которым они сдружились.

— Где он?

— Кто?

— Дилан.

— А, он в Вудстоке. Но я уговорю его приехать.

— Давай!

Тем же вечером Дилан и Ароновиц протолкались через толпу поклонниц у отеля, куда прибыли в сопровождении Виктора Меймудеса[406], гастрольного менеджера Дилана, а заодно и поставщика наркотиков. В одном из люксов на занятом битлами этаже Дерек Тейлор развлекал знаменитостей рангом пониже, в том числе диск-жокея Мюррея Кея Кауфмана, *The Kingston Trio,* а также *Peter, Paul and Mary*[407], однако Дилана на правах звезды высшего класса вместе со свитой провели прямо в номер к битлам.

Дилан появился как раз после того, как битлы управились с гостиничным ужином. К гостю вышел Брайан Эпстайн: «Боюсь, мы можем предложить только шампанское». Дилан ответил, что

предпочитает дешевое вино, но, будучи человеком прагматичным, хмуро согласился на шампанское.

Представились настороженно. «И Бобу, и «Битлз» нужно было место покрасоваться, — вспоминал Ароновиц, — но ранить самолюбие друг друга они не собирались».

Разговор сразу же пошел о наркотиках. Битлы угостили его пурпурными сердечками, но Дилан отказался, предложив марихуану.

— Марихуану мы еще не курили, — признался Эпстайн.

— А как же ваша песня? Ну, там, где про кайф? — спросил Дилан.

— Это которая? — уточнил Леннон.

— Ну, там… «I get high! I get high!»[408]

Джон был вынужден поправить его: мол, в песне «I Want to Hold Your Hand» поется «I can't hide»[409], а не «I get high». Потом он поинтересовался у Боба, какие ощущения вызывает марихуана.

— Хорошие, — ответил Дилан и начал сворачивать косячок, но без особого успеха.

Ароновиц в отчаянии наблюдал за ним. «Боб неуклюже завис у стола, одной рукой пытаясь достать из пакетика щепотку травки и уложить ее на лист папиросной бумаги в другой. Он всегда криво забивал косяки, к тому же от выпивки его развезло».

В коридоре дежурило человек двадцать полицейских, а в номер то и дело заглядывали официанты. Дилан, Ароновиц и Меймудес решили не палиться и все сгрудились в одной из спален.

Дилан закурил первым и передал косяк Джону. Тот осторожничал больше, чем хотел показать, и потому передал косяк Ринго со словами: «Вот, попробуй!» Это, как отметил Ароновиц, «наглядно продемонстрировало вертикаль власти в группе. Очевидно, Ринго занимал место в самом низу тотемного столба».

— Он мой придворный дегустатор, — заявил Джон, подтвердив подозрения Ароновица.

Ринго не понимал, что делать, и Ароновиц объяснил порядок действий: затянуться поглубже, задержать дым в легких, потом выдохнуть. Правда, забыл добавить, что косяк надо передать дальше. Видя, что Ринго зажал косяк и делиться ни с кем не собирается, Меймудес ловко свернул еще одну самокрутку. Через несколько минут все попыхивали косячками.

Пола трава не впечатлила. «Минут пять мы такие сидим и говорим: чего-то не вставляет, — и продолжаем пыхать». Внезапно Ринго захихикал. Хихиканье оказалось заразительным. «Его так на хи-хи пробило, что прям до слез, и это было так

ржачно, что нас самих до слез на хи-хи пробило. Потом Ринго такой тычет пальцем в Брайана Эпстайна, а тот ржет, и тут уж мы давай ржать над тем, как ржет Брайан».

Ароновиц вспоминал, как Эпстайн все повторял: «Я летаю, я под потолком». Потом он посмотрел в зеркало и стал говорить: «Еврей, еврей…» Как будто, подумал Пол, «вспомнил наконец, что еврей, и сообщил об этом».

В тот вечер британский журналист Крис Хатчинс ушел ужинать с Нилом Эспиноллом. Когда они вернулись в гостиницу и Хатчинс было направился к себе в номер, Эспинолл окликнул: «Иди-ка сюда, глянь».

Вдвоем они прокрались в номер к «Битлз». «На стульях, выстроенных рядком, сидели четверо битлов и их менеджер, Брайан Эпстайн, все укуренные. С одного края стоял человек, который то и дело толкал в бок ближайшего к нему битла, а тот, будто костяшка домино, валился на следующего, и так далее, по цепочке… которая оканчивалась Брайаном. Эпстайн падал на пол, беспомощно хохоча и распаляя остальных. Самым странным в этой сюрреалистичной сцене было то, что толкал битлов Боб Дилан».

Вскоре Пол вообразил, что открыл смысл жизни, и заметался по номеру в поисках карандаша и бумаги — записать, пока не забыл. «Я вдруг ощутил себя репортером ливерпульской газеты на задании, и мне захотелось рассказать всем, в чем же смысл бытия». Он велел Мэлу Эвансу следовать за ним по пятам и записывать слова мудрости. Если звонил телефон, Дилан снимал трубку и говорил: «Битломания слушает».

Битлы позвонили Дереку Тейлору в соседний номер и позвали к себе. Тейлор пришел и увидел, что Эпстайн «с цветком в руке кружит по номеру». Брайан заверял Тейлора, что он «просто ОБЯЗАН попробовать эту замечательную вещь, от которой все воспаряет».

— Мы заторчали, — объяснял Джордж.

Следующие минут пятнадцать Тейлор выслушивал «дымную, мутную мешанину незнакомых выражений» — «упоротые», «обдолбанные», «полный улет», — перемежаемых более привычными «невероятно», «ого», «чувак», «клево» и «травка». Было ясно, что заводила тут — Боб Дилан, «тощий, носатый, с птичьими глазами-бусинами».

Визит Дилана ощутимо и надолго повлиял на «Битлз». Спустя два месяца они записали песню «She’s a Woman»[410], в которой была строчка Джона: «Turn me on when I get lonely»[411]. В феврале 1965-го, на съемках фильма «Help!», битлы, если верить Джону, «курили марихуану на завтрак… вечно ходили с

остекленелыми взглядами и хихикали». В следующем июне они записали «It's Only Love»[412], в которой нашлось место и строчке, ранее послышавшейся Дилану в другой песне: «I get high».

С тех пор тема наркотиков постоянно проскальзывала в их песнях: «riding so high», «find me in my field of grass», «because the wind is high, it blows my mind»[413].

В то время бóльшая часть таких намеков прошла незамеченной: лишь спустя годы Пол признался-таки, что его бойкая жизнерадостная песня «Got to Get You Into My Life» с нежными, полными любви стихами: «I need you every single day of my life» и «When I'm with you I want to stay there»[414] — на самом деле ода марихуане. К тому времени, как битлы записывали «Sgt. Pepper», песни без упоминания наркотиков стали в их творчестве большой редкостью.

Как и многие поклонники, Джон хотел перевоплотиться в своего кумира. В его голосе усилилась хрипотца, поведение стало саркастичнее, а тексты — туманнее. Спустя несколько лет он признался фотографу Дэвиду Бейли в этом инстинктивном подражании. «Он сказал мне: «Знаешь, когда я открываю для себя кого-то нового, я стараюсь стать этим человеком. Пропитываюсь его стилем настолько, что я уже — это он». Когда он открыл для себя Дилана, то стал одеваться, как он, и играл только его музыку, чтобы разобраться, как она устроена». Во время одного сеанса звукозаписи Джордж Мартин попросил Джона не играть под Боба Дилана. «Он делал это ненамеренно. Это было подсознательным действием».

Дилану как будто понравилось в компании битлов. Их дружба расцвела в дурманящей дымке наркоты. Но в том, кто из них хозяин, а кто слуга, сомнений не возникало. Марианна Фейтфулл видела, как битлы приветствовали Дилана после его выступления в Альберт-Холле 27 мая 1966 года.

«Дилан вошел в комнату, где битлы кучковались на диване и ужасно нервничали. Были там Леннон, Ринго, Джордж и Пол, жена Леннона, Синтия, и еще один или два гастрольных менеджера. Все молчали. Ждали, что скажет оракул. Но Дилан вошел, сел и стал смотреть на них так, будто все они — незнакомцы на вокзале. В компании друг друга они немели. Крутость ни при чем, до настоящей крутости им, молодым, было далеко. Как подростки, они боялись, что скажут другие».

Удивляясь их подобострастию, она думала: «Господи, кто бы догадался, что вот этих перепуганных мальчишек считают богами!»

Феномен «Битлз» стал сюрпризом для композиторов, которые по-прежнему творили в классической традиции. Как ко всему этому отнестись?

Кто-то терпел, сжав зубы. «По-моему, «Битлз» ни в коей мере не оказывают сколько-нибудь дурного влияния в принципе, — заявил Бенджамин Бриттен, мастерски прибегнув к литоте[415] в интервью «Радио Финляндия» в 1965 году. — Мне кажется, они очаровательны. Лично мне их музыка не особенно нравится, но это уже дело вкуса. Легкая музыка — явление естественное; если кому-то нравятся «Битлз», это еще не значит, что он не любит Бетховена. Я с огромным удовольствием читаю все о «Битлз». Они ужасно смешные».

Аарон Копленд[416], которому было шестьдесят три года, когда «Битлз» ворвались в Америку, одобрил их, хотя и с некоторой озадаченностью: их музыка, говорил он, «несет в себе не поддающееся анализу очарование. Трудно объяснить, что они делают, но результат вызывает восхищение. Мимо него не пройдешь, он накрепко заседает в мозгу». Позднее он признал, что у них есть сверхъестественное чувство духа времени: «Если хотите узнать, что такое шестидесятые годы, послушайте «Битлз»».

Даже критики, специализирующиеся на классической музыке, не менее рьяно стремились доказать, что они не замшелые. В «Санди таймс» Ричард Бакл[417] назвал «Битлз» величайшими композиторами со времен Бетховена; в «Нью-Йорк ревью оф букс» Нед Рором[418] сравнил их с Шубертом; в еженедельнике «Листенер» Дерик Кук[419] попытался передать все величие «Strawberry Fields Forever»[420], приравняв ее к области высшей математики: «Первые девять тактов композиции разбиты на условные полтора, два, два, полтора и два такта, причем предпоследний такт в размере 6/8 вместо 4/4, при равноценной продолжительности звучания четвертных нот. После задержки предпоследнего такта на гармонии тонического мажорного трезвучия («Let me take you down, ‘cos I’m going») мелодия резко соскальзывает на седьмую ступень, а в гармонии поддерживается доминантсептаккордом, где отчетливо воспроизводится ровный ритмический рисунок («to Strawberry Fields»)»[421].

В статье, опубликованной в «Таймс» 27 декабря 1963 года, Уильям Манн похвалил песню, которую ошибочно назвал «That Boy»[422], за «гирлянды пандиатонических аккордов» — именно эту фразу знаменито процитировал Гарольд Вильсон. Далее Манн

отмечает, что «они одновременно развивают и гармонию, и мелодию, поскольку тонические септимы и ноны плотно встроены в музыку, а субмедиантная смена тональностей придает естественное звучание эолийской каденции в конце «Not a Second Time»[423] (как последовательность аккордов, завершающая «Песнь о земле»[424] Малера)…»

А дальше Манна понесло: «Такие субмедиантные переходы от до мажора к ля-бемоль мажору и не столь заметные медиантные переходы (например, подъем октавы в известной песне «I Want to Hold Your Hand») — фирменный почерк Леннона-Маккартни […] Властное, но никак не безграмотное отношение к тональности (вспоминаются скорее рождественские гимны Питера Максвелла Дэвиса в «O Magnum Mysterium»[425], нежели Гершвин, Лоу[426] или же Лайонел Барт); бодрящий, зачастую квазиинструментальный антифон — то в скате, то фальцете, — идущий за мелодической линией; мелизмы с чередующимися гласными («I saw her yesterday-ee-ay»), без лишней вычурности; в изощренной, трудноуловимой инструментовке угадывается рояль или орган, несколько тактов облигато на губной гармонике, кла́ве или маракасы…»

Неблагодарный Джон, однако же, не оценил по достоинству славословий Манна. «До фига музыкальных терминов, — жаловался он корреспонденту. — И вообще он с приветом».

Зато эксцентричный канадский пианист Гленн Гульд[427] начал полномасштабную контратаку на «Битлз». Он дерзнул выступить наперекор превалирующему мнению, что «Битлз» — это глоток свежего воздуха, естественные преемники Шуберта и так далее[428]. Вместо этого он охарактеризовал их музыку как «неуемную, дерзкую и нагло-безосновательную разновидность гармонического примитивизма».

Когда «Битлз» в плане музыки выросли, Гульд с неодобрением высказывался уже не об их примитивизме, а о претенциозности — точнее, считал, что одно прикрывает другое: «Убрать все претенциозное, умерить безудержное восхищение […] и, по сути, останутся три аккорда». Эти три аккорда он назвал «ультрапростыми», мол, видимость сложности группа создает, увенчивая свои песенки «грудами мусора». По мнению Гульда, ««Битлз» как будто говорят: «Мы докажем, что можно работать с минимальной гармонической структурой, но при этом так всех запутаем, что никто не поймет, что именно мы делаем, и все решат, будто мы играем что-то радикально новое, обрадуются и закричат ура!». А весь этот электромусор… даже с ситаром он лучше не становится». Именно подозрение в притворстве и заставило Гульда особенно невзлюбить те песни «Битлз», которые

прочие считали наиболее сложными. Ему казалось, что эта их мнимая продвинутость — не более чем искусный обман, подделка, созданная нажатием рычажков и кнопок. Он даже уподобил «Strawberry Fields Forever» «Клаудио Монтеверди[429], устроившему свадьбу в горах в сопровождении джаг-бэнда»[430].

Подлинной же простотой тут и не пахло: «Хотите развернутый пример того, как исковеркать три аккорда, — слушайте «Битлз». Если же вы предпочтете те же самые три аккорда, но в чистом виде, просто хорошо сыгранные, то обращайтесь к Тони Хэтчу»[431].

Музыкальный критик Фриц Шпигль — с которым мы в последний раз встречались в мае 1960-го на ливерпульской вечеринке Берил Бейнбридж, когда с ним столкнулся подвыпивший Джордж, — пошел еще дальше. Он заявил, что в истории человечества не наберется четверых личностей, которые нанесли бы музыке больший ущерб, чем «Битлз». Они добились этого, предлагая публике мгновенное блаженство без усилий. Их музыке не хватало сдержанности, характерной для всякого хорошего искусства; она была совершенно неуемной.

В литературном мире мнения тоже разделились — в основном, хотя и не исключительно, по возрастным категориям. Английский поэт Филип Ларкин (р. 1922), хмурый и замкнутый, признавал влияние «Битлз» на общество, несмотря на то что ему не особенно нравилась их музыка. В одной из своих самых цитируемых поэм, «Annus Mirabilis», он писал:

> К первому сексу мы пришли
> В шестьдесят третьем
> (Хотя и были далеко не дети),
> Между снятием запрета на Чаттерли[432]
> И битломанией в расцвете.

С годами отношение Ларкина к «Битлз» изменилось. Он, поклонник традиционного джаза, всегда чувствовал, что отстает от моды. В декабре 1963-го он отметил, что их второй альбом, «With the Beatles», «не содержит ни малейшего влияния джаза, но от него невозможно оторваться, как от конфет… пока не затошнит». После его смерти в 1985-м выяснилось, что по крайней мере одна из битловских конфет ему все-таки нравилась: он подарил своей подруге Мейв Бреннан[433] сингл «Yesterday», а потом и сам слушал его без остановки, почти маниакально.

К 1967-му Ларкин затосковал по старым битлам. Что с ними сделали богатство и слава? Слушая сборник «A Collection of Beatles' Oldies» в марте 1967-го, Ларкин решил, что он «служит

восхитительной иллюстрацией к теории Маркса о творческой дегенерации: лекторам Просветительной ассоциации рабочих[434] на заметочку». Спустя четыре месяца выход альбома «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» подтвердил, по мнению Ларкина, что битлы тронулись не в том направлении. «Сделав себе имя в узкой эмоциональной и гармонической нише подростковой поп-музыки, «Битлз» воспарили куда-то в облака. Вряд ли им хватит ума и фантазии, чтобы управлять публикой, а не идти у нее на поводу».

Его ворчливый приятель Кингсли Эмис[435] был более прямолинеен. «Хрен с ними, с «Битлз», — писал он Ларкину 19 апреля 1969-го. — В знак протеста против войны и насилия в мире я готов два дня подряд светить Джону Л. голой жопой». Для неприязни у Эмиса имелись личные мотивы: «Я видел Леннона пару раз. В первый он грубо обращался со своей женой, британкой, не япошкой. А во второй ее рядом не было, и он хамил всем подряд. Никакого воспитания».

Яростнее прочих порицал «Битлз» Пол Джонсон[436], который в феврале 1964 года написал для «Нью стейтсмен» статью «Угроза битлизма» — хлесткий ответ на речь Уильяма Дидса, министра информации, обращенную к Ассоциации молодых консерваторов лондонского Сити. Дидс ловко ввернул в свою речь, что «Битлз» — «зачинатели культурного движения в молодежной среде, которое может стать частью современной истории… Имеющие глаза да увидят, что происходит нечто важное и обнадеживающее. Молодежь отвергает невнятные стандарты старшего поколения… Они смутно сознают, что в мире автоматизации, исчезающего ремесленничества и растущей праздности нечто подобное просто необходимо, для того чтобы восстановить инстинктивное стремление к преуспеванию и элементарной разборчивости».

Молодые консерваторы не отреагировали на эти замечания, что привело тридцатипятилетнего Джонсона в ярость. «Хоть бы кто сказал, что король-то — голый!» — восклицал он. По его мнению, «Битлз», зарабатывая свыше 6 миллионов фунтов в год, заручились одобрением состоятельных слоев общества, поскольку в одночасье сделались частью экспортной торговли и выгодным подспорьем на выборах.

Джонсон видел знаки грядущего: «Разумеется, нашему обществу долго промывали мозги, готовя к такому вот апофеозу ничтожества». Теперь уже и маститые писатели «раскорячились задом на голых досках зловонных пещер, где среди миазмов дыма, пота и дешевой косметики раздается монотонный грохот дикарских инструментов».

Сравнивая тинейджеров 1964-го с собственным поколением, двадцать лет назад, Джонсон отмечал: «Когда я и мои

шестнадцатилетние друзья впервые услышали Девятую симфонию Бетховена, то пришли в восторг, который я помню до сих пор. Мы бы и полминуты нашего драгоценного времени не стали тратить на «Битлз» и им подобных».

Статью он завершил на оптимистичной ноте. Организуются ячейки сопротивления. Тинейджеры, «что вьются вокруг «Битлз» и воплями доводят себя до истерики, чьи обалделые лица мелькают на телевизионном экране, самые несчастные из своего поколения — они тупы, праздны, несостоятельны…».

Ни одна статья в «Нью стейтсмен» не вызывала такого потока жалоб, как «Угроза битлизма». Многие читатели тревожились, что Джонсон постарел раньше времени, а один так и вовсе предложил ему воспользоваться вытяжкой из обезьяньих желез.

В.: Что станете делать, когда пузырь лопнет?

Джон: Искать работу.

Пресс-конференция в Лос-Анджелесе, 23 августа 1964 г.

В.: Что станете делать, когда лопнет пузырь?

Джон: Считать деньги.

Пресс-конференция в Цинциннати, 27 августа 1964 г.

В.: Вы задумывались над тем, чем займетесь, когда пузырь, так сказать, лопнет?

Пол и Джордж: (Смеются.)

Джон: Ну, оторвемся.

Джордж: Мы наперед не загадываем.

В.: Как насчет заслуженного отдыха или вложения в большой бизнес…

Джон: Мы и сами — большой бизнес, так что нам нет смысла вкладываться еще во что-то.

В.: Я имею в виду время, когда этот ваш бизнес слегка просядет.

Джордж: Вот начнет проседать, тогда и подумаем, а пока пусть все идет как идет.

Пол: Как-то так, да. Мы никогда и ничего наперед не планировали и сейчас тоже никаких планов не строим.

Пресс-конференция в Чикаго, 5 сентября 1964 г.

В.: Разумеется, вы еще какое-то время будете выступать, но что вы собираетесь делать, когда…

Джордж:…пузырь лопнет?

Пол: Никто ничего не планировал, но мы с Джоном, наверное… *(Смеется.)* Ну, у нас каждый день это спрашивают. Мы с Джоном, наверное, будем и дальше песни писать. А Джордж пойдет в баскетбол.

Джордж: Или на роликах кататься. Я еще не решил.

Пресс-конференция в Канзас-Сити, 17 сентября 1964 г.

В.: Фред Пол, радио КАХК. Для начала снова здравствуйте, рад вас снова видеть. Хочу задать вопрос, которого вам еще не задавали.

Джон: Ну вот опять.

В.: Что станете делать, когда пузырь лопнет?

Пресс-конференция в Лос-Анджелесе, 24 августа 1966 г.

Я вернулся к издателю и сообщил, что у меня есть эксклюзивный контракт на то, чтобы стать биографом «Битлз», и услышал унылый ответ: «А… пузырь скоро лопнет. На дворе шестьдесят седьмой, о битлах мы знаем все, что только хотели бы знать, скоро их не станет».

Хантер Дэвис, новое предисловие к его авторизованной биографии «Битлз» 1968 года (издание 1996 г.)

74

В 10 часов вечера в воскресенье, 21 августа 1965 года, спустя неделю после начала второго турне по Северной Америке, «Битлз» на самолете «Электра» отправились из Миннеаполиса в Портленд, штат Орегон.

С ними был и Ларри Кейн. Он освещал гастроли «Битлз» для музыкальной радиостанции «WFUN Майами»[437], работавшей в жанре хит-парад (топ-40). Поев, он откинул спинку кресла и задремал… но внезапно проснулся. «Я резко открыл глаза, потому что над крылом что-то ярко полыхнуло. Может, приснилось? Гляжу в иллюминатор и чувствую, как в крови закипает адреналин. Я судорожно сглотнул: из турбины двигателя на правом крыле вырывалось пламя».

Кейн бросился в переднюю часть салона и забарабанил в дверь кабины, но ему никто не открыл. Самолет летел на автопилоте; оба летчика сидели в хвосте салона и трепались с Полом и Джоном. Кейн помчался к ним с воплями: «Правый двигатель горит!» Моментально поднялась паника.

Каждый из битлов отреагировал по-своему. Ринго уставился на пламя. Пол сидел вроде бы невозмутимо, но искусал себе губу. Джордж побежал в конец салона со словами: «Битлы и женщины первыми».

Джон не мог сдержать ужаса. Он смотрел на огонь, повторяя: «Черт, черт, черт!» — затем бросился к аварийному выходу и стал дергать ручку люка. Кейн насилу оттащил Джона в сторону: «С ума сошел? Убьешь нас всех». Самолет летел на высоте 22000 футов.

Однако логика на Джона не подействовала. Он снова метнулся к выходу, но коренастый Мэл Эванс преградил ему дорогу.

Пилоты вернулись в кабину и по внутренней связи сообщили, что до Портленда уже рукой подать и что на оставшихся движках они вполне дотянут до пункта назначения. «Ну что за херня!» — заорал Джон, зажмурившись.

Спустя полчаса они приземлились в Портленде, где ожидавшие их пожарные утопили самолет в море пены. На борту все вздыхали: «Боже мой!», «Да чтоб я еще раз полетел…». Но через два дня они снова погрузились в самолет, на этот раз до Лос-Анджелеса, где их ждала встреча с Элвисом Пресли. Когда битлы поднимались на борт, Ринго весело крикнул: «Предлагаю в шестьдесят пятом не умирать».

Через восемь месяцев самолет «Электра» той же чартерной

компании разбился в Ардморе, штат Оклахома. В катастрофе погибли 78 солдат, возвращавшихся с учений, несколько членов экипажа, трое из которых — пилот и два механика — были с битлами во время полета в Портленд, чуть не ставшего роковым.

75

Вечеринка:

Перуджа-уэй, дом 525 Беверли-Хиллз, Лос-Анджелес

27 августа 1965 г.

Приготовления к вечеринке были долгими и мучительными; отказы, согласования и уступки делали их похожими на переговоры о мирном урегулировании.

В некотором смысле так оно и есть. Битлы — молодые и отвязные, они на подъеме. Элвис Пресли раньше был у всех на устах в Америке, но теперь только и разговоров что о «Битлз», «Битлз», «Битлз». Они украли его славу. До весны его карьера катилась под гору, с 1963-го у него не было ни одного сингла в горячей десятке. Карьера в кино тоже шла на убыль: последний фильм, «Пощекочи меня»[438], действие которого разворачивается в спа-салоне на ранчо, прошел почти не замеченным. Зато у «Битлз» все на мази. Только что состоялась премьера фильма «Help!», который, похоже, повторит успех «A Hard Day's Night». Три дня назад цвет Голливуда — Рок Хадсон, Джек Бенни, Джейн Фонда, Граучо Маркс, Джеймс Стюарт[439] — посетили прием в их честь и даже отстояли в очереди за автографами.

© *David Gahr/Getty Images*

В начале месяца менеджер Элвиса, полковник Том Паркер, приглашает Брайана Эпстайна к себе в нью-йоркский офис, чтобы выработать условия сделки. Они сидят на табуретах из слоновьих ног и за рутбиром[440] и сэндвичами с солониной доводят соглашение до ума. Тон задает полковник: это битлы придут к Элвису, никак иначе; никаких камер и магнитофонов, никакой рекламы. Эпстайн, в свою очередь, настаивает на дополнительной охране у ворот.

Джон выдвигает собственные требования: не должно быть ни полковника, ни Эпстайна: «Начнем собирать команды поддержки — и выйдет у нас соревнование, у кого больше игроков на поле». Но за очередным деловым обедом у бассейна в отеле «Беверли-Хиллз» Паркер настаивает на своем присутствии, поэтому Эпстайн требует того же. Число приглашенных растет: Элвис хочет видеть свою «Мемфисскую мафию»[441], битлы хотят присутствия своих гастрольных менеджеров Нила и Мэла, пресс-атташе Тони Барроу и водителя Альфа Бикнелла, а еще Криса Хатчинса из NME, который и организовал Эпстайну встречу с полковником.

В назначенный день обе стороны нервничают. «Тем вечером, до приезда битлов, мы с Элвисом сидели в гримерной, делали ему прическу, — вспоминает член его свиты, Ларри Геллер[442]. — Необычайно тихий и задумчивый Элвис барабанил пальцами по мраморной стойке». В лимузине Барроу замечает, как напряжены битлы. В конце концов, они едут к тому, кто долгие

годы был их кумиром.

— Как думаете, полковник предупредил Элвиса, что мы едем? — спрашивает Джон.

«Битлз» и их свиту проводят в просторный круглый зал с красной и синей подсветкой. Элвис в красной рубашке с рукавами-болеро. Его окружают двадцать человек. Рядом с ним супруга, Присцилла[443]. «Она накрутила высоченную прическу и макияж уложила штукатуркой: толстый слой черной туши, темно-синяя подводка, красные румяна и ярко-розовая помада «Хартбрейк»[444], — заметил Крис Хатчинс. — Присцилла была в кремовом облегающем жакете и брюках, на голове — диадема»[445].

Несколько секунд британская и американская стороны молча смотрят друг на друга. Присцилла Пресли ощущает нервозность битлов: «Когда они вошли, воцарилась полная тишина… Я поразилась тому, как они застеснялись… будто языки проглотили, ни слова не могли произнести, совсем как дети перед своим кумиром. Особенно Джон — он смотрел так застенчиво и робко. Будто не верил, что встретил Элвиса Пресли».

Присцилла находит атмосферу «слегка неловкой, потому что они так и пялятся на него, ни слова не скажут, ни сядут, просто таращатся, вот и все». Она помнит, как Элвис сказал: «Ребята, если так и будете стоять и глазеть на меня, я лучше пойду своими делами займусь». Он присаживается, а битлы опускаются на пол вокруг него по-турецки.

— Стул мистеру Эпстайну, — говорит полковник, и ему тут же приносят различные стулья, на выбор.

Они говорят о гастролях: Джордж рассказывает, как у их самолета по пути в Портленд загорелся двигатель. Элвис говорит, что как-то в небе над Атлантой у его самолета тоже отказал двигатель. Менеджеры тем временем уединились в углу; Брайан очень хочет устроить концерты для Элвиса в Великобритании, но у полковника правило: бизнес отдельно, отдых отдельно. И вот он объявляет:

— Дамы и господа, к вашим услугам открыто личное казино Элвиса. Брайан, нас ждет рулетка.

Менеджеры удаляются в казино, а Элвис берет бас-гитару и подыгрывает музыкальному автомату; в комнате работает телевизор, звук выключен. Время от времени Элвис щелкает пультом дистанционного управления, меняет каналы. Пол еще ни разу в жизни не видел пульта дистанционного управления: «Он переключал каналы, а мы такие: ого! Как ты это делаешь?»

Элвис велит принести еще гитары для битлов, и они тоже

играют. Пол обсуждает с Элвисом игру на басу. Джон решает привнести остротыв пустопорожний разговор.

— Почему ты забросил старый рок? — спрашивает он Элвиса и добавляет, что старые песни Элвиса ему нравятся больше, в отличие от недавних.

Элвис говорит, что скоро вернется к року.

— Отлично, — отвечает Джон. — Как запишешь пластинку, мы ее купим.

К такому Элвис не привык: обычно все говорят то, что он хочет слышать. Позднее Джон говорит, что заметил девиз: «All the Way with LBJ»[446]. Для Джона Линдон Джонсон — разжигатель войны. Не потому ли он насмехается над Элвисом?

Они снова принимаются джемить, играя на этот раз «I Feel Fine»[447]. Барабанной установки нет, и Ринго барабанит по столу, но чувствует себя лишним и идет играть в пул с гастрольными менеджерами.

Джон, с комическим французским акцентом, подражая инспектору Клузо[448], заявляет:

— Вот так и должно быть… дома, среди друзей, немножко музыки.

Элвис недоуменно смотрит на него. Через некоторое время песни заканчиваются, и все отправляются в игровую комнату. Полковник куда разговорчивее своего клиента. Джон с удовольствием слушает его байки о жизни передвижного цирка: как полковник боролся со львом, как заставлял цыплят плясать на металлическом листе, пропуская через него электрический ток. «Удивительная личность, видно, что из цирковых, — рассказывал потом Джон Хатчинсу. — Зато Элвис — отстой. Он как будто не с нами был. Не то на таблетках, не то под наркотой… Типа ему на все плевать, общаться не хотел».

Под конец вечеринки полковник Паркер раздает всем подарки — пластинки Элвиса. Еще он преподносит битлам игрушечные крытые фургоны американских переселенцев, в которых нажатием кнопочки загорается свет. Обещает подарить домашний бар Брайану Эпстайну. Брайан же говорит, что попросит «Хэрродс» прислать полковнику шетлендского пони — как напоминание о цирковом прошлом.

Гостей провожают к выходу, и Элвис говорит им вслед:

— Будете в Теннесси, заглядывайте к нам в Мемфис.

Джон все тем же комичным голосом Клузо произносит:

— Мерси за музыку, Эльвис! Да здравствует король!

Затем он приглашает Элвиса к ним в Бенедикт-Кэньон[449] следующим вечером. — Ну, там видно будет. Не знаю, получится или нет, — отвечает Элвис.

На обратном пути Джон описывает вечеринку как полный тухляк: «Не знаю даже, кто большее говно — я или Элвис Пресли».

Стоит битлам скрыться из виду, и Элвис возвращается в дом, где отводит Ларри Геллера в сторонку и признается, что ошеломлен зубами битлов. Мол, у парней столько денег, а они даже зубы в порядок не привели[450].

76

Даже битлам нужен дантист. Чтобы стать легендарной ливерпульской четверкой, «Битлз» требовался такой же уход за зубами, как и за прическами, и за одеждой, если не больше.

Джон Райли, сын уважаемого констебля из южного Лондона, изучал косметическую стоматологию в чикагском Стоматологическом институте Северо-Западного университета, а потом открыл свою клинику на Харли-стрит. Говорят, он обладал редким и опасным для дантиста качеством — харизмой. «Он был из тех, чье присутствие ощущаешь еще до того, как они входят в комнату», — рассказывал один из его пациентов. К началу 1960-х Райли стал одним из самых модных лондонских стоматологов, и к нему на прием зачастили звезды шоу-бизнеса, в том числе и все четверо битлов.

Особенно во внимании нуждались зубы Джорджа: на фотографиях тех дней, когда он выступал в «Кэверн», зубы у него кривые и редкие. С конца 1963-го и в 1964-м он постоянно посещал клинику Райли и даже завел своего рода приятельские отношения со своим дантистом; они вместе выбирались в свет, ходили по клубам. В феврале 1965-го битлы пригласили Райли на Багамы, составить им компанию на съемках «Help!». А вот Патти Бойд в его обществе ощущала себя не совсем комфортно, особенно сидя с широко раскрытым ртом в зубоврачебном кресле. Профессия дантиста в Свингующем Лондоне, на первый взгляд аномальная, предоставляла идеальные возможности тем, кто рассматривал зубы как мостик к другим, более важным частям человеческого тела. Патти опасалась, что Райли злоупотребляет своим положением: «Что бы он ни делал с зубами пациента, он всегда колол ему валиум, внутривенно. К нему ходили все четверо битлов, и мы принимали это как данность, не задавали вопросов. Погружались в глубокий сон, а проснувшись, не знали, что он сделал. Однажды он, приводя Джорджа в чувство, отхлестал его по щекам. Это было жутко… Он же мог что угодно с нами сотворить, пока мы были в отключке».

В апреле 1965-го Райли и его подружка Синди, работой которой было подыскивать девушек-зайчиков для клуба «Плейбой», пригласили Джона с Синтией и Джорджа с Патти на ужин к себе домой, в Бейсуотер. «Ужин получился милый, было много выпивки», — вспоминала Патти.

Наконец Джордж с Патти засобирались: мол, им еще в клуб «Пиквик», недалеко от Лестер-Сквер, посмотреть выступление Клауса Формана[451] и его новой группы.

Патти помнит, что Синди сказала им: «Вы же еще кофе не пили. Я сама варила. Очень вкусный». Тогда они сели и выпили кофе. После Джон снова заторопился: мол, скоро Клаусу выступать.

— Вам нельзя уходить, — сказал Райли Джону.

— Это почему же?

— Вы под ЛСД.

— Так мы не принимали.

— Принимали. С кофе.

Если верить Патти, Джон пришел в «неописуемую ярость». Он читал об этом относительно новом наркотике в журнале «Плейбой». — Какого хера ты так с нами?!

Кислотный приход накрыл большими волнами. Синди казалось, что время остановилось и, больше того, что все сейчас утонут. ««Бисмарк»[452] тонет! «Бисмарк» тонет!» — кричала она. Патти очень не хотелось оставаться. «Я даже подумала, что дантист, который к кофе не притронулся, дал нам наркотик, желая превратить вечер в оргию». Те же подозрения закрались в голову и Джорджу: «Уверен, он думал, что это афродизиак. У его подружки были здоровенные буфера, и сам он, наверное, рассчитывал на групповуху, хотел всех трахнуть. Я решил, что у него на уме именно это».

Четверо гостей настаивали на том, чтобы уйти. Райли сказал, что за руль им лучше не садиться, и предложил подвезти. Гости отказались и вчетвером втиснулись в «мини» Патти. Патти казалось, что машина сжимается: «Всю дорогу она будто становилась меньше, а к концу пути мы вообще рассудок потеряли».

В клубе «Пиквик» они кое-как втиснулись в лифт, и крошечная красная лампочка на панели показалась им бушующим пламенем. Когда двери открылись, все с криками выскочили наружу. Джон Райли ехал следом за ними. Он подсел к ним за столик и превратился в свинью.

Патти пришла в смятение: «Люди узнавали Джорджа и подходили к нему. Они то появлялись в фокусе, то исчезали, потом оборачивались животными». Тогда они ушли из клуба «Пиквик» и пешком направились в «Ad lib» на Лестер-Плейс. «Помню, по пути я пыталась разбить витрину какого-то магазина». Когда двери лифта открылись, они выползли в клуб и наткнулись на Мика Джаггера, Марианну Фейтфулл и Ринго. «Джон сказал им, что его опоили. Эффект от наркотика становился все сильней и сильней, нас охватила истерика и безумие. Мы присели за столик, который тут же вытянулся».

Бог знает, сколько времени прошло, но наконец все

отправились домой. Джордж вел со скоростью «не больше десяти миль в час» до самого Ишера. Джон безостановочно сыпал шутками; ЛСД — идеальный наркотик для тех, кто не может без каламбуров, потому что все вокруг превращается в нечто иное, а потом снова становится обычным.

Прошло восемь часов, прежде чем ЛСД отпустил. Синтия помнит, как они вчетвером просидели остаток ночи, «стены двигались, растения говорили, а люди напоминали упырей, и время остановилось». Для нее это было «чудовищно, потому что я утратила контроль, не знала, что происходит и что будет дальше».

Джордж и Патти зареклись ходить к Джону Райли. Дантист, пичкающий пациентов наркотой, не нужен никому, как и шикующий управляющий банком или рассеянный нейрохирург. Но если Патти и Синтии опыт приема ЛСД показался ужасающим, то Джордж воспринял его как откровение: «Я как будто прежде по-настоящему ничего не пробовал на вкус, не разговаривал, не думал, не видел и не слышал. Впервые в жизни я не сознавал своего эго». То, что Синтия возненавидела, Джордж полюбил — отсутствие контроля, то, как все вокруг неожиданно становится странным. Через несколько недель после первого трипа он станет закидываться кислотой ежедневно.

77

Аукцион «Омега» — «с гордостью несущий звание одного из ведущих аукционных домов, связанных с музыкальными сувенирами, во всем мире» — с завидной регулярностью выставляет на торги лоты, связанные с «Битлз». В марте 2019-го, например, с аукциона за 3600 фунтов ушла визитная карточка группы *The Quarrymen*, за 2640 фунтов — программа нортуичского карнавального бала 1963 года («на котором «Битлз» короновали королеву бала») и за 48800 фунтов — учебник Пола Маккартни по английской литературе.

Каталог от 5 ноября 2011 года включал более любопытный лот:

© *Courtesy of Omega Auctions*

ЗУБ ДЖОНА ЛЕННОНА — этот поистине уникальный сувенир, зуб Джона Леннона достался в подарок его экономке Дороти (Дот) Джарлетт, когда она работала в «Кенвуде», особняке Леннона в Уэйбридже, графство Суррей. Дот работала в «Кенвуде» примерно с 1964 по 1968 г. Джон поддерживал теплые отношения с Дот и ее семьей, частенько называя ее «тетушка Дот», и даже дал своему псу кличку Бернард в честь ее мужа. За годы, что Дот работала у Джона, он сделал ей и ее близким много подарков, и некоторые из этих вещей уже были проданы семьей Дот через «Сотбис». Данный зуб, будучи редким предметом, хранился в семье по сей день, и его подлинность заверена прилагающимся аффидевитом[453] Дот Джарлетт. Джон подарил зуб Дот как сувенир для ее дочери, большой поклонницы «Битлз».

Зуб лишен естественной окраски и имеет заметное дупло.

Предварительная оценка: 10000–20000 фунтов.

«Нам еще ни разу не передавали такого странного и чудесного предмета, — вспоминал аукционист Пол Фейруэзер. — Торги выдались очень напряженные, а когда была сделана последняя ставка, раздались ликующие восклицания».

Счастливым обладателем зуба стал доктор Майкл Зук, дантист из Альберты, что в Канаде, который отдал за него 19000 фунтов[454]. Тогда доктор Зук сказал, что планирует выставить зуб в своей клинике, а потом возьмет в поездку по зубоврачебным школам.

Безусловно, для стоматолога странно — или излишне фанатично — тратить столько денег на обесцвеченный зуб, чтобы потом возить его по школам. Однако у доктора Зука на уме был куда более хитрый план.

«Я ищу людей, которые считают себя детьми Джона Леннона и претендуют на его имущество, — сообщил он семь лет спустя. — Надеюсь, мне удастся подтвердить законность их притязаний. Джон был парень нарасхват, переспал со множеством женщин и о контрацепции явно не думал. Будущих участников проекта я попрошу подписать соглашение о комиссионном вознаграждении: если родственная связь подтвердится, то моя компания получит процент от наследства в качестве маклерской доли».

Доктор Зук сказал, что планирует извлечь из зуба ДНК; в случае совпадения он будет добиваться соглашения с «Леннон инкорпорейтед», ежегодный доход которой составляет 10 миллионов фунтов, а активы оцениваются в 400 миллионов фунтов. При этом доктор признал, что любые подобные претензии наверняка вызовут «сильную озабоченность» Йоко Леннон Оно. Ранее он предложил клонировать Джона Леннона, используя ткани этого зуба, и получил от ее адвокатов строгое письменное предупреждение.

Он добавил, что ищет мужчин и женщин в возрасте за пятьдесят лет, рожденных в то время, когда «молодые женщины кидались на легендарную четверку». К нему, сказал он, уже обратилась женщина, называющая себя дочерью Джона Леннона, но все ее притязания основывались на голословных свидетельствах. «Я хочу повременить с анализами, пока не наберется небольшая, подающая надежды группа или не найдется хотя бы один кандидат с крепкой доказательной базой».

Доктор Зук, который теперь работает в Нью-Йорке, признался, что приобрел зуб как предприниматель, а не как поклонник группы. Ему, сказал он, выпала «деловая возможность.

Я купил зуб не потому, что это вонючий гнилой зуб. Я прикинул: «Как обернуть его в то, что потом окупится с лихвой?»».

78

Утром в субботу, 12 июня 1965-го, Тони Бенн[455], радикально настроенный генерал-почтмейстер, взял в руки выпуск «Дейли миррор». На первой странице красовался заголовок: «Теперь они в самом крутом хит-параде».

Выяснилось, что в честь официального дня рождения королевы битлы станут кавалерами ордена Британской империи. Такой награды не получала еще ни одна поп-звезда[456]. Бенн, умело вынюхивавший различные заговоры, учуял интриги правящих кругов: «Несомненно, это были происки Гарольда [Вильсона], стремившегося увеличить свою популярность. Он хотел сделать из награждения популярное событие, хотя в определенных кругах оно рисковало стать очень непопулярным… Однако простая истина заключалась в том, что, принимая эту награду, битлы оказывали короне больше чести, чем корона оказала им самим».

Коллега Бенна по кабинету министров, Барбара Касл[457], была настроена не менее скептически. «В парламентской чайной я спросила мнения ребят за валлийским столом[458] о награждении битлов, — писала она в дневнике. — Реакция была абсолютно отрицательной, часто звучало слово «уловка». Ухищрения Гарольда, похоже, ударили по нему же… Ему вообще свойственна вульгарность, но в ней же и часть его силы».

Сами битлы весть о награде получили по почте. «Пару недель назад Пол у нас в гримерке разбирал кучи писем от поклонниц и наткнулся на конверт, на котором было написано «от премьер-министра», — рассказал Джордж прессе в день, когда объявили новость. — Конверт пролежал там, наверное, пару дней. Пол вскрыл его и прочитал в письме, что его представили к награде и не соблаговолит ли он заполнить приложенную форму. Мы все сказали: «Вот бы и нам такую» — зарылись в письма и обнаружили, что и нам тоже положены награды. Каждому!»

На вопрос о том, что они собираются делать с наградными орденами, битлы ответили каждый в своем духе.

— Повешу на стену, — сказал Джордж.

— Повешу на шею, — сказал Ринго.

— Спрячу в надежное место, — сказал Пол.

— Приварю его к кнопке дверного звонка. Каждый, кто придет ко мне в гости, будет жать на него пальцем. Или снесу к антиквару, узнаю, сколько стоит, — сказал Джон.

Остальные 182 человека, удостоенные в тот год этой награды, составили битлам странную компанию. Среди них был Томас

Артур Биш, инженер-распорядитель расчетного отдела телефонной станции ноттингемского Центрального почтамта; Уильям Боггон, управляющий каменноугольной шахтой «Рейвенсуорт-Энн»; Эдвин Катберт Кори Крэпп, глава отдела снабжения в департаменте организации конференций при Управлении делами дипломатического корпуса, и Чарльз Эдвин Паддл, человек с говорящей фамилией[459], главный садовник Боднантского сада в Денбишире. Кроме битлов, единственным сколько-нибудь известным широкой публике оказался Луис Джордж Мартин[460], штангист-олимпиец.

Как и следовало ожидать, среди лиц, награжденных ранее, нашлись те, кто воспринял награду «Битлз» как личное оскорбление. Гектор Дюпюи[461], депутат канадского парламента, сетовал, что его «поставили в один ряд с вульгарными выскочками». Ричард Пейп[462], бежавший в войну из немецкого плена, выразил свой протест, вернув королеве воинскую медаль, и заявил, что «награждение «Битлз» выглядит омерзительным, наглым оскорблением наших героических подвигов»[463].

Больше остальных сокрушался полковник Фредерик Уогг, ветеран двух мировых войн. Полковник Уогг вернул ни много ни мало 12 боевых наград и вычеркнул из своего завещания распоряжение о передаче 12000 фунтов[464] на нужды Лейбористской партии, заявив, что «награждение «Битлз» — это насмешка над всем, за что боролась наша страна. Я слышал, как они поют и играют, и это просто ужасно». Его откровенные высказывания были встречены шквалом негодования со стороны поклонников «Битлз», которые завалили его возмущенными письмами; полковничьего гнева ничуть не умерила приписка на одном из конвертов: «ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ — ЗА СЧЕТ УОГГИ».

Непосредственно перед церемонией «Битлз» окружили остальные награждаемые и стали просить автографов. «Они все были очень милые, — заметил Пол. — Но вот один сказал: «Я это для дочки, хотя не понимаю, что она в вас нашла!»». Во время церемонии, вспоминал он, «распорядитель объявил: «Джордж Харрисон, Джон Леннон, Пол Маккартни и Ринго Старр!» «Старр» было для нас сигналом к тому, чтобы выйти вперед, с левой ноги. Прямо как на сцене».

Королева спросила Джона: «Вы усердно трудитесь?» Как и многие подданные перед лицом королевы, Джон онемел. «Я не мог сообразить, о каких таких трудах рассказать, поэтому брякнул: «Нет, мы отдыхаем» — хотя на самом деле мы записывали песни».

Тогда королева спросила их всех:

— Давно ли вы вместе?

— Да, много лет уже. Сорок, — ответил Ринго.

Ринго с Полом хором пропели:

— Мы вместе вот уж сорок лет, но это не так уж и много[465].

Если верить Ринго, в этот момент на лице ее величества промелькнуло «странное, озадаченное выражение».

— Это вы все начали? — спросила она.

— Нет, они, — ответил Ринго. — Я потом пришел. Я маленький.

— С удовольствием вручаю вам награду, — сказала она.

«Она всем говорила то же самое, — сказал позднее на пресс-конференции Джордж. — Мы с поклоном подошли, с поклоном отошли, а потом отчалили». «Она говорила с нами, как мама, — добавил Джон[466]. — Такая радушная и милая. Мы прямо растаяли».

С годами воспоминания Пола о визите во дворец почти не изменились: смесь удивления и веселья, примерно в одинаковых пропорциях. «Для четверых ливерпульцев это же о-го-го! Было очень забавно. Но она была очень милая. Как мама, но это потому, наверное, что мы были пацаны, а она — намного старше нас». На обложке «Sgt. Pepper» и Джордж, и Пол — оба с орденами. Ринго, самый консервативный, последовал инструкции, которая прилагалась к ордену: «Ни при каких обстоятельствах не носить награду публично».

© William Vanderson/Fox Photos/Hulton Archive/Getty Images

На фотографии, сделанной сразу же после церемонии награждения, Джон гордо показывает свой орден. На его лице простодушная улыбка и ни следа его обычной ироничной отстраненности. Пит Шоттон вспоминает, что он был «искренне взволнован». Во время следующего визита к тете Мими Джон прицепил орден ей на грудь, сказав, что она заслужила его даже больше, чем он сам. Следующие четыре года орден занимал почетное место у нее на каминной полке[467].

79

Короткий и нечеткий черно-белый новостной ролик показывает, как битлы поднимаются по трапу на борт самолета, проходя в арку с надписью: «BOAC[468] приветствует «Битлз»».

Есть два интересных момента, позволяющих отнести выпуск к 7 июня 1964 года. Первый — битл, стоящий сзади, выше Ринго, но это определенно не Джордж, потому что Джордж на три ступени выше, и не Джон — этот на две ступени выше, и не Пол — он стоит рядом. Когда неопознанный битл оборачивается и машет рукой толпе, то оказывается, что это наш старый друг, несчастный Джимми Никол, заменивший Ринго, когда тот слег с тонзиллитом.

Но на трапе видна еще одна фигура — матрона в старомодной шляпке, будто с карикатур Джайлза[469]. На долю секунды она с улыбкой оборачивается. Это тетя Мими, которую Джон пригласил слетать вместе с ними в Австралию, где у нее живут родственники.

Джордж назвал эту поездку своей любимой. «Помню, как нам сообщили: «Займите, пожалуйста, свои места, мы подлетаем к Гонконгу», а я подумал: «Не может быть! Так быстро?» Мы часов тридцать просидели на полу, бухáя и закидываясь прелудином, и, по ощущениям, прошло всего минут десять».

Тетя Мими не догадывалась о подобных полетных развлечениях, а если бы и знала, то вряд ли одобрила бы, однако Джон в дороге был паинькой. Он давал интервью австралийскому журналисту по имени Боб Роджерс; его клонит в сон, язык заплетается, но он необычайно вежлив.

— Джон, вы когда-нибудь давали интервью на высоте тридцати четырех тысяч футов над уровнем моря?

— Э-э… нет. Точно нет.

— Как вам поездка?

— Неплохо. Далековато, конечно, но за нами неплохо присматривают. — Это самый долгий перелет в вашей жизни?

— Не знаю. — Он задумчиво прищуривается. — Ну да, так и есть.

Роджерс за кадром комментирует: «С нами на борту — знаменитая тетя Джона Леннона, Мими, растившая его, когда он жил в Ливерпуле. Этой поездкой Леннон выражает тете свою благодарность».

Тетя Мими куда общительнее Джона. Она принарядилась, обвила шею нитью жемчуга и надела замысловатую шляпку, украшенную множеством цветов. Она красивая женщина, с

высокими скулами и, несмотря на репутацию зануды, искрится весельем.

Роджерс представляет ее: «Миссис Мэй Элизабет Смит из Вултона, близ Ливерпуля, больше известная как тетя Мими, женщина, воспитавшая Джона Леннона».

— Да, все верно, — гордо отвечает она.

— Каким он был в детстве?

— Очаровательным бунтарем. — Она в голос смеется и лукаво улыбается.

— Очаровательный бунтарь. Он влипал в неприятности?

— Нет, ничего серьезного. Любил шалить.

— Вы думали, что он станет такой вот звездой в мире музыки?

— Нет. Только не в мире музыки. Я считала, что он добьется чего-то своей писаниной и рисованием.

С тетей Мими есть еще одно видеоинтервью, снятое семнадцатью годами позже, в 1981-м, через год после гибели Джона. Джеймс Монтгомери[470] с «Сазерн ТВ»[471] беседовал с Мими в ее доме на побережье, «Харборс-Эдж», который Джон купил ей в 1965-м.

— …и вот, впервые его тетя Мими Смит открыла двери своего дома в Дорсете, чтобы рассказать о невероятной дружбе, длившейся до самой смерти Джона Леннона год назад. Шестнадцать лет назад Джон Леннон купил для тети Мими этот дом с видом на бухту Сэндбэнкс…

В кадре Монтгомери и тетя Мими перебирают снимки молодого Джона. На Мими строгий черный костюм, белая шелковая блузка и серебряная брошь.

Семидесятипятилетняя Мими вспоминает, как купила Джону первую гитару:

— Да уж, помню, мы повоевали из-за нее. Я не хотела, чтобы он тратил попусту учебное время и пропускал лекции в колледже из-за какой-то игры на гитаре.

В ее голос закрадывается раздражительность, как будто где-то в параллельной вселенной ее нерадивый племянник все еще жив и клянчит у нее свою первую гитару, а она наставляет его на путь истинный.

— Образование — штука надежная, а эта игра на гитаре… все это как приходит, так и уходит, на этой неделе ребята тренькают на гитарах, публика орет, требует их, а на следующей неделе — всё, пропали, исчезли, будто и не было вовсе. Ну и что мне тогда делать с двадцатиоднолетним оболтусом? Снова он у меня на попечении *, без образования* ! — На словах «без образования» ее голос звеняще дрожит.

Монтгомери спрашивает у тети Мими, помнит ли она, когда Джон обзавелся первой гитарой.

— Он как вы тогда был, такой же подлиза. — Проблеск боевитой твердости ее племянника. — Он хватает меня и вот так, — она изображает смачные поцелуи, — чмокает меня в щеку: «Мими, ну можно мне гитару?» У самого-то денег на нее не было, только я могла купить ему гитару! Помню, поехали мы в Ливерпуль, зашли там в магазин гитар, а они там все такие разные. Я же ничего в них не смыслю, ну он себе и выбрал. За *семнадцать фунтов* !

— Вы сильно удивились, когда «Битлз» обрели всемирную славу и успех?

— Я видела в них что-то этакое… но такого никто не ожидал. Они и сами поразились.

Она рассказывает о тех днях, когда Джон навещал ее в новом доме у моря.

— Он приезжал на выходные. Внезапно, как вихрь. Особенно если становилось невмоготу справляться с напряжением. Приедет и давай кувыркаться по пляжу, прямо вот колесом. — Она смеется и улыбается. — В одиночку, больше никого.

Когда Джон перебрался в Америку, то звонил ей раз или два в неделю и беседовал.

— …о делах, как скачет курс фунта и всяком таком. Иной раз детство вспоминал. Забавные моменты. Как я его гоняла, — говорит Мими с гортанным смешком. — Я всегда знала, если он что-то затевал, заранее… — Она замолкает, явно представляя Джона в юности. — Вот чего ему было не понять, так это как я все угадывала! — Она смеется, наслаждаясь воспоминаниями.

— А что его выходки — например, знаменитый постельный протест с Йоко Оно? Вы о них с ним говорили?

— Уж конечно. Как узнала, позвонила и говорю: «Ну все! Спасибо! Хватит уже! Прибереги эти штучки для мюзик-холла!» — Она хихикает. — И на этом закончилось.

— То есть он вас послушал?

— Ну, бунтовал, конечно, и говорил, мол, «не стану я поступать, как ты мне велишь», но сам-то слушался! Бывало, нашкодит, я ему звоню: «Смотри, — говорю, — вот приеду к тебе Нью-Йорк!» — А он: «Ну чего ты разворчалась?» — и бросал трубку. Я жду полчасика, и вот он снова со мной, весь такой ласковый. — Она пародирует голос Джона: — «Привет, это ты, Герти? Не бери в голову, Герти». — И она хохочет в голос.

— Много подарков дарил?

— У меня от них дом ломится: бусы, жемчуга, всякое прочее! Все, что только пожелаешь. Но у меня спартанская натура. Живу

скромно. Мне ничего не нужно.

Камера берет в кадр «Серебряное сердце» в рамке — награду Клуба Варьете, — которое Джону вручил Гарольд Вильсон в 1964-м.

— Что скажете о статьях, которые публикуют после его смерти? Все эти истории из личной жизни, о сексуальных похождениях?

— В жизни ничего подобного не слыхала!.. Ну что за люди больные! Мне кажется, им самим секса не хватает, они на нем повернуты, жаждут внимания.

— Когда он вам звонил последний раз?

— В ночь накануне убийства. Два часа проболтали. Он все повторял: «Скоро увидимся, Мими, жду не дождусь встречи с тобой» — а потом, сами уж знаете, в пять утра на следующий день из-за океана прилетает известие; но если честно, если бы я приняла его смерть, то не смогла бы жить дальше. Я просто не думаю о нем как о мертвом.

— У вас была любимая песня из тех, которые Джон написал и исполнил?

— Даже не знаю. «A Hard Day's Night», как по мне, сейчас звучит не так уж плохо! — И она снова разражается гортанным смехом.

80

На «Ютьюбе» это коротенькое интервью собрало больше полумиллиона просмотров и тысячи комментариев, по большей части теплых: «Классная тетенька», «Просто сокровище нации, RIP»[472], «У нее такая любящая и скромная душа. Она окружила легенду любовью, привила ему дисциплину, а еще дала крылья. Благослови, Господь, всех мам и тетушек в мире», «Сто процентов, если бы не было Мими, то не было бы и Джона Леннона, которого мы полюбили, а значит, и «Битлз»», «О-о-ой, какая милая тетя! Я знаю, у него было трудное детство, но ему повезло, что у него был рядом человек с таким добрым сердцем. RIP».

И все же два человека, близко ее знавших, — первая жена Джона, Синтия, и его сводная сестра Джулия Бэрд — описывают тетю Мими в иных выражениях. Джулия — дочь матери Джона (тоже Джулии) и ее сожителя, официанта Бобби Дайкинса, — питает особенную неприязнь к старшей сестре матери. Джулия утверждает, что тетя Мими испытывала «неудержимую потребность контролировать жизнь и действия всех, кто ее окружал». В своих мемуарах 2007 года «Представьте себе это: детство с моим братом Джоном Ленноном»[473] она обвиняет тетю Мими в «предельном лицемерии», заявляя, что в 1956-м, в возрасте пятидесяти лет, эта чопорная приличная дама закрутила роман с квартирантом на двадцать шесть лет моложе ее. Джулия обвиняет ее в лицемерии, видимо, еще и потому, что, при всей своей показной благопристойности, тетя Мими подло отняла Джона у матери, пожаловавшись в органы опеки: мол, не дело доверять ребенка женщине, живущей во грехе. Если верить Джулии, то тетя Мими перед смертью сказала сиделке: «Мне страшно умирать, я столько подлостей натворила». Хотя справедливости ради стоит отметить, что та же сиделка еще где-то обмолвилась, что предсмертные слова Мими были куда теплее: «Привет, Джон».

Синтия Леннон оказалась столь же беспощадной. «Она любила выставлять себя строгой, но любящей тетушкой, которая обеспечила надежный старт для успеха Джона, — пишет она о тете Мими в одной из двух своих биографий. — Но я знала другую Мими. Она лишила Джона уверенности в себе, оставив ему только злость и боль». У Синтии Мими — манерная особа: «Держалась она чуть ли не как королева. Говорила без ливерпульского акцента, и мне кажется, что Джон стал говорить с акцентом рабочего класса в знак протеста. Мне с самого начала было ясно, что Мими — этакая снобка, мелкобуржуазная особа с

претензией на высший класс. Было у нее любимое словечко, «хулиганье». Она бросалась им всякий раз, когда нужно было очернить увлечения или друзей Джона. Подозреваю, что и меня в том числе».

Синтия не склонна утверждать, что тетя Мими подарила Джону крылья; если верить ей, тетя Мими скорее эти самые крылья подрезала: семьи прочих битлов побуждали ребят ехать в Гамбург, а вот Мими «делала все, что могла, лишь бы не пускать Джона».

Вернувшись из Германии, Джон подарил Синтии шоколадно-коричневую кожаную куртку из «C&A»[474]. «В ней я ощущала себя настоящей красавицей, мне не терпелось показаться в ней на людях». Вдвоем они заглянули на обед к тете Мими, купив по пути курицу, но Мими не выказала благодарности. «Она увидела куртку, узнала, что это подарок Джона, и взорвалась от злости. Заорала на Джона, мол, все деньги просадил на эту «бандитскую шалаву», и швырнула в него сперва курицей, которую выхватила у меня из рук, а потом и зеркальцем. «Меня курицей подмазывает, а сам все деньги вот на это потратил?» — орала она». По воспоминаниям Синтии, Джон вышел через черный ход со словами: «Ее только деньги да кошки заботят».

В те дни, когда «Битлз» выступали в клубе «Кэверн», Джим Маккартни частенько забегал туда послушать ребят, да и мать Джорджа Харрисона, Луиза, была завсегдатаем, подбадривала битлов. Но тетя Мими не посещала таких заведений. По слова Синтии, она лишь раз заглянула в клуб — посмотреть, где это Джон пропадает. Луиза Харрисон окликнула ее:

— Здорово играют, правда?

— Рада, что хоть кто-то так думает, — прокричала в ответ Мими. — Если бы вы их не поощряли, мы все жили бы мирно и тихо!

Шум и запахи привели ее в ужас. «Я просто не могла заставить себя приблизиться к сцене, — сетовала она Хантеру Дэвису. — А смогла бы — стащила бы с нее Джона».

После представления она протолкалась в убогую гримерку клуба. «Очень мило, Джон», — ядовито заметила она и вскоре удалилась. «То, что она так резко ушла, обидело Джона, — вспоминала Синтия. — Он-то хотел, чтобы она им гордилась».

В 1962 году Джон прокрутил для тети Мими первый сингл «Битлз», «Love Me Do». Реакция была непримиримой: «Если ты собираешься зарабатывать на жизнь вот этим, то тебя ждет неприятный сюрприз».

Когда Джон наконец набрался смелости и сообщил тете Мими, что они с Синтией женятся, она «разоралась и в гневе

пригрозила, что перестанет с ним общаться».

С тем, что тетя Мими была снобкой, согласны все. Все отмечают ее коллекцию тарелок «Роял Вустер», собрание сочинений сэра Уинстона Черчилля в кожаном переплете и садовника, которого она нанимала. Мими не нравился Джордж из-за его сильного ливерпульского акцента, но и Пола она тоже не жаловала — винила его в том, что он заманивает Джона в недостойный мир рок-н-ролла. «В разговорах с Джоном она называла меня «твой дружочек», — вспоминает Пол. — Я знал об этом, но смотрел на нее с улыбкой, потому что мне было плевать. Она же втайне, снисходительно обожала меня. Чуть ли не подмигивала, но всегда помнила, что друзья Джона — из низов. Она такая была: во взгляде и на губах улыбка, а сама тебя унижает».

© Rolls Press/Popperfoto/Getty Images

Еще в самом начале тетя Мими ни в какую не пускала Джорджа с Полом на порог своего дома. «Он [Пол] подходил к парадному входу. Подкатывал на велосипеде, прислонял его к изгороди, а потом смотрел на меня своими овечьими глазами и говорил: «Здрасте, Мими, войти можно?» Я отвечала: «Нет, нельзя»». Однажды тетя Мими смилостивилась и сказала Джону, что, если Джордж придет, она готова его принять. «Он приехал, стриженный под бокс, в розовой рубашке. Я его вышвырнула. Так ведь нельзя. Я, может, и была старомодной, но чтобы школьники

так одевались! Пока Джону не исполнилось шестнадцать, я следила за тем, чтобы он носил школьные блейзер и рубашку».

Когда «Битлз» добились всемирной славы, она отчитывала Джона за утрированный ливерпульский акцент. В конце-то концов, она приучила его говорить на безупречном литературном английском. Тринадцатилетней поклоннице «Битлз», которая написала ей, что видела Джона по телевизору, она ответила: «Когда он пришел домой, я сказала: «Джон, что это еще такое? Что у тебя с речью?» Он ведь так не разговаривал никогда. Я же вырастила его, приучила не говорить как шпана». В то время как родственники прочих битлов радовались их успеху, тетя Мими поступала с Джоном точно, как мама Брайана обращается с сыном в «Житии Брайана по Монти Пайтону»[475]: «Он не мессия! Он негодник!» Когда вышел альбом «Two Virgins»[476], на конверте которого была фотография голых Джона и Йоко в полный рост, тетя Мими недвусмысленно выразила свои чувства: «Все бы ничего, Джон, но вы оба такие уроды. Хотели наготы на конверте — взяли бы кого красивого».

Завязав отношения с Йоко, Джон вскоре повез ее в город Пул — знакомиться с тетей Мими. Встреча предстояла не из легких. Тетя Мими рассказывала о ней Джеймсу Монтгомери: «Он приехал весь такой веселый и возбужденный — в своем репертуаре, — а она вошла следом за ним. Я ее как увидела, сразу подумала: «Господи боже, это что такое?!»…Мне она с первого взгляда не понравилась: длинные всклокоченные черные волосы, сама мелкая, гном гномом. Когда она вышла посмотреть на бухту, я так и сказала Джону: «Кто эта ехидная карлица, Джон?» …Я вообще не понимала, что к чему. Мне просто хотелось знать, кто она такая. Джон ответил: «Это Йоко». У меня и мысли никакой не возникло, но я спросила: «Чем вы зарабатываете?» — и она ответила: «Я художница». А я ей: «Надо же! Никогда о вас не слышала!»».

Пока Джон был в туалете, тетя Мими рассказала Йоко, что прививала ему хорошие манеры, поэтому он всегда встает, если в помещение входит женщина.

Когда же он вернулся, она поведала об участи герцога Виндзорского, бывшего короля Эдуарда VIII. Герцог был народным любимцем, но все от него отвернулись, когда он женился на миссис Симпсон. «Он утратил свою популярность, Джон, мотай на ус».

Мими вспоминала, как Джон отмахнулся от этого замечания: «Посмеялся, но понял, что Йоко мне не понравилась, а ведь я в людях хорошо разбираюсь. Я не могла взять в толк, что он в ней нашел. Понимала, что это неправильно и что ничего хорошего из

этого не выйдет».

81

Не менее сильный довод можно привести и в пользу тети Мими. В конце концов, она продолжает традицию великих британских тетушек: строгих, требовательных и устрашающих, невозмутимых поборниц общественной морали и нравственности, способных приструнить строптивейших племянников. «Не пытайтесь убеждать меня, что есть тетки плохие, а есть хорошие, — говорил Берти Вустер. — Ведьминское нутро рано или поздно проявится»[477].

Пит Шоттон вспоминал, что в детстве Джон обожал книги из серии «Этот Вильям!» Ричмал Кромптон[478], в которых полным-полно тетушек, по большей части неприступных — во всех смыслах этого слова. Начиная с тети Джейн, «высокой, чопорной и, как она сама говорила, «домовитой»», и заканчивая двоюродной бабкой Августой, живущей под девизом: «Нет большей радости, чем радость от выполненной работы». Вместе с приятелями Айвеном Воном и Найджелом Уолли Джон организовал шайку «Разбойников», совсем как Вильям. «Я проживал то «Алису», то «Этого Вильяма», — вспоминал он. — Сочинял свои истории Вильяма, только главным героем был я… Читал какую-нибудь книжку, а потом заново ее проживал. Поэтому, в частности, и хотел быть главарем школьной банды. Чтобы другие играли в игры, которые нравились мне, о которых я только что прочел».

Его «Разбойники» устраивали всевозможные розыгрыши и шалости, иногда шуточные, иногда хулиганские. Она таскали яблоки, катались по Пенни-лейн на «колбасе» трамваев, тратили деньги из церковных сборов на жвачку, били уличные фонари, крали в магазинах сигареты и стягивали с девчонок трусики. На школьной благотворительной ярмарке Джон с Питом повесили мишень для игры в дартс и наклеили на нее фотографии учителей. В другой раз разрезали картонные коробки из-под хлопьев для завтрака, сделали из обрезков пасторские воротнички и нарядили одноклассников викариями. Крали и продавали в школе талоны на питание. След Вильямовых проказ просматривается очень четко и, возможно, оказал влияние даже на «Битлз». ««Битлз» заставляли меня хохотать без меры, точно так же как в детстве — книжки про Вильяма, — вспоминала Морин Клив, журналистка, которая хорошо знала группу на заре их славы. — Они все были остроумными, особенно Джон. У них было чудесное качество, не то чтобы невинность, но способность воспринимать все в новинку. Они, как Вильям, познавали мир и

пытались осмыслить его». «Разбойники» Вильяма, как и шайка Джона, постоянно искали путей нажиться. В «Двойной жизни Вильяма» (1929)[479] «Разбойники» разочарованы тем, что не находят поддержки у всевозможных дядюшек и тетушек:

— Я всех обошла, — горестно сказала Джинджер, — и тетя Эмма сказала: «Разумеется нет, особенно после того, как на прошлой неделе твой мячик влетел ко мне в окно», а дядя Джон сказал: «Нет, конечно, особенно после того, как вчера ты проехала по моей лужайке на самокате», а тетя Джейн сказала: «Конечно нет, особенно после того, как ты на прошлой неделе гоняла мою Кошечку», а дядя Джордж сказал: «Конечно нет, особенно после того, как ты вчера швыряла камни в мое ореховое дерево», а дядя Джон сказал: «Конечно нет, особенно после того, как ты залезла на шпалеру для роз и сломала ее…»

В книге «Этот Вильям!» (1922) главный герой подыскивает новое применение своей самой страшной тетушке. Заглянув к ней в комнату, он обнаруживает, что внушительная тетя Эмили спит и что «она, такая необъятная, лежит, наряженная в блузу и нижнюю юбку в полосочку, а из ее раскрытого рта вырываются удивительные звуки». Учуяв возможность провернуть выгодное дельце, Уильям вешает на дверь табличку:

ДИКАЯ ТАЛСТУХА ГАВАРИТ НА РАДНОМ ЯЗЫКЕ

И за два пенса берется показывать ее окрестной детворе.

«Притихшая и восторженная детвора толпой обступила кровать. Звуки лились не угасая. Уильям позволял проводить в комнате всего две минуты, а потом зрители неохотно выходили, платили снова и опять вставали в конец очереди».

Уильям расширяет аттракцион, включая в него туалетный столик тети Эмили. Ставит на него таблички вроде: «ЗУБЫ ТАЛСТУХИ» и «ВОЛАСЫ ТАЛСТУХИ». Но вдруг тетя Эмили оживает.

Она вскочила и, ухватив его за плечи, принялась трясти до зубного лязга. Корона из фольги, сползая ему на уши и нос, задела ус, который отклеился и безвольно упал к его ногам.

— Негодный мальчишка! — приговаривала тетя Эмили, продолжая трясти Уильяма. — Ах ты, НЕГОДНЫЙ, НЕГОДНЫЙ, НЕГОДНЫЙ МАЛЬЧИШКА!

Джон со своей шайкой построили плот из старых досок, но он перевернулся, и ребята упали в грязный пруд, кишащий лягушками. Пытаясь высушить одежду, пока тетя Мими ничего не узнала, Джон развел костер, но не совладал с огнем — и под вой сирен примчалась пожарная бригада. Приключение как раз в духе Вильяма.

Когда Джона и Пита за дурное поведение вызвали к

заместителю директора школы, мистеру Галлоуэю, тот велел им встать позади него, а сам полез в ящик стола за журналом учета провинностей. Чтобы насмешить Пита, Джон осторожно пощекотал плешивую макушку мистера Галлоуэя, а тот шлепнул себя по лысине, думая, что это муха. «Эти щекотушки продолжались несколько минут, — вспоминал Пит, — нас уже гнуло, мы еле смех сдерживали, а Джон (как с ним часто бывало в таких отчаянных ситуациях) обмочился». Мистер Галлоуэй спросил: это что еще за лужа?! И Джон ответил: «Похоже, крыша протекает, сэр». Пит прыснул со смеху, но Джон снова спас положение: «Будь здоров, Пит! — воскликнул он и пояснил для мистера Галлоуэя: — Он весь день чихает, сэр. Жутко простыл».

Мими была с Джоном строга. Узнав о проделках, отправляла спать без ужина.

Лишь однажды она его поколотила — когда поймала за кражей денег из ее сумочки. Правда, наказания на Джона почти не действовали. «Как-то раз иду по Пенни-лейн и вижу ватагу мальчишек — стоят кружком, наблюдают за дракой, — вспоминала тетя Мими. — Я сказала: «Типичная шпана с Роуз-лейн»… Потом они расступаются, и из толпы выходит какой-то сорванец в расстегнутом пальто. И я с ужасом вижу, что это Джон… Джону всегда нравилось, когда я рассказывала эту историю. «В этом ты вся, Мими. Для тебя все вокруг хулиганье»».

Связь с тетей Мими Джон поддерживал до конца жизни. Наверное, потому, что она была единственным человеком на всей планете, кого ему было не провести. В 1968-м Хантер Дэвис заметил, что из всех родителей битлов «пожалуй, только Мими относится к Джону как прежде. В других семьях чувствуется легкое преклонение, если не сказать благоговение, перед сыновьями. А Мими до сих пор недовольна тем, как Джон одевается и выглядит, — точно так же она отчитывала его, когда он был подростком. Она бранит Джона, когда он набирает лишний вес, и велит не транжирить деньги. «Он слишком сорит деньгами. Выманить их у Джона легче легкого. Невероятно щедрый. Я ему всю жизнь твержу». Другие родители своих сыновей не критикуют ни словом. Мими не нравится, как Джон разговаривает. По ее словам, у него неправильная речь, он не заканчивает фразы. «И чем дальше, тем хуже. Часто я вообще не понимаю, о чем он. Перескакивает с пятого на десятое»».

В свою очередь, преданность Джона Мими была выше всех его причуд и неудач, а также всех ее упреков — как справедливых, так и нет. Ребенком он сносил ее выговоры и даже случайную похвалу, но не терпел, когда она его игнорировала. «Ты чего меня гнорируешь, Мими?» — бывало, говорил он. Когда он вырос и за

ним уже следил весь мир, внимание Мими по-прежнему оставалось для него очень важно. Она же до конца своих дней хранила на каминной полке табличку с выгравированной на ней фразой, которую повторяла Джону-подростку: «Гитара — это неплохо, Джон, но на жизнь ты ею не заработаешь». Для обоих это ее предостережение стало источником гордости. Джон до конца жизни писал ей длинные письма раз в неделю, которые подписывал: «От меня», а во время ежемесячных телефонных разговоров доводил ее до бешенства нарочитым ливерпульским акцентом. Живя в Нью-Йорке, он стал собирать предметы, напоминающие о проведенном с Мими детстве. Мими с готовностью отправила ему по почте чайный сервиз «Роял Вустер» вместе со школьным блейзером и полосатым галстуком. «Я слала и слала ему вещи, посылку за посылкой».

Джон не уставал зазывать тетю Мими к себе: мол, бросай ты этот свой Дорсет и перебирайся в апартаменты в «Дакоте». Ее бескомпромиссный ответ наверняка не расстроил Джона, ведь это было в ее духе: «Ты меня туда не заманишь. Никогда американцев не любила. Да и тебе там не место, ничего хорошего из этого не выйдет».

«Навещает меня, когда может, — рассказывала Мими Дэвису в 1968-м. — Летом четыре дня просидел на крыше. Я бегала вверх-вниз, носила ему напитки. Джон не выставляет чувства напоказ. Ему трудно извиняться… Но как-то вечером он сказал, что, даже если не навещает меня каждый день или каждый месяц, все равно ежедневно обо мне думает, где бы ни был. И мне это очень важно».

В 1979-м Джон написал кузине Лейле длинное, полное ностальгии письмо: «Этим Рождеством много думал о тебе: когда видел тени на потолке от проезжающих мимо машин, когда развешивали бумажные гирлянды…», а закончил он его словами о Мими: «Мне почти страшно приезжать в Англию, потому что я знаю — мы свидимся последний раз. Я вообще боюсь прощаться». Йоко же замечала, что когда Джон с чашкой чая сидел в апартаментах в «Дакоте» и поглаживал кошку, то «очень напоминал Мими».

Мими каждое Рождество водила маленького Джона в ливерпульский театр «Эмпайр» на спектакль «Кот в сапогах». Однажды пошел снег, и Джон отправился в театр в резиновых сапожках. Когда Кот вышел на сцену, Джон вскочил и как закричит: «Мими, он в резиновых сапогах! У меня такие же!» Зрители с улыбками обернулись.

В декабре 1963-го, в конце года, за который «Битлз», по словам телеведущего Александра Кендрика[480], превратили

страну «из Великобритании в Битляндию», они дали рождественский концерт в «Эмпайр». Тетя Мими стояла в самом конце зала, отклонив предложение Джона занять место в первом ряду.

«Разумеется, я была очень горда, что он играет на сцене «Эмпайр». Я тогда впервые поняла, как они действуют на зрителей. Толпу сдерживала конная полиция… Меня все это очень взволновало, но я думала: да никакой он не битл, он мальчуган, который когда-то сидел со мной на галерке и кричал: «Мими, он в резиновых сапогах!»».

82

По сравнению с товарищами Джон был прямо-таки лорд Снути[481]. В Ливерпуле 1950-х Джордж и Пол считали, что он был из привилегированной семьи. В отличие от них, Джон жил в частном дуплексе, который носил не номер, а название, «Мендипс». Мало того, окна дома выходили на поле для гольфа. У Джона была не «тетушка», а «тетя», в доме жил не просто старый кошак, а сиамская кошка, один из родственников был дантистом в Эдинбурге, а другой работал на Би-би-си. Еще у него был дядя, преподаватель в школе «Ливерпульский институт», который вел у Пола чистописание и английский язык.

Пол потрясенно рассказывал: «У Джона была тетя, Гарриет. В нашем кругу и имен-то таких не слышали, и уж тем более чтобы женщин звали Гарри!.. И Мими… Очень изысканные имена, прямиком из двадцатых-тридцатых, из эпохи джаза. В общем, Гарриет и Мими. Я так и представлял их с сигаретами в длинных мундштуках. Прямо как в книжках Ричмал Кромптон про Вильяма… В этом мире Джон был весьма привлекательным персонажем». Даже сейчас, когда Пол рассказывает об относительно безбедном детстве Джона, в его словах ощущается намек: мол, так-то вот, своего рода снобство наизнанку. Столько лет минуло, а он как будто все еще оспаривает претензии Джона на бедность. «Джон жил по другую сторону поля для гольфа, во всех смыслах. Люди ведь не понимают, но он был из среднего класса. Райончик-то у них зажиточный… Джон как-то обмолвился, что у них в роду были владельцы Вултона. Владельцы целого поселка!» Еще дальше Пол идет в «Антологии «Битлз»»: «Для нас Джон был из *высших* слоев общества… А он, вот ведь смех, всех на хер посылал и сочинил «Working Class Hero». Хотя сам ни разу не из рабочего класса».

В одном из интервью, незадолго до гибели, Джон и сам признал, что никакой он не герой рабочего класса: «Я же был чистенький, аккуратный мальчик из пригорода, в классовой иерархии стоял на полступеньки выше Пола, Джорджа и Ринго. Они ютились в муниципальных домах, а у нас дом был собственный, и сад тоже собственный, а у них ничего такого. На их фоне я был неженкой. Ринго — тот настоящая городская шпана. Он и жил в самом паршивом районе… Я всегда был прилично одет, сыт, воспитан и рос представителем среднего класса, ясно вам?» В зрелые годы Джон стал полагать, что именно это происхождение из среднего, а не из рабочего класса позволило «Битлз» выделиться на общем фоне. В конце концов,

Джордж, Пол и Джон учились в школах-гимназиях. «До той поры рок-н-ролл играли… сплошь черные и бедные: с сельского юга, из городских трущоб. А белые водили грузовики, как Элвис. Но «Битлз» были прилично образованными и грузовики не водили. Пол мог бы в универ пойти. Он всегда был примерным мальчиком. Сдал экзамены. И вышел бы из него какой-нибудь там, не знаю… доктор Маккартни. Я и сам бы мог так, если бы трудился. Просто я ни дня не работал».

Когда группа только-только прославилась, Пол и Джон стали выпячивать ливерпульский акцент; и когда Пол вернулся домой после первого появления на телевидении, его младший брат Майкл спросил: «Ты чего это так по телику говорил? Как Джордж, даже хуже». Ливерпульские сверстники дразнили Пола за то, что он стал чуточку выше по социальной лестнице, сдав экзамены начального уровня и поступив в школу-гимназию «Ливерпульский институт». «Из нашего района мало кто учился в школе-гимназии. Меня дразнили институтским пудингом, так и говорили: «Институтский пудинг хренов…»»

Ранняя слава не спасала от потоков снобизма. Когда «Битлз» отправились на короткие гастроли в Скандинавию в октябре 1963-го, лорд — хранитель печати, член парламента Эдвард Хит заявил, что их трудно понять, потому что они говорят «не на литературном английском»[482]. По возвращении домой битлов попросили прокомментировать это снисходительное замечание. Джон с преувеличенным аристократическим акцентом, четко выговаривая каждый слог, произнес: «Совершенно не понимаю, как Тедди мог такое сказать! Совершенно не понимаю, Тедди!» Затем он с улыбкой посмотрел в камеру и угрожающе добавил: «За Теда голосовать не буду».

Пол: Ого!

В.: Вы же не станете менять свою манеру из-за лорда-хранителя печати?

Джон (с нарочитым ливерпульским акцентом) : А, да не, че мы бум так дальше грить-то? Точняк, а?

Пол: Ага! Да!

Другому репортеру Пол сказал: «Готов спорить, половина его электората все равно не говорит на литературном английском». Позднее Хит, пытаясь загладить свою ошибку, непонятно почему, объявил «Битлз» «спасителями текстильной промышленности, особенно производства вельветовых тканей». Кто знает, возможно, вельвет представлялся ему пиком моды.

© Dennis Oulds/Central Press/Hulton Archieve/Getty Images

Полгода спустя битлы снимали фильм «A Hard Day's Night». Американский режиссер Ричард Лестер, десять лет проживший в Англии, заинтересовался влиянием «Битлз» на классовую систему Великобритании. «Они первыми внушили британской молодежи уверенность, и рассерженные молодые люди с недовольными физиономиями исчезли без следа, — рассказывал он своему биографу. — «Битлз» послали классовые различия далеко и надолго, подняли их на смех и, по-моему, успешнее многих других продемонстрировали возможности равенства. В конце концов все стали считать, что «Битлз» единолично расправляются с британской классовой системой, не имея за спиной ни образования, ни приличного происхождения». При этом и он не удержался и уточнил: «Но разумеется, сами они принадлежали к среднему классу, хотя многие этого и не признавали».

В феврале 1965-го, когда на Багамах снимали «Help!», Элинор Брон вместе с битлами отправилась на званый ужин в Нассау, устроенный якобы в их честь.

Элинор сочла оскорбительным прием, оказанный битлам; к ним отнеслись снисходительно, но в то же время с явным презрением. «Багамский высший свет, по большей части люди среднего возраста, не скрывал ни своего скучающего

любопытства, ни брезгливого отношения к этим «необразованным», «низкородным» юнцам (порождениям государства всеобщего благосостояния), добившимся успеха. Кто знает, какими путями все эти гости заполучили приглашения на скандальный ужин в честь обычных мальчишек, лишь бы только завороти́ть от них носы или — если удавалось подобраться поближе — оскорбить их лично презрительным замечанием, выпрашивая автографы для «обезумевших» внучек. А те, кому близко подобраться не удавалось, взирали на битлов издалека, из-под набрякших век, отмечая малейшие светские промахи, признаки неотесанности и бескультурья, чтобы потом поведать о них всем и вся, пожаловаться на разочарование и доложить о потрясении: куда катится мир!»

Такое же впечатление сложилось и у Виктора Спинетти. «Нас отвезли в особняк министра финансов. Гости, правительственные чиновники и их жены, потягивали напитки и бродили группой, старательно держась подальше от битлов. С высоты своего положения они взирали на парней и говорили, но не с ними, а о них. «Который из них Ринго?» — услышал я. «По-моему, вон тот, носатый», — лениво протянули в ответ. Все так и пялились на ребят. Потом одна дама отделилась от общей группы и подошла к Джорджу.

— Это у вас свои волосы? — спросила она и, не дожидаясь приглашения, подергала Джорджа за пряди. — И впрямь свои, — пораженно сказала она, обернувшись к остальным.

Гости рассматривали «Битлз», как призовых лошадей для поло, хотя, наверное, лошади были бы им куда интереснее».

За ужином каждую тарелку окружали шеренги золотых столовых приборов и бокалов. «Битлз», решив созорничать, разыграли отведенные им роли, то и дело спрашивая: «Ой, а это для чего?» Супруга губернатора с кислой миной обернулась к мужу и пробормотала: «Они не обучены застольному этикету».

Всепроникающая натура британской классовой системы была такова, что даже в лоне семьи тебя поджидали ловушки. Спустя сорок лет после смерти матери Пол признавался Барри Майлзу, что в детстве совершил неприглядный поступок, за который ему по-прежнему «очень неловко». Однажды он упрекнул мать за то, что она слишком уж «по-благородному» тянет гласную «а». «Я маму поддразнил, а она смутилась. Я до сих пор себе этого не простил. Гаденькая шуточка вышла. Вернуться бы сейчас назад и сказать: «Мам, да я же шучу»».

Как известно, тетя Джона, Мими, смотрела свысока на Джорджа из-за его «простонародного ливерпульского акцента». «Тебя так и тянет ко всяком сброду, да, Джон?» — говорила она.

Когда Ринго в 1962-м примкнул к группе, то сменил Джорджа на нижней ступени негласной иерархии. Ринго жил в беднейшей части Ливерпуля, в доме с удобствами во дворе, а вдобавок рос без отца, который бросил семью, когда сыну было всего три года. «Я был из рабочей семьи, а в Ливерпуле тот, кто оставался без отца, внезапно опускался на самое дно».

Вместе со славой к битлам пришел и статус. Они примкнули к классу знаменитостей, традиционно соблюдавшему эдакий пакт о ненападении с высшими слоями общества. На пике успеха Джордж с гордостью рассказывал, чему научился у своей жены, Патти Бойд, окончившей частную школу. «С появлением денег вкус развивается сам собой, — говорил он в 1966-м Морин Клив. — Патти привила мне вкус много к чему. Вкус меняется даже в еде: с яичницы, консервированной фасоли и стейка переключаешься на авокадо. Вот уж не думал, что мне понравятся авокадо. Раньше я смотрел, как их едят, и думал: да ну, воск, бутафорские груши в вазе».

По пути на вершину социальной лестницы битлы невольно набирались знаний. Вспоминая свой брак с Джорджем, Патти говорила, что в его семье «ножи держали, как авторучки, а под «ужином» подразумевали холодную ветчину или свиной пирог, половинки помидоров, маринованную свеклу, дешевый майонез и белый хлеб фабричной нарезки. Ужинали в шесть вечера, а позднее пили чай с печеньем».

Некоторые утверждали, что «Битлз» положили начало разрушению классовой системы. В своем романе «Дитя слова» (1975) Айрис Мердок[483], страстная поклонница «Битлз», описывает, как рассказчик слушает разговор четырех молодых людей из разных слоев общества, собравшихся за одним столом, и размышляет: «Только в данном случае классовых различий не существовало. «Битлз», совсем как Эмпедокл[484], перевернули все понятия».

«Битлз» появились уже после того, как ряд пьес, романов и рассказов — «Оглянись во гневе» (1956), «Путь наверх» (1957), «В субботу вечером, в воскресенье утром» (1958), «Одиночество бегуна на длинные дистанции» (1959)[485] — привлек внимание к английской рабочей молодежи. Эти произведения повествовали о судьбах молодых людей, застрявших на нижней ступени беспощадной иерархической лестницы или вынужденных приспосабливаться ради восхождения по ней. В «A Hard Day's Night» и «Help!» «Битлз» сбрасывают все эти оковы и создают собственный мир; они жизнерадостны и уверены в себе, отметают любые традиции.

В обоих фильмах битлы ломают стереотипы о парнях из

рабочего класса. В одной из сцен фильма «Help!» их «роллс-ройс» въезжает в типичный рабочий район. Две старушки, которых играют Дэнди Николс и Гретхен Франклин[486], машут им рукой с противоположной стороны улицы:

— Милые мальчики и совсем не зазнаются. Слава ни чуточки не вскружила им головы.

— Они ни капельки не изменились, такие же, какими были.

Битлы входят каждый в свою дверь. Камера следует за ними, но попадаем мы не в четыре небольших дома, а в огромный роскошный особняк, обставленный по последней моде 60-х: библиотека с раздвижными полками, устланные коврами полы, кожаные диваны, стильное освещение и даже огромный музыкальный автомат «Вурлитцер». Эта забавная шутка ненавязчиво опровергает мнение о том, что главное — не дать успеху изменить тебя. Битлы — за то, чтобы наслаждаться жизнью, заниматься любимым делом, и не важно, откуда ты родом. В отличие от Джимми Портера и Джо Лэмптона[487], они не озлоблены и не забиты. Они свободны.

83

Говоря о «Битлз», мы говорим о себе.

В конце августа 1966-го в «Сэтердей ивнинг пост» вышла статья британского журналиста Джеймса Морриса[488] «Монархи Битляндской империи». В ней Моррис восхвалял «Битлз» за освобождение Великобритании от классовой системы. Для человека XXI века тон статьи напоминает рассуждения леди Брэкнелл[489], но автор настроен радикально. Сперва он описал появление «четверых молодых задиристых петушков с севера» в «стране, угнетенной классовым расслоением». Когда Моррис приезжал в Ливерпуль, кто-то из местных ему пожаловался: мол, битлы-то — мальчики из школы-гимназии! Однако для Морриса это не имело значения: «Все дело в том, что «Битлз» лишили актуальности вопрос личного происхождения, которым издавна одержимы в Англии». В прошлом региональные различия служили объектом насмешек и использовались для создания комического эффекта, но битлов это не смутило. «Они начисто игнорировали старинное деление английского общества на классы и без особых усилий взяли баррикады обычаев и традиций».

Моррис признался, что он не поклонник группы: «Если честно, я не в восторге от внешнего вида битлов. Их лица мне не нравятся, точно так же как не нравится тмин или картины Рубенса». Привлекали они его «совершенным равнодушием к предубеждениям, дерзкой борьбой с предрассудками». Их слава зиждилась на отстранении от имперского величия. Они — Новые Люди, «британцы, наконец-то освободившиеся от бремени белого человека». Моррис провозгласил, что «сегодня в Англии никуда не деться от праздничного настроения, от бурлящего всплеска свободы».

Далее он рассуждал о том, что многие считали андрогинностью, — все эти длинные волосы, симпатичные лица и худощавое телосложение. Битлы вышли за рамки прежних представлений о мужественности. «Подросткам они якобы нравятся потому, что непонятно, парни это или девушки». Они были, писал Моррис, «бардами… эмансипации», которые «выразили то, что большинство англичан чувствовало интуитивно: пора бы уже радостно избавляться от старых ценностей. Зачем нам вся эта мужественность? Зачем такое серьезное отношение к жизни, стремление к *настоящему* ? К чему вся эта стойкость и невозмутимость? Кто говорит, что они нужны? Почему?»

Джеймс Моррис не стал упоминать в статье, что к тому времени уже два года как принимал премарин, гормональный препарат из мочи беременных кобылиц. В своей автобиографии «Головоломка»[490] он подробно описал свое «постепенное превращение из здорового мужчины среднего возраста и традиционной сексуальной ориентации в нечто крайне близкое к гермафродиту, без ярко выраженных половых признаков и практически лишенное признаков возраста». Полный курс лечения в 1972-м завершился хирургической операцией по смене пола, и Джеймс превратился в Джен.

84

Спустя неделю после торжественного приема «Битлз» в ливерпульской ратуше, который состоялся 10 июля 1964-го, Джон купил свою первую недвижимость. Отныне и ему было где побренчать драгоценностями.

«Кенвуд» — это особняк в псведотюдоровском стиле, в закрытом элитном поселке Сент-Джорджес-Хилл, на окраине города Уэйбриджа, в графстве Суррей, сразу за полем для гольфа. Двадцатитрехлетнему Джону он обошелся в 20000 фунтов, притом что средняя цена дома в то время составляла 3400 фунтов. Джон добавил бассейн («Построили совсем не такой, как я заказывал», — жаловался он потом), бесчисленные предметы роскоши и прочие излишества: два восемнадцатифутовых дивана, мраморный камин, ванна в полу, джакузи в хозяйской ванной комнате. Все это обошлось еще в 40000 фунтов. Такие эксцентрические «усовершенствования» воплощали в жизнь буржуазную мечту.

Каждый день фургоны доставляли в «Кенвуд» невообразимое количество покупок из самых модных магазинов: телефоны и магнитофоны, маскарадный костюм гориллы, доспехи, музыкальный автомат, пинбольный автомат, огромный алтарный крест и пять телевизоров, которые Джон любил держать включенными без звука.

Он объединил две большие мансардные комнаты и разложил там двадцать разных трасс для игрушечных машинок «Скалекстрик», с реалистичным ландшафтом. «Делать так уж делать», — сказал он другу.

Он массово скупал книги, включая Толстого и Оскара Уайльда, в кожаных переплетах, всю серию книг про Вильяма, а вдобавок весьма узкоспециальные труды — например, «Сорок один год в Индии: от субалтерна до главнокомандующего» фельдмаршала лорда Робертса и «Диковины естественной истории» Фрэнсиса Бакленда[491].

© Robert Whitaker/Getty Images

В столовой, обклеенной лиловыми бархатными обоями, стоял длинный белый стол с дюжиной антикварных стульев. Кухня была оснащена новейшими техникой и устройствами, но Джон ими пользоваться не умел. Синтия тоже пришла в замешательство, однако освоила вафельницу. Когда Джону надоело питаться вафлями, он попросил своего декоратора Кена Партриджа прислать человека, который научил бы Синтию пользоваться и другой кухонной техникой. Сам он этого делать не собирался.

Сад был полон садовой мебели и статуй, по большей части выкрашенных в психоделические цвета, потому что Джон и его

приятель Терри решили побаловаться аэрозольными красками. Позднее в дальнем конце сада поселился гигантский восьмифутовый ботинок из фильма «Help!». В четырех поставленных в ряд гаражах стояли три новенькие сверкающие машины: «роллс-ройс», «мини-купер» и «феррари».

Прежде в распоряжении Джона была лишь уютная крохотная спаленка в «Мендипс». Понятно, почему его не тянуло обустраивать двадцать семь спален «Кенвуда» или прогуливаться по его внушительным садам; бóльшую часть времени он проводил на скромной застекленной веранде, свернувшись калачиком на маленьком желтом диванчике, который ему, конечно же, подарила тетя Мими.

В те времена стоило только Джону чего-то захотеть — и вуаля! — на следующий день у него это появлялось. Магазин игрушек «Хэмлис»[492] по договоренности поставлял ему новые настольные игры по мере их выхода.

А вот распоряжаться прислугой было труднее. Джону нравилась дружелюбная приходящая домработница Дот Джарлетт, но та плохо ладила с кухаркой, муж которой, домашний мастер в «Кенвуде», вечно заигрывал с гостьями. Вскоре дочь кухарки развелась с мужем, перебралась к родителям во флигель для прислуги и, не теряя времени, начала строить глазки Джону. Потом из дома стали пропадать вещи. Постоянное воровство и ссоры — как хозяйские, так и между прислугой — создавали в «Кенвуде» атмосферу эдакого «Аббатства Даунтон»[493] в антураже психоделических Свингующих шестидесятых. Однажды пронырливый сосед сообщил Синтии, что Джок, шофер Джона, заядлый курильщик, прямо-таки живет в «роллс-ройсе». «Я совершенно не умела распоряжаться прислугой», — признавалась Синтия. В конце концов пришлось вмешаться Брайану Эпстайну, и он уволил кухарку, ее мужа и шофера.

Вскоре в праздничных декорациях «Кенвуда» начала разыгрываться ибсеновская драма[494]: из дымки прошлого возникали забытые призраки, ставя под угрозу будущее. К тому времени Джон был одним из четверки самых богатых, знаменитых и раскрепощенных людей на планете, но при этом оставался мужем, отцом, племянником и сыном. А еще — зятем. С самого начала он был на ножах со своей напористой тещей, Лиллиан, которая перебралась из Ливерпуля поближе к дочери, в Ишер. Лиллиан постоянно обреталась в «Кенвуде» или моталась по антикварным лавкам и аукционным домам в поисках разнообразного хлама, который, по ее мнению, хорошо вписывался в интерьер. Ей много перепало от щедрот Джона — он

не только купил ей дом, но и содержал саму Лиллиан, — однако же она считала, что Синтия прогадала. Джону было проще делать вид, будто Лиллиан вовсе не существует. Один из гостей вспоминал, как она «сидела на диване, уминая цукаты», а Джон «прошел мимо, не сказав ни слова».

Являлись и более призрачные фигуры. Однажды, когда Синтия была дома одна, в дверь постучались. На пороге стоял незнакомец, «плешивый коротышка с жидкими седыми волосами». Он представился отцом Джона, Фредом; его слова подтверждались первым же взглядом: «у этого немытого оборванца, настоящего бродяги, было лицо Джона».

Объяснив, что Джон вернется через пару часов, Синтия пригласила Фреда в дом, познакомила с внуком, Джулианом, и угостила чаем и горячим бутербродом с сыром.

Беседа шла ни шатко ни валко, пока не отыскалась общая тема: пятидесятидвухлетний Фред упомянул, что давно не был в парикмахерской, и Синтия предложила его подстричь.

По какой-то причине Джон не сказал Синтии, что несколько недель назад, впервые за семнадцать лет, встретился с отцом. Джону было шесть, когда Фред разругался с Джулией из-за опеки над сыном, устроился стюардом на корабль и на четыре года ушел в плавание, а вернувшись в Англию, разбил магазинную витрину, стащил манекен и пустился с ним в пляс. Его арестовали и посадили на полгода.

Из тюрьмы он написал Мими, сестре Джулии и тете Джона, с просьбой помочь ему вернуться в жизнь сына. Ответила Мими жестоко: «Ты превратил свою жизнь в совершенный бардак и навлек позор на семью. Если у тебя осталась хоть капля достоинства, уезжай в Новую Зеландию и забудь о прошлой жизни. Ты же не хочешь, чтобы сын узнал о твоем пребывании в тюрьме?»

К 1963 году Фред скитался по стране, зарабатывая на скудное существование мытьем посуды в гостиницах и ресторанчиках. Он и не надеялся вновь увидеть сына, но тут один из уборщиков в ишерской гостинице «Мур-Плейс» сказал ему, что фамилия лидера «Битлз» — Леннон и что выглядит он точь-в-точь как Фред.

Фред отправил Джону несколько писем, но те остались без ответа. Тогда он обратился к репортеру «Дейли скетч», и тот, почуяв горячий материал, начал переговоры с Брайаном Эпстайном о встрече пропавшего без вести отца и знаменитого сына. Наконец, 1 апреля 1964 года, они встретились в офисе NEMS на Монмут-стрит.

Джон с раздражением (назовем это так) спросил отца: «Ну,

чего надо?» Фред ответил, что ему ничего не нужно. «Я сказал, что талант у него от меня, — заявил он «Дейли скетч» и с типичной для Леннонов бестактностью добавил: — Не сочтите за хвастовство, но двадцать пять лет назад я делал то же самое, что он сейчас, только намного лучше!» На корабле Фред развлекал коллег песнями из мюзиклов: гвоздем программы была «Little Pal» Эла Джолсона[495], которую Фред исполнял с надрывом, вычернив лицо сажей.

Минут через пятнадцать их разговор прервал Эпстайн — под предлогом того, что им назначено на Би-би-си. Встреча выдалась неловкой, но не катастрофической.

Вполне естественно, что Джон испытывал к отцу смешанные чувства; его постоянно бросало от любви к ненависти, а в промежутках он хандрил. Судя по всему, он понял, что по натуре похож на Фреда и, сложись жизнь иначе, последовал бы по отцовским стопам. «Я уже не ненавижу его, как раньше, — говорил он Хантеру Дэвису. — Может, не только его вина, что они расстались, — может, и Джулия была виновата… Если бы не «Битлз», я, наверное, кончил бы, как Фредди». В тот момент Дэвис не поверил, но потом признал, что в этом есть доля правды: «Трудно представить, как Джон ходит на службу, встраивается в офисную иерархию или хотя бы работает художником либо дизайнером — даже без учета того, что он так и не сдал экзаменов в Художественном колледже. Ему бы все это вскоре наскучило. И вполне возможно, он кончил бы жизнь бродягой».

Pratt/Keystone Features/Getty Images

У Фреда сложились неоднозначные отношения с Джоном, который ценил дерзкий, разгульный и бунтарский характер отца и, случалось, в порыве великодушия признавал, что Фред, выросший в приюте, стал жертвой обстоятельств. «Он, в общем-то, неплохой. Чудаковатый, вот как я», — говорил Джон Синтии; почти то же самое он повторил потом Питу Шоттону: «Приятный тип. Забавный такой, чудила — совсем как я».

Их дальнейшие отношения были неровными и взрывными, примирения переходили в ссоры, требующие новых примирений. Даже когда все шло гладко, Фред во что-нибудь да вляпывался. Как-то они разговаривали о музыке, и Джон спросил, какие из его песен нравятся Фреду. «Как по мне, у тебя все песни потрясающие, — ответил тот. — Но особенно мне нравится «Penny Lane»»[496].

Впрочем, Фред не ограничивался проявлением исключительно отцовских чувств. «Ну вот, пора снова искать работу. У Джона — тысячи, у меня — четыре шиллинга, — заявил он репортеру после их первой встречи. — Но я все равно самый счастливый человек на свете». Однако искушение нажиться на родстве оказалось непреодолимым. Сперва Фред продал историю своей жизни журналу «Титбитс» за 200 фунтов, а потом, в 1965 году, записал кошмарный сингл, не то пение, не то декламация,

под названием «That's My Life»[497]. «Я всю жизнь развлекал людей», — объяснял он прессе.

На песню он возлагал большие надежды, но продажи сингла провалились. Как и многие исполнители-неудачники, Фред нашел виноватого — Брайана Эпстайна. Возможно, в этом есть доля правды: в своей автобиографии Синтия вспоминает, как Джон, «разозленный наглой попыткой отца примазаться к его успеху… попросил Брайана сделать все возможное, чтобы такого не допустить. Не знаю, сделал ли что-то Брайан, но песня в чарты не попала». Фред вместе со своим новым менеджером заявился на порог «Кенвуда» в одиннадцать вечера, намереваясь потребовать объяснений, но Джон был не в настроении принимать гостей. «Иди нахер!» — выкрикнул он и захлопнул дверь.

Тем не менее они продолжали поддерживать отношения; Джон помогал Фреду материально, хоть и в скромных масштабах: купил ему двухкомнатную квартиру в Кью и установил содержание — 10 фунтов в неделю. Работая судомоем в толвортской гостинице «Тоби Джаг» в графстве Суррей, Фред обручился с некой Полин, студенткой, на тридцать пять лет моложе его. Он привез Полин в «Кенвуд» и попросил Джона с Синтией дать ей работу и жилье. В «Кенвуде» снова разыграли семейную мелодраму. «Полин прожила у нас несколько месяцев, и это был кошмар, — вспоминала Синтия. — Она постоянно плакала и ругалась с матерью из-за Альфа [Фреда]. Спала в мансарде, а мы только и слышали, как она орет в телефонную трубку и всхлипывает».

Полин Джона невзлюбила: «Я еще не встречала людей, которые бы так отвратительно вели себя за столом. Говорил он мало, просто жевал и буравил меня подозрительным взглядом, впрочем, как и все время, что я жила в «Кенвуде»». Однажды вечером Полин с Фредом отправились в ночной клуб в Кью и встретили там Синтию, одну, без Джона. По словам Полин, «Фредди, шокированный тем, что супруга Джона пошла в клуб без сопровождающих, прочитал ей целую лекцию о супружеских обязанностях […] Я страшно разозлилась на него, потому что он оскорбил Синтию». Вполне возможно, что Синтию оскорбило и кое-что еще, более неприглядное. Пит Шоттон вспоминал, что «терпение Джона лопнуло, когда Фредди попытался соблазнить невестку. Син так расстроилась, что Джон вышвырнул папашу из дому и больше никогда с ним не общался»[498].

Неудивительно, что, пока дома полыхали страсти, Джон искал прибежища в «Санни Хайтс», у подножья холма.

85

Спустя год после того, как Джон обзавелся недвижимостью, Ринго приобрел псевдотюдоровский особняк в том же элитном поселке и нанял строительную компанию для проведения капитального ремонта. Вскоре все вышло из-под контроля. В попытке снизить затраты и в надежде подыскать надежное вложение на будущее, когда пузырь все же лопнет, Ринго купил эту компанию. Вот только бизнесмена из него не вышло: на особняк, приобретенный за 37000 фунтов, он потратил еще 53000, а четыре года спустя продал его за 47000. Не добилась успеха и строительная компания. Когда Ринго спрашивали, что пошло не так, он отвечал: «Никто не хотел покупать дома, которые мы строили».

Впрочем, все развлекались напропалую, и Джон с Синтией приходили в гости к Ринго, когда хотели взбодриться, то есть почти постоянно. В отличие от «Кенвуда», который быстро превратился в музей выдохшегося энтузиазма, «Санни Хайтс»[499] полностью соответствовал названию: это был дворец веселья, не омраченный ни гневом, ни жалостью к себе. Ринго пристроил к дому целое крыло, добавил мастерскую и домашний кинотеатр, а в гостиной открыл свой собственный паб «Летающая корова» — с зеркалами и спортивными плакатами на стенах и психоделической светомузыкой. Он обожал стоять за барной стойкой, дергать рычаги пивных насосов и жать кнопки настоящего кассового аппарата. Были в «Летающей корове» и дартс, и бильярд, который специально привезли самолетом из Америки. «У Старки был праздник каждый день, — вспоминала Синтия. — Ринго был общительным, охочим до веселья, клоуном и шутом. Он очень заразительно смеялся. Они с Морин, оба раскованные и дружелюбные, составляли сногсшибательный дуэт».

© *Keystone-France/ Gamma-Rapho via Getty Images*

«Санни Хайтс» во многих смыслах был куда роскошнее и богаче «Кенвуда». Ринго, узнав, что у Джона в доме пять телевизоров, решил, что это как-то маловато, и установил в каждой комнате телевизор и два телефона. Отчего-то он терпеть не мог швы, поэтому заказал себе в гостиную уилтонский ковер шоколадно-коричневого цвета, сотканный единым полотном[500]. Правда, вскоре выяснил, что между роскошью и счастьем прямой связи нет; чаще всего одно просто замещает другое. Когда карикатурист Джеральд Скарф[501] рисовал на свободной стене портрет Ринго, то заметил, что многие комнаты пустуют: «По-моему, он просто не знал, что с ними делать, потому что рос в двухэтажном доме на четыре комнаты». В марте 1968-го Рэй Коннолли, приехав к Ринго в гости, обнаружил, что хозяин теряется от богатого выбора. «В Ливерпуле у меня есть друг, Рой, — рассказывал тогда Ринго, — ну, он столяр, и у него всего тридцать пластинок. Но с каким удовольствием он их слушает! А у меня тут целый шкаф с пластинками, сотен пять, наверное: открываю его, хочу что-нибудь послушать — и тут же закрываю, потому что сам не знаю, какую поставить… Мне скучно, как и

всем, но вместо трех часов по вечерам у меня на тоску весь день. Даже этот дом — игрушка. В Ливерпуле я жил в четырехкомнатном домишке, и пределом мечтаний был дуплекс в Эйгберте[502].

Так иногда хочется стать неизвестным, вернуться в ливерпульский дом. Да, трудно приходилось, но та жизнь была проще. Я только тут понял, какими мелкими были те проблемы».

86

Вечеринка:

Студия номер 2, EMI, Эбби-роуд, Лондон, NW8,

1 июня 1966 г.

«Битлз» уже записали на пленку ритм-трек для «Yellow Submarine»[503] вместе с шатким вокалом Ринго и его бессвязным, псевдопоэтическим вступлением[504] («And we will march to free the day to see them gathered there, from Land o'Groats to John o'Green…»)[505]. Но это, по сути, песня для большой компании, чтобы подпевали все, поэтому вечером битлы приглашают в студию друзей и знакомых, любителей повеселиться, — Патти Бойд, Мика Джаггера, Брайана Джонса, Марианну Фейтфулл и верного водителя Альфа Бикнелла.

Приходят они, как мягко выразился инженер звукозаписи Джефф Эмерик, уже в «праздничном настроении». Судя по виду, за ужином, с которого они прибыли, «подавали не только еду». Сам Джефф никогда травкой не баловался, но с музыкантами общался много, поэтому душок распознал сразу: «После того как битлы и их гастрольные менеджеры втихую курили косячок в углу, по студии витал характерный запашок, но вряд ли Джордж Мартин, человек строгих взглядов, понимал, что происходит».

Студия быстро превращается в типичную вечеринку Свингующих шестидесятых: женщины в мини-юбках и свободных блузках, мужчины — в лиловых клешах и полушубках. Эмерик чувствует, что никто не собирается вести себя примерно — «Ясно было, что мне эту компашку не сдержать», — и раздает им ручные микрофоны на длинных шнурах.

Джон заявляет, что хочет спеть так, будто он под водой. Пробует полоскать горло и петь одновременно, но в итоге чуть не захлебывается. Тогда он меняет тактику и требует, чтобы в студию принесли цистерну, — он будет петь, опустив в нее голову.

Джордж Мартин уже наловчился справляться с закидонами Джона и пробует его разубедить. Однако Джон непреклонен. Эмерик предлагает компромисс: может, опустить микрофон в воду? Джордж боится, что микрофон испортится, и

предупреждает Эмерика: ущерб будешь возмещать из своего кармана.

Ищут, во чтобы такое водонепроницаемое поместить микрофон. У Мэла Эванса в сумке завалялся презерватив. Эмерик натягивает его на микрофон и опускает в молочную бутылку, наполненную водой. Как только битлы собрались приступить к записи, в студию заглядывает деловитый управляющий, мистер Фаулер, — проверяет, все ли в порядке.

Эмерик понимает, что ему грозит немедленное увольнение, если мистер Фаулер заметит микрофон в молочной бутылке. Но смекалистый Джон при виде мистера Фаулера хватает бутылку и прячет ее за спину.

— Все хорошо, ребята? — спрашивает мистер Фаулер.

— Да, сэр, мистер Управляющий студией, сэр, все абсолютно превосходно, сэр, — отвечает Джон под сдавленное хихиканье присутствующих, включая Джорджа Мартина.

Запись продолжается, но «подводный» звук неудовлетворителен и вскоре о нем забывают. Даешь вечеринку!

«Битлз» совершают набег на студийный чулан, прозванный «Ловушкой», кладезь всякого хлама: противогрозовые устройства, старые садовые шланги, футбольная трещетка, ручные колокольчики военного времени, цепи, гонги, ветродувка, свистки и гудки. «Прекрасные люди» хватают все подряд и под смех и звон бокалов начинают подпевать. На пластинке, во втором куплете слышны крики и улюлюканье, а громче всех отрывается тихоня Патти Бойд.

И вот уже все набиваются в тесную эхокамеру в дальнем конце студии. Эмерик вновь улавливает «слабый запах «благовоний»». И пока все звенят, хихикают, гремят и гудят, Джон дурашливым голосом, подражая Болванам[506], командует: «Полный вперед, мистер боцман! Полный вперед!» Под конец вечера Мэл Эванс марширует по студии, колотя в большой барабан, подвешенный на груди, а остальные с громкими воплями тянутся следом, отплясывая конгу.

87

«Вечеринка для избранных» перед открытием клуба-дискотеки «Сибилла» на Своллоу-стрит в Мэйфере состоялось 21 июня 1966 года, в помещении клуба. Кэти Макгоуэн[507], ведущая телепрограммы «На старт, внимание, марш!», написала для журнала «Куин» обзорный материал, упомянув, что «более блистательного списка приглашенных знаменитостей вообразить просто невозможно».

В проспекте клуба говорилось, что членство не основывается на традиционном классовом делении «по родословной, образованию и достатку»; новые требования были куда современнее и в равной степени расплывчаты: «модность».

Кевин Макдональд, совладелец клуба, сказал в интервью Джонатану Айткену[508], что он и его партнеры собрали «всех новых аристократов Великобритании… современную молодую элиту стиля, вкуса и чувственности… самых творческих людей; самых востребованных; самых умных; самых популярных артистов; самых светских людей».

Список гостей[509] был опубликован в следующем выпуске журнала «Куин» под заголовком: «А скольких свингующих лондонцев знаете вы?»

Джон Барри, композитор
Джейн Биркин, актриса, супруга Джона Барри
Жаклин Биссет, актриса
Патти Бойд, жена битла
Дэвид Бэйли, фотограф
Терри Говард, фотограф (основной акционер)
Николас Гормастон, англо-ирландский аристократ
Майк д'Або, певец, который скоро присоединится к группе *Manfred Mann*
Найджел Демпстер, светский колумнист
Мик Джаггер, участник «Роллинг стоунз»
Брайан Джонс, участник «Роллинг стоунз»
Терри Донован, фотограф
Майкл Кейн, актер
Джули Кристи, актриса
Мэри Куонт, модельер
Лесли Кэрон, актриса
Джон Леннон, участник «Битлз»
Кэти Макгоуэн, ведущая «На старт, внимание, марш!»
Кевин Макдональд, копирайтер (основной акционер)
Пол Маккартни, участник «Битлз»

Дэвид Млинарич, дизайнер

Эндрю Луг Олдэм, менеджер «Роллинг стоунз»

Джейн Ормсби-Гор, дочь посла Соединенного Королевства в США

Сэр Марк Палмер, основатель модельного агентства «Инглиш бой»

Лэнс Персивал, эстрадный артист

Сэр Уильям Пиготт-Браун, жокей национальной охоты, главный акционер

Александр Планкет Грин, предприниматель в сфере моды, супруг Мэри Куонт

Майкл Рейни, модельер, владелец бутика «Ханг он ю»[510], супруг Джейн Ормсби-Гор

Кит Ричардс, участник «Роллинг стоунз»

Эдина Ронай, дизайнер и актриса

Морин Старки, супруга битла

Эрик Суэйн, фотограф, бывший парень Патти Бойд

Гордон Уоллер, певец, участник *Peter and Gordon*

Алан Фриман, диск-жокей (акционер)

Брюс Хайэм, застройщик (основной акционер)

Анита Харрис, певица

Селия Хэммонд, модель

Перегрин Элиот, аристократ

В том году шотландский аристократ Робин Дуглас-Хьюм[511] опубликовал статью в «Дейли экпресс», где говорилось, что теперь лондонский «привилегированный класс» — это «актеры, поп-певцы, стилисты и модели». Времена изменились, заявил он. «Если бы в ресторан, где свободным остался всего один столик, вошли какой-нибудь 14-й граф, владелец обширных охотничьих угодий, и Джордж Харрисон с Патти Бойд, то кому отдали бы столик? Любой здравомыслящий метрдотель предложил бы его Джорджу с Патти».

Однако сохранялись очаги сопротивления. В канун Нового года в 1966-м Джорджа не пустили в «Аннабель», модный ночной клуб в Мэйфере, куда он пришел без галстука. В своей автобиографии леди Аннабель Голдсмит[512], в честь которой клуб и получил название, вспоминала тот инцидент с плохо скрываемым удовольствием: «Тридцать первого декабря 1967 года *(тут она промахнулась на год)* битл по имени Джордж Харрисон подошел к сине-золотому навесу у входа, намереваясь стильно встретить Новый год вместе с женой, Патти Бойд, менеджером Брайаном Эпстайном и приятелем, рок-звездой Эриком Клэптоном. Бородатый, в джемпере-водолазке и с толстым шарфом на шее, Джордж был ошеломлен, когда швейцар

отказался его впустить из-за несоответствия дресс-коду. Он страшно оскорбился, когда ему предложили рубашку и галстук, и заявил, что «Битлз» без «Аннабель» обойдутся, а вот «Аннабель» без них — нет. Швейцар невозмутимо ответил: «Ничего подобного. Такого никогда не было и сейчас не будет». Новый год Харрисон и его друзья встречали в кафе «Лайонс-Корнер-хаус» неподалеку».

88

Мы выбрались на мочальный тур[513] по Ливерпулю. «Вон там римско-католический собор, у него четыре колокола: Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Но битломаны называют их Джон, Пол, Джордж и Ринго! На днях я рассказал эту шутку одному американскому туристу, и он такой: «Ринго? Отличное имя для колокола!»[514] А я ему: «Шутки здесь придумываю я, приятель»».

За углом, на Оксфорд-стрит, — здание бывшего родильного дома, где сейчас расположен университетский департамент. Гид-конкурент привел туда свою группу.

— Добрый день солнечному свету! — здоровается он с нашим гидом и добавляет: — А вот и солнце![515]

Наш гид Стиви Ти через силу хихикает и, дождавшись, когда соперник скроется, подводит нас к памятной табличке у парадной двери.

> У Джулии Леннон, в девичестве Стэнли,
> родился сын Джон Леннон (1940–1980)
> здесь, в бывшем Ливерпульском родильном доме
> в 6:30 вечера 9 октября 1940 г.

Гид рассказывает, что всю ту неделю нацисты бомбили город: «А вот девятого октября налетов не было. Должно быть, Джон пел «Give Peace a Chance»»[516]. В Ливерпуле на «Битлз» завязано все.

Он везет нас в дальний конец Хоуп-стрит, к Гамбье-Террас, красивому кварталу, построенному в 1830-е, неподалеку от англиканского кафедрального собора.

— Итак, битлов вы все знаете. А имя Рода Мюррея вам о чем-нибудь говорит?

Мы делаем вид, что ответ вертится у нас на языке.

— Что, не припоминаете, да? — снисходительно говорит гид.

В Ливерпуле проходит Неделя «Битлз», и уровень эрудиции на эту тему просто зашкаливает. Я целый год читал о них и все равно, по сравнению с большинством поклонников, едва дотягиваю до середнячка.

Оказывается, Род Мюррей входил в богемную группу *The Dissenters*[517], принципиально не исполнявшую музыки. В начале 1960-х Джон и Стю Сатклифф жили у Мюррея в клоповнике на втором этаже дома на Гамбье-Террас. Джон говорил, что это была просто помойка. Стиви Ти дает нам время сделать фотографии парадной двери, через которую входил и выходил Джон.

Мы возвращаемся в микроавтобус, и Стиви Ти рассказывает о

битломанских турах в других городах.

— Я съездил в Манчестер. К сожалению, там ничего нет. Не осталось тех мест, где бывали битлы. Один симпатичный тип организует экскурсии по рок-н-ролльным местам Манчестера: *Stone Roses, Oasis*, вот это все… Как бишь его? Уайльд. Пол Уайльд, точно!

Спрашиваю, разделяют ли его дети интерес к битлам.

— Если честно, им музыка вообще неинтересна. Правда, на днях мой младшенький включил какую-то музыку, ну я и заглянул к нему, послушать… знаете, что это было? Барри Уайт![518] БАРРИ УАЙТ!

Я сочувственно качаю головой.

Мы едем в Токстет. Стиви Ти паркуется у дома номер 9 на Мадрин-стрит — тут жили дед и бабушка Ринго и родился он сам. В 2005-м городской совет Ливерпуля принял решение снести Мадрин-стрит и десять улиц по соседству. Битломаны так громогласно возмущались, что дом номер 9 не тронули. Пообещали разобрать его по кирпичику и хранить, пока для него не найдут подходящего места. Подумывали восстановить его в Ливерпульском городском музее, но что-то не срослось.

Сворачиваем за угол, к дому номер 10 на Адмирал-Гроув, где с шести лет Ринго жил с матерью. Спрашиваю у Стиви Ти, купил ли Ринго матери дом получше, когда разбогател и прославился.

— Он купил для нее милое бунгало в Гейтакре[519], где она и жила до самой смерти. Но ей там не нравилось — слишком роскошно.

Дом номер 10 выкрашен белым и розовым, как праздничный торт. Не так давно пожилая бизнес-леди, по имени Джеки Холмс, купила его за 70000 фунтов; ей также принадлежит дом номер 9 на Ньюкасл-роуд — старый дом Джулии Леннон, — и дом номер 25 на Аптон-Грин, где когда-то жил Джордж. Никто не знает, что она собирается с ними делать.

Туристы из группы гида-конкурента с любопытством заглядывают в окна дома номер 10, так что нам приходится ждать, чтобы познакомиться с чужим личным пространством. Смотреть, правда, особо не на что: в гостиной пусто. Чтобы время зря не пропадало, Стиви Ти рассказывает очередную байку из жизни битлов:

— Сортир был во дворе, у задней стены. Поклонники забирались на нее и, как только Ринго выходил по нужде, поднимали ор на весь Ливерпуль, так что все знали, когда Ринго сел на толчок.

Следующий пункт нашего «сказочно-битловского тура» — озеро в Сефтон-парке.

Мы смотрим на него с дороги. Вот тут, говорит Стиви Ти, Фред Леннон впервые повстречал Джулию. Вдалеке едва виднеется стеклянный купол Палм-Хауса, оранжереи в Сефтон-парке.

— Она в ужасном состоянии. Джордж дал полмиллиона на ремонт, но не хотел огласки.

Судя по всему, ливерпульские законы требуют, чтобы любое здание, хоть как-то связанное с «Битлз», было отмечено памятной табличкой или скульптурой. На набережной Пир-Хед стоит памятник «Битлз», и еще восемь — в квартале Кэверн-Куортер, в том числе статуя Джона Леннона у входа в клуб «Кэверн», а статуя Элинор Ригби на Стэнли-стрит — работа того самого Томми Стила.

В 2002-м Йоко Оно открыла памятник Джону в ливерпульском аэропорту имени Джона Леннона. Табличек тоже невероятное множество: таблички, посвященные Бобу Вулеру, первому менеджеру «Битлз»; Мэлу Эвансу, их гастрольному менеджеру; *The Quarrymen* и *The Dissenters*. Табличка на Родни-стрит, между тату-салоном и салоном по сведению татуировок, гласит: «ЭТА ТАБЛИЧКА УСТАНОВЛЕНА В ПАМЯТЬ О ТОМ, ЧТО БРАЙАН СЭМЮЭЛЬ ЭПСТАЙН РОДИЛСЯ ЗДЕСЬ 19 СЕНТЯБРЯ 1934 г. + УМЕР В ЛОНДОНЕ 27 АВГУСТА 1967 г.». Есть еще таблички на зданиях клуба «Кэверн» и клуба «Касба», паба «Грэйпс», на всех домах, где жили по отдельности каждый из битлов, и на зале «Гровенор-боллрум», где они выступали. По некотором размышлении начинаешь понимать, что проще было снабдить табличками ту горстку домов, которая никак не связана с «Битлз».

Стиви Ти проводит нас в гостиницу «Сефтон-Парк», «расположенную в доме бывшего битла и предлагающую комфортное проживание, радушный прием и отличные еду и напитки». Табличка у входа гласит:

> СТЮАРТ САТКЛИФФ
> ДОМ СЕМЬИ СТЮАРТА САТКЛИФФА
> 1961–1970 гг.

Связь явно притянута за уши, поскольку все знают, что Стю умер очень молодым, еще до того, как «Битлз» прославились. Позднее я проверил даты: Стюарт Сатклифф умер от кровоизлияния в мозг 10 апреля 1962 года в Гамбурге, прожив в Германии бóльшую часть 1961 и 1962 годов. Да, он был в Ливерпуле с 20 января по 27 марта 1961 года, но еще до того, как сюда перебралась его семья. Остается лишь несколько дней в августе 1961 года, когда он приехал из Гамбурга сдать анализы, и

несколько дней в феврале 1962-го, когда он приезжал навестить мать после операции.

Ну и ладно! Обеденный зал гостиницы увешан фотографиями: Стю и битлы, Стю и Астрид, Стю и Джон. Многословная приписка к обрамленной копии свидетельства о рождении Стю гласит: «Внезапная смерть Стюарта в Гамбурге — часть истории «Битлз»; карьера этого талантливого художника и музыканта трагически оборвалась в молодости, однако Стюарт, один из основателей группы и близкий друг Джона Леннона, оказал поистине легендарное влияние на «Битлз»».

Мы возвращаемся в микроавтобус, и Стиви Ти сообщает, что на следующей неделе он едет в Бангор, что в Уэльсе, вместе с группой шведских битломанов. Они планируют осмотреть места, где побывали битлы, приехав на семинар к Махариши в августе 1967-го.

— Это я не по работе, а так, для себя. Чувствую, оторвемся, — говорит Стиви Ти. — Угадайте, куда едем дальше?

Он нажимает кнопку на приборной панели. Из динамиков в салоне раздается «Penny Lane». Останавливаемся у уличной таблички с надписью «Пенни-лейн» и ждем, пока разойдутся предыдущие группы туристов, чтобы подъехать ближе и присмотреться. Стиви Ти объясняет, что табличка не подлинная.

— Как только вышла «Penny Lane», их стали воровать. В конце концов муниципалитет перестал их заменять. Так что уличные таблички с надписью «Пенни-лейн» разлетелись по всему миру, а на Пенни-лейн их нет!

Нынешняя табличка, прочно прикрепленная к стене, испещрена подписями фанатов и с недавних пор защищена прозрачным акриловым щитком — в 2018 году Джеймс Корден снял в Ливерпуле эпизод «Carpool Karaoke» с участием Пола Маккартни, который добавил на табличку свой скромный автограф.

Останавливаемся у церкви Святого Варнавы, где Пол Маккартни пел в хоре, а потом время от времени играли и «Битлз». Теперь здесь паб.

— Кашпо у входа очень симпатичные, украсят любую фотографию. Кстати, внимание, вопрос: какой знаменитый музыкант раньше жил в квартире наверху? Ни за что не угадаете! Знаете? Нет? Ладно, избавлю вас от мучений: Фредди Меркьюри! Да-да, Фредди Меркьюри! Невероятно!

Когда мы уходим, Стиви Ти указывает на пожилого мужчину на парковке:

— Смотрите! Это же ЛЕН ГАРРИ! А рядом с ним — его супруга!

Мы разыгрываем живой интерес, а Стиви Ти, видя, что мы не понимаем, о ком речь, сообщает, что Лен Гарри был в первоначальном составе *The Quarrymen*. Пенни-лейн богата на здания, упоминаемые в песне: тут тебе и парикмахерская, и банк, и стоянка на круге, но они скучнее, чем ожидалось. Парикмахерская никуда не делась и называется теперь «Тони Слевин», но парикмахер не «показывает фотографии», а сам служит объектом съемки: всякий турист так и норовит сделать селфи на фоне его витрины.

— Джон, Пол и Джордж — все приходили сюда стричься, — с гордостью заявляет Стиви Ти.

Я уже хочу спросить, а как же Ринго, но вопрос испаряется с языка. Знаменитая «стоянка на круге» теперь носит вывеску «Бистро «Сержант Пеппер»», но помещение заколочено, и никакого бистро нет. Оказывается, некий Рэй Маатук[520] в 2004-м купил бывшую автобусную стоянку, чтобы открыть в ней «битловское бистро», но с тех пор это место так и пустует. А как же «банкир, что даже в проливной дождь не носит плаща»?[521] Где же банк?

— Здесь было три банка, и каждый претендовал на это звание, — объясняет Стиви Ти, — но остался только один, отделение «Ти-эс-би». Вон там, видите? Вот они и утверждают, что это — то самое.

Мы говорим о Лене Гарри. Наверное, некоторые из участников *The Quarrymen* до сих пор жалеют, что не вошли в «Битлз»? Если бы в состав изначально входили Джон, Пол, Джордж и Крейг, а я покинул бы группу ради постоянной работы, то потом наверняка бы обзавидовался.

— Нет-нет, это вряд ли, — задумчиво говорит Стиви Ти. — Ну разве что Чес Ньюби. Понимаете, Чес был красавчик, прямо как Пол. Он играл на басу, прямо как Пол, и он был левшой, прямо как Пол.

Я понимающе киваю, лишь бы Стиви Ти не раскусил, что этот Чес Ньюби мне совершенно не известен.

Позднее я пробиваю его в интернете. Оказывается, Чес Ньюби не был, как я сперва предполагал, постоянным участником *The Quarrymen*. Он подменял Стю Сатклиффа на четырех выступлениях в декабре 1960-го. Джон приглашал его в Гамбург, но Чес предпочел университет. Потом он стал учителем математики в Дройтвиче, а в семьдесят пять, уже будучи пенсионером, впервые присоединился к *The Quarrymen*, на полвека опоздав на свой поезд.

— А вот вам вопрос. Прекрасно подходит для финального вопроса программы «Кто хочет стать миллионером?». Под каким

псевдонимом иногда выступал Джордж Харрисон? — (У всех растерянные лица.) — Хотите знать ответ? — Стиви Ти паркует микроавтобус и указывает на уличную табличку. — Арнольд Гроув!

Мы стоим у дома номер 12, в котором родился Джордж Харрисон.

— Двухэтажный дом, четыре комнаты, шесть человек, ванной комнаты нет. Когда приходила пора мыться, то с крючка снимали жестяное корыто и ставили на огонь чайник.

Пялимся на парадную дверь. Пялимся на окна второго этажа. Пялимся на окна первого этажа. Фотографируем. Чувствую себя немного неловко. Дом номер 12 по Арнольд-Гроув не находится в ведении Национального фонда, он принадлежит пенсионерке Кейтлин Хьюз, бывшей сиделке. В 2015-м миссис Хьюз пожаловалась «Дейли телеграф», что «до смерти устала от туристов»: «По улице ездят туристические такси, а летом их тут ежедневно сотни. По выходным они приезжают постоянно, даже в два часа ночи. Я живу одна… Это жуть какая-то, когда незнакомцы таращатся к тебе в окна или стучатся в двери в любое время суток… Я этим сыта по горло, и соседи мои тоже. Сотни автобусов привозят к моему дому туристов с круизных теплоходов. Однажды приехала целая футбольная команда «Бавария», они все ко мне в окна заглядывали. Ну куда это годится?..»

Мы незаметно уезжаем. Следующая остановка — Вултон и Строберри-филдз[522], где Стиви Ти снова нелестно отзывается о конкурентах:

— Найдутся такие гиды, которые укажут вам на то вон дерево, или вон на то, или на это и скажут: «Это то самое дерево, про которое Джон Леннон поет «На моем дереве, думаю, нет никого»[523]. Бесит! Они с ума сошли! Он же не поет ни о каком конкретном дереве! Он же говорил, что когда рос, то чувствовал себя особенным, ни на кого не похожим. Вот что означает строчка «нет никого на моем дереве»! А они все тычут пальцами в это дерево или в то! Ох и бесят они меня!»

В 2000-м оригинальные кованые железные ворота украли и сбагрили скупщику металлолома. Два дня спустя скупщик заподозрил неладное и обратился в полицию.

Теперь оригинал в хранилище, а то, что мы видим, — копия.

Едем дальше, в церковь Святого Петра. Во дворе толпятся туристические группы, и Стиви Ти ведет нас через дорогу, в церковный зал для собраний, у которого висит очередная табличка:

> В ЭТОМ ЗАЛЕ 6 ИЮЛЯ 1957 г. ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ ДЖОН И ПОЛ

К табличке прилагается собственная табличка, уже металлическая и куда более многословная. Текст для нее как будто надиктовали в пабе под самое закрытие:

> Шестого июля здесь на приходской ярмарке в составе *The Quarrymen* выступали Эрик Гриффитс, Колин Хэнтон, Род Дэвис, Джон Леннон, Пит Шоттон и Лен Гарри.

Вечером перед концертом в этом зале Айвен Вон, иногда игравший в группе, представил Джону Леннону своего друга Пола Маккартни. Джон вспоминал потом иногда: «Именно в тот самый день, день, когда я повстречал Пола, все и закрутилось».

Мы фотографируем зал, табличку и табличку к табличке, а когда идем ко двору, то Стиви Ти старательно избегает других гидов.

— У вас с ними товарищеское соперничество? — спрашиваю.

— Не товарищеское, — отвечает Стиви Ти напряженным голосом. — Многие из них понятия не имеют, о чем говорят. — Он выводит нас во двор церкви. — Идите сюда. Видите? Вот, взгляните!

Мы смотрим на надгробие Джона Маккензи, который «умер 16 сентября 1915 г. в возрасте 73 лет».

— Другие гиды несут всякую ахинею, якобы это — тот самый отец Маккензи из «Eleanor Rigby», и предлагают всем сфотографировать могильную плиту. И вы еще спрашиваете, за что я их так не люблю! Хотите знать правду? Хотите? Так я вам расскажу. А правда в том, что настоящий отец Маккензи никаким боком не связан с этим вот отцом Маккензи. Настоящего отца Маккензи звали не Джоном, а Томом. И не был он никаким священником. Просто человеком, который объявлял о выступлении «Битлз». Они его в шутку и прозвали отцом Маккензи. Он вообще был отставным военным и, говорят, постоянно штопал носки. Ничего не напоминает? Верно, «штопает носки по ночам, когда нет никого»[524]. Смекаете? Так что прошу вас, умоляю, не говорите мне, будто Джон Маккензи — это тот самый отец Маккензи. Бесит!

89

Доктринальные разногласия среди историков «Битлз» сродни вероучительному расколу в раннехристианской церкви. За надгробием Джона Маккензи и чуть влево есть могильные плиты семейства Ригби, в том числе Элинор, чья могила находится примерно в середине ряда. Стиви Ти сетует, что гиды-конкуренты убеждают туристов, будто бы это и есть знаменитая Элинор Ригби.

— Милая романтическая история. Одна беда — вымышленная!

Стиви Ти разделяет мнение битловедов, которые утверждают, что фамилию Ригби Пол увидел на вывеске бристольской винной лавки. А имя Элинор — это в честь Элинор Брон. Сам Пол несколько раз подтверждал эту версию, но это никак не помогло заткнуть тех, кто считает иначе.

Лайонел Барт как-то заявил, будто бы «Пол всегда думал, что имя Элинор пришло ему в голову после съемок с Элинор Брон в фильме «Help!», но я убежден, что это имя он взял с надгробия на кладбище близ Уимблдон-Коммон, где мы с ним прогуливались. На могильной плите значилось: «Элинор Байгрейвз». После этого он пришел ко мне в офис и стал наигрывать мелодию на моем клавикорде».

Самые различные объяснения предлагаются и для того, откуда взялась фамилия отца Маккензи. Пит Шоттон вспоминал, как при нем Пол назвал священника «отец Маккартни». Тогда Шоттон ему сказал: «Погоди-ка, Пол, все же решат, что это твой несчастный отец живет сейчас в Ливерпуле один-одинешенек и штопает носки». А потом он якобы сказал: «Дай-ка телефонную книгу, я пройдусь по всем Макам». Сперва он предложил Маквикар, а когда оно не подошло — Маккензи.

Однако в 1966 году, в интервью Хантеру Дэвису для «Санди таймс» Пол, страдающий простительной привычкой помещать себя в центр внимания, вспоминал, что это он, а не Пит листал телефонный справочник в поисках другого Мака: «Я зарылся в телефонную книгу и нашел там Маккензи».

Тридцать один год спустя, в 1997-м, Пол рассказал Барри Майлзу, как к нему, подобно лже-Анастасиям[525], явился лжеотец Маккензи: «Приходит как-то тип — он умер пару лет назад, — и говорит: «Я — отец Маккензи». Всякий, кого звали отцом Маккензи и кто хоть как-то контактировал с битлами, вполне естественно предполагал: «Ага, я общался с Полом, а значит, это он про меня песню сложил»».

Есть и разные версии о том, кто же сочинил саму песню: Пол, Джон или они оба.

В 1971-м, в интервью «Мелоди мейкер», Джон заявил, что написал «по меньшей мере пятьдесят процентов песни». К 1972-му, в интервью «Хит парадер», его вклад вырос до «семидесяти процентов». Позднее, в том же году, в разговоре с Рэем Коннолли — до «восьмидесяти», а за неделю до гибели Джон в интервью «Плейбою» был уже не столь конкретен в цифрах, но все так же безапелляционно заявил, будто «первый куплет — его [Пола], а все остальное — в принципе, мое».

Но те, кто присутствовал при сочинении текста, вспоминают, что вклад Джона был незначителен. Даже его верный друг, Пит Шоттон, считал участие Джона «практически нулевым». Когда Пол не мог придумать концовку, Пита «посетила мысль. «А может, Элинор Ригби умрет? — предложил я. — И отец Маккензи отслужит панихиду? Так два одиноких человека наконец встретятся, хоть и поздно»».

Тогда Джон впервые открыл рот, и то лишь затем, чтобы осадить друга: «Ты, похоже, не въезжаешь, чего мы добиваемся, Пит». Пит обиделся. «Мне в голову только один ответ пришел: «Иди ты в жопу, Джон»». На этом сеанс творчества закончился. Но когда Пит первый раз услышал запись, то «был на седьмом небе от счастья» оттого, что Пол все же к нему прислушался. «Похоже, подумал я, это Джон не въехал, чего мы там добивались».

Почему Джон так преувеличивал свой вклад в создание текста «Eleanor Rigby»? Возможно, просто из зависти. Текст именно этой песни «Битлз» получил хвалы неизмеримо больше прочих, к тому же от всех нужных людей. Когда она вышла, Джордж Мелли заявил: «Поп-музыка достигла зрелости», а Джерри Либер[526] сказал: «Вряд ли кто-то сочинил песню лучше». «Eleanor Rigby» понравилась поэтам, например тому же Аллену Гинзбергу, который утверждал, будто поставил пластинку для Эзры Паунда[527] и тот выслушал ее «с легкой улыбкой». Том Ганн[528] сравнил тест песни с балладой Одена «Мисс Джи»[529]. Карл Миллер[530] включил ее в свою антологию «Современная английская литература». Джеймс Фентон[531] вспоминал, что Оден слушал ее «в поисках вдохновения». Не так давно романистка и критик А. С. Байетт[532] хвалила текст песни за то, что тот обладает «минималистическим совершенством рассказов Беккета». Привлекает песня многих: за прошедшие годы ее выбрали в качестве «Диска для необитаемого острова» такие люди, как ученый-космолог Карлос Франк, актриса Патриция Хейс, американская оперная певица (меццо-сопрано) Кэти Берберian, армянский шансонье Шарль Азнавур и бывший

канцлер казначейства Джеффри Хау[533].

Писательница-битловед Эрин Торкельсон Уэбер, автор книги ««Битлз» и историки»[534] (2016), предлагает иной взгляд на причины столь сомнительных притязаний Джона. В 1971-м в интервью «Плейбою» изворотливый бизнес-менеджер «Битлз» Аллен Клейн[535] признал, что в попытке подольститься к Джону решил «напомнить» ему о его же авторстве «Eleanor Rigby», ты-де же написал процентов 60–70 процентов текста. «Он просто не помнил этого, пока я его не усадил и не заставил разложить все по полочкам».

Торкельсон приписывает ошибку Джона напористости Клейна: «Похоже, что Клейн, стремясь стать менеджером «Битлз» и снискать расположение Леннона, убедил его, что это он, Джон Леннон, сочинил строки, автором которых на самом деле является Маккартни».

90

Слава дает свои преимущества. Однажды тихим воскресным днем автор-исполнитель Донован[536] сидел дома, в Мейда-Вейл[537], как вдруг в дверь позвонили. Это приехал Пол, с акустической гитарой.

Они раскурили косячок-другой, потом Пол сыграл для Донована две песни, над которыми в то время трудился. Первая — про желтую подлодку, а вторая звучала так:

> Ola Na Tungee,
> Blowing his mind in the dark with a pipe full of clay —
> No one can say…

Со временем «Ola Na Tungee» превратится в «Eleanor Rigby», а «Blowing his mind in the dark with a pipe full of clay» — в «Rice in the church where the wedding had been»[538]. Однако в тот день Пол просто играл со словами.

Вскоре в дверь снова позвонили. Донован пошел открывать. Молодой полицейский сообщил, что машина перед домом припаркована с нарушением правил, загораживая проезжую часть, двери распахнуты, а в салоне орет радио. К ним подошел Пол.

Глаза у полицейского так и загорелись: «Ой, это вы, мистер Маккартни? Ваша машина, сэр? Спортивная?»

Любой другой на месте Пола получил бы выговор и штраф за неправильную парковку. Но вместо этого полицейский предложил припарковать машину как надо.

Пол сказал спасибо и вручил ему ключи. Несколько минут спустя полицейский пришел, доложил, что все в порядке, отдал ключи, козырнул и отбыл, а Пол вернулся к гитаре и «Ola Na Tungee».

91

Вместо «Ola Na Tungee» Пол подставил «Daisy Hawkins», но это имя не вписывалось в ритмический рисунок, поэтому пришлось сменить его на «Eleanor Rigby». Спустя полвека Колин Кэмпбелл, профессор социологии в университете Йорка, посвятит анализу текста песни целую книгу:

> Как мы видим, Пол представляет себе Элинор Ригби, которая пропустила свадьбу и подбирает рис в церкви. Иными словами, она пришла на свадьбу, но опоздала. Это предполагает, что она подбирает рис — чтобы иметь нечто, что связало бы ее не просто со свадебной церемонией вообще, но именно с этой конкретной свадьбой. С той, на которой она хотела побывать. Так следует ли считать ее свадебной гостьей? В этом случае предполагается, что обычно она рис не подбирает. Просто ей хочется получить что-то на память об этой свадьбе. Но тогда если ее пригласили на церемонию венчания, а она ее пропустила, то почему не отправилась на прием? Или же она и его пропустила?

И так далее. Но как и в случае с многими другими песнями «Битлз», текст этой слышали и трактовали неверно. Кто-то слышит «all the homely people»[539], далее слова после «father Mackenzie» иногда воспринимают как «darling it sucks in the night when there's nobody there»[540]. А Элинор Ригби в это время «picks up her eyes from the church where the wedding has been»[541].

А что *это* за песня? «Take the back right turn!»[542], «Pay per bag right turn!»[543]. Впервые услышав ее в 1966-м, поэт-песенник Бобби Харт[544] решил, что битлы поют «Take the last train!»[545] Когда же он понял, что там на самом деле «Paperback Writer»[546], то было уже слишком поздно: неверные слова угнездились у него в мозгу. Три месяца спустя он сочинял дебютный сингл для *The Monkees* : их менеджер попросил чего-нибудь такого, в духе «Битлз», и он написал песню, отталкиваясь от неверно услышанных слов. Она начиналась «Take the last train to Clarksville»[547] и вывела *The Monkees* на первое место в американских чартах.

У каждого в голове свой собственный песенник «Битлз», потому что в разных песнях каждому слышатся разные слова. Где-то в глубине души я до сих пор считаю, что в «Across the Universe»[548] Джон поет: «Kangaroo days, ah!»[549] Может, потому

что впервые услышал эту песню на благотворительном альбоме Всемирного фонда защиты дикой природы «No One's Gonna Change Our World»[550], на обложке которого была фотография панды, а аннотацию написал — кто бы вы думали? — герцог Эдинбургский[551]. На самом же деле Джон пел еще более невразумительное «Jai Guru Deva»[552].

Когда «Penny Lane» только вышла, многие американские поклонники группы, незнакомые с британским Маковым днем[553], недоумевали, почему симпатичная медсестра продает щенков с лотка. Вторую песню на сингле тоже понимали неверно. Джейк Ривьера, менеджер Элвиса Костелло[554], долгое время считал, что в «Strawberry Fields Forever» Джон поет: «Living is easy with nice clothes»[555]. К тому же он решил, что Полу нравится девушка в «And I Love Her», потому что «She gives me everything, and tender veal»[556]. Другим слышалось «And I love fur», потому что «She gives me everything, internally»[557]. А как вам такое: «And in my orthodontist, she is standing right in front me»?[558]

Даже простейшие тексты «Битлз» можно расслышать неверно: «And when I get home to you, I find a broken canoe»[559], «I don't care to march for money»[560], «Friday night arrives without a fruitcake»[561], «Michelle, ma belle, Sunday monk, he wants to ban odd socks, to ban odd socks»[562], «There beneath the goose and bourbon skies»[563], «But if you go carrying picture of German cows»[564].

Осмысленное становится бессмысленным, а в бессмысленном проявляется смысл. Годами я считал, что неверно слышу текст «Come Together». Бессмысленными его слова казались с первой строчки — «You come all flat up»[565] — и до последней. Когда же мне наконец удалось прочитать его, оказалось, что вначале поется: «Here come old flat top»[566], но смысла в этих словах я нашел не больше, чем в «You come all flat up», а то и меньше. Прочитав следующие две строчки, я с облегчением узнал, что то, что всегда слышал как «Jew Jew eyeballs»[567] — а Джон был не чужд антисемитизму, — на самом деле звучит как «joo joo eyeballs»[568], хотя бог знает, что это такое. Ошибаясь в других случаях: «Joe jam football»[569], «walking finger»[570], «he back production»[571], «oh, no sideboard»[572], — я оказался не так далек от истины; на самом деле эти строчки звучали так: «toe jam football», «monkey finger», «he bag production» и «Ono sideboard».

Подобно тем, кто высматривает человеческие лица в очертаниях облаков, люди, усердно ищущие определенный смысл в чем-либо, в конце концов его найдут. Кое-кто убежден, что каждый куплет «Come Together» содержит описание кого-нибудь из битлов: Джордж — святоша; Ринго ширяется; Пол —

красавчик, потому что его трудно увидеть[573]. Но, как это часто бывает, автор текста о подобной интерпретации даже не думал.

Любовь Джона к бессмыслице возникла еще в те дни, когда он учился читать и писать. Тетя Мими вспоминала, что с самого раннего возраста он писал с ошибками: ««Ветрянка» превращалась у него в «вертянку». Как-то он поехал на выходные к моей сестре в Эдинбург и прислал оттуда открытку с надписью: «Деньки кончаются». Ребенком он пристрастился к книгам Эдварда Лира[574] и Льюиса Кэрролла, без конца цитируя друзьям «Бармаглота»: «Варкалось. Хливкие шорьки / Пырялись по наве…»[575] И всю оставшуюся жизнь радовался каламбурам, получая удовольствие от того, как простая замена буквы легко превращала осмысленное в чепуху».

> — Так бы и сказала, — заметил Мартовский Заяц. — Нужно всегда говорить то, что думаешь.
>
> — Я так и делаю, — поспешила объяснить Алиса. — По крайней мере… По крайней мере, я всегда думаю то, что говорю… а это одно и то же…
>
> — Совсем не одно и то же, — возразил Болванщик. — Так ты еще чего доброго скажешь, будто «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу» — одно и то же!
>
> …
>
> Алиса растерялась. В словах Болванщика как будто не было смысла, хоть каждое слово в отдельности и было понятно[576].

Пол вспоминает, что и «Strawberry Fields Forever», и «I am the Walrus»[577] родились из одержимости Джона «Бармаглотом»: ««I am he as you are he»…[578]

Если бы не «Бармаглот», мы бы до такого и не додумались…» Друг детства Джона, Пит Шоттон, припоминал, что «с самых ранних лет пределом устремлений Джона было написать свою «Алису»».

Каждый вечер двенадцатилетний Джон остервенело кропал подражания Кэрроллу и Лиру, записывая их в тетрадку, а потом превращая в рукописную газету «Дейли хаул»[579]. В ней содержались прогноз погоды: «Завтра ожидается беременная обморочность, местами недостатки в виде вождя и смрада» — и пародия на пьесу «Дэви Крокетт»[580], «История Дэви Костыля». Судя по всему, большое влияние на него произвела книга «1066 и всякое такое», написанная двумя школьными учителями, У. К. Селларом и Р. Дж. Йитманом[581], в которой исторические

сведения излагались в юмористической форме, а полузабытые события тасовались и перемешивались, воспроизводя бардак в головах учеников, так что прошлое и настоящее, факт и вымысел, глупое и серьезное превращаются в скомканное изложение истины: «Пороховой заговор был ужасной штукой, и его до сих пор повторяют 5 ноября. Гай Фокс выбрал 5 ноября, потому что это был День фейерверка. Гай Митчелл[582], певец, — прямой потомок Гая Фокса». В общем, Селлар и Йитман сказали бы, что Джон — свой человек.

Джон обожал беспрестанную, неудержимую игру слов в радиопередаче «Болваны» и подражал ей в школе. Деньги, подаренные на шестнадцатилетие, он потратил на две грампластинки: «Hound Dog» Элвиса Пресли и «The Ying-Tong Song» Болванов, где на второй стороне была «Bloodnok's Rock'n'Roll Call» с «майором Денисом Бладноком[583], Роландом Роккейком и его командой».

Сценарии Болванам с бешеной скоростью выдавал Спайк Миллиган, страдавший биполярным расстройством. Вся жизнь его была подчинена каламбурам: он добровольно отдал себя в жертву искаженной логике, которую они отражали и вместе с тем подпитывали. На пике успеха Миллиган, который тогда писал третий сезон «Болванов», пережил нервный срыв: «Безумие зрело постепенно. Я обнаружил, что все меньше люблю людей. Появилась и ненависть, даже к жене и ребенку». Вскоре Миллиган решил, что разум исцелится, если убить коллегу-Болвана, Питера Селлерса. Тогда он отправился прямиком к Селлерсу домой, но, войдя через стеклянную дверь, изрезался об осколки и в итоге очутился в психиатрическом изоляторе, затянутый в смирительную рубашку.

«До того как стать продюсером «Битлз», Джордж Мартин не записывал рок-н-ролл, зато работал с Миллиганом и Селлерсом, что делало его кандидатуру еще привлекательней, — вспоминал Джон, когда в 1973-м делал обзор книги «Сценарии «Шоу Болванов»» для «Нью-Йорк таймс»[584]. — Во время сессий на студии, как и по всей Великобритании, постоянно звучали вопли Недди Сигуна[585] и прочая, прочая». В той же статье он справедливо заметил, что «Шоу Болванов» намного оригинальнее и революционнее, чем «Оглянись во гневе» Джона Осборна. А вспоминая свою детскую газету «Дейли хаул», признавал, что «она странным образом похожа на «Шоу Болванов»».

Может, шутки Миллигана — безостановочный поток безумных каламбуров — были попыткой выбраться из ловушки депрессии? Или же они были частью этой самой ловушки, кусочками сыра под взведенным рычагом мышеловки? Когда он

чувствовал, что в мире недостает безумия, его разум изыскивал способы исправить этот промах. Не обошлось и без мании величия: Миллиган хотел, чтобы весь мир преклонялся перед его шутками. А если люди отказывались, он возмущался. В 1954-м, выступая в Ковентри, он — из-за вялой реакции публики — пришел в бешенство, не выдержал и заорал: «Чтоб вас снова разбомбили!»[586] Потом ушел со сцены и заперся в гримерке. Когда его встревоженные приятели выломали дверь, то увидели Миллигана стоящим на стуле: накинув на шею петлю, он прилаживал конец веревки к трубе под потолком.

Каламбур — это вид словесной шизофрении, при которой слово указывает одновременно в двух направлениях, несет сразу два различных значения. Шекспировские персонажи скатываются в мир каламбуров, когда теряют рассудок. В интервью «Нью-Йорк таймс» Джон описывал тексты «Шоу Болванов» как «заговор против реальности, бунт разума». То же можно сказать и про его собственные бесконечные каламбуры.

Психологический феномен, известный как синдром Фёрстера[587], назван так в честь немецкого нейрохирурга, который первым описал его. Удаляя раковую опухоль мозга, доктор Фёрстер обнаружил одну любопытную вещь: при воздействии на определенные участки мозга пациент разражался безумной игрой слов. Каждое новое слово повторяло по звучанию предшествующее, одновременно искажая его и превращая в нечто более дикое и жестокое по смыслу. Все слова так или иначе были связаны с ножами и бойней. Эти мрачные шутки, как отметил Артур Кёстлер[588], «исходили из уст человека со вскрытым черепом, лежащего лицом вниз на операционном столе».

Вдохновить на игру слов может и агрессия, и попытка отомстить за обиду или унижение. Это способ незаметно установить свою власть во враждебной среде, устроить мир согласно собственной прихоти. Каламбур привносит в язык безумие: оговорка по Фрейду — тоже каламбур.

Способность Леннона к каламбурам граничила с манией. Возможно, выбор между отцом и матерью расщепляет разум и эмоции по образу и подобию каламбура. Игра слов позволяет выразить два понятия за раз. Она — как осознанная оговорка по Фрейду: хочешь сказать одно, но сводишь все к матери.

Подружившись с Полом, Джон стал показывать ему шутки, основанные на игре слов, которые он печатал на машинке; впоследствии многие вошли в его книгу «Пишу как пишется»[589]. «Мы сидели и прикалывались, выдавали шуточки, каламбурили. За полночь. До раненого утра. Помню, в пишущей машинке торчал лист, на котором было напечатано: «Чашка чё я»».

Сегодня название группы «Битлз» вопросов не вызывает. И пускай жуки обосновались на этой планете лет так за 300 миллионов до появления своих ливерпульских тезок, сегодня задумываешься именно над написанием «beetles», а не «Beatles». Само название группы — игра слов, «худшее и вместе с тем самое лучшее название группы в истории рок-н-ролла», как сказал однажды Брюс Спрингстин. Джон и Стюарт Сатклифф пытались подобрать какое-то зоологическое название — по типу *The Teddy Bears* Фила Спектора или *Buddy Holly and the Crickets*[590]. До того как придумать «The Beetles», они рассматривали «The Lions» и «The Tigers»[591]. Из свойственного ему чувства противоречия Джону понравилась идея назвать группу в честь такой низкой формы жизни, а потом он превратил название в каламбур, соединив «жуков» с «битом».

С ранних дней «Битлз» длинные письма Джона поклонницам пестрят каламбурами, многие из которых понять невозможно. Одно такое, написанное то ли в 1961-м, то ли в 1962-м норвежке по имени Линди Несс, начинается словами: «Печь тую тебе это письмо под ним пяльцам» — и продолжается предупреждением о «сообразных, подстерегающих юнгую дедушку вдаль око стране». Прочие каламбуры включают «кот и нет» вместо «континент», «шелухой и запой» вместо «глухой и тупой», «да придет царствие Твое, да Будде воля твоя» и «платите маменьке плетей и не препятствуйте им приходить ко Мне»[592]. Что тут могла подумать Линди Несс, которую он называет «Sad Ness»?[593]

В 1963-м, после представления в нью-йоркском кинотеатре «Риальто», американский журналист Майкл Браун записал шуточный разговор между битлами:

«— Еще по сиге, и я пойду кости брошу. «Кости брошу» — американское выражение, так Гори Купол сказал, когда на часы пялился в «Говне в полдень!»[594], — говорит Джон и добавляет: — Только мне не очень нравится. Кости же, э-э, собакам швыряют.

— Про кости лучше не упоминай, — говорит Пол. — Они страшные и гремят.

— Зато из них можно мозг высосать, — говорит Джон, — или их вправить, а еще скостить, костерить или окостенеть, если захочется. Или в Коста-Рику сгонять».

Спустя пять лет Виктор Спинетти работал с Джоном над пьесой на основе «Пишу как пишется». Тогда его поразил талант Джона играть словами: «Работая над сценарием в марракешском отеле «Мамуния», я заметил, что чего-то не хватает. Тогда я обернулся и попросил:

— Джон, мне тут нужна речь королевы.

Он тут же вытащил картонный вкладыш из новенькой

рубашки, которую купила ему Синтия, и написал на нем: «Мой мушиный кроль и я с гадостью утомляем его придирчество о растении в синем, весом два слона три утки, и воображаем в сортире чтение».

— Сойдет? — спросил он, вручая мне текст.

На коленке написал. Ничего потом не вычеркнул».

Названия двух альбомов группы, «Revolver» и «Rubber Soul», сами по себе каламбурны[595], как и первые две книги Джона «Пишу как пишется» и «Испалец в колесе». В некоторых абзацах от каламбуров просто не продохнуть:

Мерзкий старый клоп Горазд Вильзонд выиграл Всеобщие Выпендры с небольшим прелягушеством над партией Торчей. Таким выбросом партия Леньдуристов прошла в масти после долгого перерыва[596].

Машине каламбуров он скормил имена власть имущих того времени: Селвин Ллойд, Эмануэль Шинвелл[597], Гарольд Макмиллан, Тед Хит и принцесса Маргарет — и вывернул их наизнанку: Селедом Злолейд, Эмануэль Шилоед, Горазд Мак-Мильен, Дед Сшит и Привеса Маргарина.

Когда «Битлз» закончили писать альбом «Sgt. Pepper», они собрались в студии номер два на Эбби-роуд послушать, что получилось, вплоть до громоподобного финального аккорда на клавишных в «A Day in the Life»[598]. Все четверо пришли в восторг, но тут Джон с Полом решили втиснуть что-нибудь еще на сбеге, у самого яблока.

Режиссер звукозаписи Джефф Эмерик вспоминал, как Джон предложил: «А давайте наговорим всякой тарабарщины, потом разделим на два потока, заспланжим и закольцуем». Они заскочили назад в студию и наговорили всякой ерунды, какая только пришла в голову. Эмерик проиграл для них запись, и они выбрали кусочек, в котором Пол произносит: «Never needed any other way»[599]. Меломанам с примитивными проигрывателями предстояло слушать бесконечное «другой-путь-мне-не-нужен», пока они сами не выключат пластинку.

В те дни некоторые поклонники «Битлз» любили для прикола поставить иглу проигрывателя на окончание стороны «Б» и вручную прокручивать диск против часовой стрелки, чтобы услышать те же слова, только задом наперед. Для многих «never-needed-any-other-way», проигранное в обратную сторону, звучало как «Will-Paul-be-back-as-Superman»[600]. Такая фраза утешала тех, кто свято верил, будто Пол мертв. Зато другим слышалось нечто иное. Кому-то — «The corned beef there is super, man»[601] или «We're parking our Kings Super van»[602], тогда как остальным казалось, что изначальное послание звучало вовсе не как «другой

путь мне не нужен», а как гораздо более пикантное «Never could see Annie's u»[603]. Эта тема по-прежнему занимает битломанов, у которых есть свободное время. На «Ютьюбе» запись, где альбом «Sgt. Pepper» сперва звучит нормально, а потом прокручивается в обратную сторону, собрала 200000 просмотров и 700 комментариев — в большинстве из них, с разной степенью горячности, отстаивается та или иная интерпретация слов, проигранных по часовой стрелке и против, вперед и назад, когда осмысленное превращается в шум, а шум — в осмысленное.

92

Двадцать девятого августа 1966 года «Битлз» завершили свое выступление на стадионе «Кэндлстик-парк» в Чикаго песней «Long Tall Sally», старой композицией Литтла Ричарда, которая с самого начала входила в их репертуар. «Увидимся через год», — сказал Джон. Битлы ушли со сцены, сели в бронированный автомобиль, и их повезли прочь. Это был их последний полноценный концерт.

Американские гастроли выдались изматывающими, иногда жутковатыми, и битлам никакого удовольствия не принесли. За месяц до этого они пережили короткий, но пугающий визит на Филиппины. Высокомерная первая леди Имельда Маркос[604], возмущенная тем, что «Битлз» не явились на прием, устроенный в их честь, приказала своим громилам поколотить их в зале ожидания аэропорта Манилы[605]. «Такого страха я в жизни не испытывал, — сказал Джордж. — Больше туда ни ногой».

К этому времени битлов уже не радовала их собственная слава. Они пресытились гастрольной суетой и устали от воплей, которые совершенно заглушали музыку на концертах. Однажды после утомительного выступления в Сент-Луисе, направляясь под дождем в выделенный им фургон без окон, Пол сказал остальным:

— Вы правы, парни. Достала меня вся эта хрень.

— Мы тебе это уже неделями твердим! — ответили ему.

На обратном пути в Англию Джордж заявил Тони Барроу: «Ну все, я больше не битл». После 1400 концертов он, двадцатитрехлетний, больше других устал от выступлений. Ему все опротивело.

Джон тоже хандрил. «Его все угнетало, — рассказывал журналист, который сидел рядом с ним в самолете. — Он не видел смысла продолжать, тем более что продолжать долго не пришлось бы». Шли годы, и воспоминания Джона об этих гастролях превратились в жалость к себе. Пять лет спустя он опишет их Эрику Клэптону как «бесконечные ночи пыток».

Впервые за несколько лет всем четверым выпала возможность отдохнуть от «Битлз». В свободные три месяца они могли заниматься чем угодно. Ринго предпочел откисать дома, с женой и новорожденным младенцем. Джон отправился в Европу играть рядового Грипвида в фильме Ричарда Лестера «Как я выиграл войну», а Джордж улетел в Индию изучать йогу и игру на ситаре у Рави Шанкара[606]. Пол остался наедине с собой.

Некоторое время он жил в свое удовольствие в Лондоне, погружаясь в контркультуру (так тогда называли новые

направления в искусстве). К этому времени он был одним из самых знаменитых людей на планете и, приходя на концерт или на выставку, неизменно оказывался в центре внимания. В начале ноября Пол решил провести эксперимент и проверить, сможет ли стать обычным человеком.

Однако же анонимности он добивался весьма показным образом, словно бы играл того, кто не играет или демонстративно скрывает свою личность. Для начала он воспользовался услугами «Виг криэйшн», компании по производству париков, где ему тщательно замерили расстояние от носа до нижней губы и определили точный природный цвет волос, чтобы изготовить накладные усы, а заодно выдали ему две пары очков без диоптрий. Зачесав волосы назад и смазав их бриолином, Пол надел длинное пальто и обнаружил, что его никто не узнает.

Замаскировавшись таким образом, он в одиночку отправился на машине во Францию. Вспоминая ту поездку, он выставляет себя скромным путником: «одинокий поэт в дороге», — хотя мало кто из поэтов мог позволить себе колесить по Европе на новеньком «астон-мартине-DB6».

Эксклюзивная служба воздушного моста переправила Пола и его «астон-мартин» из небольшого аэропорта в Кенте во Францию, где Пол приклеил накладные усы, надел пальто и очки, запрыгнул в свой спортивный автомобиль и покатил в Париж.

Он бродил по городу, снимал на камеру то одно, то другое, применяя экспериментальные операторские техники, позаимствованные у режиссеров «новой волны» и Энди Уорхола. Иногда он запирался в номере отеля и писал дневник. За ужином сидел в одиночестве и делал заметки. Ему хотелось «заново ощутить вкус анонимности, без помех обдумать разные творческие планы: вот, я весь такой, в уединении, можно запросто роман написать. Да хоть вот об этих людях, тут, в ресторане…». Не забывайте, ему всего двадцать четыре года, и у него впереди целая жизнь.

Из Парижа Пол направился в Луару, продолжая снимать все на камеру. «Из окна гостиницы в каком-то французском городке я смотрел на регулировщика дорожного движения. Он то останавливал поток машин, то пропускал его дальше… И так десять минут съемки». Сняв эту сцену, Пол отмотал пленку к началу и снял еще десять минут дорожного движения, так что кадры наложились один на другой и сквозь жандарма проезжали призрачные автомобили.

В Бордо Пола потянуло на ночную жизнь. Не снимая грима, он отправился в местную дискотеку, но его не пустили. «Я выглядел как старый дурак. «Нет, нет, мсье, non…», короче, «не

впустим мы тебя, хмырь!»». Тогда Пол вернулся в гостиницу, сбросил заношенное пальто, отклеил усы, снял очки и снова пошел в дискотеку, где его встретили с распростертыми объятиями.

Он начал осознавать все неудобства анонимного существования. «Оно было для меня своего рода терапией, но я наигрался. Было прикольно, я ненадолго вроде бы стал неизвестным, но выяснилось, что это ничем не лучше, чем быть известным. Я вспомнил, почему мы так стремились прославиться; для чего нам это было нужно». Размышляя о своем кратком периоде воздержания от славы, Пол смирился со своей участью. Слава, успех и деньги, возможно, имеют свои недостатки, но с ними куда лучше, чем без них.

Перед отъездом Пол договорился с Мэлом Эвансом встретиться у Большого колокола[607] в Бордо, подумав, что к тому времени ему понадобится компания.

Вдвоем они поехали сперва в Мадрид, затем в Кордову и Малагу, решив, что, наверное, получится состыковаться с Джоном. Но когда выяснилось, что Джон уже уехал из Испании, Пол, отказавшись от своих планов, позвонил Брайану Эпстайну с просьбой прислать кого-нибудь из Лондона, чтобы отогнать машину домой. Эпстайн забронировал им с Мэлом билеты на самолет до Рима, а оттуда — в Кению, где они съездили на сафари и провели ночь в гостинице «Тритопс» в Национальном парке Абердэр.

Девятнадцатого ноября Пол вылетел из Найроби в Лондон, готовый приступить к записи нового альбома «Битлз» 24 ноября. В полете он размышлял о своем недавнем перевоплощении и задумался, не пойдет ли группе на пользу что-нибудь в таком же роде. «Если притвориться, что мы — не «Битлз», а другая группа, то это будет не музыка битлов, а музыка этой вымышленной группы, а наши личности за ней скроются». Но как назвать эту группу? Тут подали еду, а вместе с ней и пакетики, помеченные буквами «S» и «P».

— Что в них? — спросил Мэл и тут же сам ответил: — А, соль и перец[608].

— Сержант Пеппер, — тут же выдал Пол.

93

За полночь Джон, Пол и Джордж работали над песней «Getting Better»[609] в студии на Эбби-роуд. Оторвавшись от пульта, Джордж Мартин заметил, что что-то не так: Джон сидел, а Джордж и Пол держали его за плечи.

Мартин нажал кнопку внутренней связи:

— В чем дело, Джон? Съел что-то не то?

Джордж с Полом рассмеялись, а Джон ответил:

— Нет, не в этом дело. Просто не могу сосредоточиться.

— Тебя отвезти домой?

— Нет.

— О'кей, тогда иди сюда.

Джон медленно поднялся в будку и взглянул на потолок:

— Ух ты, Джордж, какие звезды!

Мартин задрал голову, но увидел лишь потолок.

За пару минут до этого Джон искал стимуляторы в своей небольшой таблетнице в стиле ар-нуво из универмага «Либерти» и по ошибке принял ЛСД. Джордж Мартин, человек старой школы, понятия не имел о галлюциногенах.

— Может, воздухом подышишь, Джон?

Вот только где? Снаружи поджидала толпа поклонниц, готовая наброситься на битлов. Мартин решил, что лучший вариант — это крыша.

— Идем, Джон, я знаю, где служебный выход наверх.

Пол с Джорджем продолжали паясничать и дурашливо исполнять старые песни, не догадываясь, что Мартин повел Джона на крышу.

Мартин с Джоном немного погуляли. Ночка была чудная, в небе ярко сияли звезды.

— Ну разве не фантастика? — спросил Джон.

Тут он заметил, что Мартин как-то странно на него поглядывает. До Джона вдруг дошло, что он случайно закинулся кислотой.

— К краю близко не подходи, тут ограды нет, — предупредил его Мартин.

До мостовой было девяносто футов[610].

Через некоторое время Мартин вернулся в будку один.

— А где Джон? — спросил Пол.

— Я оставил его на крыше, он там звездами любуется.

— А, в смысле, как Винс Хилл? — пошутил Пол.

«Эдельвейс» из «Звуков музыки» в исполнении Винса Хилла[611] боролся с их синглом «Penny Lane»/«Strawberry Fields

Forever» за второе место в чартах[612]. Пол с Джорджем во все горло затянули «Эдельвейс»:

— Эдельвейс! Э-дель-вейс! Каждое утро ты…

Внезапно они сообразили, что Джону, нечаянно закинувшемуся ЛСД, грозит опасность. Вместе они побежали на крышу и привели его в студию. На этом решено было закончить сессию, и Пол отвез Джона к себе домой (благо было недалеко).

Джон уже некоторое время уговаривал Пола попробовать ЛСД, но Пол осторожничал и вечно откладывал этот момент. Зато теперь поспешил закинуться: «Джон уже заторчал, и я хотел его догнать».

Вдвоем они не спали всю ночь, ловя глюки. «Мы смотрели друг дружке в глаза, как раньше играли в гляделки, и нам сносило крышу. Мы как будто растворялись друг в друге… Обалденно. Смотришь ему в глаза, он — тебе, хочется оторваться, но ты все глядишь и глядишь, видишь себя в другом человеке. Опыт просто чумовой, у меня мозг взорвался. Джон сидел такой загадочный, а мне было видение, что он король, абсолютный Император Вечности. Хороший получился трип».

94

В восемь вечера 10 февраля 1967-го в студии номер один на Эбби-роуд собрались классические музыканты — сорок два человека, в основном люди в возрасте. По просьбе «Битлз» все явились во фраках, за что им обещали заплатить дополнительно.

Среди музыкантов были два скрипача — сорокадвухлетний Гарри Датинер, который в 1944-м выиграл первый приз на Международном музыкальном конкурсе в Женеве, и сорокатрехлетний Эрих Грюнберг, бывший концертмейстер оркестра Палестинской радиовещательной корпорации (1938–1945), а впоследствии концертмейстер Стокгольмского филармонического оркестра, Лондонского симфонического оркестра и Королевского филармонического оркестра. В тот вечер концертмейстером был шестидесятидевятилетний Дэвид Маккаллум, возглавлявший Лондонский филармонический оркестр.

В студии висели гирлянды разноцветных воздушных шаров. Музыкантам велели надеть смешные маски, колпаки, резиновые носы, парики, имитирующие лысину, искусственные сиськи и горилльи лапы. «Вот, дружище, надевай», — приговаривал Мэл Эванс, раздавая реквизит.

«Почти все были ошарашены, — вспоминал Джефф Эмерик. — Один так и вовсе оттолкнул Мэла».

Дэвид Маккаллум сидел неподвижно, нацепив резиновый нос, а Эрих Грюнберг зажал смычок в горилльей лапе.

Следом явились тщательно отобранные «прекрасные люди», или, как их называл Джордж Мартин, тоже наряженный во фрак, «эксцентричные приятели «Битлз»». Среди них были Мик Джаггер и Марианна Фейтфулл, Брайан Джонс, Кит Ричардс, Донован, Патти Бойд, Майк Несмит[613] из *The Monkees* и Грэм Нэш из *The Hollies*. Они начали раздавать музыкантам подарки — сувениры, бенгальские огни, косячки и, как выразился Джордж Мартин, «бог весть что еще». По тогдашней моде в студии запускали мыльные пузыри. Как ни странно, но на запись пришел и Брайан Эпстайн, с тревогой наблюдавший за удивительным столкновением поколений. Эта сессия звукозаписи стала переломным моментом для Джеффа Эмерика: «Границы между классической и популярной музыкой размывались; оркестровые музыканты, даже те, кто с презрением относился к современной музыке, понимали неизбежность грядущего».

Четверка битлов прибыла последними. Пол — в твидовом пальто, Джон — в стильном костюме синего бархата и в ярко-

красном галстуке, с усами а-ля Сапата[614] и роскошными бакенбардами. Все они пребывали, как отметил Эмерик, в «весьма приподнятом настроении… будто уже несколько часов веселились на вечеринке». Они по-королевски вальяжно «расхаживали по студии, одаривая вниманием то одного, то другого подданного».

Оркестрантам, и без того ошарашенным маскарадными костюмами и необычными подарками, пришлось внимать указаниям, как обращаться со своими инструментами. Пол с Джорджем Мартином решили заполнить 24-тактовый проигрыш между партией Джона «I read the news today, oh boy» и партией Пола «Woke up, got out of bed»[615] оркестровой аранжировкой, причем так, чтобы каждый инструмент исполнял асинхронное глиссандо от самых низких до самых высоких нот.

Кроме общего вступления и заключения, в оркестровом сопровождении не предусматривалось ни сыгранности, ни единства, ни целостности.

— Каждый должен играть по отдельности, сам за себя, — сказал музыкантам Джордж Мартин. — Не слушайте, что играет ваш сосед. Если он на терцию опережает вас и вам кажется, что он спешит, не останавливайте его.

Грюнберг, который ездил в Москву, чтобы впервые исполнить в России Концерт для скрипки с оркестром Бенджамина Бриттена, недовольно поморщился.

— От вас требуется свободная импровизация, — добавил Пол.

— Не то чтобы совсем свободная, Эрих, — утешил Грюнберга Мартин. — Я буду дирижировать, у нас есть что-то типа партитуры. Но мы хотим, чтобы каждый музыкант играл отдельно, не слушая никого вокруг.

Пока Эмерик настраивал микрофоны в студии, Грюнберг изложил указания озадаченным коллегам. «На миг все стихло. Потом поползли шепотки: «Как это?», «Какого черта?»».

©Trac ksimages.com/Alamy/DIOMEDIA

«На меня смотрели как на сумасшедшего», — вспоминал Мартин. Эмерику показалось, что оркестранты «отреагировали не то чтобы возмущенно, скорее растерянно. Они пришли работать, но им не нравилось то, о чем их просили. Сорок лучших музыкантов Англии десятками лет оттачивали исполнительское мастерство, а от них ждали элементарной импровизации, от самой низкой ноты к самой высокой… Это было ниже их достоинства, и смириться с этим они не желали».

Однако Мартин, оптимист по натуре, считал, что в конце концов они изменят свое мнение. Поначалу они «решили, что это дурачество и пустая трата времени», но потом все-таки «прониклись духом вечеринки именно потому, что все это было ужасно смешно». Сессия завершилась неожиданной спонтанной овацией: аплодировали все, даже оркестранты. Может, они поняли, что участвовали в создании чего-то невероятного? А может, просто расслабились.

Спустя двенадцать дней «Битлз» записали долгий раскатистый фортепьянный аккорд, завершающий «A Day in the Life». Подсобные рабочие EMI притащили в студию номер два пять разных инструментов: два концертных рояля «Стейнвей», пианино «Стейнвей», электропианино «Вурлитцер» и спинет. Джон, Пол, Ринго, Мэл Эванс и Джордж Мартин встали к инструментам. Мартин скомандовал: «И раз, два, три — поехали!» — и каждый изо всех сил ударил по клавишам. Как только они

закончили, приехали Джордж Харрисон и Дейв Кросби[616] из *The Byrds*. «А, ты все-таки соизволил явиться, — язвительно сказал Джон. — Вот молодец. Пропустил самую важную для нас запись».

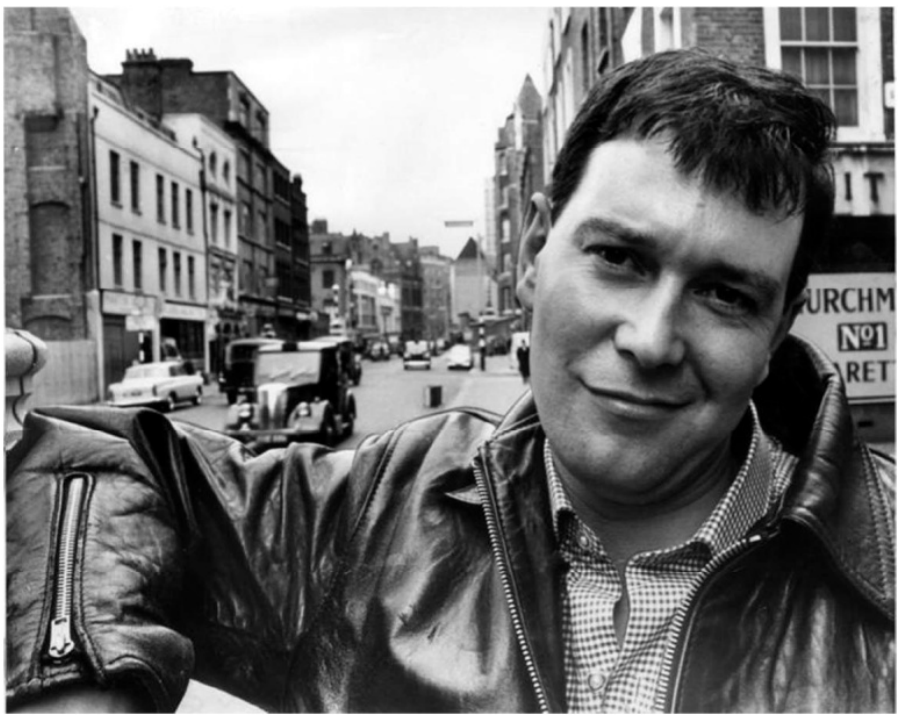
«A Day in the Life» длится 5 минут и 34 секунды. Ее запись заняла 34 часа. А за четыре года до того «Битлз» записали свой первый альбом «Please Please Me», целиком — всего за один день.

95

На той же неделе в январе, когда «Битлз» приступили к записи «A Day in the Life», с Джо Ортоном связался Уолтер Шенсон, продюсер фильмов «A Hard Day's Night» и «Help!», и спросил: не интересно ли тому поработать над сценарием для «Битлз»?

Ортон — самый популярный, остроумный и циничный молодой драматург того времени — стал набивать себе цену:

— Знаете, я очень и очень занят. Пишу третью пьесу.



© *Mirrorpix/Getty Images*

— И все же мне хотелось бы, чтобы вы взглянули на черновик, — сказал Шенсон. — Я уже обсудил все с парнями, то есть упомянул ваше имя. Если честно, особой реакции не последовало. Но по-моему, мне удастся их уговорить.

После такого ненавязчивого напоминания о том, с кем он имеет дело, Ортон ответил:

— Хорошо. Присылайте текст, я почитаю.

Материал показался ему скучным, но не безнадежным: работать было с чем, а вдобавок Шенсон сказал, что битлы хотят

фильм посмелее. Ортон писал в дневнике: «Уже есть идея для концовки: церковь, четыре жениха и одна невеста… но так, чтобы не вызвать возмущений. Уйма возможностей для двусмысленностей сексуального толка…» А еще можно было использовать материал из отвергнутого издателями романа, написанного в паре с любовником, Кеннетом Халливеллом[617].

За обедом Уолтер Шенсон объяснил, что битлы хотят сделать ремейк «Трех мушкетеров».

«— Ох, нет, — сказал я. — Они всех до смерти достали.

— Роль леди де Винтер попросила Брижит Бардо, — сказал Шенсон.

— И она тоже всех до смерти достала.

— Хе-хе-хе! Отлично сказано!»

Ортон приступил к сценарию под рабочим названием «На пределе»[618]. К концу дня были готовы первые две страницы: он нагло вставлял в текст свои старые наработки. «Не буду придумывать персонажей, — признавался он дневнику. — Ограничусь теми, что у меня уже есть, — Слоуном и Хэлом[619]. В конце концов, не важно, если в фильме я займусь самоповтором. Никто из тех, кто пойдет смотреть фильм, ни о Слоуне, ни о «Добыче» не вспомнит».

На следующий день позвонил Уолтер Шенсон. По его словам, Брайан Эпстайн «пришел в восторг», узнав, что Ортон согласен.

— Брайан с вами свяжется. Или Пол Маккартни. В общем, не удивляйтесь, если вам позвонит битл.

— Какая честь! Буду с волнением ждать звонка, будто от самого Господа Бога или от святого Михаила.

— Нет-нет, не волнуйтесь, Джо. От чистого сердца могу сказать, что парни очень уважают талант. Точнее, уважают тех, в ком его видят. Это я точно знаю, Джо.

Через неделю позвонили из офиса Эпстайна и пригласили «на встречу с ребятами» в следующую среду. Встречу Ортон описывает в свойственной ему комической манере: «Подошел моложавый тип с прической по моде года этак 1958-го, невысокий, видно, что образованный, и представился: «Я личный помощник Брайана Эпстайна», что сразу же заставило меня задуматься, почему англичане до сих пор не подыскали респектабельного словечка для обозначения «бойфренда».

— Боюсь, произошла ужаснейшая путаница. Все встречи у парней сдвинулись на полтора часа, — объявил он.

Я довольно холодно поинтересовался:

— Мне прийти в шесть?

— Нет-нет. Давайте перенесем встречу.

— Где гарантия, что вы ее потом не отмените? — спросил

я. — Лучше подыщите другого сценариста.

Я и не ожидал, что мое предложение произведет такой поразительный эффект. Он попросил меня минутку подождать, удалился и привел Брайана Эпстайна. Непонятно почему, я готов был встретить кого-то вроде Майкла Кодрона[620].

Думал, увижу сейчас типичного еврея, напористого багроволицего брюнета, а вместо этого ко мне вышел худощавый русоволосый молодой человек. Весь какой-то бесцветный, линялый. С провинциальным акцентом. Мы прошли к нему в кабинет.

— Вы не могли бы встретиться со мной и Полом сегодня за ужином? — предложил Эпстайн. — Мы правда были бы очень рады пообщаться с вами.

— Я сегодня иду в театр, — угрюмо ответил я, не настроенный на сотрудничество.

— Прислать за вами машину после спектакля?»

Ортон приехал к дому Эпстайна в Белгравии[621] на десять минут раньше назначенного времени и решил прогуляться по району. Потом позвонил в дверь. На пороге возник старик. «Он как будто удивился моему приходу.

— Здесь живет Брайан Эпстайн? — спросил я.

— Да, сэр, — ответил старик и впустил меня в прихожую.

До меня вдруг дошло, что это дворецкий. Прежде я с ними не сталкивался… Он провел меня в комнату и громогласно объявил:

— Мистер Ортон.

Присутствующие посмотрели на меня и встали. Меня представили кому-то из гостей. И Полу Маккартни. Он был точно как на фотографиях. Разве что усы отрастил. И подстригся. Он поставил на проигрыватель новую песню «Битлз» — «Penny Lane». Мне она очень понравилась. Затем он перевернул пластинку, там было что-то про землянику[622]. Эта песня понравилась мне меньше».

В ходе беседы они согласились, что действие фильма не стоит помещать в 1930-е годы. Потом приступили к ужину. «Старый преданный слуга — такой заезженный типаж, что в пьесе его не используешь, — нашел себе занятие поодаль.

— Все, что я получаю от театра, — это мозоли на заду, — сказал Пол М. и добавил, что «Добыча» — единственный спектакль, с которого ему не захотелось уйти. — Хорошо, но мало, надо бы еще, — заявил он.

Мы поговорили о театре. Я сказал, что по сравнению с популярной эстрадой театр скучен. «Он сдулся после того, как королева Виктория посвятила в рыцари Генри Ирвинга[623], — сказал я. — Все стало слишком респектабельно»».

Они поговорили о наркотиках, волшебных грибах и ЛСД. ««О наркотике, не о деньгах»[624], — уточнил я. Потом обсудили татуировки. А после скрытого намека-другого разговор зашел о марихуане. Я сказал, что курил ее в Марокко. Все слегка расслабились».

После ужина посмотрели телепередачу. «В ней звучали фразы типа «узкий круг» и «свингующий Лондон». В дверь тихонько постучали. Я думал, это старик-слуга, но тут кто-то встал открыть, и в комнату вошли пятеро очень молодых и симпатичный парней. Я поначалу решил, что они тут для услады гостей, но выяснилось, что это поп-группа *The Easybeats*[625]. Я видел их по телевизору. Мне они тогда очень понравились».

Потом приехал французский фотограф Жан-Мари Перье[626], привез снимки для конверта «Strawberry Fields Forever». «Отличное фото, — оценил Ортон. — Битлы с усами выглядят совсем по-другому. Как анархисты начала века».

Ортон заговорил с одним из участников *The Easybeats*, «чувствуя себя эдвардианским волокитой, ухлестывающим за хористочкой», а потом решил, что пора ехать домой. «На прощание я сказал Полу М.: «Что ж, над фильмом я бы поработал. Осталось лишь сговориться об одной вещи». — «О хлебушке?» — «Да». Мы обменялись улыбками, и я ушел. Домой вернулся на такси».

На следующий день Ортон поговорил со своим агентом, Пегги Рамзи[627]. ««Проси пятнадцать тысяч фунтов, — сказал я, — а если станут сбивать цену, то меньше чем на десять тысяч не соглашайся. Мне, в конце концов, все равно, напишу я им сценарий или нет». Пегги согласилась. Сказала, что будет просить пятнадцать и попытается выбить двенадцать плюс проценты. «Если не дадут десять, пусть идут в жопу», — сказал я. «Конечно, дорогой», — ответила Пегги».

Предоставив Рамзи разбираться с контрактом, Ортон засел за сценарий. Он без зазрения совести использовал материал из своего неопубликованного романа «С головы до ног»[628]. По его мнению, «роман будто бы писался специально для «Битлз»», хотя, пожалуй, переоценивал их пристрастие к декадансу в 1967-м.

За две недели Ортон почти закончил сценарий. Эпстайн неопределенно обмолвился: дескать, режиссером можно взять Антониони[629], но после этого ни Эпстайн, ни Шенсон Ортону больше не звонили и не отвечали на его звонки. Пегги Рамзи возмущенно объявила Эпстайна «дилетантом и дураком». Ортон в дневнике назвал его «вялым, мягкотелым типом».

Через некоторое время ему сообщили, что сценарий «На пределе» ему возвращают. «Никаких объяснений. Никакой

критики. Видимо, и Брайану сказать было нечего. Ну и хер с ними». Однако в глубине души он прекрасно знал, почему сценарий завернули: «К двадцать пятой странице они [«Битлз»] соблазнили замужних женщин, совершили убийство, рядились в женское платье, угодили в тюрьму, совратили племянницу священника, взорвали военный мемориал и так далее и тому подобное. Это было бы чудесно, но я их понимаю».

Не прошло и недели, как продюсер Оскар Левенштейн[630] купил отвергнутый сценарий Ортона за 10000 фунтов. Девятого августа на квартиру Ортона в Ислингтоне приехал шофер, чтобы отвезти сценариста в Твикенхемскую киностудию на встречу с Левенштейном и режиссером Ричардом Лестером, снимавшим фильмы «Битлз». Шофер постучал, но дверь не открыли, тогда он позвонил Левенштейну, и тот велел постучать еще раз. В конце концов шофер заглянул в щелку почтового ящика и увидел в коридоре тело обнаженного лысого мужчины.

Прибывшие полицейские обнаружили два трупа: Кеннета Халливелла в коридоре и Джо Ортона на кровати в спальне, забитого до смерти молотком. Блестящий успех Ортона вызвал сильную зависть Халливелла, считавшего себя неудачником. Он убил Ортона, потом принял двадцать две таблетки нембутала и запил их баночкой грейпфрутового сока.

На похоронах Ортона в западной часовне крематория Голдерс-Грин звучала «A Day in the Life», любимая песня Джо. Некоторые сочли ее слишком сдержанной; другим, поборникам не-ортоновского хорошего вкуса, не понравились психоделические мотивы в конце композиции. На выходе из часовни один из приглашенных отметил, что продолжительный финальный аккорд прозвучал грохотом захлопнутой крышки гроба.

96

Чем дальше заводило их странствие, тем чаще они оглядывались назад. Они стали Крысоловами[631], что, приплясывая конгу, уводили свое поколение нетореной тропой; в то же время они были мальчишками в череде уходящих, тоскующими по миру, оставленному позади.

В декабре 1963-го после концерта «Битлз» в ливерпульском театре «Эмпайр» Джон отправился в дом к тете Гарри и перерыл свой старый хлам. Его школьный друг Пит Шоттон удивленно смотрел, как Джон разбирает свои старые книги и рисунки: «По-моему, оказавшись на сияющем перекрестке жизни и карьеры, он инстинктивно цеплялся за то, что напоминало ему о детстве, словно эти знакомые предметы могли неким образом облегчить переход в неизведанное будущее».

Двадцатичетырехлетний Джон, ошеломленный перипетиями взрослой жизни, тосковал об ушедших днях. «Когда я был моложе, намного моложе»[632]. В двадцать пять он печально пел о «местах, которые я запомню на всю жизнь»[633]. В двадцать шесть его проникновенное прощание с детством, «Strawberry Fields Forever», совместило галлюцинаторное и ностальгическое, будто кислотный трип в сиротском приюте. Пол описывал сад Армии спасения, которая ведала приютом, как некую утопию, «тайный сад Джона… Там была стена: перелезешь через нее и окажешься в запущенном саду, за ним никто не ухаживал, прячься — не хочу. Убежище Джона было укромным уголком, как в книге «Лев, Колдунья и платяной шкаф»[634], так о нем Джон и думал. Укромный уголок, где можно покурить, повитать в облаках, куда можно было сбежать. Джон сбегал туда».

Некоторые из самых мрачных песен Леннона-Маккартни написаны с жестокостью детских страшилок: Бунгало Билл с ружьем идет в джунгли охотиться на диких зверей; Максвелл забивает жертв серебряным молотком[635]. Песня Джона «My Mummy's Dead»[636] исполняется на ту же мелодию, что и «Три слепых мышонка», которым разделочным ножом оттяпали хвосты.

Когда Кеннет Тайнен занялся адаптацией двух книг Леннона для Национального театра, он взял на себя непростую задачу объяснить их смысл ошеломленному Лоренсу Оливье[637]. «Стихи Джона — о начале вещей, — говорил он. — О первом знакомстве с кинематографом, прозой или поэзией. Они воспроизводят цельную картину его детства в Ливерпуле». Потом он вспомнил слова Махариши об «упоении, с которым дети, забыв обо всем, полностью погружаются в игру».

Пол вырос в семье, где любили петь хором. Он с удовольствием сочинял музыку наподобие той, которую «давным-давно» играл его отец. Сюрреалистический телефильм «Битлз» «Magical Mystery Tour» большинство зрителей того времени сочли «чересчур взрослым», однако по большей части он собран из детских воспоминаний. «Я тут подумал, — сказал Пол помощнику, Алистеру Тейлору, выбирая тему для съемок. — Загадочные автобусные туры[638] еще устраивают?»

При всей своей прогрессивной эксцентричности фильм, по сути, представляет собой путешествие в прошлое, усеянное эпизодами из детских воспоминаний битлов: духовые оркестры, песни хором в автобусах, танцевальные номера в духе Басби Беркли[639], мужчины с носовыми платками на головах, завязанными по уголкам, перетягивание каната на сельских ярмарках, — и все это показано сквозь кривое зеркало снов, кислотных трипов или и того и другого. Битлы с детской непосредственностью приступили к съемкам. Однажды Пол позвонил Тейлору в два ночи и сказал: «Мне завтра же нужна дюжина карликов-борцов»[640]. Фильм кажется составленным из несостыкованных между собой эпизодов, потому что так оно и есть: то, что придумывали в ночи, снимали наутро. Однажды Джон заявил Полу:

— Мне приснился странный сон.

— Выкладывай, — ответил Пол. — Вспомни все, и мы его снимем.

Джон рассказал, что во сне превратился в официанта и забрасывал посетителей макаронами.

— Фантастика! — отозвался Пол. — Берем.

Когда в мае 1967-го вышел «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band», его объявили видением из будущего. Тимоти Лири[641], не признававший сдержанных оценочных суждений, заявил, что «Джон Леннон, Джордж Харрисон, Пол Маккартни и Ринго Старр — мутанты. Движущие силы эволюции, посланники богов, наделенные таинственной способностью создать новый человеческий вид». Даже более утонченный Кеннет Тайнен счел альбом «знаменательной вехой в истории западной цивилизации».

Однако это в равной степени еще и заигрывание с прошлым: безудержная ностальгия, расцвеченная старомодными духовыми оркестрами и ярмарочными балаганами. Хиппи обожали выискивать в альбоме намеки на марихуану и ЛСД, но Джо, дед Пола, тубист в духовом оркестре своей фабрики[642], видел в нем не меньше отсылок к эдвардианскому цирку и мюзик-холлу. Титульный трек отправляет нас на двадцать лет в прошлое, когда

«сержант Пеппер учил свой оркестр играть»[643]; действие «Getting Better»[644] происходит в школе; в «She's Leaving Home»[645] родители сбежавшей из дома девушки «посвятили ей жизнь»; «Being for the Benefit of Mr Kite»[646] воспевает старые добрые деньки, когда все чудесно проводили время; в «Good Morning Good Morning» Джон решает «прогуляться до старой школы» и видит, что «ничего не изменилось, все осталось тем же»[647]. Даже в самой, на первый взгляд, прогрессивной из всех композиций, «A Day in the Life», Джон видит фильм, в котором «английская армия только что выиграла войну»[648]; а в «When I'm Sixty-Four»[649] ностальгия распространяется и на будущее: Пол ждет времени, когда сможет оглянуться на золотое прошлое.

97

Список лиц, изображенных на конверте «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band»:

Фред Астер, танцор
Махаватар Бабаджи, гуру
Ларри Белл, скульптор
Обри Бердслей, художник
Уоллес Берман, художник
Уильям Берроуз, писатель
«Битлз», живые и восковые
Исси Бонн, комик
Марлон Брандо, кинозвезда
Бобби Брин, певец
Ленни Брюс, комик
Джонни Вайсмюллер, актер
Г. К. Вестерманн, скульптор
Боб Дилан, автор-исполнитель
Дион, певец
Марлен Дитрих, певица, кинозвезда
Джеймс Джойс, писатель
Диана Дорс, актриса
Шри Парамаханса Йогананда, гуру
Тони Кертис, кинозвезда
Стивен Крейн, писатель
Алистер Кроули, писатель, оккультист
Льюис Кэрролл, писатель
Дэвид Ливингстон, исследователь
Рихард Линднер, художник
Сонни Листон, боксер
Стэн Лорел, комик
Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский)
Карл Маркс, экономист и философ
Ричард Меркин, художник
Том Микс, кинозвезда
Макс Миллер, комик
Мерилин Монро, кинозвезда
Тайрон Пауэр, кинозвезда
Роберт Пил, премьер-министр, основатель полиции
Эдгар Аллан По, писатель
Саймон Родиа, скульптор
Терри Сазерн, писатель
Стюарт Сатклифф, бывший битл

Альберт Стаббинс, футболист
Ширли Темпл, ребенок-кинозвезда
Дилан Томас, поэт
Оскар Уайльд, писатель и драматург
Герберт Уэллс, писатель
Мэй Уэст, кинозвезда
У. К. Филдс, комик
Олдос Хаксли, писатель-романист и философ
Оливер Харди, комик
Ханц Холл, актер
Томми Хэндли, комик
Джордж Бернард Шоу, драматург
Карлхайнц Штокхаузен, композитор
Альберт Эйнштейн, физик
Шри Юктешвар Гири, гуру
Карл Юнг, психолог
Тимоти Кэри, актер (его заслоняет Джордж Харрисон)
София Лорен, актриса (скрыта за восковыми «Битлз»)
Марчелло Мастроянни, актер (из-за восковых битлов видна только его шляпа)

Отклоненные кандидатуры:
Махатма Ганди, политический деятель (не взяли по настоянию сэра Джозефа Локвуда, главы EMI)
Лео Горси, актер (заретуширован, когда запросил 400 долларов за свое изображение)
Адольф Гитлер (предложен Джоном, но отклонен как слишком противоречивая фигура)
Иисус Христос (предложен Джоном, но отклонен как слишком противоречивая фигура)

98

Если в 1967 году вам исполнилось двадцать лет, то места лучше Сан-Франциско было не найти. Мне было всего десять, и я учился и жил в католической школе-интернате «Фарли-Хаус» в Фарли-Уоллоп, в нескольких милях от Бейзингстока. Мой друг Миллер вдел в волосы цветочек, но майор Уотт велел немедленно его снять. Поговаривали, что майор Уотт — нацистский шпион. Кто-то видел, как ночью на школьном дворе он сигналил фонариком, передавая шифрованное послание немцам.

Милых людей было мало, и встречались они редко. Наш новый учитель истории мистер Уолл носил розовые носки и вообще вид имел богемно-неряшливый, однако вынужден был спешно мотать из школы, когда спустил штаны в ответ на вопрос, какого цвета у него трусы. Милота, цветочки и даже волосы — все это было в дефиците[650].

Я прилежно учился, готовился к конфирмации. Для чего Господь сотворил меня? Господь сотворил меня, дабы я познал Его, возлюбил Его, служил Ему в этом мире и обрел с Ним вечное счастье в последующем. На подготовительных уроках нам доставляло особое удовольствие задавать мистеру Каллахану каверзные вопросы на деликатные темы римско-католической теологии. Все всегда возвращалось к старому доброму необитаемому острову: «Сэр, сэр, сэр! А если бы вы с умирающим некрещеным младенцем попали на необитаемый остров, сэр, а кругом не нашлось бы источника воды, сэр? Вам дозволено было бы использовать слюну, сэр? А мочу, сэр?»

Еженедельно в школе служили две мессы (по средам и воскресеньям) и две адорации, поклонения Святым Дарам (по вторникам и пятницам). На каждой адорации мы пели гимн «Tantum Ergo»:

> Tantum ergo
> Sacramento
> Veneremur cernui
> Et antique
> Documentum
> Novo cedat ritui[651].

Пять лет я пел его дважды в неделю. Никто из нас ни разу не спросил, что эти слова значат, да я и до сих пор не знаю. Тайна, поклонение, древнее, постановление… однако не в значении

было дело. Вся суть заключалась в звучании; смысл крылся в отсутствии смысла. Латынь была первым языком Господним, и смысл слов возносился прямиком на небеса в благовонных клубах, струившихся из кадильницы: старшеклассники так усердно ею размахивали, что младшеклассники в первом ряду кашляли и отплевывались, окутанные богомерзким чадом.

В середине весеннего триместра вышла «Lady Madonna»[652]. Я отчетливо помню, как услышал песню по радио, которое включили строители, ремонтировавшие школьный бассейн. Название служило идеальным сплавом двух ключевых моментов частного католического образования в Великобритании, намекая, что Пресвятая Дева была из благородных.

Но что это значило? С какой стати Пресвятой Деве нужно сводить концы с концами?[653]

Вслед за «Lady Madonna» вышли «Hey Jude» и «Instant Karma»[654]. Поп-музыка удалялась от смысла, ближе подходя к языку «Tantum Ergo», заставляя значение текста уступать место чему-то такому загадочному.

В скаутских лагерях мы распевали: «Gin gan gooly-gooly-gooly-gooly watch-a, gin gan goo, gin gan goo». На уроках математики чертили диаграммы Венна. Битлы пели «I am the Walrus» («goo-goo-ga-joo»). В Пепельную среду[655] священник раз за разом повторял: «Прах ты и в прах возвратишься»[656] — и втирал пепел нам в лоб. По церковным праздникам мы все шли осматривать убежища священников в усадьбах католиков. Я часто задавался вопросом: а не католики ли группы с латинскими названиями вроде *Procul Harum* или *Status Quo*? И все это на фоне «Tantum Ergo».

Мое почтение к далекому небу Сан-Франциско никогда не шло вразрез с почтением к тому, что в другом гимне называлось «Вера отцов»[657]. Помню острое чувство потрясения, когда впервые заметил заглавие в самом верху нот рождественского гимна «Ночной порой у стад своих сидели пастухи». Там рукой нашего учителя музыки было написано: «Носки»[658].

Спустя лет пятьдесят, если не больше, я зарабатываю на жизнь пародиями, превращая осмысленное в чепуху, переводя слова других в их изначальную абракадабру. «Tantum Ergo» отпечатался у меня в мозгу, группа инакомыслящих клеток образовала церковный хор, который в самый неподходящий момент начинает горланить во всю мочь. Но бывает и так, что хор в голове напевает:

> Friday night arrives without a suitcase
> Sunday morning creeping like a nun[659].

Или:

> Semolina pilchard
> Climbing up the Eiffel Tower
> Elementary penguin singing Hare Krishna…[660]

Или:

> There’s nowhere you can be that isn’t where you’re meant to be[661].

Тогда воображение переносит меня в «Фарли-Хаус» в деревушку Фарли-Уоллоп под Бейзингстоком, в графстве Гэмпшир. А может быть, оно застряло там навсегда, и я — школьник, который так и не вернулся домой.

99

На заре «Лета любви» Брайан Эпстайн поделился с Джорджем Мартином дерзким планом — провести выступление «Битлз» перед самой большой аудиторией на свете. «Он пришел ко мне и сказал: «Слушай, будет международный телемост, и битлов выбрали представлять нашу страну. Мы будем вещать в прямом эфире для двухсот, если не для трехсот миллионов человек во всех уголках планеты»».

Требовалась «атмосфера вечеринки», а время поджимало, поэтому Эпстайн отрядил Тони Брамвелла собрать для завтрашнего эфира побольше современных звезд. Брамвелл решил прочесать самые модные клубы: «Спикизи», «Кромвеллиан», «Бэг о'нейлз», «Скотч оф Сент-Джеймс»[662]. В «Спикизи» он нашел Кита Муна, «укуренного по самое не могу», который увлеченно швырялся арахисом. Приглашение Мун принял охотно, а вот предложение проспаться отклонил, сказав: «Да ну его, я лучше тут побуду».

В «Скотч оф Сент-Джеймс» Брамвелл нашел Мика Джаггера и объяснил ему, что эфир пойдет на всю планету. Тот с ходу ответил: «Фигня вопрос», чем выдал скрытую толику зависти. «Такую рекламу не купишь», — сказал он. Удача не изменила Брамвеллу и в остальных клубах: он отыскал Эрика Клэптона и нескольких участников *The Small Faces*, все согласились прийти.

И вот 25 июня 1967 года в студию номер один на Эбби-роуд явились «прекрасные люди»: Джаггер и Ричардс, Марианна Фейтфулл, Грэм Нэш из *The Hollies*, Гэри Лидс из *The Walker Brothers*. Многие из гостей озаботились дресс-кодом, будто для визита на Королевские скачки в Аскоте (они как раз начались), особенно Пол, который всю ночь клеил на рубашку аппликации с психоделическими узорами. Ринго надел костюм, сшитый специально для него Саймоном и Марийке[663], голландскими модельерами из студии «Фул», а Эрик Клэптон прибыл со свеженькой химзавивкой — последний писк мужской моды.

Запись эфира «All You Need is Love» — как «Лето любви» в зерне песка[664]. Трубачи (в оркестре всего тринадцать человек, все в обязательных фраках) начинают с «Марсельезы». Пол запевает припев: «Love, love, love», сидя на высоком табурете и закинув ногу на ногу; за его левый наушник заткнут красный цветок. Виолончелисты неотрывно смотрят в ноты. Что они чувствуют, окунаясь в этот дивный новый мир свободной любви, где музыка так сильно отличается от той, к которой они привыкли? Негодуют ли эти серьезные музыканты, эти солидные

люди, оттого что им приходится преклоняться перед кучкой укуренных хиппи, или же они в восторге от возможности попасть в эту волшебную вселенную, где «все, за что ни возьмись, — все возможно»?[665]

Джон одной рукой прижимает левый наушник к уху, глаза закрыты, очки съехали на нос, на макушке торчат два цветка, третий — на лбу, как шахтерский фонарик. Он лениво жует жвачку и поет: «Nothing you can say but you can learn how to play the game»[666]. Его, похоже, ничуть не волнует, что он поет для аудитории в 350 миллионов человек, однако же он сосредоточен: не озирается по сторонам, не глядит на присутствующих. Тони Брамвелл сказал потом, что Джон был «взвинчен до предела», хотя производит впечатление полной безмятежности.

Дальше — квартет скрипачей, они сидят кружком, все в очках и очень серьезные; лысый купол одного из них поплавком покачивается в море волос. Первой скрипке, Сидни Саксу, пятьдесят четыре года, а вокруг него — молодые люди лет двадцати или чуть постарше; он также играл на записях «Yesterday» и «Eleanor Rigby».

Камера берет в кадр магнитофон, крутящий пленку, потом дает панораму студии, усыпанной цветами и украшенной разноцветными воздушными шарами, что усиливает иллюзию детского праздника. А вот и брат Пола, Майк, — он сидит на полу, у ног Джона. Ему то ли скучно, то ли он укурился, а может, и то и другое. Наконец мы впервые видим Джорджа: он в красных клешах, шубе и с усами, а позади него Ринго, надежный, как подставка для книг, упоенно стучит по барабанам, строит из себя хиппи — лиловый шелковый пиджак расшит бисером, — но при этом сохраняет морду кирпичом.

Возвращаемся к мощной духовой секции, к славным былым временам. Возглавляет ее трубач Дэвид Мэйсон, сорока одного года от роду, профессор Королевского музыкального колледжа. В 1958-м он играл на флюгельгорне на премьере Девятой симфонии Ральфа Воана-Уильямса[667], под управлением Малькольма Сарджента[668], да еще в присутствии самого композитора[669]. Воану-Уильямсу — ученику Равеля[670], другу Холста[671] — тогда было восемьдесят пять, и до смерти ему оставалось всего три недели. В первые десять лет жизни он успел пообщаться с двоюродным дедом, Чарльзом Дарвином. Когда юный Ральф спросил у маменьки о «Происхождении видов», та ответила: «В Библии сказано, что Господь сотворил мир за шесть дней. Твой двоюродный дедушка Чарльз полагает, что времени на это ушло чуточку больше. Но волноваться не стоит, ведь, как бы то ни было, это настоящее чудо». От Чарльза Дарвина до Джона

Леннона всего три рукопожатия: битлы причудливейшим образом складывают время гармошкой[672].

Студия так набита всякой всячиной, что напоминает декорации «Стептоу и сына»[673]: многие вспоминают, как операторы, спотыкаясь о что-нибудь, оскверняли дух любви и мира отборной бранью. В дальней части студии сидит марионетка, к ней привязаны воздушные шары с буквами L, O, V и E.

Многие гости в студии смотрят в пустоту, то ли от скуки, то ли демонстрируя свою крутизну: в то время разницу понять было сложно. Мик Джаггер сидит впереди, отвернувшись от камеры; два огромных глаза, вышитые на спине его куртки, пялятся в объектив. В кадре мелькают несуразные картинки: пока Джон в надцатый раз поет «All You Need is Love», камера наезжает на лысого мужчину в белой сорочке и черных брюках; он выглядит слегка раздраженно, как будто ждет окончания. Через несколько секунд, когда Джон поет: «It's eea-seey!» — в кадре появляется самозабвенно танцующая женщина, похожая на принцессу Маргарет. А может, это и была принцесса Маргарет? В «Лето любви» мир словно бы перевернулся, всякое было возможно[674]. В августе председатель EMI, сэр Джозеф Локвуд, удостоился аудиенции у королевы в Букингемском дворце. ««Битлз» теперь такие забавные, вы не находите?» — сказала она ему.

По какой-то причине Джордж почти не попадает в кадр, его не снимают, даже когда он исполняет коротенькое гитарное соло, которое некогда признали пятым нахудшим гитарным соло в истории музыки. Наконец — кода: оркестр начинает попурри, мастерски составленное Джорджем Мартином из Баха, «Greensleeves» и «In the Mood»[675]; аудитория отвечает вялыми аплодисментами. Мик Джаггер так и вовсе не завершает хлопка. А где же остальные — прочие стоунзы, *The Who, The Small Faces, The Walker Brothers*, которые якобы присутствовали? Я пересматривал видео двадцать пять раз, но так никого и не увидел.

Ближе к концу появляются пятеро битловских помощников, увешанные щитами с лозунгом «All You Need is Love» на разных языках. Они неловко встают в круг, будто дети, которых сгоняют на пасхальное шествие. На плакате у Тони Брамвелла написано: «LOVE LOVE LOVE», а у Алистера Тейлора: «LOVE ЛЮБОV AMOR AMORE». Пол заставил его надеть свою психоделическую рубашку, решив, что костюм Тейлора слишком чопорный. В отдалении кто-то держит плакат с надписью: «ВОЗВРАЩАЙСЯ, МИЛЛИ» — послание, адресованное одной из тетушек Пола, которая навещала сына и внуков в Австралии.

Песня близится к завершению, и Джон с Полом запевают «She loves you yeah, yeah, yeah», выпущенную всего четыре года назад; сейчас она пробивается сквозь дурман хиппи, словно гимн утраченной юности.

А что же «All You Need is Love»? Некоторые битломаны-пуристы полагают, что она слишком банальна, ее текст — набор очевидных истин («Nothing you can sing that can't be sung»)[676] и неочевидной лжи («nowhere you can be that isn't where you're meant to be»)[677], а в целом песенка слишком уж слащавая, бессмысленная и противоречивая, ее невозможно воспринимать всерьез.

Иэн Макдональд описывает ее как «один из самых незаслуженных хитов «Битлз»», добавляя, что «своей репутацией она больше обязана локальным историческим ассоциациям, а не вдохновению». Он считает, что песня сделана поспешно и непродуманно: «Наполовину в этом повинны лень и наркотическое отупение». Он ставит под сомнение как дух времени, так и песню, которая его отражала, точнее, представление о том, будто что-либо сто́ящее можно обрести без усилий — «it's ea-seey»[678] — и что каждый дурак может объявить себя творцом.

Однако же «All You Need is Love» как нельзя лучше воплощает дух времени, и потому, наверное, ее любит такой широкий круг людей: боксер Джордж Форман, комедийная актриса Пенелопа Кит, танцор Уэйн Слип и автогонщик Джеки Стюарт[679] — все они выбрали ее своим «диском для необитаемого острова». В 1990-е Майкл Говард[680], будучи министром внутренних дел, слушал «Битлз» в служебной машине и считает «All You Need is Love» «квинтэссенцией музыки шестидесятых». По другую сторону Атлантики Эл и Типпер Гор[681] слушали ее на своей свадьбе в 1970-м. В 2005-м шпаргалка со словами песни, написанная Джоном, ушла с молотка за миллион долларов.

В тот день Брайан Эпстайн был счастлив как никогда. По его словам, это было лучшее, что сделали «Битлз»: «Восхитительная, чудесная песня, от которой мурашки по коже». На запись он пришел в рубашке апаш и черном бархатном костюме, держался расслабленно и беззаботно. Возможно, песня говорила о том, чего он сам выразить был не в силах. Он смотрел на утопию за окном, но окно было накрепко закрыто. Все, кого можно спасти, будут спасены; кроме Брайана Эпстайна. В тот день ему осталось жить еще девять недель.

100

За месяц до смерти Брайан Эпстайн отправил письмо своему американскому деловому партнеру Нэту Уайссу, в котором благодарил за соболезнования по поводу недавней кончины отца.

Далее он писал: «Мы отсидели семь дней шивы[682], и мне немного не по себе. Хотя, возможно, оно пошло на пользу. Было время поразмыслить и признать, что я нужен матери. И признать также, что друзья отца и брата, существующие в своем замкнутом еврейском мирке, не так уж и плохи. Возможно, они провинциальны, зато радушны, искренни и просты».

Далее, как обычно, он перешел к новостям битлов: «Парни отправились в Грецию, прикупить остров… Безумная идея. Впрочем, они уже не дети, пусть забавляются».

Мысль купить греческий остров подкинул Джону его новый лучший друг «Волшебный Алекс» Мардас — пожалуй, самый большой мошенник среди прочих нахлебников битлов.

Алексис Мардас, сын майора греческой охранки, прибыл в Лондон в 1965 году по студенческой визе. Какое-то время он работал мастером по ремонту телевизоров, а потом случайно познакомился с Джоном Данбаром, мужем Марианны Фейтфулл. Мардас, ловко орудуя отверткой, собрал ящик, в котором попеременно, в случайном порядке зажигались и гасли лампочки. Данбар впечатлился и решил, что Мардас — гений. Никакой практической пользы от ящика не было, что поражало еще больше.

Через Данбара Мардас познакомился с «Роллинг стоунз» и впарил им систему прожекторов, загоравшихся в такт живой музыке. «Стоунз» воспользовались устройством в своем очередном туре — впрочем, с переменным успехом. Пытаясь выгородить Мадраса, Данбар утверждал, что «иногда» устройство срабатывало — наверное, в режиме «выкл.».

Не сумев очаровать «Стоунз», Мардас направил всю свою энергию на Джона Леннона, и Джон поддался его обаянию. По словам Синтии, «Волшебный Алекс сразил Джона наповал. Он сразу же вызывал расположение к себе — невинное лицо, светлые кудри, ангельская улыбка. Джон, не подозревая, какие фокусы можно провернуть с помощью электричества, верил, будто в Алексе и впрямь есть что-то магическое. Он верил каждому его слову».

Однажды утром Джон привез Мардаса в гости к Полу и заявил: «Это мой новый гуру, Волшебный Алекс». Пол растерялся, но особо расспрашивать не стал: в то беззаботное время

скептицизм не приветствовался. «Мы не выводили лжецов на чистую воду, это было бы слишком грубо, — говорит Пол. — Так что его оставили в покое».

Джон считал Мардаса гением и хотел вознаградить его соответствующим образом. Первого мая 1966-го в «Кенвуде» гостил старый приятель Джона, Пит Шоттон. Внезапно Джон вспомнил, что назавтра у Мардаса день рождения. «Охренеть! — сказал Джон. — Завтра придет Волшебный Алекс, а у меня для него ничего нет. Что ему подарить, Пит?»

© Trinity Mirror/Mirrorpix/Alamy/DIOMEDIA

Шоттон понятия не имел, и тогда Джон вспомнил, что Мардас облизывался на итальянский спортивный автомобиль «изо-грифо», который он купил неделей ранее на Британском международном автосалоне в Эрлс-Корте. В то время это был единственный «изо-грифо» в Великобритании. «А давай ему «изо» подарим!»

Пит с Джоном обмотали машину ленточками и скрепили их огромным бантом. «Именинник должным образом впечатлился», — вспоминал Пит.

Мардас появился у битлов очень вовремя. В конце 1966-го бухгалтеры посоветовали группе во избежание чрезмерного налогообложения приобрести недвижимость, земельные владения и предприятия розничной торговли. Битлы тут же основали ряд компаний под эгидой «Эппл кор»: «Эппл рекордз», «Эппл филмз» и «Эппл ритейл» (управлявшую бутиком на Бейкер-стрит). Алексу Мардасу, обещавшему невероятно перспективные изобретения, досталась «Эппл электроникс».

К тому времени Джон ежедневно закидывался ЛСД, что, вероятно, и заставило его поверить в величие «огромной, внушительной, полностью компьютеризированной лаборатории, до которой другим еще далеко». В последующие месяцы Волшебный Алекс убедил его, что приблизить золотую эру электронной магии можно только с помощью крупных финансовых вложений.

Однажды, сидя вечерком в студии, битлы жаловались друг другу, что ну вот никакой частной жизни не стало. И тут Джон предложил создать собственное небольшое королевство — типа острова, где можно построить дома, студию и даже школу. Джулиан учился бы в ней вместе с детьми Боба Дилана, который точно присоединится к битлам. Мардас тут же навострил ушки. У греческого побережья, подсказал он, островов — как грязи, их можно прикупить по дешевке.

Мардаса немедленно отправили в Грецию подыскать идеальный остров. Через сорок восемь часов он отзвонился, сообщив, что присмотрел целое скопление островков в Эгейском море: один из них — площадью 80 акров, с оливковой рощей в 16 акров и четырьмя уединенными пляжами — окружен четырьмя островками поменьше, как раз по одному на каждого из битлов. Цена вопроса — 90000 фунтов. Мардас также добавил, что, по его прикидкам, прибыль от оливковых рощ позволит окупить затраты на приобретение за семь лет.

Все четверо битлов вылетели в Грецию, невзирая на недавний запрет местной хунты как на длинные волосы, так и на рок-музыку, а еще — на заявление о том, что употребление наркотиков наказуемо пожизненным заключением. Воспользовавшись родственными связями, Мардас, похоже, заключил с хунтой сделку: в обмен на своего рода дипломатическую неприкосновенность битлы согласятся сфотографироваться для министерства туризма. Джона предупредили: веди себя хорошо и хунту не критикуй. «Из той поездки я помню только, что некоторые закидывались кислотой, а паспорта у нас не проверяли вообще, потому что отец Алекса был какой-то важной шишкой», — вспоминала Патти Бойд. Едва

самолет приземлился в афинском аэропорту, как Джон с ужасом вспомнил, что наркотики остались дома. «Нафига мне Парфенон без ЛСД?» — жаловался он. После срочного звонка в NEMS легкий на подъем Мэл Эванс прихватил забытую наркоту и вылетел в Грецию следующим же рейсом.

«Поездочка выдалась та еще, — вспоминал Джордж. — Мы с Джоном были постоянно под кислотой, сидели на носу корабля, играли на укулеле. Слева Греция, справа большой остров. Солнце сияет, а мы часами напролет поем «Харе Кришна»». Бухгалтеры настаивали, что шаткое финансовое положение битлов станет еще хуже, но от покупки ребята не отказались. Вопрос о переводе денег решал министр финансов Джеймс Каллахан. В какой-то момент Каллахан по-отечески предупредил битлов, что 95000 фунтов — «абсолютный предел» и больше он вывести из страны не позволит, а в конце письма сделал собственноручную приписку: «Ни пенни больше… Кстати, как вы собираетесь обустраиваться на вашем острове?»

Эта проблема разрешилась сама собой. После покупки битлы моментально утратили к островам интерес, забыли о строительстве утопии и больше туда не приезжали. Годом позже они продали острова с прибылью в 11400 фунтов[683]. Впоследствии Джордж с одобрением отметил, что «это было их единственное хоть сколько-нибудь прибыльное предприятие».

101

Из Греции Джордж и Патти полетели в Калифорнию, где посетили сессию звукозаписи *The Mamas and the Papas*[684], заскочили в музыкальную школу Рави Шанкара и поужинали в ресторане на Сансет-стрип. Седьмого августа 1967 года они вместе с Дереком Тейлором и Нилом Эспиноллом на частном «Лир-джете» вылетели в Сан-Франциско, где жила сестра Патти, Дженни. Возможно, не случайно на второй стороне сингла «All You Need is Love» записана песня «Baby, You're a Rich Man»[685].

После обеда с Дженни Джордж со товарищи решили, что было бы прикольно сгонять в Хейт-Эшбери, район хиппи, где тусовались самые крутые музыканты — *Jefferson Airplane, The Grateful Dead*, Дженис Джоплин. По пути Дерек раздал всем облатки ЛСД. «Раз уж мы собирались в Хейт-Эшбери, то глупо было не закинуться», — вспоминала Дженни. Когда они выбирались из машины, «их торкнуло, и все стало просто вау, психоделическое и вообще… в смысле, просто суперприкольно».

Джордж рассчитывал побродить по району инкогнито — в синей джинсовой куртке, психоделических джинсах, солнечных очках-сердечках и мокасах. В конце концов в Хейт-Эшбери почти все выглядели так, как он, и вряд ли его кто-то узнает. Более того, Сан-Франциско славился своей расслабленной атмосферой, хиппи все было по фигу, и даже если бы Джорджа узнали, то не стали бы к нему приставать.

Зайдя в какой-то магазинчик, Джордж с Патти очень удивились, когда туда сразу же набились покупатели. На улице за Джорджем немедленно потянулась целая толпа.

Все бормотали: «Битлы приехали, битлы в городе…»

© Bettmann/Getty Images

Джордж ничего подобного не ожидал. «Мы шли по улице, а на меня смотрели, как на Мессию». Каково быть одним из прекрасных людей? Конкретно в тот момент — очень неудобно. Патти была потрясена: «Мы-то думали, что Хейт-Эшбери — особое место, где обитают люди искусства, полно прекрасных людей, но там было просто ужасно: сплошь бездомные, отребье и прыщавые юнцы, все обалделые и укуренные, даже мамаши с детьми. Нам просто наступали на пятки. Мы боялись останавливаться — как бы нас не раздавили».

В надежде стряхнуть «хвост» они направились в парк «Золотые ворота», в район, получивший название Хиппи-Хилл. Джордж невольно превратился в Крысолова. Когда он и четверо его спутников уселись на траву, хиппи последовали их примеру, а вскоре их набежало еще больше.

Откуда-то сзади передали гитару и вручили ее Джорджу. Тогда Патти сообразила, что хиппи ждут от него больше, чем он хотел бы — и мог бы — им дать.

«Ощущение было, что они наслушались «Битлз», нашли в их песнях то, что хотели найти, закинулись наркотиками, о которых якобы пели битлы, и вот теперь им не терпелось знать, что делать дальше. А тут явился Джордж — как видно, чтобы указать им путь».

Джордж попытался дать им чуточку желаемого, однако петь

не стал, а просто продемонстрировал кое-какие аккорды: «Это соль, а это ми, вот ре…» Тут какая-то девица завопила: «Эй, это Джордж! Джордж Харрисон!» Хиппи придвинулись ближе, толпа росла и росла.

Все стали просить песню, но Джордж, пугаясь все больше и больше, вежливо вернул гитару со словами: «Прости, чувак, нам пора».

Когда они с друзьями встали и пошли прочь, к Джорджу подошел какой-то хиппи и предложил: «Эй, Джордж, СТП[686] не желаешь?» Джордж помедлил: недели две назад на празднике в честь летнего солнцестояния раздали 5000 таблеток СТП, и очень много народу потом оказалось в больнице. «Нет, спасибо, чувак, мне и так норм», — ответил он, и они пошли дальше.

Хиппи оскорбился: «Эй, чувак, ты меня обидел», затем он обернулся к толпе и пожаловался: «Джордж Харрисон меня обидел!» Расслабленное, пофигистское настроение толпы внезапно переменилось. «Они озлобились, — вспоминала Патти. — Мы это поняли, потому что под кайфом четко улавливаешь энергетику».

Джордж и остальные медленно пошли прочь, но потом сообразили, что до машины идти еще целую милю, и ускорили шаг. Толпа не отставала. На Джорджа накатил приступ паники, усиленный ЛСД: «Как будто картина Иеронима Босха ожила и расширилась: человекоголовые рыбы, лица-пылесосы».

Нил Эспинолл вспоминал, как все перепугались. Расслабленные наркотиками, они угодили в ту самую ситуацию, которой хотели избежать. Их преследовала толпа в тысячу человек. «В конце концов мы просто бросились наутек».

Наконец они добрались до лимузина, запрыгнули в салон и захлопнули двери. Толпа окружила машину. «К стеклам прижались лица, таращились на нас». Хиппи стали раскачивать лимузин. Обожание перешло в угрозу, а угроза — в нападение. Каким-то образом Джорджу с друзьями удалось потихоньку проехать вперед, а потом они дали по газам и умчались прочь.

Больше Джордж ЛСД не принимал; и в поклонников тоже больше не верил. «Я наконец-то понял, что на самом деле творится в среде наркоманов. Прежде я считал, что наркотики стимулируют духовное пробуждение и талант, но оказалось, что привычка к наркотикам — это как алкоголизм или любая другая зависимость. Для меня это стало поворотным моментом: тогда я начисто порвал с наркотиками и завязал с проклятой лизергиновой кислотой».

102

Тем же «Летом любви» еще один мессия с гитарой собирал свою толпу поклонников на Хиппи-Хилл.

Ранее в том же году Чарли Мэнсон, осужденный за подделку чеков и нарушение режима условного освобождения, отсидел свои семь лет. В тюрьме он читал Библию и книги по сайентологии. Власти быстро заметили его высокий интеллект и направили на специальный курс Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и как оказывать влияние на людей», в надежде, что это поможет ему изменить образ жизни. Книга Карнеги определенно нашла отклик в душе Мэнсона и в его ключевых убеждениях. «В основе всех наших поступков лежат два мотива: сексуальное влечение и желание стать великим», — писал Карнеги[687].

Мэнсон вышел на свободу в марте и направился в Хейт-Эшбери, движимый верой в свой талант музыканта и стремлением набрать последователей среди 75000 юнцов, пришедших туда в «Лето любви». В отличие от Мэнсона, многие из них искали чего-то — или кого-то — более великого, чем они сами.

Мэнсон угодил в тюрьму в 1960-м, когда битлы были еще только *The Silver Beetles*, а освободился в 1967-м, когда они уже записывали «Sgt. Pepper». Слушая их песни по тюремному радио, он заявлял другим заключенным, что в один прекрасный день его слава затмит славу битлов.

Тексты песен «Битлз», преломленные сквозь призму паранойи Мэнсона, заложили фундамент его философии. Из этих текстов и цитат из Откровения Иоанна Богослова Мэнсон составил свой манифест бунта и разрушения. В Хейт-Эшбери он внушил свои убеждения впечатлительным юнцам. Некоторым было по шестнадцать лет, то есть вдвое меньше, чем Мэнсону.

103

Примерно в то же время искали своего гуру и битлы. Первой об этом задумалась Патти Бойд. В феврале 1967-го она просматривала воскресные газеты и наткнулась на рекламу курсов трансцендентальной медитации в центральном Лондоне. «Я решила: идеально, — и мы отправились в Кэкстон-холл, где вступили в движение Духовного возрождения. За три дня выходных мы прошли посвящение и получили личные мантры».

Лидер Духовного возрождения, Махариши Махеш Йоги, был этакой загадочной фигурой, не то пятидесяти, не то шестидесяти лет, никто точно не знал, поскольку сам он придерживался убеждения, что подобные личностные аспекты отвлекают от универсальности его послания. Махеш Прасад Варма, сын государственного служащего, вырос в Джабалпуре, в Центральной Индии, и окончил физико-математический факультет Аллахабадского университета. В 1940-м — в год рождения Джона и Ринго — он стал учеником монаха по имени Шри Гуру Дэв, который, единственный из всех индийских мистиков, появился потом в песне «Битлз» «Across the Universe»[688].

После смерти Гуру Дэва в 1953-м Махеш Прасад Варма объявил себя Махариши («великим провидцем») и занялся собственной карьерой. К 1958-му он разработал десятилетний план по «возрождению всего мира посредством медитации». Для этого он создал духовные техники вроде левитации, или «йогического полета», во время которого участники либо летали, либо прыгали, либо подскакивали — в зависимости от их отношений с земным притяжением. Обещанный им «позитивный опыт Небесного Блаженства» заинтересовал состоятельных американцев, и в 1959-м Махариши обосновался в Голливуде, открыв там центр Духовного возрождения, откуда ежегодно отправлялся в международные турне, с заездами в Гонконг и на Гавайи. Махариши мыслил с размахом и планировал устроить по центру Духовного возрождения на каждый миллион человек: каждый из таких центров готовил бы тысячу инструкторов, которые потом инициировали бы еще тысячу, и так далее, пока все человечество не излечится от страданий.

Для Патти его уроки «переменили всю жизнь. Я постоянно рассказывала о них Джорджу, как только он приходил домой, объясняла, чем занималась. Он очень заинтересовался. А потом, вот радость-то, я узнала, что в августе Махариши приезжает в Лондон и выступит с лекцией в отеле «Хилтон». Мне ужасно захотелось на нее попасть, и Джордж вызвался пойти со мной.

Пол уже слышал о Махариши, ему тоже было интересно, и в конце концов на лекцию отправились все — Джордж, Джон, Пол, Ринго, Джейн и я». Лекция прошла успешно. «Мы были очарованы».

На следующий день, в пятницу, 25 августа 1967-го, «Битлз» отменили сессию звукозаписи и поездом поехали в Бангор, где движение Духовного возрождения проводило десятидневную летнюю конференцию. К ним присоединились Синтия Леннон, Мик Джаггер, Марианна Фейтфулл и Дженни, сестра Патти. Эпстайн тоже хотел поехать, но ему предстояло принимать гостей на вечеринке в Сассексе. Битлам было неловко без Брайана. «Как будто вышел без штанов», — жаловался Джон. Спустя несколько часов битлы осознали, как сильно от него зависели: вечером, отужинав в китайском ресторанчике в Бангоре, они обнаружили, что ни у кого нет денег расплатиться по счету. За последние годы битлы стали капризными и беспомощными, как младенцы.

О смерти Брайана Эпстайна они узнали воскресным утром. Джон, Пол, Джордж и Ринго бросились за советом к Махариши. Марианна Фейтфулл слышала, как Махариши сказал им: «Брайан Эпстайн умер. Он о вас заботился. Он был вам как отец. Теперь вашим отцом буду я». Она потрясенно осознала, что Махариши обращает их горе себе на пользу, и это было очень мерзко. «Самое ужасное, что эти балбесы совершенно этого не поняли».

Вскоре битлов окружили пресса и телерепортеры, которым не терпелось узнать, как они отреагировали на известие. Джон был очень подавлен. Он как будто сдулся: «Я не могу найти слов, чтобы достойно почтить его память. Скажу только, что мы его любили, и о любви к нему мы сейчас думаем».

Пол сказал: «Мы глубоко потрясены. Я ужасно расстроен».

104

Джордж Мартин: Никто и подумать не мог, что это случится, и мальчиков это совершенно сломило. Они превратились в корабль без руля. Но самым ужасным было то, что, останься Брайан в живых, он все равно потерял бы «Битлз». Он не смог бы и дальше быть их менеджером. Они все равно распались бы. Каждый искал бы кого-нибудь помоложе, того, кто занимался бы только их делами. Вдобавок у Брайана было много личных проблем, а битлы были слишком эгоистичны, чтобы с этим смириться. Им нужен был тот, кто полностью посвятил бы себя «Битлз». Я даже больше скажу: Пол к тому времени хотел кого-то, кто занимался бы только Полом, Джон тоже хотел человека исключительно для себя, и так далее. В любом случае ситуация становилась невозможной.

Джоанн Питерсен, личный помощник Брайана Эпстайна: Все быстро, практически моментально пошло под откос. По-моему, все очень быстро распадалось. Брайан был как клей, он всех скреплял; и когда его не стало, они превратились в корабль без руля. Править судном стало некому.

Дерек Тейлор: Останься Брайан в живых, он стал бы куда решительней и дотошнее и поддержал бы битлов там, где этого не сделали бы другие. Есть знаменитое высказывание Джона: «Нам хана». Так оно и было, в том смысле, что группа распалась.

Марианна Фейтфулл: По правде говоря, с этим Махариши битлы просто фигней страдали. Брайан был не только блестящим предпринимателем, но и духовным стержнем, опорой. Как по мне, Брайан воспринял бы всю эта историю с Махариши как предательство нравственных ценностей. Если бы он познакомился с Махариши, сразу бы просек, что этот мелкий придурок никогда не сможет его заменить. По-моему, это все поняли с первого взгляда. Не отравись Брайан снотворным, все было бы куда проще. Битлы вернулись бы в Лондон, а он спросил бы их: «Ну и как вам?» И все расхохотались бы, мол, да ерунда это все. А так смерть Брайана буквально втолкнула битлов в объятия Махариши. Если бы Брайан не умер, то все бы развеялось. Такого клоуна, как Махариши, еще поискать. Все это понимали, и нам всем было стыдно. У Брайана была потрясающая чуйка на людей. Если бы он был в Лондоне, когда битлы вернулись из Уэльса, и ответил бы на звонок Джона или Пола, кутаясь в свой шелковый халат, битлы не поехали бы в Индию и всего остального не случилось бы.

Пол: Со смертью Брайана как будто открылись шлюзы. К нам

хлынули люди, которые прежде не имели возможности приблизиться к группе.

Было бы слишком легкомысленно предположить, что для битлов Махариши занял место Брайана Эпстайна. По сравнению с Эпстайном Махариши был однодневкой, но к тому времени они задали себе такой скоростной темп, а их нужды, искания и капризы стали такими сумасбродными и расплывчатыми, что новый руководитель был им просто необходим.

Джон и Джордж уехали из Бангора, напичканные прелестями трансцендентальной медитации, а месяцем позже вовсю восхваляли ее достоинства в передаче «Репортаж Фроста»[689]. Через неделю их снова пригласили на это шоу. Джордж, обычно молчаливый, неожиданно разговорился и начал объяснять разные уровни сознания:

> …Трансцендентальная медитация поднимает вас на трансцендентальный уровень чистого сознания, но если часто подниматься до него, то вы этот уровень приносите на свой уровень или же свой прежний уровень поднимаете на новый. Но относительное преимущество заключается в том, что этот уровень становится космическим сознанием, а значит, можно сохранять блаженство сознания в относительном поле и заниматься обычными делами, пребывая при этом в абсолютном блаженстве…

И так далее и тому подобное. Битлы все еще внушали такое благоговение, что даже Дэвид Фрост, этот язвительный острослов, слушал не перебивая, хотя Джордж нес откровенную дичь и упомянул, что читает книгу о йогине, который дожил до 136 лет, «и еще об одном, который живет в Гималаях… понимаете, для тех, кто в таких делах не разбирается, это звучит дико, но этот йогин живет со времен Иисуса Христа, в том же физическом теле. Они подчинили себе жизнь и смерть. Подчинили себе все, достигли высшего состояния сознания…».

105

Двадцать третьего августа 1967 года Брайан Эпстайн заглянул на студию, где второй день записывали «Your Mother Should Know»[690]. Через четыре дня его не стало. Битлы надеялись посетить его похороны в Ливерпуле двумя днями позднее, но родные Брайана попросили их держаться подальше — опасались излишней шумихи.

Спустя неделю, вечером 5 сентября, битлы собрались в студии на Эбби-роуд, решительно настроенные продолжить запись «Magical Mystery Tour». Настроение царило мрачное. «Сессия в тот день выдалась какая-то бледная, — вспоминал Джефф Эмерик. — Мы не могли сосредоточиться, все думали о Брайане».

Взяв акустическую гитару, Джон принялся исполнять новую песню. «I am he as you are he as you are me and we are all together»[691], — начал он.

Джефф Эмерик не понял, о чем это вообще: «Все недоумевали. Мелодия состояла в основном из двух нот, а слова так и вовсе звучали бессмысленные».

Отдельные куски текста казались откровенным бредом. Когда Джон пропел «pornographic priestess» и «let your knickers down»[692], Джордж Мартин обернулся к Эмерику и спросил: «Что он там сейчас спел?»

Наконец Джон закончил. Повисла тишина. Джон поднял взгляд на кабинку, ожидая реакции Джорджа Мартина. «Эта песня называется «I'm the Walrus», — сказал он. — Ну что скажешь?»

Мартин не находил слов, но его замешательство вскоре уступило место раздражению: «Знаешь, Джон, если честно, у меня всего один вопрос: по-твоему, что мне с этой херней делать?»

Зазвучали нервные смешки. Правда, Эмерик заметил, что Джону «вовсе не смешно».

Написать бессмысленную песню «I am the Walrus» Джона побудило письмо, полученное в конце августа от Стивена Бейли[693], пятнадцатилетнего школьника из «Куорри-Бэнк», той самой школы, где раньше учился Джон. Бейли писал, что учитель английского ставит им на уроках песни «Битлз» и просить анализировать и интерпретировать текст.

Пит Шоттон вспоминает, что Джон читал письмо, подвывая от смеха: родная школа сперва объявила его полным неудачником, а теперь включает его творения в школьную программу. Шоттон заметил, что Джон углядел в этом вызов. «Представив, как учитель литературы из «Куорри-Бэнк» с важным

видом рассуждает о текстах Леннона — Маккартни, Джон, охваченный приступом вдохновения, принялся выдумывать самые нелепые образы и выражения».

Подыскивая дурацкие рифмы, Джон вспомнил о детской считалке: «Пит, у нас в «Куорри-Бэнк» была такая песенка про «глаз дохлой собаки»…»

Пит задумался и припомнил:

> Yellow matter custard, green slop pie
> All mixed together with a dead dog's eye,
> Slap it on a butty, ten foot thick
> Then wash it all down with a cup of cold sick[694].

В 1950-е[695] различные версии этой считалки распевали все английские дети. В 1959-м Иона и Питер Опи включили ее в книгу «Фольклор и язык школьников»[696] вместе с множеством региональных вариантов. В Манчестере заварной крем делал «плюх-плюх», а пирог начинялся птичьими потрохами; в Форест-оф-Дин вместо крема были «парша и гной», а пирог — из «зеленых соплей»; наименее аппетитным получался пирог в Ипсвиче: его пекли из козявок и подавали с вареными слизнями и глазом мертвяка.

Услышав, как Пит ее декламирует, Джон пришел в восторг. «Точно! — сказал он и потянулся за ручкой. — Фантастика!» Он старательно записал: «Желтый крем из гноя» — и тут же принялся добавлять куски из других детских текстов. «Он вспомнил о манной каше, которой нас пичкали в детстве, и о сардинках-пильчардах, которые мы частенько скармливали котам. «Semolina pilchard climbing up the Eiffel Tower…»[697] — напел Джон, обрадованно записывая строчку». Ему явно доставляла удовольствие мысль о том, как учителя потратят время, пытаясь докопаться до скрытого смысла. «Пусть мудаки вот *с этим* и разбираются», — сказал Джон.

Потом песня профильтровалась сквозь детское увлечение Джона безумным миром Льюиса Кэрролла и особенно его поэмой «Морж и Плотник», которую Алисе рассказывает Труляля в книге «Алиса в Зазеркалье». За веселеньким ритмом скрывается история двух утонченных психопатов в духе Ганнибала Лектера. Начинается она с того, что Морж зазывает толпу юных устриц на прогулку по берегу с плотником. Но стоит им дойти до места, как:

> — Нам нужен хлеб, — промолвил Морж, —
> И зелень на гарнир,

А также уксус и лимон,
И непременно сыр.
И если вы не против,
Начнем наш скромный пир.

— Ах, неужели мы для вас
Не больше, чем еда,
Хотя вы были так добры,
Нас пригласив сюда!

Морж и Плотник тут же меняют тему, восхваляя Устриц и обращая внимание на чудесный пейзаж. Морж, расчувствовавшись, говорит:

— Мне так вас жаль, — заплакал Морж
И вытащил платок, —
Что я не в силах удержать
Горючих слез поток.
И две тяжелые слезы
Скатились на песок.

А Плотник молвил: «Хорошо
Прошлись мы в час ночной.
Наверно, Устрицы хотят
Пойти к себе домой?»
Но те молчали, так как их
Всех съели до одной.

Это, как однажды высказался психолог Пауль Шильдер[698], «поразительно жестокая» поэма. И эта жестокость, прикрытая нелепицей, явно нашла отклик в душе Джона.

Джон не ошибся: получившуюся мешанину слов действительно подвергли всестороннему анализу, прямо как «Алису в Стране чудес». Какого она толка?

Антикапиталистическая («pigs in a sty»)?[699] Антиакадемическая («expert texperts»)?[700] Или антибюрократическая («corporation T-shirt»)?[701] В ней можно увидеть все что угодно. «Я писал наобум, а-ля Дилан, говоря не то, что имел в виду, но создавая видимость чего-то, в чем можно увидеть смысл. Славно поиграл», — годами позже признавался Джон. Весь текст, добавил он, был написан под влиянием ЛСД.

То, что Джон намеренно изгнал из песни всякий смысл, никак не сдержало потока интерпретаций. Да и как бы это помогло?

Некоторые усматривают в песне нападки на полицию (воображая, будто «пильчард» — это детектив-сержант Пилчер, который преследовал Джона и чья фамилия созвучна этой самой сардине), тогда как другие видят в ней защиту культуры наркотиков. Пассаж с «I-am-he-as-he»[702] интерпретировали одновременно как сатирические нападки на западную религию и как пылкую ее защиту. Для Джона Гульда, биографа группы, Морж — это «мощный символ презрения Джона к «Битлз» как идеализированному образу кумиров молодежи». Иэн Макдональд, считавший песню пиком творчества Леннона, думал, что в ней «автор крушит общественные институты, это тирада в духе «будь ты проклята, Англия», критика образования, искусства, культуры, закона, порядка, классовой системы, религии и даже самого смысла». Друг Джона, актер Виктор Спинетти, думал, что это вообще зашифрованный протест против семейной жизни.

Некоторые даже предъявляли права на главную роль в истории. «Я был Человеком-Яйцом, — писал в своей автобиографии собутыльник Джона, Эрик Бёрдон из группы *The Animals*. — Или, как называли меня некоторые приятели, Яйцами. Прозвище пристало ко мне после одного загула с подружкой. Ее звали Сильвия, она была с Ямайки. Как-то рано утром я готовил завтрак на кухне. Голый, в одних носках. Сильвия подкралась ко мне и раздавила у меня под носом капсулу амилнитрата. Когда пары дали мне по шарам, я сполз на пол, а она взяла с кухонной стойки яйцо и разбила его мне на живот. Белок с желтком пролились на член, и Сильвия взяла его в рот. Стала показывать мне один ямайский фокус за другим. Эту историю я рассказал Джону на вечеринке в Мэйфере. Там были какие-то блондинки и маленькая азиаточка. Девчонки явно были на все согласны. Пока мы к ним примерялись, Джон глянул на меня поверх своих круглых очочков, сползших на кончик крючковатого носа, и со смехом сказал: «Ну, Человек-Яйцо, не робей»».

Впоследствии Эрик Бёрдон стал жертвой превратностей истории, ну или, по крайней мере, самих историков: многие исказили его роль, так что фокусы с яйцами показывали не ему, а он демонстрировал их сам.

Песней «I am the Walrus» Джон гордился особенно: «Эта песня так набита всякой всячиной, что в ней можно разбираться лет сто». Вроде и хвастовство, но прошло полвека, а слова Джона подтверждаются, то есть он уже наполовину прав. Впрочем, со временем он решил, что ошибся, взяв на себя роль Кэрроллова Моржа. «Позднее я вернулся к песне, пересмотрел ее и понял, что Морж-то — плохой, а хороший — Плотник. Я подумал: «Черт, не того выбрал»». И когда дело дошло до сочинения песни о себе

любимом, «Glass Onion», он втиснул в нее строчку: «Here's another clue for you all — the Walrus was Paul»[703]. Однако читатель из Джона был так себе, ведь в оригинальной поэме выбирать было не из кого: и Морж, и Плотник заманивают устриц к себе на ужин, а потом без тени сожаления их съедают.

«Ну и что мне, по-твоему, с этой херней делать?» Как ответить на вопрос Мартина, Джон не знал; не знали и остальные. Они еще не отошли после смерти Эпстайна. Перед началом сессии Ринго чуть не плакал, да и сам Джон был в подавленном состоянии. Джордж как будто поднялся над «здесь и сейчас». «Тело мистера Эпстайна, может, и ушло, — заявил он, — но его дух по-прежнему с нами». Пол не в первый раз проявил прагматизм: «По-моему, надо продолжать».

«Как сейчас помню выражение опустошенности на лицах всех четверых, когда они играли «I am the Walrus», — вспоминал Джефф Эмерик. — Это одно из самых печальных воспоминаний за все время, что я провел с битлами».

Джон сказал Мартину и Эмерику, что его голос должен звучать как будто бы с Луны. Они растерялись. Эмерик начал возиться с усилками, искажая звук, заставляя голос Джона звучать одновременно резче и невесомее. «Я понятия не имел, как звучит голос человека на Луне — или что там вообще Джон себе вообразил, — но, как обычно, обсуждать с ним это было бесполезно». На следующий день Джон попросил добавить фоном случайные звуки из радиоэфира. Джордж Мартин закатил глаза.

© GAB Archive/Redferns

Туда же до кучи включают обрывки диалога из «Короля Лира», фразу «Everybody’s got one, everybody’s got one», декламируемую *Mike Sammes Singers*[704], и детскую дразнилку: «Oompah, oompah, stick it up your jumper».

Это и все, и ничего одновременно. По словам Джорджа Мартина, оно рождается из «организованного хаоса», или, как и поэма Кольриджа «Кубла-хан»[705], неким образом выходит за пределы интерпретаций и граничит с возвышенным.

106

Вечеринка:

Отель «Ройял Ланкастер», зал «Вестборн»,

Ланкастер-Террас, Бейсуотер, Лондон,

W2 21 декабря 1967 г.

Восьмого декабря 1967 года комедийный актер Кеннет Уильямс[706], человек тонкой душевной организации, берет авторучку и каллиграфическим почерком пишет гневное письмо приятелю: «Представь себе, недавно эти «Битлз» решили устроить закрытую вечеринку в отеле «Ройял Ланкастер», а их менеджер позвонил мне и предложил провести для них развлекательную программу. Каково, а? Невообразимая наглость! Да, я веду программы по телевизору, но это еще не значит, что меня можно вот так запросто ангажировать. Какое нахальство!»

На самом деле вечеринка по случаю завершения съемок «Magical Mystery Tour» состоится не ранее 21 декабря, за пять дней до показа фильма по телевидению на второй день Рождества.

Поскольку «Magical Mystery Tour» по духу напоминает рождественский спектакль, гости приходят в карнавальных костюмах. Пол и Джейн Эшер — жемчужные король и королева[707], Дерек Тейлор — Адольф Гитлер, Алистер Тейлор — матадор, Тони Брамвелл — придворный шут, а Питер Браун — король Людовик XIV, тогда как Джордж Мартин и его супруга Джуди наряжаются принцем Филипом и королевой Елизаветой II. Словно бы желая подчеркнуть разницу между ними, Джон приходит в прикиде тедди-боя, а Синтия одета как дама эпохи Регентства — шляпка, кринолин, ленты и банты. Она сразу же понимает, что перестаралась и выглядит «как дама с коробки конфет «Кволити-стрит»».

© *Keystone Features/Hulton Archieve/Getty Images*

Вечеринка совпадает с кратким примирением Джона с его непутевым папашей Фредом, который оделся очень даже сообразно себе, мусорщиком из «My Old Man's a Dustman»[708]. Ранее тем же днем он заплатил 5 фунтов настоящему мусорщику, чтобы обменяться с ним одеждой. Питу Шоттону невыносимо находится поблизости. «От него разило помоями, и все гости старались держаться от него подальше».

В мире шоу-бизнеса царит странное интуитивное взаимопонимание, однако дородный комедийный актер Роберт Морли[709] в костюме Санта-Клауса — гость неожиданный. «Он обливался потом, — вспоминает один из гостей. — Видимо, кондиционер в отеле не справлялся, и ему явно было неудобно. Прямо не верилось, что он сам выбрал этот костюм. Скорее всего, на этом настоял его агент».

После ужина устраивают показ фильма «Magical Mystery Tour». Джон сидит за столом со своим вонючим папашей и его юной невестой Полин, одетой тоже очень подходяще — как школьница. За одним столом с ним Силла Блэк в костюме заводского рабочего и ее муж Бобби в костюме монахини.

Между окончанием ужина и началом показа возникает пауза. «Давай, Джон, пока ждем, сыграй что-нибудь!» — предлагает Лулу, одетая как Ширли Темпл: в белых носочках, с огромным леденцом и кудряшками на увенчанной бантом голове.

— Фиг тебе, — отвечает Джон. — Может, ты, Фред?

А вот это ошибка. Алистер Тейлор, организатор вечеринки, замечает, что Фред «пьяный в дым». Само собой, он вскакивает на сцену и тут же падает носом вниз. После фильма на сцену выходит *The Bonzo Dog Doo-Dah Band*[710], и начинаются танцы. Джон ненавидит танцы, но сегодня его соблазняет выйти на танцпол Патти Харрисон, которая явилась в костюме исполнительницы танцев живота. Синтия остается не у дел, «сидит чопорно и зажато, как дура с мытой шеей». Пит Шоттон, как и Джон, одетый тедди-боем, следит за развитием неприятной сцены: «Патти, конечно же, пришла в весьма откровенном наряде и потому была особенно привлекательна, но ни Син, ни Джорджу не понравилось, что Джон с ней заигрывал». Лулу, возмущенная происходящим, отчитывает Джона, размахивая леденцом.

Наконец Синтию приглашает на танец Билли Крамер, одетый, по счастливому совпадению, как солдат эпохи Регентства. «Из нас получилась милая парочка, — вспоминает Синтия, — пока мы не попытались сплясать джайв вместо вальса». Запутавшись в подоле платья, Синтия падает «в ворохе лавандовой ткани, что огромным шаром окутывает ее всю».

Джон оборачивается, и Синтия успевает поймать его взгляд. «В тот момент в его глазах не было ни любви, ни восхищения, только чистый стыд. В который раз я его подвела».

107

На первое собрание совета директоров «Эппл» битлы не явились. Среди тех, кто пришел, был старый приятель Джона, Пит Шоттон, которого назначили директором, хотя весь его опыт в бизнесе сводился к владению газетной лавочкой на острове Хейлинг-Айленд, которую купил ему Джон.

Встречу Шоттон начал с заявления: мол, про «Эппл» он ничего не знает и пусть члены совета его просветят. Все молчали, потому что никто из собравшихся тоже ничего не знал про «Эппл». Тогда слово взял Клайв Эпстайн, брат покойного Брайана: «Ну, насколько я понял, «Эппл» будет выпускать поздравительные открытки, а парни станут писать для них стишки».

Когда высказались и остальные члены совета, стало ясно, что цели «Эппл» каждый из них представляет себе по-своему. Наконец к Шоттону обратился Терри Доран, который на пару с Брайаном владел компанией «Брайдор карз»[711]: «Слава богу, Пит, что есть ты. Сам видишь, никто ничего не понимает. Нам позарез нужен человек вроде тебя, чтобы все тут организовать». На этом встреча завершилась, и члены совета разошлись со словами: «Удачи, Пит!» и «Поздравляю, Пит!».

Пит поехал прямиком к Джону — выяснять, что вообще происходит. Джон изложил ему бизнес-план. «Если коротко, то происходит вот что, — сказал он. — У «Битлз» есть три миллиона фунтов, которые придется отдать налоговой, если не вложить их в бизнес. То есть так или иначе надо растратить их к чертям. Значит, давай займемся бизнесом, хоть поржем немного».

Как выяснилось, смешного в этом было очень мало. Быстро развернутый бизнес так же быстро свернулся. Для начала газета «Диск энд мьюзик эко», примкнув к «Эппл», объявила о поиске новых британских звезд: «Есть сотни безвестных групп, которые, если обеспечить им правильную подачу, могут стать такими же знаменитостями, как нынешние лучшие поп-исполнители». Читателям предложили проголосовать за местные группы, а «Эппл» обещала отправить своих представителей на прослушивание кандидатов. Шестеро счастливчиков, проголосовавших за группу-победительницу, должны были получить сертификаты номиналом 25 фунтов, которые можно было потратить на одежду в новеньком «Эппл-бутике».

Тысячи читателей принялись слать имена номинантов; примерно столько же человек отправили пленки с записями своей музыки, романы и стихи. Практически ничего из присланного не было прослушано, прочитано или хотя бы вскрыто. Письма и

посылки складывали в коробки и убирали в темный чулан в офисе «Эппл», прозванный Черной комнатой. Шоттон не любил об этом думать. «Душераздирающее зрелище, особенно если представить всех этих восхищенных юнцов, которые надеялись получить ответ от «Битлз» и обзавестись собственным «бентли»».

Вскоре в «Эппл» устремились чудаки и мошенники всех мастей, требуя, чтобы их осыпали славой и богатством. Ричард Дилелло[712], молодой американец, работавший в «Эппл», сравнивал коридоры офиса с «приемной вендиспансера в Хейт-Эшбери на пике кислотного безумия 1967-го». Однажды его позвали разобраться с типом, который утверждал, что понимает язык зверей и общается с ними. В доказательство он предъявил листок, на котором в лондонском зоопарке записал поэму: в ней чередовались строфы, сочиненные им самим и его друзьями-животными. Самым удивительным стало то, что его не назначили заведовать каким-нибудь отделом, хотя вполне могли бы.

Одной из первых отведала щедрости «Эппл» напористая японская художница Йоко Оно, чьи отношения с Джоном носили пока односторонний характер. Оно подала заявку на 5000 фунтов для организации выставки белых предметов в галерее «Лиссон»: стул, стол, туфля и шляпа — и все разрезанное пополам. Не получив просимого, она подкараулила Джона в офисе «Эппл». «Чувствую себя лишь половинкой целого, — сказала она ему. — Ты моя вторая половинка, а я — твоя. Мы затерялись в пространстве, ища друг друга, и вот мы вместе».

Джон дал ей денег, с условием, что его имя в связи с выставкой не всплывет. Тони Брамвелл помнит, как спросил его: зачем согласился? «Хотел отделаться, — ответил Джон. — От таких баб надо откупаться, иначе не отстанут».

Тут он, правда, ошибся насчет Йоко. Она немедленно выпустила пресс-релиз с анонсом совместной выставки: ««Половина ветра» Йоко Оно и Джона Леннона».

108

В детстве Йоко Оно можно отыскать параллели с детством королевы Виктории — та, говорят, тоже присаживалась не оборачиваясь — знала, что лакей обязательно придвинет ей стул. Семье Оно прислуживало тридцать человек, каждый из которых приближался к юной Йоко на коленях и отступал так же, пятясь и не поднимаясь с пола. Когда бы Йоко ни покинула пределов дома, ей запрещалось садиться на что-либо, пока слуга не протрет сиденье ватным тампоном, смоченным в дезинфицирующем средстве.

Йоко Оно родилась 18 февраля 1933 года (всего тридцать два года спустя после смерти королевы Виктории), став плодом союза двух богатейших семей Японии. Ее прапрадед по материнской линии, Дзэндзиро Ясуда, сделав состояние на валютных операциях, основал Третий национальный банк Японии. Отец, Эйсукэ Оно, тоже был банкиром, дослужившимся до поста директора нью-йоркского филиала Токийского банка.

На борту транстихоокеанского лайнера по пути из Японии к отцу в Сан-Франциско маленькая Йоко приняла участие в конкурсе маскарадных костюмов. Она нарядилась Ширли Темпл и получила первый приз. Кто знает, может, именно этот детский триумф оказал на нее сильное влияние: на протяжении всей своей долгой жизни Йоко Оно черпает вдохновение в простеньких, наивных, зачастую банальных фантазиях, столь характерных для большинства песен Ширли Темпл, вот как «Tra-la-la-la»:

> Tra-la-la-la, what a merry world we live in
> Tra-la-la-la, all of it is yours and mine
> So wear a smile, sing a little while it's raining
> And through the clouds, ev'ry little star will shine[713].

Облака занимают центральное место в высказываниях Йоко Оно вот уже лет восемьдесят. Например, в «Кусочке облака», из ее книги 1964 года «Грейпфрут», она пишет:

> Вообрази, как стекают облака. Выкопай в саду лунку и сложи их в нее.

Через четыре года, когда Джон поехал в Ришикеш, она бомбардировала его советами типа:

Я облако. Ищи меня в небе.

В последующие десятилетия она раз за разом извлекала глубокие мысли из любой тучки. В 2019-м, в возрасте восьмидесяти шести лет, Йоко Оно задает связанный с облаками вопрос 4,78 миллиона своих подписчиков в «Твиттере»:

> Глядя на облака, я вижу нашу красоту и быстротечность. А что видите вы?

В песне «Polly Wolly Doodle» Ширли Темпл пела:

> I came to a river and couldn't get across
> Sing Polly Wolly Doodle all the day
> I jumped on a gator and thought he was a hoss
> Sing Polly Wolly Doodle all the day[714].

Похожие темы счастья, доставшегося невероятными усилиями, прослеживаются во всем творчестве Оно. В одном из своих афоризмов она советует читателю «взвалить на спину тяжесть», а затем «плясать как можно резвее». В другом высказывании она предлагает сесть у причала, смотреть на танцующих чаек и «мысленно танцевать вместе с ними» до тех пор, пока «не ощутите биение их сердец».

Такие высказывания Оно, как:

> Носи с собой мешочек гороха. Куда бы ни пошел, всюду оставляй по горошине,

и:

> Вообрази, что выпускаешь в небо золотую рыбку. Пусть она плывет с запада на восток. Выпей литр воды, —

явно вторят самой известной песне Ширли Темпл:

> On the good ship *Lollipop*
> It's a sweet trip to a candy shop
> Where bon-bons play
> On the sunny beach of Peppermint Bay[715].

Почти ежедневно Йоко делится своей мудростью в «Твиттере». Ее изречения так приторно оптимистичны, что

малютка Ширли Темпл кажется унылой: «Все животные чувствуют любовь», «Ваша мудрость безгранична», «Для начала вообразите мир, в которым все мы от души веселимся».

© *Imagno/Getty Images*

Иногда ее тянет в политику. «Перспектива большой наживы притупляет чувства некоторых людей, даже когда это вредит здоровью всех живых существ на планете, — написала она в «Твиттере» 22 мая 2019 года. — Надо и дальше рассказывать о реальном положении дел, пока эти люди не проснутся». Ее

собственное состояние оценивается в 600 миллионов долларов.

Время от времени она перестает раздавать советы и сама просит о них. Второго февраля 2019-го в 17:18 она твитнула вот такое: «Посоветуйте что-нибудь, что поможет нашим жизням исцелиться и засиять».

Подписчиков прорвало, но бóльшая часть советов, похоже, оказалась куда прямолинейнее, чем ожидала Йоко:

> Прежде чем грилить бутер с сыром, намажь его «Мармайтом».
>
> Самый быстрый способ пересесть с ветки на ветку на станции «Грин-парк» — это игнорировать все (водящие кругами) указания и по эскалатору подняться в кассовый зал, а потом спуститься на соответствующем эскалаторе на нужную ветку. Не благодарите.
>
> Доставучий мешок для мусора легко расправить, если слегка потянуть верхний край.
>
> Плесни газированной воды в тесто для йоркширского пудинга.
>
> Храни банки с консервированной фасолью перевернутыми, тогда фасоль не прилипнет к донышку.
>
> Пара приличных варежек-прихваток лучше тысячи полотенец.
>
> Не ешь воздушный рис «Теско вэлью». Отстой.
>
> На трассе из Барнсли в Шеффилд кофе в танкерслийском «Макдональдсе» на 10 пенсов дешевле, чем в торговом центре «Медоухолл».

И наконец:

> Не разваливай «Битлз», если они еще могут выпустить альбом-другой.

Йоко Оно закончила Гакусюин, самую элитную частную школу в Японии[716]; там же с ней учился кронпринц Акихито[717]. Когда ей исполнилось восемнадцать, вся семья отправилась в Нью-Йорк к ее отцу, которого назначили президентом местного отделения Токийского банка. Там Йоко поступила в колледж Сары Лоуренс в Бронксвилле, где среди ее сокурсниц были

Барбара Уолтерс и княгиня Ли Радзивилл (урожденная Бувье) [718]. В 1956-м, когда Джон Леннон еще воевал с домашкой в школе «Куорри-Бэнк», Йоко Оно ушла из дома с молодым композитором-пианистом Тоси Итиянаги[719], учеником Джульярдской школы[720]. Вдвоем они поселились в лофте в Гринвич-Виллидже и вскоре поженились. Тогда же Йоко стала носить черное, и не изменяет этой привычке по сей день. Йоко Оно всегда была очень консервативной представительницей экспериментального искусства.

В 1958-м Тоси Итиянаги записался на курс экспериментальной музыки. Его преподавателем стал Джон Кейдж, который познакомил его с Мерсом Каннингемом[721], а тот, в свою очередь, нанял его как репетиционного пианиста в свою балетную труппу. Через своего талантливого мужа Йоко познакомилась не только с Кейджем и Каннингемом, но и с более широким кругом деятелей экспериментального искусства, включая Аллана Капроу и Джима Дайна[722]. Но среди богемы заявить о себе не удалось. Супруг Йоко играл на рояле и сочинял музыку, а таланты Йоко разглядеть было сложнее: «Мне трудно было убедить окружающих, что я и сама человек творческий. Мой муж был знаменит в своем кругу: Джульярдская школа, Джон Кейдж и прочие… Я же, в стремлении компенсировать это, стала заводить интрижки и всякое такое, так что отношения у нас разладились».

Зимой с 1960 на 1961 год она организовала в лофте серию мероприятий, на которых присутствовали ключевые фигуры экспериментального движения: среди них были композиторы-минималисты Ла Монте Янг и Терри Райли[723], а также поэтесса-битник Диана Ваковски[724]. Зрители сидели на ящиках из-под апельсинов. Йоко то и дело вмешивалась в чье-нибудь выступление или же устраивала собственный перформанс: однажды она взяла миску желе и швырнула ее в подвешенный к стене лист бумаги. Потом разбила о стену два сырых яйца, взяла чернильницу и стала пальцами рисовать вокруг яично-желейного месива. Наконец чиркнула спичкой и подожгла лист бумаги. Невзирая на все старания, убедить в своей гениальности получилось не всех. «Я ее презирала, говорила, что все ее потуги напрасны, а ее «поэзия» дурна и глупа, — рассказывала Диана Ваковски. — Я считала ее шарлатанкой, а не человеком искусства… потому что она зарабатывала на жизнь как модель и, похоже, спала со всеми подряд. И вообще, она ничем особо не жертвовала во имя своего «искусства», в отличие от моих знакомых авангардистов».

В 1961-м Тоси, строя свою музыкальную карьеру, вернулся в

Японию. Йоко же осталась в Нью-Йорке, закрутив роман с владельцем галереи по имени Джордж Мачунас[725], который потом — или же в результате этого — устроил ее первую выставку. К тому времени Йоко ловко освоила форму искусства, суть которой заключалась в самоутверждении, основанном на единственной идее, не важно, насколько прозаичной. Первая выставка Йоко включала отрез холста, расстеленный на полу, с табличкой: «Картина, на которую надо наступить», и отрез продырявленного холста с табличкой: «Картина, сквозь которую надо смотреть на зал». К тому же минимализму она прибегла во время постановки перформанса в небольшом поэтическом театре, примыкающем к Карнеги-Холлу: тогда мелодия отошла на второй план, уступив место смешению тишины и воплей.

Ни одно из мероприятий успехом не увенчалось, и Йоко вернулась в Японию к супругу, готовому принять ее назад. У себя на родине она продолжила устраивать концептуальные мероприятия, но и тут они удостаивались отзывов в диапазоне от прохладных до презрительных. Удрученная неприятием ее искусства японской аудиторией, Йоко пережила нечто вроде нервного срыва и попала в больницу. Там ее навестил Тони Кокс[726], начинающий американский кинопродюсер, который ею увлекся. В 1962-м Йоко развелась с Тоси и вышла за Кокса. У пары родилась дочь Кёко.

Сила Йоко заключалась в упорстве. Она несгибаемо верила чутью, которое подсказывало, что в мире искусства способности скоро будут вытеснены отвагой. В 1964-м она устроила представление «Лоскуты»[727], в котором сидела на сцене и приглашала зрителей из зала отрезать кусочек от ее одежды. А еще она написала «Грейпфрут», книгу «поэм-наставлений», напоминающих неканоничные хайку[728].

Ешь суп вилкой.
Цени вечность.

Брось камушек в океан.
Камушек мокрый.
Но океан не сух.

Что первое, что второе написала не она, хотя могла бы. Стихи, которым Йоко посвятила столько лет своей творческой жизни, воспроизвести можно в считаные секунды:

Проделай дырочку в мешке с семенами
Любого вида и оставь мешок
На ветру.

Кстати, она его и сочинила.

Опустоши голову.
Влей воду в ухо.
Ты стал ведром.
Открой рот.
Полей цветочек.

А вот это — нет.

Тони Кокс посвятил себя продвижению карьеры Йоко; а еще он взял на себя заботу о Кёко, предоставив супруге свободу заниматься искусством. «Я всегда думала о нем как о помощнике», — спустя годы вспоминала Йоко. Постепенно у нее сложилась репутация в кругах авангардистов. В сентябре 1966-го, после того как один английский журнал опубликовал о Йоко восторженную статью — которую, как потом выяснилось, написал сам Кокс, — ее пригласили на лондонский арт-симпозиум «Разрушение искусства»[729].

Йоко представила «Лоскуты»; среди прочих художников был нигилист, который сжег стопку книг по искусству у стен Британского музея, и австралиец, расчленявший тушку ягненка. По итогам «Лоскутов» модный галерист Джон Данбар, муж Марианны Фейтфулл, предложил Йоко устроить выставку в своей галерее «Индика». Работы, собранные для выставки, включали «Молоток и гвозди»: работа состояла из молотка, прикованного цепью к дощечке, и банки с позолоченными гвоздями; а еще «Яблоко»: свежее яблоко на плексигласовой подставке (за это творение просили 200 фунтов). Работа «Лестница» представляла собой стремянку, ведущую к потолку, к которому была приклеена карточка, а рядом висела лупа. Через лупу на карточке можно было прочесть слово «Да».

В следующие десятилетия Йоко Оно будет считаться пионером концептуального искусства, хотя к тому времени идее Дюшана[730] о том, что любая банальщина, помести ты ее в галерею, превращается в предмет искусства, было уже полвека. Особо зоркие также отмечали, что стихи-наставления Йоко до странного вторичны. «Сочинение № 10» Ла Монте Янга звучит так: «Начерти прямую и следуй ей». В «Фортепьянной пьесе для Дэвида Тюдора № 1», написанной Ла Монте Янгом в 1960-м,

говорится: «Принеси на сцену тюк сена и ведро воды для фортепьяно. Музыкант накормит инструмент или оставит, чтобы он поел сам…» Такое запросто могла бы написать и Йоко Оно. Ее первая книга стихов вышла четырьмя годами позднее, в 1964-м.

Сегодня встреча Джона и Йоко в галерее «Индика» стала почти такой же частью истории Великобритании, как встреча Стэнли и Ливингстона в Уджиджи[731], да и противоречивых рассказов о ней примерно столько же.

Йоко настаивает, будто понятия не имела, кто такой Джон Леннон. «Мне было знакомо название группы «Битлз» и имя Ринго, потому что его было легко запомнить[732]. Я никогда не читала о поп-музыке в журналах или газетах и не смотрела музыкальных передач по телевизору. Мне просто в голову не приходило», — рассказывала она одному журналисту. Когда Джон пришел в галерею накануне вернисажа, Йоко «подумала: «Что он тут делает? Я же просила до открытия никого не пускать». Я немного разозлилась на него, но была так занята, что не стала жаловаться и поднимать шум… Я тогда не понимала, кто такой Джон». Она годами твердит, что предполагаемый статус Джона ее нисколько не впечатлял: «Когда я узнала, мне было плевать. Я же из мира искусства, а там к битлам относились так, ну, знаете… К тому же он пришел в костюме. Выглядел таким обычным». Биографу Джона, Филипу Норману, она вообще рассказывала, что выяснила, кто такой Джон, лишь когда он покинул здание: «Я спустилась вниз к студентам, которые нам помогали, и один из них сказал: «Это был Джон Леннон, один из битлов». Я ответила: «Правда, что ли? Не знала»».

Другие вспоминают те события совершенно иначе. Битловед Джонатан Гульд рассудительно замечает: «Мало какие ее высказывания вызовут такое же недоверие, как заявление, что, когда Джон Данбар познакомил ее с Джоном Ленноном, она понятия не имела, кто это такой». Альберт Голдман, как и следовало ожидать, выражает свое недоверие с бóльшим пылом: «Джон Леннон и Йоко Оно… свел отнюдь не случай, но безудержное стремление Кокса продвинуть их с Йоко совместную карьеру».

Аллан Капроу вспоминает, что еще до отъезда в Лондон Йоко на удивление хорошо разбиралась в битлах, а значит, наверняка узнала бы их лидера. По словам Тони Брамвелла, Йоко предупредила Данбара: «Джон Леннон сказал, что, наверное, придет на выставку. Устрой для него закрытый показ. Он же миллионер, вдруг да купит что-нибудь». Данбар отмечает, что Йоко не зазывала Джона, но определенно готовилась к его приходу: «Йоко не хотела показывать экспозицию до

официального открытия выставки. Но мы сказали: «Он же битл. У него прорва денег. Вдруг да купит что-нибудь»».

Вполне вероятно, что самому Джону нравилось думать, будто Йоко не знала, кто он такой. Вот уже три года его восхваляли повсюду, и равнодушное отношение он воспринял, как порыв студеного ветра в туманный день: «И вот ищу я что-нибудь эдакое, ну, сами знаете, а тут такая штука, «Молоток и гвозди». Доска, с нее на цепи свисает молоток, а внизу банка с гвоздями. Я спросил: «Можно гвоздь забить?» — а Йоко сказала: «Нет». Тут Джон Данбар быстро отвел ее в угол и говорит: «Вообще-то, он миллионер. Знаешь, кто это?» Она понятия не имела, кто я такой. Короче, подходит ко мне и говорит: «Пять шиллингов, будьте добры!» А я ей: «Я заплачу воображаемые пять шиллингов и забью воображаемый гвоздь». — «Договорились», — ответила она».

В некотором роде это напоминает встречу герцога и герцогини Виндзорских тридцатью годами ранее. В своих мемуарах герцог вспоминает, как обратился к Уоллис Симпсон на званом ужине и спросил, не скучает ли она, американка в Англии, по центральному отоплению.

«— Прошу прощения, сэр, но вы меня разочаровали.

— Каким же образом?

— Всякая американка, приезжающая в Англию, слышит этот вопрос. От принца Уэльского я ожидала чего-то более оригинального».

От подобной резкости у него, привыкшего к лести, на миг замерло сердце. Его покорила эта дважды замужняя американка. Эти два предложения одинаково применимы и к герцогу, и к Джону. «Со дня нашей встречи, — сказал последний, — она требовала равного времени, равного пространства и равных прав. — И добавил: — Она показала мне, что значит быть битлом Элвисом в окружении подхалимов и угодников, которые стремятся сохранить положение дел. Она заявила мне: «Ты голый». Прежде никто не смел мне такого говорить. У нас отношения учителя и ученика… Она — учитель, я — ученик».

Барри Майлз был свидетелем тому, что затем произошло в галерее «Индика». «Йоко взяла Джона под руку и повела его по галерее, объясняя свои творения, а когда он собрался уходить, попросила взять ее с собой, хотя тут же присутствовал Тони Кокс. Джон не спал три дня и собирался домой в «Кенвуд», так что вежливо отказал ей, залез в свой тонированный «мини-купер-SS» с шофером и умчался прочь».

Шофер Джона, Лес Энтони, дожидался снаружи, однако это не помешало ему развернуть перед Альбертом Голдманом рентгеновскую панораму случившегося: «Йоко взглянула на

Джона и тут же прилипла к нему, как магнитная мина… Она водила его по выставке, повиснув у него на руке и без умолку чирикая писклявым птичьим голоском, пока он не сбежал».

В следующие дни и недели Йоко Оно, вовсю пользуясь доверчивостью британских СМИ, убедила их, что она — одна из самых известных художников Нью-Йорка и Японии, что это она, а не ее первый супруг, училась у Джона Кейджа и что выступала она в Карнеги-Холле, а не в примыкающем к нему поэтическом театрике. Газеты рады были цитировать все ее высказывания, ведь заголовки получались такими громкими, а статьи — пикантными. Никто не обращал внимания на то, что ее работы странным образом повторяют творения других художников: подобно Христо[733], она обернула брезентом львов на Трафальгарской площади; подобно Уорхолу[734], выпустила фильм о трехстах шестидесяти голых задницах (без всяких фантазий назвав его «Неоконченный фильм № 4»). И в довершение всего заявила, что расстроена столь широким признанием. «Я презирала себя за то, с каким уважением относятся к моему творчеству, за то, какая я необычная и уникальная», — вспоминала она.

Вскоре после выставки в галерее «Индика» Йоко явилась в офис «Битлз», но Джона там не застала. Зато на месте оказался Ринго, и Йоко, взяв его в оборот, начала рассказывать о своей жизненной философии и искусстве. К несчастью, Ринго ни слова не понял и бежал от нее со всех ног. Рассуждай она яснее и о более приземленных вещах, вполне возможно, что мы говорили бы сейчас о Ринго и Йоко, а для конверта «Two Virgins» нагишом позировал бы Ринго, а не Джон. Или он все-таки настоял бы на одежде? И в поэзии Йоко тоже ощущалось бы влияние Ринго:

> Поднимайся с грузом на холм.
> Только недолго, иначе надорвешь спину.
>
> Присядь у причала.
> Смотри, как танцуют чайки.
> А если подберутся слишком близко к твоей жареной картошке, врежь им хорошенько.
>
> Возьми с собой мешочек гороха.
> Высыпь его в кипяток.
> Вари две минуты.
> Слей воду и подавай к столу.

Некоторые описывают погоню Йоко за Джоном в образах хаммеровского ужастика: затянутая в черное фигура возникает из тумана в любое время дня и ночи. Тони Брамвелл рассказывает, как однажды она явилась в «Кенвуд», утверждая, что у нее назначена встреча с Джоном. Синтия, которая понятия не имела, кто такая Йоко, ответила, что мужа дома нет. Йоко вроде бы ушла, но «Синтия, выглянув в окно, увидела ее в конце подъездной дорожки. Йоко не сводила глаз с дома, будто силой воли пыталась отворить ворота. Через несколько часов Синтия снова посмотрела в окно — Йоко по-прежнему стояла там… дожидалась Джона. С наступлением темноты она исчезла. За Йоко такое водилось: она возникала ниоткуда и исчезала в никуда… Эти странные визиты продолжались в любую погоду».

Однажды, когда Йоко мокла под проливным дождем, мать Синтии сжалилась над ней и впустила в дом, чтобы вызвать по телефону такси. «Позднее, обнаружив в прихожей кольцо, забытое Йоко, миссис Пауэлл сказала: «По-моему, она еще вернется»».

Брамвелл говорит, что ежедневно от нее приходили письма и открытки, «загадочные записочки с крошечными черными рисунками или непонятными фразами». По его словам, однажды Йоко прислала разбитую белую чашку, перемазанную краской и уложенную в коробку из-под тампонов.

Сама Синтия описывает ее не столь готично, хотя признает, что Йоко как будто жила у почтового ящика и с безумной частотой посылала Джону письма. Синтия вспоминает, что впервые увидела Йоко во время встречи битлов с помощником Махариши, когда оговаривали детали предстоящей поездки в Ришикеш. «Мы вошли, и я заметила, что в одном из кресел сидит маленькая японка, одетая в черное. Я сразу поняла, что это Йоко Оно. Что она там делала? Неужели ее пригласил Джон? Но зачем?»

Йоко сидела неподвижно и молчала. Когда Джон с Синтией вышли к машине, шофер распахнул дверцу, и, «к моему изумлению, Йоко первой уселась в салон.

Джон посмотрел на меня, мол, «не знаю, в чем дело», недоуменно пожал плечами и развел руками». Йоко попросила ее подвезти, назвала адрес: Ганновер-Гейт, номер 25[735] — и продолжала молчать всю дорогу.

— Что это было? — спросила Синтия, когда Йоко вышла из машины.

— Понятия не имею, Син, — ответил Джон.

Некоторые уподобляют Синтию страусу, но дурочкой она не была: «Джон утверждал, что не приглашал Йоко и не знал, что она туда заявится, но мне было совершенно ясно, что он ее сам и

позвал».

Среди фанатских писем Синтия обнаружила послание от Йоко: та извинялась, мол, «я только о себе и говорю, спасибо за терпение, я постоянно думаю лишь о тебе и всякий раз, как мы прощаемся, боюсь, что это навсегда». Синтия устроила Джону допрос. «Да она чокнутая, психованная художница, просит спонсировать ее, — утверждал Джон. — Маньячка, хочет денег на свое авангардистское дерьмище. Пустяки».

109

В феврале 1968-го битлы вылетели в ашрам Махариши в Ришикеше: Джон и Джордж на десять дней раньше более осторожных Пола и Ринго. «Им не нужна реклама, поклонники и пресса, — уведомил Мэл Эванс рой репортеров у ворот. — Они хотят побыть одни, чтобы медитировать и окунуться в святые воды Ганга… Они приехали на три месяца для медитации и совершенно точно останутся до конца курса».

На следующий день Махариши Махеш Йоги, чуждый какой-либо скромности, объявил, что обещает «за эти три месяца превратить Харрисона, Леннона, Маккартни и Старра в полноправных учителей или почти что в гуру индуистской медитации. Джон и Джордж пробыли здесь всего несколько дней, но уже фантастически продвинулись вперед. Поначалу у них щадящий режим: в день они медитируют всего по несколько часов. Я питаю их философией высокого порядка в простых выражениях».

На первый взгляд, снимок — как школьная фотография. В центре директор, а рядом с ним на помосте — старосты и лучшие спортсмены. Но чем дальше от важных особ на первом плане, тем скромнее: младшеклассники, учителя на замене, воспитатели и медсестры; лысеющие, неприметные, пожилые, незначительные. Это обычные люди, которые забронировали себе места в ашраме еще до битлов. Среди них — Гюнтер, пилот «Люфтганзы»; Тони, крупье из Лас-Вегаса; и Нэнси, жена комментатора.

Не хватает только Миа Фэрроу[736]. С самого начала Махариши суетился вокруг нее, увенчивал короной, обвивал ей плечи гирляндами и беспрестанно просил фотографироваться. В конце концов ей это надоело, и она отправилась на пятидневную охоту на тигров. «Такое обращение напоминало ей назойливые приглашения голливудских киностудий», — объяснял ее друг, актер Том Симкокс, снимавшийся в сериалах «Бонанза» и «Дымок из ствола»[737].

© *Keystone Features/Hulton Archive/Getty Images*

Махариши лично спланировал групповой снимок и руководил сооружением помоста, указывая двум послушникам, где именно разместить цветы, растения в горшках и портрет Гуру Дэва. Он же без всякого смущения разместил участников по степени их значимости, усадив самых важных гостей вперед. Прочим ученикам, облачившимся в свои лучшие наряды, просто указывали, какое место занять.

Итак, пока те, кто попроще, жарились на солнцепеке, Махариши прохлаждался в тенечке, в рощице по соседству — вместе с битлами, их спутницами, Дженни — сестрой Патти Бойд, Майком Лавом из *The Beach Boys* и Волшебным Алексом Мардасом. Такая вот ашрамическая версия королевской ложи на скачках в Аскоте. Наконец престарелый фотограф, владелец лавки в Ришикеше, с трудом втащив на холм тяжеленный фотографический крупноформатный (8×10 дюймов) аппарат в деревянном корпусе, отделанном латунью, объявил, что готов к съемке. Махариши со своими избранниками примкнул к остальным.

Фотограф нырнул под черное полотнище и принялся выстраивать кадр и фокус. То и дело он высовывался наружу, крича: «Готово! Все сделайте счастливые лица!», — и нажимал кнопку в правой руке. Однако распоряжался тут Махариши, пеняя фотографу: «Прежде чем снимать, надо предупреждать: один, два, три… Перед каждым кадром!» Когда ему показалось, что камера расположена слишком низко, он скомандовал: «Выше! Разве

оттуда хороший кадр получится?»

Строгий порядок рассадки соблюдался и по вечерам в лекционном зале — «затхлом амбаре с белеными стенами и полом из плиток кизяка», как описывал его один из присутствовавших. Битлы с женами сидели рядком на плетеных стульях, а все остальные выстраивались позади.

«Махариши неизменно опаздывал самое меньшее на час и приходил, кивая и невнятно вознося хвалу Гуру Дэву, — вспоминал один из участников. — Кокетливо улыбаясь, он усаживался на шкуру антилопы, скрестив ноги и поигрывая цветком или перебирая четки. Когда он говорил, его голос звучал мягко и успокаивающе, словно бы он обращался к нам из дальней дали, где все было куда проще».

Жизнь в Ришикеше была вовсе не спартанской. В 1963 году Дорис Дьюк, дочь табачного магната[738], пожертвовала на его постройку 100000 долларов. Странно думать, что если бы американцы не курили «Лаки Страйк» с таким смаком, то Махариши не развлекал бы битлов в Ришикеше, а они не сочинили бы бóльшую часть «Белого альбома». Ашрам занимал 14 акров в джунглях, и на его территории находились шесть просторных шестиспальных бунгало, здание почтамта, лекционный зал и бассейн. По ашраму разгуливали орущие павлины. Обслуживали комплекс сорок работников, включая поваров, уборщиков и массажистку. Перед приездом битлов завезли новые матрасы, а также занавески и зеркала. В комнаты битлов установили кровати с балдахином и электрические камины. «Как будто в «Батлинз» вернулись, — говорил Пол. — У каждого — свой домик».

Время от времени приходил портной и снимал с гостей мерку для индийской одежды. «Мы все ходили в пижамных штанах и мешковатых рубашках, а парни отрастили бороды», — вспоминала Патти Бойд.

Завтрак сервировали между 7 и 11 часами утра: овсянка, воздушная пшеница или кукурузные хлопья — на выбор, фруктовый сок и кофе, тосты с апельсиновым конфитюром или джемом. В 15:30 и 20:30 проводились полуторачасовые лекции, но насильно никого не сгоняли и за отсутствие не наказывали. Лекции охватывали самые разные темы: реинкарнация, медитация, природа творчества, как жить полной жизнью и астральные путешествия.

Даже Ринго, которому поездка в Ришикеш понравилось меньше всех битлов, не жаловался на местный ритм жизни. После перенесенных в детстве болезней он страдал желудком и, во избежание расстройств пищеварения от непривычных острых

блюд, запасся целым чемоданом консервированной фасоли «Хайнц». О своей предусмотрительности он не пожалел. «Мы гуляли, медитировали или купались, — вспоминал он. — Да, там постоянно читали лекции и всякое такое, но все остальное напоминало отпуск. Махариши старался, чтобы нам было комфортно». Однако санитарными условиями Ринго остался доволен менее прочих: «Чтобы принять ванну, надо было распугать полчища скорпионов и тарантулов, так что приходилось поднимать шум. Если хотелось искупаться, то я начинал орать: «ТАК, КОРОЧЕ, Я ИДУ ПРИНИМАТЬ ВАННУ!» — и топал как можно громче. И, сидя в ванне, тоже вопил: «КАЙФ, КРАСОТА, КАК ХОРОШО!» Потом вылезал, быстренько обтирался и сматывался, пока снова не налетела мошкара». Жена Ринго, Морин, питала огромное отвращение к насекомым и очень их боялась. Джон, изумленный силой ее ненависти, утверждал, что однажды Морин так свирепо зыркнула на мух в спальне, что через секунду они все передохли, будто сраженные молнией.

Чем жарче становилось, тем больше появлялось мух; они облепляли все съестное. Ринго с Морин пожаловались Махариши. «Того, кто медитирует, мухи не волнуют», — ответил тот. Ринго сразу же обнаружил изъян в этом утверждении и заявил: «Но ведь медитация не помогает от них избавиться!»

110

Двадцать пятого февраля 1968 года в Ришикеше устроили праздник по случаю двадцать пятого дня рождения Джорджа. Как обычно, Махариши всячески обхаживал битлов и их жен, пригласил их к себе на помост и усадил на подушки у своих ног. Послушники опустились на колени, готовые пометить желтой краской чело гостей. Махариши то и дело гладил Джорджа по голове. Монах затянул мантры, а некая Эдна, одетая в пижаму с леопардовым рисунком, расхаживала по залу, раздавая гирлянды из свежих бархатцев. Когда пение завершилось, гости выстроились в очередь, чтобы надеть эти гирлянды на шею Джорджу. Под конец, по словам одного из присутствовавших, он выглядел так, будто «на нем был спасательный жилет».

Махариши разразился пылкой речью, льющейся, точно воды Ганга. В мире еще жива надежда, сказал он. Повстречав Джорджа и его «благословенных друзей», битлов, он понял, что его движение преуспеет и что человечество более не будет страдать. Он добавил, что Джордж — «возвышенная душа, которую благодарят и Бог, и все Его ангелы». Даже для битла это была лесть невиданного масштаба, а ведь каких-то шесть лет назад, накануне девятнадцатого дня рождения Джорджа, «Битлз» освистали на концерте Юношеской христианской организации в Хойлейке[739].

Гости Ришикеша хором затянули «С днем рожденья тебя», а Махариши подарил Джорджу торт с двумя свечками, а еще пластмассовый глобус, перевернутый вверх ногами. «Джордж, глобус, что я дарю тебе, символизирует сегодняшний мир, — пояснил он. — Как видишь, его нужно исправить. Надеюсь, ты поможешь нам в этом деле».

Синтия Леннон считала, что поездка в Ришикеш стала поворотным моментом в жизни Джорджа. Прежде он, по ее словам, был «самым бестактным, неотесанным и зачастую упрямейшим из битлов», но эксперименты с ЛСД вкупе с пребыванием в Индии позволили ему «очень быстро вырасти и из юнца-грубияна стать чуткой, мыслящей личностью. Острые края сгладились, а краеугольным камнем его характера стала самодисциплина».

Однако со временем святость может перерасти в ханжество; Ришикеш также вывел на свет более строгую и занудную, придирчивую сторону характера Джорджа.

Как-то раз, когда Пол поделился планами на следующий альбом, Джордж отрезал: «Мы не песенки сюда писать приехали, а

медитировать!» Пола это ошеломило. «Меня как будто отчитали за то, что я вообще дышу».

Патти нравилось плескаться в Ганге, а вот Джордж счел это занятие легкомысленным и прямо ей об этом сказал. С другой стороны, он не видел никакого противоречия между духовностью и плотским влечением. Совсем наоборот: со временем для него одно превратилось в слугу второго. За время пребывания в Индии Патти заметила, что Джордж «очарован богом Кришной, которого окружают юные девы». В Великобританию Джордж вернулся, «желая уподобиться Кришне, духовному существу со множеством наложниц. Он об этом прямым текстом сказал. Его желание распространялось на всех женщин».

О поездке в Ришикеш Пол вспоминает со смесью удовлетворения и скептицизма. Он медитировал, но очень по-английски. Если Джордж с евангелистским пылом превозносил блага медитации: «Есть кайф, а есть высший кайф, такой, когда и по воде сможешь ходить, — туда я и намерен добраться, но травка этому не поможет. Помогут йога и медитация, труд и самодисциплина, отработка кармы», — то Пол подходил к вопросу куда обыденнее. Медитируя, он представлял себе человека, который стоит у деревенского плетня и жует соломинку. «И сразу такое спокойствие накатывает». Впрочем, он сохранял привычную битловскую дурашливость и инстинктивное неприятие власти. «Атас, парни, гасим сиги, училка идет!» — командовал он, завидев Махариши. Пол подшучивал над тем, что гуру проявляет интерес к материальным благам, но при этом восхищался его прагматизмом. Однажды Махариши спросил у битлов, какую машину лучше купить. «Мы ответили: «Ну вот «мерседес» — тачка классная»». — «Практичная? Выносливая? Надежная?» — «Да». — «Значит, купим «мерседес»».

Самые сильные противоречия одолевали Джона: в зависимости от настроения он то принимал атмосферу Ришикеша, то отвергал ее. Без тяжелых наркотиков — которых на территории центра было не достать, потому что они были под запретом, — он с головой окунулся в медитацию. Когда какая-то поклонница спросила, для чего вообще нужна трансцендентальная медитация, Джон накатал ей ответ на две страницы и подписал его: «Jai guru dev», объяснив, что медитация «перемещает разум на уровень чистого блаженства (рая)». Соответственно, одна из песен, написанных им в Индии, носит название «Child of Nature». Ее непритязательный текст («I'm just a child of nature / I don't need much to set me free»)[740] совершенно не в его духе, в нем нет знаменитой ленноновской язвительности. Тремя годами позже Джон решил записать эту песню: мелодию

оставил, а текст заменил. Песня получила новое название — «Jealous Guy»[741], — и теперь в ней говорилось о незащищенности, утрате контроля, боли, злости, зависти и сожалении.

Синтии поначалу нравилось в ашраме: «Покой, тишина и сладкий горный воздух, напоенный ароматом цветов. А главное, мы с Джоном почти не разлучаемся». Однако через неделю все изменилось к худшему. Окружающие заметили, что другие битлы относятся к спутницам с нежностью, а Джон, дружелюбный и приветливый со всеми остальными, избегает Синтии.

«Со мной они держались весело и дружелюбно, а вот друг с другом обращались холодно и отстраненно», — вспоминает фотограф Пол Зальцман[742]. Лишь позднее Синтия узнала, что одинокие утренние прогулки Джона завершались на почте, где его каждый день ждала открытка от японской поклонницы, той самой, которую он однажды назвал «чокнутой».

«Мне было жаль Синтию, — вспоминает Патти. — Джон чуть ли не ежедневно получал на почте открытки от Йоко, в которых та писала вещи типа: «Если видишь на небе облачко, то это я посылаю тебе любовь»».

Сотрудник «Битлз» Тони Брамвелл, посвященный в секрет Джона, перенаправлял эти открытки в ашрам из гостиницы в Дели. «Я вкладывал открытки в обычный конверт, чтобы не расстраивать Синтию».

Пребывание в Индии запомнилось Джону как время сомнений и неуверенности в своих силах. «Я постоянно думал: зачем все это? Сочинение песен — ничто. Бессмысленное занятие, я бездарен, я говно, только и умею, что быть битлом. Что мне с этим делать?» Может, он страшился выбора, который ему предстояло сделать по возвращении?

Тем не менее песни так лились из него, возможно, потому, что заняться было больше нечем, да и наркотиков — по крайней мере, тяжелых — тоже не было: «Julia», «Dear Prudence», «Bungalow Bill», «Across the Universe», «Cry Baby Cry», «Polythene Pam», «Mean Mr Mustard», «I'm So Tired»[743]. Некоторые песни довольно бодры, но Джону они запомнились унылыми. «Хотя в ашраме и было красиво, и медитировал я часов по восемь в день, но песни получались мрачные и полные отчаяния, — вспоминал он. — В «Yer Blues» есть слова: «I'm so lonely I want to die»[744]. Правда, я не шучу. Я пытался постичь Бога, а самому убиться хотелось».

Первыми ашрам покинули Ринго и Морин — сбежали от мух и насекомых. «Махариши — человек приятный, но он не для меня», — сообщил Ринго репортерам.

Они с Морин ничего не имели против медитации, но по детям соскучились. «Это не шарлатанство… если все станут медитировать, то в мире заживется счастливее». Дома, в «Санни Хайтс» Ринго получил от Джона открытку: «Вот тебе частичка индийской энергетики. У нас набралось песен на два альбома, расчехляй барабаны».

Пол и Джейн уехали через шесть недель, назвав свое пребывание в ашраме «очень продуктивным». В музыкальном плане для Пола это было действительно так: «Blackbird», «Rocky Racoon», «Back in the USSR», «I Will», «Mother Nature's Son» и «Ob-La-Di, Ob-La-Da», а заодно коротенькая напористая «Why Don't We Do It In the Road?»[745], вдохновленная видом двух обезьян, совокуплявшихся у всех на виду.

Для Джона с Синтией и Джорджа с Патти все закончилось слезами. Джон заявил Махариши, что у него есть приятель, который сможет построить в Ришикеше радиостанцию, чтобы вещать о трансцендентальной медитации по всему миру. А излишки энергии можно будет пустить на освещение ашрама и окрестных деревень. Этим кудесником, конечно же, был Волшебный Алекс Мардас, который всегда бесстрашно брался за любой проект, чем масштабнее, тем лучше, и не гнушался бросить незавершенной любую работу, даже самую незначительную. В Ришикеш он приехал с рюкзачком, в котором уместился набор отверток да пучок проводов. На групповом фото он стоит в двух рядах позади Ринго: без улыбки, в солнечных очках, глядит прямо в камеру, точно мстительный Бруно в сцене на теннисном корте из хичкоковских «Незнакомцев в поезде»[746].

По некой причине Мардас невзлюбил Махариши. Возможно, из ревности, ведь его, шамана-кудесника, потеснил этот морщинистый старец, обещавший научить битлов левитации. Или же он боялся, что его самого разоблачат? До Тони Брамвелла дошли слухи, будто бы Махариши, дипломированный физик, слишком интересовался, как именно Волшебный Алекс собирается соорудить международную радиостанцию из пучка проводов и пригоршни предохранителей. «Он задавал дельные вопросы, а Алекс не мог на них ответить и запаниковал».

Итак, в Шангри-Ла[747] пробрался Яго. За две недели до отъезда Джона и Джорджа Мардас стал вливать им яд в уши: Махариши якобы подкатывал к молодой женщине, сначала просил позволения взять ее за руку, а потом предлагал погладить неприличное место. А еще этот мнимый вегетарианец жрет курятину, когда никто не видит. «Он твердил, что Махариши — зло, — вспоминала Патти. — Все время повторял: «Это черная магия»».

Синтия беспомощно наблюдала, как злобные наветы Волшебного Алекса укореняются в умах Джона и Джорджа: «Рассказы о недостойном обращении Махариши с некой женщиной и заявления о том, что он большой подлец, возымели действие. Причем без каких-либо доказательств. Было ясно, что Алекс хочет уехать и еще больше — чтобы вместе с ним уехали и битлы».

Вскоре Джон и Джордж решили, что гуру замышляет неладное. «Для чего Махариши двуспальная кровать с балдахином?» — спрашивал Волшебный Алекс.

Джордж с ним соглашался, а Джон следовал его примеру: «Раз уж Джордж поверил, что так оно и есть, то и я подумал: «Все правда. Ведь если верит Джордж, то это неспроста»».

К утру решение было принято. А тут еще и Патти приснился какой-то «жуткий сон» про Махариши, и она тоже загорелась уехать. «Смятение и клевета породили негодование и злость», — вспоминает Синтия.

Наутро Волшебный Алекс заказал такси, а Джон, Джордж и вся их компания подошли к Махариши. «Говорил за всех я, — вспоминал Джон. — Объявил: «Мы уезжаем». Махариши удивился: «Почему?» — и я ответил: «Раз у тебя связь с космосом, то сам узнаешь!» Он сказал: «Я не знаю. Объясните мне», а я все твердил: «Ты же сам все должен знать», и тут он зыркнул на меня: мол, убью, сволочь. Тогда-то я понял, что раскусил его блеф и прижал к стенке».

Синтия запомнила все иначе: «Мне казалось, что мы поступаем неправильно. Судим человека, который дал нам счастье».

Пока они ждали такси за столиками снаружи, Махариши вышел из своего бунгало и устроился в беседке, в сотне ярдов от них. К Леннонам и Харрисонам подошел монах с посланием от гуру. «Махариши передал, что сильно опечален и отчаянно желает все исправить, просил нас остаться, — вспоминала Синтия. — Мне хотелось плакать. Так грустно было».

Когда приехали такси, все встали и прошли к машинам мимо Махариши, даже не взглянув в его сторону и не сказав ни слова. Синтии это напомнило библейский эпизод, в котором ученики предают Иисуса.

Устроив битлам поездку в Индию, Джордж впервые проявил себя как лидер группы. А при отъезде из ашрама он вновь попал под влияние напористого характера Джона. Еще в такси Джордж пожалел, что выступил на стороне Джона против старого друга и наставника. По пути в Дели Джон стал напевать: «Махариши, вот ты каков, держишь нас всех за дураков»[748], на что Джордж ему

заметил: «Не говори так, это глупо». Тогда, чтобы его задобрить, Джон заменил «Махариши» «Секси Сэди».

Позднее Джордж убедил себя в том, что Джон очень хотел уехать, поэтому клевета Волшебного Алекса стала для него идеальным предлогом. «Все это были выдумки. Чудиков там хватало; ашрам кишел чудиками. И среди них были мы».

По возвращении в Великобританию битлы, как ни странно, о своем разочаровании в Махариши распространяться не стали. Рассказать значило бы расписаться в собственном легковерии, вот потому они, наверное, и предпочли отмалчиваться.

А Махариши выжал все возможное из знакомства с «Битлз». В мае того же года он вместе с *The Beach Boys* отправился в турне по Америке. Гастроли, заявленные как «Самое потрясающее событие десятилетия», состояли из выступлений группы и лекций о трансцендентальной медитации, после чего Махариши отвечал на вопросы. К сожалению, пока он рассуждал о тонких материях, чакрах и мантрах, зрители требовали «California Girls» или «Barbara Ann!»[749]. Продажи билетов удручали, поэтому финальные двадцать четыре концерта из запланированных двадцати девяти пришлось отменить. Тем не менее Махариши преуспевал, привлекая на свои конференции по трансцендентальной медитации знаменитостей вроде Курта Воннегута, «Роллинг стоунз», генерал-майора Франклина Дэвиса, главы Военного колледжа армии США, и, само собой разумеется, актрисы Ширли Маклейн[750].

Впоследствии Махариши запустил международный спутниковый канал, круглые сутки вещающий о трансцендентальной медитации на двадцати двух языках в 144 странах мира, с доступом по подписке. Сложная сеть дочерних компаний занималась продажей сопутствующих товаров: книг, компакт-дисков, духовных консультаций, массажных масел. Также Махариши контролировал эзотерические оздоровительные центры, университеты и благотворительные фонды, а заодно и риелторскую компанию «Рай земной»[751]. Он основал «Партию естественного права», которая участвовала во всеобщих выборах в Великобритании в 1990-х с программой по снижению налогов, йогической левитации и строительству ферм по выращиванию лекарственных растений в каждом городе. Умер Махариши в 2008-м в ашраме, на территории бывшего монастыря в небольшом городке на голландско-немецкой границе с непримечательным названием Влодроп.

111

Что случилось с битлами? Сравните их первую и последнюю пресс-конференцию в Америке. На первой они жизнерадостны и полны сил; на последней они погружены в себя и словно бы утратили вкус к жизни. А ведь эти мероприятия разделяют всего четыре года.

Седьмого февраля 1964-го битлы прибывают в аэропорт Кеннеди бодрыми и счастливыми, их тут же привозят в шумный пресс-центр, полный репортеров и фотографов, стремящихся сделать удачный снимок. Пресс-атташе кричит во все горло, прося тишины. Битлы стоят перед десятками микрофонов, сияющие, говорливые, остроумные, и шквал вопросов их не смущает. Они веселы и полны энтузиазма, все четверо — лучшие друзья, их радует присутствие друг друга, они смеются над собственными шуточками и подсказывают друг другу ответы.

Репортер: Как вам Бетховен?

Ринго: Четкий, особенно его поэмы.

Репортер: А что у вас за странный английский акцент?

Джордж: Не английский, а ливерпульский.

Репортер: В Детройте раздают наклейки на машины с призывом «Дави жуков».

Пол: У нас на это два ответа. А начнем мы с кампании «Дави Детройт».

Репортер: Что вы скажете тем, кто считает, будто вы — кучка британских Элвисов Пресли?

Ринго (на манер Элвиса) : Неправда! Неправда!

Репортер: Среди вас есть лысые и вам приходится носить одинаковые парики?

Ринго: Да всем приходится.

Пол: Я лысый! Только, умоляю, никому ни слова!

Джон: Ага, мы все лысые… А еще глухие и тупые.

Репортер: Вы настоящие?

Джон: Иди сюда, пощупай.

Десятого февраля, наутро после американского дебюта в «Шоу Эда Салливана», им устраивают еще одну пресс-конференцию, в Барочном зале отеля «Плаза»:

Журналистка: Кто подбирает вам одежду?

Джон: Мы сами. А вам кто?

Журналистка: Муж. А скажите, есть такие темы, которые вы предпочитаете не затрагивать?

Джон: Да. Ваш муж.

Репортер: Что вы считаете самой большой угрозой вашей

карьере: атомные бомбы или перхоть?

Ринго: Бомбы. Перхоть уже есть.

Четыре года спустя, 11 мая 1968 года, Джон с Полом возвращаются в Америку, на этот раз для рекламы своей новой компании, «Эппл». Даже сейчас, когда знаменитости больше не служат поводом для всеобщего ликования, в аэропорту Кеннеди их встречает толпа визжащих фанаток. Четырнадцатого мая Пол и Джон приходят на пресс-конференцию в Версальский зал отеля «Американа».

Джон совсем не улыбается, с трудом сдерживает злость и рубит наотмашь, что изредка вызывает вежливые смешки, будто журналисты отчаянно надеются вернуться к счастливым дням 1964-го. Слева от Джона сидит Пол. Скучающий и растерянный, он почти не принимает участия в пресс-конференции. Несколько дней назад его бросила Джейн Эшер. Может быть, поэтому он так расстроен? Как бы там ни было, ни Пол, ни Джон не выказывают ни малейшего восторга в связи с запуском своей новой компании.

Репортер: Почему вы сегодня здесь?

Джон: Потому что. Что тут непонятного? Вы-то сами тут зачем?

〈…〉

Репортер: Не могли бы вы рассказать о вашей новой компании?

Джон: Это бизнес, связанный со звукозаписью, фильмами и электроникой, ну и до кучи — с производством, или как там его. Мы хотим организовать все так, чтобы тем, кто мечтает снять какой-нибудь фильм, не нужно было приползать на коленях в чей-то офис. Например, в ваш.

〈…〉

Репортер: А что вы скажете о капитализации этой вашей новой корпорации?

Джон: Ничего. У нас краткосрочные планы. Мы добьемся того, чего хотим, понятно? Иначе мы бы этим не занимались. Так что добьемся.

〈…〉

Репортер: Как вы будете управлять компанией?

Джон: Для этого есть специально обученные люди. Мы-то про бизнес ничего не знаем.

Репортер: Как вы планируете финансировать фильмы?

Джон: Мы не планируем. У нас сейчас нет менеджера, так что никаких планов мы не строим.

Репортер: Расскажите об «Эппл электроникс». Чем будет заниматься компания?

Пол: Никаких дурацких штучек мы выпускать не станем. Но

что это будет, заранее не скажем.

Самое внятное, точнее, наименее расплывчатое заявление о целях новой компании делает Пол: «Мы сейчас в том счастливом положении, когда деньги больше не проблема. Руководство компании не ищет прибылей. Если вы придете ко мне и скажете: «Я мечтаю сделать то-то и то-то», я отвечу: «Вот тебе деньги. Бери и делай»». Их цель, продолжает он, создать «прекрасное место, где можно покупать прекрасные вещи, странное, но управляемое место, своего рода коммунизм на западный манер».

Однако его тон, рассеянный и унылый, противоречит этим утверждениям. Безудержный оптимизм и дух товарищества из 1964-го исчезли без следа. Рекламный ролик «Эппл» заявляет, что организация сделает «УПОР НА РАЗВЛЕЧЕНИЯ», но в Версальском зале отеля «Американа» подтверждений тому не видно.

112

На протяжении всей пресс-конференции в отеле «Американа» Волшебный Алекс сидел по правую руку от Джона и теребил букетик цветов. Длинноволосый и бородатый, он напоминал обычного хиппи, хотя в тот момент занимал пост главы «Эппл электроникс».

Спустя месяц его сняли для промофильма «Эппл», который предстояло показать в Лос-Анджелесе на торговой конференции позднее тем же днем. Фильм начинается с тяжелых гитарных риффов, а голос за кадром сообщает: «Концепция «Эппл» в том, чтобы познакомить художников дня сегодняшнего с методами и инструментами дня завтрашнего».

Следующие три минуты Мэри Хопкин[752] играет на гитаре, сидя под деревом, и сладко поет, а вокруг бродит собака Пола, Марта. Когда Мэри заканчивает петь, подходит Пол и опускается позади нее на корточки. «Это была Мэри Хопкин. А вот и Алекс».

Кадр переключается на комнату, забитую коробками и какими-то устройствами. Волшебный Алекс, в белой рубашке, брюках и белом лабораторном халате, деловито «возится с грудой хлама», как выразился режиссер фильма Тони Брамвелл.

Под неумолчное гудение и пульсирующие звуки в духе саундтрека к сериалу «Доктор Кто» Волшебный Алекс идет к камере, берет микрофон и с сильным греческим акцентом произносит: «Привет, я Алекс из «Эппл электроникс». Э-э, я хотел бы сказать привет всем моим братьям в мире, и всем девчонкам в мире, и всем электронщикам в мире, что э… э… — Указывает на коробки и устройства у себя за спиной. — Вот это — «Эппл электроникс»».

Пульсирующие звуки продолжаются, а по экрану скачет синий огонек, как в низкобюджетном фантастическом фильме или на дисплее кардиомонитора.

Теперь в кадре офис. Джон передает Полу телефонную трубку. Из нее как будто доносится музыка. Пол подносит трубку к уху лысого мужчины в очках с толстыми стеклами — это Дик Джеймс, музыкальный издатель «Битлз». Совсем неэппловский типаж. «Неплохо, — говорит он снисходительно, как усталый отец. — Это еще что такое? Встроенное радио?»

«Не угадал, — смеется Пол. — Это телефон. Такая вот штучка у нас тут припрятана».

Те идеи Мардаса, что выстрелили, ему не принадлежали, а те, которые он сгенерировал сам, с треском провалились. «Эппл» подала сотню патентных заявок на различные изобретения

Мардаса, ни одну из которых не приняли. Телефон в проморолике, вполне возможно, тот самый, который якобы изобрел Мардас, с распознаванием голоса и номера абонента. Однако вскоре юристы «Эппл» выяснили, что обе эти технологии давно запатентованы компанией «Белл».

Среди прочих изобретений Волшебного Алекса:

а) рентген-камера, которая видит сквозь стены;

б) силовое поле, которое делает невидимым целое здание, окутывая его цветным туманом;

в) электрогитара на солнечных батареях;

г) краска, которая делает предметы невидимыми;

д) дом, который парит в воздухе на невидимом силовом луче;

е) отопительная система для дома, которая работает от обычных батареек;

ж) устройство, которое не позволяет записывать музыку с радио, посылая серию пронзительных звуковых сигналов;

з) особая краска, которая меняет цвет по щелчку переключателя.

Одним из самых бредовых изобретений была «громкобумага», звуковые обои. Пол изумленно вытаращил глаза, слушая, как о них рассказывает гуру электроники: «Он расписывал нам, что можно изготовить обои, которые одновременно будут динамиками: покрываешь стены в комнате неким веществом, потом подключаешь их, и они начинают вибрировать и работать как колонки. «Громкобумага». И мы сразу: «Вот бы нам такое! Давай делай». Мы на все отвечали: «Вот бы нам такое»».

Джордж Мартин, будучи старше и мудрее, воспринимал все скептически. «Из всех прихлебателей мне запомнился Волшебный Алекс. Он нес такую чушь, что было бы смешно, если бы все это не причиняло мне столько неудобств и трудностей в звукозаписывающей студии». Он еще больше разозлился, услышав, как Мардас хвастает, будто сделает работу Мартина лучше самого Мартина. «Просто так от него было не отделаться, ведь парни его обожали. А я своей неприязни не скрывал, поэтому наметился раскол».

Мартин не велся на обман. «Да, я ухахатывался, когда ребята рассказывали о новых порождениях богатой фантазии Алекса. Реагировали они всегда одинаково: «Посмотрим, как ты запоешь, когда он все это провернет». Разумеется, у него никогда и ничего не получалось».

Волшебный Алекс убедил «Эппл» приобрести два огромных компьютера, за 20000 фунтов каждый, но обращаться с ними не умел никто, тем более Волшебный Алекс. Вскоре компьютеры перевезли в гараж к Ринго, где они и простояли много лет.

А еще Мардас придумал звуковую ширму — эта его идея произвела огромное впечатление на «Битлз» и оставила равнодушным Мартина. «Однажды парни сообщили мне об очередном проекте нашего гения-изобретателя. «Зачем ты вечно прячешь Ринго с барабанами за эти жуткие ширмы? — спросили они. — Мы же его не видим. Да, барабаны звучат что надо, не мешают писать гитары и всякое такое, но сам-то Ринго сидит как в гробу. У него клаустрофобия». Я молчал, зная, что сейчас мне объяснят, как наш греческий гений решил проблему. И дождался: «У Алекса блестящая идея! Он придумал нечто потрясающее: звуковую ширму! Алекс окружит Ринго ультравысокочастотными лучами, и если их включить, то Ринго за ними ничего не услышит. Эти лучи образуют стену тишины». Признаюсь, я не нашелся что ответить».

Мардас приступил к работе над летающей тарелкой с двумя движками V12 (один сняли с «феррари» Джорджа, а второй — с «роллс-ройса» Джона). Битлы также профинансировали создание искусственного солнца, которое должно было освещать небо над бутиком «Эппл» на Бейкер-стрит, но в день открытия — 7 декабря 1967 года — оно так и не зажглось. Мардас, естественно, был не виноват, просто не хватало «энергии». Прочие изобретения, настаивал он, будут вот-вот завершены, но тут, как назло, в мастерской случился пожар, и с выпуском пришлось повременить.

Каким-то образом он убедил битлов, что спроектирует для них новую студию, лучшую в мире, оборудованную микшерными пультами — и не какими-то там четырехканальными, как в EMI, или восьмиканальными, как в Америке, а семидесятидвухканальными. Четыре месяца он имитировал бурную деятельность в цокольном этаже дома номер 3 на Сэвил-роу (в здании находился головной офис компании «Эппл») и постоянно требовал денег.

На смену осени пришла зима, и битлы закапризничали: мол, в павильонах звукозаписи Твикенхемской киностудии холодно и вечные сквозняки. Парни устали ждать и требовали скорейшего переезда в новую шедевральную студию.

Ближе к концу 1969-го Волшебный Алекс впустил битлов в их новую студию. Тут же выяснилось, что она совершенно непригодна к использованию, поскольку в ней не было ни пульта, ни элементарной звукоизоляции. Четко слышались любые разговоры за стеной и шаги наверху, а центральное отопление включалось с громким «вжух-х-х!». Джефф Эмерик остался разочарован: «Алекс в принципе не понимал, что творит. Вместо студии соорудил полнейшую дрянь». Джордж Мартин заметил, что в стене нет отверстия под кабели, которые идут от студии к

будке. Пришлось открыть двери и протянуть кабели через коридор. Высокотехнологичный микшерный пульт представлял собой лист фанеры с шестнадцатью регуляторами громкости и осциллографом посередине. «Как на приборной панели бомбардировщика B-52, — жаловался инженер звукозаписи Дейв Харрис. — Парни все равно решили провести сессию: сделали первый дубль, проиграли запись и услышали только гул и шипение. Жуть. Битлы ушли, и на этом все». Джордж Мартин в отчаянии позвонил на Эбби-роуд: «Бога ради, дайте нам приличную аппаратуру!»

«Он драл с них тысячи, а вместо оборудования покупал всякую рухлядь», — сказал Джон Данбар, разочаровавшийся в своем недавнем протеже. Пошатнулась и вера Джорджа Харрисона: «Студия звукозаписи «Эппл», которую соорудил Алекс, — просто катастрофа. Он там расхаживал в белом халате, как какой-нибудь химик, а сам не понимал, что делает». Алан Парсонс[753], младший помощник инженера звукозаписи со студии EMI, привез аппаратуру с Эбби-роуд и пришел в ужас от творения Мардаса: «Видно было, что он орудовал молотком и стамеской, вместо того чтобы проектировать и конструировать». Однако битлы продолжили сессию, в результате породив то, что Джон, как ему было свойственно, без обиняков обозвал «говеннейшей записью унылой херни». В том же 1969-м делами битлов занялся Аллен Клейн; он свернул деятельность «Эппл электроникс» и прекратил финансирование Волшебного Алекса. В итоге самый передовой и высокотехнологичный микшерный пульт продали в комиссионный магазин электроники на Эджвер-роуд — за 5 фунтов, как лом.

Волшебный Алекс стал олицетворением доверчивой беспечности «Битлз» в последние годы их существования. Остаток жизни он провел в Греции, продавая бронированные машины и средства личной безопасности богачам с манией преследования. Также он неплохо нажился на продаже битловских вещей: в 2011 году ему заплатили 408000 долларов за изготовленную на заказ гитару «Вокс Кенсингтон» с табличкой:

> ВОЛШЕБНОМУ АЛЕКСУ АЛЕКСИ, СПАСИБО ТЕБЕ
> ЗА ТО ЧТО МНЕ ДРУГОМ[754] 2-5-1967 ДЖОН

В 2008 году газета «Нью-Йорк таймс» назвала Мардаса «шарлатаном», и он тут же пригрозил судебным иском. После двух лет затянувшихся переговоров он согласился отозвать обвинения — при условии, что газета разъяснит, что под «шарлатаном» не подразумевалось «мошенник».

После смерти Мардаса в 2017 году автор его некролога в

«Таймс» прикинул, что в пересчете на сегодняшние деньги проекты Алекса Мардаса, совершенно нерентабельные, обошлись «Битлз» в 4 миллиона фунтов.

113

В школе «Куорри-Бэнкс» после уроков мальчишки ныкались в кустах, развлекаясь своеобразной групповой забавой. К тому времени им было лет по тринадцать-четырнадцать. «Мечты у нас были строго гетеросексуальные, — педантично отмечает Пит Шоттон. — «Так, пацаны, — начинал кто-нибудь, — кем сегодня займемся?»». Они по очереди называли имена звезд пинапа, «распаляясь все больше и больше, до экстаза».

Когда очередь доходила до Джона, он обращался к образу Брижит Бардо, для которой тогда придумали эпитет «секс-кошечка». Французская актриса прославилась в Великобритании после Каннского кинофестиваля, позируя в бикини для рекламы фильма «Акт любви» (1953), где у нее была эпизодическая роль. Расцвет ее карьеры пришелся на юношескую пору Джона: она снялась в фильме «Доктор на море» (1955) с Дирком Богардом и Джеймсом Робертсоном Джастисом[755], потом сыграла главную роль в музыкальной кинокомедии «Ох уж эта девчонка!» (1956), а позже — «одержимую демоном искусительницу» в «И Бог создал женщину» (1956)[756].

Однажды, сидя с приятелями в кустах, Джон вместо обычного «Брижит Бардо!» выкрикнул: «Уинстон Черчилль!» Парней как холодной водой окатило[757].

Примерно тогда же Джон начал собирать серию фотографий, публиковавшихся в журнале «Уик-энд». К каждому новому выпуску прилагался фрагмент будущего пинап-постера: Брижит Бардо в полный рост, в купальном костюме. Заполучив полный набор, Джон составил картинку и приклеил ее к потолку над кроватью.

Пол разделял страсть Джона к этой знойной французской актрисе. «Она была то что надо, она была первой, она стала одной из первых, кого мы видели обнаженной или полуобнаженной, — вспоминал он. — Просто красавица, а вдобавок француженка. Длинноволосая блондинка с пухлыми губами и классной фигурой… воплощение женской красоты. К тому же она считалась женщиной свободных нравов, ну, в наших мечтах мы ее такой и представляли».

В 1957-м, уже поступив в Ливерпульский художественный колледж, Джон по-прежнему грезил о Брижит Бардо. В колледже его приметила Синтия Пауэлл. Она случайно услышала, как он одобрительно отзывается о сокурснице, сравнивая ее с Бардо. Тогда, стремясь завоевать его сердце, Синтия перекрасилась в блондинку и обзавелась накладными ресницами, черными

брюками в обтяжку и облегающими свитерами. Естественно, Джон ею заинтересовался, и вскоре они стали парой.

Перед первой поездкой битлов в Гамбург Джон позвонил Синтии и попросил приехать как можно скорее. Тетя Мими отправилась в Биркенхед погостить у своей сестры Нэнни, так что Джон остался дома один. Первым делом он одолжил у кого-то фотоаппарат. «Потребовал, чтобы я принимала соблазнительные позы, и начал щелкать затвором. Я то собирала волосы в пучок, то распускала их, приподнимала юбку, выпячивала грудь… старалась как можно точнее скопировать позы Брижит Бардо. После фотосессии мы занялись любовью, а потом разожгли камин, нашли в холодильнике какую-то еду и устроились на диване перед телевизором. Нас еще больше распаляло то, что наши отношения были секретом».

Фотографии Джон увез с собой в Гамбург. Когда Синтия с Дот, подружкой Пола, навестили битлов, парни уговорили их надеть кожаные юбки, как Бардо. Спустя много лет Пол вспоминал слова Джона: «Чем больше они похожи на Брижит, тем лучше для нас, дружище!» Тони Барроу однажды разговорился и заявил, что Джон, пока был женат на Синтии, признавался, что «воображает на ее месте кинозвезду, вроде бы даже Брижит Бардо».

Верность Пола и Джона Брижит Бардо пережила и деньги, и славу. Ранние наброски Пола для конверта «Sgt. Pepper», сделанные авторучкой, изображают битлов в ярких мундирах у стены с фотографиями их кумиров. Слева — снимок Брижит Бардо, раз в десять больше остальных: она стоит на коленях, заложив руки за голову. Однако, неизвестно почему, на окончательную версию конверта Бардо не попала, а ее место заняли Мэй Уэст и Диана Дорс.

В июне 1968-го мечты столкнулись с реальностью, когда Брижит Бардо приехала в Лондон и сообщила «Эппл», что хотела бы встретиться с битлами. Джон единственный вызвался пойти добровольцем. Он хвастал Питу Шоттону, что скоро встретится с женщиной из их школьных фантазий. «Разумеется, я просил его взять меня с собой, но Брижит не желала встречаться с толпой незнакомцев, поэтому за компанию с Джоном отправился только Дерек [Тейлор]».

© Sunset Boulevard/Corbis via Getty Images

Перед важной встречей Джон ненадолго заскочил к Тейлору в офис «Эппл» на Уигмор-стрит и попросил марихуаны, чтобы пыхнуть и успокоиться. Марихуаны не оказалось, тогда Тейлор предложил закинуться ЛСД. Оба сели в Джонов «роллс-ройс» и поехали в отель «Мэйфер», где остановилась Бардо. У отеля Джон внезапно разнервничался, велел Тейлору идти первым, а сам скорчился в машине.

Брижит Бардо, в черном кожаном прикиде, с многочисленной свитой спутниц, выслушала объяснения Тейлора про Джона в машине и вроде бы расстроилась, что больше никто из битлов не пришел. К тому времени Тейлора торкнуло, мощными волнами накатила паранойя. Он заявил, что они с Джоном в опасности, за ними следят загадочные люди. Бардо не поняла, о чем это он, и попросила пригласить Джона.

Джон послушно явился в номер, но действие ЛСД и вид Брижит Бардо в черной коже лишили его дара речи. Он еле выдавил: «Привет». Бардо сказала, что в ресторане отеля для них заказан столик, однако Джон с Тейлором сомневались, что дойдут. Тейлор растерялся: «Все вдруг вскочили и куда-то засобирались. Это было ужасно! Во-первых, нам кусок в горло бы не полез, да и на ногах мы не стояли… «Вы только не подумайте, что мы ханжи, — молили мы Бардо, — просто мы оба женаты, а тут такое, и…» В общем, сплошной облом…»

Брижит Бардо это «не сильно обрадовало», как выразился

Тейлор. Она со спутницами ушла в ресторан на первом этаже отеля, а Джон с Тейлором остались в номере. Когда же Бардо и ее свита вернулись, то с удивлением обнаружили, что гости никуда не делись. Тейлор развалился на кровати, а Джон тренькал на гитаре, исполняя что-то из сочиненных в Индии песен. Холодность Бардо быстро сменилась раздражением, и вскоре она попросила гостей уйти.

Джон вернулся в «Кенвуд», где его ждал Пит Шоттон.

«— Ну что там? Как? — выдохнул я. — Не томи, рассказывай, я больше ждать не могу!

— Да никак, — ответил Джон. — Я перенервничал, закинулся кислотой, и мне башку снесло. За весь вечер только и ляпнул «привет» да руку ей пожал. Потом Бардо болтала по-французски с подружками, а я не мог придумать, что сказать». «Хреновый выдался вечерок», — заключил он.

114

«THE TURDS»[758]

Скандальное разоблачение

В офисе «Хлам лимитед» на Бонд-стрит царит откровенная хандра, изредка оживляемая сюрреалистической гиперсимметрией. Мимо шкандыбает навозник в расклешенном восточном кафтане с прорезиненными накладками. Тощая прыщавая девица на стойке ресепшена говорит: «Звонит официальный ликвидатор. Сказать, что вас нет?»

На Бонд-стрит уже возводятся самая большая в мире антенна, восемьдесят девять волшебных фонарей и еще какие-то восемь запатентованных изобретений за авторством пожизненного друга *The Turds*, Безумного Сида Сент-Бёва.

Среди изобретений — электрический растворитель промокашек, рулон туалетной бумаги, исполняющий национальный гимн, и машина без колес.

Фирма эвакуаторов из южного Кройдона уже предложила *The Turds* два фунта за то, чтобы увезти машину.

Навозник Спигги Топс обеспокоен спадом продаж их пластинок в США. С распространением портативных магнитофонов поклонники стали записывать их песни с радио и больше не покупают диски. *The Turds* спонсировали запатентованную услугу по предотвращению пиратства. В будущем все песни *The Turds* будут издавать громкий вой, невыносимый для незащищенного уха, и их просто перестанут слушать.

Для *The Turds* этот вой — новый курс. Их последний альбом «День из жизни Зогу, бывшего короля Албании»[759] созревал больше пяти лет и включает гребни и бумагу, звук, с которым «Корниш Ривьера экспресс» отъезжает от вокзала Паддингтон, два миллиона цитр, электрический катер-ракету и секцию струнных инструментов оркестра тель-авивской полиции.

Спигги говорит: «Классическая музыка меня всегда пугала. Ну, там, Мендельсон и все прочие с длинными именами. А тут на днях попался мне таксист, читавший ноты Моцарта. «Тебе не понравится, — честно признал он, — это для умников». И мне тоже так раньше казалось. Но все, знаете ли, наоборот. Ведь именно это сейчас в поп-музыке и происходит. Мы — Моцарт. В

смысле Христос. Да, кстати, он — это тоже мы».

«Прайвит ай»[760]*, 13 сентября 1968 г.*

115

В Ришикеше Синтии казалось, что Джон ее избегает: «Мои надежды на второй медовый месяц не оправдались. Джон относился ко мне все холоднее и безразличней. Он рано просыпался и уходил из спальни. Говорил со мной редко, а через неделю-другую заявил, что переселяется от меня в отдельную комнату, потому что ему места мало. С тех пор он меня игнорировал, что наедине, что на людях». Она не подозревала, что почти каждый день Джон получал открытки от Йоко Оно.

Спустя две недели после возвращения из Индии Джон предложил Синтии съездить на пару недель в Грецию, отдохнуть — вместе с Донованом и его менеджером, Джипси Дейвом[761], сестрой Патти Бойд, Дженни, и Волшебным Алексом. Синтия с Джоном редко когда отдыхали по отдельности, и Синтия не хотела уезжать одна. Тогда Джон сказал: «У меня сейчас дел по горло, я поехать не смогу, а ты поезжай, развеешься».

По возвращении из отпуска Синтия с Дженни и Волшебным Алексом направились в «Кенвуд» и приехали туда часам к четырем дня. Она сразу заподозрила неладное: «На крыльце горел свет, шторы все еще были задернуты, стояла тишина». Даже Дот, экономка, не вышла встречать Синтию с Джулианом.

Парадная дверь была не заперта. «Эй, вы где?» — крикнула Синтия. Может, они за дверью спрятались?

«Я подошла к двери оранжереи, взялась за ручку и вздрогнула от страха. Секунду помедлив, я распахнула дверь. Шторы были задернуты, в комнате стоял полумрак. Я вгляделась в сумрак… и оцепенела. На полу у стола, заставленного грязной посудой, сидели Джон и Йоко, лицом друг к другу, скрестив ноги по-турецки. Оба были в махровых халатах из раздевалки у бассейна, и я решила, что они, наверное, плавали. Джон сидел лицом ко мне. Он равнодушно взглянул на меня и сказал: «Привет». Йоко не обернулась».

Синтия сразу поняла, что Джон и Йоко хотели, чтобы она застала их в таком виде. Она и не представляла, что Джон способен на такой жестокий поступок. Совершенно ошеломленная, она словно бы впала в ступор и машинально предложила Джону поужинать.

— Нет, спасибо, — сказал Джон.

Синтия выбежала из комнаты, заглянула на кухню, спросила смущенную Дженни, можно ли поехать к ней, и бросилась наверх, за вещами. На лестничной площадке, у гостевой спальни, аккуратно стояла пара маленьких японских сандалий. Синтия

приоткрыла дверь в комнату. Кровать была застелена.

116

Пит Шоттон неожиданно стал управляющим бутиком «Эппл», который предстояло набить психоделическими шмотками, восточными безделушками, расписной мебелью и надувными креслами. За оформление витрин и запас товаров отвечала студия «Фул» — три молодых голландских дизайнера, которые к тому времени уже украсили бунгало Джорджа замысловатыми узорами и лавовыми лампами, расписали пианино Джона и обставили студию для трансляции «All You Need is Love». Как и многие из тех, кто ошивался вокруг битлов, они рядились в цыганские шали, огромное количество бус, рубашки с широкими рукавами, расшитые звездами и лунами, елизаветинские безрукавки, брюки в обтяжку, расклешенные от колена и подвязанные на бедрах широкими атласными поясами. Тем не менее за внешностью беспечных хиппи крылся острый нюх на деньги — «хлебушек», как тогда говорили, — и на то, как извлечь их из карманов идеалистически настроенных клиентов. При заключении контракта на 40000 фунтов (675000 фунтов в пересчете на сегодняшние деньги) эти ребята ненавязчиво упомянули «подписной бонус». Разумеется, битлы не стали слушать своего бухгалтера, который настоятельно рекомендовал никаких бонусов не выдавать. Когда сделку обстряпали, «Фул» немедленно отправились в оплаченную десятидневную «экспедицию» в Марокко, за вдохновением.

Придуманные ими наряды — в радугах, цветочках и размытых пейзажах — были дурно скроены и плохо сшиты; швы расходились, а рукава были разной длины. «Мы так долго искали тех, кто сделает нам костюмы, — вздыхал Пит Шоттон, — а когда нашли, то выяснилось, что шьют они фуфло».

На уик-энде — том самом, когда битлы записывали психоделический клип на песню «Hello, Goodbye»[762], — «Фул» собрали студентов художественных училищ, чтобы украсить фасад здания «Эппл» на Сэвил-роу фреской с лунами, звездами и андрогинным хиппи во все четыре этажа. На вечеринку по случаю открытия — «Начало в 19:46. Показ мод в 20:16» — явились многие знаменитости, в том числе Джон и Джордж, Силла Блэк, Эрик Клэптон, Виктор Спинетти, Твигги[763], Кит Мун и Ричард Лестер. Цирковой клоун раздавал яблоки, а хиппи отплясывали конгу и играли на караталах и тамбуринах. К концу вечера в тесное помещение набилось столько народу, что в бутике растоптали половину ассортимента, а журналист Би-би-си упал в обморок от духоты.

Через несколько дней департамент градостроительства Вестминстерского муниципалитета потребовать убрать фреску, поскольку за разрешением на нее никто не обращался. Компания «Эппл» потратила уйму денег на то, чтобы оспорить это решение, однако от высокохудожественной росписи все-таки пришлось избавиться.

Питу Шоттону, управляющему бутика, не нравилось его рабочее место: «Я постоянно прожигал сигаретами надувные кресла и плюхался на пол».

В соответствии с духом времени наряды с вешалок не задерживались у кассы, а прямиком улетучивались за дверь. Беспечные продавцы не докучали покупателям просьбами об оплате, да и сами с превеликим удовольствием, ничуть не таясь, выносили по вечерам охапки клешей и пиджаки Неру[764]. За семь месяцев бутик «Эппл» потерял 20000 фунтов (340000 фунтов в пересчете на сегодняшний курс).

В конце июля 1968-го битлы решили прикрыть лавочку. За день до того, как двери бутика закрылись последний раз, все вчетвером пришли забрать все, что приглянется. Джон носился по залу, радостно хватая все подряд, будто не понимая, что крадет сам у себя. На следующий день бутик осадила толпа покупателей: еще бы, воровать-то больше не надо. За сутки «Эппл» раздала вещей на 10000 фунтов, обременив себя новым долгом: в спешке администрация забыла о налоге на покупки в 12,5 процентов, который полагалось перечислить в казну, невзирая на то что вещи раздали бесплатно.

Закрыв бутик, битлы перенесли штаб-квартиру «Эппл» в дом номер 3 по Сэвил-роу и по пути потеряли налоговую документацию. Новая штаб-квартира превратилась в бардак: гости и сотрудники соревновались, кто больше потратит денег «Эппл». Всякий раз, как туда заглядывали Джон с Йоко, Йоко требовала баночку икры стоимостью 60 фунтов; Барри Майлз подсчитал, что это равнялось «пятинедельному жалованью поваров, которые ее подавали».

Оплата телефонных счетов обходилась примерно в 4000 фунтов ежеквартально. «Как ни зайдешь в контору, так вечно на телефоне висит с полдюжины посторонних, — отмечал Ричард Дилелло, ошеломленно изучавший списки исходящих звонков. — Откуда у «Эппл» офис в Катманду? А в Сосалито? А в Акапулько?»

Как гости, так и сотрудники постоянно выносили что-нибудь из офиса: телевизоры, электрические пишущие машинки, колонки, ящики вина, вентиляторы и обогреватели. Один работник ежедневно сдирал с крыши свинцовое покрытие, так что вскоре образовалась течь, что нанесло компании ущерб в

несколько тысяч фунтов. Музыканты, художники и киношники, которых «Эппл» спонсировала, отказывались видеть разницу между займами и подарками. «Мы раздавали деньги, камеры, оборудование, а половину людей потом больше не видели — они пропадали с концами», — вспоминал Ринго.

Время от времени администрация пыталась приструнить штат. Второго июня 1968-го Нил Эспинолл направил циркуляр руководителям подразделений:

> Просьба следить за тем, чтобы сотрудники приходили на работу вовремя. С недавних пор все регулярно являются с опозданием. Правила для всех одни, а быть на месте в 10 часов утра под силу каждому. Огромная просьба не совать благовонные палочки в каретки пишущих машинок и не пускать пьяных ирландцев на заседания совета директоров; передайте, пожалуйста, девушке, запершейся в кабинке, что Пол этим туалетом не пользуется, [и], пожалуйста, не крутите бутеры с джемом на высококачественных проигрывателях.

«Эппл» уподобилась лошади, что неслась, закусив удила. Целый год в компании на полную ставку работал медиум-экстрасенс по имени Калеб, в чьи обязанности входило направлять бизнес, руководствуясь картами Таро и «Книгой перемен»[765]. «Чудачества никто не контролировал, — вспоминает Дерек Тейлор. — Да и вообще, чудачества не проконтролируешь, на то они и чудачества». Он знает, о чем говорит: его собственная пресс-служба выставила счет за две недели работы, в котором значились 600 сигарет «Бенсон и Хеджес», 96 бутылок кока-колы, 8 бутылок виски «J&B», 4 бутылки «Курвуазье», 3 бутылки водки, 24 бутылки имбирного эля, 12 бутылок тоника, 24 бутылки лимонной газировки, 12 бутылок томатного сока, 3 бутылки лаймового сока и 48 бутылок светлого пива. Изучив счет, другой сотрудник «Эппл» заметил: «А, так это они еще скромненько». В редакционной статье корпоративного журнала «Эппл» Дерек Тейлор признавался: «Друзья, у нас побывала уйма гостей. Я никого из них не помню. Был укурен, а это, как известно, влияет на память».

Вездесущему духу антиматериализма поддался даже Джордж, который прежде ревностно относился к деньгам и страшился налоговых инспекторов. Лишь когда туман рассеялся, он увидел, какую ошибку совершили «Битлз». «Мы раздаем все подряд кому попало, — сказал он Патти. — Это место стало раем для недоучек. Беда в том, что почти все эти недоучки — наши

друзья».

Дело усугублялось еще и тем, что командирам этого потешного воинства хронически сносило крышу. А когда битлы все-таки услышали вой сирен, то не знали, куда бежать. «Чисто Вьетнам, — слегка преувеличив, заметил Джордж. — Все разрослось до таких масштабов, что выхода не видно».

Джон наконец-то заметил, что происходит, сбросил ступор и ударился в панику, обвиняя всех и вся, кроме себя самого: «Нас обворовывали и жили за наш счет… Каждую неделю из «Эппл» выкачивали по восемнадцать, если не по двадцать тысяч фунтов, и никто пальцем не шевельнул. Все приятели, что работали на нас по полсотни лет, жили тут, бухали и жрали, как долбаные римляне! До меня вдруг дошло: мы с такой скоростью теряли деньги, что вскоре неминуемо разорились бы. У нас на банковских счетах ничего не лежало, ни у кого. Мы с Полом, может, еще и удержались бы на плаву, но мы тонули. Просто ад какой-то, с этим надо было кончать».

Джон решил разобраться, почему провалилась схема, призванная сберечь средства, и отправился к Дереку Тейлору и Нилу Эспиноллу, чтобы разработать план действий. Встреча началась с того, что все трое закинулись кислотой, а потом подумали — вполне резонно, учитывая обстоятельства, — что все проблемы «Эппл» можно решить, если выйти на главную улицу Уэйбриджа и заглянуть к управляющему местным банком и какому-нибудь адвокату. «Послушайте, — сказали бы они, — «Эппл» в жопе, и нам нужно нехитрое решение: простой управляющий банком, на которого можно положиться, и простой юрист, который сможет найти из этой жопы выход».

Затем Джон, если верить Полу, — или же Пол, если верить Джону, — позвонил не кому-нибудь, а все тому же крупному бизнесмену, с которым «Эппл», по идее, должна была конкурировать. Сэр Джозеф Локвуд из EMI предложил им нанять бывшего председателя Консервативной партии, лорда Пула, а тот предложил лорда Бичинга[766], чьей доклад 1963 года о будущем британской железнодорожной сети привел к тому, что сократили треть всех железнодорожных станций. Бичинг изучил финансовую отчетность «Эппл» и посоветовал «Битлз» заниматься исключительно музыкой.

Двадцать первого марта 1969 года Джон, Джордж и Ринго попросили Аллена Клейна, громилу из Нью-Джерси, которого Алистер Тейлор назвал «обаятельным, как сломанный стульчак», стать их бизнес-менеджером. Совершив серию ловких маневров, Клейн внушил Джону, что лучшего кандидата возглавить корпорацию битлам не найти, и завоевал доверие Йоко, пообещав

устроить ей крупную выставку в США[767]. Ринго вообще уговаривать не пришлось. «Мне просто хотелось, чтобы за мной присматривали. Сходишь с трапа самолета или лайнера «Куин Элизабет II» в Нью-Йорке, а тебя уже встречает такой приятный крепкий парень, проводит куда надо, сажает в лимузин, выдает пачку денег, бронирует номер в отеле и все такое. Шик, блеск, красота. Я ведь человек непритязательный. Просто доставьте меня куда надо и вовремя!»

Клейн, как слон в самой запущенной посудной лавке на свете, умудрился обидеть всех и каждого, включая трудягу Джеффа Эмерика, которого возмущала привычка Клейна орать: «Дзынь-дзынь!», изображая кассовый аппарат, всякий раз, как по радио звучала песня «Битлз». Дерек Тейлор сравнивал этот период с «последними днями Помпеи, когда кипящее дерьмо попало на вентилятор и окатило всех — и верхи, и подчиненных. И остались мы грязные, страшные и никому не нужные». Всего за несколько дней Клейн уволил бóльшую часть сотрудников «Эппл», включая генерального директора Алистера Тейлора, работавшего с битлами еще с тех пор, как с ними заключил договор Брайан Эпстайн. Тейлор по очереди позвонил всем четырем битлам, чтобы рассказать о случившемся, но ни один не подошел к телефону.

Вместе с «Эппл» умерло много нереализованных идей на разной стадии развития или недоразвития. Джон выступал за «Эппл лимузинс», коллекцию психоделических «роллс-ройсов». Пол хотел открыть магазин, торгующий исключительно белыми вещами: «Белых чашек и всякого прочего никогда не достать. Я лет пять искал приличный белый сервиз». Все четверо решили организовать школу «Эппл» для ненапряжного обучения детей битлов и их сотрудников. Среди прочих похороненных проектов был торгово-развлекательный комплекс «Эппл» на Риджент-стрит — с кинотеатром, сауной и рестораном; «Эппл косметикс», предлагающая линейку духов, помад и лосьонов во флаконах и футлярах в форме яблока; а еще международная сеть дискотек «Сержант Пеппер».

В некотором смысле дух «Эппл» сохранился в Джоне с Йоко. За остаток 1969 года они запустили множество разнообразных схем, одна непрактичнее и невероятнее другой. Большинство окончилось ничем. Осенью пара написала длинное письмо Эрику Клэптону с предложением организовать, как они выразились, «этакого «Беспечного ездока»[768] на море»: корабль на тридцать пассажиров, включая музыкантов и команду, плюс «врачи и т. п., на случай каких-либо неприятностей», который будет курсировать между Лос-Анджелесом и Таити, а EMI или какая-

нибудь кинокомпания будет все снимать и финансировать все происходящее. Предполагалось, что плавание продлится «три, четыре, пять или шесть месяцев, по настроению; семьи, дети и прочие приветствуются».

Обычно Джон просто фонтанировал идеями. Пол придумал способ, как с этим бороться, чтобы все они улетучивались, как мыльные пузыри. Однажды Джон предложил битлам сделать совместную трепанацию черепа: «Это древняя римская традиция: просверлить дырку в голове». Пол замялся, а потом выдал: «Давай ты первый. Если все пройдет хорошо, мы себе тоже сделаем». Такое вялое одобрение, как выяснилось, было лучшим способом предотвратить нежелательные поступки. «А иначе ходить бы нам всем уже к утру с дырками в черепушках».

117

Однажды, вскоре после того, как Джон сбежал с Йоко, Пол отправился в Уэйбридж повидать Синтию. Подумал, что ее не помешает приободрить. «Пол единственный из всех битлов нашел в себе смелость пойти наперекор Джону, который ясно дал понять, что все должны последовать его примеру и вычеркнуть меня из своей жизни. Но Пол был сам себе хозяин и Джона не боялся», — вспоминала Синтия. Ринго и Джордж, как и их жены, перестали с ней общаться. «Они не хотели навлечь на себя гнев Джона и, наверное, просто не знали, что сказать».

Джулиану тогда было пять лет, ровно столько же, сколько было Джону, когда его самого бросил отец. Пол, в отличие от Джона, легко сходился с детьми: когда битлы отправились в Грецию покупать остров, Джон проводил время за чтением газет, а Пол играл с Джулианом в ковбоев и индейцев. «Он был ему как дядя, — спустя годы признавал Джон. — Пол всегда ладил с детьми».

В этом отношении Полу было жаль Джона. «Помню, подошел ко мне Джон, отвел в сторонку и спрашивает:

— Как это у тебя получается?

— Что получается? — опешил я. — Ты о чем?

— Ну, с Джулианом… — объяснил Джон. — Как у тебя получается играть с детьми?

Мне его тогда так жалко стало… Я попытался ему кое-что посоветовать:

— Играй, прикинься сам ребенком. Играй с ним.

Но он так и не понял. Не просек фишку».

Уже пожилым человеком Джулиан вспоминает, что чаще видел Пола, чем отца: «Мы с ним дружили. По-моему, сохранилось куда больше фотографий, на которых я играю с Полом, чем тех, где я играю с отцом».

По пути в Уэйбридж, за рулем «астон-мартина», Пол размышлял, как скажется развод родителей на Джулиане: «Я знал, что ему будет нелегко. Мне всегда жаль детишек, чьи родители разошлись». И тут ему в голову пришла песня, которая начиналась словами: «Hey Jules, don’t make it bad. Take a sad song, and make it better»[769].

118

Август 1968-го принес «Роллинг стоунз» много поводов для радости. Они закончили новый альбом «Beggars Banquet»[770], Мику Джаггеру исполнилось двадцать пять, а клуб «Везувио», которым на паях владели Джаггер и Кит Ричардс, открывался заново.

Вечеринка, которую они закатили в «Везувио», по размаху соответствовала всем трем событиям. По стенам развесили марокканские гобелены и гигантские фотографии самих стоунзов. Под потолком парил громадный цеппелин, накачанный гелием; в огромных серебряных чашах плескалась смесь пунша с мескалином, а на столах высились горы кексов с марихуаной. Для тех, кто предпочитал вдыхать наркоту, приготовили кальяны и блюдца с гашишем.

«Напрягала лишь близость полицейского участка на Тоттнем-Корт-роуд, — вспоминал Тони Санчес[771], управляющий клуба. — Всего каких-то триста ярдов. Если бы любопытные копы в тот вечер нагрянули в клуб, то повязали бы всех суперзвезд Великобритании».

Джаггер прибыл раньше всех, привез из Ирландии первопечатную пластинку «Beggars Banquet». Санчес, который в тот вечер был за диск-жокея, поставил альбом.

Успех был моментальный: кто танцевал, кто восхищался музыкой, а кто делал и то и другое одновременно. В довершение всего на огонек заглянули Джон Леннон с Йоко Оно, что в прогрессивном 1968-м было аналогом визита королевы и герцога Эдингбурского.

Пол Маккартни явился с опозданием, потому что задержался в студии «Трайдент», в Сохо, откуда и прихватил с собой ацетатный диск с новым синглом. Он поздравил виновников торжества, потом прошел мимо танцующих к пульту диск-жокея и украдкой вручил Тони Санчесу диск со словами: «Вот, послушай, Тони. Наша новинка».

Когда отзвучала последняя композиция с альбома «Beggars Banquet», а Мик с Китом общались с гостями, принимая поздравления, Санчес поставил сингл «Битлз».

«Hey Jude, don’t make it bad, take a…»

Все мгновенно притихли и молчали следующие семь минут и одиннадцать секунд. «Это было просто… бах! Прямо в сердце, —

вспоминает Маринна Фейтфулл. — Мы первыми услышали эту песню, и нам снесло крышу… Возникло такое ощущение, что все нужные люди собрались в нужное время и в нужном месте».

Тони Санчес заметил, что настроение Мика Джаггера резко переменилось: «Когда песня закончилась, Мик помрачнел». Пол вспоминает, что Мик подошел к нему и сказал: «Охренеть! Ни фига себе! Полный улет. Звучит как две песни разом. Сначала песня, а в конце такое «на-на-на». Да-а».

Позднее, тем же вечером, Джон «с отчаянно выпученными глазами», шатаясь, доковылял до Санчеса и попросил вызвать ему такси. Трое вышибал бросились на улицу, чтобы поймать ему машину, но так и не вернулись. Потом Санчес сообразил, что на свежем воздухе их вырубила смесь мескалина и гашиша: они забыли, кто они, где они и чего от них ждут. Положение спас Джаггер, добровольно предложив личный «астон-мартин DB6», а кузен Тони Санчеса сел за руль и благополучно доставил Джона с Йоко в Аскот, в графстве Суррей.

119

Тридцатого июня 1968 года выдался идеальный английский летний денек. Пол в своем «роллс-ройсе» возвращался в Лондон из Йоркшира, где вместе с *The Black Dyke Mills Band* записывал «Thingumybob»[772]. Вместе с ним в машине сидели Дерек Тейлор, Питер Эшер и журналист из NME. На трассе M1 они решили, что неплохо бы где-нибудь остановиться. Но где? Дерек Тейлор, закинувшись ЛСД, попросил Питера отыскать на карте Бедфордшира деревеньку с названием покрасивее.

Спустя продолжительное время Питер сделал неочевидный выбор в пользу деревни под названием Гаррольд. Водитель послушно свернул на проселочную дорогу и доставил их в названное место. Дерек словно бы попал в мечту: «Пели дрозды, ласточки ныряли под соломенные крыши, натужно стрекотала старенькая газонокосилка, а мы шли по единственной улице деревушки».

На Хай-стрит, в саду у дома с гордым названием «Малбери-Лодж», усатый дантист Гордон Митчелл стриг живую изгородь. Тут к нему подошел Пол Маккартни с тремя товарищами в поводу и спросил, как пройти к реке. Митчелл ему объяснил, и все четверо ушли. Митчелл вбежал в дом и рассказал Пэт, своей жене, как Пол Маккартни только что интересовался дорогой к реке. Муж с женой рванули туда же, надеясь «случайно» встретить Пола и его друзей.

Как и следовало ожидать, супруги обнаружили их в пабе «Сорока» и вскоре разговорились. Выяснилось, что у всех разыгрался аппетит, и тогда Пэт предложила вернуться в «Малбери-Лодж», там она что-нибудь да сообразит. «Оказалось, что Пол — очень добросердечный человек: он присел к постели тяжелобольного отца Пэт и долго с ним беседовал», — спустя сорок лет вспоминает Гордон Митчелл.

За ужином они уплетали ветчину с рисом. Гордон рассказал Полу, что на следующей неделе организует благотворительную лотерею для Ассоциации спортивных сооружений. Шуна, дочь Митчелла, принесла детскую гитару и вручила ее Полу, который тут же принялся настраивать ее, подложив две монетки под струнодержатель. Он спросил, не хотят ли хозяева послушать песню, которую он недавно сочинил, и все воскликнули «да!».

— *Hey Jude, don't make it bad…* — затянул он.

— Вот бы всю жизнь так, — вздохнула Пэт Митчелл.

По словам Гордона Митчелла, «это были милейшие люди, с ними было весело, и вечер выдался совершенно особенный».

Часов в одиннадцать пришел кто-то из местных и сказал, что паб «Герб Оукли» официально закрыт, но «в честь Пола» его откроют. Все переместились в «Герб Оукли», где, если верить Дереку, яблоку негде было упасть. «Туда набилась вся деревня. Пол играл на пианино, еще раз исполнив «Hey Jude», а часа в три ночи, когда какая-то женщина запела «The Fool on the Hill», он встал, потанцевал с ней и чмокнул в щечку».

Ранним утром Пол и его спутники сели в «роллс-ройс» и поехали в Лондон. Спустя несколько дней Гордон и Пэт Митчеллы получили благодарственное письмо и две бутылки шампанского — для лотереи.

Чтобы не задеть легкоранимую натуру Джона, Пол, исполняя песню для него, заменил «Hey Jules» на «Hey Jude». Джон решил, что эта песня о нем и его потребности в Йоко: «Она тогда только появилась в моей жизни. Он говорит: «Эй, Джуд», то есть «Эй, Джон». Да, я как те фанаты, которые во всем ищут скрытый смысл, но ведь СЛЫШНО же, что песня — обо мне. Слова «иди и добейся ее»[773] означают, что Пол подсознательно имеет в виду: «Иди, бросай меня». А на сознательном уровне он не хотел, чтобы я уходил. Ангел в нем меня благословлял, а вот дьявол упирался, потому что Пол не хотел терять напарника».

Подобный солипсизм был характерен не только для Джона. Во многих песнях «Битлз» смысл размыт и невнятен, что позволяет слушателю трактовать их очень лично. Посыл «Hey Jude» одновременно расплывчат и ясен. Когда песня вышла, некоторые решили, что она обращена к Бобу Дилану, который в то время жил затворником на своей ферме в Вудстоке. Журнал «Тайм» счел «Hey Jude» призывом к самоотверженности, а журнал «Роллинг стоун» увидел в ней обращенную к Джону просьбу отринуть негативное отношение к женщинам.

Шестнадцатилетний Дуглас Адамс[774], дожидаясь своей очереди в спортзале, узнал, что кто-то из его однокашников слышал новый сингл битлов. «Мы буквально приперли этого пацана к стенке и заставили напеть нам мелодию».

Тридцатишестилетний Джон Апдайк[775], получив гонорар за свой роман «Супружеские пары», решил провести в Лондоне длительный отпуск вместе с семьей. В конце того лета битлы «были повсюду». Как-то Апдайк ехал в двухэтажном автобусе, выглянул в окно и увидел, как по улице идет Пол, «давно не бритый».

Впоследствии Апдайк назвал песню «Hey Jude» «великим гимном прощания… прощания с Лондоном, прощания с битлами, как выяснилось. Она, как многое из их музыки, выплескивается в своего рода экстаз. Песня и впрямь восхищает, демонстрируя одновременно и оригинальность, и небрежность «Битлз»».

Семнадцатилетний Гордон Браун[776], ослепший на левый глаз, лежал в больнице после операции на правом глазу. С тех пор пребывание в больнице всегда ассоциируется у него с «Hey Jude», которую крутили по радио. Для него посыл, заложенный в песне, был одновременно меланхоличным и оптимистичным. «Начинается грустно, а завершается очень позитивно».

Философ Рэймонд Таллис[777], которому тогда был двадцать

один год, учился на медицинском факультете Оксфордского университета. «Hey Jude» как ни одна другая мелодия заставила его проникнуться духом «бесконечных возможностей, доступных молодежи».

С самого начала было ясно, что смысл песни можно истолковывать по-всякому. Впервые исполнив ее Джону, Пол заметил слабость одной из строк: «Нужное тебе движение — у тебя на плече»[778].

— Я подправлю, — сказал он.

— А знаешь, не надо, — ответил Джон. — Это самая лучшая строчка в песне. Я понял, что она означает. Это здорово.

Но что конкретно — или даже в общих чертах — она означает? Полу, всегда стремящемуся к ясности, она не нравилась по двум причинам: во-первых, в песне уже было слово «плечи», а во-вторых, «глупое выражение, как будто про попугая». И то и другое верно, но слова, положенные на музыку, внезапно обретают смысл. До того как я начал писать эту книгу, я считал, что Пол поет: «the *moment* you need is on your shoulder», а это совсем не то же самое, что «the *movement* you need is on your shoulder»[779]. Тем не менее, даже осознав, что я лет пятьдесят ошибался, я с удивлением сообразил, что особой разницы в значении нет. Одна из версий наделена бóльшим смыслом, но без музыки смысла нет ни в той ни в другой.

А вот слова вкупе с мелодией звучат как-то трогательно; они вообще становятся ключевыми во всем куплете, говорят о доброте, утешении и необходимости двигаться дальше. Мы привыкли считать музыку абстрактной, а текст конкретным, но в хорошей песне они неразделимы. Стихи, отделенные от музыки, — как рыба, вытащенная из воды, или бабочка, пришпиленная к картонке.

Можно даже сказать, что чем больше смысла в тексте на бумаге, тем слабее он в песне: рок работает куда мощнее, когда похож на туземные напевы или церковные песнопения, а его расплывчатое значение преображается в абстрактный звук и парит, освобожденное от конкретики. Вот почему доблестные попытки профессора сэра Кристофера Рикса[780] возвысить значимость Боба Дилана, интерпретируя тексты его песен с точки зрения рационального критицизма, обречены на провал. Это как если бы любитель воздушных шаров выражал свои пылкие чувства, тыча в шарики булавкой. В своем пятисотстраничном труде «Видения греха по Дилану»[781] Рикс посвящает песне «All I Really Want to Do»[782] целых три страницы и призывает читателя «обратить внимание на то, как ловко Дилан обращается с «knock you up»:

I ain't lookin' to block you up
Shock or knock or lock you up[783].

С лукавой пристойностью «knock» тактично и многозначительно на пару слов отстоит от «you up»; ведь предыдущее «shock» предполагает «shock you», нежели «shock you up»».

Под зорким глазом профессора строка «Why wait any longer for the one you love»[784] становится неизмеримо сложнее. «Слово «longer» тут как будто производное от «long»[785], да так оно и есть, и, хотя здесь оно не означает «тосковать», призвано напомнить об ощущении тоски, щемящего чувства, ожидания. Так долго ли еще?»

Раскладывая концовку «If Not for You»[786], Рикс пишет: «Как концовка «If Not for You» получилась такой проникновенной? Непреложное признание того, что вечная благодарность невозможна, подкрепляется решением Дилана завершить песню словами «if not for you», которые с чудесной простотой повторяются снова и снова так, словно могут звучать вечно, хоть им и пора затихнуть». Так и хочется сказать: «Постойте-ка, профессор, ведь это распространенный прием, который называется «постепенное затухание», его часто используют в поп-музыке, когда продюсер не может придумать ничего приличнее!»

Так ли важны слова «Hey Jude»? В конце концов, за все эти годы кто только вместо них чего не слышал: и «Hey dude», и «Hay chewed»[787]. Есть те, кому всю жизнь вместо «The minute you let her under your skin» слышится «Remember, there's lettuce under your skin»[788]. Этот своеобразный тест Роршаха лишь усиливает впечатление от песни, и каждый слушатель, сам того не зная, интерпретирует текст в меру своей испорченности. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Джон решил, будто песня — о нем. Пол, исполняя эту песню на концертах, считает особенно проникновенной строку «The movement you need is on your shoulder»: «Всякий раз, когда я пою эту песню, именно на этой строке вспоминаю Джона, и прямо сердце щемит». Так что подозрения Джона в некотором смысле оправдались: на несколько мгновений для автора и исполнителя песни она и впрямь становится песней о Джоне.

Последние четыре минуты «Hey Jude» буквально обходится без слов, смысл растворяется в напеве. «На-на-на-на-на-на» повторяется, как мантра, сила которой — в бесконечном повторении. «Hey Jude» изначально задумывалась как обнадеживающее послание для пятилетнего Джулиана Леннона,

но вскоре обернулась обнадеживающим посланием для всего мира. Для Джона Апдайка «Битлз» были «как рассветное солнце пасхальным утром».

121

В 1968-м Джоэлу Сороке был двадцать один год. Он вырос в Нью-Йорке, но то лето провел в разъездах по Европе. Тогда он впервые покинул пределы Северной Америки. «В начале сентября я поселился в домашней гостинице на Эджвер-роуд. Там не было ни душа, ни отопления, а на завтрак мы ели сырой бекон. Мне все это было в новинку».

Третьего сентября Джоэл поехал на автобусе на Пиккадилли, за письмами от родных. Все еще не разобравшись в сложной работе лондонского транспорта, на обратном пути он сел не на тот автобус. Рядом с ним сидела привлекательная женщина. «Мы разговорились, а потом она вдруг предложила: «Хочешь увидеть «Битлз»?» Я ответил что-то вроде: «Да ну тебя!» Женщина объяснила, что работает в «Эппл», а следующим вечером битлы снимают проморолик для нового сингла. Им нужна была массовка, и ей глянулось мое лицо».

Женщина вручила Джоэлу какой-то «совершенно неофициальный клочок бумаги» и попросила подойти к четырем часам пополудни на вокзал Виктория, где будет ждать автобус.

Джоэл не поверил ни единому слову, но в условленное место все-таки пришел — мало ли. Там и правда ждал автобус, куда и втиснулся Джоэл вместе с толпой пассажиров. «Там были самые разные люди, всех возрастов. Мы возбужденно переговаривались, но складывалось впечатление, что в обещанную встречу с битлами никто не верит».

Их высадили у Твикенхемской киностудии (Джоэл решил, что она похожа на ангар) и провели на ярко освещенную съемочную площадку. У помоста, где были установлены барабаны и прочие инструменты, суетились техники. Массовка — человек сто — ждала распоряжений режиссера Майкла Линдсея-Хогга[789]. Внезапно открылась дверь, и вошли «Битлз». «Я еще подумал: это что, правда? Нам велели подождать, пока битлы разогреваются. Меня охватил безумный восторг: хоть я и был битломаном, но вживую их еще никогда не видел».

Битлы раза три-четыре исполнили «Hey Jude». Массовке велели обступить сцену и подпевать припев. Джоэл вспоминает, что люди вели себя «очень сдержанно, чисто по-английски, а мне захотелось как-то выделиться». Присмотрев стратегически выгодную позицию, он протиснулся поближе к сцене. В какой-то момент Ринго отложил тамбурин, и Джоэл не упустил своего шанса: метнулся на сцену и схватил инструмент.

«Я очень надеялся, что на этом дубле остановятся, но их

сделали с десяток. Вместе со мной на сцену забиралось все больше и больше народу. Всякий раз я отчаянно хватал тамбурин. Достал, наверное, всех».

В перерыве между дублями Джоэл представился битлам. «Пол был очарователен. Джон язвил. Помню, он сказал: «Ты же из Нью-Йорка, да? Ходил на наши концерты?» — а я саркастично ответил: «Что, смотреть на вас за деньги?» По-моему, ему понравилось. Джордж молчал, а Ринго был просто душка. «Зови меня Риччи», — попросил он». Джоэл пригласил битлов к себе в гостиницу, но после съемок их быстро усадили в лимузин и увезли.

Когда Джоэл вернулся в Нью-Йорк, его рассказам никто не поверил, «но вскоре ролик показали и в шоу братьев Смозерс[790], и в британской программе «На вершине популярности». И я там засветился».

В 2020-м Джоэлу исполнилось семьдесят три года. «Сейчас они для меня просто люди, но в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом битлы были богами. Если не считать рождения детей, эти съемки — самое восхитительное событие в моей жизни».

Тому Топпингу в 1968-м было одиннадцать. Они с родителями и старшей, двенадцатилетней сестрой выбрались на месячный отпуск в Лондон. Когда они стояли в очереди на фильм «Желтая подводная лодка» на Лестер-сквер, к отцу подошел мужчина с планшетом и предложил им на следующий день подойти на станцию Виктория и сесть там на автобус до Твикенхемской киностудии. «Для двух ребятишек из Лос-Анджелеса, которые обожают «Битлз», это было удивительное приключение».

Во время одного из дублей Том забрался на сцену и сел у рояля, рядом с Полом. «Я протянул руку и дотронулся до его красного бархатного смокинга, как будто это была Туринская плащаница. Рядом стояли какие-то девушки, и одна щипала меня за ногу, чтобы я уступил ей место. Больно щипала, по-настоящему».

К Маргарет Морел в Лондон приехала погостить американская подруга по переписке; она-то и рассказала Маргарет и ее соседке по квартире, Корал, о предстоящих съемках на Твикенхемской киностудии. На вокзал Виктория Маргарет явилась в ярко-желтом платье. Когда автобус подъехал к студии, девушки выглянули в окно и увидели, что на них «смотрят битлы, приветливо машут и улыбаются. Все страшно обрадовались и всполошились».

В студии им велели обступить битлов, как только начнется припев. «Пол нам помогал, говорил «пора», когда надо было запевать». Корал и Маргарет были самыми проворными. «Мы с

Корал всякий раз забирались на сцену и вставали рядом с Джорджем Харрисоном. Сама не знаю, как нам это удалось в такой толкотне, ведь каждый норовил протиснуться поближе к битлам… В тот день сделали много дублей с «Hey Jude», а мы десятки раз пропели свои «на-на-на». Если память мне не изменяет, то снимать начали еще утром, а закончили в десять вечера, если не позже. За нами на машине приехали родители друзей. Возвращались мы усталые, но довольные, а голова просто лопалась от впечатлений».

Спустя четыре дня ролик показали на шоу Дэвида Фроста, которое, как выяснилось, смотрел начальник Маргарет и, конечно же, заметил ее в желтом платье, рядом с Джорджем. «А я в тот день сказалась больной и на работу не пошла, — вспоминает Маргарет. — Ну, потом отпиралась как могла, мол, это не я». Начальник не стал настаивать. «Милейший был человек, притворился, что поверил».

В готовом клипе «Битлз» сперва одни в студии, но вот Пол переходит к припеву, и к сцене подтягиваются люди, включая мужчину в лиловом тюрбане, женщину в пышном белом платье, чернокожего мужчину в понтовой жилетке и густо накрашенную блондинку с замысловатой прической. Все стремятся занять заметное место возле Пола. Но, несмотря на суету, на лицах нет напряжения, только восторг. Двое парнишек — один в твидовом пиджаке, галстуке и роговых очках, другой в куртке военного кроя — становятся по обе стороны от Ринго, и тот им широко улыбается. Не первый раз он выглядит самым счастливым из битлов.

Через шесть минут появляется беззубый старый хрыч, чисто папаша Стептоу, только хиппи. У него за ушами торчит по крупному цветку, а под мышкой зажат большой плоский пакет. Обстановка становится чуть напряженной. Время от времени он оборачивается к толпе и дирижирует. В какой-то момент подбирается очень близко к Полу и касается его плеча. Пол раздраженно — это движение на плече ему не нужно — отталкивает его руку.

Впоследствии придурковатым дедком заинтересовались в онлайн-сообществах:

Никто не знает, что это за странный дед, который в конце «Hey Jude» пристает к Полу?

Не помню его имени… Это был местный пьянчужка, бездомный даже вроде, он отирался поблизости, вот его и взяли до кучи. Он и портит видос, и в то же время делает его лучше.

Похож на человека, который бродил по улицам лондонского Сохо (еще тогда, в 1968-м). Мы звали его Розочка — он любил

украшать себя цветочками. Хотя, помнится, обычно он носил гвоздики, как на видео. Как он вообще попал на Твикенхемскую киностудию?

Его звали Билл, и он помогал битлам с «Magical Mystery Tour».

Откуда он вообще и что у него там за картонка под мышкой правой руки? И что он такое черное поднимает в левой руке на 6:31, а потом еще на 6:50? Бутылка, что ли? Зачем он ее светит? На 7:14 она пропала.

Чем дольше смотришь клип «Hey Jude», тем больше очаровываешься этим безумным стариканом. Как и все остальные, он в нужном месте и в нужное время, но, в отличие от прочих, он ненужный человек в нужное время и в нужном месте. И все же он использует свой шанс по полной: очень решительно подбирается все ближе и ближе к Полу, дирижирует толпой, лучится жизнерадостностью, довольный собой и уверенный в собственной незаменимости.

Битловеды уделяют неприлично много времени тому, чтобы выяснить личность этого чудака. В некотором роде он — лондонский эквивалент «человека с зонтиком» с Дили-Плаза[791].

А есть какая-то связь между красными гвоздиками и гитарой из белых гвоздик для левши на конверте «Sgt. Pepper»? И связаны ли они с гвоздиками в буклете к альбому «Magical Mystery Tour»?

Примечательно то, что он дважды касается правого плеча Пола. Сперва на 7:26, потом на 7:36… А потом на 7:46 он смотрит вверх и направляет указательный палец левой руки в потолок.

Битлы сияли до того ярко, что любой, угодивший в лучи их света, пусть даже очень ненадолго, стал частью их мифологии.

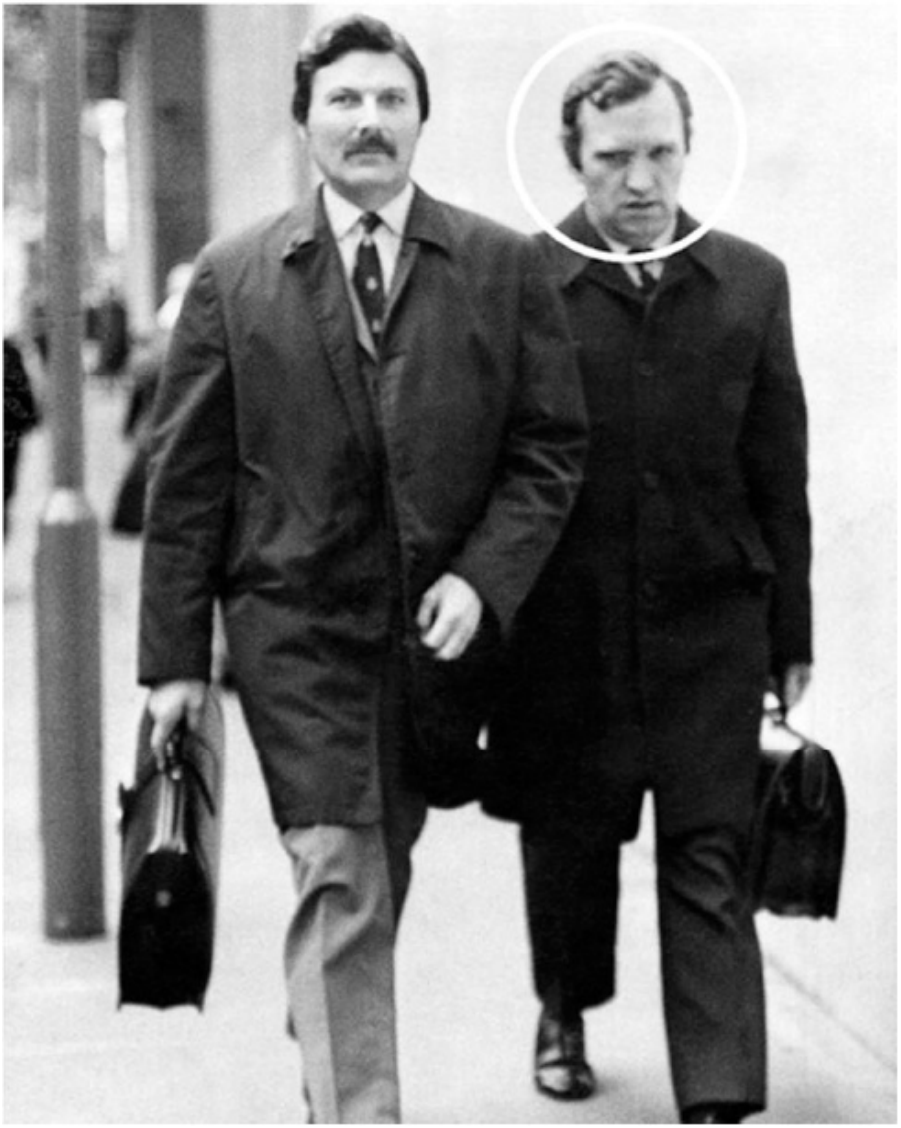
122

В мифологии «Битлз» детектив-сержант Норман Клемент Пилчер по прозвищу Нобби фигурирует как неуклюжий ангел мщения. Он — Том, что гоняется за Джерри, акула Челюсти, что пытается сцапать беззаботных купальщиков, Стервелла Де Виль, примеряющаяся к далматинцам, или — что, пожалуй, ближе к истине — кистоновские копы[792], которые ставят ведро воды на дверь и сами же попадают в свою ловушку, совершенно забыв о ней.

Будучи старше Джона и Ринго на пять лет, Норман Пилчер вступил в ряды лондонской полиции в 1955 году, а в 1966-м перевелся из летучего отряда в отдел по борьбе с наркотиками — то есть в тот же год, когда «Битлз» подстрекали молодежь выключить мозг, расслабиться и плыть по течению. Пилчеру было не до таких развлечений: он намеревался любой ценой призвать преступников к ответу.

Одной из первых жертв Пилчера стал Эрик Клэптон, который назвал его — не без оснований — «полицейским-групи». Пилчер был охотником за автографами, державшим наготове наручники. Он высматривал певцов или музыкантов с остекленевшим взглядом, а потом преследовал их. В итоге Пилчер стал чуть ли не известней звезд.

Свою первую облаву на знаменитостей детектив-сержант Пилчер устроил 11 июня 1966 года. За несколько недель до этого он живо заинтересовался документальным фильмом «Парень по имени Донован»[793], где рассказывалось о жизни хиппующего, не в меру утонченного, самопровозглашенного «трубадура», в новом сингле которого — «Sunshine Superman»[794] — Пилчер уловил явные отсылки к наркотическому опьянению. В песне на второй стороне сингла, «The Trip»[795], об этом говорилось еще откровеннее.



© Roy Illingworth/Mirrorpix/Getty Images

В документалке пресловутые патлатые юнцы и томные девы, растянувшись на подушках, играют на гитарах, пускают по кругу пухлые косячки и рассуждают о свободе, любви и прекращении всех войн. Фильм завершается тем, что на одну из вечеринок, устроенных Донованом, заваливаются двое полицейских, обыскивают помещение и, так ничего и не обнаружив, уходят с пустыми руками. В этот момент Донован оборачивается к камере и подмигивает осоловелым глазом, нагло демонстрируя, что он и сам под наркотой и ему плевать, знают об этом или нет.

Пилчер нашел себе новую жертву. Спустя несколько недель

он во главе отряда из девяти офицеров отдела по борьбе с наркотиками устроил рейд на квартиру Донована на Эджвер-роуд. Там, в спальне Джипси Дейва Миллза, приятеля певца, нашли брикет гашиша. Донована, Джипси Дейва и их подругу немедленно арестовали по обвинению в незаконном хранении наркотиков.

Джордж и Пол не бросили Донована в беде и попросили своего адвоката Дэвида Джейкобса представлять в суде обвиняемых. Однако задержанных признали виновными и присудили им штраф в размере 250 фунтов. Спустя восемь месяцев, в феврале 1967-го, Пилчер возглавил рейд на «Редлендз», поместье Кита Ричардса в Уэст-Уиттеринге, где едва не замели и Джоржа с Патти Харрисон — они уехали всего за несколько минут до прибытия полиции.

Так и продолжалось. Девятнадцатого августа 1968-го Пилчер нагрянул на квартиру к джазовому музыканту Табби Хейзу[796] и арестовал его за хранение диаморфина и героина. Позднее в том же месяце Донована позвонил Джон и сказал: «Меня только что предупредили, ко мне вот-вот заявятся». Донован с Джипси Дейвом поехали в Суррей, где застали Джона, который «расхаживал вразвалочку, как матрос, встрепанный и злой, готовый к бою». Донован попытался его успокоить: «Джип все устроит, он знает, что делать».

На длинном стеклянном кофейном столике Донован немедленно заметил «три горки сенсимильи», соцветий конопли с сильным психоактивным эффектом, — их раз в три месяца привозил в крыльях «мерседеса» какой-то богатый поклонник из Америки. Джон поставил на музыкальном автомате песню Хаулин Вулфа[797], а Джипси Дейв и Донован взяли на себя основную работу: смывали травку в унитаз.

По словам Донована, едва они избавились от последней порции, как прибыл детектив-сержант Пилчер. Так ничего и не обнаружив, он «собрал своих людей в прихожей и заявил: «Попомни мое слово, Леннон, в следующий раз мы тебя прижмем»». Донован покосился на него. «Джон готов был врезать ему по яйцам, но Джип его удержал. Полицейские направились к выходу. Джон распахнул для них дверь, а потом со всей силой захлопнул и выкрикнул: «Катитесь нахер! В жопу вас, сволочи!» Полиция уехала».

По версии друга Джона, актера Виктора Спинетти, все происходило чуть иначе. Донован был в гостях у Джона, собирался показать ему фильм, но тут кто-то позвонил и предупредил об облаве. «Черт, сейчас сюда нагрянут», — сказал Джон и заметался по дому, собирая запасы травки и смывая их в

унитаз. «Трава все никак не смывалась, да и глупо было бросать ее в толчок». Потом Джон заметил что-то в коробке, схватил ее и закопал в саду. После этого явились полицейские, поднялись наверх, разбудили Джулиана, сына Джона, и перетряхнули его кроватку. Детскую кроватку! В ней ничего не было. Затем они перерыли уже весь дом. А мы сидели и смотрели на все это». По словам Спинетти, полицейские ушли несолоно хлебавши, но перед уходом попросили у Джона автограф.

Спустя два месяца Джон и Йоко жили в квартире Ринго на Монтегю-сквер. Однажды в пятницу к ним зашел Пит Шоттон и застал Джона с пылесосом.

— Ох, Пит, хорошо, что ты пришел! Сейчас приедет наркополиция!

В этот раз Джона предупредил Дон Шорт, музыкальный корреспондент «Дейли миррор», получивший наводку от полиции: Пилчер загодя обеспечивал себе рекламу. Джон с остервенением пылесосил квартиру. «Тут ведь долбаный Джими Хендрикс жил! — орал он, возя щеткой по стенам. — Хрен его знает, каким дерьмом ковры обсыпаны!»

Пит с Джоном продолжили искать все незаконное, но в какой-то момент Джон отлучился в спальню. Из-за двери донеслись крики: Джон спорил с Йоко. Вскоре до Пита дошло, что спор из-за него.

— Видеть его не желаю! — визжала Йоко. — Чтоб я его тут не видела!

Йоко и Пит никогда не ладили.

— Он мне здесь нужен! — отвечал Джон. — Помощь нам бы ни хера не помешала, а Пит как раз готов помочь!

— Сами справимся, Джон, не нужен он нам тут! Не хочу его видеть!

Пит тактично ретировался, прихватив пылесборник, а незадолго до полуночи в квартиру постучали сотрудники полиции: шестеро мужчин и женщина. Йоко чуть приоткрыла дверь, и женщина сообщила, что у них ордер на обыск. Выражаясь словами полицейского протокола, составленного детективом-сержантом Пилчером, Йоко, «услышав, что мы сотрудники полиции, и узнав о цели нашего визита, убежала по коридору в квартиру, захлопнула дверь и заперлась на замок».

В это время один из полицейских обошел дом сзади и попытался проникнуть внутрь через окно спальни, но Джон крепко держал створку и орал: «Да насрать мне, кто вы, я вас не впущу!» Потом его сменила Йоко, а Джон стал одеваться. — Откройте окно! Вам же хуже будет! — крикнул полицейский.

— Ордер покажи! — ответил Джон.

Полицейский прижал бумагу к стеклу, и Джон сделал вид, что читает. Тем временем остальные полицейские пытались взломать парадную дверь. Джон нехотя впустил их.

Отряд включал двух кинологов, но те по какой-то причине забыли привести своих псов, и пришлось полчаса дожидаться, пока не привезут собак. Джон позвонил Нилу Эспиноллу, который перезвонил Питеру Брауну — в то время он занимался тем, что сопровождал на многочисленные встречи юную валлийскую певицу Мэри Хопкин, недавнее открытие Пола. Браун приехал к Джону и Йоко как раз тогда, когда им формально предъявили обвинение в хранении наркотиков. Поисковые собаки, с легкомысленными кличками Йоги и Бу-бу[798], отыскали марихуану в кожаном футляре от бинокля и в чемодане. Джон недоумевал: «Я же не идиот, я весь чертов дом проверил».

К тому времени снаружи собралась армия репортеров и журналистов. У них на глазах Джона с Йоко забрали и увезли в полицейский участок на Паддингтон-Грин.

Там их отпустили под залог в 100 фунтов и обязали на следующее утро явиться в суд. Слушание длилось пять минут. Детектив-сержант Пилчер зачитал обвинения: одно — за хранение опасного наркотика, другое — за «сознательное противодействие Норману Пилчеру, сотруднику лондонской полиции». Рассмотрение дела отложили до 28 ноября. Покинув зал суда и дожидаясь машины, Джон и Йоко вынуждены были стоять в окружении толпы журналистов и фотографов. Как обычно, не упуская шанса извлечь выгоду из неприятной ситуации, они поместили один из снимков на оборотную сторону конверта своего следующего альбома «Unfinished Music № 2: Life with the Lions»[799].

Спустя два дня член парламента от Лейбористской партии направил запрос министру внутренних дел Джеймсу Каллахану, обратив его внимание на тот факт, что в рейде участвовало чрезмерное число полицейских. Детектив-сержант Пилчер лично доставил министру внутренних дел рапорт с объяснениями, где в свое оправдание писал: «Потребовалось по меньшей мере пятеро сотрудников полиции ввиду трудностей, возникших при проникновении в жилое помещение, и того факта, что означенное жилое помещение занимает два этажа, причем на каждом из них находится большое число комнат в полном беспорядке». По словам Пилчера, дополнительные силы потребовались еще и потому, что «зачастую, осуществляя рейд в соответствии с ордером на обыск в жилых помещениях, занимаемых лицами, причастными к индустрии развлечений, сотрудникам полиции приходится сталкиваться с большими группами людей,

участвующих в необычных празднествах. В данном случае в жилом помещении обнаружилось всего два человека, оба в оголенном виде».

Двумя днями позднее мистера Каллахана спросили, «в какой мере лондонская полиция уведомила прессу и рекламные организации о предстоящем рейде на частную резиденцию Джона Леннона». Детектив-сержант Пилчер отрицал, что сведения о предстоящем рейде просочились по его вине, предположив, что ответственность за это, скорее всего, лежит на соседях. Однако позднее в докладной записке говорилось: «Доподлинно известно, что об этом инциденте прессу кто-то известил».

Пять месяцев спустя Пилчер нанес очередной удар. На сей раз он выбрал день свадьбы Пола с Линдой и явился в имение Джорджа в Ишере, предполагая, что хозяев не будет дома. Вот только он не подозревал, что Пол решил не приглашать на свадьбу никого из битлов и их спутниц. Патти сидела дома, ждала, пока Джордж заедет за ней и отвезет на вечеринку в Лондоне. «Внезапно по гравийной дорожке зашуршали шины… к дому подъезжали автомобили… слишком уж много, а значит, это был не Джордж. Сперва подумалось, что, может, Пол и Линда решили погулять после венчания. Затем в дверь позвонили. Я открыла и увидела толпу сотрудников полиции в мундирах, женщину-полицейского и собаку».

Старший из них, детектив-сержант Пилчер, предъявил ордер на обыск. «Человек восемь вошли в парадную дверь, другие пять или шесть — в заднюю, остальные набились в оранжерею». Приехали и Йоги с Бу-бу. Позднее Джордж заподозрил, что Пилчер назвал собаку Йоги в честь Махариши — что вполне возможно, если учесть странную эмоциональную зависимость Пилчера от тех, кого он желал прищучить.

Патти позвонила Джорджу в офис «Эппл». Джордж спокойно пообещал что-нибудь придумать. Вскоре прибыл верный Пит Шоттон, который жил неподалеку.

Пока полиция обыскивала бунгало, Патти налила себе и ему водки с тоником. Пит достал пачку сигарет «Ротманс» и тут же вспомнил, что среди обычных сигарет припрятана парочка косячков. Внезапно объявился детектив-сержант Пилчер. «Поглядите, что нашел Йоги!» — сказал он Патти, показывая брикет гашиша.

— Вы рехнулись? — ответила Патти. — Вы это с собой привезли.

— Йоги нашел это в туфле вашего супруга, — возразил Пилчер.

— Это подстава, — ответила Патти и честно добавила: —

Будь у нас такой кусок гашиша, мы бы точно не стали хранить его в туфлях Джорджа. Скажи вы, что ищете травку, я бы сразу отправила вас в гостиную: трава там на столе, в горшочке. Но вы же за наркотиками пришли. Я думала, что вам нужен героин или что-то опасное…

Пилчера это не смутило.

— Героин — чистое зло, берегитесь, — сказал он, если верить Патти.

Та ответила, что никогда героина не пробовала и пробовать не собирается, а потом снова обвинила Пилчера в том, что он подбросил гашиш. Повисла пауза.

— Ну и что дальше делать будете? — поинтересовалась Патти.

— Чаем не угостите? — спросил Пилчер.

— Я его заваривать не намерена.

Что именно предписывают правила приличия в подобной ситуации — и по сей день остается неясным.

В конце концов женщина-полицейский вскипятила воду и раздала всем кружки.

Остальные сотрудники полиции ощущали себя неловко. Один спросил, можно ли посмотреть телевизор. Другой, пытаясь разрядить атмосферу, вежливо осведомился:

— У «Битлз» выходит что-нибудь новенькое?

— Выходит, — резко ответила Патти, — но вы не услышите.

Пит спросил полицейских, как живется в отряде по борьбе с наркотиками. Не пробовали ли они сами наркотики, просто чтобы знать, за чем охотятся? Один из полицейских ответил, что однажды на обыске провел пальцем по каминной полке, а потом лизнул палец… и поймал кислотный трип.

Через некоторое время приехал Джордж — вместе с Дереком Тейлором и адвокатом. Тейлор вспоминает, что полицейские благоговели перед Джорджем, ведь он, двадцатипятилетний, был одним из четверых знаменитейших людей в мире: «Они вытянулись по стойке смирно и чуть ли не локтями друг друга пихали, лишь бы подобраться к Джорджу поближе». Джордж невозмутимо воспарил над бренной юдолью и заявил:

— «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда. А Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову».

Не уловив библейской отсылки, детектив-сержант Пилчер взял его под арест. К двум уликам, найденным Пилчером и его людьми, Джордж отнесся пренебрежительно и в свою защиту выдвинул беспрецедентный, но весьма своеобразный аргумент: кое-что из обнаруженных наркотиков и впрямь принадлежало ему, «но вот этой херни я в жизни не видел! Нечего тащить

наркоту ко мне в дом, у меня своего добра хватает! Вы бы спросили — и я бы показал, где все лежит».

Позднее Джордж объяснял, что по натуре он чистюля и во всем любит порядок: «Пластинки у меня на полках, чай — в чайнице, травка — в особом горшочке. А такого брикета гашиша я в жизни не видал, иначе точно знал бы о нем».

Когда Джорджа с Патти уводили, появился фоторепортер и принялся их снимать. Джордж утратил хладнокровие: «Какого хрена ты забыл в моем имении? Убью нахер, сволочь!» Он погнал фоторепортера по саду, а полицейские бросились за ними следом. «Я расхохотался», — рассказывал потом Пит, потому что все это очень напоминало погони из фильмов братьев Маркс.

В участке Джорджу и Патти предъявили обвинение и сняли у них отпечатки пальцев. «Домой мы вернулись расстроенные, — вспоминала Патти, — и Джордж предложил: «А давай съездим на вечеринку?»».

Вечеринку устроил выпускник Итона, талантливый художник и музыкант Рори Макьюэн[800]. У него Джордж и Патти встретили лорда Сноудона и принцессу Маргарет.

— Вы не поверите, что случилось, — сказал Джордж. — Нас накрыли.

— Какой ужас! — воскликнула принцесса Маргарет.

— Вы нам не поможете? — спросил Джордж. — Вы же влиятельная особа.

— Вряд ли, — встревоженно ответила принцесса.

Пола, самая младшая из сестер Патти, не сообразив, в чем проблема, как ни в чем не бывало затянулась косячком и предложила его Маргарет. Принцесса вместе со своим ошеломленным супругом спешно покинули вечеринку.

В марте следующего года суд магистратов Ишера и Уолтона признал Джорджа и Патти Харрисон виновными в хранении каннабиса и оштрафовал каждого на 250 фунтов, взыскав дополнительно по десять гиней на возмещение судебных издержек. «Надеюсь, теперь-то полиция оставит нас в покое», — сказал Джордж, выйдя из здания суда.

В следующем месяце Джордж и Эрик Клэптон пришли на вечеринку, устроенную благотворительной организацией «Освобождение»[801], но пробыли там недолго. Вскоре после их ухода нагрянул детектив-сержант Пилчер в сопровождении сотрудников из отряда по борьбе с наркотиками и потребовал выдать Харрисона и Клэптона. Ему объяснили, что они уехали на концерт Би Би Кинга[802] в Альберт-Холле. Пилчер вздохнул и ушел.

Как и многие из тех, кто пытался грести вслед за «Битлз»,

детектив-сержант Пилчер в конце концов затерялся в жизненном море. В 1972 году он уволился из лондонской полиции при весьма загадочных обстоятельствах, а в конце того же года отплыл в Австралию, где планировал начать новую жизнь, но во Фримантле его арестовали по обвинению в лжесвидетельстве и сговоре с целью исказить ход правосудия и экстрадировали в Великобританию.

В сентябре 1973 года Пилчера приговорили к четырем годам тюремного заключения. Его положение коренным образом переменилось. «Вы коварно и злонамеренно подрывали устои уголовного правосудия, — заявил судья Мелфорд Стивенсон, известный суровостью своих приговоров. — А вдобавок, что не менее дурно, вы предали своих коллег из лондонской полиции, по праву заслужившей уважение всего цивилизованного общества — того, что от него осталось».

После этого Норман Пилчер исчезает из поля зрения, хотя некоторые уверяют, будто бы он обосновался в Кенте. Впрочем, легенды о нем ходят до сих пор. Время сделало из него персонажа детского рождественского спектакля: олух-полицейский, который подбрасывает улики и, очарованный теми, кого хочет уничтожить, приходит их арестовывать, хотя их давно и след простыл. В некотором роде он прославился навечно. В одном из скетчей «Монти Пайтона» его изобразили в обличье гигантского ежа или дикобраза по имени Колючий Норман, «двенадцать футов от носа до хвоста», который спит в ангаре аэропорта Лутон и шпионит за пресловутыми гангстерами, братьями Пиранья[803]. В другом скетче он — констебль по имени Пан-Ам, берущий под арест всех подряд, включая свидетелей и жертв: «Должен предупредить вас, что все, что вы скажете, может быть проигнорировано… Еще одно слово — и я привлеку вас за ересь… Я обвиняю вас в незаконном хранении всего того, что мы вам подкинули»[804]. В фильме «Ратлз: Все, что тебе нужно, — это деньги» Эрика Айдла и Нила Иннеса[805], сатирической пародии на документальные фильмы о «Битлз», фигурирует детектив-инспектор Брайан Плант, который подкидывает одному из ратлов индийский чай и печенье[806].

Также часто упоминается, что в песне «I am the Walrus» «манная сардина-пильчард» — это и есть Норман Пилчер, хотя даты этого не подтверждают: песню записали в сентябре 1967-го, за целый год до того, как детектив-сержант Пилчер без приглашения явился в дом на Монтегю-сквер.

123

Двадцать шестого августа 1968 года первые четыре сингла, выпущенные на лейбле «Эппл», — «Hey Jude» «Битлз», «Those Were the Days» Мэри Хопкин, «Sour Milk Sea» Джеки Ломакса[807] и «Thingumybob» *The Black Dyke Mills Band* — были доставлены на «мерседесе» с водителем ее величеству королеве Елизавете в Букингемский дворец, ее величеству королеве-матери в Сент-Джеймсский дворец и ее королевскому высочеству принцессе Маргарет и лорду Сноудону в Кенсингтонский дворец. Спустя несколько дней пришло такое вот письмо:

> Уважаемый сэр!
>
> От имени и по поручению Ее Величества Елизаветы, королевы-матери, выражаю Вам признательность Ее Величества за то, что Вы столь любезно прислали четыре пластинки, недавно выпущенные «Эппл рекордз». Ее Величество глубоко тронута такой предусмотрительностью «Битлз» и их новой компании и получила большое удовольствие от прослушивания.
>
> Искренне Ваша,
>
> Джин Ранкин, фрейлина Ее Величества,
>
> Биркхолл, Баллатер[808]

124

В субботу, 23 октября 2010 года, на церемонию у дверей дома номер 34 на Монтегю-сквер — всего в пяти подъездах от того места, где когда-то жил Энтони Троллоп, — собралась небольшая толпа, в том числе и несколько первых лиц из «Английского наследия»[809]. Йоко Оно произнесла короткую речь — деловито и четко, на манер своей почти что ровесницы, королевы Елизаветы II.

— Для меня большая честь открыть эту мемориальную табличку, и я признательна «Английскому наследию» за то, что таким образом они почтили память Джона. С этой самой квартирой у меня связано много воспоминаний, она — очень интересная часть нашей истории. Сегодня, в семидесятый день рождения Джона, я благодарю вас за то, что почтили его память, именно этот период его жизни в Лондоне, когда он творил свою великую музыку и искусство.

Под вежливые аплодисменты она потянула за шнурок, и две шторки красного бархата разошлись, открывая очередную лондонскую мемориальную табличку:

ДЖОН ЛЕННОН
(1940–1980)
Музыкант
и поэт-песенник,
жил здесь в 1968 г.

В феврале 1965-го, незадолго до женитьбы на Морин Кокс, Ринго подписал арендный договор на квартиру номер 1 в доме номер 34 по Монтегю-сквер. Жильцы дома хранили настороженное спокойствие. «Здесь, в нашем престижном квартале, — сказал журналистам лорд Манкрофт[810], бывший министр от Консервативной партии, — все рады соседству с таким знаменитым джентльменом и его супругой».

Квартира занимала два этажа: на первом было две спальни и гостиная, а в цокольном — еще одна гостиная и кухня. «Квартира была тесная и непрактичная, — снисходительно заявил помощник Брайана Эпстайна, Питер Браун, — но Ринго с Морин хотели заполучить именно ее».

По просьбе Ринго и Морин интерьерами занялся Кен Партридж, декоратор Брайана Эпстайна. Предполагалось, что он управится за месяц, пока битлы снимают «Help!». Когда Ринго вернулся, в гостиной первого этажа, обклеенной синими

муаровыми обоями, красовалась ультрасовременная мебель — белые кресла, столы и диваны обтекаемых форм, все по последнему писку моды. Повсюду шелковые драпировки и зеркала в потеках свинца; завершала модный интерьер спальня в первом этаже с примыкающей к ней розовой туалетной комнатой с ванной в полу.

Ринго удовлетворил свое пристрастие к всевозможным электронным новинкам: уйма телевизоров, сигнализация от воров и проигрыватели. Гости вспоминают о телефонах «чуть ли не на каждом шагу», а ярко-красный телефон в хозяйской спальне соединялся напрямую с Брайаном Эпстайном.

Через несколько дней после того, как Старры въехали в квартиру, у дома номер 34, к возмущению жильцов, стали собираться толпы поклонниц. К августу жалобы поступали уже из посольства Швейцарии, по соседству с домом Ринго; фанаты бесцеремонно разрисовывали стены посольства граффити, по большей части непристойными. «Вид совершенно неприглядный, — объяснял пресс-атташе посольства. — Наш шофер, француз, сражался на фронтах Первой мировой, но говорит, что и в окопах не слыхал слов, какие употребляют эти молодые люди». В июле Старры переехали в «Санни Хайтс» в Уэйбридже, сдав квартиру на Монтегю-сквер Полу, который тогда жил у Эшеров на Уимпол-стрит и подыскивал себе студию для работы. Для этой цели он занял гостиную цокольного этажа, а в спальне поселил своего звукоинженера, Иэна Соммервиля.

В те беспечные дни квартира быстро стала местом модных тусовок, на которые регулярно заглядывали такие известные личности, как Джон Данбар, Барри Майлз, Кристофер Гиббс и Роберт Фрейзер[811]. Здесь почти постоянно находился любовник Соммервиля, Уильям Берроуз, сухопарый американец, писатель авангардистского толка, автор романов «Джанки» и «Голый завтрак». Тогда за ним еще тянулась дурная слава, из-за несчастного случая, которым окончилась дурацкая забава на одной из попоек. В 1951 году в Мексике он уговорил свою жену, Джоан, поставить себе на голову стакан и со словами: «Пора бы нам сыграть в Вильгельма Телля» — выстрелил из пистолета тридцать восьмого калибра. К сожалению, прицелился он плохо, и Джоан упала замертво. В наступившей тишине один из гостей заявил: «Билл, по-моему, ты ее грохнул».

© Loomis Dean/The LIFE Picture Collection via Getty Images

Гибель Джоан ничуть не повредила репутации Берроуза, а, наоборот, лишь подчеркнула его образ сорвиголовы от литературы. С тех пор он стал неумолчно рассуждать о своих мескалиновых глюках, чем вызывал безудержный интерес в кругах модной молодежи.

Берроуз предпочитал творить методом «нарезки», буквально выстригая из газет и книг слова и фразы, а затем произвольно составляя из них предложения, дабы — по словам одного энтузиаста — «создать совершенно новый текст… и вскрыть тайный смысл вещей». На деле же получалась совершенная белиберда: «Шоу-бизнес старой мамаши Хаббард полез в шкаф достать ковбойские сапоги собаки в семье известно когда он сказал вырубили свет после Рождества в поганом бандитском притоне для собак сапогом пинали пьяного полицейского». Берроуз оказал значительное влияние на Джона, особенно это заметно по таким песням, как «I am the Walrus» и «Happiness is a Warm Gun»[812]. В благодарность битлы поместили Берроуза на конверт альбома «Sgt. Pepper».

Он часами торчал в доме на Монтегю-сквер, экспериментируя с «музыкальными нарезками» и «записями снов» на магнитофоне «Ухер». Хоть Пол и не был с Берроузом на одной волне, но с удовольствием пускал его к себе. Впоследствии Берроуз назвал

Пола «очень приятным и располагающим к себе юношей. Он симпатичен и довольно трудолюбив».

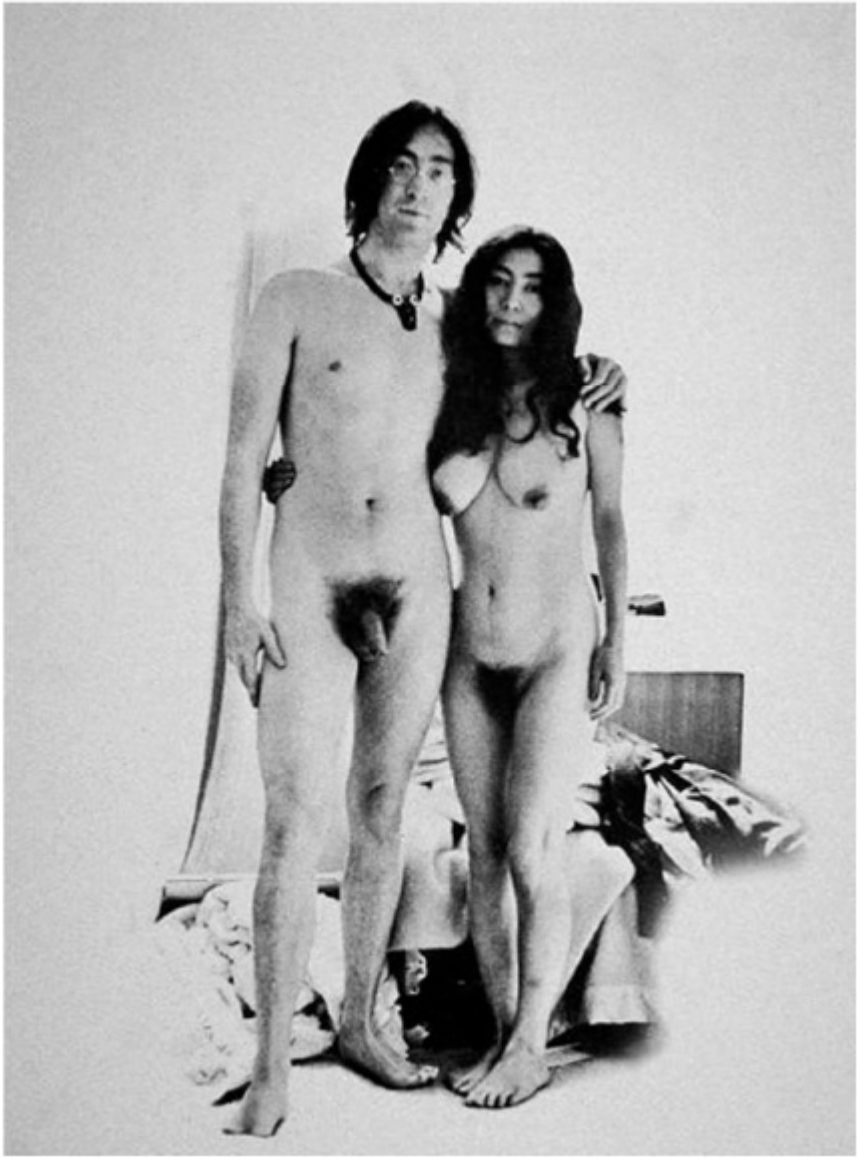
Когда Пол приобрел особняк на Кавендиш-авеню, Ринго, самый нетребовательный из домовладельцев, предоставил квартиру на Монтегю-сквер Джими Хендриксу и Чесу Чендлеру[813] из группы *The Animals* ; к ним присоединились их подружки, Кэти Этчингем[814] и Лотта Налл. Поссорившись с Кэти, Хендрикс сочинил «The Wind Cries Mary»[815]. В другой раз, упоровшись кислотой, он плеснул краской на драгоценные муаровые обои Ринго. В итоге его попросили съехать; когда Хендрикс освободил жилье, Ринго перекрасил стены в белый.

В июне 1968-го, после того как в «Кенвуде» обосновалась Йоко, на Монтегю-сквер перебрались Синтия с Джулианом. Спустя три месяца они поменялись местами с Джоном и Йоко, которой было скучно жить за городом.

Как и Джими Хендриксу, Джону и Йоко было наплевать на порядок и домашний уют. По словам одного из гостей, «они жили на шампанском, черной икре и героине». Об уборке и мытье посуды никто и не заикался.

Как-то раз Джон попросил своего посыльного, Тони Брамвелла, установить фотоаппарат с таймером и объяснить, как им пользоваться. На следующий день он украдкой передал Брамвеллу пленку на проявку: «Кадры довольно пикантные. Никому их не показывай, ясно?»

Когда напечатанные фотографии прибыли в «Эппл», Питер Браун решил, что это чья-то злая шутка. «Фото были такие скандальные, что я запер их в ящике стола и никому больше не показывал». Будучи человеком щепетильным, он не желал смотреть ни на Йоко, которая, «жеманно улыбаясь», демонстрировала «вислые груди», ни на Джона: «обдолбанный героином, с остекленелым взглядом… он лыбился как идиот и гордо выставлял на всеобщее обозрение сморщенный необрезанный член». Вдобавок Питера возмутило состояние квартиры: «Не спальня, а свинарник, наркоманский рай: смятые простыни, груды грязной одежды, повсюду горы газет и журналов».



© *Blank Archives/Getty Images*

Через несколько дней Джон заявил, что один из снимков — тот, где они с Йоко, совершенно нагие, смотрят в камеру, — станет обложкой их нового альбома «Two Virgins». По словам Брамвелла, в студии «все расхохотались… Йоко и так красой не блещет, а вместе с Джоном они, да в чем мать родила, так и вообще стыд и позор. Никто не верил, что дело доведут до конца».

До той поры Джон считал наготу чем-то неприличным. В июне 1965 года они с Синтией пришли на день рождения к

Аллену Гинзбергу; волосатый поэт-битник вышел к ним нагишом, в трусах на голове и с табличкой «Не беспокоить» на члене. Джон шутку не оценил: «Перед девушками так не расхаживают».

От обнаженной фигуры на конверте «Two Virgins» он, как ни странно, тоже попытался абстрагироваться. В интервью журналу «Роллинг стоун» Джон сбивчиво объяснял: «Когда снимки вернули, я, признаться, слегка вздрогнул. Я же прежде не видел свой член ни на конверте альбома, ни на фотке. Подумал: «Здрасьте! Что за дела? Чувак писюн выкатил…» К собственной наготе мы не привычны».

Когда Джон и Йоко показали предварительный вариант конверта Ринго, тот не знал, куда глаза девать. Подыскивая ответ, он ткнул на фотографию, где у ног Джона валялась газета, и заявил: «Ха, тут даже «Таймс» есть». Правда, потом Ринго переборол смущение. «Я сказал: «Ладно тебе, Джон, ты таким балуешься, тебе это прикольно, но отвечать-то всем нам»».

Пол воспротивился куда активнее. Питер Браун вспоминает, что «конверт Пол возненавидел так, что словами не сказать», а Брамвелл утверждает, что «его просто трясло от возмущения. Он счел фотографию отвратительной и пришел в ужас от того, что Джон намеревался ее использовать». По словам Брамвелла, Пол во всем обвинил Йоко. «До встречи с ней Джон был скромнягой. А она, говорил Пол, заставила его избавиться от комплексов, и вот вам результат. «Как Джон не понимает, что мы — одно целое?.. Да, на фото только Джон и Йоко, но ведь люди скажут, что это битлы с дуба рухнули и ударились в порнуху»».

Пол организовал встречу, на которую пригласил Джона с Йоко и сэра Джозефа Локвуда, председателя совета директоров EMI. Сэр Джозеф открыл совещание, сказав, что не находит снимки непристойными. Эта мудрая тактика подрывала желание Джона и Йоко выставить себя эдакими анфан-териблями[816].

Джон: Ну и что, вы не шокированы?

Сэр Джозеф: Нет, и не такое видывали.

Джон: Так, значит, все хорошо?

Сэр Джозеф: Нет, не хорошо. За богатых герцогинь и прочих из вашего окружения я не беспокоюсь. А вот мамаши, папаши и поклонницы будут возмущены. Ваша репутация пострадает — и ради чего? Какой в этом смысл?

Йоко: Это искусство.

Сэр Джозеф: Ну, тогда отчего бы не показать нагим Пола? Он куда привлекательней!

В конце концов сэр Джозеф заявил, что EMI альбом с обнаженкой на конверте издавать не станет, однако готова выпустить пластинку, за обычное вознаграждение. В итоге альбом

вышел на лейбле «Эппл», а распространялся лейблом «Трек» группы *The Who*. В музыкальных магазинах он продавался в обертке из упаковочной бумаги. Как и следовало ожидать, многие покупали «Two Virgins» только из-за конверта, а для поклонников помоложе он стал первым знакомством с обнаженной натурой.

125

Рассказ Кэти Грин

Лет так в семь я поняла, что «Битлз» наблюдают за мной. Очень часто я замечала, как из-за двери моей спальни или из-за угла высовываются четыре головы. Битлы виднелись по пояс, в костюмчиках и белых рубашках с черными галстуками. Всякий раз они появлялись в неловкий момент: например, когда я одевалась. Я тогда быстренько приводила себя в порядок, стягивала пижаму и надевала нижнее белье, но так, чтобы даже мельком не засветить обнаженное тело. Хотела впечатлить битлов скромностью и ловкостью.

Но, вообще-то, они, как нянюшки-негритянки в старых фильмах, появлялись в самые важные моменты. Когда я завершала дистанцию в день спортивных состязаний, они стояли у финиша и хлопали в ладоши. Если я оцарапывалась или ушибалась на детской площадке, они заглядывали в кабинет медсестры, сокрушенно качали головами и цокали языками, отмечая, какая я храбрая.

Мне хотелось сохранить битлов у себя в мыслях, уберечь от превратностей жизни, чтобы они оставались прежними. К несчастью, настоящие битлы постоянно менялись, но в моем воображении они отставали как минимум на два перевоплощения: только я привыкла к ним в повседневной одежде («Revolver»), как пришлось учиться представлять их в странных шелковых мундирах («Sgt. Pepper»).

Впервые «Sgt. Pepper» я послушала с подругой Фионой. Поскольку я не любила перемен, то все новые альбомы слушала последней, не в силах избавиться от убеждения, что «Битлз» следует застыть во времени на отметке «1964 год», а не скатываться к сексу и наркотикам. Мне не раз говорили, что в их песнях есть отсылки к наркотикам, а потом я и сама потрясенно уловила намеки на секс: например, «Girl, you let your knickers down»[817] в песне «I am the Walrus». В спальне Фионы я с ужасом рассматривала плакат с фотографией голого Джона. Значит, вот как он выглядит на самом деле. Значит, так он и выглядел всегда… На миг я ощутила себя обманутой.

В 1969 году я купила в «Леттс»[818] «дневничок школьницы» и стала делать в нем записи. Спустя несколько месяцев сплошных «сегодня ничего особенного» я выдумала загадочного персонажа, старшего брата по имени Алики, и представляла, как беседую с

подругами, а они пытаются вытянуть из меня настоящее имя Алики: Пол Маккартни.

Вот бы они удивились. Увы, несмотря на целые месяцы таинственных записей — «Сходила на Эбби-роуд», «Видела сегодня Джона», — кроме меня, дневник так никто и не прочел.

Когда в 1970-м «Битлз» распались, я вроде бы горевала. Заметив, что подруги живут себе дальше и им все равно, я с чувством праведного упоения погрузилась в траур. Сама себя накручивала, но сильно ли — не помню. Иногда у меня щемило сердце, и я с легкой болью вспоминала, что именно произошло. И удивлялась, что вот, оно случилось, а я ничего подобного даже не предполагала.

Я не плакала. От этого было неловко: я считала, что только еженощные рыдания смогут воздать должное битлам. Вместо этого я лежала на кровати и вспоминала какие-то их песни — «And I Love Her» или «Let It Be», — пытаясь выжать хотя бы слезинку. Наконец заветная капелька стекала на переносицу, и я свято верила, что моя преданность растрогает битлов.

К тридцати годам я решила познакомиться с классической музыкой, но выяснилось, что «Битлз» не отпускают. В голове сплошным потоком, «как бесконечный дождь в бумажный куль»[819], лились строки их песен, будто разгулявшиеся незваные гости. А всякий раз при упоминании 18 июня приходится глушить в голове тоненький ликующий голосок: «День рождения Пола!»

126

Из всех интеллектуалов, невзлюбивших «Битлз», никто не возмущался ими яростнее и дольше Энтони Берджесса.

«Как только я вижу фото «Битлз», то невольно содрогаюсь, — писал он для журнала «Листенер» в октябре 1963 года. — Очевидно, феномен их группы просуществует столько же, сколько и деньги, а их нарубить можно еще много. Но что, во имя Господа, нам делать с детьми, с их оргазмическими воплями, перекошенными лицами и отключенными высшими нервными центрами?»

В 1968-м Тони Палмер взял у Берджесса интервью для знаменитого документального фильма о современной популярной музыке «Вся моя любовь»[820].

В буфете Королевского оперного театра Берджесс порицал молодежную культуру в целом и битлов в частности:

Помню одну старую пословицу: «Молодежь считает себя мудрой, так же как пьяный считает себя трезвым». Молодежь не ведает мудрости. Молодежь ничего не знает о жизни. Она вообще ничего не знает, кроме набора клише, которые навязывают им — по большей части посредством популярных песенок — зрелые исполнители и мироеды, а уж они-то понимают, что творят.

В том же году пятидесятиоднолетний Берджесс опубликовал роман «Эндерби снаружи»[821], в котором его герой-анархист Эндерби пылает ненавистью к Йоду Крузи из группы «Грузи-Друзи»: те недавно сняли фильм на Багамах и по случаю официального дня рождения королевы получили ордена Британской империи. И вот Крузи принимают в члены Королевского литературного общества: «Радостные крики. Явились наконец почетные гости, встреченные на пороге объятиями и обожанием. Хогг бросил коктейли, чтобы как следует на них взглянуть. По его мнению, почти невозможно представить себе четырех подряд юношей с такой жуткой внешностью». Все четверо «вульгарно держались, как дома, радостно тыкали друг друга кулаками, потом устроили вокруг премьер-министра нечто вроде хоровода».

© Marvin Lichtner/The LIFE Images Collection via Getty Images/ Getty Images

Крузи — плагиатор, самозванец и солипсист, а еще ужасный поэт. Он зачитывает несколько строк из своей поэмы восхищенной толпе, а потом добавляет: «Только не пытайте, чего это значит. Просто взял и накатал. Не, серьезно, я жутко стесняюсь. Просто собрал стишки в книжку, чтоб как бы показать. Знаете, показать, что нам нравится чуточку думать мозгой, а всякие kvadraty, как тут кой-какие квадраты себя называют, чтоб не думали, будто все будет по-ихнему».

Неприязнь Берджесса к «Битлз» не угасла даже после распада самой группы. «Слова их песен, совершеннейшее убожество в сравнении с Коулом Портером[822], настолько банальны, что в них поневоле вкладывают психоделический смысл», — сетовал он. Особенно Берджесс презирал представителей интеллигенции

вроде Кеннета Тайнена, превозносившего их «дребезжащую ахинею» над Вагнером и Бетховеном: «Заслуживают ли они сарказма, хоть капельки? Да, поскольку развращают молодежь, убеждая, будто бы зрелый мир, породивший Бетховена и Швейцера, ценит преходящие радости юности даже больше, чем сама молодежь. От этого смрад их стоит до небес».

В преклонном возрасте Берджесс молился о том, чтобы в аду битлам выделили отдельный круг, где их привяжут к «раскаленному добела диску проигрывателя (к сорокапятке, на веки вечные), утыкают с ног до головы тупыми, ржавыми акустическими иглами, каждый зуб высверлят до оголенного нерва и напичкают микротранзисторами (чтобы тридцать две радиостанции крутили на всю катушку тридцать две самые заезженные пластинки прямо в гайморовы пазухи, до скончания времен), а вечный Ринго будет лупить им в барабанные перепонки».

Впрочем, некоторые проявляли свою неприязнь гораздо сдержаннее.

Спустя год после смерти Джо Ортона битлы все еще искали материал для своего нового художественного фильма. Может, подойдет «Властелин колец»? В феврале 1968-го Донован привез в Ришикеш трилогию Толкина и раздал томики Джону, Полу и Джорджу; Ринго никогда книжным червем не был, предпочитая комиксы.

Вскоре после того, как «Битлз» вернулись в Англию, в музыкальной прессе пополз слух, якобы они заняты на главных ролях в экранизации «Властелина колец».

Пол будет играть обаятельного Фродо Бэггинса, Ринго — его верного спутника Сэма Гэмджи, а Джордж — мага Гэндальфа. Джону предстояло воплотить на экране Горлума. Эта роль словно бы намекала на его отношение к группе, поскольку Горлум испытывал к Кольцу такие же чувства: «Он любил его и ненавидел, так же как ненавидел и любил себя самого».

Эльфы, приключения, магия… «Властелин колец» был очень популярен среди хиппи. Книга, рожденная в траншеях Первой мировой, вполне укладывалась в мечтательные, психоделические образы, почерпнутые из недавних песен «Битлз».

В том же году речь зашла о режиссере. Кого бы пригласить? Дэвида Лина?[823] Антониони? Из вышедших в 1968-м фильмов больше всего Джону понравилась «Космическая одиссея 2001 года». Он собирался пересматривать его каждую неделю. Как-то Джон позвонил Стэнли Кубрику в надежде разжечь в нем искру интереса, но остался разочарован: Кубрик ответил, что роман слишком объемный и его сложно экранизировать. Джон, расстроенный негативным отношением Кубрика, пожаловался Питу Шоттону. Ну как, ворчал он, чувак, снявший «2001», может быть таким «отсталым»?

© Haywood Magee/Picture Post/Hulton Archieve/Getty Images

Однажды Виктор Спинетти, актер, игравший в «A Hard Day's Night» и «Help!», сидел в кровати, но тут в дверь постучал почтальон и вручил ему посылку из «Эппл»: четыре книги — «Хоббита» и трилогию «Властелин колец». Спинетти взялся читать их, но продвигался с трудом. Вскоре ему позвонил Джон:

— Ты получил книги? По ним будут снимать кино. Мы — хоббиты, а ты — Гэндальф.

Спинетти согласился читать дальше, но «это было бесполезно. Мне тексты показались напыщенными и нарочитыми».

Тогда он перезвонил Джону.

— Что скажешь? — спросил тот.

— Ох, Джон, — вздохнул Спинетти, — я так и не осилил…

— Ну и ладно, я тоже. Забудь.

Однако же битлы проект не бросили. Единственным препятствием оказался сам профессор Толкин. Старше битлов на полвека и традиционалист по натуре, он лелеял особую неприязнь к популярной музыке, родившуюся из личного горького опыта. В 1964-м, на пике битломании, в гараже неподалеку от дома Толкина на Сэндфилд-роуд в Оксфорде репетировала местная группа. Профессор возненавидел этот шум. «Через три дома от нас живет некий молодой человек, который, очевидно, задался целью создать со своими приятелями битлогруппу, — писал он другу. — Шум стоит неописуемый».

Спустя четыре года «Битлз» явились к нему с предложением снять по трилогии фильм. Профессор Толкин мысленно вернулся

в те дни, когда ему досаждало буйство из гаража по соседству, и, недолго думая, тут же ответил отказом.

128

Мой первый триместр в «Фарли-Хаус» закончился в июле 1965-го. Директор и основатель школы Джослин Трэппс-Ломакс, шестидесятилетний толстяк, одевался в ту же форму, что и ученики: серые фланелевые шорты, бойскаутский ремень, рубашки с короткими рукавами и сандалии «Старт-Райт». Ближе к концу тех долгих и жарких каникул нам сообщили, что мистер Трэппс-Ломакс умер от сердечного приступа, принимая ванну.

Директором стал учитель географии и рисования, которого все называли Си-Джей. Ему, человеку прогрессивному, было немногим больше тридцати. Приступив к своим обязанностям, Си-Джей первым делом решил переоборудовать заброшенный подвал под часовней в клуб для учеников старших классов, то есть для мальчишек в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет. Клуб назвали «Пещера» — возможно, с намеком на «Битлз», — и состоял он из трех темных и сырых помещений, украшенных психоделическими фресками с изображением подводных пейзажей — их рисовали старшеклассники под руководством Си-Джея. В одном из помещений установили стол для пинг-понга, в другом — для бильярда, а в третьем расставили стулья, кресло-мешок и проигрыватели.

Двадцать второго ноября 1968 года, когда мне было ровно одиннадцать с половиной лет, вышел «Белый альбом». Будучи двойным, альбом продавался по двойной цене и стоил 3 фунта 12 шиллингов и 6 пенсов. Родители подарили мне его на Рождество, и следующие несколько месяцев я балдел от чисто-белого конверта, такого гладкого и лоснящегося; поочередно рассматривал четыре новеньких цветных фотопортрета битлов, теперь неулыбчивых, и, самое главное, изучал каждую деталь полноформатного постера, сложенного так, чтобы уместиться в конверт.

На одной стороне постера были напечатаны слова всех, кроме одной, песен — с самой первой на первой стороне («Back in the USSR»)[824] и до последней на четвертой стороне («Good Night»)[825]. Мне нравилось слушать песни и водить пальцем по строчкам, воображая, будто я управляю ими и они слетают с бумаги, наполняя комнату.

Многие из текстов вызывали больше вопросов, чем давали ответов. Что такое «stupid get»? Как может луковица быть стеклянной? Почему бы нам не сделать *что* на улице?[826]

Другую сторону постера занимал коллаж из фотографий, больших и совсем маленьких, таких, что еле разглядишь. Улыбки

и тут встречались редко, да и то только на старых снимках: битлы с Гарольдом Уилсоном в марте 1964-го или сияющий Брайан Эпстайн, спокойный и расслабленный, в рубашке и галстуке, примерно в тот же год.

Однако в целом все четверо битлов выглядели угрюмыми. Если сравнить хмурые мины с «Белого альбома» с радостными улыбками на конверте «Please Please Me», вышедшего всего за пять лет до этого, то складывается дурное впечатление о богатстве и славе. Единственная «счастливая» фотография с «Белого альбома» (она же и самая формальная) — та, где бородатый Ринго Старр, одетый во фрак, танцует с очень довольной Элизабет Тейлор на фоне роскошной люстры и штор с ламбрекенами.

В то время для меня нормой были семейные фотографии, на которых все улыбаются или хотя бы изображают хорошее настроение, что, в сущности, одно и то же. Мы надевали лучшие наряды и послушно улыбались, когда фотограф говорил: «Скажите «сыр»!» А на коллаже, в правом верхнем углу один из самых крупных снимков: Пол в ванне, погруженный в мутную мыльную воду, небритый, с закрытыми глазами, совсем как бедолага мистер Трэппс-Ломакс. И никаких улыбок. Ближе к нижнему левому углу черно-белая фотография — Джон, совершенно голый, в очках, сидит на кровати, скрестив ноги по-турецки, и говорит по телефону, а рядом Йоко, вроде бы спит или делает вид, что спит (ее голова наклонена под очень неудобным углом). Обнаженки на постере — хоть завались. Ближе к центру, чуть дальше Элизабет Тейлор, еще один небольшой снимок: голый Пол стоит в ванной, набросив на плечи полотенце. Снимок сделан через окно: переплет рамы посередине скрывает причиндалы, но едва-едва. Чуть вверх и влево — рисунки Джона: он сам и Йоко, тоже голые.

Остальные фотографии очень плохого качества, как будто битлы перерыли груду забракованных снимков и выбрали самые мутные, самые нечеткие или самые неудачные. Смазанный поляроид: Джон, готовый врезать фотографу; фотография Джорджа, самая крупная из подборки: половина лица скрыта белым пятном засветки; размытое изображение: Ринго, скучающий за барабанами.

Коллаж получился бессвязным, но зачаровывающим. Или так: бессвязным и зачаровывающим, как и сам «Белый альбом». И точно так же как и альбом, коллаж выглядел современным, прогрессивным и дерзким, но в то же время навевал ностальгические чувства. Теперь-то я понимаю, что бóльшая часть снимков — из счастливых дней: либо из Ришикеша, либо со

съемок «Help!», либо с церемонии награждения Клуба Варьете. Две фотографии переносят нас в Париж, куда Джон ездил отмечать свой двадцать первый день рождения вместе Полом еще до того, как они прославились. На одном снимке, наверняка сделанном Полом, Джон в черной футболке и котелке сидит на кровати. На втором — оба, сунув руки в карманы черных джинсов, угрюмо привалились к стене, обклеенной концертными афишами.

Сама фотография плохонькая: половина голов не попала в кадр, а объектив почему-то направлен на остроносые туфли.

Надпись размашистым почерком гласит: «Орден Британской империи нашему верному и возлюбленному Ринго Старру (Ричарду Старки, эсквайру)». Она тоже переносит нас в невинные денечки.

Кроме этих слов, на постере красуется еще одна надпись от руки, сделанная красной шариковой ручкой поверх отпечатка розовых губ:

я люблю тебя

Кто тут «я» и к кому относится «тебя»? Подсказок нет. Может, «тебя» — это меня? Мысль об этом почему-то пугала.

129

Вместе с моим школьным другом Чарли Миллером мы сидели в «Пещере», раз за разом слушали «Белый альбом», вчитывались в тексты песен и вглядывались в коллаж, как будто, если смотреть на него долго-долго, откроются все тайны взрослого мира. Почти все песни в альбоме были странными или пугающими: странная, визгливая «Wild Honey Pie», мрачные «I'm So Tired» и «Yer Blues» («I'm lonely wanna die»), — но ни одна не пугала так, как «Revolution 9», та самая, текста которой не было на постере. Как-то посреди пасхального триместра мы с Чарли взяли друг друга на слабó: хватит ли духа просидеть одному в «Пещере» без света, в полной темноте и дослушать «Revolution 9» до конца? Мы оба сделали несколько попыток — «Revolution 9», самая длинная из песен «Битлз», звучит 8 минут и 12 секунд, — но так и не выдерживали, включали свет и выбегали из подвала.

«Number nine, number nine, number nine, number nine, number nine…»[827] Звучало очень похоже на Джеймса Каллахана, тогдашнего премьер-министра, но на самом деле этот голос Джон обнаружил в экзаменационных записях Королевской академии музыки — по какой-то причине они хранились на студии EMI.

Трек быстро превращается в какофонию бессмысленных бормотаний и визгов: гудят машины, скандирует толпа, строчат пулеметы, инструменты играют задом наперед, стонут и кричат люди — и все это перемежается случайными фразами, произносимыми неизвестно кем и выуженными неизвестно откуда: «Every one of them knew that as the time went by they'd get a little bit older and a little bit slower». «Only to find the nightwatchman unaware of his presence in the building». «Take this, brother, may it serve you well»[828]. Не признающая власть мелодии Йоко издает прерывистое мычание, стоны, пронзительный вой, визги и произносит слова: «You become naked»[829].

Журнал «Роллинг стоун» заявил, что песня — «акустический лакмусовый тест рассеянной паранойи». Куда менее снисходительный «Нью мьюзикл экспресс» описал ее как «претенциозный образчик старой околесицы». В своей великолепной книге «Переворот в умах» Иэн Макдональд сперва предполагает, что песня в некотором роде пророческая: «В случайном взаимодействии фрагментов множества записей — закольцованных и проигранных в обратную сторону — представлено полускептическое, полубодрствующее, переключающее каналы состояние ума, в котором он [Джон] любил расслабиться (и которое четверть века спустя стало

отличительной чертой целого поколения)». Однако он, в общем-то, согласен с двумя одиннадцатилетними пацанами, которые слушали песню в темноте, проверяя себя: «Прослушивание этой песни не утомляет и не озадачивает, а скорее внушает зловещий страх».

Однако Джон не сомневался в ее гениальности. Пит Шоттон помнит, как он заявил: «Это музыка будущего. Фигню, которой мы раньше страдали, можно забыть!

Когда-нибудь этим будут заниматься все, умение играть больше не понадобится!» Четыре дня подряд Джон и Йоко рылись в архивах EMI, подбирая отрывки классической музыки, речей, напевов и случайных звуков. В четверг 20 июня 1968 года, пока Пола с Ринго не было, Джон забронировал все три студии на Эбби-роуд, а все свободные инженеры-наладчики стояли вокруг в рабочих белых халатах, карандашами наматывая закольцованные ленты на катушки студийных магнитофонов, Джон и Йоко сидели за пультом, то приглушая, то усиливая звуки. Джеффа Эмерика все это не впечатлило: «Сотрудники были недовольны, потому что сессия затянулась за полночь, а всем хотелось домой. Многие работали в студии с девяти утра». Трек закончили ранним утром 21 июня, в половине четвертого.

Когда Пол вернулся из Нью-Йорка, Джон поставил ему «Revolution 9». Джефф Эмерик вспоминает, как отреагировал Пол: «Он помрачнел, и по его лицу было ясно, что он далеко не в восторге… а когда трек закончился, повисла неловкая пауза. Джон выжидательно смотрел на Пола, который только и сказал: «Неплохо». Это он так дипломатично обозначил, что ему не понравилось. Ринго и Джорджу Харрисону о треке сказать было вообще нечего. На их лицах четко читались смущение и явное нежелание присутствовать при всем при этом. «Неплохо? — саркастически повторил Леннон. — Пол, ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Это наш новый сингл! «Битлз» должны идти в этом направлении»».

Йоко поддержала Джона: «Я согласна с Джоном. Трек великолепен». Джон и Йоко, будучи последователями нумерологии, добавили к слову «революция» цифру 9. Джон родился 9 октября 1940 года. Его первым ливерпульским адресом был дом 9 по Ньюкасл-роуд в районе Уэйвертри. Каждое из трех названий в адресе насчитывает девять букв — *9 Newcastle Road, Wavertree, Liverpool*, — как и фамилия Маккартни. Так в девятом альбоме «Битлз» и появился трек «Revolution 9».

Позднее Йоко объяснила их выбор более подробно: «Это самая большая в последовательности цифр: один, два, три… и так до девяти».

Для Чарльза Мэнсона «Белый альбом» соединил все точки в узор. Даже чистая белизна конверта стала сигналом: пришло время действовать. В калифорнийском городке Канога-Парк, в арендованном доме на Гришем-стрит, который он выкрасил в желтый цвет и называл «Желтой подводной лодкой», Мэнсон проводил семинары по альбому. Он хотел донести до слушателей, что бессвязный вроде бы набор песен — это на самом деле внятный призыв к оружию, специально зашифрованный для его уникальной и избранной Семьи.

Мэнсон убеждал свою Семью, что черные американцы вооружаются и готовы восстать, чтобы убить миллионы богатых белых угнетателей. Вслед за мятежом последует гражданская война белых и черных. Когда начнется бойня, Семья Мэнсона спасется в тайном укрытии в Долине Смерти. «Начнется бойня, на всех газонах будут горы трупов», — вещал он. А потом победоносные черные применят свое «сверхсознание» и обретут своего истинного лидера, Чарльза Мэнсона. Все эти пророчества якобы содержались в текстах «Битлз». Песня Пола «Blackbird» подстрекала к расовой войне. «Piggies»[830] Джорджа требовала небольшого толкования: жизнь для всех маленьких поросят становится тяжелей, тогда как поросята покрупнее «всегда ходят в чистеньких рубашках… и едят бекон вилками и ножами»[831]. Как указывает Иэн Макдональд, этот текст и без ошибочного толкования раскрывает «мизантропию в самом сердце духовного благообразия».

Джордж начал писать эту песню в 1966-м и все еще вымучивал текст, живя с родителями в Ливерпуле в 1968-м. Стихи вообще давались ему с трудом, и он долго не мог подобрать рифму к слову «backing», разве что «lacking», а это слово он уже использовал. И тут совершенно внезапно строчку придумала мама: «What they need's a damn good whacking!»[832] Возможно, личный вклад Луизы Харрисон в сочинение этой песни послужил заодно и неосознанным вкладом в гибель Лино Лабьянка[833], чей труп обнаружили с вилкой в животе, а на стене гостиной кровью было выведено: «Смерть свиньям».

Сами битлы представали ангелами, несущими смерть человечеству; драндулеты, на которых разъезжала Семья Мэнсона, должны были стать их конями. Из книги Откровения Мэнсон узнал, что налетит саранча, которая будет «подобна коням, приготовленным на войну»[834]. Саранчой этой, разумеется, были битлы, а их броней — гитары. Однажды в

«Битлз» появится пятый участник, или «ангел», которому даны будут «ключи ада и смерти»[835], — это, разумеется, сам Мэнсон. Вместе они учинят праведное побоище: «И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем»[836].

Слова, которые битлы сплетали в веселую бессмыслицу, в голове у Мэнсона превратились в призывы к смертельной схватке. В Великобритании «helter-skelter» — это ярмарочный аттракцион, детская горка, спиралью обвивающая столб. В переносном смысле это английское выражение означает «неразбериха» или «суматоха», но в США практически не используется; Мэнсон убедил себя в том, что это — призыв к восстанию. Один из его последователей говорил, что Мэнсон употреблял термин «Helter Skelter» в качестве условного обозначения грядущей расовой войны. «Оно означало, что негры нападут и разрушат все города». Пол Уоткинс, еще один член Семьи, писал в своей книге «Как я жил с Чарльзом Мэнсоном»[837]: «До «Helter Skelter» Чарли интересовали только оргии».

На суде в ноябре 1970 года Мэнсон заявил: ««Helter Skelter» — это смута. Смута, которая наступит быстро. Если вы не видите ее стремительного приближения, то называйте ее как вам угодно. Это не мой заговор. Не моя музыка. Я только слышу, что она передает. Она твердит: «Восстань!» Она твердит: «Убивай!» И не вините меня в этом. Я не автор. Я не тот, кто вложил все это в ваше общественное сознание». Тексты, рожденные воображением, стали смертоносными, как мачете. Позднее Мэнсон говорил, что музыка «Битлз» «провоцировала революцию, стихийное свержение истеблишмента. Битлы знали это на подсознательном уровне».

Даже самая легкомысленная песня якобы содержала закодированное послание о чем-то гораздо более зловещем. Пол написал шуточную «Honey Pie»[838], звонкую имитацию регтайма 1920-х, в подарок своему отцу, любителю джаза. А вот для Мэнсона в ней все говорило о конце света; строки «sail across the Atlantic / back where you belong»[839] служили явным указанием на то, что битлы вскоре примкнут к Семье Мэнсона на ранчо в Долине Смерти. Когда на суде Мэнсона обвинили в том, что это он отдал приказ об убийстве, он ответил: «Это все «Битлз», музыка, которую они выдают. Они говорят о войне. Ребятишки слушают их песни и подхватывают послания. Это все подсознательно». Его последователи кровью начертали слова «ВОССТАНЬ» и «СМЕРТЬ СВИНЬЯМ» на стенах дома своих жертв, а еще «HEALTER SKELTER» на холодильнике.

Слушая «Revolution 9» в наушниках, Мэнсон не сомневался, что слышит, как битлы просят его: «Чарли, Чарли, отправь нам

телеграмму». Позднее Питер Браун и Дерек Тейлор вспоминали, как им названивала из Лос-Анджелеса некая Сквики Фромм[840] и без умолку болтала о каком-то Чарли.

Слушая «Revolution 9», Чарли принялся кричать: «Восстань! Восстань! Восстань!» Для него это было все равно что глава 9 Откровения: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев.»[841].

Когда Мэнсона арестовали, члены Семьи никак не могли понять, почему битлы не пришли на помощь, как он сам обещал. «Скажите им, пусть позвонят, дайте им наш номер», — просили они репортеров из журнала «Роллинг стоун». Мэнсон и сам велел адвокатам вызвать «Битлз» в качестве свидетелей, не сомневаясь в поддержке. Адвокаты выполнили его требование, но их письма остались без ответа.

131

Рождественская вечеринка «Эппл»

Сэвил-роу, Лондон, W1

23 декабря 1968 г.

4 декабря 1968-го Джордж направил сотрудникам «Эппл» служебную записку:

> На следующей неделе в Лондоне проездом будут «Ангелы ада» — по пути в Чехословакию, где собираются навести порядок[842]. Всего двенадцать человек: в черных кожаных куртках и на мотоциклах. Они, несомненно, заглянут в «Эппл» и, как мне сообщили, собираются в полной мере воспользоваться нашими ресурсами. С виду они форменные головорезы, но на самом деле правильные и совершают добрые дела, так что не бойтесь и не сердите их. Постарайтесь оказать им помощь, но не забывайте о своих прямых обязанностях и не позволяйте гостям взять офис под контроль.

Если перечитать это беспечное послание, то возникают определенные опасения. «Как мне сообщили, собираются в полной мере воспользоваться нашими ресурсами», «с виду они форменные головорезы», «не бойтесь и не сердите их». Однако в этот докризисный период, до появления Аллена Клейна, в «Эппл» царило свободное и беззаботное настроение, которое чуть ли не вменялось в обязанность.

Прибытию «Ангелов ада» предшествовал звонок из Государственной таможенной службы Дереку Тейлору: «Мы верно поняли? Тут два мотоцикла «харлей-дэвидсон», и растаможивание — за ваш счет?»

Следуя распоряжению Джорджа помогать «Ангелам ада», Тейлор дал отмашку, а также заплатил 250 фунтов за растаможивание. И вот два Ангела — Фриско Пит и Билли Перекати-Поле — явились в дом номер 3 по Сэвил-роу, вместе с писателем Кеном Кизи[843], хиппи по кличке Паук и двенадцатью прихлебателями; по словам Ричарда Дилелло, помощника Тейлора, все были «дерганые, обдолбанные», а Питер Браун

назвал их «вонючими и укуренными».

На глазах у Дилелло странные гости «во всем их великолепии развалились в приемной, хохотали, курили, провоняли все пачулями. Мужчины, женщины, грудные младенцы; кожа, замша, банданы, ковбойские шляпы, колокольчики, спальные мешки, рюкзаки, четки, тяжелые ботинки, благовонные палочки, флейты и гитары…» Сотрудники «Эппл» окрестили их Калифорнийской балдеж-командой.

Обрывки бесед «Ангелов ада», записанные Дилелло, пестрят претензиями и наездами:

«Эй, а где битлы?»

«А десять шиллингов это сколько в американских деньгах?»

«Мне надо отлить!»

«У кого есть телефон Мика Джаггера?»

«Куда можно затолкать наше барахло?»

Когда они ввалились в приемную, Тейлор спустился к ним поздороваться, а потом представил их всем остальным как знаменитостей, кем они в некотором роде и были. Дилелло записал бессвязное приветствие Тейлора:

«Итак, вы прибыли, и мы вас встретили, вот это Салли, она у нас новенькая, вон там Кэрол, она у нас старенькая, Ричарда вы уже знаете; если вам захочется чайку, то будет вам чай, а вот если охота стакан пива или бутылочку вина, или скотча, или колы, или джина, тоника или водки с лаймом, то и это вы получите, все у нас тут есть, но если чего не найдется, то что-нибудь сообразим, а вы пока присаживайтесь, выкурите сигаретку или косячок, а мы вернемся минутки через три, так что никуда не уходите, нам надо многое обговорить и еще больше выяснить, ну а впереди еще странные деньки».

«Пива!» — ответили ему.

Такое требовательное поведение гостей вскоре вынудило Тейлора направить сотрудникам «Эппл» еще одну служебную записку:

> Будьте осторожны, не уступайте им контроль. Делайте свою работу, но будьте с ними вежливы. Не огорчайте их, а то еще убьют.

В то же время комнату отдыха «Эппл» оккупировали американские хиппи: Фрэнк, его жена Эмили и пятеро их детишек[844]. Однажды все семейство явилось в «Эппл», и Эмили объяснила, что под кислотным трипом ей было видение и что Джон и Йоко должны поехать с ними на Фиджи. В итоге им разрешили всей семьей расквартироваться в «Эппл» до тех пор, пока Джон с Йоко не выкроят для них время. Противница любых

условностей, Эмили почти все время расхаживала нагишом, отчего еще две поварихи «Эппл» — Ширли и Дженет — напрочь отказались покидать кухню. Через несколько дней комната отдыха обзавелась отчетливым амбре: смесью гашиша, пачулей и пота.

В свободное время «Ангелы ада» гоняли на «харлеях» по Сэвил-роу, до Центрального полицейского участка Вест-Энда в конце улицы, где с визгом тормозили, разворачивались и мчали обратно. «Они знали, что это полицейский участок, — вспоминала Дэбби Уэллум, администратор «Эппл». — Я им говорила, но они не слушали. Они и меня хотели прокатить на мотоцикле, да я не соглашалась».

В день первого рождественского корпоратива «Эппл», 23 декабря, «Ангелы ада» все еще гостили в офисе. Праздник планировали основательно. Например, заказали индейку весом сорок три фунта (как уверял поставщик, самую большую в Великобритании) и загодя разослали приглашения, как обычно многословные, небрежно составленные из странной смеси формальных и разговорных выражений.

23 декабря в 14:30 состоится рождественская вечеринка «Эппл», которая продлится до самого вечера. В разгар праздника нас посетят Эрнест Кастро и Эйприл[845], развлекавшие королеву и герцога Корнуолльского, а также покойного сэра Уинстона Черчилля, Макдональда Хобли[846] и прочих. Мистер Кастро — фокусник, чревовещатель и детский потешник. Эйприл — его помощница и, по совместительству, супруга, а еще она играет на гитаре. Замысел такой: мы все, кто работает в «Эппл», приходим с детьми, а те из нас, кто пока без детей, если только не успеют к тому времени обзавестись малышом, приглашаются с парой. Непорочное зачатие не приветствуется. На вечеринке ожидаются еда, вино, дети и елка, все будет здорово. Я буду рад, если вы сегодня же напишите на этой памятке ваше имя и количество детей, которых приведете, а потом отдадите листок Кэрол Пэддон. Само собой, жены, мужья, подруги и кавалеры приветствуются, но только по одному на нос. Разве что многоженцы попросят об особых уступках.

В 9 часов утра в тот самый день подготовка к празднику шла полным ходом: Пруденс и Примроуз, шеф-поварихи «Эппл», трудились не покладая рук. К 11 часам пресс-офис ломился от набежавших журналистов и разномастных представителей мира музыки, которые разогревались шампанским. К половине двенадцатого в Черную комнату, по словам Ричарда Дилелло, «битком набились любители гашиша, укуренные в хлам». В приемной угощали по старинке — скотчем с колой. К полудню

музыку включили погромче, а две параллельные ветви гулянки — выпивка и наркота — сплелись в одну.

© *Fox Photos/Getty Images*

Рассчитывали, что на вечеринку приведут около сорока детей. Первая стайка прибыла в 14:15; их отправили в кабинет Питера Брауна, отведенный детворе. К трем часам, вспоминает Дилелло, «кабинет Питера Брауна превратился в настоящий дурдом; больше сотни детишек с воплями поглощали гору мороженого, пирожных и булочек с сосисками, нетерпеливо требуя зрелищ, обещанного чревовещателя и фокусника».

Эрнест и Эйприл Кастро с обычным огоньком представили роскошную программу чудес и магии, с чревовещанием и песенками про жизнь на ферме («Му-му тут и му-му там…»), а закончили фирменной «The Lettice Leefe Hop». Дилелло вспоминал, как дети «от восторга вопили так, что лопались барабанные перепонки».

Потом пришли Джон и Йоко, наряженные как мистер и миссис Санта-Клаус, хотя всего месяц назад красовались голышом на конверте «Two Virgins». Пит Шоттон заметил, что у Джона далеко не праздничное настроение: «Такого унылого Санты я в жизни не видал». Джон мрачно бурчал: «Хо-хо-хо», а Йоко раздавала подарки с помощью Мэри Хопкин, которая глубже прониклась духом праздника.

Пока дети разворачивали подарки, из дальнего конца комнаты раздался недовольный крик.

— Эй, чувак! Нам бы пожрать! ГОНИ ЖРАТВУ, ЧЕ ЗА ФИГНЯ! — возмущался оголодавший «Ангел ада» Фриско Пит.

— Подожди, — ответил Джон. — Скоро все будет.

— Че за херня?! Мы жрать хотим! Хули ЖДАТЬ-ТО?

В этот момент в кабинет вошел Алан Смит, журналист из «Нью мьюзикал экспресс», и вежливо попросил капельку внимания. Фриско Пит с ходу дал ему по морде, а потом заорал на Джона: «Тут у вас жратвы больше, чем людей, но пожрать никому не дают, эти две телки наверху велят мне ждать до семи. Там на кухне индейка весом сорок три фунта, и я хочу ее ПРЯМО ЩАС!!!»

Джон невозмутимо смотрел на него.

— Не знаю, чем вы думаете, — продолжал Фриско Пит, — но там, откуда я родом, если жратва есть, то людей кормят, а не морят голодом!

Вмешался Питер Браун:

— Мы непременно вас накормим, и я прошу прощения за задержку. Надеюсь, вы войдете в наше положение: работники на кухне трудятся с девяти утра, и на них сильно давят. Столы уже накрывают, это займет не больше десяти минут, и тогда мы все спустимся вниз, где и сможем наесться от пуза. Только, умоляю, потерпите.

Фриско Пит раздраженно помотал головой и ушел.

Спустя десять минут двери в кабинет Нила Эспинолла распахнулись, и за ними обнаружились столы, ломившиеся под весом закусок, холодного мяса, заливной рыбы, салатов, сыра и печенья, тортов, фруктов и конфет. А в центре во всем своем великолепии красовалась самая большая в стране индейка, идеально поджаренная Пруденс и Примроуз.

Вперед всех, расталкивая сотрудников и детей, хиппи, журналистов и прихлебателей, летел Фриско Пит, который схватил индейку, оторвал индюшачью ногу и впился в нее зубами. «В ней было фунта четыре веса, она больше походила на дубину пещерного человека, чем на индюшачью ногу», — вспоминал Дилелло.

К началу января Джордж начал жалеть о политике открытых дверей. Из офиса «Эппл» пропадало добро: телевизоры, электрические пишущие машинки, арифмометры, три сотни экземпляров альбома «Two Virgins», кинокамера, три конверта с секретарскими зарплатами, полдюжины диффузоров со студии, шесть обогревателей, электрическая сковорода, несколько ящиков вина и весь свинец с крыши. Джордж задумался, как бы повежливее избавиться от калифорнийской балдеж-команды. Для начала он официально уведомил Дерека Тейлора о том, что больше не желает их видеть. «И что мне им сказать?» — спросил Дерек, припомнив, как на Рождество чуть не избили Питера Брауна и Джона.

В конце концов именно Джордж, упрямый Джордж, приказал «Ангелам ада» выметаться. Однажды, когда он еще был подростком, к ним в дом явился коммивояжер. Мать Джорджа, Луиза, не раздумывая бросилась в спальню на втором этаже и выплеснула на голову бедолаге ведро воды с криком: «Пошел вон!»

«По-моему, свою упертость Джордж унаследовал от нее, — годами позже размышлял Пол. — Неразумных она не терпела[847], вот и Джордж тоже».

Недавнее увлечение хипповским мистицизмом, может быть, порой и уводило Джорджа не туда, но какая-то суровинка в нем еще оставалась. Эта черта характера позволяла ему возвращаться на истинный путь. Однажды вечером он вошел в комнату отдыха и заявил: «Всем привет! Ну так что, вы сегодня же собираете манатки и уходите?»

Безапелляционное заявление Джорджа ошеломило калифорнийскую балдеж-команду.

Первым пришел в себя Паук:

— Эй, чувак, у меня вопрос: ты нас ваще понимаешь или как?

— Инь и ян, орел и решка, да и нет, — загадочно ответил Джордж.

Дилелло сразу заметил, как переменилась атмосфера. «Он просто вынес им мозг.

Никто не знал, что сказать». Наконец Паук произнес:

— Лады, чувак, я понял. Десять минут — и нас нет.

132

Тридцатого января 1969 года, вскоре после полудня, констебль полиции Кен Уорф заметил, что на полицейской телефонной будке у Пиккадилли-серкус мигает синий огонек. Он подошел и снял трубку.

Звонил дежурный сержант:

— Вы слышите этот ужасный шум?

— Какой шум?

— Пошлите туда своих людей, пусть они его выключат.

Констебль Уорф перехватил трубку другой рукой и обернулся к напарнику:

— Слушай, сержант велит нам пойти и вырубить шум.

Вдвоем они зашагали по Риджент-стрит и увидели толпу — «главным образом женщин, прошу заметить», — несущуюся по Виго-стрит. Шум доносился с крыши дома номер 3 по Сэвил-роу, где располагался офис «Битлз».

Сидни Рубек, младший сотрудник бухгалтерской фирмы «Ауэрбах Хоуп», сидел в офисе фирмы на Риджент-стрит и жевал сэндвич. Внезапно послышалась музыка. «Мы подошли к окну и увидели, что на соседней крыше играют какие-то люди, но было не разобрать, кто именно». Сидни и его коллеги помоложе вылезли за окно, на крышу, а потом по пожарной лестнице и по водосточной трубе перебрались на крышу соседнего дома на Сэвил-роу… «Ну, мы пошли по крыше, и вдруг оказались шагах в двадцати от «Битлз»».

Намного меньше обрадовался Стэнли Дэвис, который занимался — точнее, пытался заниматься — своими делами в доме номер 2 по Сэвил-роу, где находилась компания «Уэйн, Шил и сын», торговавшая шерстью. Как только зазвучала музыка, он позвонил в Центральный полицейский участок Вест-Энда и пожаловался, что телефонистки компании не слышат, с кем соединять звонящих. «Просто ужас! — сказал он. — Прекратите эту чертову музыку!»

Констебль Уорф — еще не прошедший испытательного срока, — действуя согласно инструкции, постучал в дверь офиса «Эппл». Его впустили, и тут выяснилось, что там уже собрались полицейские. Их было многовато для обычного пресечения ненадлежащего шума, но уходить никто и не думал. «Обсудив между собой, что делать — уйти или остаться, — мы решили, что такое бывает раз в жизни, и потому остались. Ситуация была уникальная, никто никого останавливать не собирался».

Почти все полицейские, прибывшие в офис «Эппл», были

ровесниками самим битлам, а это практически гарантировало, что все они — поклонники группы. Девятнадцатилетний Кен Уорф был почти на семь лет младше Джорджа Харрисона. Неудивительно, что никто из констеблей не знал, как действовать дальше. «По сути, мы без спросу вторглись в частные владения, никто ведь нас не приглашал, тем более официально, так что нас запросто могли выдворить».

Коллега Уорфа, констебль Рэй Шейлер, попытался разобраться в законности происходящего. «Мы не знали, как быть… Пришли к выводу, что имеет место нарушение общественного порядка, потому как, хотя владение было частным, было потревожено спокойствие в округе. Мы решили, что если от нас потребуют действий, то примем соответствующие меры».

Они подошли к администратору Дэбби Уэллум и попросили о встрече с начальством. Дэбби пошла за Мэлом Эвансом, который тянул время как мог: вместо того чтобы спуститься на лифте, он неспешным шагом пошел по лестнице. Когда же он наконец объявился в вестибюле, «десятью минутами позже», Дэбби навострила ушки. «Он побеседовал с полицией. Те говорили: «Так нельзя» — и: «Слишком шумно, на вас жалуются, могут подать в суд». Мэл сказал, что все вот-вот закончится, но полицейские хотели подняться на крышу. Мэл объяснил, что на крышу нельзя, она может не выдержать, там и так слишком много народу. Мы еще подумали: если копы туда поднимутся, то каждый арестует по битлу».

Движение на окрестных улицах встало. «Таксисты не обрадовались. Они орали во всю глотку», — вспоминает очевидица Пола Маршалл. Тем временем все больше конторских работников карабкались по пожарным лестницам на соседние крыши — но только не Пола. «В тот день я надела мини-юбку, а в ней забираться на лестницу было неудобно».

Наконец Джимми, швейцар «Эппл», проводил полицейских наверх. Кен Уорф помнит, как вышел на крышу возле шахты лифта и оказался совсем рядом с Ринго.

«Я совершенно обалдел от встречи со звездами, потому что в девятнадцать, как и многие ровесники, был поклонником битлов, а тут прямо бесплатный концерт на крыше, на Сэвил-роу. Никто из наших не знал, как быть, да и делать никто ничего не хотел. Помню, Джон острил по поводу того, что его арестуют, но атмосфера царила праздничная».

Пока «Битлз» продолжали играть, стражи порядка переговорили с Питером Брауном. «Они сказали: «Так же нельзя», а я спросил: «Это почему?» — «Ну, нельзя, и все тут». А я им: «Не понимаю, почему нам нельзя этим заниматься», и они говорят:

«Ладно, а хозяин здания в курсе?» Тогда я им отвечаю: «Мы сами хозяева. Это здание наше. С какой стати нам нельзя заниматься этим на крыше собственного здания?» Тут уж они растерялись».

Мэл Эванс объяснил констеблю Шейлеру, что «Битлз» осталось записать еще одну песню, а когда они закончат, то и шум прекратится. «Тогда я им сказал: «Раз так, тогда ладно. Но если станете играть дальше, нам придется принять меры»». Дейв Харрис, один из звукоинженеров, слушая этот разговор, заметил, что Джордж Мартин побледнел при мысли об аресте. Сам Дейв восторженно подумал: «Круто! Нас заметут вместе с битлами!»

«И раз, два, три, четыре…» — скомандовал Джордж, и они заиграли «Get Back», последнюю песню, которую исполнят вместе. После сессии битлы повели себя каждый в своем репертуаре: Пол извинился перед полицией; Джон и Джордж отказались разговаривать; Ринго дурачился: «Не надо наручников… Я тихо уйду!» Позднее он еще выскажет разочарование такой сдержанностью полиции: ему казалось, что было бы драматичнее, если бы его вытащили из-за ударной установки и заковали в наручники.

Потом Кен Уорф[848] явился с докладом в Центральный полицейский участок Вест-Энда.

— Так вы музыку отключили? — спросил сержант, который тем утром отправил Кена на вызов.

— Там так здорово было, — вздохнул Кен. — «Битлз» играли на крыше «Эппл».

— Я тебе вот что скажу, дружок, — ответил сержант, которому было хорошо за сорок. — Когда я приехал в Лондон, то встречался с девчонкой из Холборна. Каждую среду, днем, ну, по возможности, мы отправлялись в Олдуич, на чаепитие в отеле «Уолдорф» — там играл приличный оркестр. А у группы, которая вынуждена играть на крыше собственной конторы, нет никакого будущего.

133

Утреннюю почту в «Фарли-Хаус» раздавали за завтраком в столовой, в новенькой пристройке, стены которой были проложены ломким серым асбестом — ковыряй не хочу; с ним потом было здорово играть.

Раз в неделю мама присылала мне длинное письмо, рассказывая о том, что происходит дома, и заканчивая его словами: «Еще чуть-чуть — и короткие каникулы!» — или: «Еще чуть-чуть — и праздники!»

Посылки были редкостью, и получал я их главным образом на день рождения, то есть в начале летнего триместра, но на каникулах я сделал предзаказ на «Abbey Road» в музыкальной лавке у себя в родном городке Доркинг и оплатил почтовые расходы, чтобы пластинку переслали в «Фарли-Хаус». Посылка пришла 27 сентября 1969 года, на следующий день после национального релиза альбома. Помню, как я восхищенно достал пластинку из плотного картонного конверта, а остальные мальчишки за мной наблюдали — не с завистью, а с удивлением. Мои одноклассники не интересовались поп-музыкой, предпочитая футбол, йо-йо, журналы «Бизер» или «Игл»[849], складывание многогранников из картона и сборку моделей фирмы «Эйрфикс»[850] — бомбардировщиков «Ланкастер» и истребителей «Спитфайр».

— Что это? — спросил учитель латыни, мистер Нидэм, увидев, как я разглядываю конверт. — «На вершине провала»?

Он вообще любил каламбуры: братьев Эверетт именовал Привередами, а братьев Браун — Ховисами, в честь рекламного слогана, под которым фирма продавала хлеб из непросеянной муки[851].

© *sjvinyl/Alamy Stock Photo*

Летним триместром я, решив подлизаться к мистеру Нидэму, заметил, что и *Status Quo*, и *Procul Harum* — это все латинские выражения. Неверно истолковав мою заинтересованность, он выдал длинную и скучную лекцию о значении «статус кво» и педантично заметил: мол, «прокул харум» если что и означает, то только «при этом», то есть вообще ничего. Ох и пожалел я, что завел этот разговор.

Впервые увидев конверт «Abbey Road», я ужасно разочаровался. Глянцевый белый конверт «Белого альбома» выглядел величественно, а внутри ждал роскошный набор ништяков: цветные фото, постер, на котором было еще больше фото и тексты песен на обратной стороне. На лицевой стороне конверта «Sgt. Pepper» выстроились всякие знаменитости, будто на школьном снимке; а сам конверт был разворотом-«книжкой», и там были картонные фигурки и тексты песен мелким шрифтом, который было так здорово разбирать… Лицевая сторона «Abbey Road» была откровенно скучной: четверка битлов понуро шагает

по зебре, и никто даже не смотрит в камеру, не улыбается, не прикалывается, и у всех такой вид, будто им лень фоткаться. Оборот был еще скучнее: обычная уличная табличка с надписью «ЭББИ-РОУД» и какое-то размытое синее пятно. И никаких бонусов внутри: ни текстов, ни картонных фигурок, ни фото. Уж при своих-то деньгах битлы могли придумать нечто получше[852].

Однако невозможно предугадать, что сохранит вечность. Время возводит обыденное в канон, вот как «Мону Лизу», Эйфелеву башню или королеву Елизавету.

В 2010 году правительство Великобритании присвоило зебре на Эбби-роуд статус памятника архитектуры второй степени на основании ее «культурного и исторического значения». Рынок тоже воспринял это всерьез: в 2014 году на аукционе за 180000 фунтов было продано ограниченное издание шести фотоотпечатков различных снимков битлов на Эбби-роуд, пронумерованных и подписанных автором.

Трудно представить другую обложку, которую воспроизводили бы с такой частотой. *Booker T. and the M. G.'s*, Бенни Хилл, Джордж Бенсон, «Улица Сезам», община иерусалимского францисканского монастыря Святого Спасителя, Айвор Бигган, *The King's Singers, Red Hot Chilli Peppers, Jive Bunny and the Mastermixers, Blur*[853] и еще очень много кто выпускал альбомы, конверты которых пародируют «Abbey Road». Симпсоны, единственный раз в полном составе появившись на обложке журнала «Роллинг стоун», тоже шагают по зебре на Эбби-роуд[854]: Лиза (вместо Джорджа), Барт (вместо Пола), Мардж (вместо Ринго) и Гомер (вместо Джона)[855]. Маккартни и сам спародировал конверт «Abbey Road», когда в 1993-м выпустил концертный альбом «Paul is Live»: на нем он запечатлен переходящим дорогу вместе со своим бобтейлом, Эрроу[856].

Поначалу основные детали съемки кажутся относительно простыми и понятными. В пятницу, 8 августа 1969 года, с 11:35 утра четверка битлов десять минут фотографировалась, переходя Эбби-роуд по зебре. Снимал их Иэн Макмиллан. Как и все, что связано с «Битлз», фотосессия тоже вызывает вопросы. Например, не стихают споры о том, в какое время проходила съемка: Марк Льюисон и Барри Майлз называют 11:35 утра, ресурс «The Beatles Bible» говорит, что это было в 10 часов утра, а Боб Спитц утверждает, что это «происходило где-то после 10 утра».

В Сети почти все обсуждения строятся вокруг людей на заднем фоне и сравнения снимков, сделанных Макмилланом за десять минут. На сайте «The Daily Beatle» («Новости и статьи про «Битлз» начиная с 2008 года») есть пространное обсуждение того, кто все эти люди. Веб-мастер много внимания уделяет

«Таинственному человеку» в коричневом пиджаке, который стоит справа, скрестив руки. На другом фото «Таинственный человек» никуда не делся, только прошел дальше и теперь стоит на тротуаре рядом с женщиной в красном свитере, смотрящей прямо в камеру.

«Вот тут начинается самое интересное, — оптимистично заявляет веб-мастер. — Если присмотреться очень и очень внимательно к тротуару слева, то у ближайшего выезда, сразу за «Битлз», заметна молодая женщина в лиловом топе. Тут она появляется впервые, но присутствует и на остальных трех из шести снимках — всего на один меньше, чем «Таинственный человек»». На четвертой фотографии «Таинственного человека» нет, зато есть другой, в белой рубашке, который целеустремленно идет навстречу камере».

И наконец, фотография номер пять, выбранная для конверта, потому что она единственная, на которой битлы идут в ногу. «На тротуаре слева, в отдалении, стоят три декоратора; впоследствии установили, что это Алан Фланаган, Стив Миллвуд и Дерек Сигроув… И нет загадочной девушки в лиловом топе». Некая миссис Н. С. Сигроув пишет, что Дерек — ее муж; вместе с Фланаганом и Миллвудом он возвращался с обеденного перерыва и тогда же попал в кадр. «Им стало интересно, вот они и притормозили. Дерек думал, что если кадр возьмут для обложки, то их с приятелями заретушируют».

Вокруг «Таинственного человека» у полицейского фургона споров еще больше.

«В феврале 2008 года прошла весть о том, что во Флориде умер девяностотрехлетний Пол Коул, человек у полицейского фургона. Но тот ли это человек? По-моему, нет, и вот почему». В 2004 году Пол Коул заявил, что на снимке — он, ждет жену, которая зашла в музей неподалеку. Он сказал, что как раз заговорил с водителем фургона, когда заметил битлов. «Я тогда назвал их кучкой чудиков, потому что для того времени выглядели они как-то радикально. По Лондону босиком не ходят». Год спустя его жене, церковной органистке, дали «Abbey Road», чтобы она поставила его на свадьбе. «Увидел альбом у нее на клавиатуре и сразу сказал: «Эй! Это же те чудики! А вон там сзади — я!»» Альбом Коул так и не послушал, хотя слышал одну или две песни «Битлз». «Не мое. Я предпочитаю классическую музыку».

Однако веб-мастер ставит под сомнение притязания Коула: «В той части Эбби-роуд музеев нет. Полицейский фургон подъехал уже во время съемки, как видно из предыдущих снимков, так что Пол Коул просто не мог болтать с водителем до того, как

появились битлы». Веб-мастер делает вывод о том, что Пол Коул — самозванец. Не ошибается ли он? Там неподалеку и правда был музей, галерея Бен-Ури, где выставлялись работы еврейских художников-эмигрантов. Более того, Пол Коул говорил, что только начал болтать с водителем, когда его внимание привлекли идущие через дорогу битлы. К тому же он вспоминал события тридцатипятилетней давности — немудрено, что в его рассказе появились нестыковки.

«С тех самых пор, как я стал поклонником битлов, я постоянно слышу рассказы людей, утверждающих, что это они — «человек с конверта» или же знакомы с ним, — пишет веб-мастер. — Один из них — какой-то гей, умерший в семидесятые».

Затем он цитирует некоего Джо Пула, который пишет: «Я увидел конверт и воскликнул: «Это мой брат Тони!» Тони Стейплзу было тридцать три года, и он был ростом шесть футов и четыре дюйма. В означенный день он шел на работу; он служил секретарем-референтом в Национальном союзе фермеров». Но правда ли это? Как мне кажется, выглядит он старше тридцати трех, да и сомнительно, что секретарь НСФ «по пути на работу» беззаботно подпирает стену в 10 или даже 11 часов утра.

Тайны на этом не заканчиваются. Кто эта женщина в синем платье на обороте конверта? Некоторые блогеры убеждены, что это Джейн Эшер, однако не приводят никаких доказательств. Другие, устав от обсуждения людей на лицевой и оборотной сторонах, стремятся расширить границы поисков и охватить тех, кого не видно. «Кто знает, как звали регулировщика, который остановил движение на дороге, пока делали фото? Что он вообще за человек?» — спрашивает Рэнди Эрвин. Но его вопрос так и остается без ответа.

134

Через несколько недель после выхода «Abbey Road» в пресс-службу «Эппл» посыпались запросы со всего мира с требованием сообщить, не умер ли Пол. Такие слухи были далеко не редкостью: в 1961-м читатель «Мерси-бит» отправил письмо в редакцию, интересуясь, не погиб ли один битлов в автокатастрофе. Но слух о смерти Пола зажил собственной жизнью, и все отрицания лишь еще больше убеждали поклонников, что от них скрывают правду.

Похоже, слух о смерти Пола возник 12 октября 1969 года, когда один из слушателей детройтской радиостанции «WLNR-FM» сообщил диск-жокею, Расу Гиббу, что Пол Маккартни якобы погиб в автокатастрофе. Радиослушатель, Том, обратил внимание Гибба на голос в песне «Revolution 9», повторяющий слова «number nine, number nine», и заявил, что если прокрутить их в обратную строну, то получится: «Turn me on, dead man»[857].

Гибб прокрутил песню в обратную сторону в прямом эфире. Получилось нечто вроде «tunmyondenmum», но для тех, кто верил слухам, это послужило исчерпывающим доказательством. Слухи плодились и множились: все бросились выискивать свежие подтверждения гибели Пола. Один поклонник утверждал, что в конце «Strawberry Fields Forever» Джон признается: «I buried Paul»[858]. Другой пристально вслушивался в невнятные бормотания между треками «I'm So Tired» и «Blackbird» с «Белого альбома» и разобрал: «Paul is dead, man, miss him, miss him»[859]. И так далее.

Четырнадцатого октября студенческая газета «Мичиган дейли» выпустила пародийное доказательство этих безумных слухов, проиллюстрированное фотографией головы Пола, отделенной от тела. В репортаже под заголовком «Смерть Маккартни: обнаружены новые доказательства» пристальное внимание уделялось конверту «Abbey Road»: автор статьи, Фред Лабур[860], утверждал, что четверка битлов идет, как на похоронной процессии. Розыгрыши часто принимают за истину: в общем-то, в этом и состоит их цель. Разумеется, пародия лишь подкрепила слухи, которые должна была разоблачить.

Вскоре на гибель Пола указывало абсолютно все на свете:

1. Пол — точнее, его двойник — единственный из битлов на конверте «Abbey Road» идет по зебре босиком. Глаза у него закрыты, и он шагает не в ногу с остальными.

2. У припаркованного слева белого «фольксвагена»-«жука» номер LMW 28IF. LMW означает «Linda McCartney Weeps», а

28IF[861] — что, если бы Пол не погиб, ему бы было сейчас двадцать восемь лет. Строго говоря, это не так (ему исполнилось бы двадцать семь), но — не будем забывать! — индийские мистики отсчитывают возраст человека с момента зачатия.

3. Джон, в белом, — священник. Ринго, в черном, — гробоносец. Джордж, в джинсе, — могильщик. «Пол» изображен с сигаретой в правой руке, а настоящий Пол был левшой.

4. Слева от дороги стоят трое в белом. Единственный, кто в темных одеждах, стоит один с противоположной стороны.

5. Если провести прямую от шасси «жука» и через три стоящие позади него машины, то она пройдет через голову Пола. Пол погиб от травмы головы.

6. На австралийском конверте на дороге есть красное пятно, прямо позади Ринго и Джона, указывающее на дорожную аварию.

7. На обратной стороне обложки на стене, левее надписи «THE BEATLES», есть восемь точек. Если их соединить, то получится «3» — столько битлов осталось после смерти Пола.

8. Если провернуть обратную сторону конверта на 45 градусов против часовой стрелки, то тень на стене принимает очертания черепа в черной мантии.

9. В злополучную ночь Пол подвозил поклонницу. Женщина в синем платье на обороте конверта — та самая поклонница; она либо бежит с места аварии, либо зовет на помощь.

10. Знаки «BEATLES» и «ABBEY ROAD» на обратной стороне конверта как будто разделены на BE AT LES ABBEY RO AD. «R» и «O» — восемнадцатая и пятнадцатая буквы английского алфавита. Если сложить эти числа, то получится тридцать три, что нумерологически соответствует «CC». Таким образом, Пол похоронен в аббатстве Святой Сесилии на острове Уайт. Тридцать три, если умножить на два (это количество букв), дает шестьдесят шесть. Пол погиб в 1966 году.

11. В «Come Together» Джон поет: «One and one and one is three»[862]. Это указывает на то, что осталось всего трое битлов.

12. Подсказок в «Sgt. Pepper» почти столько же. На лицевой стороне конверта человек непосредственно позади Пола — эстрадный комик Исси Бонн — занес над его головой правую руку. Это символ смерти, как и черный музыкальный инструмент в руках у Пола. На лицевой стороне конверта изображены его похороны, а битлы стоят над свежевырытой могилой.

13. На развороте «Пол» носит нарукавную повязку с буквами «OPD». В Канаде это сокращение обозначает «Officially Pronounced Dead»[863].

14. На задней стороне конверта Пол — единственный из битлов, стоящий спиной к камере.

15. В песне «A Day in the Life» есть строчка: «He blew his mind out in a car»[864].

16. В конце песни «While My Guitar Gently Weeps» Джордж стонет: «Пол, Пол».

17. Постер, вложенный в конверт «Белого альбома», также содержит большое число туманных отсылок к смерти Пола. Фотография Пола в ванне — глаза закрыты, голова над водой, как будто отделенная от тела, — показывает, как он выглядел бы после фатальной автокатастрофы. В правом нижнем углу есть маленькая фотография Пола в белых брюках: он танцует и хлопает в ладоши. Позади него — нечто размытое и непонятное. Может, к нему тянется рука скелета?

18. В «Glass Onion» Джон поет: «And here's another clue for you all — the Walrus was Paul»[865]. Морж символизирует смерть в верованиях многих культур… Правда, никто не знает, каких именно.

19. «I am the Walrus» — зашифрованный рассказ Джона об аварии со смертельным исходом, которая случилась, когда Пол уехал со студии на Эбби-роуд, разозленный на «дурацкий вторник». Джон повторяет: «I'm crying»[866]. Это выражение скорби.

20. В начале той же самой песни повторяются две ноты, наподобие сирены «скорой помощи». «Pretty little policemen waiting for the van to come»[867] — это полиция, что прибыла на место аварии, им заплатили за молчание. «Yellow matter custard dripping from a dead dog's eye»[868] — описание чудовищных ран, обезобразивших лицо Пола. «I am he as you are he and we are all together»[869] — признание того, что остальные битлы вовлечены в заговор молчания. На странице 557 книги Джеймса Джойса «На помине Финнеганов» есть слова «googoo goosth», в том же предложении, где говорится о «четырех всадниках на апольконях».

21. Лже-Пол отрастил усы, чтобы скрыть шрамы от пластической операции. Когда рубцы заживут, власти позволят ему сбрить усы.

22. Лже-Пол утверждал, что в конце «Strawberry Fields Forever» Джон вовсе не поет «I buried Paul», и там на самом деле «cranberry sauce»[870]. Это — часть прикрытия.

23. На конверте «Magical Mystery Tour» название написано звездами. Если перевернуть конверт вверх ногами, то звезды образуют телефонный номер. Позвоните по нему, и вам расскажут детали гибели Пола.

24. В фильме «Magical Mystery Tour», когда «Битлз» в роскошных декорациях исполняют «Your Mother Would Know»[871],

у «Пола» в петлице черная гвоздика. У остальных — белые.

Все это неоспоримо доказывает, что тремя годами ранее, 6 ноября 1966 года, Пол погиб в автокатастрофе. С тех пор его место в группе занял двойник. В конце концов, начиная с 6 ноября целых восемнадцать дней не было фотографий Пола, а потом он вдруг объявился — с новой растительностью на лице, скрывающей шрамы после пластической операции. И кто же этот двойник? Актер по имени Уильям Ширс Кэмпбелл, также известный как Билли Ширс, — он победил в конкурсе двойников Пола Маккартни, и больше его никто не видел. До сих пор.

Убитые горем поклонницы осаждали коммутатор «Эппл». Дерек Тейлор связался с Полом в Шотландии и спросил, что делать. «Ничего, — ответил Пол. — Оставь как есть».

Не имея возможности показать публике настоящего живого Пола, верный спутник Тейлора, Тони Брамвелл, разработал коварный план, как положить конец слухам. Пустив в ход собственный ливерпульский акцент, он позвонил диджею Ричи Йорку на «CING-FM» в Берлингтоне, в канадской провинции Онтарио. «Это Пол Маккартни, — представился он. — Как вы сами слышите, я жив-здоров».

Это зародило подозрения у двух других радиостанций. Они немедленно передали аудиозапись звонка экспертам по распознаванию голоса. Сравнив голос Брамвелла с имеющимися записями голоса Пола Маккартни, профессор Оскар Тосси[872] из Университета штата Мичиган и доктор Генри М. Траби из Университета Майами подтвердили, что голоса принадлежат разным людям. Это послужило лишним доказательством сокрытия смерти Пола.

Тут уж Пол не выдержал и сделал письменное заявление через пресс-службу «Эппл»: «Я жив и здоров, слухи о моей смерти меня беспокоят, но, будь я мертв, я бы узнал о них последним». Пожар страстей разгорелся с новой силой. Дереку Тейлору пришлось выпустить пресс-релиз: «Больше Пол ничего говорить не желает. Даже появись он на публике, это ничего не изменит. Те, кто хочет верить, что он погиб, так и будут в это верить. Никакой правдой их не убедишь». И вновь отрицание подтвердило теорию о сокрытии факта гибели.

Два битла заявили о том, что Пол не погиб. «Ничего глупее я в жизни не слыхал, — сказал Джон в эфире «WLNR». — Еще бы, все что угодно можно проиграть задом наперед и всякий раз слышать нечто новое, оно же задом наперед». Ринго тоже внес свою лепту, чтобы объяснить, почему он не вносит свою лепту. «Я ничего говорить не собираюсь, — заявил он. — Мне все равно никогда не верят».

Тут уже засомневались и приятели Пола. Однажды Питер Блейк, создатель конверта «Sgt. Pepper», наткнулся на настоящего, живого Пола Маккартни. «Он сказал мне: «Да, это правда. Я не настоящий Пол Маккартни. Ты же знаешь настоящего Пола Маккартни, и у него нет шрама на губе. Я на него здорово похож, но я — не он». Я присмотрелся, гляжу — и впрямь, у него шрам. Оказалось, пока мы не виделись, Пол упал с велосипеда — так и обзавелся рубцом. Само собой, это и был Пол, он дурачил меня целых две минуты, а я верил ему все три».

Тем временем студия RKO[873] пригласила знаменитого адвоката Ф. Ли Бейли[874] на шуточный судебный процесс — в ходе телепрограммы Бейли вел перекрестный допрос «привлеченных экспертов», включая Аллена Клейна и Питера Эшера. Со стороны обвинения среди прочих выступал и Фред Лабур, чей пародийный репортаж в «Мичиган дейли» и запустил фабрику слухов. Перед тем как давать показания, Лабур признался Бейли, что статья была написана в шутку. «Что ж, — ответил Бейли, — у нас впереди час эфира, так что придется вам и дальше шутить».

К тому времени вышло целых четыре сингла на тему «Пол умер»: «Brother Paul» группы *Billy Shears and The All-Americans*, «We're All Paul Bearers» группы *Zacherias and the Tree People*, «Saint Paul» Терри Найта и «So Long Paul»[875] Уэрбли Финстера[876].

> So long Paul, we hate to see you go,
> So long Paul, after making all that dough[877].

Позднее в том же месяце журнал «Лайф» снарядил в Шотландию команду фотографов и репортеров, чтобы те выследили Пола. Прошагав больше четырех миль по болотистой местности до его фермы, они напоролись на Марту, бобтейла Пола.

Встревоженный лаем Марты, Пол выбежал из дома и прогнал незваных гостей из своих владений, а вдогонку еще и окатил их водой из ведра. Один из фотографов это запечатлел. Пол, который всегда пекся о своей репутации, сообразил, что перегнул палку, бросился вслед за журналистами и предложил им интервью и фото в обмен на позорящий кадр.

На обложке ноябрьского выпуска 1969 года журнала «Лайф», под заголовком «В ПОГОНЕ ЗА ПРОПАВШИМ БИТЛОМ: Пол не покинул нас» красовалось фото семейства Маккартни: Пол, Линда, Хизер и кроха Мэри на фоне буколического пейзажа. В интервью Пол говорил: «Да глупости все это. Повязку «OPD» я привез из Канады. Это полицейская нарукавная повязка, и

надпись на ней означает, наверное, «Ontario Police Department»[878] или что-то такое. Черный цветок у меня в петлице потому, что красные тогда закончились. На развороте «Magical Mystery Tour» в черном не я, а Джон. На фото к «Abbey Road» мы все в своей обычной одежде. Босиком я шел потому, что в тот день было жарко. А «фольксваген» просто стоял там, припаркованный… А те, кто все это выдумывают, занялись бы лучше собой. Жизнь коротка, пусть о себе пекутся, а не о том, жив я или мертв».

Вдогонку «Эппл» выпустила триумфальный и предсказуемо многословный пресс-релиз:

> Пол Маккартни жив. Так он сам сказал. Так говорит его супруга, и дети демонстрируют то же. Это подтверждают свежие фото и новые песни, а самого факта, что он жив, должно хватать. Сомневаетесь — читайте журнал «Лайф». А если и тогда не поверите, то тут уж ничего не поделаешь. Пол Маккартни, тот самый, кто написал «And I Love Her», по-прежнему любит вас, по-прежнему жив и еще много чего сочинит. Есть тысячи ненаписанных песен и уйма дел. Так что верьте: он жив, здоров и надеется оставаться таким как можно дольше. Если это не сработает, то мы распустим собственные слухи — о том, что публика вот уже три с половиной года как мертва от плеч и выше, а вместо головы у нее — факсимильная копия мозгов, а потом посмотрим, как вы все это опровергнете.

Спустя полвека некоторые все еще убеждены, что Пол погиб в 1969-м, а за него живет одаренный двойник. В 2009-м в итальянском издании журнала «Wired» была опубликована девятистраничная статья, где говорилось, что патологоанатом Габриелла Карлези и ученый-компьютерщик Франческо Гаваценни дотошно сличили фотографии Пола до и после, замерив разницу в зубах, губах, челюсти и ушах. И пришли к выводу, что это два разных человека.

Книга Тины Фостер «Plastic Macca: The Secret Death and Replacement of Beatle Paul MacCartney» (2019, «Пластиковый Макка: Тайна гибели и подмены битла Пола Маккартни») предоставляет еще больше доказательств, включая откровение о том, что «оставшиеся битлы и их представители заключили соглашение с родственниками Пола — в обмен на крупную сумму денег — держать правду о смерти Пола в тайне, а сами наняли двойника, дабы спасти имидж, карьеру, популярность и финансы группы».

Фостер полагает, что одна из причин, по которой битлы наняли двойника, — это опасения, что, узнав о смерти Пола, поклонницы с горя наложат на себя руки. «Прецедент уже был, — пишет она. — Незадолго до Рождества 1962 года в детской телепередаче «Блю Питер»[879] появился щенок по кличке Петра. К сожалению, через два дня собака умерла от чумки. Не желая травмировать миллионы детей известием о трагической смерти щенка, Петре нашли замену, такого же черно-бурого щенка. Никто из зрителей подмены не заметил».

Издательская аннотация к книге сообщает, что «адвокат и автор Тина Фостер посвятила годы тому, чтобы выяснить, что же произошло с Джеймсом Полом Маккартни… Признанный эксперт в этой области, Тина выступала на радиопередачах в США, Великобритании, Канаде и Австралии».

Как ни странно, Фостер никак не объясняет, почему оставшиеся битлы и их товарищи-заговорщики так яростно стремились выдать собственную тайну, предлагая множество красноречивых подсказок.

135

В воздухе витало безумие. Вскоре после того, как в июне 1968 года в театре «Олд вик» поставили пьесу по книге Джона «Пишу как пишется», Йоко Оно вызвала к себе постановщика Виктора Спинетти. Спинетти потом записал их разговор.

— Ах, — сказала Йоко, — я хочу, чтобы ты поставил мою пьесу.

— Да? А какую? — спросил Спинетти. — Покажи сценарий.

— Нет, нет. Сценария нет. Зрители садятся в автобус. Всех везут к дому. Потом все из автобуса выходят к дому и открывают дверь — это символизирует осознанность. Потом все возвращаются в автобус. Потом едут к другому дому. Все выходят. На этот раз они встречают человека. Это символизирует начало общения. Затем зрители возвращаются в автобус…

Спинетти прервал ее монолог:

— Йоко, погоди минутку. В чем тут фишка? В смысле, что происходит?

— О, все едут в Гайд-парк и ждут, что будет.

— Например?

— Например, что стул с неба упадет.

Спинетти покосился на Джона — его лицо излучало любовь и изумление.

— Ух ты, Вик, это просто обалденно — стул падает с неба.

Спинетти так и не понял, шутит Джон или нет. Решив, что пора уходить, он сказал:

— Дорогая, я тебе для постановки не нужен. Обратись-ка лучше в агентство Кука[880]. У них автобусы что надо.

Йоко обиделась. «Она потом со мной несколько месяцев не разговаривала», — вспоминал Спинетти.

Примерно в то же время амбициозный восемнадцатилетний Ричард Брэнсон[881] заручился обещанием Джона и Йоко обеспечить первый выпуск его нового журнала «Стьюдент» гибкой пластинкой с песнями, которая крепилась бы к лицевой стороне обложки. Пользуясь этим обещанием, Брэнсон заказал немаленький тираж в 100000 экземпляров, подрядив Алана Олдриджа[882], человека с глазами-калейдоскопами, для создания психоделической обложки.

Но день печати близился, а обещанной пластинки так и не появилось. В отчаянии Брэнсон велел своим адвокатам припугнуть «Эппл» и Леннонов судебным иском на 100000 фунтов за нарушение обязательств.

Угроза сотворила чудо. Через несколько дней Брэнсону

позвонил Дерек Тейлор: «Ричард, приходите к нам в «Эппл». У нас для вас кое-что есть».

На месте Брэнсона проводили в подвал офиса на Сэвил-роу, где он уселся вместе с Джоном и Йоко, а Тейлор включил запись. Брэнсон навострил уши.

«Вслед за шипением из динамиков раздался мерный стук, как будто билось сердце.

— Что это? — спросил я.

— Это сердце нашего ребенка, — ответил Джон.

Звук тут же смолк. Йоко зарыдала и обняла Джона. Я не понимал, что происходит, но не успел ничего сказать, как Джон взглянул на меня из-за плеча Йоко.

— Он умер, — сказал Джон. — Это молчание нашего мертвого младенца».

Тейлор убеждал Брэнсона, что это — «концептуальное искусство», но тот не знал, как быть: сердцебиение нерожденного младенца вряд ли поможет продать тираж.

Спустя десятилетия Брэнсон скорбно замечает в своей автобиографии: «Мне было неловко выпускать такую личную запись». Он отказался от задуманной обложки, переделал дизайн всего журнала и сократил заказанный тираж. Джон и Йоко успешно избежали судебных разбирательств. Через несколько недель Тейлор прислал Брэнсону вежливое письмо с извинениями за доставленные неудобства, подписав его: «All you need is love».

Пока Йоко восстанавливалась после выкидыша в больнице Королевы Шарлотты, Джон не отходил от нее ни на шаг. Однажды утром он позвонил Виктору Спинетти и попросил его их навестить. Приехав, Спинетти обнаружил Йоко в кровати, за пишущей машинкой. Джон, растянувшийся на полу, выглядел ужасно.

— Господи, у кого из вас был выкидыш? — воскликнул Спинетти.

Джон засмеялся. Йоко продолжала печатать.

— Я пишу письмо дочери, — сказала она. — Пошлю ей стихотворение. — И она продекламировала: — «Не волнуйся, Кёко. Мамочка просто ищет свою руку в снегу»[883].

— Сколько ей лет? — удивленно спросил Спинетти.

— Пять.

— А когда ты ее последний раз видела?

— Четыре года назад.

— Знаешь, лучше пошли ей кукольный домик, — сказал Спинетти.

Когда он снова пришел их навестить, Йоко рассказала о своем новом проекте:

— Я купила десять тысяч чашек. Мы с Джоном берем молоток. Разбиваем чашку.

Продаем осколки. Их будут покупать и склеивать чашку, которую разбили мы с Джоном. Склеивать по кусочкам. Потому что теперь, когда мы с Джоном женаты, мы знаменитее Бертонов[884].

136

В субботу 14 июня 1969 года Джон и Йоко дали интервью Дэвиду Фросту в Лондоне. Начали они с того, что закидали зрителей в студии желудями, объяснив, что проходит неделя «Желуди за мир». Затем Йоко подарила Фросту «коробку улыбки». В коробке оказалось зеркальце. Потом Фрост спросил их о бэгизме[885].

Джон: Что такое бэгизм? Это как ярлык для всего, что мы делаем, ведь мы все в мешке, и мы поняли, что вышли из двух мешков: я был в своем поп-мешке, вращался в своем кругу, а она была в своем авангардистском кружке, вы вот в своем телекружке, а они в своем… ну, понятно? Все мы время от времени выглядываем наружу, но не общаемся. Мы все рассуждаем, что между музыкой, изобразительным искусством и поэзией нет границ… но мы все такие — «я рок-н-роллльщик», «он поэт». Вот мы и придумали это слово; и когда нас спрашивают, что это, мы отвечаем: мы все в мешке, детка!

Фрост: Значит, если залез в мешок или в сумку…

Джон: Мы вылезаем из одного мешка и забираемся в другой, и так постоянно, из одного мешка к другому.

Фрост: У вас с собой мешок. Зачем он вам?

Джон: Ну, иногда в него залезаем мы, иногда кто-нибудь другой.

Йоко: Понимаете, жизнь сильно ускорилась, в мире становится напряженнее и напряженнее, потому что все так быстро происходит, понимаете, и поэтому так приятно замедлить ритм целого мира, сделать его спокойнее. Это как в мешке: забираешься внутрь и понимаешь, что там спокойно, особо не развернешься. В мешке можно гулять по улицам.

Фрост: А вы так делаете?

© *Keystone Press/Alamy/DIOMEDIA*

Джон: Если бы в мешке приходили на собеседование при приеме на работу, то никого не отвергали бы за то, что они черные, зеленые или волосатые, понятно? Это полная коммуникация.

Фрост: Их отвергали бы за то, что они приходят в мешке. *(Смех в студии.)*

Йоко: Вообще-то, нет, если бы где-то было прописано, что на собеседование надо приходить в мешке, и тогда если ты проводишь собеседование, но подвержен предрассудкам, то судишь только по тому, что человек тебе говорит, а не так вот: «А, на нем черная замша? Не нравится он мне».

137

Из дневника Кеннета Уильямса. 15 июня 1969 г.

Битл, который женился на азиатке, был на программе Фроста. У него длинные волосы и внешность неказистая, очки в металлической оправе и странный гнусавый ливерпульский выговор. Он весь какой-то гротескный, чудаковатый и в целом производит очень глупое впечатление. Они с женой часто дают «интервью», сидя в мешке, чтобы добиться «объективности», а еще устраивают «лежки протеста» — долго лежат в постели и впускают в комнату энное число людей. Его вроде бы зовут Ринго Старр или как-то так (а нет, Джон Леннон), и он начинал как «певец» и музыкант в группе «Битлз», и вот мне никак не понять, зачем у него вообще брать интервью. Ума не приложу, чего этот бывший поп-певец добивается, разглагольствуя о состоянии человечества. Слушать его — мозги болят.

138

В сентябре 1969 года, навещая тетю Мими, Джон украдкой взял с каминной полки орден Британской империи, простоявший там последние четыре года, и, не сказав ни слова, увез в Лондон. Затем он поинтересовался у сотрудников «Эппл», как правильно вернуть орден королеве. Билл Оукс, личный помощник Питера Брауна, изучил этот вопрос и составил служебную записку:

Орден с кратким объяснением причин следует отправить секретарю Центральной канцелярии рыцарских орденов по адресу: Букингем-гейт, 8, SW1.

Дополнительно можно отправить еще два письма:

а) Гарольду Уилсону. В этом письме надо выразить основной протест, — предположительно, оно станет достоянием общественности;

б) Ее величеству королеве. Юристы советуют написать краткое уважительное послание с выражением сожалений.

Двадцать пятого ноября 1969 года Джон написал следующее письмо, состоявшее из одного предложения:

> Ваше величество!
>
> Возвращаю Вам орден Британской империи в знак протеста против участия Великобритании в гражданской войне в Нигерии, а также против поддержки Америки во Вьетнаме и против того, что «Cold Turkey» сползает в чартах.
>
> С любовью,
>
> Джон Леннон

Затем он велел своему водителю Лесу Энтони доставить орден в Букингемский дворец, а заодно передал два письма — премьер-министру и секретарю Центральной канцелярии.

Созвав пресс-конференцию в штаб-квартире «Эппл», Джон заявил, что ему всегда было неловко называться кавалером ордена Британской империи и что «Битлз» согласились принять эту награду исключительно по настоянию Брайана Эпстайна. «Меня всегда коробило, когда в письмах меня титуловали. Это же не мой мир. По-моему, этот орден — попытка истеблишмента купить битлов. Короче, я свой возвращаю, большое спасибо…

Я несколько лет это обдумывал. Сомневался даже на церемонии награждения. Получив орден, я отдал его тетушке, и она его с гордостью хранила на каминной полке. Еще бы, такая честь! Но чувства тетушки меня не остановят. Несколько месяцев

назад я забрал орден, а ей ничего не сказал. Ну, теперь-то она все знает. Прости, Мими, но такова жизнь».

Когда Мими узнала о случившемся, то ужасно расстроилась: «Знала бы, зачем он Джону, ни за что бы не отдала». Гордость не позволила ей признаться, что Джон забрал орден без спросу.

139

Вечеринка:

Здание муниципалитета Челси, Кингс-роуд, Лондон, SW3

3 июня 1969 г.

В понедельник «Эппл рекордз» разослала приглашения на почтовых открытках «Эппл пис»:

> Джон и Йоко и «Эппл рекордз» приглашают вас в этот четверг, 3 июля, на встречу с *Plastic Ono Band* в здании муниципалитета Челси на Кингс-роуд.

Однако во вторник, ведя машину по шотландскому высокогорью, Джон сверзился в кювет. Передок автомобиля разбит всмятку, а Джона, Джулиана, Йоко и ее дочь Кёко везут в больницу. Джону накладывают семнадцать швов, Йоко — четырнадцать, а Кёко — пять. Джулиана успокаивают и отпускают. «Джон — не водитель, годами за руль не садился», — объясняет Дерек Тейлор.

Тем не менее Джон настаивает, что презентация сингла «Give Peace a Chance»[886] группы *Plastic Ono Band* непременно состоится. А раз уж они с Йоко лично присутствовать не смогут, то пусть Тейлор пришлет в Шотландию съемочную бригаду, «записать приветствие с больничной койки».

За день до вечеринки Тейлору звонит глава съемочной группы и говорит, что Джон и Йоко отказываются их принимать, потому что у них «паршивое настроение». Группа возвращается в Лондон без фильма.

Но вечеринка состоялась, в средствах не стесняются. Здание муниципалитета Челси щедро украшено цветами и огромными белыми баннерами «ЛЮБОВЬ И МИР». Столы ломятся от угощения, которого хватило бы на пятьсот человек, хотя пригласили всего триста.

Гости начинают прибывать в половине шестого вечера. Их встречает Дерек Тейлор, извиняется за отсутствие хозяев. Из динамиков звучит закольцованная «Give Peace a Chance». Через несколько часов после «гаргантюанских возлияний», как выразился Тейлор, все выстраиваются паровозиком и, отплясывая

конгу, выходят на улицу. Это последняя вечеринка, устроенная битлом, и на ней не было ни одного битла.

140

Третьего декабря 1969 года американская журналистка Глория Эмерсон[887] взяла интервью у Джона и Йоко в штаб-квартире «Эппл». Карьеру она начинала как иностранный корреспондент в Сайгоне в 1950-е и знала, о чем говорит. Ее пылкая дискуссия с Джоном и Йоко, вышедшая в эфир две недели спустя на «Би-би-си радио 2», бесспорно, заслуживает внимания, потому что Эмерсон определенно не защищала позицию властей.

Джон: Если уж попадать на первую полосу, то со словом «мир».

Глория Эмерсон: Но вы же выставляете себя дураками!

Джон: Для кого-то — да, но мне плевать, если это спасает жизни!

Глория: Вы же не думаете, что… Боже ж ты мой! Вы витаете в облаках! Вы и впрямь думаете, что спасли хотя бы одну жизнь?

Джон: Может, в будущем спасем!

Эмерсон на одиннадцать лет старше Джона и на три года — Йоко; в голосе звучит раздражение, как у взрослого, с которым спорят упрямые дети.

Глория: Что вы вообще знаете о движении протеста? Для этого мало отправить персональную машину с водителем в Букингемский дворец!

Джон: Да вы просто сноб. Единственный способ…

Глория: А вы пустышка! Нет, я понимаю, что в Англии не любят чересчур серьезного отношения…

Йоко внезапно подает голос.

Йоко: Всему нужна улыбка, понимаете.

Глория: Понимаю. Резня в Пинквилле[888] — а-ха-ха! А нельзя отказаться от чего-нибудь другого, если…

Повисает неловкая пауза. Джон злобно смотрит на Глорию и яростно жует жвачку. Глория затягивается сигаретой.

Джон: Это не жертва. До вас, смотрю, все никак не дойдет. Вы раз пять уже сказали, что отдать орден — это пшик. Согласен, отказаться от титула — не жертва, мне за него было стыдно.

Глория: В чем тогда заключается ваш протест?

Джон (повышая голос): Я провел РЕКЛАМНУЮ КАМПАНИЮ ЗА МИР! ЭТО ВЫ ПОНИМАЕТЕ?

Глория: Нет, не понимаю.

Джон: …огромную рекламную кампанию за мир!

Глория: Не слишком ли вы себя возвеличиваете? Вы ратуете за мир или за Джона Леннона?

Джон начинает орать на нее. Она обращается с ним, как с

ребенком, а он обвиняет ее в буржуазном пустозвонстве. Похоже, он не знает, что она — военный корреспондент; а если знает, то забыл.

Джон: Если вам нужны буржуазные призывы к миру и манифесты интеллигенции, написанные кучкой слабоумных интеллектуалов, то их никто не читает! В этом беда движения за мир!

Глория: Ну точно, в облаках витаете. Вы даже не представляете, как вы далеки от ужасов происходящего. Наверное, просыпаетесь утречком во вторник и думаете: «Что б такого сегодня сделать? Где там сейчас воюют?»

Йоко: Это ваши фантазии!

Джон: Может, и фильм снимете заодно?

Глория: А ведь я вами когда-то восхищалась.

Джон: Какая жалость, что вам так нравились эти старые мочалки, и что вы считали меня язвительным и остроумным, и что вам зашел «A Hard Day's Night», милочка. Но я вырос, а вот вы, смотрю, нет.

Глория: И сколько же вам?

Джон: Двадцать девять.

Глория: Ясно.

Тут она становится тише и куда миролюбивее. Видимо, осознает, что Джон еще очень молод и его наивность простительна.

Глория: Как Греция?

Йоко: Прекрасно.

Джон: Мы там устроили отличный антивоенный протест на армейском телевидении. Наверное, вам не понравилось, что мы ездили в Грецию, а? Думаете, не надо было нам мотаться в фашистскую страну типа Греции, зато нормально жить в фашистской стране типа Великобритании или Америки, так?

Эмерсон невозмутима. Смотрит в потолок, оценивает ситуацию и только потом продолжает.

Глория: Я считаю, что в Америке сейчас жить хорошо, потому что если бы вам и правда было интересно, если бы вы были преданы идее ИЛИ хотя бы не трусили, то, в принципе, своими поступками могли бы изменить ситуацию.

Джон: Так я и пытаюсь поехать в Америку и сделать что-то вот уже месяцев семь или восемь, но не могу туда попасть.

Глория: Вы не понимаете, как надо протестовать…

Джон: Скажите, а что там пели на недавней демонстрации протеста? Ну, на той, большой?[889] Там пели «Give Peace a Chance»! Написанную специально для них!

Глория: К чему это, при чем тут это, и вообще, какое вы

имеете отношение к демонстрации?.. Да, там спели одну из ваших песен. Отличная песня. Но разве вам больше нечего сказать?

Джон грозит ей пальцем.

Джон: Вы говорили, что в Америке *(имитирует ее акцент)* «всерьез воспринимают протестное движение, но те же люди беспечно распевали веселую песенку», которую, оказывается, написал я, и я рад, что пели ее, и когда окажусь там, то спою ее вместе со всеми. Это было мое послание Америке, и не только: я употребил свой творческий дар на создание песни, которую мы все могли бы исполнить вместе, и я ГОРД, что ее спели на марше протеста. Мне было бы пофиг, если б спели «We Shall Overcome»[890], но так уж вышло, что спели мою песню, и я ГОРЖУСЬ этим, и буду рад поехать туда и спеть ее вместе со всеми!

Глория: Повеселите народ.

Джон: Да уж, ПОВЕСЕЛЮ.

Йоко выдает свою единственную длинную речь, произносит ее нарочито детским голоском, будто читает книжку малышам.

Йоко: Мы должны развеселить людей, потому что если мы их развеселим, то, может быть, остановим войну, ведь когда ты счастлив, когда улыбаешься, убивать никого не хочется, правда же, понимаете, потому что когда ты серьезен, то начинаешь думать о жестокости, смерти и убийстве. Ну вот вы видели, чтобы счастливый человек, с улыбкой на лице, кого-то убивал? Нет! Убийцы — несчастные люди, они жестоки потому, что очень несчастны и чертовски серьезны.

Эмерсон берет свою сумочку.

Глория: Мистер и миссис Леннон, мы друг другу прискучили, так что я, пожалуй, пойду. Спасибо. Прощайте!

Джон: По-моему, вы этого и добивались!

Эмерсон молча уходит.

Йоко (Джону) : Последнее замечание — меткое, она даже не ответила.

Джон: Да она и не слышала ничего.

На следующий год Глория Эмерсон вернулась в Сайгон, заявив, что «хочет снова писать о вьетнамском народе и масштабных негативных переменах в его жизни, ведь эту тему никогда не затронет огромный пресс-корпус, занятый освещением военной истории». В своих первых репортажах она рассказала, как Америка замалчивает данные о потерях и как солдаты употребляют тяжелые наркотики. Спустя годы она признавалась, что к концу своего пребывания во Вьетнаме уже потеряла счет юным американцам, которых утешала в их последние минуты

жизни.

Спустя девятнадцать лет, в декабрьском выпуске журнала «Q» за 1988 год, Йоко беседовала с журналистом Томом Гиббертом о наследии акций протеста, во время которых они с Джоном не вылезали из постели «за мир».

Гибберт: Вы оглядываетесь на эти акции с гордостью?

Йоко: О да! С гордостью и огромной радостью. Это же было благословение. Тогда люди смеялись над нами, а мы надеялись, что они станут смеяться вместе с нами, но не сложилось. Но в конце концов все это возымело эффект: в прошлом году, когда Рейган с Горбачевым обменялись рукопожатием на саммите[891], я почувствовала, что, ну, мы с Джоном как-то причастны к этому.

141

Шестого декабря 1969 года мой отец подошел к гостинице «Булл» в Лонг-Мелфорде, в графстве Саффолк, и в дверях столкнулся с Джоном и Йоко, которые как раз выходили.

Мне, двенадцатилетнему, разница в возрасте между отцом и Джоном казалась едва не столетней, хотя на самом деле их разделяло всего двадцать лет: отцу (родившемуся в 1920-м) тогда было сорок девять, а Джону (рожденному в 1940-м) двадцать девять. Как ни странно, моя мать (родившаяся в 1930-м) была и остается всего на три года старше Йоко.

Мой отец приехал в Саффолк пострелять голубей. Джон и Йоко приехали в Саффолк снять фильм «Апофеоз № 2»(«Apotheosis no. 2».). В нем был эпизод, где с площади очаровательной средневековой деревушки Лавенем взлетает огромный воздушный шар. В те дни Джон и Йоко, еще будучи в центре внимания, на съемках собственных фильмов сами нередко служили объектами съемки. На этот раз их снимала Би-би-си, для документального фильма «24 часа: Мир Джона и Йоко» («24 Hours: The World of John and Yoko».).

Этот фильм выложен на «Ютьюбе»: Джон и Йоко заселяются в гостиницу «Булл» (назвавшись «мистер и миссис Смит»), пьют чай в постели, а потом в белом «роллс-ройсе» едут сквозь снег из Лонг-Мелфорда в Лавенем. В самом начале есть жутковатый эпизод, когда Джон, в кровати другой гостиницы, зачитывает Йоко письмо:

Уважаемый мистер Леннон!

По сведениям, полученным посредством доски Уиджа, на вас будет совершено покушение. Это сообщил мне дух Брайана Эпстайна.

Джон и Йоко смеются.

В Лавенеме они сидят на заснеженной скамейке, глядят в никуда, укутанные в черное, так что видны только носы и глаза. В это время в небо поднимается громадный оранжевый шар. Помню, в передаче Би-би-си «На вершине популярности» это видео показывали клипом к синглу «Instant Karma».

Дверной проем гостиницы «Булл» был достаточно широк: отец прошел бы без помех, да и Джон бок о бок с Йоко тоже, а вот троим разом было не протиснуться. «Я не уступил», — с гордостью рассказывал потом папа. В конце концов Джон и Йоко посторонились, но — как следовало из триумфального папиного рассказа — не без борьбы.

В те дни разница в возрасте часто становилась проблемой,

особенно когда речь заходила о Джоне с Йоко. Старшее поколение подозревало, что они что-то замышляют, что-то скрывают, хотя что именно — толком никто не знал. В статье для «Дейли телеграф» мой будущий тесть Колин Уэлч (родившийся в 1924 году) попытался сформулировать эти подозрения. ««Битлз» и молодежь как будто говорили на собственном, тайном языке, исполненном зловещего смысла для них, но непонятого остальным», — писал он спустя годы. Для него «Битлз» к концу 60-х превратились «из простых эстрадных исполнителей в кумиров и пророков, в героев и философов целого поколения, а дешевые триумфы, политическое позерство, узость «мышления» и сентиментальная чувствительность сделали их образцами для подражания». Они были, писал он, Крысоловами, уводящими детей от родителей. «В их мире совершенно отсутствуют надоевшие добродетели, как воинские, так и супружеские; в нем нет верности, сдержанности, бережливости, трезвости, вкуса и дисциплины, всех тех нравственных ценностей, которые ассоциируются с усердным трудом, с упорным обретением знаний, навыков и квалификации. Все это уступило место декадентскому самовыражению, которое ничего не выражает, потому что не обладает умениями что-либо выражать».

Водоразделом стала, конечно же, Вторая мировая. Девятнадцатилетний Джон развлекался, исполняя скиффл с группой *The Quarrymen* в клубе «Касба». Мой отец в его возрасте вступил в Королевский полк камеронских горцев, шесть лет провел на фронте, был ранен в Нормандии, потерял единственного брата в Салерно. Двадцатилетний Колин тоже сражался в Нормандии; за десять месяцев военных действий его батальон Королевского Уорикширского полка потерял 170 процентов исходного состава. «Нормандия пахла смертью… гигантская бойня, кругом трупы — люди, животные, враги, наши, французы… и никого не похоронишь… окоченевшие и распухшие тела, припорошенные меловой пылью или облепленные грязью, с размозженными головами, жутко обезображенные, обсиженные мухами, гниющие, испускающие незабываемую, кошмарную сладковато-кислую вонь».

Война оказала сильнейшее влияние на них обоих; да и как могло быть иначе? «Хрупкость и ценность цивилизованного общества, как и ужасные последствия его краха, нанесли на нас неизгладимый отпечаток, — писал Колин. — В некотором смысле все мы стали консервативными, остро переживая утраченное, отчаянно стремясь сохранить оставшееся».

Двадцатилетний Джон играл в «Кэверн», собирался прожить жизнь, полную феноменальной свободы, выступать перед

восторженными слушателями, вкушая все прелести и блага роскошной жизни. Неудивительно, что многие из поколения, прошедшего войну, взирали на него со смесью недоумения, досады и — кто знает? — возможно, с толикой зависти.

142

Промежуточному поколению тоже было нелегко. В январе 1963 года тридцатипятилетний Росс Макманус[892] пел в оркестре под управлением Джо Лосса[893]. В то время Би-би-си и профсоюз музыкантов заключили соглашение о том, чтобы транслировать по радио не больше пяти часов записанной музыки в день, все остальное следовало исполнять вживую. Этим и воспользовался оркестр Джо Лосса: музыканты за считаные дни осваивали новейшие хиты других исполнителей и воспроизводили их в эфире.

Деклан, девятилетний сын Росса Макмануса, хорошо слышал, как отец разучивает песни с новых пластинок, прокручивая их раз за разом. «Отец репетировал в гостиной, и я привык, что от звуков его голоса дребезжат матовые стекла в дверях».

В январе Макманусу велели разучить песню под названием «Please Please Me» новой группы, «Битлз». Отец снова и снова ставил пластинку, а юный Деклан напряженно вслушивался в песню. Его поразил расклад вокальной гармонии: второй певец тянул ту же ноту вслед за солистом. «Я знал, что на этот «c'mon» придется отвечать папиным коллегам, Роуз и Ларри, и, скорей всего, они сочтут это дурацким приемчиком, но сам я просто не мог наслушаться этого крещендо, особенно резкий перескок на фальцет в первом «Please»».

Деклан попросил отца отдать ему пластинку, когда она станет не нужна. «Он подарил ее мне со смехом». Год шел, слава «Битлз» росла, и Деклан ждал каждого их нового сингла: отец приносил в дом пластинки и те в конце концов неизменно доставались потом Деклану. Диски прибывали свежие, только из печати, многие с красными наклейками: «ДЕМО-ДИСК» и «ДИК ДЖЕЙМС МЬЮЗИК, ЛТД».

В начале ноября Росс Макманус с оркестром Джо Лосса исполняли «If I Had a Hammer»[894] в «Королевском варьете». Деклана куда больше восхищало то, что в программу концерта входят «Битлз», чем то, что отец выступит перед членами королевской семьи.

Наутро после концерта Деклан, стараясь не выдать своего возбуждения, засыпал отца вопросами:

— Стептоу и сына видел? А Дикки Валентайна?[895]

Но вскоре он уже не мог сдерживаться:

— А ты с «Битлз» познакомился?

Отец пробормотал: мол, да, приятные такие парни. «Затем он запустил руку в карман пиджака, висевшего на спинке стула,

выудил оттуда листок тонкой почтовой бумаги и вручил его мне. Я его развернул, а на нем — автографы все четверых битлов… Еще чернила не высохли».

Книжка для автографов у Деклана была небольшая, и весь листок в нее не поместился бы. Тогда он вырезал автографы, обчекрыжил с конца «The» в названии группы и вклеил все четыре вырезанные подписи в альбом.

Спустя десять лет, когда Деклан начинал собственную музыкальную карьеру, Росс посоветовал ему не упоминать, что его отец когда-то пел в оркестре Джо Лосса, иначе его просто всерьез не воспримут. Деклан усилил маскировку, взяв себе псевдоним Элвис Костелло. «Подумать только, отцу тогда было тридцать пять… Наверное, ему было очень неловко просить у двадцатидвухлетних пацанов автограф для своего сынишки».

143

Все свое правление королева Елизавета II каждое Рождество выступает с обращением к народам Великобритании и Содружества наций. Первое свое рождественское послание она огласила в 1952 году, спустя десять месяцев после того, как взошла на трон. Ей было двадцать шесть лет.

© *Keystone/Getty Images*

«Каждое Рождество в это время мой возлюбленный отец обращался с посланием к своим народам во всех уголках земного шара, — начала она. — Сегодня к вам обращаюсь я, потому что вы теперь — *мой* народ».

Далее она просила подданных «поддерживать в себе те самые отвагу и дух приключений, что являются лучшими качествами молодежи». Закончила она словами о предстоящей коронации: «Хочу попросить, чтобы вы, независимо от вашего вероисповедания, молились за меня в этот день. Вознесите молитву, чтобы Господь ниспослал мне мудрости и силы сдержать торжественные клятвы, которые я принесу, и чтобы я преданно служила Ему и вам до конца своих дней».

Среди миллионов людей, услышавших ее выступление по радио, был десятилетний Пол Маккартни, который в том году окончил начальную школу и сдал свои первые важные экзамены. Через несколько месяцев Пол принял участие в городском конкурсе сочинений на тему коронации и ожидаемо выиграл главный приз, который ему торжественно вручили на церемонии в Пиктон-Холле.

«В день коронации Вильгельма Завоевателя малоумный саксонский народ собрался у Вестминстерского аббатства, дабы чествовать норманнского короля, когда тот пойдет среди них, — начиналось написанное аккуратным почерком сочинение Пола Маккартни десяти лет и десяти месяцев от роду. — Норманны сочли это за непокорность и обратились против саксов, перебив почти всех». Продолжалось сочинение на более позитивной ноте: «Однако на коронации нашей прекрасной юной владычицы, королевы Елизаветы II, не будет ни бунтов, ни убийств, ведь нынешние монархи правят не силой, но любовью».

Спустя одиннадцать лет Пол и его товарищи-битлы собрались в студии EMI, чтобы записать первое из своих рождественских посланий на гибких дисках и разослать их по почте членам фан-клуба. Это станет традицией, которая проживет до Рождества 1969 года, когда все члены группы разойдутся восвояси. Каждая из семи рождественских записей «Битлз» странным образом оттеняет традиционные, сдержанные обращения ее величества.

1963 г.

Рождественское послание королевы

«С моего прошлого рождественского обращения в мире произошло много великих событий и масштабных перемен, но ныне все они — часть долгой истории» (косвенная отсылка к убийству президента Кеннеди в ноябре). «Теперь же, как и ранее, для человечества важнее всего будущее.

Прогресс человечества возможен лишь в том случае, если наши устремления достойны и добродетельны.

Мы знаем, что наградой нам будет мир на земле, добрая воля, обращенная к людям…»

Заканчивает королева, напоминая подданным, что «хотя многое уже достигнуто, но сделать предстоит еще немало», и добавляет: «Вся моя семья вместе со мной желает вам всего наилучшего в это Рождество, и да благословит вас Господь в наступающем году».

Рождественское послание «Битлз»

Все четверо исполняют «Добрый король Вацлав»[896], дурашливо коверкая слова:

> «Brightly shone the boot that night, on the mossy cruel…»[897]

Джон: «Привет, говорит Джон, своим голосом. Мы все рады обратиться к вам с этого кусочка пластика… Год назад в это время мы были ужасно довольны, потому что «Love Me Do» попала в двадцатку лучших песен, и нам просто не верится, что с тех пор столько всего произошло». (Поет: «Gary Chrimble to you, Gary Nimble to you!»)[898]

Пол: «Подписываюсь под каждым словом Джона». (Пока он благодарит поклонниц за открытки и посылки, кто-то щиплет его — скорее всего, Джон, — и он вскрикивает «Ай!», а потом смеется.) Дальше Пол говорит, что стоило разок заикнуться, будто бы битлам нравятся джелли-бейбиз, «и теперь мы получаем их целыми коробками, и вообще мы их разлюбили». Зато «нам все еще нравится мятная помадка, шоколадные драже и конфеты ассорти».

В конце битлы поют «Happy Christmas» на исковерканном немецком, но с правдоподобным акцентом, приобретенным за месяцы, проведенные в Гамбурге.

Затем они исполняют «Ринго красноносый олень»[899].

1964 г.

Рождественское послание королевы

«Все мы, кто благословлен семьей и детьми, по опыту знаем: меньше всего причин для волнений, когда в доме стоит шум и гам…» Королева напрямую обращается к молодежи: «На вас мы возлагаем надежды на будущее. В вас нуждаются; перед вами лежит огромная задача: построить новый мир. У вас есть ум и отвага, воображение и человечность; направьте их на то, чего надлежит достичь в этом столетии, дабы человечество существовало в мире и процветании».

Заканчивает она словами: «Благослови вас Господь и, счастливого вам всем Рождества».

Рождественское послание «Битлз»

Звучит мелодия «Jingle Bells», затем все четверо хором затягивают: «Уж не знаю, где бы мы были без вас!» — а Джон добавляет: «Наверное, в армии».

Даже сейчас в их словах звучит ностальгия. «Мы записываем это обращение в студии номер два фирмы звукозаписи EMI, — говорит Пол. — Здесь мы работаем с тех давних пор, как записали «Love Me Do». Кажется, будто прошло много лет…» — «Да, было времечко», — вставляет Джон.

Джон упоминает о своей новой книге: «Как всегда ерунда, но стоит недорого. А вовсе даже и дешево».

Заканчивают они песней «Oh, You Can Wash Your Father's Shirt»[900], а потом многократно выкрикивают: «Счастливого Рождества».

1965 г.

Рождественское послание королевы

«Как показывает опыт, люди, которым по той или иной причине неведома полная и счастливая семейная жизнь, лишены поддержки и ободряющего влияния… Циники считают рождественское послание пустой тратой времени, но это угрюмый взгляд на жизнь, в которой много светлых и обнадеживающих граней».

Она заканчивает: «Каждому из вас я желаю очень счастливого Рождества, и если все мы, все Содружество, объединим наши усилия, то вполне возможно, что следующее Рождество станет счастливым для многих и многих людей».

Рождественское послание «Битлз»

Год от года послание битлов становится все более раскованным и все менее подготовленным. В 1965-м оно начинается с импровизированного исполнения «Yesterday», спетой мимо нот, а дальше следует дурашливая болтовня.

Джон говорит, быстро меняя региональные акценты; в том числе звучит и шотландский: «Мы из Эдинбурррга! Веселого Рррождества!» Потом он запевает «It's the Same Old Song» группы *The Four Tops*[901], но тут Ринго ему напоминает: «Авторские

права, Джонни!»

1966 г.

Рождественское послание королевы

В голосе ее величества звучит напор: «В этом году мое обращение в какой-то мере адресовано женщинам… Трудно представить, что всего пятьдесят лет назад женщины в Великобритании впервые получили право голосовать». Именно женщины, говорит она, «вдохнули нежность и заботу в стремительный прогресс человечества». Заканчивает она словами: «Да пребудет с вами Бог, и счастливого вам всем Рождества».

Рождественское послание «Битлз»

Начинается с импровизации Пола: он играет на рояле и поет «Everywhere it's Christmas!»[902].

В этом году битлы на день сделали перерыв в записи эпохального сингла «Strawberry Fields Forever» и устроили в эфире рождественский спектакль в духе «Болванов».

Сюжет практически непостижим. «Начинается наша история на Корсике, — говорит Джон. — А тем временем высоко в Швейцарских Альпах два престарелых шотландца жуют швейцарский сыр…»

Завершают свое послание битлы песней «Please Don't Bring Your Banjo Back, I Don't Know Where it's Been»[903].

1967 г.

Рождественское послание королевы

Ее величество отмечает столетие Канадской конфедерации: «У Канады есть все основания для гордости».

Также она воздает почести «великому морскому подвигу» сэра Фрэнсиса Чичестера, в одиночку совершившего кругосветное путешествие на своей яхте «Джипси Мот»[904].

Затем она говорит о ситуации в стране: «Несомненно, Великобритания столкнулась с огромными проблемами, но несомненно и то, что она их преодолеет» — и: «Решительные и

целенаправленные усилия нации, которая веками проявляла свою мощь, волю и находчивость, непременно принесут свои плоды».

Королева заканчивает: «Я надеюсь и молюсь, что, с Божьей помощью, рождественский дух семейного единства распространится и усилится и среди нашей семьи наций Содружества».

Рождественское послание «Битлз»

Это последнее обращение, записанное всеми битлами вместе; два последующих будут склеены из индивидуальных записей. После смерти Брайана Эпстайна в августе в группе наметился раскол. На второй день Рождества по телевизору показали «Magical Mystery Tour», вызвавший сильное недоумение у зрителей.

В этом послании звучит песня «Christmas Time (Is Here Again)»[905] — странная мешанина дурашливых реплик, оркестровой музыки, аплодисментов, звуковых эффектов, пародий на рекламу, шутливой викторины («На какой приз вы положили глаз?») и поздравлений, произносимых саркастическим тоном («Хотелось бы поблагодарить вас за чудесный год!»). Вся эта психоделическая бессмыслица создает бредовое, тревожащее впечатление; это своего рода прототип «Revolution 9», которую запишут годом позже.

1968 г.

Рождественское послание королевы

В этом году тема выступления — братство, «величественное слово». Однако «ему не следует оставаться абстрактным образом или общим местом. Каждый из нас может применить эту идею на практике, обращаясь с ближними с добротой и вниманием, постоянно и невзирая ни на какие провокации».

В отличие от битлов, ее величество говорит о мире и спокойствии. Как бы предваряя песню Джона Леннона «Imagine», она изрекает: «Философы и пророки пришли к выводу, что мир лучше войны, любовь лучше ненависти и что человечество может прогрессировать лишь в дружбе и сотрудничестве… Нам не следует печься лишь о материальном».

Заканчивает она: «Рождество — это праздник мира. И воля Божья в том, что мы постоянно должны стремиться к тому, чтобы

и на земле был мир, и в человеках благоволенье[906].

Надеюсь, что вы все счастливо встретите это Рождество, а в новом году вас ждут все возможные блага».

Рождественское послание «Битлз»

Из всех битлов к ее величеству по духу ближе флегматичный Ринго, его голос звучит первым: «Привет, это вам большой привет и искренние пожелания веселого Рождества от вашего Ринго Старра».

Следом гремит «Ob-La-Di, Ob-La-Da» с «Белого альбома», потом ускоренный обрывок «Helter Skelter», смесь оперной музыки, телефонных гудков и беспорядочных криков («Мне кажется, это безУУУУмие!»), и все это неровно сшито Джоном, который в честь своего нового увлечения несет всякую околесицу: «Жили-были два воздушных шарика, Джек и Йоно, и было им строго суждено влюбиться друг в друга раз в миллион лет они были вместе чувак неудачнографик они…»

Джордж предлагает более традиционные приветствия «всем нашим верным и любимым поклонникам по всему миру», а Пол немножечко поет.

Наконец Джордж объявляет: «У нас особый гость, мистер Тайни Тим»[907]. Тайни Тим писклявым голоском поет «Nowhere Man» под аккомпанемент укулеле.

1969 г.

Рождественское послание королевы

«Еще немного — и тысяча девятьсот шестидесятые завершатся, но они навсегда останутся в нашей памяти».

Говорят не битлы, а королева. Она, как обычно, прекрасно владеет собой. Напоминает всем, что в июле первый человек «покинул пределы нашей родной планеты и ступил на поверхность Луны, но и у каждого из нас есть свои триумфы и трагедии».

Она говорит, что всеми мыслями «с моими старшими детьми, готовыми служить народам Великобритании и Содружества[908]. Для меня и моего супруга большая отрада и утешение знать, что они обрели место в ваших сердцах.

Мы намерены посетить Австралию и Новую Зеландию, чтобы отметить двухсотлетний юбилей Кука, а также на острова Фиджи

и Тонга. Позднее в следующем году мы надеемся увидеть восхитительные плоды развития Северной Канады…».

Она добавляет, что «это совершенно естественно, что технологические достижения изумляют весь мир, но Рождество — празднество духа». Заканчивает ее величество словами: «В это время мы особенно печемся об одиноких, немощных и старых. Надеюсь, они изведают тепло и неустанную заботу окружающих и все вы встретите счастливое Рождество в кругу семьи и друзей. Да благословит вас всех Бог».

Рождественское послание «Битлз»

Как ни удивительно, но в последние недели уходящего, 1969 года битлы, которые все сильнее отдалялись друг от друга, умудрились записать послание фан-клубу; удивительно и то, что в эти беспечные хиппующие деньки они этим фан-клубом еще занимались. Официальный фан-клуб «Битлз» пережил саму группу чуть ли не на два года.

И снова каждая часть обращения записана по отдельности. Джон гуляет по саду, беседуя с новой супругой, которая его направляет.

— Ты бродишь по саду в Аскоте со своей женой Йоко, — напоминает она. — Есть у тебя какие-то особые мысли по поводу Рождества?

— Ну, Йоко, сейчас Рождество, и у меня все особые мысли — о еде… Йоко по-девчоночьи хихикает:

— И что бы ты хотел съесть?

— Мне нравятся кукурузные хлопья, приготовленные руками парижан и благословленные мантрой Харе Кришна.

Джордж просто желает всем счастливого Рождества; Ринго поет: «Good evening to you gentlemen, happy to be here»[909]; Пол высоким голосом выводит: «This is to wish you a merry new year»[910], а затем желает «удачи и счастливого нового года». Джон спрашивает Йоко о новом десятилетии.

— Все будут летать повсюду, — говорит Йоко.

— Я хочу большого плюшевого мишку! — просит Джон. — Спасибо, мамочка! — Хороший мальчик, Джон, — отвечает Йоко.

144

Передовица «Дейли миррор», пятница, 10 апреля 1970 г.

Конец песенного дуэта Леннон-Маккартни

ПОЛ ПОКИДАЕТ «БИТЛЗ» Автор: Дон Шорт

Пол Маккартни покинул состав «Битлз». Шокирующая новость знаменует собой конец самой знаменитой поп-группы Великобритании, участники которой за минувшее десятилетие стали кумирами миллионов во всем мире.

Сегодня двадцатисемилетний Маккартни сделает заявление, в котором подробно объяснит причины своего ухода.

Решению предшествовали многомесячная борьба из-за политики «Эппл», управляющей «Битлз» организации, и постоянно растущий раскол между Маккартни и его партнером-соавтором Джоном Ленноном.

В своем заявлении, состоящем из вопросов и ответов, Маккартни говорит:

«У меня нет дальнейших планов записываться или сниматься вместе с «Битлз». Как и сочинять музыку вместе с Джоном».

Прошлым вечером заявление хранилось под замком в сейфе штаб-квартиры «Эппл» на Сэвил-роу в Мэйфере, в том самом кабинете, где и начался распад «Битлз».

Группа решила назначить «бизнес-консультанта». «Битлз» остановили свой выбор на кандидатуре американца Аллена Клейна.

Этому назначению воспротивился Пол, который хотел, чтобы этот пост достался его тестю, американскому адвокату Ли Истману.

После встречи в Лондоне и голосования Пол остался в меньшинстве: трое (Джон и остальные битлы, Джордж Харрисон и Ринго Старр) против одного.

С тех пор как Клейн приступил к работе, Пол отказался ежедневно приходить в офис «Эппл».

Он хранил молчание и оставался у себя дома, в Сент-Джонс-Вуд, вместе с супругой-фотографом Линдой, Хизер, дочерью Линды от первого брака, и Мэри, рожденной от брака с Полом.

Близкие друзья пытались примирить Джона и Пола, но в

августе прошлого года был последний раз, когда они работали вместе — когда совместно выпускали альбом «Abbey Road».

ФИЛЬМЫ

Имелись и другие причины, ускорившие уход Пола. Джон Леннон, женившись на Йоко Оно, запустил собственные проекты, Ринго увлекся кинематографом, а Джордж занялся продюсированием звукозаписи.

Сегодня Маккартни раскроет свои планы относительно сольной карьеры. Ранее сегодня пресс-атташе «Эппл» опроверг сообщения об уходе Пола Маккартни из «Битлз».

При этом он добавил, что «в ближайшем будущем» записей не планируется.

145

Первым «развода» потребовал Джон.

Осенью 1969-го Пол затосковал по счастливейшим дням «Битлз». Ему казалось, что единственный способ вернуть утерянное чувство товарищества — это снова отправиться на гастроли, приезжать без объявления в захолустные городки и давать концерты в небольших залах. «Я думал, что мне, да и всем остальным тоже, не хватает выступлений на сцене».

Он рассказал о плане Ринго и Джону. Ринго, похоже, идея понравилась, а вот Джон сказал: «Да ты сбрендил» — и добавил: «Все равно я ухожу. Требую развода».

На самом деле Джон поговаривал о конце «Битлз» еще с тех пор, как вышла «I Want to Hold Your Hand». «Иногда хотелось попробовать чего-то совершенно другого, типа поставить фильм, — рассказывал он в феврале 1964-го журналисту из «Рэйв», когда они покоряли Америку. — Внимания публики станет поменьше, но я и не против. «Битлз», эта четверка веселых парней, достигла своего пика. Но мы уже не те. Мы старичье». Ему тогда было двадцать пять лет.

Несмотря на преувеличение, в словах Джона, как ни странно, есть доля правды: битлы старели с ужасающей быстротой. За пять лет — с 1964-го по 1969-й — они стремительно взрослели, не только в плане глубины их музыки, но и физически. Взгляните на их снимок 1964 года.

И на другой, сделанный в 1969-м.

Когда сравниваешь эти две фотографии, которые разделяет всего пять лет, то кажется, будто парней сокрушило бремя всемирного преклонения. Невероятный талант, невероятное воображение, невероятная жизнерадостность… и вдруг они стали загнанными и разбитыми. За пять лет невинность сменилась пресыщенностью, надежда обратилась в глубокое разочарование. Мне это напоминает ужасающую кульминацию романа Райдера Хаггарда «Она»:

> О, как прекрасна была она среди пламени! Ни один небесный ангел не мог бы превзойти ее красотой. Даже и сейчас, когда я вспоминаю, как она стояла, с улыбкой глядя на наши испуганные лица, у меня обмирает сердце, и я бы отдал половину оставшейся мне жизни, чтобы вновь увидеть ее в том же облике.
>
> И вдруг — я даже не могу описать, как внезапно это произошло, — ее лицо изменилось, я не могу определить

или выразить, в чем заключалась эта перемена, но она свершилась. Улыбка исчезла, вместо нее появилось сухое, суровое выражение; черты округлого лица заострились, в них запечатлелось глубокое беспокойство. Глаза померкли, утратили блеск; а фигура выглядела уже не такой прямой и совершенной, как прежде. <…> А лицо — о Небо! — ее лицо старело прямо на глазах у меня.

— Смотрите! Смотрите! Смотрите! — завизжал Джоб резким, испуганным фальцетом; глаза у него едва не выпали из орбит, на губах вспузырилась пена. — Смотрите! Смотрите! Смотрите! Она вся съеживается. Она стала сущей обезьяной. — И, скрежеща зубами, как в эпилептическом припадке, он повалился на пол[911].

© Max Scheler — K&K/Redferns

© Trinity Mirror/Mirrorpix/Alamy Stock Photo

Фото битлов этого периода могли бы служить иллюстрациями к назидательным историям или к знаменитому изречению святой Терезы Авильской[912]: «Больше слез пролито из-за услышанных молитв, нежели из-за тех, что остались без ответа».

Под конец их мир закис. Близкие связи и дружба поблекли, сменившись раздражением и взаимными упреками. Джорджу, несмотря на растущую славу поэта-песенника, по-прежнему казалось, что для Джона и Пола он все еще как маленький мальчик, ходящий за ними хвостиком. «Джон и Пол время от времени выделяли ему место на альбоме, но снисходительно, как хозяин, швыряющий кость псу, лишь бы не лаял», — вспоминал Джефф Эмерик. Однажды, когда Пол дал Джорджу какой-то совет по поводу «Here Comes the Sun», тот сорвался: «Ты мне не указ!»

Джону тоже претило, что Пол вечно всеми помыкает; Пола удручало бездействие Джона, его надменный отказ принимать участие в чем-либо.

Постоянное присутствие в студии Йоко, которая вечно сидела где-то в уголке, с головы до ног в черном, тоже напрягало всех, особенно вспыльчивого Джона, то и дело выискивающего во всех признаки недовольства по отношению к ней. Однажды Пол пропел строку: «Get back to where you once belonged»[913], и Джон решил, будто он как-то слишком выразительно посмотрел на

Йоко.

Паранойя Джона была не беспочвенной. Полу, Джорджу и Ринго было тошно, когда Йоко появлялась в студии. «Джон любит Йоко, а нас он больше не любит», — признался Пол одному журналисту. Джордж позднее вспоминал: «Своей энергетикой она, будто клин, вгоняла себя все глубже и глубже между Джоном и нами».

Тони Барроу вспоминает, как Йоко начала наведываться в студию: «Однажды посреди сессии она в полный голос сделала Джону какое-то банальное замечание об исполняемой песне. Остальные битлы ошеломленно завертели головами. На миг воцарилась мертвая тишина, а потом Пол выкрикнул: «Что за фигня?! Кто подал голос?! Какого хрена?» Разумеется, он прекрасно знал, кто помешал записи.

Остальные его поддержали: «Джордж, ты, что ли? Нет, губами вроде не шевелил…», «У нас новый продюсер?»».

Впрочем, и без Йоко настроение в группе царило напряженное, дело шло к расколу. Битлы по возможности работали раздельно. Гармония стала редкостью.

Иной раз Джордж и Ринго, разобидевшись, пулей вылетали из студии и потом еще несколько дней не появлялись.

А это как раз случилось на второй день после того, как Ринго вернулся. За две недели до того записывали «Back in the USSR»; внезапно он заявил: «Я в отпуск» — и ушел. Все это зрело давно: Ринго, как и Пола с Джорджем, достало присутствие Йоко в студии; он все время опасался, что его игра недотягивает до нужного уровня; считал, что с ним обращаются, как с посторонним. Последней каплей стало замечание Пола, который отчитал его за смазанное звучание тамтамов. Ринго уехал на Сардинию, но вскоре получил телеграмму: «ТЫ САМЫЙ ЛУЧШИЙ УДАРНИК В МИРЕ. ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ. ЛЮБИМ ТЕБЯ». К его приезду студию украсили цветами. «Прекрасный был момент».

Ринго уверовал, что остальные относятся к нему свысока: «Мне… казалось, что остальные трое по-настоящему счастливы, а я так, сбоку припека. Тогда я пошел к Джону… Сказал: «Я ухожу из группы, потому что плохо играю, меня не любят, я чувствую себя чужаком, зато вы трое по-настоящему близки». Джон ответил: «А я про вас троих так думал!» Тогда я пришел к Полу, постучался к нему и высказал все то же самое: «Я ухожу от вас. Вы втроем очень близки, а я чувствую себя чужаком». А Пол ответил: «А я про вас троих так думал!»».

Восемнадцатилетний Джон Курлендер, ассистент звукоинженера на Эбби-роуд, заметил, что членам группы трудно находиться в одной студии: «Когда на сессии присутствовал лишь

один битл, то все было прекрасно. Когда двое — хорошо. Когда трое — атмосфера немного накалялась, но вчетвером они становились просто невыносимы».

А еще они воевали из-за денег: когда группа распалась, то последующие судебные разбирательства тянулись столько же, сколько просуществовала сама группа. Джордж Мартин вообще не понимал, как они так долго продержались: «Восемь лет они жили бок о бок, словно узники, ни у кого из них не было своей жизни. Им просто захотелось пожить по-человечески, по-своему, с женами и семьями, и в конце концов им это удалось. Как по мне, это правильно». При этом он признавал, что распад группы спровоцировала и более приземленная грызня: «Деньги все портят… Там, где вращаются такие огромные деньги, непременно возникают разногласия. Но дело не только в этом. Главной проблемой был контроль».

Через день после объявления Пола Дерек Тейлор дал интервью «Дейли скетч». «Такое ощущение, что они развелись друг с другом», — сказал он.

146

Рассказ Крессиды Коннолли[914]

Я родилась в 1960 году, и «Битлз» были неотъемлемой частью моего детства. Мои старшие сводные братья постоянно крутили пластинки битлов, так что эти песни стали саундтреком к моей жизни. Паузы, разделявшие выходы новых записей — порой всего в несколько месяцев, — казались мне бесконечными, как ожидание летних каникул в первый день нового учебного года.

В детстве я выдумывала себе друзей, и в моем воображении Джон с Полом стали моими вторыми родителями. Наверное, это крайний случай нарциссизма. Мой настоящий отец был такой серьезный литератор — в очках, отстраненный, рассеянный и ворчливый; те же черты были присущи Джону. А Пол, милый, пухлощекий и жизнерадостный, сочетал в себе все лучшие качества мамы. Если бы Пол был моей мамой, все одноклассники постоянно торчали бы у нас в гостях. Он бы присвистывал вместе с чайником, лукаво улыбался, и все бы думали, что моя семья — самая милая и счастливая на свете.

Всем детям хочется, чтобы родители любили друг друга, и так же было со мной, Полом и Джоном. Когда они появлялись по телику, я жадно искала признаки их взаимной любви — и находила: ухмылочки друг другу, сдавленные смешки; прямо Дад и Пит[915] с гитарами. Папа-Джон был умнее мамы-Пола и иногда язвил, но мама-Пол умела с ним справиться, вернуть ему доброе расположение духа.

Я знать не знала, что они пишут песни по отдельности, пока не вышел «Белый альбом» и сводный брат не сказал, что Джон написал «Julia» о собственной покойной матери. Это вызвало у меня сложные чувства, с которыми так запросто не разберешься. Как я могла чего-то не знать о папе-Джоне? В реальной жизни я тоже ни разу не видела свою бабушку по отцовской линии, но это еще можно понять. Но почему мне не попадалось ни одной фотографии матери Джона, ведь она в некотором роде приходилась мне бабушкой?

Но больше всего озадачивало, что Пол и Джон сочиняют песни по отдельности. Как это? Они ведь неразделимы. Леннон-Маккартни — это одна сущность. С другой стороны, это откровение проливало свет на многое из того, что они написали. Пол-мама явно думал о семье, когда сочинял такие понятные детям песенки, как «The Fool on the Hill», «I Will», «Martha, My

Dear» и, конечно же, «Your Mother Should Know».

А вот Джон-папа явно хандрил у себя в кабинете и писал странные композиции вроде «I Am the Walrus». Мне было с чем сравнить это в реальной жизни: мой настоящий отец сидел в библиотеке, размышляя о незавершенной поэме «Кантос» Эзры Паунда, а мама пританцовывала на кухне под песни Коула Портера в исполнении Фреда Астера.

Известие о распаде «Битлз» в апреле 1970-го стало катастрофой. (Спустя десятилетия мои дочери с теми же ужасом и неверием воспримут новость об уходе Джери Халлиуэлл из *The Spice Girls*.) Развод! Раскол семьи! Так же не бывает, да? Это законно? Нет-нет, их обязательно остановят, стукнут головами и втолкуют, что надо думать о детях, ведь так?

Разумеется, с тошнотворной неотвратимостью появились другие семьи. Ладно, у Линды хотя бы лицо было доброе, и с ней Пол-мама обрел счастье. Только ведь она привела с собой Хизер, а значит, у Пола-мамы появилась своя дочь. Моя соперница, узурпатор. А Йоко… что ж, дела у Джона-папы шли не так радужно. Он побледнел, перестал бриться, вид у него сделался отстраненный. (О том, что у Йоко тоже была дочь, я узнала много позже.) И вообще, чего она рядом с Джоном-папой ВСЕ ВРЕМЯ крутится? Как мне теперь побыть с ним наедине? Все эти гадания, обиды и горести длились года два или три. Потом я стала подростком, забыла о родителях и думала только о *The Jackson 5, The Bay City Rollers* и о том, как сделать себе прическу а-ля Сюзи Кватро[916].

147

В 1960-м, в год, когда *The Silver Beetles* сменили название на просто «Битлз» и отправились в Гамбург, в английском языке появились слова «theme park» («тематический парк»), «wheeler-dealer» («воротила»), а еще прическа «beehive» («улей» или «Бабетта»).

В следующие три года возникли такие слова и выражения, как «life-style» («стиль жизни»), «Purple Heart» («пурпурное сердце»), «Chelsea boots» («ботинки-челси»), «trendy» («в тренде»), «no problem» («без проблем») и «mind-expanding» («расширяющий сознание»). Новые тенденции порождали и новые слова: «flares» («клеши») — расширяющиеся книзу брюки, впервые появились в 1964-м вместе с «gonk» («гонк», плюшевый гномик) и «disco» («диско»). «Swinger» («свингер»), «topless» («топлесс») и фраза «beautiful people» («прекрасные люди») возвестили о наступлении менее консервативной эпохи.

В 1964 году ливерпульский писатель Алун Оуэн употребил в сценарии «A Hard Day's Night» прилагательное «grotty»[917], да и вообще вставил в диалоги словечки, которые, по его мнению, могли бы использовать битлы; например, «dig» («врубаться»), «fab» («клево») и «drag» («крутая тачка»). Он-то думал, что «гротти» распространено в ливерпульском жаргоне, и очень удивился, узнав, что никто из битлов его раньше не слышал. «Мы решили, что это очень странное слово, — вспоминал потом Джон. — Джордж так и вовсе смущался всякий раз, когда его приходилось произносить». Однако популярность фильма сделала так, что к концу года «гротти» прочно вошло в лексикон всей страны.

В 1965-м английский обогатился словами «mini-skirt» («мини-юбка»), «go-go dancer» («танцовщица гоу-гоу»), «teeny bopper» («тинибоппер»), «loon» («баклан»), «zit» («прыщ»), «downer» («нытик») и фразами «women's liberation» («освобождение женщин»), «chat show» («чат-шоу»), «freak out» («кумарить»), «turn on» («завестись»). В 1966-м к ним примкнули «freaky» («сумасбродный»), «peacenik» («пацифист»), «centrefold» («красотка с разворота журнала»), «suss out» («просечь»), «blow-dry» («укладка феном»). В том же году в печати впервые проскользнуло выражение «трансцендентальная медитация», хотя с Махариши Махешем Йоги битлы встретились только в 1967-м, и тогда же оно вошло в обиход — вместе с «love-in» («сходка хиппи»), «rave» («рэйв»), «encounter group» («групповая встреча»), «hype» («хайп», «раскрутка»), «groupie» («групи»), «generation gap»

(«конфликт поколений»), «mind-blowing» («крышеснос», припозднившийся спутник «mind-expanding» — «расширения сознания»), «flower power» («власть цветов»), «flower people» («люди-цветы»). Также в 1967 году появилось «vibes» («флюиды», «энергетика»), однако первое фиксированное его употребление битлом состоялось только через год: Джордж увидел, как Йоко без спросу ест его имбирное печенье, и сорвался: «У тебя плохая энергетика». Следующий, 1968 год подарил английскому языку слова «paparazzi» («папарацци»), «druggy» («наркоман»), «permissive society» («общество вседозволенности»), «granny glasses» («бабушкины очки», круглые очки в тонкой металлической оправе), «phone-in» («телефонный протест»), «love beads» («фенечки»), «tank top» (разновидность майки), «unisex» («унисекс»), «no way» («ни фига себе» в смысле «не может быть»).

Затем, в 1969-м, настала очередь «ego trip» («самолюбование»), «one parent family» («осколочная семья»), «alternative society» («альтернативное общество»), «jet lag» («джетлаг», синдром смены часовых поясов), «bovver boot» («бовверы», тяжелые ботинки со стальным носком), «missionary position» («миссионерская позиция») «roady» («гастрольный менеджер»); с опозданием на четыре года появился и антоним «turn on» («завести») — «turn off» («отключиться»). 25 марта того же года в амстердамском отеле «Хилтон» Джон и Йоко одновременно изобрели и продемонстрировали неологизм «bed-in» («постельная акция протеста»), лежачую вариацию «sit-in», «сидячей забастовки», которая — что, пожалуй, неудивительно — к тому времени существовала вот уже лет сорок. Неделей позже на пресс-конференции в Вене они же представили словечко «bagism» (« бэгизм»).

«Битлз» распались в апреле 1970-го, когда рождались «hot pants» («шортики в обтяжку»), «counter-culture» («контркультура»), «right on» («в точку»), «lava lamp» («лавовая лампа»), «upfront» («прямолинейный»), «pop festival» («поп-фестиваль»), «let it all hang out» («оттянуться по полной»). К концу года к этим словам и выражениям присоединились «noise pollution» («шумовое загрязнение»), «microprocessor» («микропроцессор»), «property developer» («застройщик») и «chicken brick» («керамическая утятница»), возвещая о наступлении эпохи прозаичной обыденности.

148

Самая успешная поп-группа XX века была создана в Ливерпуле в 1959 году Джерри Марсденом и его братом Фредом, вместе с Лесом Чедвиком и Артуром Макмахоном. *Gerry and the Pacemakers* собрали крупную фанатскую базу у себя в родном Ливерпуле и оттачивали таланты в Гамбурге, в Западной Германии.

О *Gerry and the Pacemakers*, об их возникновении, значимости и влиянии на общество и искусство 1960-х написано много книг. О различных периодах их существования — от ранних репетиций на верфи «Кэммелл Лэрд» в Биркенхеде и до самого их распада — сняты фильмы, в самом недавнем из которых роль Джерри Марсдена исполнил Райан Гослинг.

Как *Gerry and the Pacemakers* удалось обойти конкурентов вроде *Dave Clark Five, The Searchers, The Beatles* и *The Swinging Blue Jeans* и стать одними из самых узнаваемых лиц в мире поп-музыки?

Начнем с того, что репертуар у них был намного шире, чем у соперников: к 1960-му у них уже имелось в запасе 250 песен, от рок-н-ролльных типа «What'd I Say»[918] и до баллад вроде «Will You Love Me Tomorrow?»[919]. Их современники, мерси-бит-группы типа «Битлз», добившиеся схожего успеха на заре своего существования, таким арсеналом не располагали. Более того, у битлов не было фронтмена, то есть им недоставало точки сосредоточения. Трудно вообразить, но сложись события иначе, мир сейчас говорил бы о Джоне, Поле, Джордже и Ринго (имена битлов), а не о Джерри, Фреде, Лесе и Артуре.

© *David Farrell/Redferns*

Успех пришел к ним быстро. В январе 1962-го *Gerry and the Pacemakers* досталось второе место в списке лучших групп по итогам читательского голосования в «Мерси-бит», а *The Beatles* заняли первое, но вскоре все переменилось. Историки считают, что самой большой ошибкой битлов стал их отказ от хита «How Do You Do It?»[920].

Песню им предложил музыкальный продюсер Джордж Мартин, но вместо нее они решили выпустить одну из своих — «Love Me Do». В итоге «How Do You Do It?» подхватили *Gerry and the Pacemakers*. Как известно, песня заняла первое место в национальных чартах, а «Love Me Do» так и не поднялась выше второго. Следующие синглы *Gerry and the Pacemakers* — «I Like It» и «You'll Never Walk Alone»[921] — тоже заняли первое место. По сей день они остаются единственной группой, первые же три сингла которой заняли лидирующее место в хит-параде.

Gerry and the Pacemakers, как никому другому, удалось уловить дух 60-х. Впрочем, *The Searchers,The Beatles* и *The Swinging Blue Jeans* не бедствовали в 1980-е и 1990-е, гастролируя с ретротурами, посвященными этой эпохе. Их участники до сих пор мелькают в документальных фильмах о *Gerry and the Pacemakers* и всегда с радостью приезжают на конвенты, посвященные группе.

Во второй половине 1960-х *Gerry and the Pacemakers* были тесно связаны с движением хиппи. В 1968-м, попав под чары

Махариши Махеша Йоги, они несколько недель провели в индийском городе Ришикеше, изучая трансцендентальную медитацию. В Великобританию они вернулись с множеством новых песен, которые вошли в знаменитый «Черный альбом», выпущенный на их собственном лейбле «Оранж». Примерно в то же время Джерри Марсдена окрутила японская концептуальная художница Йоко Оно, с которой он переехал в Нью-Йорк. В 1980-м его у подъезда собственной квартиры застрелил психически неуравновешенный фанат.

А что стало с группой *The Beatles*, соперниками Чудесной четверки на раннем этапе их существования? Джордж Харрисон сделал успешную карьеру сессионного музыканта и в 2001 году умер от рака. Джон Леннон и Пол Маккартни в последний год гастролировали по Великобритании с концертной программой «Трибьют *Gerry and the Pacemakers*», радуя публику достоверным воспроизведением знаменитого хита «You'll Never Walk Alone». В каждом из выступлений они с трогательной настойчивостью исполняют пару своих песен, «Yesterday» и «A Hard Day's Night». «Они нафиг никому не нужны, но мы все равно их поем», — говорит Джон.

В погоне за давней мечтой Ринго Старр сошел с музыкальной стези в 1966-м и теперь владеет прибыльной сетью парикмахерских салонов на северо-востоке Англии.

149

Элеонора Рузвельт однажды заявила, что за пределами США есть всего два отеля, в которых стоит останавливаться: парижский «Георг V» и ливерпульский «Адельфи». В пору своего расцвета отель «Адельфи» принимал Ноэла Кауарда, Фрэнка Синатру, Уинстона Черчилля и Франклина Делано Рузвельта. Как-то раз вниз по ступеням «Адельфи» прогарцевал Рой Роджерс на своем коне Триггере[922]. Лидер оппозиции, впоследствии премьер-министр Гарольд Уилсон — член парламента от ливерпульского округа Хайтон, — использовал отель как штаб-квартиру своей предвыборной кампании.

Сейчас отель «Адельфи» пришел в запущение. Ковры и шторы волглые. У входа в цокольный этаж, где находится плавательный бассейн, оформленный в псевдогреческом стиле, висит табличка: «Ножи запрещены». В некогда элегантном коктейльном баре теперь продают два светлых пива по цене одного, в «счастливый час». В 2019 году супруги-американцы Джейн и Клифф Моэм пожаловались местной газете «Ливерпул эко» на блевотину в коридоре, под дверью их номера, на отсыревшую потолочную штукатурку («вот-вот обвалится»), на замызганную ванную комнату, на ужасные кровати, грязные, наглухо заделанные окна и шторы, наполовину оборванные с карниза.

И все же, когда воскресным утром я приехал на ежегодную Международную неделю «Битлз», в огромном вестибюле «Адельфи» было не протолкнуться. Там, равно как и в номерах по соседству, теснились сотни палаток с сувенирами. Бóльшую часть сувенирной продукции продавали по цене примерно в 150 раз выше обычной. Банное полотенце (США, 1964 год), украшенное изображением неузнаваемых битлов в эдвардианских купальных костюмах, стоило 140 фунтов; жестянка гигиенического талька «Битлз» (Великобритания, 1964 год) — 210 фунтов; «мегаредкий и практически новый» пенал для карандашей «Битлз» (Германия, 1965 год) — 920 фунтов; пачка жевательной резинки «A Hard Day's Night» с «одной оригинальной нераспечатанной вощеной оберткой» — 240 фунтов; пазл «Битлз» 1967 года — 250 фунтов; календарь «Битлз» (Великобритания, 1965 год) — 360 фунтов; пена для ванны «Ринго Старр» (США, 1964 год) — 140 фунтов; пена для ванны «Пол Маккартни» (США, 1964 год) — 240 фунтов; коробка для школьных завтраков «Желтая подводная лодка» (США, 1968 год) — 235 фунтов; бумажник «Битлз» (Великобритания, 60-е, «в идеальном состоянии») — 175 фунтов; двусторонняя головная повязка «Битлз» («универсального

размера») в оригинальной полиэтиленовой упаковке — 45 фунтов; красная монетница «Битлз» — 85 фунтов; и так далее…

В одном из киосков в дальнем углу я обнаружил листок почтовой бумаги из отеля «Георг V». Рядом с ним красовалось письмо, напечатанное на пишущей машинке, и озаглавленное: «АВТОГРАФЫ «БИТЛЗ»:

> Вниманию заинтересованных лиц.
>
> Данный документ удостоверяет подлинность подписей Джона Леннона, Пола Маккартни и Джорджа Харрисона. Эти подписи оставлены на листке почтовой бумаги из отеля «Георг V» в Париже, Франция. «Битлз» провели в Париже несколько недель, перед их первым визитом в Америку, и дали 18 концертов в театре «Олимпия», которые закончились 4 февраля, всего за четыре дня до отлета в Америку с их первым историческим визитом. В Париже «Битлз» жили в отеле «Георг V». Все трое оставили замечательные автографы на листке почтовой бумаги: Джон и Джордж — красным фломастером, а Пол — черным, добавив: «С наилучшими пожеланиями от «Битлз»». За Ринго в его отсутствие также расписались.
>
> По моему экспертному заключению, вышеозначенный листок с подписями является подлинным, как и сказано в описании. Мое мнение основано на более чем тридцати годах изучения материалов, подписанных «Битлз» либо написанных ими от руки.
>
> С уважением,
>
> Фрэнк Каяццо

За автографы всего троих, а не четверых битлов просили 6000 фунтов[923]. В соседнем киоске мне попалась на глаза пластинка-сорокапятка в отличном состоянии, с синглом Фредди Леннона «That's My Life», где на подпевке — *The Ladybirds*[924]. За нее просили всего 10 фунтов, что было примерно в 100 раз ниже самого дешевого из ценников. Я протянул продавцу десятку, ожидая, что он вот-вот заметит свою ошибку, но он с улыбкой взял деньги. Лишь позднее я заметил приписку мелким шрифтом:

Этот трек был преобразован в цифровую форму с оригинального сингла 1965 года, любезно предоставленного менеджером Фредди, Тони Картрайтом.

То есть я отдал 10 фунтов за новодел.

Еще в одном ларьке собирали средства на статую Брайана Эпстайна. «Мы намереваемся установить первую в мире статую

Брайана Эпстайна, пятого битла и одного из самых творческих людей в мире, — говорилось в рекламном буклете. — Он навеки сплотил человечество, оказав на него невероятно позитивное влияние. Его наследия не замечают, несмотря на его неизмеримый вклад в поп-культуру. Мало кто вспомнит его лицо и улыбку. Поэтому нам необходим памятник в его честь. Он должен оставаться среди нас и будет поистине совместной работой. От людей — людям.

МЫ создадим Брайана — вместе…»

Я отправился бродить по соседним помещениям. В баре «У Кромптона», где когда-то сиживал с коктейлем «мартини» Ноэль Кауард, бразильский коллектив *The Bluebeetles* исполнял «For the Benefit of Mr Kite». В баре «Уэйв» финская группа *She's Leaving Home* играла «Lovely Rita». В люксе «Кросби» я почти ожидал застать группу под названием *Lovely Rita*, которая исполняла бы песню «She's Leaving Home». Вместо этого там группа из Испании *Abby Road* исполняла «Come Together», а в Американском баре *Fab Twins*, акустический дуэт из Бристоля, пел «Here, There and Everywhere».

Продавцов битловских сувениров, покупателей и трибьютов было столько, что у меня закружилась голова. Не хватало еще упасть в обморок от битломании. Мне захотелось на свежий воздух, и я бросился к лестнице на выход. На полпути меня окликнули: «Крейг!» На ступеньках сидел какой-то старик. Я понятия не имел, кто это и откуда он меня знает.

— Меня Стиви Ти предупредил, что вы здесь будете! Я Билл Смит!

Мы пожали друг другу руки, и тут я вспомнил, как Стиви Ти, наш вчерашний гид, посоветовал мне отыскать Билла Смита, участника оригинального состава *The Quarrymen*.

— Вы же знаете нашу историю? — спросил Билл.

Я ответил, что да, но это, само собой, был блеф. Мне как-то недосуг заняться *The Quarrymen*: постоянная смена участников по сложности напоминает Войну роз или шлезвиг-гольштейнский вопрос[925]. Насколько мне удалось выяснить, в период с лета 1956-го (когда в группе играл Билл) и по октябрь 1959-го (когда в группу пришли Пол, Джордж и некий Кен Браун, а все остальные, кроме Джона, успели уйти) сменилось чуть ли не девять составов. Примерно в это время — вы еще не запутались? — *The Quarrymen* сменили название на *Johnny and the Moondogs,* затем на *The Beatals*, затем на *The Nerk Twins*, затем на *The Silver Beatles* и, наконец, 12 августа 1960-го, — на *The Beatles*. Но даже этот список неполон, на разных этапах они были еще и *The Silver Beats,The Beetles*, и *Long John and the Silver Beatles*.

Причем все это — лишь первая часть курса для начинающих. Истинный ценитель «Битлз» про каждое воплощение *The Quarrymen* оттарабанит вам историю слов так на две тысячи (минимум) не моргнув и глазом, а потом с радостью ночь напролет будет спорить, когда же на самом деле Джордж Харрисон пришел в группу: 7 декабря 1957 года в Уилсон-Холле, как утверждает Барри Майлз, или там же, но 6 февраля 1958-го, как говорит Марк Льюисон, или же это было в клубе «Морг скиффл селлар» 13 марта 1958 года, если верить барабанщику *The Quarrymen,* Колину Хантону, или вовсе в местной закусочной, в неизвестную дату, как всегда утверждала мать Джорджа, Луиза.

Встреча с Биллом Смитом на лестнице в «Адельфи» перенесла меня в другую эпоху. Я как будто столкнулся с каким-нибудь малоизвестным министром в правительстве мистера Гладстона. О чем его спрашивать? К счастью, Билл и сам был рад поговорить, без расспросов. Сказал, что они с Джоном вместе учились в школе «Куорри-Бэнк». «Мы с ним постоянно дурью маялись. Например, по очереди свистели за спиной у учителя. Он оборачивался, но не знал, кто свистнул. Тут свистел еще кто-нибудь, и учитель снова оборачивался. И все равно не знал. Так и продолжалось. Мы его с ума сводили! А потом Джон взял и подставил Пита Шоттона, громким шепотом сказав: «Эй, Пит! Завязывай! Он просек!» Так из-за Джона Питу и влетело!»

Мысль собрать группу пришла Джону в голову в 1956 году. Он подбил на это лучшего друга, Пита Шоттона, и вдвоем они стали думать, на чем играть. В отцовском сарае Пит отыскал стиральную доску и решил, что играть на ней несложно. Затем Джон позвал Билла, который стащил из школьной столярки чайный ящик, увез его на велике, а потом превратил в бас, продев в него ручку от метлы. Вместе с одноклассниками Эриком Гриффитсом (гитара) и Родом Дэвисом (банджо) они сформировали группу и стали исполнять скиффл-композиции. Но как бы им назваться? «Я предложил *The Quarrymen*, потому что мы все учились в «Куорри-Бэнк». Джону название не нравилось. Он сказал: «Не, стремное какое-то». Ему, наверное, казалось, что оно слишком официальное, но Пит возразил: «Да нет, хорошее название», и Эрик согласился. Ничего лучше Джон придумать не смог, так название *The Quarrymen* за нами и закрепилось».

Билл был очень душевным и, в отличие от многих, кто близко общался с битлами, не питал иллюзий. Не набивал себе цену. Сказал, что пробыл в группе не так уж и долго: «Отец хотел, чтобы я чего-то добился в жизни. Надо было сдавать экзамены. Затем двое из *The Quarrymen* пошли в торговый флот, а Пит поступил на службу в полицию. А Джон вырос без отца, поэтому,

как окончил школу, прохлаждался в Художественном колледже».

Билл не жалеет о том, что бросил группу, и я, как ни странно, ему верю. «У меня жизнь удалась. Было и хорошее, и плохое, как у всех, но в целом жизнь удалась». Но тут он вспомнил, о чем все же жалеет: «Уходя из группы, я забрал с собой чайный ящик. Убрал в отцовский гараж. Джон с Леном и Гарри его оттуда выкрали, только я его снова у них умыкнул. Потом заметил, что Джон его сплошь разрисовал какими-то фигурками и всякой всячиной. Вот теперь иногда думаю, на сколько бы он сейчас потянул. Жаль, что отец его выбросил!»

Билл принес с собой книгу. В названии я заметил слово «Битлз» и поинтересовался, о чем в ней. «Ой, не спрашивайте!» — ответил Билл и добавил, что купил ее в одном из ларьков. Затем передал ее мне: «Джон, Пол и я до «Битлз»: Правдивая история самых ранних дней»[926] Лена Гарри. Вскоре я уже пожалел, что спросил о ней.

— Правдивая история, ну-ну! Правдивая! БРЕХНЯ от и до! Не то чтобы я вообще покупать ее хотел! Просто виделся на днях с женой Лена, она мне и говорит: «Ты уже читал книгу Лена?» — а я такой: «Нет, я же не особый читатель», и тогда она сказала: «О, ну эту-то надо прочесть», да так и пристала, вот и пришлось купить экземпляр у ее дочери, она вон там сидит, за прилавком, у нее целая гора этих книжек навалена. Стоила книжка пятнадцать фунтов, я дал двадцатку, а дочка Лена мне: «Сдачи не будет». Зажала мою двадцатку, а вместо сдачи вручила сидюк, который мне даром не нужен! В общем, сижу, листаю книжку, и знаете, на чем остановился? Нет, вы гляньте, гляньте!

Он пролистал на страницу 75, которая была озаглавлена:

Глава 5

Пит Шоттон, Джон Леннон и бас из чайного ящика

Четверг 11 ноября 1956 г. Время 15:30

Я послушно прочел следующий абзац:

> Джон Леннон и Пит Шоттон, два члена новой скиффл-группы *The Quarrymen,* вывели свои велосипеды из сарая школы «Куорри-Бэнк». Для середины ноября денек выдался сравнительно теплый, так что они гуляли вволю.

— Слышь, Джон, зачем ты взял в группу Билла Смита? Он на репетиции не приходит, да и сам он мне не нравится.

— Знаешь, Пит, он, вообще-то, сам загорелся вступить, но, раз он такой ненадежный, надо подыскать ему замену.

— Как насчет Лена Гарри? Знаешь ведь, он петь умеет, и у него с чувством юмора полный порядок.

— Да, Лен — тот, кто нам нужен.

Даже сейчас, шестьдесят три года спустя, Билл не мог сдержать возмущения, считая такое изложение событий ужасающе неверным.

— Вот ведь чушь! Его там не было даже, откуда ему знать, что они говорили? Я сам из группы ушел! У меня свои дела были! А Лен гораздо позднее пришел! Он даже не из нашего класса был! Брехня от и до, полнейшая! Подумать только, и за этот бред он дерет пятнадцать фунтов!

На конвент Билл вообще приходить не собирался. Он явился только потому, что Стиви Ти сказал ему: это, мол, твой долг перед историей.

Наконец я сказал, что мне пора, и на прощание шутливо добавил:

— Стиви Ти просил при вас не упоминать о Брекзите!

У Билла загорелись глаза. Спустя полчаса Билл Смит, один из основателей группы *The Quarrymen,* все еще рассуждал о произволе Евросоюза.

150

Позднее, после похорон и коронерского расследования, Джоан Ньюфилд, секретарша Брайана, едет к нему домой, в Белгравию. Клайв, брат Брайана, попросил ее разобрать кое-какие бумаги. Джоан не хочет, но понимает, что это ее долг.

Дом пуст. Она поднимается в спальню, где и обнаружила Брайана. Ощущение жуткое: она словно бы чувствует его присутствие.

Хочется собрать все, побросать в сумки и поскорее уйти отсюда. Джоан натыкается на большую папку, в которой оставляла письма Брайану на подпись. В ней она находит две предсмертные записки: одна — для матери, Куинни, другая — для Клайва. Как ни странно, обе датированы несколькими неделями до смерти.

Оба письма короткие, занимают едва ли страницу каждое. Позднее Джоан вспоминает, что в них говорилось нечто вроде: «Не грустите. Не печальтесь. Со мной все хорошо. Берегите себя. Люблю вас». Может, Брайан о них забыл?

8 сентября 1967 г.

На коронерском расследовании доктор Р. Дональд Тир, консультант-патологоанатом, показывает, что в крови покойного было обнаружено 168 миллиграммов солей брома. Бром входит в состав снотворного карбитала, но такой высокой концентрации можно добиться лишь в результате длительного приема препарата. «Сатурация желудка предполагает шесть капсул. Концентрация в крови — примерно девять капсул, но приняты они были не единовременно». Доктор Тир говорит, что мистер Эпстайн был «близок к отравлению бромом. На то, чтобы в крови образовалась такая концентрация, требуются не дни, а недели». Он добавляет, что переизбыток брома ведет к угнетению сознания, снижает память и интеллектуальные способности, вызывает сонливость и рассеянность.

Доктор Флад, психиатр Брайана, во время расследования показал: «Что касается наркотических препаратов, мой пациент минимум пять лет принимал амфетамины в крупных дозах, а также регулярно курил марихуану. Также он пробовал героин, однако же не пристрастился к нему. Временами, особенно в последние два года, злоупотреблял алкоголем и был склонен принимать любые препараты в чрезмерных дозах». Он добавляет,

что пациент, который также «всегда демонстрировал признаки эмоциональной неустойчивости», был гомосексуалистом «и не мог справиться с этой проблемой».

29 августа 1967 г.

Брайана хоронят рядом с отцом на еврейском кладбище в Эйнтри. Его отец умер всего шесть недель назад. Тогда, по дороге домой, Брайан безостановочно рыдал. Теперь же оплакивают его самого.

Опасаясь большого скопления людей, мать Брайана, Куинни, попросила Джорджа и прочих битлов не приходить, так что погребение проходит спокойно, без лишнего шума. Нэт Уайсс, деловой партнер Брайана, в нарушение еврейской традиции — никаких цветов на похоронах — бросает на могилу цветок подсолнуха. Об этом его попросил Джордж.

В ливерпульской синагоге на Гринбэнк-драйв проводивший церемонию раввин, доктор Норман Соломон, говорит, что смерть Брайана «символизирует кризис нынешнего поколения». Многие из присутствующих, в том числе Нэт Уайсс, считают это заявление несправедливым: «Как человек, который заполнял зрителями стадионы и создал величайшее явление в музыке двадцатого века, может служить символом кризиса?»

Силла Блэк вне себя от горя, и Куинни Эпстайн дает ей валиум.

28 августа 1967 г.

Джон, Пол, Джордж и Ринго отправляются на Чепел-стрит выразить соболезнования Куинни Эпстайн. Они напоминают ей «четверых растерянных малышей». В общем-то, она недалека от истины: Ринго, самому старшему, только что исполнилось двадцать семь. Джорджу, самому младшему, — двадцать четыре. Они все расстроены. Предлагают любую помощь в организации похорон. Куини просит, чтобы они не приходили: боится, как бы похороны не превратилась в цирк.

Джон говорит:

— Поехали с нами в Индию, медитировать.

Куинни спрашивает, что надо делать, когда медитируешь?

— Ну, надо думать о чем-нибудь… например, о морковке, — поясняет Джон.

Ответ Куини предсказуемо прагматичен:

— Думая о морковке, я вспоминаю о завтрашнем обеде.

В некрологах сплошная похвала. «Во все делах он был предельно честен и надежен, — пишет «Таймс». — Своим присутствием и успехом в мире поп-музыки он не просто преобразил ее статус, но и сделал ее более респектабельной».

27 августа 1967 г.

Ближе к вечеру, в перерыве между лекциями по трансцендентальной медитации, организованными Махариши Махешем Йоги в Бангоре, в Уэльсе, Пол беседует со знакомым репортером из «Ливерпул эко». Где-то настойчиво трезвонит телефон. Пол говорит, что надо бы узнать, кто это названивает. Репортер смотрит ему вслед, видит, как Пол берет трубку, слушает… а потом ахает: «Господи! Нет. Не может быть». Он бросается наверх, к Джону, Джорджу и Ринго. Через некоторое время возвращается и сообщает репортеру: «Утром Брайана нашли мертвым в постели. Передозировка снотворным или что-то такое. Я толком не понял. Мы немедленно возвращаемся в Лондон».

Джон напуган. «Я сразу понял, что у нас неприятности. Я четко сознавал, что мы ни на что не способны, можем только играть музыку… Мне стало страшно. Я сразу подумал: «Нам хана»».

В воскресенье днем в доме Алистера Тейлора, только что вернувшегося из Калифорнии, звонит телефон. Это секретарь Брайана Эпстайна, Джоан. Она сейчас у него в Белгравии, с Антонио и Марией, дворецким и экономкой Брайана. Они встревожены: Брайан после вечера пятницы так и не показался, а дверь его спальни заперта. Они стучались, но ответа не было. Джоан говорит, что боится заходить туда одна.

Алистер берет такси и едет на Чепел-стрит. В прошлом Брайан дважды звонил ему, оба раза по воскресеньям, и предупреждал, что хочет наложить на себя руки. «Алистер, с меня хватит. Звоню попрощаться». Оба раза Алистер приезжал к нему, а Брайан возмущался: «Ну что за дурь?! Я просто захандрил. Оставь меня в покое». Алистер приезжает на Чепел-стрит. Джоан уже вызвала врача. Врач плечом высаживает дверь. Следом за ним Алистер входит в спальню, видит Брайана в кровати. «Казалось, он просто спит, но я сразу же понял, что он мертв. Меня захлестнула волна неописуемой боли».

Врач говорит: «Он умер».

Алистер цепенеет. Все кругом, да и он сам тоже, словно бы

замедляется. Он оглядывается. По одну сторону кровати — стопка корреспонденции, по другую — тарелочка с тремя шоколадными печеньями. На полу стакан и ополовиненная бутылка лимонной газировки. На прикроватном столике — восемь пузырьков таблеток. «Он жил на таблетках: таблетки, чтобы проснуться, таблетки, чтобы уснуть, таблетки, чтобы радоваться жизни, таблетки, чтобы успокоиться, таблетки от несварения желудка». Все пузырьки полные, закупоренные. Пустых нет.

Алистер вместе с врачом осматривают комнату. Записки нет, нигде ничего не потревожено. Все в полном порядке. В ящике стола Алистер находит косячок и прячет его в карман брюк. Затем они с врачом спускаются вниз. Алистер сообщает Джоан о смерти Брайана. Врач звонит коронеру. Алистер собирается с духом и звонит брату Брайана, Клайву.

— Ты врешь. Ты все врешь, — говорит Клайв и бросает трубку.

13 мая 1967 г.

Психиатр, доктор Джон Флад, ставит Брайану диагноз «бессонница, ажитация, тревожное расстройство и депрессия». Брайан ложится в рохэмптонскую лечебницу «Прайори». Там его примерно на неделю погружают в индуцированный сон.

После этого к Брайану устремляется поток посетителей. Он принимает их раздраженно, с легкой паранойей, но изредка испытывает эмоциональную разрядку.

Роберт Стигвуд и Нэт Уайсс пришли к нему обсудить дела, но тут в палату вносят огромный букет. Брайан читает послание на открытке. Оно от Джона: «Ты же знаешь, что я тебя люблю. Правда люблю». Брайан не может сдержать слез. Посетители выходят в коридор. «Он не в своем уме», — говорит Стигвуд.

Пол пишет Брайану четырехстраничное письмо, милое и неловкое сочетание увещеваний и слов поддержки: «Твоя САМАЯ БОЛЬШАЯ БЕДА В ТОМ, ЧТО ТЫ ВОСПРИНИМАЕШЬ ВСЕ СЛИШКОМ СЕРЬЕЗНО!» Из газеты он вырезал заголовок — «КОГО ЭТО ВОЛНУЕТ?» — и приклеивает его на третью страницу, приписав от руки: «Многих. Друзей. Тебе пора к ним прислушаться». Заканчивает он письмо так: «ДУМАЙ О ХОРОШЕМ, выше нос и поскорей поправляйся».

Битлы просят Питера Брауна привезти в лечебницу портативный проигрыватель и пробную запись нового альбома. Брайан сидит на кровати и впервые слушает «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band».

Весна 1967 г.

Поведение Брайана становится все более неровным. Некогда пунктуальный, он теперь редко приходит вовремя. Отменяет встречи в самый последний момент. На самих встречах с трудом представляет, о чем идет речь, цепляется к мелочам и устраивает из-за них жуткие сцены, с криками и воплями: «Почему это не сделано?!!»

28 февраля 1967 г.

Брайан остановился в манхэттенском отеле «Уолдорф тауэрс». Ему пора ехать на радио, давать интервью Мюррею Кею Кауфману на «WOR-FM», но тут к нему приходит Нэт Уайсс и замечает, что Брайан говорит с большим трудом. Выясняется, что он принял горсть таблеток пентобарбитала и собирается проглотить еще. Уайсс силой отбирает у него пузырек и выбрасывает в окно. Потом заставляет Брайана выпить побольше кофе и, по его же настоянию, везет на радио.

В студии Уайсс не отходит от него ни шаг, следит, чтобы он не упал. Несколько минут Брайан что-то лепечет, а Мюррей заполняет эфир диджейской болтовней. Но вот стимуляторы начинают действовать, и Брайан оживает.

Всякий раз, приезжая на Манхэттен, Брайан в одиночестве усаживается в салон лимузина и велит водителю покатать его по Центральному парку, а сам достает из серебряного портсигара косячок, скрученный одним из помощников. Он просит, чтобы в машине постоянно играла одна и та же песня — «It’s the Same Old Song» группы *The Four Tops*.

Конец января 1967 г.

Обычно Брайан волнуется за битлов, но на этот раз все наоборот.

— Эппи совсем плох, — говорит Джон другу Питу. — В башке у него бардак, и мы за него боимся. — (Причины для опасений и профессиональные, и личные.) — Мы ни хера не знаем, как с этим бороться. Наверное, нам пора с ним расстаться, вот и все.

Джон ставит пленку. Запись на ней Пит позднее описывает как «звуки, в которых едва опознается человеческий голос: стоны, сопение, визг, какое-то бормотание, в неразборчивых словах нет никакого смысла».

Пит спрашивает, кто это.

— Брайан, — отвечает Джон. — Для меня записал, у себя дома. Не знаю, зачем он это прислал… сказать что-то хочет. А что — хрен поймешь. Он как будто больше не способен с нами нормально общаться.

Середина января 1967 г.

Брайан приглашает ливерпульского музыканта Пэдди Чемберса к себе на Чепел-стрит.

— У меня для тебя сюрприз, — говорит он.

Пэдди приезжает и видит всех четверых битлов, с женами и подругами. Брайан исчезает и возвращается с большим серебряным подносом, на котором несет кубик сахара.

— Хочу посмотреть, как человек в первый раз трипует, — говорит Джон.

Оказывается, все уже приняли по кубику.

Через два часа они все рвут газеты и разбрасывают клочки. Брайан все подтаскивает материал, и вот они уже по колено в обрывках.

Конец ноября — начало декабря 1966 г.

Теперь, когда битлы прекратили гастролировать, острой нужды в Брайане у них больше нет, и они уделяют ему меньше времени. Инженер звукозаписи Джефф Эмерик чувствует, что им не нравится, когда он приходит в студию. Брайану не хватает ежедневного общения с ребятами. Оставшись практически не у дел, он отчаянно борется со скукой.

29 августа 1966 г.

В Сан-Франциско, за несколько часов до концерта в Кэндлстик-Парк, Брайана одолевает приступ хандры. Он решает не идти на концерт, остается в номере отеля «Беверли-Хиллз» в Лос-Анджелесе и говорит Нэту Уайссу:

— Это последний концерт «Битлз».

Он признается Нэту, что к нему заскочил его давний любовник Джон Дизз Гиллеспи[927]; и вообще они провели день в гостиничном бассейне и возле него. — Он изменился, — говорит Брайан.

— Ничего подобного, — говорит Уайсс. — Гони его взашей.

— Нет, ты не понимаешь… он меня правда любит.

Брайан твердит, что Гиллеспи битлам нравится. Уайсс знает, что это не так: они же открыто заявили о своей неприязни к нему. Наглость и агрессивность сексуально возбуждают Брайана, хотя обычно он не выносит ни того ни другого. И пока битлы отыгрывают концерт, который и в самом деле станет последним в их карьере, Брайан с Нэтом идут ужинать. А когда возвращаются, то узнают, что Гиллеспи смылся, прихватив их портфели. В черном портфеле «Самсонит» Брайана лежали гастрольные контракты «Битлз», пузырек с нелегальными таблетками секонала и 20000 долларов наличными.

Позднее Гиллеспи начинает их шантажировать и требует выкуп — 10 000 долларов за то, чтобы вернуть им портфели. Брайан говорит Нэту, мол, фиг с ним, но неприязнь Уайсса к Гиллеспи уже переросла в ненависть. Когда Брайан возвращается в Англию, Уайсс нанимает частного детектива, который договаривается с Гиллеспи о встрече на вокзале. Это ловушка. Гиллеспи арестован, а Брайану возвращают его портфель и половину денег[928].

Однако Брайан считает действия Нэта не похвальным и разумным поступком, а обманом доверия: он просил оставить Гиллеспи в покое, а Нэт его ослушался. «Его это очень расстроило, — много позже воспоминал Уайсс. — Предательство его и сломило».

7 августа 1966 г.

В Нью-Йорке Брайан пытается унять ажиотаж, вызванный недавним заявлением Джона, что «Битлз» «популярнее Иисуса». Нэт Уайсс случайно замечает, что к подкладке пиджака Брайана пришит ряд маленьких кармашков. Брайан объясняет, что это «кармашки для таблеток», набитые амфетаминами и транквилизаторами по ранжиру, от легких до сильнодействующих.

6 апреля 1966 г.

После вечеринки в честь начала трехнедельного сезона концертов Силлы Блэк в Персидском зале отеля «Плаза» Брайан признается Уайссу, что у него проблема: Дизз Гиллеспи в Нью-Йорке и вышел с ним на связь. Говорит, что хочет снова

увидеться. Брайан не в силах устоять, но вместе с тем боится, что Дизз как-то подставит битлов.

Нэт соглашается помочь и приглашает Гиллеспи к себе в офис. Стоит тому войти, как Уайсс с ходу распознает типаж: «обычный мошенник».

Гиллеспи твердит, что любит Брайана.

— Мне от него ничего не нужно. Просто хочу повидаться.

— Вот и славно. Ты от него ничего не получишь и с ним не увидишься. Держись от Брайана подальше.

— Да? Ну ладно. Деньжат у Брайана навалом. Если он хочет, чтобы я держался подальше… вот если бы у меня была тачка, я бы на ней подальше и уехал.

Уайсс передает Брайану требования Гиллеспи, но при этом советует не выполнять их: «Он тогда вернется и затребует большего». Однако Брайан велит ему дать Гиллеспи 3000 долларов на машину. Вручая деньги, Уайсс требует от Гиллеспи оставаться в номере отеля «Уорик» под присмотром до тех пор, пока Брайан и «Битлз» не покинут Нью-Йорк.

1965–1966 гг.

Брайан часто обедает в ресторане «Овертон» в Сент-Джеймсе с журналистом NME Крисом Хатчинсом. Сам он почти ничего не ест. Изучает меню, тщательно выбирает блюдо, долго объясняет официанту, как приготовить овощи, и так далее. Затем закидывается пригоршней таблеток, которыми заодно угощает Хатчинса: мол, насладись и ты со мной «помощничками». Это спиды, притупляющие аппетит. К тому времени, как приносят заказ, ни тот ни другой уже есть не хотят. И омары, и бифштекс из вырезки отсылаются на кухню со словами: «Мистер Эпстайн выражает благодарность шеф-повару».

17 августа 1965 г.

Американский журналист Ларри Кейн, который сблизился с битлами, сопровождая их во время первого гастрольного тура по США, заметил резкую перемену в Брайане. Настроение у того постоянно меняется: он то сияет, то приходит «в глубокое уныние».

Март 1965 г.

Новый любовник Брайана, Дизз Гиллеспи, груб и жесток. По вечерам Брайан и Дизз закидываются спидами, запивая их коньяком. Такие вечера часто заканчиваются яростными ссорами, с битьем ваз и зеркал. Однажды Гиллеспи приходит в такую ярость, что Брайан велит ему выметаться из квартиры. Тогда Гиллеспи хватает кухонный нож, приставляет его к шее Брайана и выгребает всю наличку из бумажника.

Весна 1965 г.

Пэдди Чемберс приходит в гости к Брайану в Найтсбридж. В квартире хаос. «Он совершенно разгромил свою дорогую квартиру, сорвал шторы, вдребезги расколотил бар… Он был не в себе, непонятно почему… Наверное, из-за наркотиков».

Февраль 1965 г.

Кто-то ключом нацарапал «ГОМИК» на дверце Брайанова «бентли», припаркованного во дворе за новым домом на Чепел-стрит.

Январь 1965 г.

Брайан как-то странно говорит по телефону с родителями, и те поспешно приезжают к нему домой. Как будто в тяжелом похмелье, совершенно обессиленный, он признается в любви к Гиллеспи. Его мать, Куинни, настоятельно советует забыть о нем и съездить во Францию, развеяться вместе с Питером Брауном. В тот же день Брайан с Питером уезжают на мыс Антиб, а по возвращении Брайан продает квартиру, с которой связано столько горя, и покупает пятиэтажный георгианский особняк на Чепел-стрит, в лондонском районе Белгравия.

Декабрь 1964 г.

Брайан Эпстайн — самый успешный менеджер и импресарио в Великобритании, если не во всем мире. Ранее в этом году «Битлз» заняли первые пять мест в хит-параде «100 лучших песен» по версии «Биллборд».

Прочие исполнители под его управлением также добились

потрясающего успеха. В марте *Gerry and the Pacemakers* заняли первое место со своим дебютным синглом «How Do You Do It?». В июне там побывал дебютный сингл *Billy J. Kramer and the Dakotas* «Do You Want to Know a Secret», написанный Ленноном и Маккартни. И это не все: в июле *Gerry and the Pacemakers* снова на первом месте с песней «I Like It», а в августе вслед за ними там оказался и Билли Крамер с песней «Bad to Me»; в ноябре с песней «You'll Never Walk Alone» первое место снова заняли *Gerry and the Pacemakers*. К концу года различные подопечные Брайана успели занять первое место восемь раз.

Сотрудники Брайана удивлены, когда он в список талантов агентства вносит еще и актера: Джона Гиллеспи, по прозвищу Дизз.

6 ноября 1964 г.

Брайан участвует в знаменитой радиопередаче Би-би-си «Диски для необитаемого острова». Помимо «All My Loving» в исполнении оркестра под управлением Джорджа Мартинаи «She's a Woman» «Битлз», он выбирает много классики: «Бранденбургский концерт № 5» Баха, Вторая симфония Сибелиуса, Первый концерт для скрипки с оркестром Макса Бруха. Когда его попросили выбрать книгу для необитаемого острова, Брайан назвал «Выбор молчания», автобиографию монаха-трапписта Томаса Мертона[929].

Сегодня этот неожиданный выбор кажется необычно значимым. «Чего мы добьемся, отправившись на Луну, если не в силах даже преодолеть бездны, что отделяет нас от самих себя? — вопрошает Мертон в одном запоминающемся абзаце. — Это самая важная из всех экспедиций, и без нее все остальные не просто бесполезны, но и губительны».

Октябрь 1964 г.

Брайан знакомится с Диззом Гиллеспи, молодым американцем чуть за двадцать, которого один из коллег описал так: «темные волосы, лукавый взгляд и очаровательный вздернутый нос». Гиллеспи страстно желает стать актером или певцом, а может быть, и тем и другим. «Есть в нем нечто этакое, — говорит Брайан. — Не пойму что».

Брайан гасит долги Гиллеспи, платит ему содержание с собственного банковского счета, подписывает его в NEMS с

жалованьем 50 фунтов в неделю и обновляет его гардероб. В газетах Гиллеспи называют новой находкой Брайана.

15 сентября 1964 г.

«Битлз» выступают в городском концертном зале Кливленда, штат Огайо. Их поклонники приходят в исступление. Вокруг отеля «Шератон», где остановились битлы, выстраивают полицейский кордон. Какой-то мальчишка прячется в ящике, надеясь, что его доставят в отель. Какая-то девушка симулирует обморок у входа и отказывается от медицинской помощи, пока ее не проведут внутрь.

Во время выступления местный диск-жокей Джим Стаггс[930] взбирается на двухсотфутовую осветительную ферму в надежде получше разглядеть битлов. На полпути наверх он оборачивается и видит, что следом карабкается Брайан Эпстайн. «Джим! — кричит он. — Надеюсь, ты не будешь записывать выступление?»

Его упорство производит огромное впечатление на Ларри Кейна, корреспондента радиостанции «WFUN Майами»: «Тот факт, что Брайан Эпстайн рискнул и полез на этакую верхотуру, доказал, что он пойдет на все ради святости искусства — и доходов — «Битлз»».

Июль 1964 г.

Британская федерация производителей одежды награждает Брайана Эпстайна серебряным почетным знаком — за «непревзойденное умение элегантно одеваться», а также за то, что «его вкус в одежде так же безупречен, как и способность отыскивать таланты».

Брайан предпочитает шитые по мерке костюмы, плащи «Барбери», шарфы в горошек, шелковые галстуки от Кристиана Диора и золотые запонки. Его камердинер содержит гардероб в идеальном порядке. Силла Блэк, одна из подопечных Брайана, считает его щеголем: «Безупречен с головы до ног, как Кэри Грант… как и подобает вальяжному мужчине».

«Брайан всегда выглядел так, будто только что принял ванну, — вспоминает его ливерпульский портной Джордж Хейз. — Он был неизменно вежлив и уважителен, но вместе с тем требователен».

17 мая 1964 г.

У Брайана берет интервью Кеннет Харрис[931], знаменитый репортер воскресной газеты «Обсервер». Он спрашивает, как долго, по мнению Брайана, продержатся «Битлз». «Бесконечно долго, — отвечает тот. — Это сразу видно. У них огромный талант. Каждый из них — замечательный человек». На вопрос, что в них есть такого, чего нет в других, Брайан отвечает: «Поразительная естественность, свобода от условностей. В личном общении, как и на публике, они непосредственны, искренни и непринужденны, всегда остаются самими собой — да и со всеми так же, без разницы».

© Keystone Press/Alamy/DIOMEDIA

Брайан признается, что сам он очень застенчив и что в школе ему из-за этого было тяжело. Харрис спрашивает: «Выходит, «Битлз» решили вашу проблему?»

Брайан отвечает: «Да, похоже на то. Как ни странно, я никогда об этом не задумывался. Но это действительно так. Мне все в «Битлз» подходило. Их отношение к жизни, выраженное в музыке, ритме и текстах, их юмор, их поведение — все это было именно то, что мне нужно. Они представляли простые, непосредственные, доброжелательные, не стесненные условностями человеческие отношения, которых мне так не хватало и которых я был лишен. Мое собственное чувство неполноценности испарилось с приходом «Битлз», я знал, что могу им помочь, и они хотели моей помощи, доверились мне.

Важен был и успех — и в глазах общества, и в денежном выражении. Не для меня лично, но для окружающих. Родители оценили и верность моих суждений, и мою инициативность, и я, осознав, что оправдал их ожидания, избавился от своей напряженности и от неудовлетворенности собой. Проблем у меня все еще хватает, но они больше меня не гнетут».

14 января 1964 г.

«Битлз» открывают сезон в парижском театре «Олимпия», где дают восемнадцать концертов. После очередного выступления Брайан говорит: «Они не знают, но я сегодня рыдал. Просто обливался слезами, а они и не заметили».

Декабрь 1963 г.

Битлы заканчивают год как самая знаменитая группа в Великобритании, три их хита — «From Me to You», «She Loves You» и «I Want to Hold Your Hand» — побывали на первом месте в чартах. И вот Брайан тщательно планирует поездку в Америку, где они пока никому не известны.

Январь 1963 г.

По результатам ежегодного читательского опроса NME, «Битлз» разделили 111-е место с Майком Берри[932], *The Clyde Valley Stompers*[933] и Норманом Воаном[934]. В категории «Малая британская группа» они набрали 743 голоса, тогда как *The Shadows* — 45951. Они попадают на 8-ю позицию, оказавшись между *The Temperance Seven*[935] на 7-й и *Sounds Incorporated*[936] — на 9-й.

7 июня 1962 г.

Прослушав демо-диск «Битлз», Джордж Мартин из EMI приглашает их на пробную запись, но без особого энтузиазма: во время сессии даже выскакивает в кафетерий за чаем с печеньками. Он не видит особых причин уделять большое внимание «четверым балбесам из Ливерпуля». После прослушивания скептицизм не проходит, особенно в отношении

песен их собственного сочинения. Мартин «вполне уверен, что перспектив заработать на их творчестве нет».

Однако, посидев с парнями в кафе, он понимает, что они его очаровали своим шуточками, беззлобным подначиванием и безудержной энергией.

«Следующие минут пятнадцать-двадцать были чистым развлечением. Они ушли, а я сидел и повторял про себя: «Ну и ну! Кто бы мог подумать?!» Меня даже на слезу пробило».

Строго говоря, не музыка, а именно личное обаяние битлов и заставило Джорджа Мартина предложить им контракт.

8 мая 1962 г.

Брайан обошел уже столько фирм звукозаписи, что у него закончились демо-диски. Он заходит в музыкальный магазин «Эйч-эм-ви» на Оксфорд-стрит и просит переписать на пластинку песни с магнитофонной бобины, отвергнутые компанией «Декка». Это обходится ему в один фунт. Джим Фой, техник звукозаписи, говорит, что группа звучит «очень неплохо», и спрашивает, есть ли у них контракт. «Нет, я уже всех обошел», — отвечает Брайан.

Фой проводит его наверх и знакомит с Сидом Коулманом, музыкальным издателем EMI. Сид интересуется, не пробовались ли ребята в EMI. Брайан отвечает:

«Мне сказали, что такое не пойдет». Тогда Сид спрашивает, говорили ли они с Джорджем Мартином.

— А кто это?

— Руководитель «Парлофона».

Брайану кажется, что он скатился на самое дно, ниже уже некуда: лейбл «Парлофон» — мусорка для комических куплетов и джаза.

Май 1962 — декабрь 1961 г.

Брайан постоянно ездит в Лондон показывать фирмам звукозаписи демку «Битлз». Он не хочет, чтобы отец узнал об этих поездках. «Только папе ни слова, — просит он помощника Алистера Тейлора всякий раз, как оставляет рабочее место. — Если он заглянет в магазин, не говори ему, где я».

Пол и Джон всякий раз ждут его возвращения из этих поездок в одной и той же кофейне на станции «Лайм-стрит». Завидев Брайана, парни всматриваются в его лицо, пытаясь понять: дурные вести их ждут или добрые. Вести всегда дурные.

К демке прилагается краткая справка о битлах. В ней говорится: «Эти четверо парней — превосходные инструменталисты, а также способны потрясающе и волнующе петь. Участники группы — исключительно талантливые и привлекательные личности».

Он уверяет всех, что битлы станут круче Элвиса. Бесконечные отказы его ничуть не смущают. В глубине души, замечает один его друг, Брайан считает себя избранником судьбы.

Четыре

Февраль 1962 г.

Фанаты из клуба «Кэверн» замечают внезапную перемену в образе битлов и в их манере вести себя на сцене. Что случилось? Пятнадцатилетнюю школьницу Шейлу Кэрни «будто кирпичом огрели». «Раньше они были грубыми и неотесанными, а потом вдруг раз — и стали ухоженными, чистенькими: и кожа, и блестящие волосы, и ногти, и одежда».

Никто не представляет, какими ухищрениями Брайан Эпстайн заставил их сменить образ. «В жизни не пойму, как Эпстайн добился того, чтобы Леннон надел костюм», — говорит местный музыкант Род Понт[937].

Три

1 февраля 1962 г.

За гонорар в 18 фунтов — минус комиссия Брайана в 10 процентов — группа выступает в клубе «Фистл» в Уэст-Кирби, что в десяти милях от Ливерпуля. Это первый ангажемент, которого он для них добился.

Ранее тем же днем «Битлз» подписали с Брайаном Эпстайном контракт на пять лет. По условиям контракта Брайан получает 10 процентов от ежегодного дохода группы, если его размер не превышает 1500 фунтов; свыше этой суммы доля менеджера вырастает до 15 процентов.

Два

29 января 1962 г.

Битлы приобрели в рассрочку гитары и усилители, и оставшиеся 200 фунтов долга оплачивает Брайан. Он же отводит ребят к Бено Дорну[938], своему портному, который шьет им из темно-синей мохеровой ткани модные костюмы с узкими лацканами. Битлы требуют заузить еще и брюки. Брайан сбивает цену с 28 гиней до 23, убеждая Дорна, что «Битлз» прославятся и у него прибавится заказов.

Помощник Брайана Алистер Тейлор тоже приходит. «Брайан взялся полностью преобразить парней. Вслед за костюмами последовали прически и новый гардероб: рубашки, галстуки, туфли — все-все-все. Брайан без обиняков спросил их, нет ли у кого каких возражений, но никто даже не пикнул. Битлы с самого начала поверили в Брайана, точно так же как он поверил в битлов».

Брайан настаивает на том, чтобы они привели себя в порядок. Он раздает строгие указания, отпечатанные на высококачественной бумаге: «На сцене не пить, не курить, резинку не жевать и ни в коем случае не сквернословить. Зрители приходят не для того, чтобы с вами поболтать, так что со сцены никаких разговорчиков с девчонками. Будьте пунктуальны. Если сказано явиться в определенное время, то, будьте добры, к нему и явитесь. Помните, что вы отныне профессионалы, которым надлежит следить за репутацией».

Джон Леннон, самый большой скандалист в группе, проникается уважением. Позднее он вспоминает, как «Брайан изложил инструкции на бумаге, и все вдруг стало взаправду, по-настоящему. Пока он не пришел, мы витали в облаках… А теперь на сцене мы больше не жевали булки с сыром и бутеры с джемом».

Один

9 ноября 1961 г.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Брайан Эпстайн и его личный помощник Алистер Тейлор, оба в строгих черных костюмах и при галстуках, спускаются по

крутой лестнице из восемнадцати ступенек во влажную духоту подвального помещения на Мэтью-стрит. Брайану оно напоминает «глубокую могилу: темень, сырость и вонища». Он уже жалеет, что пришел. И он, и Тейлор охотнее отправились бы на концерт классической музыки в филармонию, но любопытство взяло верх. На сцену неторопливо выходят четверо молодых музыкантов. Брайан узнает в них завсегдатаев семейного музыкального магазина, которым он управляет: эти парни вечно торчат в кабинках, слушают свежие пластинки и треплются с девчонками, но покупать ничего не покупают.

Между песнями трое молодчиков с гитарами орут друг на друга, сквернословят, поворачиваются спиной к зрителям и в шутку обмениваются тумаками. Тейлор видит, как Брайан удивленно округляет глаза. Тейлор потрясен и шокирован — «тебя словно бьют» — и уверен, что те же чувства испытывает и Брайан.

После концерта Тейлор говорит:

— Они просто УЖАСНЫ.

— Они и ВПРЯМЬ ужасны, — соглашается Брайан, — но, по-моему, они классные. Идем поздороваемся.

Джордж первым из битлов замечает, что к ним идет человек из музыкального магазина.

— Привет, — говорит он. — Что привело к нам мистера Эпстайна?

> Неужели кто-то всерьез считает, что в 2000-е годы музыку «Битлз» будут воспринимать как неотъемлемую часть повседневной жизни планеты?
>
> *Брайан Маги, философ, писатель и политик, статья в «Листенер», февраль 1967 г.*

Благодарности

Спасибо: Стивену Бейли, Энтони Бивору, Вики Биппарт, Элинор Брон, Алистеру Брауну, Хьюго Викерсу, Серафине д'Арби, Дэвиду Дженкинсу, Кэти Драйсдейл и всем причастным к «Дискам для необитаемого острова», Сесили Ингл, Мэри Киллен, Крессиде Коннолли, Роберту Лэйси, Наоми Мантин, Чарльзу Миллеру, Шейле Молнар, аукционному дому «Омега», Николасу Пирсону, Джону Престону, Робин и Лиз Саммерс, Максин Сибивана, Биллу Смиту, Джеку Смиту, Фрэнсису Уину, Феликсу Уайту, Иэну Хислопу, Джеку Чалмерсу, Зои Шайн, Эдель Юстас, но самая большая благодарность — моей супруге Франсес Уэлш.

Источники информации

Хороших книг про «Битлз» написано много, и в плане стиля и откровенности общий стандарт у них куда выше, чем у тех, что связаны с темой моей последней публикации — королевской семьей. Для скрупулезного анализа раннего этапа жизни битлов совершенно необходимы оба тома «The Beatles: All These Years — Tune In Special Extended Edition» Марка Льюисона. Полагался я и на «Битлз» Хантера Дэвиса; «Beatles '66: The Revolutionary Year» Стива Тернера; «The Beatles: The Biography» Боба Спитца; «Shout!: Правдивая история «Битлз»» Филипа Нормана; «Can't Buy Me Love: The Beatles, Britain and America» Джонатана Гульда; «Антология *The Beatles* » самих «Битлз»; «The Complete Beatles Chronicle» Марка Льюисона; «The Complete Beatles Recording Sessions: The Official Story of the Abbey Road Years 1962–1970» Марка Льюисона; «The Beatles Diary: An Intimate Day by Day History» Барри Майлза; «Love Me Do: The Beatles' Progress» Майкла Брона; «The Beatles Off the Record» Кита Бэдмена; «The Beatles: Paperback Writer — Forty Years of Classic Writing» под редакцией Майкла Эванса; «The Beatles in Their Own Words», составленную Барри Майлзом; «The Beatles: A Day in the Life», составленную Томом Шультхайссом; «Ticket to Ride: Inside the Beatles' 1964 and 1965 Tours that Changed the World» Ларри Кейна; «The Rough Guide to the Beatles» Криса Ингема; «The Beatles Encyclopaedia» Билла Гарри; и неизменно захватывающую «Revolution in the Head: The Beatles' Records and the Sixties» Иэна Макдональда.

Особенно полезными в работе над узкими, «профильными» темами истории «Битлз» оказались две работы: «You Never Give Me Your Money: The Battle for the Soul of the Beatles» Питера Доггетта, удивительно ясный разбор их запутанной финансовой ситуации; и «Riding So High: The Beatles and Drugs» Джо Гуддена, не менее ясный обзор их не менее сложных отношений с наркотиками. Среди прочих «профильных» книг отмечу: «The Beatles and the Historians» Эрин Торкелсон Уэбер; «The Beatles on the Roof» Тони Баррелла; «The Beatles Lyrics: The Unseen Story Behind Their Music» Хантера Дэвиса; «The Walrus Was Ringo: 101 Beatles Myths Debunked» Алана Клэйсона и Спенсера Ли; «Как «Битлз» раскачали Кремль» Лесли Вудхеда; «The Beatles Are Here!» Пенелопы Роулендс; «The Beatles Sent to Coventry» Пита Чемберса; «Dear Beatles», оставленную Биллом Адлером; «Dreaming the Beatles» Боба Шеффилда; «The Greatest Beatles Stories Ever Told» под редакцией Луиса Мигеля; «Beatles Hamburg: A Tour Guide to Beatles Sites in Hamburg» Марка А. Шнеегурта; «The Beatles in

India» Пола Зальцмана; «The Beatles' Gear: All the Fab Four's Instruments, from Stage to Studio» Энди Бабюка; «A Day in the Life of the Beatles» Дона Маккаллина; «Get Back: The Unauthorized Chronicle of the Beatles' «Let It Be» Disaster» Дуга Салпи и Рэя Швайгхардта; «John, Paul & Me Before the Beatles: The True Story of the Very Early Days» Лена Гарри; «The Quarrymen» Хантера Дэвиса; «The Beatles in Hamburg» Иэна Инглиса; «The Beatles' Liverpool» Рона Джонса; «Plastic Macca: The Secret Death and Replacement of Beatle Paul McCartney» Тины Фостер и «Beatlemania! The Real Story of the Beatles' UK Tours 1963–1965» Мартина Кризи.

Очень полезными оказались книги, написанные как об отдельных участниках «Битлз», так и самим битлами. Среди них: «Пол Маккартни. Биография» Филипа Нормана; «Paul McCartney: Many Years from Now» Барри Майлза; «Paul McCartney» Алана Клэйсона; «Conversations With McCartney» Поля дю Нойе; «Sixties: Portrait of an Era» Линды Маккартни; «George Harrison» Алана Клэйсона; «I Me Mine» Джорджа Харрисона; «Ringo Starr» Алана Клэйсона; «Lennon and McCartney» Малкольма Доуни; «Быть Джоном Ленноном» Рэя Коннолли; «John Lennon: The Life» Филипа Нормана; «John Lennon» Алана Клэйсона; «John Lennon in His Own Words», составленная Барри Майлзом; «The Lives of John Lennon» Альберта Голдмана; «John Lennon: One Day at a Time» Энтони Фосетта; «Memories of John Lennon» с предисловием и под редакцией Йоко Оно; «The Penguin John Lennon» и «The John Lennon Letters» под редакцией и с предисловием Хантера Дэвиса.

Среди книг за авторством членов битловских семей есть две занимательные, хоть и местами противоречивые биографии Джона, написанные Синтией Леннон, «A Twist of Lennon» (1978) и «John» (2005); «Imagine This: Growing Up With My Brother John Lennon» Джулии Бэрд; «Thank U Very Much: Mike McCartney's Family Album»; «George Harrison: Living in the Material World» Оливии Харрисон; «Wonderful Today» Патти Бойд и Пенни Джуниор и «Daddy Come Home: The True Story of John Lennon and his Father» Полин Леннон.

Ощущение, что за перо брались — или нанимали «призраков» — практически все, кто хоть как-то работал с битлами. Многие из этих книг содержат восхитительный материал, и моя самая любимая — «The Beatles, Lennon and Me» Пита Шоттона и Николаса Шаффнера; прочие включают «As Time Goes By» Дерека Тейлора; «The Love You Make: An Insider's Story of the Beatles» Питера Брауна и Стивена Гейнса; «All You Need is Ears» Джорджа Мартина и Джереми Хорнсби; «Magical Mystery Tours: My Life With the Beatles» Тони Брамвелла и Розмари Кингзленд; «With the Beatles» Алистера Тейлора; «The Man Who Gave the Beatles Away»

Алана Уильямса и Уильяма Маршалла; «The Cutting Edge: The Story of the Beatles' Hairdresser Who Defined an Era» Лесли Кавендиша; «The Longest Cocktail Party» Ричарда Дилелло; «Here, There and Everywhere: My Life Recording the Music of the Beatles» Джеффа Эмерика и Говарда Мэсси и «John Paul George Ringo and Me» Тони Барроу. Отдельно следует упомянуть «Beatle!: The Pete Best Story» Пита Беста и Патрика Донкастера и биографию неудачливого Джимми Никола «The Beatle Who Vanished», написанную Джимом Беркенштадтом.

Особенно мне понравились две биографии Брайана Эпстайна, описывающие его загадочную, смятенную личность: «In My Life: The Brian Epstein Story» Дебби Геллер, под редакцией Энтони Уолла и «Brian Epstein: The Man Who Made the Beatles» Рэя Коулмана.

Писать книгу про «Битлз» здорово еще и потому, что их окружало огромное количество колоритных персонажей, о которых написаны такие биографии и мемуары, как: «Tearing Down the Wall of Sound: The Rise and Fall of Phil Spector» Мика Брауна; «Miss O'Dell» Крис О'Дэлл и Кэтрин Кетчман; «I'm With the Band» Памелы Дез Баррес; «Walking Back to Happiness» Хелен Шапиро; «I Read the News Today, Oh Boy» Пола Говарда; «Groovy Bob: The Life and Times of Robert Fraser» Гарриет Вайнер; «Allen Klein» Фреда Гудмана; «The Day Elvis Met Nixon» Эгила Бада Кроу; «Victor Spinetti Up Front» Виктора Спинетти; «King of Clubs» Питера Стрингфеллоу; «Freddie Starr Unwrapped» Фредди Старра; «Christine Keeler: The Truth at Last» Кристин Килер и Дугласа Томпсона; «Я — Элтон Джон» Элтона Джона; «The Hurdy Gurdy Man» Донована; «Be My Baby: How I Survived Mascara, Miniskirts and Madness» Ронни Спектор и Винса Уолдрона; «King of the World: Muhammad Ali and the Rise of an American Hero» Дэвида Ремника; «Can You Tell What it is Yet?: My Autobiography» Рольфа Харриса; «I Am Brian Wilson: A Memoir» Брайана Уилсона и Бена Гринмена; «Catch a Wave: The Rise, Fall and Redemption of the Beach Boys» Брайана Уилсона; «An Affectionate Punch» Джастина де Вильнёва; «House of Nutter: The Rebel Tailor of Savile Row» Лэнса Ричардсона; «East End, West End: An Autobiography» Бернарда Делфонта; «Faithfull» Марианны Фейтфулл; «Memories, Dreams and Reflections» Марианны Фейтфулл; «What's it All About?» Силлы Блэк; «Eric Clapton: The Autobiography» Эрика Клэптона и Кристофера Саймона Сайкса; «Don't Let Me Be Misunderstood» Эрика Бёрдона и Дж. Маршалла Крейга; «Careless Love: The Unmaking of Elvis Presley» Питера Гуральника; «Elvis Meets the Beatles» Криса Хатчинса и Питера Томпсона; «Sinatra: The Life» Энтони Саммерса и Роббин Суон; «Frank: The Making of a

Legend» Джеймса Каплана; «My Father's Daughter: A Memoir» Тины Синатры и Джеффа Коплона; «Parcel Arrived Safely: Tied With String» Майкла Кроуфорда; «Tom Jones: A Biography» Стэффорда Хилдрена и Дэвида Гриттена; «Redeeming Features: A Memoir» Николаса Хэслема; «Long Drawn Out Trip: A Memoir» Джеральда Скарфа; «Wild Tales» Грэма Нэша; «Теряя невинность» Ричарда Брэнсона; «The Harder Path» Джона Бёрта; «Grapefruit» Йоко Оно; «Хроники. Том 1» Боба Дилана; «Mick and Keith» Криса Салевича; «The Stones» Филипа Нормана; «Жизнь» Кита Ричардса; «Stoned» Эндрю Луга Олдэма; «Brian Jones» Лоры Джексон; «Sympathy for the Devil» Пола Ринки; «Up Against It: A Screenplay for the Beatles» Джо Ортона; «The Orton Diaries» под редакцией Джона Лара и «Prick Up Your Ears: The Biography of Joe Orton» Джона Лара. Особое удовольствие я получил, читая и перечитывая «The Pillow Book of Eleanor Bron» Элинор Брон.

Также я обращался к таким работам, как «Wondrous Strange: The Life and Art of Glenn Gould» Кевина Баццаны; «The Odd Thing About the Colonel and Other Pieces» Колина Уэлша; «The Virgin's Baby: The Battle of the Ampthill Succession» Бевиса Хиллиера; «A King's Story» герцога Виндзорского; «The Mountbattens: Their Lives and Loves» Эндрю Лауни; «Shirley Temple: American Princess» Энн Эдвардс; «R. V. W.: A Biography of Ralph Vaughan Williams» Урсулы Воан-Уильямс; «Born to Run» Брюса Спрингстина; «Unfaithful Music and Disappearing Ink» Элвиса Костелло; «This Boy» Алана Джонсона; «My Life, Our Times» Гордона Брауна; «Let Me Take You Down: Inside the Mind of Mark David Chapman» Джека Джонса; «Manson: The Life and Times of Charles Manson» Джеффа Гуинна; «My Life With Charles Manson» Пола Уоткинса; «It Could Have Been Yours» Джолиона Фенвика и Маркуса Хасселби; «The People's Music» Иэна Макдональда; «Uncommon People: The Rise and Fall of the Rock Stars» Дэвида Хепворта; «Revolt Into Style: The Pop Arts in Britain» Джорджа Мелли; «The People's Songs: The Story of Modern Britain in Fifty Songs» Стюарта Макоуни; «Stardust Memories: Talking About My Generation» Рэя Коннолли; «Hunting People: Thirty Years of Interviews With the Famous» Хантера Дэвиса и «Who the Hell…?» удивительного Тома Гибберта. Первая книга о мире поп-музыки, которую я прочел, остается для меня и одной из самых лучших, хотя автор ее — не большой поклонник «Битлз»; это «Awopbopaloobop Alopbamboom: Pop from the Beginning» Ника Кона.

Самые мои любимые источники сведений — дневники и письма. Я с огромным удовольствием порылся в «Philip Larkin: Letters to Monica» под редакцией Энтони Туэйта; «The Letters of Kingsley Amis» под редакцией Закари Лидера; «The Letters of Noël

Coward» под редакцией Барри Дэя; «The Noël Coward Diaries» под редакцией Грэма Пэйна и Шеридана Морли; «The Kenneth Williams Letters» под редакцией Рассела Дэвиса; «The Kenneth Williams Diaries» под редакцией Рассела Дэвиса; «Like it Was: The Diaries of Malcolm Muggeridge», «Rub Out the Words: The Letters of William S. Burroughs, 1959–1974» под редакцией Билла Моргана; «The Kenneth Tynan Letters» под редакцией Кейтлин Тайнен; «The Kenneth Tynan Diaries» под редакцией Джона Лара; «Out of the Wilderness: Diaries 1963–67» Тони Бенна; «The Castle Diaries 1964–1976» Барбары Касл и «The Macmillan Diaries», том 2, под редакцией Питера Каттералла. А также «All What Jazz» Филипа Ларкина; «Philip Larkin: Collected Poems» и «Philip Larkin: A Writer's Life» Эндрю Моушна.

Среди книг, в которых я искал информацию о прочих движениях, личностях и событиях 60-х, выделю следующие: «Modernity Britain: Opening the Box, 1957–59» Дэвида Кайнастона; «Modernity Britain: A Shake of the Dice, 1959–62» Дэвида Кайнастона; «The People: The Rise and Fall of the Working Class 1910–2010» Селины Тодд; «Never Had it So Good: A History of Britain from Suez to the Beatles» Доминика Сэндбрука; «White Heat: A History of Britain in the Swinging Sixties» Доминика Сэндбрука; «The Great British Dream Factory: The Strange History of Our National Imagination» Доминика Сэндбрука; «The Sixties» Фрэнсиса Уина; «1966: The Year the Decade Exploded» Джона Сэвиджа; «1963: Five Hundred Days» Джона Лоутона; «Our Times: The Age of Elizabeth II» А. Н. Уилсона; «The Bad Trip: Dark Omens, New Worlds and the End of the Sixties» Джеймса Райли; «The Neophiliacs» Кристофера Букера и «The White Album» Джоан Дидион. Для главы, в которой сопоставляются рождественские послания королевы и битлов, неоценимой оказалась «Voices Out of the Air: The Royal Christmas Broadcasts 1932–1981».

Среди книг, мельком упомянутых в «Раз, два, три, четыре», — «Алиса в зазеркалье» Льюиса Кэрролла; «Aspects of Alice: Lewis Carroll's Dreamchild as Seen Through the Critics' Looking-Glasses» под редакцией Роберта Филлипса; «The Lore and Language of Schoolchildren» Ионы и Питера Опи; книги из цикла «Просто Вильям» Ричмал Кромптон; «Она» Г. Райдера Хаггарда; «Дитя слова» Айрис Мёрдок; «Iris Murdoch as I Knew Her» А. Н. Уилсона; «1066 and All That» У. К. Селлара и Р. Дж. Йитмана; «The Goon Show Scripts» Спайка Миллигана; «Эндерби снаружи» Энтони Берджесса; «20th Century Words» Джона Айто; «Dylan's Visions of Sin» Кристофера Рикса и прелестная «A Complete Book of Aunts» Руперта Кристиансена.

Мир поп-музыки продолжает наращивать массу справочной

литературы, которая уже превосходит в объеме справочники по религии и политике. Я много часов с удовольствием провел, сверяясь с «The Guinness Book of British Hit Singles»; «The Sound and the Fury: Forty Years of Classic Rock Journalism» под редакцией Барни Хоскинса; «The Rolling Stone Encyclopaedia of Rock & Roll» под редакцией Джона Парелеса и Патрисии Романовски; «The Rolling Stone Interviews 1967–1980»; «The Book of Rock Lists» Дейва Марша и Кевина Стайна; «Time Out Interviews, 1968–1998» под редакцией Фрэнка Ботона; «Teenage Idols» Фрэнка Клюса; «The Faber Companion to Twentieth-Century Music» Фила Харди и Дейва Лэйна; «Whatever Happened to…?» Билла Гарри; «The Faber Book of Pop» под редакцией Ханифа Курейши и Джона Сэвиджа и «The Best of Rolling Stone» под редакцией Роберта Лава.

Не менее — а может, и более — ценны онлайн-источники справочной информации, к тому же они постоянно обновляются. *Billboard.com* предлагает всеобъемлющий обзор американских хит-парадов; *rocksbackpages.com* предоставляет доступ к лучшим музыкальным газетам; а *The Beatles Bible* показался мне самым лучшим источником сведений по всем аспектам «Битлз»: часто бывало так, что я, весь такой гордый за себя, находил какой-то малоизвестный факт, а потом, к собственному раздражению, выяснял, что он давно выложен на *The Beatles Bible*. Также моей книге на пользу пошла исследовательская работа в архивах «Нью-Йорк таймс», «Лос-Анджелес таймс», «Британ медикал джорнал», фонда Маргарет Тэтчер, «The Listener», «Private Eye», «Дисков для необитаемого острова», некрологов «Дейли телеграф», «Дейли миррор», «Ливерпуль эко», «Сэтердей ивнинг пост», «Нэшнл ревю», «Сиэтл таймс», «GQ», «Лайф», «Нью стейтсман», *Britishnewspaperarchive.co.uk, rollingstone.com*, аукционного дома «Омега», «Куин», некрологов «Индепендент» *, thisamericanlife.org* и *beatlesinterviews.org*.

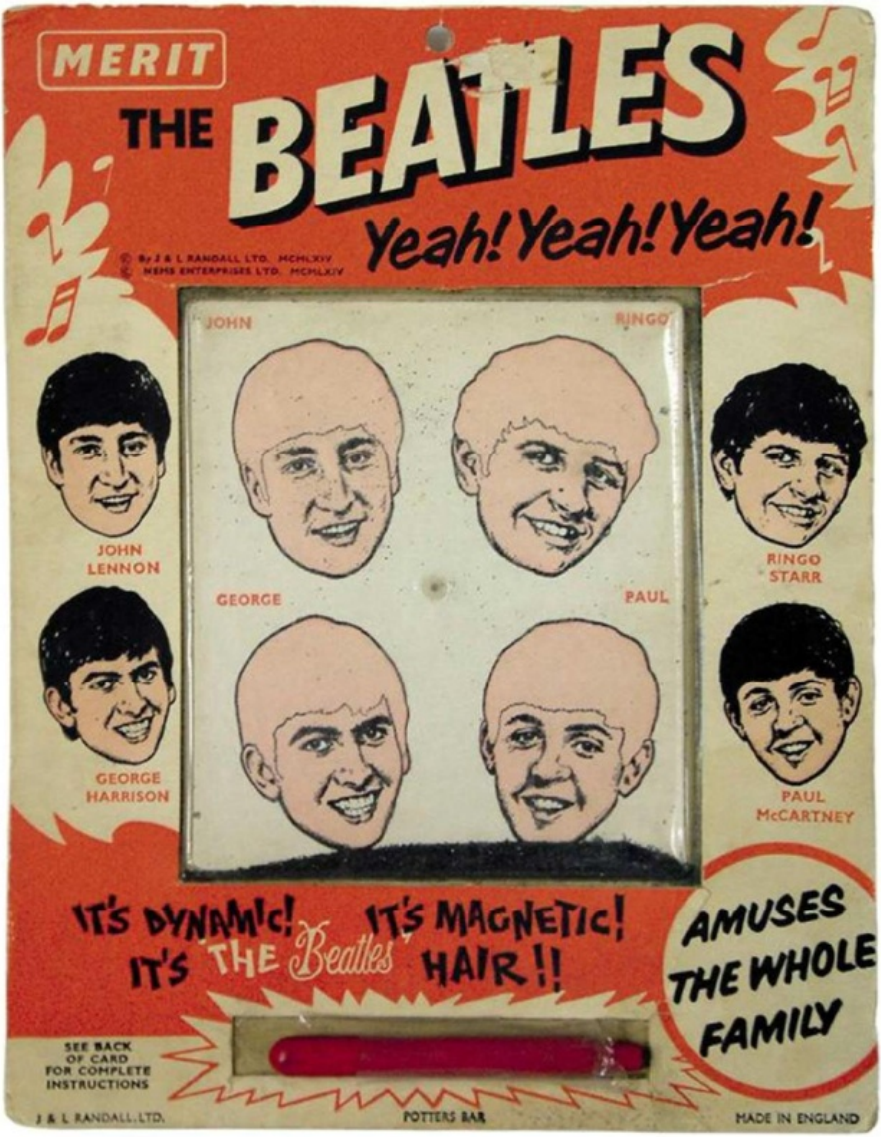
Многие сотни часов я просидел на «Ютьюбе», просматривая старые интервью, видео, пресс-конференции, репортажи и документальные фильмы вроде «24 Hours: The World of John and Yoko», снятый Би-би-си, и «A Boy Called Donovan». Огромную помощь в написании главы про концерт на крыше оказала документальная передача «The Beatles' Final Concert», записанная «Би-би-си радио 4». И наконец, я бы хотел поблагодарить практически всех и каждого, с кем пообщался за последний год или два: мало у кого нет любимого битла, или любимого их альбома, или смешной истории о встрече с кем-нибудь из участников группы, или же категоричного мнения о Махариши, «Роллинг стоунз» или о 60-х в целом.

Фотоматериалы

© The National Trust Photolibrary/Alamy Stock Photo

© Horst Fascher/K & K Ulf Kruger OHG/Redferns/Getty Images

© Lefebvre André/Paris Match via/Getty Images



© Trac *ksimages.com/Alamy Stock Photo*

© Rolls Press/Popperfoto/Getty Images

© Robert Whitaker/Getty Images

notes

Примечания

1

Перев. Н. Герн. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

2

По другим сведениям, ступенек в клубе «Кэверн» не 18, а 17.

З

Хэнк Марвин (Брайан Робсон Рэнкин, р. 1941) — британский музыкант и вокалист, лид-гитарист британской группы *The Shadows,* где солистом с 1958 г. был *Клифф Ричард* (Гарри Роджер Уэбб, р. 1940), до начала битломании признанный кумир британских подростков, наравне с Элвисом Пресли.

4

Майкл Джордж Смит (1943–2008) — солист и клавишник британской группы *Dave Clark Five*, основателем которой был *Дейв Кларк* (р. 1939) — фронтмен, продюсер и барабанщик группы, в начале 1960-х гг. составлявшей серьезную конкуренцию «Битлз».

5

Кэролин Си (1934–2016) — известная американская писательница и литературный критик.

6

Линда Грант (р. 1951) — британская писательница и журналист, дважды номинировалась на Букеровскую премию.

7

Франсес Энн Лебовиц (р. 1950) — американская писательница, актриса, сатирик и литературный критик.

8

Хелен Кейт Шапиро (р. 1946) — английская исполнительница, в 14 лет ставшая звездой; три ее сингла лидировали в британском хит-параде 1961 г., а в 1962 г. ее признали лучшей певицей страны. Подробнее о ней см. главу 24.

9

Патрисия Энн Бойд (р. 1944) — английская фотомодель и фотограф, в 1966 г. вышла замуж за Джорджа Харрисона, развелась с ним в 1974 г., а в 1979 г. стала женой Эрика Клэптона.

10

«Вечер трудного дня» — фильм режиссера Ричарда Лестера, снятый в 1964 г., где главные роли исполняли «Битлз».

11

Витторио Джорджио Андре Спинетти (1929–2012) — британский актер, писатель и поэт, снялся в трех фильмах «Битлз» («A Hard Day's Night» (1964), «Help!» (1965) и «Magical Mystery Tour» (1967)).

12

«На помощь!» — музыкальная приключенческая комедия с участием «Битлз», снятая режиссером Ричардом Лестером в 1965 г.

13

Свинья *(нем.)*.

14

Имеется в виду восьмой студийный альбом «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» («Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», 1967), здесь и далее — «Sgt. Pepper».

15

Из песни «We Can Work It Out» («Мы еще можем все поправить»), выпущенной синглом в 1965 г.

16

Из песни «Getting Better» («Становится лучше») с альбома «Sgt. Pepper».

17

«День из жизни» — последняя песня с альбома «Sgt. Pepper».

18

«На помощь!» — песня с пятого студийного альбома «Help!» (1965).

19

«Спасайся» — завершающая композиция альбома «Rubber Soul».

20

«Страдание» — песня с дебютного альбома «Please Please Me» (1963).

21

«Серебряный молоток Максвелла» — песня с одиннадцатого студийного альбома «Abbey Road» (1969).

22

Через четырнадцать лет после распада «Битлз» Пол рассказывал Стиву Гранту, музыкальному критику, ведущему колонку в журнале «Тайм-аут»: «Я знаю, что утратил хватку… Мне нужна инъекция чего-то извне, стимул, которого больше нет. И помните, что стимул давали все битлы вместе: если Ринго или Джорджу что-то не нравилось, мы это выбрасывали. Без такого внешнего стимула мои творения стали более попсовыми, хотя я всегда лучше справлялся с балладами и песнями про любовь». В то же время Джон оставался недоволен тем, что его песни брали относительно реже. «Его порой раздражало, что песни Пола перепевали чаще, чем его, — сказала в 2008 году Йоко Филипу Норману. — Он, бывало, говорил: «Вечно они берут песни Пола, а не мои». В 2019 году Пол с улыбкой рассказывал журналистке Би-би-си Эмили Мейтлис, как злился Джон, когда входил в вестибюли нью-йоркских отелей, а пианисты там, желая снискать его расположения, тут же принимались вычурно наигрывать «Yesterday». (Прим. автора)

23

Иэн Макдональд (Иэн Маккормик, 1948–2003) — английский музыкальный критик, автор книги «Revolution in the Head: The Beatles Records and the Sixties» («Переворот в умах: записи «Битлз» и шестидесятые»), посвященной анализу творчества «Битлз» и содержащей ряд критических и субъективных мнений.

24

По другим сведениям, во время Второй мировой Джим Маккартни отправился на инженерную службу, а хлопковая торговля тогда испытывала трудности. Сомнительно, чтобы он по-прежнему продавал хлопок и «прилично зарабатывал».

25

«Я построю лестницу в рай» — песня американского композитора и пианиста Джорджа Гершвина, написанная в 1922 г. на слова его старшего брата Айры Гершвина.

26

Район на севере Ливерпуля.

27

Во время Блица погибло больше 4000 ливерпульцев. (Прим. автора)

28

«Люби же меня» — дебютный сингл «Битлз» (1962).

29

Джон Бёрт был генеральным директором Би-би-си с 1992 по 2000 год. Летом 1962 года он устроился на каникулах вышибалой в саутпортский Кембридж-Холл, где битлы выступали два вечера подряд, тогда как звездами были *Joe Brown and the Bruvvers*. После первого концерта ему с приятелем велели охранять гримерку битлов от — как он сам выразился — «двух десятков моих сверстниц, которые были все в слезах и на эмоциях». Одна из них оказалась «первой красавицей Формби. Мы каждый день видели ее в электричке по пути в школу. Она была красоткой не нашего уровня и на нас внимания не обращала. Еще никто в моем кругу с ней не разговаривал». Она молила Бёрта и его друга впустить ее посмотреть на Пола Маккартни. «Мой друг ответил: «Впустим мы тебя к Полу, но ты нас поцелуешь взасос и дашь помацать». Она махом согласилась и отвела нас куда-то на заднюю лестницу. Мне сразу стало как-то стремно, но я поучаствовал в этом, даже несмотря на ее холодность. Этот недостойный опыт вскоре был резко прерван, и мы отвели ее назад к гримерке… а битлов уже и след простыл. Охваченный чувством вины и паникой, я заметался в поисках Пола и, к счастью, нашел его в баре. Тогда я вернулся за девчонкой и привел ее к Полу, окруженному поклонницами. Он обернулся, увидел меня, признал во мне вышибалу и, сообразив, что у меня к нему какое-то дело, вопросительно вскинул брови. Я объяснил, что со мной кое-кто, кто очень хочет с ним познакомиться, и представил Полу призрак, что стоял у меня под боком. Пол учтиво поклонился, а когда я, смущенный, уходил, они уже вежливо болтали». (Прим. автора)

30

В настоящее время он директор Королевской коллекции. (Прим. автора)

31

Тот самый Стивен Бейли, который в возрасте пятнадцати лет прислал Джону письмо, вдохновившее его на написание песни «I am the Walrus» (см. главу 105). (Прим. автора)

32

Отсылка к девятому студийному альбому «Magical Mystery Tour» (1967) и одноименному фильму.

33

Отсылка к песне «Long and Winding Road» с последнего, двенадцатого студийного альбома «Let It Be» (1970).

34

Гиацинта Бакет — героиня британского комедийного телесериала «Соблюдая приличия» («Keeping Up Appearances», 1990–1995), которая всеми силами пытается подняться по социальной лестнице.

35

«Затейник» (1902) — популярный регтайм-тустеп афроамериканского композитора и пианиста *Скотта Джоплина* (1868–1917).

36

«Когда мне будет 64» — песня с альбома «Sgt. Pepper», сочиненная Маккартни в 14 лет.

37

«Мир без любви» — песня, написанная Маккартни и в 1964 г. исполненная дуэтом *Peter and Gordon*.

38

«Мишель» — песня с альбома «Rubber Soul».

39

«Я пойду за солнцем» — песня с альбома «Beatles for Sale» (1964).

40

«С тех пор, как я ее заметил» — первая песня с дебютного альбома «Please Please Me» (1963).

41

«Пожалуйста, обрадуй меня» — оттуда же.

42

«Пусть будет так» — песня с последнего студийного альбома «Let It Be».

43

Самая недавняя — от 2018 года, когда Пол Маккартни участвовал в проекте «Carpool Karaoke» (50 000 000 просмотров, 70 000 комментариев); тогда он сказал: «В шестидесятых мне приснился сон, в котором ко мне пришла моя покойная мама и заверила: «Все будет хорошо, будь что будет». И мне стало так хорошо, как будто все и впрямь будет здорово… И так я написал песню. Но суть в маминой позитивности». В февральском выпуске журнала «Ньюйоркер» за 2020 год Джеймс Корден, который возил Пола по Ливерпулю в эпизоде своего шоу «Carpool Karaoke», признался, что поначалу Пол не горел желанием возвращаться в семейный дом. «Он сказал: «Я как в двадцать лет ушел оттуда, так больше не возвращался. Как-то не с руки мне туда ехать»». (Прим. автора)

44

«New Musical Express» (NME) — английский музыкальный журнал, издававшийся с 1952 по 2018 г., в котором также публиковались музыкальные чарты и хит-парады синглов.

45

«Пойдем со мной» — песня Кларенса Квика, вокалиста американской дувоп-группы *The Del-Vikings*, популярной в 1950-е гг. и известной необычным на то время мультирасовым составом, записана в 1956 г.

46

«Мегги Мэй» — популярная в Ливерпуле народная песня, в аранжировке «Битлз» включена в альбом «Let It Be».

47

«Прикидываться стильным» — песня британского исполнителя, «короля скиффла» Лонни Донегана (1931–2002), записанная в 1957 г.

48

Хит 1956 г., записанный американским исполнителем и одним из пионеров рок-н-ролла *Джином Винсентом* (Винсент Юджин Крэддок, 1935–1971) и его группой *Blue Caps*.

49

«Рок на двадцати этажах» — песня американского певца, композитора и гитариста Эдди (Эдварда Рэймонда) Кокрана (1938–1960), записанная для фильма «Девушка не может удержаться» (реж. Фрэнк Ташлин, 1956, в главной роли Джейн Мэнсфилд).

50

Литтл Ричард (Ричард Уэйн Пеннимен, 1932–2020) — американский певец, пианист и композитор.

51

«Долговязая Салли» (1956) — второй хит Литтл Ричарда; впоследствии ее исполнял Элвис Пресли, а «Битлз» включили ее в свой одноименный, пятый мини-альбом, записанный в 1964 г.

52

Томми Стил (Томас Уильям Хикс, р. 1936) — британский певец и музыкант, первая английская звезда рок-н-ролла.

53

Нил Персиваль Янг (р. 1945) — канадский певец, композитор и режиссер, наиболее известный композициями в стиле фолк- и кантри-рока.

54

«Все в порядке» — песня американского блюзового певца и гитариста Артура Крудапа (1905–1974), написанная в 1946 г. и включенная в первый сингл Элвиса Пресли в 1954 г.

55

В иудейской традиции — обряд, отмечающий религиозное совершеннолетие мальчика, когда тому исполняется 13 лет и 1 день.

56

Отсылки к творчеству Боба Дилана: «A Hard Rain’s a-Gonna Fall» (с альбома «The Freewheelin’ Bob Dylan», 1963), «Slow Train Coming» (название 19-го студийного альбома, 1979) и «Simple Twist of Fate» (с альбома «Blood on the Tracks», 1974).

57

Получивший официальное название «The Beatles», он стал широко известен как «The White Album» или же «The Double White» («Белый альбом» или «Двойной белый»; десятый студийный альбом «Битлз», их единственный двойной релиз, выпущенный в 1968 г.). В этой книге я буду называть его «Белый альбом». (Прим. автора)

58

«Джулия, спящий песок, безмолвное облако, коснись меня, / И я пою песню о любви, Джулия».

59

Имеется в виду общеобразовательная средняя школа, носящая название «Ливерпульский институт».

60

«Отвязно» — инструментальная композиция американского рок-музыканта Билла Джастиса (Уильям Эверетт Джастис, 1926–1982), записанная в 1957 г.

«Я человек-птица» *(фр.)*.

62

Песня «Представь себе» с одноименного сольного альбома Джона Леннона (1971); «Над нами только небо».

63

Так уж совпало, что в том же доме жила мать Джона, Джулия, когда вышла за Фреда Леннона. (Прим. автора)

64

Остин Дэвис (1926–2012) — известный английский художник-экспрессионист; его жена, *Берил Маргарет Бейнбридж* (1932–2010), впоследствии стала писательницей и сценаристкой и входит в список величайших английских писателей современности; на русском опубликованы ее романы «Мастер Джорджи», «Грандиозное приключение» (экранизированный в 1995 г. режиссером Майком Ньюэллом) и «Согласно Куини».

65

Фриц Шпигль (1926–2003) — впоследствии известный британский композитор, писатель и журналист.

66

«Ну что сказать» — песня с одноименного альбома (1959) американского эстрадного певца и пианиста *Рэя Чарльза Робинсона* (1930–2004), положившая начало соулу.

67

Джеральдо (Джеральд Уолкен Брайт, 1904–1974) — английский пианист и дирижер, руководитель эстрадного оркестра «Гаучо танго», популярного в 1930–1950-е гг.

68

Жак Брель (1929–1978) — бельгийский поэт, актер и режиссер; черная водолазка — часть его сценического образа.

Ревень *(фр.)*.

70

Через пять лет, когда Пол и Джон отбирали песни для альбома «Rubber Soul», Джон вдруг вспомнил, как Пол на вечеринках пел какую-то французскую песню. И снова Пол не сумел подобрать рифму к «Michelle». Репетитор по французскому Джен Вон, супруга школьного приятеля Пола, Айвена, предложила «ma belle» («Моя красавица» *(фр.)*.). Затем Пол попросил ее перевести на французский слова «these are words that go together well» («Эти слова так ладно звучат вместе».), а позднее прислал ей чек с гонораром за вклад. Послушав же вышедшую тогда песню «I Put a Spell on You» («Я тебя заколдовала».) Нины Симон, Пол добавил еще и интерлюдию «I love you, I love you, I love you». (Прим. автора)

71

«Элинор Ригби» — песня с альбома «Revolver» (1966).

72

«Desert Island Discs» — популярная радиопередача Би-би-си, выходящая с 1942 г.; гостям предлагают выбрать восемь дисков, книгу и какой-нибудь предмет, который они взяли бы с собой на необитаемый остров. Также в свой список «Дисков для необитаемого острова» Бейнбридж, со свойственной ей эксцентричностью, включила «Two Little Boys» Рольфа Харриса, «Kiss Me Goodnight, Sergeant Major» Веры Линн и «Bat Out of Hell» Мит Лоуфа. (Прим. автора)

73

«Рок круглые сутки» — песня Макса Фридмана и Джеймса Майерса, написанная в 1952 г. и получившая популярность в 1954 г. в исполнении Билла Хейли и его группы *The Comets*.

74

«TV Star Search» — программа телеканала Эй-би-си, вещавшего на севере Англии и в регионе Мидлендс с 1956 по 1968 г.

75

Билли Фьюри (Рональд Уичерли, 1940–1983) — английский певец, музыкант и актер, популярный в 1960-е гг.

Фенметразин. (Прим. автора)

77

«Двадцать два часа. Приготовьтесь к проверке документов. Все, кому еще не исполнилось восемнадцати, должны покинуть заведение» *(нем.)*.

Kosh, cosh *(англ.)* — дубинка.

За здоровье! *(нем.)*

В то время она встречалась с Норманом Кулке, ударником *The Swinging Blue Jeans*. Позднее работала налоговым инспектором, потом — у Брайана Эпстайна, а после сделала успешную карьеру в кино. В 2000 году получила премию BAFTA в номинации «Лучшая женская комедийная роль». (Прим. автора)

81

В 1961 г. *Тони Шеридан* (Энтони Эсмонд Шеридан Макгиннити, 1940–2013), британский певец и гитарист, записал в Гамбурге альбом «My Bonny» с «Битлз» как аккомпанирующей группой, для благозвучия переименованной лейблом в *The Beat Brothers*.

82

В черной комедии Ричарда Лестера «Как я выиграл войну» («How I Won the War», 1967) Джон Леннон сыграл свою единственную «немузыкальную» роль.

83

На фотографии Битлз-Платц видно, что дорожек четыре.

84

«Она любит тебя», «Я хочу держать тебя за руку» — четвертый и пятый синглы, записанные в 1963 г.

85

Майкл Кроуфорд (р. 1942) — британский певец и актер; *Нил Стэнли Эспинолл* (1941–2008) — школьный приятель Маккартни и Харрисона, гастрольный менеджер «Битлз», впоследствии руководитель основанной ими компании «Эппл кор».

86

Клевый (от *англ.* cool).

87

Алекс Харви (1935–1982) — шотландский рок-музыкант, вокалист и поэт, фронтмен группы *Sensational Alex Harvey Band; Уильям Рори Галлахер* (1948–1995) — ирландский рок-блюз-гитарист и автор песен, прославился в 1960-е гг., творил как сольно, так и в составе группы *Taste.*

88

В последнем издании книги Хантера Дэвиса «The Beatles. Единственная на свете авторизованная биография» упоминаются пять гамбургских гастролей.

89

Шестой студийный альбом Джона Леннона (1975).

Вечера эти устраивал по вторникам новый владелец клуба Рэй Макфолл, после того как в октябре 1959 г. выкупил «Кэверн» у Элана Ситнера.

91

По другой версии, такое прозвище Пол получил за длинные волосы, однако сам *Паоло Аннунцио Мантовани* (1905–1980), англо-итальянский дирижер и композитор, прославился не длиной волос, а исполнением легкой оркестровой музыки.

92

Лет через десять, когда поп-музыка стала куда напыщенней, «Мэсси энд Коггинс» могло бы стать удачным названием для группы, как, например, *Loggins and Messina, Gallagher and Lyle* или *Crosby, Stills, Nash and Young.* (Прим. автора)

Зд.: звездный час.

Судя по общей фотографии, которую сделал в тот вечер сам Ринго, гостей пришло 60 человек.

95

Присцилла Вероника Мария Уайт (1943–2015) взяла себе сценический псевдоним Силла Блэк и впоследствии стала известной британской певицей, актрисой и телеведущей.

96

Присцилла Уайт очень хочет стать Силлой Блэк и, под руководством Брайана Эпстайна, большой звездой. «Я всегда считала, что буду если не певицей, то парикмахером. Элси была настоящим авторитетом, как вторая мать для нас с Пэт и битлов. Мы вечно у нее дома торчали, а она готовила нам на ужин вкуснющие блюда из мясных консервов «Спам», домашнюю жареную картошку и тушеную фасоль, как бы часто мы ни забегали за добавкой и как бы громко ни слушали свежие пластинки. Я-то думала, что классно делаю прически Элси, но спустя лет так тридцать отчим Риччи, Гарри, разубедил меня. «Мы тебе тогда ничего не говорили, — пробормотал он, — но ты черт-те что творила с волосами Элси!»». (Прим. автора)

97

Лайтнин Хопкинс (Сэм Джон Хопкинс, 1912–1982) — техасский кантри-блюзовый певец, гитарист и автор-исполнитель. За два года до смерти, в 1980 г., был включен в Зал славы блюза.

North East Music Stores, которыми в ту пору владел отец Брайана. (Прим. автора)

99

В оригинале «fab», сокращенное «fabulous» («чудесный»), которое позднее станет частью «Fab Four», то есть «Чудесной четверки».

100

«Пит — лучший!»

101

Здесь и далее цитаты из книги Хантера Дэвиса «The Beatles. Единственная на свете авторизованная биография» даны в переводе С. Калининой, А. Грызуновой.

102

В фильме «Шпион, который меня любил» (1977, реж. Льюис Гилберт).

103

«Casbah Coffee Club» — ливерпульский рок-н-ролльный музыкальный клуб, устроенный матерью Пита Беста в 1959 г. в подвале их дома, по образцу лондонского кафе «2i's» в Сохо; закрылся в 1962 г., сейчас существует в качестве экспозиции.

104

Парафраз названия песни «While My Guitar Gently Weeps» («Пока моя гитара тихо плачет») с «Белого альбома».

105

John Winston Lennon (Джон Уинстон Леннон).

«Black Cat» («черный кот»).

107

«Не предавай меня» (1969) — песня со второй стороны сингла «Битлз» и Билли Престона.

108

Британский самолет-истребитель времен Второй мировой.

109

«The Good Old Days» — еженедельная развлекательная передача, шедшая на телеканале Би-би-си с 1953 по 1983 г. и воспроизводившая атмосферу эдвардианского мюзик-холла; ее бессменным ведущим был британский актер *Леонард Мейер Сакс* (1909–1990).

110

«В «Старом быке и кусте»» — популярная водевильная песня в исполнении австралийской актрисы театра-варьете Флорри Форд (1875–1940).

111

Аллюзия на стихотворение XL из сборника Альфреда Хаусмана «Шропширский паренек».

Позднее он взял псевдоним Марк Болан.

113

Адам Фейт (Теренс Нелемс Райт, 1940–2003) — английский певец и актер, кумир подростков в конце 1950-х гг.

114

Марти Уайлд (Реджинальд Леонард Смит, р. 1939) — английский певец и автор песен, одним из первых начал подражать американскому рок-н-роллу; впоследствии отец известных рок-исполнителей Рики Уайлда и Ким Уайлд.

115

Альма Анджела Коэн Коган (1932–1966) — британская поп-певица, популярная в 1950-е гг.

В частности, с 1940 по 1947 г. — в оркестре «Гаучо танго» под управлением Джеральдо.

117

«Melody Maker», английский музыкальный еженедельник, издававшийся в 1926–2000 гг.

118

Норман Уильям Парамор (1914–1979) — главный продюсер лейбла «Колумбия Рекордз» компании EMI.

119

«Рождение блюза» (1926) — популярная песня американского композитора Рэя Хендерсона на слова Бадди Десильвы и Лью Брауна.

120

«Не обращайся со мной как с ребенком» (1961) — песня композитора Джона Шредера на слова Майка Хокера; их следующие песни, написанные для Хелен Шапиро, тоже стали хитами.

121

«Thank Your Lucky Stars» — подростковая телепередача, выходила на телеканале Ай-ти-ви в 1961–1966 гг.

«Ты не знаешь»; «Возвращаясь к счастью».

123

Кеннет Линч (1938–2019) , *Дэнни Уильямс* (1942–2005) — британские эстрадные певцы негритянского происхождения, популярные в начале 1960-х гг.

124

Дейв Аллен (Дэвид Тинан О'Махони, 1935–2005) — ирландский эстрадный сатирик, популярный в 1960–1980-е гг.

125

Американская группа, популярная в 1960-х гг., своего рода женская версия *The Beach Boys;* обе группы периодически были вокалистами на подпевках друг у друга, а Брайан Уилсон в 1964 г. женился на Мэрилин Ровелл.

126

Джон Ройс Мэтис (р. 1935) — американский эстрадный певец, автор песен, актер кино и телевидения; исполнитель романтических баллад.

127

«Паровозик» — песня Кэрол Кинг и Джерри Гоффина, написанная в 1962 г. и ставшая танцевальным хитом в исполнении американской поп-певицы Литтл Ивы (1943–2003).

128

«Королева вечера».

129

Подробнее о ней см. главу 108.

«Горе мне».

«Смотри, кто это».

132

«Ready Steady Go!»

133

«Давай поженимся» — песня Чарльза Робинса с альбома американской певицы *Бренды Ли* (Бренда Мэй Тэрпли, р. 1944), выпущенного в 1960 г., — стала хитом в Великобритании в 1961 г.

134

Дасти Спрингфилд (Мэри Изобель Кэтрин Бернадетта О'Брайен, 1939–1999) — знаменитая британская певица, пик популярности которой пришелся на 1960-е гг.

135

«Bag o'Nails» — культовый клуб в Сохо, в 1960-е гг. его завсегдатаями были многие знаменитости, здесь же давали концерты популярные исполнители.

136

«Well, she was just seventeen…» — первая строка песни «I Saw Her Standing There», открывающей дебютный альбом «Please Please Me» (1963).

137

Здесь и далее в эпизоде употреблены цитаты из песни «She's Leaving Home» («Она покидает дом») с альбома «Sgt. Pepper».

138

Год спустя Мелани снова покинула дом и вышла замуж за испанца. Через год они расстались, и Мелани перебралась в Калифорнию с намерением сделать карьеру в кино и танцах. Там у нее случился непродолжительный роман с Бертом Уордом, игравшим Робина в телесериале о Бэтмене. В 1981 году она вернулась домой присматривать за умирающей матерью.

139

«Залетный ветер» (1956) — песня на музыку Стэнли Лебовского и слова Херба Ньюмена; *Фрэнсис Эдвард Айфилд* (р. 1937) — англо-австралийский певец и гитарист, исполнитель в стиле кантри.

140

«Летние каникулы» — песня из одноименного фильма (1963, реж. Питер Йетс, в главной роли — Клифф Ричард).

141

«От тебя ко мне» — песня с третьего сингла «Битлз», выпущенного в 1963 г.

142

«Pops and Lenny» — телевизионная музыкальная передача с участием чревовещателя Терри Холла и его куклы, льва Ленни, выходила на Би-би-си с 1962 по 1963 г.

«Pop Go the Beatles».

144

Фредерик Джеймс («Боб») Вулер (1926–2002) — диджей и конферансье клуба «Кэверн» с 1961 по 1967 г.; *Джерард Марсден* (1942–2021) — певец и музыкант, фронтмен группы *Gerry and the Pacemakers;Билли Дж. Крамер* (Уильям Хауард Эштон,р. 1943) — английский поп-исполнитель, записавший несколько песен, сочиненных для него Ленноном и Маккартни.

145

В 1967 году Мейкин взял на себя организацию похорон Эпстайна; ему приписывают авторство термина «битломания».

146

Отсылка к «Twist and Shout» (1961), песне Фила Медли и Берта Бернса, написанной для вокальной группы *The Top Notes* ; «Битлз» включили ее кавер-версию в свой первый альбом «Please Please Me».

147

Альберт Гарри Голдман (1927–1994) написал книгу «Жизни Джона Леннона» (1988), в которой представил Джона в уникально неприглядном свете, дойдя даже до того, что заподозрил его в убийстве. Умер Голдман от сердечного приступа на борту самолета: он летел в Лондон и разругался с бортпроводниками, требуя лучших условий. «Голдман был похож на Трумена Капоте, а вел себя как Бетт Дэвис (Рут Элизабет Дэвис (1908–1989) — американская актриса, единственный в мире номинант на 11 «Оскаров».), — писал о нем в некрологе автор «Дейли телеграф». — Скромностью он не отличался. «На ниве контркультуры, — заявлял Голдман, — мне открылся непочатый край исследований, справиться с которым мог бы лишь такой великий ум, как мой»».

148

В 1984 году телеграмма ушла с молотка в «Сотбис» за 550 фунтов. В 1980-м, незадолго до гибели, Джон рассказал, как «ударил чувака здоровенной палкой, и мне тут же показалось, что я вот-вот прибью его. Видел все как на экране: садану еще раз — и ему кранты. Я обалдел. Я всю жизнь себя так вел, но после той ночи завязал с насилием».

Тут показания свидетелей тоже расходятся: по рассказу того же Дэвиса, со слов Леннона, Джулиану было несколько дней от роду.

150

В названии обыгрывается выражение «a twist of lemon» *, букв.*: «кусочек лимонной кожуры».

151

В своих мемуарах бывшие сотрудники битлов блещут тем же божественным всеведением, что и королевская прислуга всех мастей — в своих.

152

Среди тех, кто утверждает, будто Эпстайн к ним подкатывал, — Пит Шоттон, Ларри Кейн, Пит Бест и ливерпульский комик Фредди Старр (1953–2019), который в то время пел в группе *The Midniters*. Склонный сгущать краски Старр — единственный, кто, с его же слов, оказал сопротивление: «Я начал молотить его по плечам, и он испугался, потому что бил я больно. Он отступил и взял себя в руки».

153

Йоко тоже рассказывала Филипу Норману, как «по обрывочным фразам» Джона сделала вывод, что он подумывал закрутить с Полом, вот только Пол этого не хотел. «В офисе «Эппл» она слышала, как Пола порой называли Джоновой Принцессой», — пишет Норман. Также Йоко рассказывала, что один раз слышала запись репетиции, на которой Джон звал: «Пол… Пол…» — каким-то странным раболепным и умоляющим тоном. «Я знала, что между ними что-то было, — вспоминала она. — Только с его точки зрения, а не с точки зрения Пола. А еще Джон на Пола жутко злился, и мне всегда было интересно почему».

154

«Пара красных туфелек».

155

Адам Фейт (Теренс Сидни Льюис, р. 1943) — английский певец, недолго популярный в начале 1960-х гг., впоследствии театральный актер; *Теренс «Джет» Харрис* (1939–2011) — английский бас-гитарист, до 1962 г. играл в *The Shadows,* впоследствии выступал дуэтом с Тони Миханом, бывшим барабанщиком *The Shadows.*

«A Me ad Vos».

157

Николас Понсонби Хэслем (р. 1939) — известный фотограф и декоратор.

158

«Я даю ей всю свою любовь, вот и все…», из песни «And I Love Her» («И я люблю ее») с третьего студийного альбома «A Hard Day's Night» (1964).

159

Грэм Уильям Нэш (р. 1942) — британский музыкант и автор-исполнитель песен, участник группы *The Hollies* и фолк-рок-супергруппы *Crosby, Stills & Nash* ; дважды — в 1997 и 2010 гг. — вошел в Зал славы рок-н-ролла; награжден орденом Британской империи за музыкальную и благотворительную деятельность.

«Привяжи моего кенгуру, приятель» и «Солнышко взойдет».

161

«На что это вообще похоже?»; отсылка к одноименной песне самого Р. Харриса.

162

«Oh Boy!» — первое британское музыкальное телешоу для подростков, транслировалось по каналу Ай-ти-ви в 1958–1959 гг.

163

«Expresso Bongo» (1959, реж. Вэл Гест) — музыкальная комедия, экранизация одноименного мюзикла; «The Young Ones» (1961, реж. Сидни Фьюри).

«Холостяк».

165

Алан Джордж Хейвуд Мелли (1926–2007) — английский джазмен и блюзмен, впоследствии известный музыкальный и кинокритик.

«Не говори с ним».

167

Фрэнсис Томас Аваллоне (р. 1940) — итало-американский певец «филадельфийской школы» рок-н-ролла, кумир молодежи конца 1950-х — начала 1960-х гг., снимался в комедиях.

«Чудесная жизнь» (1964, реж. Сидни Дж. Фьюри).

169

«Рай для свингеров».

170

В 1966 году я с удовольствием смотрел «Золушку» в лондонском «Палладиуме», где Клифф Ричард играл Баттонза (В англоязычной версии сказки — комическая роль слуги Золушки, безответно влюбленного в главную героиню.), Терри Скотт и Хью Ллойд — сестер-уродин, Тюдор Дэвис — Дандини, а Джек Дуглас — барона Хардапа. Людей Торговца играли *The Shadows*. Был там и особенный персонаж, слоненок по кличке Милая Тоня (По другой версии, Таня.). В то же самое время «Битлз» записывали «Strawberry Fields Forever» и «Penny Lane».

171

Том Гибберт (1952–2011) написал много смешных интервью, в том числе с Робертом Максвеллом, Бернардом Мэннингом, Йоко Оно и сэром Джимми Сэвилом для журналов «Смэш хитс» и «Q». В посвященном ему некрологе в «Гардиан» Марк Эллен отмечал: «Том не боялся тишины. Он заставлял своих собеседников думать, будто они, несмотря на все свои очевидные достижения, по-прежнему неудачники, а сам молча откидывался на спинку кресла, затягивался сигаретой и наслаждался их паникой».

«Swinging Sound ‘63».

173

Дел Шеннон (Чарльз Уидон Вестовер, 1934–1990) — американский певец и музыкант, исполнитель рок-н-ролла и кантри; *Джон Ланселот Блейдс Персивал* (1933–2015) — английский актер, комик и певец.

174

«Mandy» (1952, реж. Александр Маккендрик) — черно-белый фильм о глухой девочке.

«The Quatermass Xperiment» (1955, реж. Вэл Гест).

176

«Juke Box Jury» — еженедельная музыкальная телепередача, шедшая на Би-би-си с 1959 по 1967 г.

177

Культовый ночной клуб на углу Лестер-Плейс и Лайл-стрит, в 1965–1969 гг. вместе с «Bag o'Nails» и «Scotch of St. James» составлял триаду самых популярных лондонских клубов, регулярно посещаемых знаменитостями.

178

Урожденный Бернард Уильям Джури, который взял псевдоним Шейн Фентон, а еще позднее сменил его на Элвин Стардаст.

179

«Искусно сплоенное покрывало высокий, чистый лоб ей облегало» (перев. И. Кашкина, О. Румера).

180

В 1964 г. с Гордоном Уоллером сформировал поп-дуэт *Peter & Gordon* и после успешной карьеры на сцене стал музыкальным продюсером.

«The Planter's Wife» (1952, реж. Кен Эннакин).

«Isn’t Life Wonderful!» (1954, реж. Гарольд Френч).

183

Мемуары Лоуренса Аравийского.

184

«Дурак на холме» — песня с девятого студийного альбома «Magical Mystery Tour».

185

Джонатан Вулф Миллер (1934–2019) — британский актер, известный своими комическими монологами в эстрадном сатирическом ревю «За гранью» («Beyond the Fringe», 1960, вместе с Питером Куком, Дадли Муром и Аланом Беннетом); впоследствии театральный и оперный режиссер, телеведущий, сатирик и писатель; имел медицинское образование (в области неврологии).

186

Морин Клив (р. 1934) — британская журналистка, штатный корреспондент газеты «Ивнинг стандарт». В 1960-е гг. интервьюировала многих звезд шоу-бизнеса. Также сотрудничала с такими изданиями, как «Дейли телеграф», журнал «Сага» и др.

«Я тебя не замечаю» с альбома «Rubber Soul», «То, о чем мы сегодня говорили» и «И я люблю ее» с альбома «A Hard Day's Night», «Здесь, там и повсюду» с альбома «Revolver», «Вчера» с альбома «Help!».

188

Которая позднее написала книгу о своих любовных похождениях «Body Count» («Счет телам».)

189

Джон Кингсли Ортон (1933–1967) — английский драматург, подробнее о нем см. главу 95.

190

Кто же там открывал, а кто закрывал окно — на совести автора или же самой Марианны Фейтфулл.

Позднее была переименован в «Рейнбоу».

192

«Ты думаешь, что потерял свою любовь, но я ее видел вчера…» — из песни «She Loves You».

193

«Она сказала, что ты ее сильно обидел» — оттуда же.

194

Работая в EMI, Норман Смит (1923–2008) спродюсировал «See Emily Play» *Pink Floyd*, так же как и первые их четыре альбома. Позднее, в 1972 году, он добился недолгой славы как сиплоголосый Харрикейн Смит, чей сингл «Don't Let it Die» занял второе место в чартах.

195

Известный музыкальный клуб на углу Макдугал-стрит и Минетта-лейн в Нью-Йорке, существовал с 1959 по 1968 г.; именно здесь «открыли» Джими Хендрикса, а также выступали многие знаменитые исполнители, в том числе Боб Дилан, Брюс Спрингстин, *The Velvet Underground* и др.

196

Стивен Алан Денот (1936–2005) — впоследствии один из основателей рага-рок-группы «The Seventh Sons»; *Вики Тил* (р. 1943) — впоследствии известный модельер и дизайнер, одним из ее самых знаменитых клиентов была Элизабет Тейлор.

197

Политик-коллаборант, от фамилии Викдуна Абрахама Лорица Йонссона Квислинга (1887–1945), возглавившего правительство после оккупации Норвегии германскими войсками в 1940 г.

198

В значении «каверзный, трудный вопрос», из популярной американской радиовикторины «Take it or Leave it», транслировавшейся по Си-би-эс (1940–1947), где за правильный ответ на седьмой вопрос подряд участник получал 64 доллара.

199

По названию пьесы Джо Осборна «Оглянись во гневе» («Look Back in Anger», 1956), давшей название литературному направлению в 1950-е гг. и, нарицательно, ставшей обозначением критически настроенной молодежи, жаждавшей перемен, «молодых бунтарей».

200

Город в ЮАР; его гарнизон во время Второй Англо-бурской войны (1899–1902) попал в продолжительную осаду (217 дней), снятие которой стало поводом для большой радости англичан.

201

«Blunt» — «прямо», «без обиняков».

202

Изекил Кристофер Монтанес (р. 1943) — американский гитарист и певец, в чей репертуар входили как рок-н-ролльные, так и классические (дороковые) поп-композиции; *Томми Роу* (р. 1942) — американский поп-исполнитель, синглы которого дважды возглавляли список 100 хитов по версии журнала «Билборд».

203

Вот я писал эту книгу и, случалось, по ночам не мог заснуть, потому что в голове крутились песни «Битлз». Если же это была какая-нибудь особенно приставучая — «Yellow Submarine» там или «All Together Now», — то заглушить ее могло лишь звучание «Боже, храни королеву» в другой части мозга. Одна беда, новая мелодия доставала еще больше той, которую она вытеснила.

«Jelly babies» *, букв.* «желейные детки» — популярные английские конфеты, выпускаемые примерно с 1885 г.

205

Энтони (Тони) Армстронг-Джонс, граф Сноудон (1930–2017) — известный британский фотограф и дизайнер, с 1960 по 1978 г. супруг принцессы Маргарет.

206

Город в 3 милях от королевской резиденции, Виндзорского замка.

207

«О, в тебе есть что-то такое…».

208

«Этот парень».

209

«Ты мной завладела» — песня *Смоки Робинсона* (р. 1940), впервые исполненная ду-воп-группой *The Miracles* в 1962 г., с начала 1963 г. «Битлз» включили ее в свой концертный репертуар.

210

«Can’t Buy Me Love» уступила первое место в хит-параде другой песне Леннона — Маккартни, «World Without Love», исполненной Питером Эшером и его другом, Гордоном Уоллером, дуэт которых известен как *Peter and Gordon*.

211

Популярный среди нью-йоркской богемы бар «The Dom» по адресу 19–25 Сент-Маркс-Плейс существовал с 1960 по 1967 г.

212

Будь верен своей школе, / Как верен своей девушке или парню, / Будь верен своей школе, / И пусть реет твой флаг.

213

«Не отступай».

214

«Девчонки просекают, когда парней смывает… двадцатифутовая волна ухнет тонной свинца».

215

Руби Вакс (р. 1953) — известная англо-американская актриса, эстрадный сатирик и писательница.

216

Американская женская группа (1959–1967), продюсером которой был Фил Спектор; в 2007 г. вошла в Зал славы вокальных групп, а композиция «Be My Baby» заняла 22-е место в списке 500 величайших песен всех времен по версии журнала «Роллинг стоун» и вошла в Зал славы рок-н-ролла.

217

Энтони Салвин Холл (1928–2019) — менеджер «Декка рекордз», музыкальный критик и ведущий музыкальной телепередачи «Oh Boy!», вел колонку в еженедельнике «Рекорд миррор»; с 1967 г. стал независимым промоутером.

218

Вероника Иветт Беннетт (Спектор) (р. 1943) — американская певица, участница группы *The Ronettes*, в которую также входили ее сестра Эстель Беннетт (1941–2009) и кузина Недра Талли (р. 1946). Занимает 69-е место в списке 100 величайших певцов всех времен по версии журнала «Роллинг стоун».

«Будь моей деткой», «Детка, я люблю тебя», «Я видела, как мама целует Санта-Клауса».

220

Харви Филип Спектор (1939–2021) — знаменитый американский продюсер, создатель техники записи «стена звука».

221

«Я осчастливлю тебя, малыш, вот увидишь: за каждый поцелуй я поцелую тебя трижды», — из песни Джеффа Барри, Элли Гринвич и Фила Спектора, написанной в 1963 г.

222

Американский вокальный коллектив, основанный в 1960 г. Отисом Уильямсом (р. 1941), он же последний «ветеран» группы из первоначального состава. Группа работает в таких направлениях, как соул, ду-воп, ритм-энд-блюз, фанк и диско.

223

Бен Кинг (Бенджамин Эрл Нельсон, 1938–2015) — американский певец, классик соула 1950–1960-х гг. Его стараниями ритм-энд-блюз приобрел популярность и среди белых слушателей.

Да еще как! В 1968 году, вскоре после того, как они поженились, Фил подарил Ронни на двадцать пятый день рождения машину, но водить ее без него запретил. Если же он был недоступен, в салон полагалось усадить его надувную куклу-двойника. «Теперь, когда ты за рулем одна, к тебе никто не пристанет», — победно объяснил он. Из года в год Фил ревновал все сильнее. Он запер Ронни в доме, за забором из колючей проволоки, под охраной сторожевых псов. Чтобы Ронни не сбежала, он отобрал у нее всю обувь. Более того, пригрозил, что убьет ее, если она вздумает его бросить. «Я на этот случай подготовился, — сказал он ее матери. — Уже и гроб есть. Из чистого золота. А крышка хрустальная, так что Ронни и после смерти будет у меня под присмотром».

225

Американское ритм-энд-блюзовое женское трио, работало с 1962 по 1972 г. В 2004 г. заняли 96-е место в списке 100 лучших исполнителей всех времен по версии журнала «Роллинг стоун»; песня «Heat Wave» («Жара», 1963), написанная Ламоном Дозье и братьями Эдди и Брайаном Холландами, четыре недели продержалась на первом месте чартов.

226

Тони Колдер (1943–2018) — британский менеджер звукозаписи, искатель талантов, пиар-агент, промоутер и импресарио.

227

В своей автобиографии Ронни утверждает, что это был отель «Уорик», однако в свой первый визит в Штаты «Битлз» останавливались в «Плазе», а в следующий, в августе того же года, поселились в «Дельмонико», потому что администрация «Плазы», устав от шумихи, отказалось принять группу. Не упоминает она и о присутствии жены Джона, Синтии, хотя та прилетела в Америку с мужем. Альберт Голдман, один из наименее надежных биографов Джона, смело заявляет, будто «стоило Синтии отвернуться, как он уволок Ронни в соседнюю спальню». Не исключено, что Ронни напутала с датами и неудачная попытка соблазнения имела место в «Дельмонико». В «Уорике» битлы впервые остановились только в 1966 году.

228

Эдвард Винсент Салливан (1901–1974) — американский антрепренер, журналист и телеведущий, прославившийся со своим телешоу, на котором представлял публике новые таланты, «Шоу Эда Салливана». Пробыв в эфире 26 лет (с 1948 по 1971 г.), оно стало самым долгоиграющим проектом на американском телевидении, а в 1996 г. сам Салливан занял 50-ю строчку в списке 50 величайших телеведущих всех времен по версии еженедельника «ТВ гайд».

229

Роберт Прехт (р. 1930) — американский деятель шоу-бизнеса, один из продюсеров «Шоу Эда Салливана».

230

«Catholic Standard and Times» — официальное еженедельное издание филадельфийской католической архиепархии, упразднено в 2012 г.

231

Джо Куинан (р. 1950) — известный американский сатирик, спортивный обозреватель и кинокритик, автор таких книг, как «Red Lobster, White Trash and the Blue Lagoon» («Красный омар, белое отребье и голубая лагуна») и «If You're Talking to Me» («Если ты говоришь со мной»), а также бестселлера «Closing Time» («Время закрытия»).

232

Скоростная линия нью-йоркского метро, обслуживающая район Квинс.

233

Хамфри Дефорест Богарт (1899–1957) — американский киноактер, «лучший актер в истории американского кино» по версии Американского института киноискусства.

234

Андреас Корнелис ван Кёйк (1909–1997) — известный как *полковник Том Паркер* — американский импресарио, менеджер Элвиса Пресли; нелегально эмигрировал в США из Голландии в конце 1920-х гг.; чин полковника — почетное звание.

235

Кукла-мышонок, главный герой итальянского телеспектакля 1960-х гг. В России известен главным образом благодаря аниме-сериалу.

236

Милтон Берл (Мендель Берлингер, 1908–2002) — американский комик и звезда телевидения 1950-х; *Сэмюел Джордж Дэвис-младший* (1925–1990) — американский джазовый музыкант, актер; *Элла Джейн Фицджеральд* (1917–1996) — американская певица, «первая леди джаза».

237

«Закрой глаза, и я тебя поцелую» — из песни «All My Loving» («Всю мою любовь») со второго студийного альбома «With the Beatles» (1963).

238

«The Music Man» (1957) — мюзикл Роберта Рейнигера Мередита Уиллсона (1902–1984), ставший хитом на Бродвее и удостоенный пяти премий «Тони»; песня «Till There Was You» («Пока там не появилась ты») включена в альбом «With the Beatles»: «На холме были колокола, но я никогда не слышал их звона, пока там не появилась ты».

«Она сказала, что любит тебя, и ты знаешь, что это не может быть плохо».

240

Джорджия Браун (Лилиан Клэр Лейзер Гетель Клот, 1933–1992) — английская певица и актриса, исполнила роль Нэнси в мюзикле Лайонела Барта «Оливер!» (1960).

241

Мэри Тереза О'Ши (1913–1995) — валлийская певица и актриса, исполнила роль торговки Ады Кокль в бродвейском мюзикле Ноэля Кауарда «Девушка, что пришла на ужин» (1963), за которую получила премию «Тони».

242

Впоследствии братья Фогерти образовали группу *Creedence Clearwater Revival*.

243

Американское водевильное трио: Мо Ховард (1897–1975), Ларри Файн (1902–1975) и третий «балбес», которого в разное время играли различные актеры, в т. ч. братья Мо, Шемп (1895–1955) и Керли (1903–1952).

244

Томас Эрл Петти (1950–2017) — американский рок-музыкант, певец, композитор, гитарист, в 1976 г. основал группу *Tom Petty and The Heartbreakers*.

245

Кристин Эллен Хайнд (р. 1951) — американская певица, композитор и гитарист, вокалистка и бессменный лидер группы *The Pretenders* (с 1978).

246

Грегори Стэнли Кин (р. 1949) — американский рокер, радиоведущий и писатель, основатель группы *The Greg Kihn Band*.

247

Дион Демуччи (р. 1939) — американский певец, кумир американской молодежи в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

248

Энн Дастин Уилсон (р. 1950) и *Нэнси Ламур Уилсон* (р. 1954) впоследствии стали вокалистками рок-группы *The Heart*.

Позднее сестры Уилсон прославились в составе группы *Heart*.

250

Уильям Мартин Джоэл (р. 1949) — американский музыкант и певец.

251

Фред Капс (Авраам Питер Адрианус Бонгерс, 1926–1980) — голландский фокусник, трижды обладатель гран-при Международной ассоциации иллюзионистов.

«Пока я ему нужна», «Я готова на все».

253

Услышав крики, с которыми приветствовали «Битлз», Дейви Джонс подумал про себя: «Есть к чему стремиться!» Спустя два года он успешно прошел прослушивание и стал солистом *The Monkees* (Американский поп-рок-квартет (1966–1971), изначально сформированный для одноименного комедийного телесериала на канале Эн-би-си, о четырех друзьях, пытающихся создать рок-группу; создатели сериала вдохновлялись музыкальной кинокомедией «Битлз» «Вечер трудного дня» («A Hard Day's Night», 1964).

254

Фрэнк Горшин (1933–2005) — американский актер, получивший известность благодаря роли в телесериале «Бэтмен», где играл Загадочника.

255

Митци Макколл Штайнер (р. 1932) — американская актриса, и *Чарли Сэнфорд Брилл* (р. 1938) — американский комик, актер кино и озвучания.

256

Обыгрывается название группы «Битлз», омофоничное английскому слову «beetles» — жуки.

257

«Ей было всего семнадцать — ты понимаешь, о чем я…» — из песни «I Saw Her Standing There».

258

«Я скажу тебе кое-что, думаю, что ты поймешь…» — из песни «I Want to Hold Your Hand».

259

«Мне не спрятаться» — оттуда же.

260

Австралийская водевильная акробатическая труппа, основанная в 1927 г. Билли Уэллсом при участии известной цирковой династии Фэй: Патрик, его сестры Ива, Кристин и Жаклин Джессика и дочь Джессики Антония Кристина (р. 1943, известна под сценическим псевдонимом Тони Бэзил, впоследствии популярная певица, актриса и хореограф).

261

Митци Гейнор (Франческа Марлен де Цаньи фон Гербер, р. 1931) — американская актриса, певица и танцовщица, 16-кратный номинант на премию «Эмми» и номинант на премию «Золотой глобус».

262

Сигрид Нуньес (р. 1951) — американская писательница-романист и преподаватель.

263

Уильям Франклин Грэм (1918–2018) — американский религиозный и общественный деятель, священник-баптист, теле-и радиопроповедник.

264

Леонард Бернстайн (1918–1990) — американский музыкант, пианист, дирижер и композитор. С 1958 по 1969 г. был главным дирижером Нью-Йоркской филармонии.

265

Имеется в виду симфония № 2 до минор, написанная в 1894 г. австрийским композитором Густавом Малером.

266

Теодор Стронгин (1918–1998) — американский музыкальный критик, композитор, музыкант, а также ученый-энтомолог, открывший несколько видов редких жуков.

267

Джек Гульд (1914–1993) — американский журналист и критик, обозреватель «Нью-Йорк таймс».

268

Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) — американский антрепренер, крупнейший деятель шоу-бизнеса в XIX в., знаменитый мистификатор, которому ошибочно приписывают высказывание: «Каждую минуту рождается лох» (фраза на самом деле была сказана Дэвидом Ханнумом (1822–1891), торговцем лошадьми и банкиром, о деятельности самого Барнума); цирк, основанный им в 1871 г. под названием «Величайшее шоу на свете», просуществовал до 2017 г.

269

«Мы любим вас, битлы!»; *The Carefrees* — британская поп-группа, образованная в 1964 г., выпустила два сингла и альбом и в том же году распалась.

270

«Письмо битлам», пародийная песня известного американского мужского поп-квартета, созданного в 1956 г., рассказывает о девушке, которая пишет любовные письма «Битлз», на которые ей отвечают просьбой прислать 25 центов за фотографию с автографом или доллар за членство в фан-клубе; поскольку в песне без разрешения использовались цитаты из «I Want to Hold Your Hand», сингл изъяли из обращения.

271

Тесси О'Ши (1913–1995), дама внушительных размеров, без всякого смущения сделала своей фирменной шуточную песню Лу Хэндмена и Роя Терка «Two Ton Tessie from Tennessie» («Двухтонная Тесси из Теннесси», 1926).

«Ее радости, ее песни».

273

Созданная в 1959 г. американская гаражная рок-группа; одни из первых представителей этого направления.

На самом деле Пеше. Они с Деккерс дружили с юности и вместе учились в Лёвенском университете.

275

Чарльз Листон (1932–1970) — американский боксер-тяжеловес, чемпион мира.

276

Кассиус Марселлус Клей-младший (1942–2016), взявший имя Мухаммед Али, — американский боксер-тяжеловес, легенда бокса.

277

Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) — американский боксер-тяжеловес.

278

Джимми Кэннон (1909–1973) — американский журналист, спортивный обозреватель, вошел в Международный зал славы бокса за освещение этого вида спорта.

279

Уильям Фрэнк Бакли-младший (1925–2008) — американский писатель и обозреватель, основатель политического журнала консервативного толка «Нэшнл ревью»; отец писателя Кристофера Тейлора Бакли (р. 1952), автора ряда сатирических романов, в том числе «Здесь курят».

280

Розалинд Чест (р. 1954) — американская карикатуристка и мультипликатор.

281

Энтони Доминик Бенедетто (р. 1926) — американский эстрадный исполнитель традиционной поп-и свинговой музыки, лауреат Гершвиновской премии (2017); *Пьерино Рональд Комо* (1912–2001) — американский певец итальянского происхождения, лауреат премии «Грэмми» (1958).

282

«And with a love like that, you know you should be glad», из песни «She Loves You».

283

Памела Энн Миллер, впоследствии Памела дез Баррес (р. 1948) — рок-групи, актриса, музыкант и писательница, участница группы *The GTO* («Girls Together Outrageously»), образованной в 1968 г. по инициативе Фрэнка Заппы; подробнее о ней в главе 65.

«Hullabalooer» — каламбур, построенный на фамилии самого Дейва.

285

Линда Сью Паркер, впоследствии еще одна участница группы *The GTO*.

286

Уильям Дэвид Ормсби-Гор (1918–1985) — британский дипломат, политик от Консервативной партии.

«The Beatles Diary: An Intimate Day by Day History» (1998).

288

Восстание Мау-Мау — бунт народов Кении против английской практики отъема земель у африканцев (1952–1960).

289

Жан Альфред Виллен-Маре (1913–1998) — французский актер героического амплуа, каскадер, художник, постановщик и писатель. Будучи бисексуалом, 25 лет прожил в партнерстве с французским режиссером, писателем, поэтом, драматургом, художником и сценаристом Жаном Морисом Эженом Клеманом Кокто (1889–1963).

290

Томас Кеннерли Вулф-младший (1930–2018) — американский писатель, зачинатель литературного жанра «новой журналистики».

«Встречайте «Битлз»» или «Познакомьтесь с «Битлз»».

292

Знаменитая «гора с президентами» в Южной Дакоте, в толще которой высечен барельеф высотой 18,6 метра, скульптурные портреты четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

293

Рок Бриннер (р. 1946) — сын Юла Бриннера, историк, преподаватель, сооснователь «Хард-рок-кафе».

294

Джордж Джейкобс (1926–2013) — доверенное лицо и камердинер Фрэнка Синатры (1915–1998).

295

То ли из необходимости завести связи, а может, из соображений выгоды, но Синатра в итоге все же поменял свое отношение к «Битлз» и записал кавер «Yesterday» и «Something»(«Что-то» — песня Джорджа Харрисона с альбома «Abbey Road» (1969).), которую потом описывал как «величайшую за последние полвека песню о любви» (хотя по ошибке приписал ее авторство Леннону-Маккартни). Летом 1968 года он согласился эксклюзивно записать «The Lady is a Tramp»(«Леди-бродяжка» — песня из мюзикла Ричарда Роджерса и Лоренцо Харта «Babes in Arms» (1937), стала эстрадным стандартом.) в подарок на двадцать второй день рождения Морин Старки. Измененный текст содержал строчки: «She married Ringo, and she could have had Paul / That's why the lady is a champ»(«Она вышла за Ринго и могла заполучить Пола, / Вот почему эта леди молодец».). Мастер-диск был уничтожен, и осталась только одна копия, местонахождение которой неизвестно. Дэниел Финкельштейн (*Дэниел Финкельштейн* (р. 1962) — известный британский журналист, бывший редактор газеты «Таймс».) в статье для «Таймс» назвал ее «самой редкой и ценной пластинкой в мире».

296

Луи Фрэнсис Альберт Виктор Николас Маунтбеттен (1900–1979) больше известен как родной дядя Филиппа, герцога Эдинбургского, супруга королевы Елизаветы II; он повлиял на формирование характера своего внучатого племянника, принца Чарльза.

297

Глубокий, или Дальний, Юг Соединенных Штатов, он же «Хлопковые» штаты — область Америки, которая в период Гражданской войны (1861–1865) наиболее зависела от рабского труда на хлопковых плантациях.

298

Имеется в виду парафраз строк из стихотворения В. Маяковского «Нашему юношеству» (1927): «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», который звучал так: «Я английский бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон» (из статьи М. Сафонова «Исповедь советского хиппаря» для газеты «Гардиан», 2004).

299

Стивен Иссерлис (р. 1958) — британский виолончелист русско-еврейского происхождения.

300

Видал Сассун (1928–2012) — британский парикмахер и предприниматель, законодатель мод на прически. Именно ему удалось привлечь посетителей в салоны, когда в стране царила мода на стиль хиппи; среди его клиентов было много знаменитостей, в том числе принцесса Диана.

301

«The Cutting Edge».

302

Пол Фрейзер (р. 1955) — британский бизнесмен, известный благодаря купле и перепродаже редких и элитных предметов коллекционирования, основатель компании «Paul Fraser Collectibles» («предметы коллекционирования Пола Фрейзера»).

303

В книге Х. Дэвиса говорится, что Большой Риччи, как называли отца Ринго, ушел, когда Маленькому Риччи было пять лет.

304

«As soon as you’re born, they make you feel small» — цитата из песни Джона Леннона «Working Class Hero» («Герой рабочего класса») с альбома «John Lennon/Plastic Ono Band» (1970).

Или просто Томми, прозвище британских солдат в XIX в. и во время Первой мировой войны.

306

Алан Джордж Хейвуд Мелли (1926–2007) — британский джазовый и блюзовый певец, критик и писатель.

307

«Family Guy» — анимационный сериал компании «Фокс»; речь идет о 12-м эпизоде 11-го сезона.

308

Псевдоним, за которым скрывалась шестнадцатилетняя Шерилин Ла Пьер (Шерилин Саркисян (р. 1946), она же Шер или Бонни — не Бобби — Джо Мейсон, «Богиня поп-музыки», американская певица, актриса, режиссер, кинопродюсер, автор песен и обладатель премии «Оскар».). Спектор предпочитал, чтобы его певицы выступали под типично американскими именами. Более знаменитой Ла Пьер стала под коротким именем Шер. «Ringo, I Love You» в чарты не попала. Некоторые винили в этом низкий голос Шер: якобы, продюсеры на радио испугались, что обнять Ринго жаждет мужчина.

309

Австралийская христианская хоровая группа.

310

«Ринго — в президенты». В Британии уморительная кавер-версия в исполнении Рольфа Харриса не попала в чарты.

311

Девушка по вызову, чья связь с министром обороны Джоном Профьюмо якобы привела к падению консервативного правительства в 1964 году.

Также она похвалялась амурами с (в алфавитном порядке) Дэвидом Бейли Джоном Бентли, Джоном Биндоном, Юлом Бриннером, Эллиоттом Гулдом, Джорджем Лэзенби и принцем Эндрю. *Дэвид Ройстон Бейли* (р. 1938) — знаменитый британский фотограф, прославился снимками Свингующего Лондона, служил одним из прототипов героя фильма «Фотоувеличение» (1966, реж. Микеланджело Антониони); *Джон Биндон* (1943–1993), британский актер, известный своими связями с криминальным миром Лондона; *Юлий Борисович Бриннер* (1920–1985) — американский актер театра и кино; среди прочих, многочисленных героев, сыгранных им, — Крис Лараби Адамс из кинофильма «Великолепная семерка»; *Эллиотт Гулд* (р. 1938) — американский актер, известный в том числе ролью Рубена Тишкоффа во франшизе о друзьях Оушена; *Джордж Лэзенби* (р. 1939) — австралийский актер, известный ролью Джеймса Бонда в фильме «На секретной службе ее величества» (1969).

313

Крис О'Делл (р. 1947), автор книги «Miss O'Dell: My Hard Days and Long Nights with the Beatles, the Stones, Bob Dylan, Eric Clapton and the Women They Loved» («Мисс О'Делл: Мои трудные дни и долгие ночи с Битлз, «Стоунз», Бобом Диланом, Эриком Клэптоном и женщинами, которых они любили», 2009), вдохновила Джорджа Харрисона на песню «Miss O'Dell» (1973)

314

8 сентября 1964 г.

315

Двухтомный труд шотландского мемуариста *Джеймса Босуэлла* (1740–1795), считающийся величайшей биографией на английском языке.

316

Колин Хикс приходился младшим братом Томми Стилу. Он служил юнгой на судне компании «Кьюнард», а когда вернулся осенью 1957 года, то застал своего брата уже знаменитым. Колин и внешне походил на Томми и пел, как он; позднее даже винил это непреодолимое сходство в том, что ему так и не удалось взломать чарты.

317

Настоящее имя Винса Игера — Рой Тейлор, а псевдоним ему подобрал менеджер, Ларри Парнс. Известный некоторым как «Парнс, Шиллингс и Пенс» (Каламбур, отсылающий к британским денежным единицам, только вместо фунтов, «pounds», здесь созвучная им фамилия самого менеджера — намек на его меркантильность.), Ларри Парнс взял за правило давать своим протеже сценические псевдонимы. Среди них: Билли Фьюри (Рон Уичерли), Марти Уайлд (Реджинальд Смит), Дикки Прайд (Ричард Кнеллер), Лэнс Форчун (Крис Моррис), Джонни Джентл (Джон Эскью), Джорджи Фейм (Клайв Пауэлл) и Томми Стил (Томас Хикс). Единственный, кто успешно противостоял его навязчивому стремлению к смене имени, был Джо Браун: он отказался от выбранного ему Парнсом псевдонима Элмер Твитч.

318

Эдвард Рэймонд Кокран (1938–1960) — американский рок-н-ролльный певец, гитарист и композитор.

319

Первым на место аварии прибыл курсант полиции по имени Дейв Харман. Вернувшись в участок, он взял в руки принадлежавшую Кокрану гитару фирмы «Гретч», которую извлек из обломков автомобиля, и обнаружил в себе способности к музыке. Потом он покинул ряды полиции, взял себе псевдоним Дейв Ди и собрал группу *Dave Dee, Dozy, Beaky, Mick and Tich*. С 1965-го по 1969-й они пробыли в чартах дольше самих «Битлз».

«Шалтай-Болтай».

321

Рэймонд («Рэй») Дю-Вал (1932–2017), в конце 1950-х гг. барабанщик группы *Emile Ford and the Checkmates* ; одно время играл в парижском клубе «The Blue Note»; *Роберт («Бобби Грэм») Фрэнсис Нит* (1940–2009); оба были популярными сессионными барабанщиками в 1960-е гг.

322

Ширли Вероника Бэсси (р. 1937) — британская джазовая и блюзовая певица, дама-командор ордена Британской империи; известна в т. ч. исполнением песен в серии фильмов о Джеймсе Бонде.

«Talk of the Town».

324

Ричард Гилберт Эмери (1915–1983) — британский комик и актер, звезда комедийных скетчей «Шоу Дика Эмери», выходивших на Би-би-си с 1963 по 1981 г.; *Альберт Эдвард Кэлверт* (1922–1978) — английский трубач, пик славы которого пришелся на 1950-е.

325

Джордж Айвэн Моррисон (р. 1945) — североирландский автор-исполнитель песен, известный своей манерой смешивать фолк с блюзом, джазом, соулом и госпелом; *Джеймс Патрик Пейдж* (р. 1944) — британский рок-музыкант, гитарист-виртуоз, а также аранжировщик, композитор и продюсер, стоял у истоков группы *Led Zeppelin*.

326

Песня Вэна Моррисона, вышедшая в 1964 г. в составе альбома «The Angry Young Them» группы *Them* и ставшая впоследствии рок-стандартом.

327

Эдвард Куинн-младший, он же Эван Митчелл и Кевин Маккуинн; в 1960-х был участником ду-воп-группы *The Mello Kings*.

328

«Я пропал».

«Gas».

330

Сингл группы «Роллинг стоунз» (1968).

331

Ноэл Пирс Кауард (1899–1973) — британский актер, певец, сценарист, драматург, режиссер и композитор, лауреат премии «Оскар» (за фильм 1942 г. «Там, где мы служим»).

332

Гилберт и Салливан — викторианский комический дуэт, творивший в период с 1871 по 1896 г.; *Артур Салливан* (1842–1900) — композитор, и *Уильям Гилберт* (1836–1911) — либреттист; за время сотрудничества они создали 14 опер, в т. ч. «Пираты Пензанса» и «Микадо»; *Таллула Брокман Бэнкхед* (1902–1968) — американская актриса театра и кино; *Артур Ашер Миллер* (195–2005) — американский писатель и драматург, неоднократный обладатель премии «Тони», лауреат Пулицеровской премии (за пьесу 1949 г. «Смерь коммивояжера»), третий муж *Мэрилин Монро* (Норма Джин Мортенсон, 1926–1962); *Александр Хамфрис Вуллкотт* (1887–1943) — американский журналист и знаменитый литературный и театральный критик; этот записной острослов, близкий друг Дороти Паркер, никогда не был женат; Кауард дал ему прозвище «кобра в клетке»; *Артур Невилл Чемберлен* (1869–1940) — английский политик-консерватор, государственный деятель, 60-й премьер-министр Великобритании; *Эдуард Альберт Кристиан Георг Эндрю Патрик Дэвид* (1894–1972) — король Эдуард VIII, отрекшийся от престола ради мезальянса с американкой Уоллис Симпсон (1896–1986); *Мэрилин Дэвис* (1944–2014) — британская модель валлийского происхождения, отметилась участием в шпионском скандале, деле Профьюмо; *Сэмюэл Баркли Беккет* (1906–1989) — ирландский писатель, поэт, драматург, модернист, творивший как на английском, так и на французском языке, основоположник театра абсурда. Пьеса 1949 г. «В ожидании Годо» принесла ему всемирную известность.

333

«Я не отличаю вальса от танго» (1954, Ал Хоффман и Дик Мэннинг), «Никогда не танцуй танго с эскимосом» (1955, Дж. П. Коннор).

Дэнни Кей (Дэвид Дэниел Каминский, 1911–1987) — американский актер, комик и певец, лауреат таких премий, как «Оскар» (дважды), «Золотой глобус» (дважды), «Эмми», а также премии Гильдии киноактеров США; *Фрэнки Вон* (Фрэнк Фрум Абельсон, 1928–1999) — английский актер и исполнитель классической поп-музыки; *Этель Мерман* (1908–1984) — американская актриса и певица, звезда Бродвея, обладательница премий «Тони» и «Золотой глобус»; *Сэмюэл Джордж Дэвис-младший* (1925–1990) — американский певец, эстрадный исполнитель, актер кино и правозащитник; посмертно награжден почетной премией «Грэмми» за прижизненные достижения.

335

Джон Бетчеман (1906–1984) — британский поэт и прозаик, а также автор очерков по архитектуре, стоял у истоков Викторианского общества.

Вивиан Мэри Хартли, леди Оливье (1913–1967) — британская актриса, наиболее известная по роли Скарлетт О'Хара в фильме «Унесенные ветром» (1939, реж. Виктор Флеминг) по одноименному роману Маргарет Митчелл; двукратная обладательница премии «Оскар» (в т. ч. за упомянутую роль); *Лоренс Керр Оливье* (1907–1989) — британский кино-и театральный актер и режиссер, сценарист и продюсер, обладатель трех премий «Оскар», пяти «Эмми», трех «Золотых глобусов», премии BAFTA и проч.; *Джоан Энн Оливье* (р. 1929) — британская актриса, дважды лауреат премии «Золотой глобус» и обладатель премии «Тони».

337

Теренс Мервин Рэттиган (1911–1977) — британский драматург и сценарист, лауреат премии Лоренса Оливье; *Роберт Сесил Ромер Моэм* (1916–1981) — британский писатель, племянник Сомерсэта Моэма, автор более 30 книг, в т. ч. его перу принадлежит новелла «Слуга», по которой в 1963 г. снял одноименный фильм Джозеф Лоузи.

338

Резиденция британской королевской семьи в Вестминстере; в описываемое время, с 1953 по 2002 г. была резиденцией королевы-матери, Елизаветы Боуз-Лайон.

339

Имеется в виду донна *Олимпия Эмануэла Энрикета Мария Торлония де Бурбон* (р. 1943) — дочь инфанты Беатрисы Испанской и князя Алессандро Торлония ди Чивителла-Чези; *Мерл Оберон* (Эстель Мерл Томпсон,1911–1979) — британская актриса, номинировалась на «Оскар» за роль в фильме 1935 г. «Темный ангел».

340

«Я хочу быть твоим парнем» — песня, написанная Ленноном и Маккартни в 1963 г. для «Роллинг стоунз», но впоследствии включенная во второй альбом «With the Beatles».

341

Элинор Брон (р. 1938) — британская актриса театра и кино, сценарист и писатель.

342

15 августа 1965 г. концертом на стадионе Ши в Нью-Йорке «Битлз» открыли свои гастроли по Северной Америке; на концерте присутствовало рекордное по тем временам число зрителей — 55600 человек.

«Housewives' Choice».

344

Кристабель Рассел, леди Эмптхилл, урожденная Хульм-Харт (1895–1975) — супруга Джона Хьюго Рассела, 3-го барона Эмптхилла (1896–1973), известна по т. н. делу Рассела, скандальному бракоразводному процессу 1922 г., в ходе которого оспаривалось законное рождение ее сына, Джеффри Дениса Эрскина Рассела, 4-го барона Эмптхилла (1921–2011).

345

Ларри Кейн (Ларри Кановиц, р. 1942) — американский журналист, телеведущий и писатель, автор биографии «Битлз» «When They Were Boys: The True Story of the Beatles Rise to the Top» («Когда они были юнцами: подлинная история взлета «Битлз»», 2013).

346

Джеки Дешеннон (Шерон Ли Майерс, р. 1941) — американская автор и исполнитель песен.

347

Участница фан-клуба «Битлз», получившего название «Эппл скраффс» («Яблочная кожура»); впоследствии автор книги «Waiting for the Beatles: An Apple Scruffs Story» («В ожидании «Битлз»: История «Эппл скраффс»», 1984); фанатки собирались у здания компании «Эппл кор» и у ворот студии «Эбби-роуд», надеясь хоть одним глазком взглянуть на битлов; Джордж Харрисон посвятил им песню «Apple Scruffs» с альбома «All Things Must Pass» (1970).

348

Трагедия древнегреческого драматурга Еврипида (480–406 до н. э.), повествующая о молодом Дионисе, который пытается установить свой культ в родных Фивах. Ему противостоит царь Пенфей, который и погибает от рук неистовых спутниц Вакха.

349

«Посторонись, Бетховен» (1956) — песня американского рок-музыканта Чака Берри, включенная в альбом «With the Beatles»; «Долговязая Салли» (1956) — песня американского певца Литтл Ричарда, включенная в одноименный мини-альбом «Битлз» (1964).

350

«Royal Life Insurance» — одна из старейших страховых компаний в Англии, основанная в 1800-е гг., штаб-квартира которой находится в Ливерпуле; в 1983 г. вместе с ливерпульским футболистом Томми Смитом приобрела помещение клуба «Кэверн», при ремонте которого использовались кирпичи из старой кладки, однако же часть их (5000 шт.) была продана с благотворительного аукциона.

351

По некоторым сведениям, существует 12 экземпляров «Белого альбома» с номером 0000001, поскольку пластинки выпускались на двенадцати фабриках и каждая вела свою нумерацию; номерные экземпляры выпускались до 1971 г.; всего пронумеровано 3200000 экземпляров.

352

К своей досаде, я потерял автограф Пола, доставшийся мне году так в 1972-м. Я пришел в театр «Виктория-палас» на концерт группы *Grimms*, участником которой был брат Пола, и на задних рядах заметил Пола с Линдой. У меня не было ничего, на чем он мог бы поставить автограф, кроме фотографии группы *Roxy Music*, оставшейся с их выступления за день до того и подписанной участниками коллектива. Вот на ней, в правом верхнем углу, Пол любезно и оставил свое: «И я тоже — Пол Маккартни».

353

Марк Дэвид Чепмен (р. 1955) — американский преступник и религиозный фанатик. По его же словам, на убийство Леннона его толкнуло заявление последнего о том, что ««Битлз» теперь популярнее Иисуса». На само убийство он решался несколько раз (еще осенью 1980 г.), и только 8 декабря 1980 г. он застрелил Леннона возле его же дома: пустил ему в спину пять пуль, из которых четыре попали в цель.

354

Имеется в виду молодежный музыкальный журнал «Fabulous 208», издававшийся в Великобритании с 1964 по 1980 г.

355

Развивающие игрушки «Meccano» представляют собой набор деталей — металлические пластины с отверстиями, гайки и болты, а также колеса, иногда электромоторы и проч. — для сборки различных механизмов и транспортных средств. В России часто продавались под маркой «Конструктор».

356

Дик Джеймс (Леон Исаак Вапник, 1920–1986) — британский певец и музыкальный издатель, ведущий собственной передачи на «Радио Люксембург», основатель лейбла DJM и (совместно с Эпстайном) компании «Nothern Songs Ltd.», которой принадлежали права на песни «Битлз».

357

Кэролайн Мэри Чарльз (р. 1942) — британский модельер, приобрела широкую известность в 1960-е гг., у нее одевались Мик Джаггер, Марианна Фейтфул, Силла Блэк, Барбра Стрейзанд и позже — принцесса Диана.

358

Джеймс Дэвид Грэм Нивен (1910–1983) — известный английский актер и писатель, прославился ролями в голливудских фильмах; *Кэри Грант* (Арчибальд Александер Лич, 1904–1986) — один из величайших актеров Голливуда, часто снимался в фильмах Альфреда Хичкока.

359

Американская детективная комедия 1964 г., второй фильм из серии о «Розовой пантере».

360

Эдвард Голденберг Робинсон (Эмануэль Голденберг, 1893–1973) — американский актер, известный ролями гангстеров, занимает 24-е место в списке 100 величайших звезд кино.

361

Город на юго-западе Англии, в графстве Глостершир.

362

Мэри Куант (р. 1930) — знаменитый британский модельер, создатель мини-юбок.

363

«In His Own Write» (вариант перевода А. Курбановского; в заглавии содержится каламбур, основанный на английских омофонах «write» — «писать» и «right» — «право», т. е. *букв.* «Написано по его собственному праву»).

364

Известный любовью к каламбурам, Леннон с невнятным ливерпульским акцентом произнес: «Good night, Mrs Haitch! We'll dance again some Somerset Maugham».

365

Отсылка к песне Боба Дилана (р. 1941) «The Times They Are a-Changin'» («А времена-то меняются»).

366

«Top of the Pops» — еженедельная музыкальная программа британского телевидения, телеверсия национального хит-парада, выходившая на канале Би-би-си с 1964 по 2006 г.

367

Братья Маркс (Чико, Харпо, Граучо, Гаммо и Зеппо) — американский семейный коллектив комиков, пятеро братьев, работавших в жанре комедии абсурда и снявшихся в 15 фильмах.

368

Имеется в виду паб «Station Hotel», где располагался музыкальный клуб «Кроудэдди» («The Crawdaddy Club»), названный в честь песни Бо Диддли «Doing the Craw-Daddy» с альбома «Bo Diddley is a Gunslinger» (1960); с февраля 1963 г. здесь почти год регулярно выступали «Роллинг стоунз», и 14 апреля 1963 г. на их концерт пришли «Битлз».

369

Ричард Пол Роу (1921–1986) — британский музыкальный продюсер.

370

Дик Джеймс (1920–1986) — музыкальный издатель «Битлз». Он пел в эстрадном оркестре под управлением Генри Холла, и самым запоминающимся в его певческой карьере была музыкальная заставка популярного телесериала «Робин Гуд», с бодрым припевом «Робин Гуд, Робин Гуд скачет по долам…». Джеймс прославился своей скупостью. В 1964 году на Рождество он подарил каждому из битлов флакон «Брута», дешевого лосьона после бритья.

371

«Пока льются слезы» — песня «Роллинг стоунз» с альбома «December's Children (And Everybody's)» (1965); название песни созвучно выражению «as years go by» («пока проходят годы»).

372

«Пусть льется кровь» (1969) — восьмой студийный альбом «Роллинг стоунз».

373

Имеется в виду альбом «Роллинг стоунз» «Their Satanic Majesties Request» («Их сатанинские величества требуют», 1967).

374

«Теперь все кончено» — песня «Роллинг стоунз» с альбома «12×5» (1964).

С этого момента она больше не Пэм, а Памела. Круг ее интересов расширился, и впоследствии к списку ее завоеваний прибавились Вуди Аллен, Мик Джаггер, Уэйлон Дженнингс, Дон Джонсон, Джим Моррисон, Кит Мун, Грэм Парсонс, Джимми Пейдж, Ноэль Реддинг и Крис Хиллман (*Вуди Аллен* (Аллан Стюарт Конигсберг, р. 1935) — американский кинорежиссер, актер и комик, обладатель четырех премий «Оскар»; *Уэйлон Арнольд Дженнингс* (1937–2002) — американский актер, певец, автор песен и музыкант, один из самых популярных кантри-исполнителей в XX в.; *Донни Уэйн Джонсон* (р. 1949) — американский актер и певец, в России наиболее известен по роли детектива Нэша Бриджеса из одноименного сериала; *Джеймс Дуглас Моррисон* (1943–1971) — американский автор песен и певец, музыкант, лидер группы *The Doors;Кит Джон Мун* (1946–1978) — барабанщик британской группы *The Who;Грэм Парсонс* (Сесил Ингрэм Коннор III, 1946–1973) — американский певец, гитарист и пианист, один из родоначальников кантри-рока, занимает 87-е место в списке 100 величайших исполнителей всех времен; *Ноэль Дэвид Реддинг* (1945–2003) — британский музыкант, басист группы *The Jimi Hendrix Experience;Крис Хиллман* (р. 1944) — американский певец и автор песен, музыкант, один из основоположников кантри-рока, вошел в Зал славы рок-н-ролла.). После замужества, под именем Памела Дез Баррес, она написала две занимательные книги с воспоминаниями: «I'm With the Band: Confessions of a Groupie» (1987), по которой я и цитирую ее письмо, и «Take Another Little Piece of My Heart: A Groupie Grows Up» (1992(«Я — с группой: Исповедь групи»; «Возьми еще кусочек моего сердца: групи взрослеет».)

Джеффри Арчер (р. 1940) — английский политик-консерватор и популярный писатель, в 2001 г. осужденный за лжесвидетельство; после двухлетнего тюремного заключения освобожден условно-досрочно, продолжает литературную деятельность.

377

«Оксфордский комитет помощи голодающим» — организация, созданная в 1942 г. группой активистов и ученых Оксфордского университета; сегодня это международное объединение насчитывает 17 организаций в 90 странах мира.

В будущем — театральный критик. Вдобавок *Шеридан Морли* (1941–2007) был известным писателем-биографом, опубликовавшим около 20 биографий, в том числе Ноэля Кауарда, Оскара Уайльда, Марлен Дитрих, Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро, Одри Хепберн и пр.

379

Variety Club — британский филиал американской благотворительной организации помощи детям, действующий с 1949 г.; учрежденные им ежегодные премии в области шоу-бизнеса и индустрии развлечений считались одними из самых престижных в мире.

380

Имеется в виду статья Уильяма Манна от 27 декабря 1963 г. «Какие песни пели «Битлз»» («What Songs the Beatles Sang»), в которой говорится о песнях «This Boy» и «Not a Second Time».

381

Ливерпульская фирма «Баркер и Добсон», основанная в 1834 г., известные производители конфет и мятных драже.

382

Весьма двусмысленный каламбур, поскольку «Пурпурное сердце» — не только название медали, вручаемой американским военнослужащим, раненным или погибшим в бою, но и сленговое наименование дексамила, наркотического стимулянта.

«Let's Go with Labour».

«North-East Newsview».

385

Джозеф (Джо) Гримонд (1913–1993) — британский политик, с 1956 по 1967 г. возглавлявший Либеральную партию, сторонник шотландской автономии, выступал за ликвидацию британского ядерного арсенала.

386

Район на севере Лондона.

387

Дэвид Пэрэдайн Фрост (1939–2013) — британский тележурналист, кавалер ордена Британской империи, лауреат почетной премии «Эмми»; позднее прославится интервью с президентом США Р. Никсоном (1913–1994) после его отставки в связи с Уотергейтским скандалом.

«Ломка» (*букв*. «Холодная индейка»); «Не волнуйся, Кёко (Мамочка просто ищет свою руку в снегу)»; вторая песня вошла во второй студийный альбом Йоко Оно «Fly»(1971).

389

«Smash Hits» («Убойные хиты») — музыкальный молодежный журнал, выходивший раз в две недели с 1978 по 2006 г.

390

В 1990 г . *Кристин Маргарет Уолл*, глава информационного отдела оргкомитета Консервативной партии Великобритании, была удостоена ордена Британской империи.

391

Том Гибберт (1952–2011) — британский музыкальный журналист и кинокритик, писал для журналов «Smash Hits», «Q», и «Mojo»; прославился язвительным стилем письма и непочтительной манерой в разговорах с интервьюируемыми.

392

Бен Кинг (Бенджамин Эрл Нельсон, 1938–2015) — американский исполнитель в жанре соул; «Останься со мной» (1960, авторы слов и музыки Бен Кинг, Джерри Либер и Майк Столлер); *Перси Следж* (1941–2015) — американский исполнитель в жанре соул; «Когда мужчина любит женщину» (1966, авторы слов и музыки Кэлвин Льюис и Эндрю Райт).

393

Британский джаз-бэнд, образованный в 1955 г., известность получил благодаря юмористическим каверам джазовых композиций 1920-х гг.

394

Британский оркестр, образованный в 1881 г. в городе Бригхауз, Западный Йоркшир; в 1977 г. их «Цветочный танец» занял второе место в хит-парадах синглов Великобритании и продержался там шесть недель. В 2012 г. выступал с фолк-группой *Unthanks*.

395

Британская инструментальная группа 1960-х гг., играла на поддержке у многих групп, которых продюсировал Джо Мик (1929–1967), а также у Билли Фьюри; написанная Миком инструментальная композиция «Telstar» (1962), названная в честь первого американского спутника связи, стала хитом чартов как в Великобритании, так и в США (в Америке он стал первым британским синглом, возглавившим хит-парады).

396

Десмонд Льюис Доннели (1920–1974) — британский политик, успевший за свою карьеру побывать членом четырех разных партий, сменив лагерь целых пять раз.

397

Многоквартирный пятиэтажный дом, в котором с 1963 г. Брайан Эпстайн занимал апартаменты на пятом этаже, а в квартирах 5, 6 и 7 с 1964 по 1965 г. жили «Битлз».

398

The Searchers — британская поп-группа, образованная в 1959 г. в Ливерпуле; стала частью т. н. британского вторжения вместе с «Битлз», *The Hollies, Gerry and the Pacemakers* и др.; *Лайонел Барт* (1930–1999) — британский композитор, автор популярной музыки и ряда мюзиклов, в частности «Оливер!» (1960); *Алан Лесли Фриман* (1927–2006) — британский диджей австралийского происхождения, радиоведущий и киноактер; *Питер Мюррей Джеймс* (р. 1925) — радио-и телеведущий, актер театра и кино, карьера которого длилась пятьдесят лет; *Брайан Мэтью* (1928–2017) — британский радиоведущий, проработавший на Би-би-си шестьдесят три года.

399

Джуди Гарленд (Фрэнсис Этель Гамм, 1922–1969) — американская актриса и певица; выступать начала с двух лет, дважды номинировалась на «Оскар», лауреат премий «Грэмми», «Тони» и «Золотой глобус»; наиболее известна по роли Дороти в фильме «Волшебник страны Оз», умерла от случайной передозировки барбитуратов.

400

«The Night of a Thousand Stars» (ошибка автора, д. б. «The Night of a Hundred Stars» — «Вечер сотни звезд») — благотворительный концерт, состоявшийся 23 июля 1964 г.

401

Глория Джозефина Мэй Свенсон (1899–1983) — американская актриса и продюсер, одна из ярчайших звезд немого кино, выступала также в театре на телевидении; *Жа Жа Габор* (1917–2016) — американская актриса венгерского происхождения, обладательница титула «Мисс Венгрия — 1936».

402

Хейли Кэтрин Роуз Вивьен Миллс (р. 1946) — британская актриса, с 12 лет снималась в кино; за роль Полианны в одноименном фильме 1960 г. удостоилась премии «Оскар»; в указанное время ей было не 16, а 18 лет.

403

Братец Брюси (Брюс Мейеровиц, р. 1935/37) — американский радиоведущий. Прозвище он получил после того, как в вестибюле радиостудии «77 WABC» к нему обратилась какая-то старушка: «Братец, полдоллара на проезд не будет?»

404

Пенелопа Мэри Фицджеральд (1916–2000) — британская писательница, автор биографий и исторических и детективных романов; цитируется ее рецензия на книгу Мартина Стэннарда «Ивлин Во: последние годы, 1939–1966»), опубликованная в «Нью-Йорк таймс» 13 сентября 1992 г. под названием «Единственный член его клуба» («The Only Member of His Club»).

405

Альфред Ароновиц (1928–2005) — американский журналист, писавший о рок-музыке и ее представителях.

406

Виктор Меймудес (1935–2001) — гастрольный менеджер Боба Дилана, сопровождавший певца в начале его карьеры.

407

Мюррей Кауфман (1922–1982) — видный нью-йоркский импресарио и диджей; когда битломания еще только начиналась, частенько называл себя пятым битлом; *The Kingston Trio* — американское поп-фолк-трио, созданное в 1957 г.; положило начало возрождению интереса к традиционной фолк-музыке, т. н. фолк-ривайвл; *Питер Ярроу* (р. 1938), *Ноэл Пол Стуки* (р. 1937) и *Мэри Эллин Трэверс* (1936–2009) — американское поп-фолк-трио, созданное в 1961 г. и оказавшее существенное влияние на развитие этого направления в музыке, лауреаты пяти премий «Грэмми».

«Я торчу!»

409

«Мне не скрыться».

«Она женщина» — последний сингл 1964 г.

«Заведи меня, когда мне одиноко»; «turn on» означает и сексуальное, и наркотическое возбуждение.

«Это лишь любовь» — песня с альбома «Help!».

413

«Кайфовать», «ищи меня на поле травки», «ветер так силен, что выносит мне мозг».

414

«Должен взять тебя в мою жизнь» — песня с альбома «Revolver» (1966), со строками: «Ты нужна мне каждый день моей жизни»; «Когда я с тобой, мне никуда не надо».

415

Эдвард Бенджамин Бриттен (1913–1976) — один из крупнейших британских композиторов XX в., пианист и дирижер; *литота* — стилистический прием, обратный гиперболе; преуменьшение.

416

Аарон Копленд (1900–1990) — американский пианист, дирижер и композитор («старшина американских композиторов»), автор музыки к таким балетам, как «Весна в Аппалачах» (1944), «Билли Кид» (1938), в которой умело соединял современную музыку и фольклорные традиции Америки.

417

Кристофер Ричард Сэндфорд Бакл (1916–2001) — британский публицист и редактор, апологет балета и балетный критик, основавший в 1939 г. журнал «Бэлли».

418

Нед Рорем (р. 1923) — американский композитор, автор симфоний, опер, произведений для оркестра и проч.

419

«The Listener» — литературно-музыкальный журнал, издававшийся Би-би-си с 1929 по 1991 г.; *Дерик Кук* (1919–1976) — британский музыкант, музыковед и радиоведущий, знаток творчества австрийского композитора и дирижера Густава Малера (1860–1911).

420

Земляничные поля навсегда» — сингл, вышедший в феврале 1967 г.

421

«Давай-ка я возьму тебя с собой, потому что я иду…»; «…на земляничные поля».

«Тот парень» — вместо «This Boy» («Этот парень»).

423

«Не во второй раз» — песня с альбома «With the Beatles».

424

Симфония в песнях для двух солистов и оркестра, написанная Густавом Малером в 1909 г.

425

Питер Максвелл Дэвис (1934–2016) — британский композитор и дирижер, офицер ордена Британской империи, президент Национальной федерации музыкальных обществ Великобритании (с 1989).

426

Фредерик Лоу (Фриц Лёве; 1901–1988) — американский композитор австро-немецкого происхождения, автор музыки к мюзиклу «Моя прекрасная леди» (1956), лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

427

Гленн Херберт Гульд (1932–1982) — канадский пианист, органист и композитор. Включен в Канадский музыкальный зал славы.

Эксцентричность Гульда этим не ограничивалась: он вел себя похлеще многих рок-звезд. В детстве он держал ручного скунса, отказывался выступать во фраке, предпочитая ему заношенную одежду, разномастные носки и туфли, перехваченные резинками. Он сидел за роялем на низком стуле, на высоте всего четырнадцати дюймов от пола, так чтобы колени были выше попы. На его записях Баха слышно, как он мычит и странно поквохтывает в такт. В тридцать один год он прекратил концертную деятельность, назвав слушателей в зале «злой силой». Ему не нравились яркие цвета, солнечная погода, рукопожатия, Моцарт и итальянская опера. Он своеобразно вел себя за рулем: скрещивал ноги и дирижировал по нотам, раскрытым на пассажирском сиденье, причем считал все это совершенно нормальным. «Да, я не раз проезжал на красный свет, — однажды заявил он, — но, с другой стороны, часто тормозил на зеленый, и никто мне за это спасибо не сказал».

429

Клаудио Джованни Антонио Монтеверди (1567–1643) — известный итальянский композитор, творил на стыке Ренессанса и барокко.

430

Джаг-бэнд — блюзовый или фолк-ансамбль, играющий на самодельных инструментах, кувшинах, тазах, стиральных досках и т. д.

431

Тони Хэтч (р. 1939) — композитор, автор таких хитов, как «Downtown» и «Don't Sleep in the Subway» («Центр города», «Не спи в метро»), написанных для Петулы Кларк (*Петула Кларк* (Салли Оуэн Кларк, р. 1932) — британская певица, актриса и композитор, удостоена ордена Британской империи и ордена Искусств и литературы.), а также, позднее, запоминающихся музыкальных тем для мыльных опер вроде «Ферма «Эмердейл»», «Перекресток» и «Соседи».

432

«Любовник леди Чаттерлей» — скандальный роман Дэвида Лоуренса (1885–1930) 1928 г., изобилует откровенными любовными сценами, из-за чего был под запретом в ряде стран.

433

Мейв Бреннан (1917–1993) — американо-ирландская писательница, автор рассказов и новелл, журналист.

434

«Workers' Educational Association» — созданная в 1903 г. крупнейшая в Великобритании благотворительная организация, предоставляющая образование взрослому населению страны.

435

Кингсли Уильям Эмис (1922–1995) — британский прозаик и поэт, критик, один из лидеров литературного движения «рассерженной молодежи».

436

Пол Бе́да Джонсон (р. 1928) — британский писатель и журналист католического толка, автор 40 с лишним исторических книг.

437

Легендарная радиостанция «WFUN 79» просуществовала с 1961 по 1976 г.; *Ларри Кейн* (р. 1943) отчитывался с каждого места остановки, а после, в 2004 г., написал книгу о поездках с Ливерпульской четверкой «Ticket to Ride: Inside the Beatles' 1964 and 1965 Tours That Changed the World» («Билет на поездку: Взгляд изнутри на гастроли «Битлз» в 1964 и 1965 гг., которые изменили мир», в названии содержится отсылка к песне «Ticket to Ride» с альбома «Help!»). Завершив карьеру на радио, Кейн стал телеведущим в Филадельфии. Всего журналистом он проработал сорок пять лет, из них на телевидении — тридцать восемь.

«Tickle Me» (1965, реж. Норман Таурог).

439

Рок Хадсон (Рой Гарольд Шерер-младший, 1925–1985) — американский актер кино и телевидения, звезда мелодрам; *Джек Бенни* (Бенджамин Кубельски, 1894–1974) — американский комик, один из самых известных конферансье в США, выступал на радио и телевидении, играл в кино; *Джейн Сеймур Фонда* (р. 1937) — знаменитая американская актриса, дочь актера Генри Фонды (1905–1982), двукратная обладательница «Оскара» и BAFTA; *Джулиус Генри Маркс* (1890–1977) — знаменитый комик, один из пятерых братьев Маркс; *Джеймс Мэйтленд Стюарт* (1908–1997) — американский актер кино, обладатель премий «Оскар» и «Серебряный медведь».

440

Т. н. корневое пиво — газированный напиток из сассафраса или сарсапарели.

Такое название дал группе своих друзей, родственников и помощников сам Элвис. В их задачи входило сопровождение «короля», защита (некоторые действовали как телохранители), гастрольный менеджмент. За выполнение практических задач Элвис платил, в остальных случаях они жили за счет материальных подарков.

442

Ларри Геллер (р. 1939) — американский парикмахер, писатель и оратор; личный стилист Элвиса, его доверенное лицо и друг, наставник по духовным вопросам.

443

Присцилла Энн Болье Пресли (р. 1945) — американская актриса и предпринимательница, супруга Элвиса; играла в фильмах из серии «Голый пистолет» и «Остин Пауэрс».

444

Из косметической линейки сувенирной продукции Элвиса Пресли — помада «Heartbreak Pink», с отсылкой к песне «Heartbreak Hotel» (1956, «Отель разбитых сердец»).

По крайней мере, так писал Хатчинс в своих заметках, которые тайком делал во время визитов в уборную. Другие запомнили тот вечер иначе: у Пола Присцилла одета в «фиолетовое клетчатое платье, а ее высокая прическа-бабетта перехвачена фиолетовым клетчатым бантом»; Нилу запомнились «длинное платье и диадема»; Джордж считал, что Присцилла была «в облегающей кремовой блузке и брюках из тонкой ткани такого же цвета»; а Тони Барроу уверен в том, что на ней было «длинное платье цвета лайма».

446

Линдон Бэйнс Джонсон (1908–1973) — 36-й президент США, демократ. При нем Америка ввела войска во Вьетнам. Буквально девиз переводится как «До конца с Л. Б. Дж.».

447

«Мне хорошо» — сингл 1964 г.

448

Персонаж серии фильмов о «Розовой пантере», его роль исполнял английский комедийный актер *Питер Селлерс* (Ричард Генри Селлерс, 1925–1980).

449

Район Лос-Анджелеса.

450

Спустя пять лет, 30 декабря 1970 года, во время незапланированного визита в Белый дом, Элвис говорит президенту Никсону, что ««Битлз» — та сила, что реально подпитывает антиамериканские настроения… «Битлз» приехали в эту страну, заработали денег, а потом вернулись в Англию и стали продвигать там антиамериканскую тему». Присутствовавший на встрече юрисконсульт Белого дома Эгил Бад Кроу (*Эгил Бад Кроу-младший* (1939–2020) — американский юрист, вместе с президентом Никсоном был замешан в Уотергейтском скандале.) отметил, что президент хоть и кивал в знак согласия, но при этом «выразил некоторое удивление». В начале следующего года (На самом деле в ФБР Элвис побывал 31 декабря 1970 г., а в Белом доме — 21-го числа того же месяца.), будучи в Вашингтоне на экскурсии по штаб-квартире ФБР, Элвис высказал те же опасения. «Пресли придерживался мнения о том, что неумытые и неухоженные «Битлз», исполнявшие непристойную музыку, заложили основу многих сегодняшних проблем с молодежью», — сказано в служебной записке.

451

Клаус Форман, или *Фурман* (р. 1938) — немецкий художник, музыкант и продюсер, лауреат премии «Грэмми»; именно он в Гамбурге познакомил с «Битлз» Астрид Кирхгерр и Юргена Фолмера, а впоследствии создал конверт для альбома «Revolver»; в описываемое время — басист группы *Manfred Mann*.

452

Линкор немецкого флота времен Второй мировой, потоплен британскими кораблями после трехдневной охоты на него; об этом был снят фильм «Потопить «Бисмарк»» («Sink the Bismark!», 1960, реж. Льюис Гилберт) по роману С. С. Форестера, и в том же году кантри-певец Джонни Хортон написал популярную песню с тем же названием.

453

Письменное заявление свидетеля, который не имеет возможности явиться лично, дается под присягой и заверяется нотариусом или другим уполномоченным должностным лицом.

454

Годом ранее зубной протез Уинстона Черчилля продали за 15200 фунтов.

455

Энтони Нил Веджвуд Бенн (1925–2014) — британский политик левого толка, член парламента и кабинета министров.

Награды популярным исполнителям вручались очень редко: в 1919 году за вклад в благотворительность звания почетного командора ордена Британской империи удостоили Джорджа Роби, «премьер-министра веселья»; ордена Британской империи также были удостоены: в 1938 году — Грейси Филдс, в 1964-м — Джордж Формби, в 1960-м — Стэнли Холлоуэй (*Джордж Роби* (Джордж Эдвард Уэйд, 1869–1954) — британский комик; *Грейси Филдс* (Грейс Стэнсфилд, 1898–1979) — британская певица и актриса; *Джордж Формби* (Джордж Хой Бут, 1904–1961) — британский автор и исполнитель песен, актер и комик; *Стэнли Огастус Холлоуэй* (1890–1982) — британский характерный актер, певец и поэт.)

457

Барбара Энн Касл (1910–2002), избранная в палату общин в 1945 г., была министром по вопросам зарубежного развития в правительстве Вильсона.

458

Секция в чайной комнате лондонского парламента, в которой собираются посплетничать самые отчаянные члены Лейбористской партии.

459

Puddle — лужа или пруд.

460

Луис Джордж Мартин (1936–2015) — британский спортсмен-тяжелоатлет, на летней Олимпиаде в Риме 1960 г. завоевал бронзу, а в Токио в 1964 г. — серебро.

461

Гектор Дюпюи (1896–1967) — член канадской палаты общин от Либеральной партии и ныне несуществующей Партии реконструкции Канады.

462

Ричард Бернард Пейп (1916–1995) — писатель-романист и автор ряда биографий, во Вторую мировую служил летчиком, был сбит и попал в немецкий плен, из которого бежал, был пленен повторно, попал в руки гестапо и репатриирован в 1944 г.

463

В 1953 году Пейп издал книгу о своих подвигах на войне — «Будь мне подругой, дерзость» («Boldness Be My Friend»; отсылка к пьесе Уильяма Шекспира «Цимбелин», акт 1, сцена 6 (перев. А. Курошевой).). «На фоне прочих, кто бежал из плена на войне, Ричард Пейп был уникален: не офицер и не джентльмен, — писал в 1995 году в некрологе Пейпа его литературный агент Энтони Блонд. — Этого рыжего йоркширца буквально распирало от неофицерских качеств: пил без меры, был кровожаден, ненадежен и коварен». Блонд успешно договорился с Пейпом об издании его мемуаров: «Когда мы отправили контракт Пейпу в Южную Африку — а он был прирожденным, неисправимым и закоренелым буром, который считал меня бесхребетным евреем и любителем ниггеров, — он вылез из машины и пошел убивать жену. К счастью, он промахнулся».

По другим данным, завещал он только 11000 фунтов.

465

Из водевильной песни «My Old Dutch» Альберта Шевалье (1861–1923).

Строго говоря, королева всего на четырнадцать лет старше Ринго и Джона: ей было тридцать девять, а им по двадцать пять.

Или, по другим сведениям, на телевизоре.

468

«British Overseas Airways Corporation» — британская государственная авиакомпания, основанная в 1939 г. В 1974 г. после слияния с «British European Airways Corporation» вошла в состав «Бритиш эйруэйз».

469

Рональд «Карл» Джайлз (1916–1995) — британский карикатурист, автор популярных комиксов в газете «Дейли экспресс», публиковавшихся с 1943 г.

470

Джеймс Монтгомери (1945–2019) — телевизионный продюсер, репортер, теле-и радиоведущий, писатель. Позднее женился на Фионе Ричмонд (р. 1945), модели, актрисе и колумнистке журнала «Мен онли», звезде таких фильмов, как «Давай переспим» (1977), и авторе книг «Отсюда и до невинности» (1981) и «Груди-сплетницы» (1987).

471

«Southern Television» — телекомпания с правом вещания на юге и юго-востоке Англии с 1958 по 1981 г.

«Requiescat in pace» *(лат.)* — «покойся с миром».

«Imagine This: Growing Up with My Brother John Lennon».

474

Бельгийско-германо-голландская сеть магазинов «быстрой моды».

475

«Монти Пайтон» — британская комик-группа, работающая в направлении юмора абсурда. «*Житие Брайана*» — их комедия 1979 г., пародирующая различные аспекты религии; главный герой фильма, еврей по имени Брайан, родился в одно время и в одном месте (разве что в другом, соседнем доме) с Иисусом Христом; из-за ошибки волхвов его начинают считать Мессией.

476

Дебютный студийный альбом Джона Леннона и Йоко Оно «Unfinished Music No. 1: Two Virgins» (1968, «Незавершенная музыка No. 1: Двое девственников»).

477

Персонаж цикла юмористических произведений британского писателя Пэлама Гренвилла Вудхауза (1881–1975) — недалекий, но богатый молодой аристократ, вечно попадающий в различные переделки, из которых его вытаскивает камердинер Дживс; приведена цитата из романа «Фамильная честь Вустеров» (1938, перев. Ю. Жуковой).

478

Ричмал Кромптон (1890–1969) — британская писательница. Всего о приключениях Вильяма и трех его верных друзей — Джинджер, Дугласа и Генри — было написано 39 книг; на русском опубликован первый сборник рассказов, «Этот Вильям!» (1922) — в переводе М. Арсеньевой.

479

«William’s Double Life» — рассказ из сборника «Вильям» (1929).

Александр Кендрик (1910–1991) — американский телеведущий, журналист, освещал события Второй мировой из Европы для Си-би-эс.

481

Лорд Мармадьюк, граф Банкертонский, по прозвищу Снути (Воображала) — персонаж комиксов Дадли Уоткинса из детского журнала «Бино», публиковавшихся с 1938 по 1991 г.

482

Сын строителя из Кента, Тед Хит всю жизнь старался изменить свое произношение; его часто высмеивали за то, как он выговаривает гласные; особенно в этом преуспели участники «Летающего цирка Монти Пайтона», выпустив пародийный обучающий диск «Учись говорить как Хит».

483

Джин Айрис Мердок (1919–1999) — британская писательница, философ, лауреат Букеровской премии, входит в список 50 величайших британских писателей после 1945 г. по версии газеты «Таймс».

Эмпедокл (490–430 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, сторонник демократии.

485

Роман Джона Брейна (1922–1986); роман и рассказ английского поэта и прозаика Алана Силлитоу (1928–2010).

486

Дэнди Николс (Дейзи Сандер, 1907–1986) — британская актриса театра, кино и телевидения, играла в комедийных амплуа непривлекательной жены, уборщицы-кокни, лишенной вкуса домработницы или домохозяйки; *Гретхен Франклин* (1911–2005) — британская актриса и танцовщица; обе также сыграли эпизодические роли еще в одном фильме Ричарда Лестера с участием Джона Леннона, «Как я выиграл войну».

487

Персонаж пьесы Джона Осборна «Оглянись во гневе»; герой романа Джона Брейна «Путь наверх».

488

Джен Моррис (Джеймс Хамфри Моррис, 1926–2020) — валлийская писательница и историк, автор путевых заметок; в 1953 г. Джеймс Моррис участвовал в первом успешном восхождении на Эверест. Учился в Лансинг-колледже (там же, где учился Ивлин Во) и в Крайст-Черч-колледже Оксфордского университета.

489

Леди Августа Брэкнелл — персонаж пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным», сатирический символ той самой «серьезности» викторианского общества и авторитарности высшего сословия.

«Conundrum» (1974).

491

Фредерик Слай Робертс (1832–1914) — последний Верховный главнокомандующий Британской армии, участник Второй Афганской и Англо-бурской войн, его мемуары были опубликованы в 1897 г.; «Curiosities of Natural History» (1868) — 4-томный труд британского натуралиста, ихтиолога и хирурга *Фрэнсиса Тревельяна Бакленда* (1826–1880).

492

Старейший и крупнейший магазин игрушек в мире, основанный *Уильямом Хэмли* в 1760 г.; насчитывает 155 магазинов по всему миру, из них 7 — в России.

493

Британская историческая теледрама, события которой происходят в одноименном йоркширском поместье начала XX в. В центре сюжета — аристократическая семья Кроули и их прислуга.

494

Генрик Ибсен (1828–1906) — норвежский публицист, поэт и драматург, основатель европейской «новой драмы», нацеленной на натурализм и злободневность.

495

Эл Джолсон (Аса Йоэлсон, 1886–1950) — американский эстрадный певец, один из основоположников популярной музыки в Америке; *«Little Pal»* — песня из музыкального фильма «Скажи это песнями» (реж. Ллойд Бейкон, 1929).

Написал ее, конечно же, Пол Маккартни.

«Вот моя жизнь».

Отношения Джона с отцом оборвались в 1970-м, когда Фред сообщил ему в письме, что хочет написать автобиографию. Секретарь «Эппл» попросил Фреда и Полин прийти в Титтенхерст-Парк (С 1969 по 1971 г. Титтенхерст-Парк, георгианский особняк и поместье близ Аскота, в графстве Беркшир, был резиденцией Джона Леннона и Йоко Оно, где они оборудовали студию звукозаписи «Аскот Саунд»; в 1973 г. его купил Ринго Старр, переименовав студию в «Стартлинг».) 9 октября, в день тридцатилетия Джона. Сперва их держали на кухне, а потом пришел взбешенный Джон и сказал: «Больше я тебе платить не буду, и из дома тоже проваливай… Прочь из моей жизни, хватит у меня на горбу сидеть!»

Выяснилось, что сеансы крикотерапии, которые Джон посещал после распада «Битлз», спровоцировали его ожесточенность по отношению к отцу. «Ты хоть представляешь, что я из-за тебя пережил? На каждом сеансе терапии, день за днем, кричал, плакал, звал тебя, просил, чтобы ты вернулся!» Полин утверждает, что Джон неоднократно называл мать «шлюхой». Схватив отца за грудки, он заявил: «Без моего разрешения ты ни слова не напишешь про свою жизнь. А если кому-то проговоришься о том, что здесь произошло… я закажу твое убийство». Угроза настолько напугала Фреда, что он обратился к юристу, распорядившись, чтобы история стала достоянием общественности в том случае, «если он исчезнет или умрет не своей смертью».

499

Первоначальный владелец назвал усадьбу «Халеакала», в честь огромного вулкана, образующего основную часть гавайского острова Мауи. «Халеакала» значит «Дом солнца», так что в 1948 году, когда некий мистер Поуп купил поместье и переименовал его в «Санни Хайтс» («Солнечные холмы».), он не сильно отошел от оригинала. Теперь вы все знаете.

500

Город Уилтон в графстве Уилтшир славится ковроткачеством с середины XVIII в., когда в 1741 г. здесь была основана королевская ковровая мануфактура.

501

Джеральд Энтони Скарф (р. 1936) — британский карикатурист и художник-график, сотрудничал с журналом «Панч» и газетами «Ивнинг стандард» и «Дейли скетч»; в 1967 г. нарисовал карикатуры битлов для обложки сентябрьского номера журнала «Тайм»; впоследствии оформлял альбом «The Wall»(1979) группы *Pink Floyd* и принимал участие в создании одноименного фильма (1982).

502

Пригород Ливерпуля.

503

«Желтая подводная лодка» — песня с одноименного, десятого студийного альбома (1969).

Которое впоследствии выбросили.

505

«И мы пойдем освобождать день, чтобы увидеть, как они соберутся от Ленд о'Гроатс до Джон о'Грин…».

506

«Шоу Болванов» («The Goon Show») — юмористическая радиопередача на Би-би-си (1951–1960), сценарии которой писал Спайк Миллиган(1918–2002), ирландский поэт, комик и музыкант, а одним из участников был Питер Селлерс.

507

Кэти Макгоуэн (р. 1943) — британская журналистка и телеведущая.

Джонатан Айткен (р. 1942) — автор таких работ, как «Юные метеоры» (1967), подборки профилей молодых и модных, а также «Жизнь Никсона» (1993), написанного в сочувственных тонах портрета бывшего президента США. В 1974 году стал членом парламента от Консервативной партии. В 1990-м был осужден на полтора года тюрьмы за дачу ложных показаний и препятствие правосудию. Спустя двадцать лет, в июне 2019 года, рукоположен в сан англиканского священника.

Здесь приведен в сокращенном виде.

510

«Hung On You» — лондонский бутик; в 1969 г. Рейни продал его дизайнерам Томми Робертсу и Тревору Майлзу, которые переименовали его в «Мистер Фридом» («Mr. Freedom»).

511

Сесил Робин Дуглас-Хьюм (1932–1968) — джазовый пианист и писатель, племянник премьер-министра Алека Дугласа-Хьюма.

512

Аннабель Голдсмит (р. 1934) — лондонская светская львица.

«mop-top tour», от названия причесок битлов: «мочалки».

Ringo созвучно английскому «ring», т. е. «звонить, звенеть».

515

Обыгрываются названия песен «Good Day Sunshine» с альбома «Revolver» и «Here Comes the Sun» с альбома «Abbey Road».

«Дай миру шанс».

«Диссентеры», т. е. «несогласные, протестующие»; Билл Харри, Джон Леннон, Стюарт Сатклифф и *Род Мюррей* образовали эту «неформальную группу» после литературного вечера, на котором читал свои стихи Ройстон Эллис (р. 1941), английский поэт-битник, на творчество которого оказал сильное влияние Аллен Гинзберг; приятелям его стихи не понравились, и они решили, что заявят о Ливерпуле по-своему.

518

Барри Уайт (Барри Юджин Картер, 1944–2003) — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, трехкратный обладатель «Грэмми»; был популярен в 1970-е гг.

519

По другим сведениям, в Вултоне.

520

Раад Рэй Маатук (р. 1960) — британский предприниматель иракского происхождения.

521

В рассказе о Пенни-лейн использованы цитаты из песни.

522

«Strawberry Fields» («Земляничные поля»), — название усадьбы в ливерпульском пригороде Вултон, принадлежащей Армии спасения, где находился детский дом; Джон Леннон жил по соседству и часто играл там в саду; песня «Strawberry Fields Forever» («Земляничные поля навеки») написана по детским воспоминаниям.

523

«No one I think is in my tree», из песни «Strawberry Fields Forever».

524

«Look at him working, darning his socks in the night», из песни «Eleanor Rigby» с альбома «Revolver».

525

Самозванки — всего около 30 женщин, — в разные годы объявлявшие себя чудом спасшейся после расстрела семьи Романовых великой княжной Анастасией Николаевной (1901–1918).

526

Джером Либер (1933–2011) — американский автор популярных песен, в т. ч. ставших классикой рок-н-ролла, работал в соавторстве с Майком Столлером (р. 1933). Вместе они сочинили более сотни песен, часть из которых звучала в исполнении Элвиса Пресли.

527

Эзра Уэстон Лумис Паунд (1885–1972) — американский поэт, переводчик и литературный критик.

528

Томас Уильям Ганн (1929–2004) — англо-американский поэт, после эмиграции обратившийся к теме гомосексуализма, наркотиков и богемного образа жизни.

529

Уистен Хью Оден (1907–1973) — англо-американский поэт; его баллада «*Мисс Джи*» повествует об одинокой женщине, которая, так же как Элинор Ригби, посещает церковь, слушая орган и хор, но в конце умирает от рака, и ее труп цинично отправляют в анатомический театр.

530

Карл Фергус Коннор Миллер (1931–2014) — британский писатель, литературный критик и редактор.

531

Джеймс Мартин Фентон (р. 1949) — британский поэт, журналист и литературный критик.

Антония Сьюзен Байетт (р. 1936) — британская писательница, лауреат Букеровской премии.

533

Карлос Сильвестр Франк (р. 1951) — мексикано-британский ученый и преподаватель Кембриджского университета; *Патриция Лоулор Хейс* (1909–1998) — британская комедийная актриса, лауреат ордена Британской империи; *Кэтрин Анахид Бербериан* (1925–1983) — американская певица и композитор армянского происхождения; *Шарль Азнавур* (Шахнур Вахинаг Азнавурян, 1924–2018) — французский шансонье, актер, композитор, поэт и писатель армянского происхождения; *Ричард Эдвард Джеффри Хау* (1926–2015) — британский политик, член Консервативной партии, пост канцлера казначейства занимал с 1979 по 1983 г.

«The Beatles and the Historians».

535

Аллен Клейн (1931–2009) — американский предприниматель, с 1965 г. был менеджером «Роллинг стоунз», с 1969 г. — «Битлз», после распада которых стал менеджером Джорджа Харрисона, Джона Леннона и Йоко Оно.

536

Донован Филипс Литч (р. 1946) — шотландский музыкант, гитарист, автор и исполнитель песен.

537

Престижный район в восточном Лондоне.

538

«Кайфует в темноте за трубкой, полной глины» — «рис в церкви, где прошла свадьба».

539

«Все неприметные люди».

«Милая, как же фигово по ночам, когда никого нет».

541

«Отводит глаза от церкви, где прошла свадьба».

542

«Иди на задний правый поворот».

543

«Плати за каждый пакет правый поворот».

Бобби Харт (Роберт Люк Харшман, р. 1939) — американский поп-музыкант и автор песен.

545

«Садись в последний поезд».

«Бульварный писатель».

547

«Садись в последний поезд в Кларксвилль» — первая строка песни «The Last Train to Clarksville» (1966).

«Через Вселенную».

549

«Кенгуриные дни, ах!»

Тут битлам ведущая роль не светила: альбом с подзаголовком «Звезды поют в поддержку Всемирного фонда дикой природы» включал в себя такие треки, как «Cuddly Old Koala» Рольфа Харриса, «When I See an Elephant Fly» Брюса Форсайта, «I'm a Tiger» Лулу, «Wings» *The Hollies,* «The Python» Спайка Миллигана и «Land of My Fathers» Гарри Сикома («Старый пушистый коала»; «Когда я увижу, как слон полетит» *, Брюс Джозеф Форсайт-Джонсон* (1928–2017) — популярный британский эстрадный исполнитель и ведущий; «Я тигр» *, Лулу* (Мэри Макдональд Маклафлин Лоури, р. 1948) — британская певица и актриса; «Крылья»; «Питон»; «Земля моих отцов».)

551

Принц Филипп Маунтбеттен, герцог Эдинбургский (1921–2021) — супруг королевы Елизаветы II.

552

Буквально переводится как «Слава сияющему победителю тьмы».

553

Маков день, или День поминовения, День памяти. Отмечается 11 ноября в Великобритании и странах Британского Содружества в память о солдатах этих стран, павших во всех конфликтах с их участием. Красный мак — символ этого праздника, а английское «poppy» («мак») созвучно «puppy» («щенок»), что и вызвало ошибку в понимании строки «The pretty nurse is selling poppies from a tray».

554

Элвис Костелло (Деклан Патрик Алоизий Макманус, р. 1954) — британский певец и композитор, кавалер ордена Британской империи, входит в список 50 величайших исполнителей всех времен по версии журнала «Роллинг стоун».

555

«Легко жить с красивыми шмотками» вместо «Легко жить с закрытыми глазами» («Living is easy with eyes closed»).

«Она дает мне все и нежную говядину» вместо «Она дает мне все / и с нежностью…» («She gives me everything / And tenderly»).

«Я люблю мех» вместо «я люблю ее» («I love her»); «Она дает мне все внутренне» вместо «Она дает мне все / и с нежностью…» («She gives me everything / And tenderly»).

558

«И у моего ортодонта / она стоит прямо передо мной» вместо «В мой темный час /она стоит прямо передо мной» («And in my hour of darkness / She is standing right in front of me»), из песни «Let it Be» с одноименного альбома.

559

«И когда я прихожу домой к тебе, то обнаруживаю разбитое каноэ» вместо «И когда я прихожу домой к тебе, то обнаруживаю, что то, что ты делаешь… («But when I get home to you / I find the things that you do…»), из песни «A Hard Day's Night» с одноименного альбома.

«Я не хочу маршировать за деньги» вместо «Меня деньги не особо волнуют» («I don’t care too much for money»), из песни «Can’t Buy Me Love» («Любовь не купишь») с альбома «A Hard Day’s Night».

561

«Вечер пятницы прибывает без фруктового кекса» вместо «Вечер пятницы прибывает без чемодана» («Friday night arrives without a suitcase»), из песни «Lady Madonna» («Леди Мадонна»), сингл 1968 г.

562

«Мишель, красавица, воскресный монах — он хочет запретить лишние носки, запретить лишние носки» *(фр., англ.)* вместо «Мишель, красавица, — эти слова так ладно звучат вместе, так ладно звучат вместе» («Michelle, ma belle, / Sont les mots qui vont tres bien ensemble, / Tres bien ensemble»), из песни «Michelle» с альбома «Rubber Soul».

563

«Там под гусем и бурбоновыми небесами» вместо «Там под голубыми пригородными небесами» («There beneath the blue suburban skies»), из песни «Penny Lane».

«Но если ты понесешь изображения немецких коров…» вместо «Но если ты понесешь изображения председателя Мао…» («But if you go carrying pictures of Chairman Mao…»), из песни «Revolution» («Революция») с «Белого альбома», 1968 г.

565

«Вы все на мели».

«А вот и старый солдафон»; впрочем, термин «flat top» может относиться как к короткой армейской стрижке, так и к автомобилю с «плоской» крышей, например винтажный «кадиллак-девилль», и к разновидности акустической гитары; текст песни «Come Together» заимствует образы и фразы из песни Чака Берри «You Can't Catch Me» (1956), споры о том, что именно означают некоторые слова и выражения, продолжаются до сих пор.

«Жид, жид, глазные яблоки».

«Дурной глаз».

569

«Джо давит мяч» вместо «У него сбиты пальцы ног» («He got toe-jam football»).

«Ходячий палец» вместо «У него обезьяний палец» («He got monkey finger»).

571

«Он задерживает производство» вместо «Он пакует товар» («He bag production»); также отсылка к названию компании по связям с общественностью «Bag Production Limited», основанной Ленноном и Оно.

«О нет, сбоку» вместо «У него буфет Оно» («He got Ono sideboard»), причем слово «sideboard» может означать еще и «бакенбарды», и «под боком».

«Holy roller»; «Shoot coca-cola», со скрытой отсылкой к кокаину; «Good-looking ‘cause he’s so hard to see».

Эдвард Лир (1812–1888) — британский поэт и художник, один из основоположников «поэзии бессмыслицы».

Перев. Д. Орловской.

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес. Перев. Н. Демуровой.

«Я морж».

«Я есть он как ты есть он».

«Daily Howl» — «Ежедневный вой».

580

Дэвид Крокетт (1786–1836) — американский путешественник, охотник и политик, вошедший в фольклор как герой американского фронтира.

«1066 and All That» (1930), где 1066 — дата Норманнского завоевания Англии; *Уильям Каррутерс Селлар* (1898–1951) — шотландский юморист, писавший для журнала «Панч» . *Роберт Джулиан Йитман* (1897–1968) — британский юморист, также писавший для журнала «Панч».

582

Гай Митчелл (Альберт Джордж Черник, 1927–1999) — американский эстрадный исполнитель югославского происхождения.

583

Майора Бладнока озвучивал Питер Селлерс.

584

Статья Джона Леннона для газеты «Нью-Йорк таймс» от 30 сентября 1973 г., обзор книги Спайка Миллигана «The Goon Show Scripts».

585

Один из героев «Шоу Болванов», дружелюбный и доверчивый бедняк и/или госслужащий, постоянно вскрикивающий: «Что-что-что-что-что?» или «Да-да-да-да-да!»; роль озвучивал Гарри Сиком (1921–2001).

586

Ковентри был практически уничтожен нацистскими бомбардировками в 1940–1942 гг.; под бомбами погибли 1236 человек.

587

Отфрид Фёрстер (1873–1941) — немецкий невролог, один из основателей нейрохирургии, лечащий врач Ленина в 1922–1924 гг.

588

Артур Кёстлер (1905–1983) — британский писатель и журналист венгерского происхождения, автор романа «Слепящая тьма» (1946), номинант на Нобелевскую премию по литературе 1967 г.; описал синдром Фёрстера в своей книге «Акт творения» («Act of Creation», 1964).

589

Одной поклоннице он подписал экземпляр своей книги так: «Шейле, с любовью и наитучшими пожеваниями».

590

«Плюшевые медведи» — американская поп-группа, первая вокальная группа, которую продюсировал Фил Спектор; «Бадди Холли и сверчки»; *Бадди Холли* (Чарльз Хардин Холли; 1936–1959) — американский певец и автор песен, один из родоначальников рок-н-ролла.

591

«Львы»; «Тигры».

592

Мф. 19: 14: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».

«Печальная Несс», что слитно образует слово «sadness» — печаль.

594

Обыгрывается имя американского киноактера Гэри Купера (1901–1961) и название фильма с его участием «High Noon» («Ровно в полдень», 1952, реж. Фред Циннеман).

595

«Revolver» («револьвер») не только вид оружия, но и то, что вращается. «Rubber Soul» (*букв*. «резиновая душа») на слух звучит как «резиновая подошва», которую так любили модники 60-х, а еще это отсылка к стилю музыки, соул, точнее, к термину «пластмассовый соул», использованному одним из музыкантов в отношении попыток Мика Джаггера, белого европейца, исполнять соул, негритянскую музыку.

596

Цитата из книги «Spaniard in the Works» (перев. А. Курбановского); в названии книги обыгрывается идиома «to put a spanner in the works», т. е. «вставлять палки в колеса».

597

Джон Селвин Брук Ллойд (1904–1978) — британский государственный деятель, с 1951 по 1954 г. министр иностранных дел Великобритании; *Эмануэль Шинвелл* (1884–1986) — британский государственный деятель, член Лейбористской партии.

598

«День из жизни».

599

«Другой путь мне не нужен».

«Вернется ли Пол как Супермен».

601

«Солонина там супер, чувак».

602

«Мы паркуем наш королевский суперфургон».

«Никогда не мог смотреть на Анни с тобой».

604

Имельда Ромуальдес Маркос (р. 1929) — вдова 10-го президента Филиппин, Фердинанда Маркоса, при котором была губернатором Манилы, депутатом парламента и дипломатом; за красоту, изящность и жесткий, волевой характер получила прозвище Стальная бабочка.

605

В книге Хантера Дэвиса говорится, что никакого приглашения, по словам самих битлов, они не получали, а били их в аэропорту полицейские.

606

Рави Шанкар (1920–2012) — индийский музыкант и композитор, виртуоз игры на ситаре.

607

Ворота с надвратной колокольней, примыкающие к храму Святого Элигия в историческом центре Бордо.

«Salt and pepper».

609

«Становится лучше» — песня с альбома «Sgt. Pepper».

610

Примерно 27,5 м.

611

Винсент Хилл (р. 1934) — британский исполнитель и автор традиционных поп-песен; *«Звуки музыки»* — популярный мюзикл (1959, сл. Оскара Хаммерстайна II, муз. Ричарда Роджерса), экранизирован в 1965 г.

612

Первое место стабильно удерживала «Release Me» Энгельберта Хампердинка (Арнольд Джордж Дорси, р. 1936) — британский эстрадный певец.

613

Роберт Майкл Несмит (р. 1942) — американский актер, предприниматель, продюсер, писатель, автор песен и музыкант, лауреат премии «Грэмми».

614

Братья *Эмилиано Сапата Саласар* (1879–1919) и *Эуфемио Сапата Саласар* (1873–1917), мексиканские революционеры, носили пышные усы.

615

«Я читал сегодня новости, ну и ну…»; «Проснулся, встал с постели».

616

Дэвид Ван Кортленд Кросби (р. 1941) — американский музыкант, гитарист, автор и исполнитель песен; дважды увековечен в Зале славы рок-н-ролла.

617

Кеннет Лейт Халливелл (1926–1967) — британский актер, писатель и коллажист. Ортону приходился не просто любовником и соавтором, но и наставником.

«Up Against It».

Мистер Слоун — сирота, главный герой пьесы Ортона «Развлекая мистера Слоуна» (1964, «Entertaining Mr Sloane»); *Хэл* — воришка, персонаж пьесы Ортона «Добыча» (1966, «Loot»).

620

Театральный продюсер (р. 1930), в 2014-м посвящен в рыцари.

621

По адресу Чепел-стрит, дом 24; Эпстайн переехал туда из Уоддон-Хауса в январе 1965 г.

Имеется в виду «Strawberry Fields Forever».

623

Джон Генри Бродрибб (1838–1905), известный под сценическим псевдонимом *Генри Ирвинг*, первым из английских актеров удостоился рыцарского звания в 1895 г.; считается, что Брэм Стокер использовал его внешность для создания образа Дракулы.

624

LSD (диэтиламид d-лизергиновой кислоты) и l. s. d. (сокращенное «libra, solidus, denarius», т. е. «фунты, шиллинги и пенсы») на слух звучат одинаково.

625

Австралийская рок-группа, первой из соотечественников добившаяся признания на международной рок-сцене; ее ритм-гитарист, шотландец Джордж Янг (1946–2017), — старший брат Малкольма (1953–2017) и Энгуса (р. 1955), основателей группы «AC/DC».

626

Жан-Мари Перье (р. 1940) — французский фотограф и режиссер.

627

Маргарет (Пегги) Франческа Рамзи (1908–1991) была также агентом Роберта Болта, автора сценариев к фильмам «Лоуренс Аравийский», «Доктор Живаго» и «Человек на все времена», и драматургов Эжена Ионеско и Джона Бойнтона Пристли.

«Head to Toe» (1961), посмертно опубликован в 1971 г.

629

Микеланджело Антониони (1912–2007) — итальянский режиссер, сценарист, классик европейского «авторского» кино; один из его самых известных фильмов — «Фотоувеличение» («Blowup», 1966; по мотивам рассказа Хулио Кортасара «Слюни дьявола»), в эпизодах которого снялись многие из знаменитостей Свингующего Лондона, в частности группа *The Yardbirds*. Лауреат премий «Золотой медведь», «Золотой лев», «Золотая пальмовая ветвь», «Оскар».

630

Сильвион Оскар Левенштейн (1917–1997) — британский продюсер театра и кино, ставил в Вест-Энде пьесы Бертольда Брехта; с его помощью открылся знаменитый театрально-концертный зал «Раундхаус».

631

Имеется в виду легенда о Гамельнском крысолове: горожане наняли его, чтобы он помог избавиться от крыс. Крысолов игрой на флейте увлек грызунов в море, а когда жители Гамельна отказались платить за услугу, он точно так же зачаровал и увел из города всех детей.

632

«When I was younger, so much younger than today» — из песни «Help!» с одноименного альбома.

633

«There are places I'll remember» — из песни «In My Life» с альбома «Rubber Soul».

634

Роман английского писателя Клайва Стейплза Льюиса (1898–1963), первая книга цикла «Хроники Нарнии» (1950).

635

Песня «The Continuing Story of Bungalow Bill» («Продолжающаяся история Бунгало Билла») с «Белого альбома»; песня «Maxwell's Silver Hammer» («Серебряный молоток Максвелла») с альбома «Abbey Road» (1969).

636

«Моя мама умерла» — заключительная песня с сольного альбома Джона Леннона «John Lennon/Plastic Ono Band» (1970).

637

Кеннет Пикок Тайнен (1927–1980) — британский театральный критик и сценарист, в 1960-е гг. отвечал за подбор пьес для труппы Королевского национального театра, художественным руководителем которого в то время был *Лоуренс Оливье*.

638

Автобусные экскурсии по таинственным и загадочным местам.

639

Басби Беркли (Уильям Беркли Инос, 1895–1976) — американский режиссер и хореограф, известный постановкой масштабных танцевальных номеров с эффектным «калейдоскопическим» построением в бродвейских мюзиклах и голливудских музыкальных фильмах.

640

Популярное в 1950–1960-х гг. развлечение, когда на арене для рестлинга выступали карлики — профессиональные борцы.

641

Тимоти Фрэнсис Лири (1920–1996) — американский писатель и ученый, участвовал в кампании по исследованию психоделических препаратов; свой опыт описал в книге «Практика приема психоделиков. Руководство, основанное на «Тибетской книге мертвых»» (1964).

642

«Коуп Броз и Ко.», производившая табачную продукцию: нюхательный и трубочный табак, сигареты и сигары.

643

«Sgt. Pepper taught the band to play», из песни «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» с одноименного альбома.

«Становится лучше» — песня с вышеупомянутого альбома.

645

«Она покидает дом» — оттуда же.

«Бенефис мистера Кайта» — оттуда же.

647

«Доброе утро, доброе утро» — оттуда же; цитируются строки «Take a walk by the old school» и «Nothing has changed it's still the same».

«День из жизни» — оттуда же; цитируется строка «The English army had just won the war».

649

«Когда мне будет шестьдесят четыре» — оттуда же.

650

В эпизоде использованы цитаты из песни американского исполнителя Скотта Маккензи (1939–2012) «San Francisco (Be Sure to Wear Flowers in Your Hair)» («Сан-Франциско (Вплети себе в волосы цветы)» с альбома «The Voice of Scott MacKenzie» (1967), ставшей неофициальным гимном хиппи.

651

«Тантум эрго», две последние строфы гимна «Pange Lingua» (*лат.,* «Святой язык»), написанного Фомой Аквинским (1225–1274), итальянским теологом и философом, для праздника Тела Христова; исполняются перед Святыми Дарами во время адорации.

Эту тайну Пресвятую
Славим в поклонении,
Древнее установленье
Новым упраздняется.
(Перев. П. Сахарова)

652

«Леди Мадонна» — сингл 1968 г., последний, записанный «Битлз» на студии «Парлофон».

653

«Wonder how you manage to make ends meet» («Знать бы, как ты сводишь концы с концами»), из песни «Lady Madonna».

«Эй, Джуд» — сингл 1968 г.; «Мгновенная карма» — третий сольный сингл Леннона (1970).

В римско-католической, а также англиканской и иногда лютеранской традиции — день, когда начинается Великий пост; по традиции священник либо посыпает головы прихожан пеплом, либо пеплом же наносит им на лоб символ креста.

656

Традиционная формула средневековой мессы, основанная на Быт. 3: 19: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

657

«Faith of Our Fathers! Living Still…» («Вера отцов еще живет») — католический гимн, написанный в 1849 г. английским поэтом и богословом *Фредериком Уильямом Фабером* (1814–1863).

658

«While Shepherds Watched Their Flocks» — популярный рождественский гимн на слова англо-ирландского поэта *Наума Тейта* (1652–1715) по мотивам Лк. 2: 8–14.; в пародийной версии гимна, известной с конца XIX в., эта строка звучит как «While shepherds washed their socks», то есть «Ночной порой носки свои стирали пастухи».

659

«Вечер пятницы прибывает без чемодана, / утро воскресенья крадется, как монахиня» — из песни «Lady Madonna».

660

«Манная сардина / взбирается на Эйфелеву башню, / Элементарный пингвин / поет «Харе Кришна»» — из песни «I Am the Walrus» («Я — морж») с альбома «Magical Mystery Tour».

661

«Все, куда ни попадешь, там тебе и место» — из песни «All You Need is Love» («Все, что тебе нужно, — это любовь»), сингл 1967 г.

«Speakeasy», «The Cromwellian», «The Bag o'Nails», «The Scotch of St. James».

663

Саймон Постума (1939–2020) и *Марийке Когер* (р. 1943) — голландские дизайнеры и модельеры, работавшие в психоделическом стиле; в их студии «The Fool» («Шут») по заказам британских поп-и рок-музыкантов создавались яркие, красочные костюмы для сцены и фотосессий, украшались музыкальные инструменты, разрабатывались конверты пластинок и готовились сценические декорации.

664

Аллюзия на стихотворение английского поэта-мистика Уильяма Блейка (1757–1827) из «Прорицаний невинного»:

В одном мгновенье видеть вечность,
огромный мир — в зерне песка,
в единой горсти — бесконечность
и небо — в чашечке цветка.
(Перев. С. Маршака)

665

«There’s nothing you can do that can’t be done» — из песни «All You Need is Love».

666

«Ничего не скажешь, но можно научиться играть в игру» — оттуда же.

667

Ральф Воан-Уильямс (1872–1958) — британский органист, дирижер и композитор.

668

Гарольд Малькольм Уоттс Сарджент (1895–1967) — британский дирижер, органист и педагог.

669

А еще он играл на флюгельгорне на записи «Penny Lane».

670

Жозеф Морис Равель (1875–1937) — французский композитор и дирижер.

671

Густав Теодор Холст (1873–1934) — британский композитор и педагог.

Примерно в это время Пол говорил о Вьетнамской войне с Бертраном Расселом (*Бертран Артур Уильям Рассел* (1872–1970) — британский ученый-энциклопедист и общественный деятель, внес огромный вклад в развитие современной философии, логики и математики, сторонник пацифизма, лауреат Нобелевской премии по литературе 1950 г.), который помнил, как в детстве встречался с Уильямом Гладстоном (*Уильям Юарт Гладстон* (1809–1898) — британский политик и государственный деятель, четыре раза становился премьер-министром Великобритании.); сам Гладстон часто завтракал с престарелым Уильямом Вордсвортом (р. 1770). Получается, что «Blackbird» («Черный дрозд» — песня с «Белого альбома».) и «Нарциссы» разделяют всего три рукопожатия. Дед Рассела, премьер-министр Викторианской эпохи лорд Джон Рассел (*Джон Рассел* (1792–1878) — лидер партии вигов, дважды был премьер-министром Великобритании.) навещал Наполеона в изгнании на Эльбе, поэтому можно в три прыжка перескочить от Пола Маккартни к Бертрану Расселу, потом к лорду Джону Расселу, а от него — к Наполеону.

673

«Steptoe and Son» — британский комедийный телесериал об отце и сыне, которые держат лавку старьевщика; транслировался на Би-би-си в 1960-е и 1970-е гг.

674

В апреле 1969 года принцесса Анна (*Анна Елизавета Алиса Луиза* (р. 1950) — дочь королевы Елизаветы II.), облаченная в темно-синий брючный костюм, присоединилась к остальным в танце на сцене психоделического мюзикла «Волосы». «Восемнадцатилетняя принцесса самозабвенно крутила бедрами и размахивала руками», — писала «Дейли телеграф».

675

Инвенция № 8 фа мажор И. С. Баха, английская народная баллада «Зеленые рукава», известная с середины XVI в., и «В настроении», джазовый стандарт, записанный оркестром Гленна Миллера в 1939 г., использован в фильме «Серенада солнечной долины» (1941, реж. Брюс Хамберстоун).

«Все, что ни споешь, может быть спето».

«Все, куда ни попадешь, там тебе и место».

«Это легко».

679

Джордж Эдвард Форман (р. 1949) — американский профессиональный боксер-тяжеловес, абсолютный чемпион мира, олимпийский чемпион 1968 г.; *Пенелопа Анна Констанс Кит* (р. 1940) — британская актриса театра и кино, ведущая радио-и телепередач; *Уэйн Колин Филип Слип* (р. 1948) — британский танцор, режиссер, актер и хореограф; *Джон Янг Стюарт* (р. 1939) — шотландский автогонщик, трехкратный чемпион мира в классе «Формула-1».

680

Майкл Говард (р. 1941) — британский политик, лидер Консервативной партии и лидер оппозиции (2003–2005), пост министра внутренних дел занимал с 1993 по 1997 г.

681

Альберт Гор (р. 1948) — бывший вице-президент США (1993–2001), кандидат в президенты США на выборах 1988 и 2000 гг., лауреат Нобелевской премии мира 2007 г., и его жена *, Мэри Элизабет Гор* (р. 1948).

682

В иудейской традиции — первая неделя после похорон усопшего, период глубокого траура.

По другим сведениям (в частности, как впоследствии объяснял Джордж Харрисон), никаких греческих островов «Битлз» так и не купили, а прибыль образовалась в результате колебаний международного валютного курса доллара: сначала они приобрели у казначейства 90000 долларов, а потом снова продали их казначейству.

684

Американский вокальный фолк-рок-квартет: Джон и Мишель Филлипс, Денни Доэрти и знаменитая вокалистка Кэсс Эллиот (Эллен Наоми Коэн), по прозвищу Мама Кэсс; славу им принесла песня «California Dreamin'» (1965), занимающая 89-е место в списке 500 величайших рок-песен всех времен.

685

«Детка, ты богат» — песня с сингла 1967 г., вошла в американскую версию альбома «Magical Mystery Tour»; здесь и далее в эпизоде использованы цитаты из песни.

686

Синтетический галлюциногенный наркотик класса амфетаминов; хиппи расшифровывали аббревиатуру как «serenity-tranquility-peace» (покой, тишина, мир) или «salvation through psychedelica» (спасение через психоделику).

687

Цитируя Зигмунда Фрейда.

688

Шри Свами Брахмананда Сарасвати, или *Гуру Дэв* (1868–1953) — индийский мистик, монах-отшельник, наставник, почитавшийся как святой; в песне «Через Вселенную» с альбома «Let It Be» звучит мантра, прославляющая Гуру Дэва: «Jai guru deva om».

689

«The Frost Report» — сатирическая телепередача Дэвида Фроста, выходила в эфир на Би-би-си с 1966 по 1967 г. (всего 28 выпусков).

690

«Твоя мама должна знать», с альбома «Magical Mystery Tour».

691

«Я есть он как ты есть он как ты есть я и мы все вместе».

692

«Порнографическая жрица», «спустила трусы».

693

Стивен Бейли (р. 1951) вырос и стал известным критиком, беспощадным борцом с традиционными взглядами, а также автором книг о машинах, сексе и Мемориале принца Альберта (Монумент в лондонском Кенсингтонском парке, открытый в 1875 г. королевой Викторией в память о скончавшемся от тифа супруге, принце-консорте Альберте.)

694

Детская считалка: «Заварной крем из желтого гноя, пирог из зеленых помоев / Смешай с глазом дохлого пса, / Намажь на бутер в десять футов толщиной / И запей кружкой холодной блевотины»; все эти тошнотворные ингредиенты — на самом деле рифмованные названия блюд на лондонском диалекте кокни, отличительной чертой которого является рифмованный сленг; «глаз дохлой собаки» («dead dog's eye») происходит от «dead horse»/«sauce» (соус) and «dog's eye»/«pie» (пирог)», т. е. мясной пирог с соусом; «cup of cold sick» (чашка холодной блевотины) — буквальное понимание идиомы, обозначающей нечто неинтересное или неуместное, вроде шуток про веревку в доме повешенного. «Yellow matter custard» — часть популярной в далеком прошлом дразнилки: «Yellow-belly costard / Eats his mother's (father's) mustard / Catch me if you can!» («Трусишка-дурачок, скушал мамину (папину) горчицу, / Попробуй догони!»; в результате исторических изменений в языке «yellow belly» (трус) сменилось просто «cowardly», а «costard» (дурак) — созвучным «custard» (заварной крем).

Как и позднее, в 60-х: помню, как сам напевал ее во дворе школы «Гроув-Хаус» в Эффингеме, в графстве Суррей, году так в 1964-м.

696

Иона Маргарет Балфур (1923–2017) и *Питер Мейсон Опи* (1918–1982) — британские супруги-фольклористы, опубликовавшие ряд антологий и фундаментальных исследований о детском фольклоре и уличной культуре, в том числе «The Lore and Language of Schoolchildren» (1959).

697

«Манная сардина лезет на Эйфелеву башню».

698

Пауль Шильдер (1886–1940) — американский психиатр и невролог австрийского происхождения.

699

«Свиньи в хлеву».

«Эксперты-текстперты».

701

«Корпоративная футболка».

«Я есть он как он».

703

«Стеклянная луковица» — песня с «Белого альбома»; «Вот вам еще подсказка: Морж — это Пол».

The Mike Sammes Singers (Группа британского музыканта, бэк-вокалиста и аранжировщика *Майкла Уильяма Сэммса* (1928–2001).), необременительные для слуха заправилы «Sing Something Simple» («Спой что-нибудь простое» — получасовая радиопередача, выходившая на Би-би-си с 1959 по 2001 г.), сделали одну из самых насыщенных и наименее заметных карьер в истории популярной музыки. Их голоса можно услышать в «Let it Be» и «Good Night» («Спокойной ночи» — песня с «Белого альбома».); они были на подпевке у Тома Джонса в «Delilah», у Кена додда в «Tears», у Оливии Ньютон-Джон в «Banks of the Ohio» (*Кеннет Артур Додд* (1927–2018) — популярной британский комик, певец, сценарист и актер, известный ролями в серии фильмов «Так держать»; *Оливия Ньютон-Джон* (р. 1948) — австралийская певица, лауреат премии «Грэмми», номинант на «Золотой глобус» за лучшую женскую роль в фильме «Бриолин». «Tears» — «Слезы», «Banks of the Ohio» — «Берега Огайо».), и не только. Еще они исполняли заглавную тему в телесериале «Стингрей» Джерри Андерсона («Стингрей» — детский научно-фантастический сериал 1964 г.; *Джерри Андерсон* (Джеральд Александр Абрахамс, 1929–2012) — британский теле-и кинопродюсер, сценарист, режиссер и актер озвучки.). На следующий после записи «I Am the Walrus» день они участвовали в сессии Кэти Кёрби (*Кэти Кёрби* (Кэтлин О'Рурк, 1938–2011) — популярная британская эстрадная певица, в 1964–1965 гг. вела свое музыкальное шоу на Би-би-си.) а потом отправились прямиком в студию ATV на «Шоу Бенни Хилла». С ними работал Элтон Джон, будучи сессионным музыкантом: «Глядя на *The Mike Sammes Singers*, «пугающие» не скажешь. Они обеспечивали бэк-вокал практически всем и выглядели будто пожилые тетушки и дядюшки, приехавшие в студию с бального ужина в гольф-клубе. Но уж если приходилось петь вместе с ними, то они просто страх Божий в тебя вселяли, настолько были хороши в своем деле».

705

Сэмюэл Тейлор Кольридж (1732–1834) — британский поэт-романтик, философ и критик; его поэма «Кубла-хан, или Видение во сне» якобы была навеяна опиумным дурманом, но так и осталась незавершенной.

706

Кеннет Чарльз Уильямс (1926–1988) — британский комедийный актер, рассказчик и писатель-диарист.

Жемчужные короли и королевы, они же «Перламутровые пуговицы» — британская благотворительная организация, члены которой во время ежегодного фестиваля собирают средства на нужды малоимущих, а для привлечения внимания надевают черные костюмы, расшитые узорами из перламутровых пуговиц. Общий вес украшения может достигать 30 кг.

708

«Мой старик — мусорщик» — песня короля скиффла Лонни Донегана, в 1960-х гг. возглавляла хит-парады Великобритании, Австралии, Канады и Новой Зеландии.

709

Роберт Адольф Уилтон Морли (1908–1992) — британский актер театра и кино, номинант на премии «Оскар» и «Золотой глобус», кавалер ордена Британской империи.

710

Британский музыкальный коллектив, исполнявший экспериментальную музыку на стыке традиций варьете, классического джаза и рок-авангарда, поп-психоделики.

Некоторые считают его тем самым «торговцем автомобилями» из песни «She’s Leaving Home».

712

Ричард Дилелло (р. 1945) — британский писатель, сценарист, режиссер и писатель, автор книги «The Longest Cocktail Party» (1972, «Самая долгая коктейльная вечеринка»); в офисе «Эппл» работал с 1968 по 1970 г., подручным и посыльным; официально титуловался «работник по связям с клиентами».

713

«Тра-ла-ла-ла, ну и веселый же наш мир. / Тра-ла-ла-ла, он только наш с тобой. / Ты улыбайся постоянно и пой тихонько в дождь. / Сквозь тучи светят звезды нам все до одной» — песня из фильма «Молодые люди» («Young People», 1940, реж. Аллан Дуон).

714

«У речки я стою, никак не перейти. / Пой полли-уолли-дудл весь день. / Я запрыгнула на аллигатора, думала, он лошадь. / Пой полли-уолли-дудл весь день» — традиционная американская детская песенка, использована в фильме «Маленькая бунтарка» («The Youngest Rebel», 1935, реж. Дэвид Батлер).

715

Зд.: «На добром корабле «Леденец» / Так сладко плыть к кондитеру. / Там у него бонбошки / Резвятся на солнце в Мятной бухте» — песня из фильма «Сияющие глазки» («Bright Eyes», 1934, реж. Дэвид Батлер).

716

Основана в 1847 г. императором Нинко для детей из аристократических семейств Японии.

717

Впоследствии 125-й император Японии; в 2019 г. отрекся от престола в пользу сына, Нарухито.

718

Барбара Уолтерс (р. 1929) — американская журналистка, писательница и телеведущая; *Кэролайн Ли Бувье Кэнфилд Радзивилл Росс* (1933–2019) — американская светская львица, младшая сестра Жаклин (Джеки) Кеннеди Онассис, вдовы президента Кеннеди.

719

Тоси Итиянаги (р. 1933) — японский музыкант и композитор.

720

Один из крупнейших американских вузов в области музыки и искусства.

721

Джон Милтон Кейдж (1912–1992) — американский композитор, музыковед, поэт, художник и философ; *Мерсье Филип Каннингем* (1919–2009) — американский танцор и хореограф.

722

Аллан Капроу (1927–2006) — американский художник и теоретик искусства; *Джим Дайн* (р. 1935) — американский художник, один из создателей поп-арта.

723

Ла Монте Торнтон Янг (р. 1935) — американский авангардный композитор; *Терренс Митчелл Райли* (р. 1935) — американский композитор и музыкант-минималист, на творчество которого, как и на работу Янга, большое влияние оказали джаз и классическая индийская музыка.

724

Диана Ваковски (р. 1937) — американская поэтесса, относившаяся не только к битникам, но и к сюрреалистам (т. н. поэзия «глубокого образа»).

725

Джордж Мачунас (Юргис Мацонас, 1931–1978) — американский художник и композитор литовского происхождения.

Энтони Кокс (р. 1936) — американский кинопродюсер и арт-промоутер.

«Cut Piece».

728

Форма традиционной японской поэзии, в классическом виде — 17-сложное трехстишие (соотношение слогов — 5–7–5).

729

На самом деле мероприятие носило название «Разрушение в искусстве» («The Destruction in Art Symposium») и проходило в Лондоне с 9 по 11 сентября 1966 г.; в нем приняли участие представители различных направлений в искусстве, поэты, ученые, а также представители контркультуры.

730

Марсель Дюшан (1887–1968) — франко-американский художник, теоретик искусства, сюрреалист и дадаист, шахматист-энтузиаст; практиковал эпатажный метод «готовых вещей», когда предметом искусства становится любой предмет, подписаный рукой художника и выставленный в галерее.

731

Город в западной Танзании, где в 1871 г. состоялась легендарная встреча шотландского миссионера-путешественника *Дэвида Ливингстона* (1813–1873), считавшегося погибшим, и британского исследователя *Генри Стэнли* (1841–1904); фраза, произнесенная Стэнли при встрече, вошла в историю: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

732

По чистой случайности «ринго» на японском значит «яблоко».

733

Христо (впоследствии Христо и Жанна-Клод) — творческий псевдоним супругов Христо Явашева (1935–2020) и Жанны-Клод де Гийебон (1935–2009), известных своими работами по упаковке различных предметов и пространств — от консервной банки или пишущей машинки до Рейхстага и целых участков побережья.

734

В 1964 г. *Энди Уорхол* снял фильм «Зад Тейлора Мида» («Taylor Mead's Ass»), в котором на протяжении всего времени (76 минут) демонстрируются обнаженные ягодицы американского писателя и актера Тейлора Мида (1924–2013).

Йоко с мужем, Тони Коксом, снимали квартиру в многоквартирном Гановер-Гейт-мэншнс, неподалеку от Риджентс-парка.

736

Миа Фэрроу (Мария де Лурдес Вильерс Фэрроу, р. 1945) — американская актриса, модель и активистка, лауреат премий «Оскар» и BAFTA; в описываемое время только что развелась с Фрэнком Синатрой и завершила съемки в фильме «Ребенок Розмари» (1968, реж. Роман Полански).

737

Томас Уильям Симкокс (р. 1937) — американский актер, по большей части снимался в вестернах; сериал *«Бонанза»* транслировался на канале Эн-би-си с 1959 по 1973 г. (14 сезонов), *«Дымок из ствола»* — радиосериал с 1952 по 1961 г., телеверсия транслировалась на канале Си-би-эс с 1955 по 1975 г. (20 сезонов).

738

Дорис Дьюк (1912–1993) — единственная наследница Джеймса Бьюкенена Дьюка, основателя «Американ тобакко компани», светская львица, известна своей филантропической и меценатской деятельностью.

YMCA (Young Men's Christian Association) — молодежная волонтерская организация, основанная в Лондоне в 1844 г.; получила известность благодаря организации детских лагерей; на ее площадках прошли первые концерты Элвиса Пресли и группы *U2*. *Хойлейк* — город на побережье полуострова Уиррал в Мерсисайде.

«Дитя природы»; «Я просто дитя природы, / Мне легко стать свободным».

741

«Ревнивец», со второго сольного альбома Леннона «Imagine» (1971).

742

Пол Зальцман (р. 1943) — канадский фотограф, режиссер, продюсер, лауреат премии «Эмми». Его снимки битлов считаются «самыми личными» и выставлялись в галереях по всему миру; в зале ожидания аэропорта имени Джона Леннона постоянно экспонируются его «индийские» фотографии «Битлз».

«Джулия», «Дорогая Пруденс», «Бунгало Билл», «Плачь, детка, плачь», «Я так устал» — песни, вошедшие в «Белый альбом». «Через Вселенную», «Полиэтиленовая Пэм», «Скупой мистер Мастард» — песни с «Эбби-роуд».

«Твой блюз», оттуда же; «Я так одинок, что хочется умереть».

«Черный дрозд», «Рокки Ракун», «Снова в СССР», «Я буду», «Сын матери-природы», «Жизнь продолжается», «Почему бы нам не сделать это прямо на улице?», оттуда же.

746

«Strangers on a Train» (1951) — триллер Альфреда Хичкока по одноименному роману Патриции Хайсмит.

7 47

Вымышленная страна из романа британского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933), литературный аналог мифической Шамбалы.

«Maharishi, what have you done? You made a fool of everyone», впоследствии измененная строка вошла в песню «Sexy Sadie» с «Белого альбома».

749

«Калифорнийские девчонки» — песня с альбома *The Beach Boys «* Summer Days (And Summer Nights!)»(1965), «Барбара Энн» — песня Фреда Фассерта, включенная *The Beach Boys* в альбом «Beach Boys' Party!» (1965).

Франклин Милтон Дэвис-младший (1918–1980) — американский военный, писатель и активный пропагандист трансцендентальной медитации как средства уменьшения стресса у личного состава; *Ширли Маклейн Бити* (р. 1934) — американская актриса и писательница, известная своим интересом к метафизике, реинкарнации и всевозможным эзотерическим практикам течения нью-эйдж.

«Maharishi Heaven on Earth Development Corp.».

752

Мэри Хопкин (р. 1950) — валлийская поп-и фолк-певица; ее первый сингл «Those Were the Days» (1968, на музыку русского романса «Дорогой длинною») стал первым продюсерским опытом Пола Маккартни и занял первое место в британских чартах.

753

Алан Парсонс (р. 1948) — известный звукорежиссер («Abbey Roads», «The Dark Side of the Moon»), лидер группы *The Alan Parsons Project*.

Так в оригинале: «for[*having*] been a friend».

755

Дирк Богард (Дерек Жюль Гаспар Ульрик Нивен ван ден Богарде, 1921–1999) — знаменитый британский актер; *Джеймс Норвал Харальд Джастис* (1907–1975) — британский актер комедийного амплуа.

756

«Незабываемая роль и захватывающее исполнение», если верить рекламному трейлеру.

Шоттон забыл упомянуть о том, что Пол тоже принимал участие в этих забавах, зато сам он потом, в 2018 году, когда давал интервью журналу «GQ», о себе не забыл, рассказывая примерно ту же историю: «Собирались мы толпой и, вместо того чтобы в стельку напиваться или просто тусить — мы вроде даже с ночевкой ни к кому не ходили, — рассаживались по креслам, вырубали свет, и кто-нибудь начинал дрочить, а мы следом. Выкрикивали: «Брижит Бардо! Ууух!» — и теребили пипку. А потом кто-то — вроде это Джон был — как ляпнет: «Уинстон Черчиль!» Похабненько, если так подумать. В детстве много чего вытворяешь, а потом вспоминаешь все это и думаешь: «И вот зачем мы этим занимались?» Но наши забавы были невинными. Никто же не пострадал. Даже Брижит Бардо».

«Навозники».

759

Ахмет Зогу (1895–1961) — второй президент Албании (1925–1928) и ее первый король (1928–1939).

760

«Private Eye» (*букв.* «собственный глаз», разговорное название частного сыщика) — британский сатирический журнал, освещающий текущие события британского общества; основан в 1961 г.

761

Джипси Дейв (Дэвид Джон Миллз, 1946–2019) — британский скульптор и автор песен, впервые стал известен именно как менеджер Донована.

«Привет, пока».

763

Твигги (Лесли Лоусон, р. 1949) — британская модель, актриса и певица; в 2018 г. удостоилась ордена Британской империи.

764

Длинный, до середины бедра, пиджак (полупальто) с воротником-стойкой, наподобие индийского шервани, который носил Джавахарлал Неру (1889–1964), премьер-министр Индии; популяризирован на Западе хиппи.

765

«И цзин», — древнекитайский философский трактат, часто использующийся для гадания.

766

Оливер Брайан Сандерсон Пул (1911–1993) — британский политик и предприниматель, председатель издательского концерна «Пирсон» (среди дочерних компаний которого были издательство «Пингвин» и газета «Файненшл таймс») и директор инвестиционно-консалтинговой фирмы «Лазард»; *Ричард Бичинг* (1913–1985) — британский физик и инженер.

Мероприятие наконец состоялось 9 октября 1971 года. А поскольку у Йоко не набралось достаточно арт-объектов, для того чтобы заполнить помещение, пришлось нанимать бригаду рабочих для спешного сооружения добавочных инсталляций, что обошлось битлам в дополнительные 80000 долларов.

768

«Easy Rider» — фильм 1969 г. Денниса Хоппера (1936–2010) о двух друзьях-мотоциклистах в свободном странствии по просторам Америки.

769

«Эй, Джулс, не переживай. / Возьми грустную песню и сделай ее лучше».

770

«Пиршество попрошаек» (1968) — седьмой студийный альбом «Роллинг стоунз».

771

Тони Санчес (ум. 2000) — фотограф и помощник Кита Ричардса, гитариста «Роллинг стоунз»; в юности работал крупье и вышибалой в клубах лондонского Сохо и, пользуясь своими связями, мог достать не только наркотики, но и оружие; автор книги «Я был драгдилером «Роллинг стоунз»» («Up and Down with *The Rolling Stones* », 1979). Санчес был «личным помощником» Кита Ричардса, но ему приписывают и не менее обременительную роль поставщика наркотиков для «Роллинг стоунз», Роберта Фрейзера и — время от времени — «Битлз».

772

Один из старейших духовых оркестров, основанный в 1816 г.; «Thingumybob» («Штуковина») — инструментальная композиция Леннона — Маккартни для одного из первых четырех синглов лейбла «Эппл», продюсером которого был Пол Маккартни; стала музыкальной заставкой одноименного комедийного сериала (1968).

«Go out and get her».

774

Дуглас Адамс (1952–2001) — автор цикла «Автостопом по галактике».

775

Джон Хойер Апдайк (1932–2009) — американский писатель, поэт и критик, дважды лауреат Пулицеровской премии.

776

Гордон Браун (р. 1951) — премьер-министр Великобритании с 2007 по 2010 г.

777

Рэймонд Таллис (р. 1946) — британский философ, поэт и прозаик, врач-нейрофизиолог.

«The movement you need is on your shoulder».

779

«Нужный тебе момент — у тебя на плече»; «нужное тебе движение — у тебя на плече».

780

Кристофер Брюс Рикс (р. 1933) — британский литературовед и литературный критик.

«Dylan's Visions of Sin» (2004).

782

«Все, чего я на самом деле хочу», с альбома «Another Side of Bob Dylan» (1964).

783

«Я не пытаюсь остановить тебя / Шокировать, обрюхатить или запереть».

«Зачем долго ждать того, кого любишь».

785

Обыгрывается многозначность слова «long»: прилагательное означает «длинный, долгий», глагол — «тосковать».

786

«Если бы не ты» — сингл Боба Дилана, записанный в 1970 г. и выпущенный в 1971 г.; одну из его версий Дилан записал с Джорджем Харрисоном 1 мая 1970 г., вскоре после распада «Битлз», и песня вошла в альбом Харрисона «All Things Must Pass» (1970).

«Эй, чувак», «жеваное сено».

«Как только подпустишь ее поближе» (*букв.* «Как только позволишь ей пробраться под кожу»); «Запомни, у тебя салат латук под кожей».

789

Майкл Эдвард Линдсей-Хогг (р. 1940) — британский кино-и театральный режиссер американского происхождения; одним из первых стал режиссером музыкальных клипов, ставил рекламные ролики «Битлз» и «Роллинг стоунз».

790

«The Smothers Brothers Comedy Hour» — американское комедийное и эстрадное телешоу братьев Томаса (р. 1937) и Ричарда (р. 1939) Смозерсов, выходило на Си-би-эс с 1967 по 1969 г.

791

«Человек с зонтиком», американец Луи Стивен Уитт (1924–2014), привлек к себе внимание в ходе многочисленных любительских и профессиональных расследований убийства президента Джона Кеннеди (1917–1963); в момент покушения он стоял на обочине и размахивал большим черным зонтом в знак протеста против отношения Кеннеди к нацизму.

792

«The Keystone Cops» — серия немых комедий о злоключениях некомпетентных полицейских, снятая в 1912–1917 гг. режиссером Мэком Сеннетом на киностудии «Кистоун»; впоследствии этих комических персонажей включали и в другие фильмы; погоня полицейских за «Битлз» в фильме «A Hard Day's Night» пародирует эпизоды «Кистоновских копов».

«A Boy Called Donovan».

794

«Солнечный Супермен» (1966) — заглавная песня с третьего студийного альбома Донована.

795

«Поездка» *, в переносном смысле* : «наркотический приход».

796

Эдвард Брайан Хейз (1935–1973) — британский джазовый музыкант-мультиинструменталист.

797

Честер Артур Бернетт (1910–1976) — американский блюзмен и гитарист, выступавший под сценическим псевдонимом Howlin' Wolf (Воющий Волк), один из основоположников Чикагской школы блюза.

Или же это были их псевдонимы? Имена антропоморфных медведей из «Шоу Мишки Йоги» («The Yogi Bear Show»), мультсериала Уильяма Ханны и Джозефа Барберы, транслировавшегося по каналу Эй-би-си с 1961 по 1962 г., впоследствии синдицирован.

«Незаконченная музыка № 2: Жизнь со львами» (1969).

800

Родерик Макьюэн (1932–1982) — шотландский художник и музыкант; принимал активное участие в возрождении интереса к фолк-музыке после Второй мировой войны.

801

«Release» — основанное в 1967 г. британское агентство, предоставляющее юридическую, медицинскую и социальную помощь наркозависимым, их близким и коллегам.

802

Райли Би Кинг (1925–2015) — американский блюзовый музыкант, автор и исполнитель песен, входит в список 100 лучших гитаристов всех времен по версии журнала «Роллинг стоун».

803

Сатирический скетчевый сериал «Летающий цирк Монти Пайтона», 2-й сезон, 1-я серия («Лицом к прессе»), скетч «Лягушка Этель/братья Пиранья».

804

Там же, 2-й сезон, 4-я серия («Шоу Базза Олдрина»), скетч «Констебль полиции Пан-Ам».

805

Эрик Айдл (р. 1943) — британский комик, участник группы «Монти Пайтон»; *Нил Джеймс Иннес* (1944–2019) — британский музыкант, композитор и пародист; исполняет роль Рона Насти, участника вымышленной группы *The Rutles* в фильме «The Rutles: All You Need is Cash» (1978); второй фильм, «The Rutles 2: Can't Buy Me Lunch» («Ратлз-2: Ланч не купишь»), вышел в 2002 г.

«Plant» означает также «подбрасывать улики»; «tea» («чай») — это еще и «марихуана». Также «cookie» («печенье») может означать того, кто изготавливает наркотики, или же самого наркомана.

807

Джон Ричард Ломакс (1944–2013) — британский гитарист, автор и исполнитель песен, композитор; записывался на лейбле «Эппл», где его продюсером был Джордж Харрисон; «Море Кислого молока», написанная для «Битлз» в 1968 г., стала первой композицией Харрисона, отданной другому исполнителю, и первым продюсерским опытом Харрисона.

808

Биркхолл — часть королевского поместья Балморал, шотландская резиденция королевы-матери, после ее смерти в 2002 г. унаследованная принцем Уэльским; расположена в 9 милях от города *Баллатер*.

809

Государственная комиссия по историческим зданиям и памятникам Англии.

810

Стормонт Манкрофт Сэмюэл Манкрофт (1914–1987) — британский политик-консерватор, автор юмористических статей в журнале «Панч».

811

Кристофер Генри Гиббс (1938–2018) — британский коллекционер и антиквар, видная фигура в мире моды и дизайна в Лондоне 60-х гг.; *Роберт Фрейзер* (1937–1986) — лондонский арт-дилер, законодатель моды в 60-х гг.

812

«Счастье — это теплое ружье» — песня с «Белого альбома».

813

Брайан Джеймс Чендлер (1938–1996) — британский музыкант, менеджер и продюсер.

814

Кейтлин Мэри Этчингем (р. 1946) — британская писательница, подруга Джими Хендрикса.

815

«Ветер стонет «Мэри»» — композиция с дебютного альбома группы *The Jimi Hendrix Experience* «Are You Experienced» (1967).

816

От *фр*. enfant terrible — ужасный ребенок.

817

«Девочка, ты спустила трусы».

818

«Чарльз Леттс энд компани» — британская фирма по продаже канцелярских и офисных товаров, основанная в 1909 г.

819

«Like endless rain into a paper cup», из песни «Across the Universe» с альбома «Let It Be».

820

Тони Палмер (р. 1941) — британский писатель и создатель документальных фильмах о музыке, как популярной, так и классической; «All My Loving» (1968), названный по песне с альбома «With the Beatles», был его вторым фильмом; работал с *Cream,* Джими Хендриксом и Фрэнком Заппой, снял фильмы о Бенджамине Бриттене, Игоре Стравинском, Марии Каллас, Айседоре Дункан и др.

821

«Enderby Outside» (1968) — второй роман из сатирической тетралогии Берджесса о поэте Эндерби; цитаты из романа приведены в переводе Е. Нетесовой.

822

Коул Альберт Портер (1891–1964) — американский композитор и автор песен; поэзия Портера отличается оригинальными рифмами, многоуровневой игрой слов и яркими образами.

823

Дэвид Лин (1908–1991) — известный британский продюсер и режиссер, снял такие фильмы, как «Мост через реку Квай», «Лоуренс Аравийский», «Доктор Живаго», «Оливер Твист», «Большие надежды» и др.

«Назад в СССР».

«Доброй ночи».

Отсылки к песням «I’m So Tired» («Я так устал»), в которой встречается выражение «stupid git» («придурок»); «Glass Onion» («Стеклянная луковица», также разговорное название монокля); и «Why Don’t We Do It In the Road?» («Почему бы нам не сделать это на улице?»).

827

«Номер девять, номер девять, номер девять, номер девять, номер девять…».

828

«Каждый из них знал, что со временем все они станут чуть старее и чуть медленнее». «И тут понял, что сторож не подозревал о его присутствии в здании». «Возьми это, брат, пусть оно тебе послужит».

829

«Ты обнажаешься».

830

«Поросята».

831

«Always have clean shirts… clutching forks and knives to eat their bacon».

832

Имеется в виду предпоследний куплет песни «Поросята» с «Белого альбома»: «In their styes with all their backing / They don't care what goes on around / In their eyes there's something lacking / What they need's a damn good whacking!» («Стильные, с поддержкой, / им все равно, что происходит, / в их взглядах чего-то недостает, / чертовски хорошая взбучка — вот чего им не хватает!»).

833

Паскуалино Антонио Лабьянка (1925–1969) — владелец сети калифорнийских супермаркетов; он и его жена Розмари были зверски убиты Семьей Мэнсона 10 августа 1969 г.

834

Откр. 9: 7–9: «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну».

835

Откр. 1: 17–18: «И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти».

836

Откр. 9: 21.

837

Пол Алан Уоткинс (1950–1990), член Семьи Мэнсона, на суде разъяснил суть послания «Helter Skelter»; его книга «My Life with Charles Manson» опубликована в 1979 г.

«Милочка».

839

«Плыви через Атлантику, / возвращайся туда, где тебе место».

840

Линетт Элис Фромм (р. 1948) — еще одна участница Семьи Мэнсона, в 1975 г. пыталась убить президента Джеральда Форда.

841

Откр. 9: 3–5.

Очевидно, чтобы поддержать движение «Пражской весны» после ввода в Чехословакию советских войск; осенью 1968 г. Харрисон познакомился с «Ангелами ада» в Сан-Франциско и опрометчиво обмолвился: «Будете в Англии, заходите в гости».

843

Пит Нелл (1936–1979), по прозвищу *Фриско Пит*, и Уильям Карл Фритч (1934–2014), по прозвищу *Билли Перекати-Поле* ; а также *Кеннет Элтон Кизи* (1935–2001) — американский писатель, журналист и драматург, автор романов «Пролетая над гнездом кукушки» и «Порою блажь великая»; его творчество оказало значительное влияние на битников и хиппи.

В день, который Тейлор позднее назовет «черной пятницей», в «Эппл» заглянули также менеджеры групп *The Grateful Dead* и *The Beach Boys*, кришнаиты из храма Радхи-Кришны, два адепта трансцендентальной медитации из Ришикеша, Йоко Оно, телепродюсер из Германии и поэт Тамбимутту, а также «Ангелы ада» со товарищи и бездомная семья. Воспоминания о бездомной семье разнятся. Тейлор думал, что пару зовут Мик и Энни, что детей у них не пятеро, а четверо и в Великобританию они приехали, чтобы просить Пола (не Джона) о покупке острова близ Фиджи, где «постоянно светит солнце». Они не сомневались, что причины у них веские: в конце концов, «Энни ведь была той самой леди Мадонной из песни, правда же?». Тейлор, добрая душа, позволил им занять кабинет на четвертом этаже, пока они не найдут себе дом. В конце концов Джон отправил их на остров у побережья Ирландии, который сам случайно приобрел. «Настойчивость себя оправдывает», — сделал он вывод. При этом он мог бы добавить: «И деньги тоже». Крис О'Делл, которая тогда работала в «Эппл», вспоминала, что семейство «обосновалось на пятом этаже; они кормились за наш счет и расхаживали по коридорам, как у себя дома». В довершение всего их пятнадцатилетняя дочь «постоянно спрашивала Дерека, как бы ей переспать с Джорджем».

845

В том же году Эрнест и Эйприл Кастро — ветераны индустрии детских развлечений, знаменитые на весь Лондон и прилегающие графства, — приехали в Весткотт, неподалеку от Доркинга в Суррее, чтобы выступить в семействе Браун. По-моему, к нам они приехали раньше, потому что вечеринка в офисе битлов состоялась перед самым Рождеством. Все мы, аккуратно причесанные, в темно-синих шортиках, были тем контингентом, перед которым обычно и выступали супруги Кастро. Эрнест, человек старой закалки, носил фрак, а его супруга Эйприл — яркое, расшитое блестками розовое платье с пышными юбками; так выглядели пары в телепередаче «Приходите танцевать». Помню, как мистер Кастро достал из черного ящика куклу по имени Леттис Лиф и завел с ней бойкую беседу, а мы кричали: «Вижу-вижу, вы губами шевелите!» Леттис Лиф и супруги Кастро попросили нас вместе с ними спеть песенку «The Lettice Leefe Hop» — довольно-таки далекую от того, что в то время выдавали битлы: «Why Don't We Do it in the Road» и «I'm So Tired». Перед уходом мистер Кастро вручил семейству Браун подарок: глянцевую рекламную брошюрку со множеством черно-белых фотографий и шесть блестящих красных пластинок с записью «The Lettice Leefe Hop». Нам песня казалась бесючей, но по какой-то причине ставили мы ее очень часто.

846

Макдональд Хобли (1917–1987) был одним из первых дикторов, объявлявших программы на Би-би-си, а также завсегдатаем гостевых шоу; в 1954 году удостоился звания «Телеведущий года». Во Вторую мировую Хобли служил в королевской артиллерии (где его звали «Нобли») и участвовал в плане по захвату Адольфа Гитлера, чтобы доставить его затем в Великобританию. Позднее от плана отказались. Послевоенная карьера Хобли на телевидении отмечена всего одной промашкой: представляя сэра Стэффорда Криппса, канцлера казначейства, он случайно назвал его «сэр Стиффорд Крэппс» («Stifford crapps» звучит как «твердые какашки»).

847

2 Кор. 11: 19–20: «Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо».

848

Спустя восемнадцать лет инспектора Кена Уорфа назначили сотрудником личной охраны Дианы, принцессы Уэльской (*Диана Фрэнсис Спенсер* (1961–1997) — первая супруга принца Чарльза.)

849

Британские журналы комиксов, выпускавшиеся в 1950–1960-х («Eagle») и 1950–1990-х гг. («The Beezer»).

850

Основанная в 1939 г. британская компания по производству сборных моделей самолетов и другой техники, как военной, так и гражданской.

851

«На вершине провала» («Top of the Flops») — ироническое искажение названия музыкальной передачи «На вершине популярности» («Top of the Pops»); «Ховис» — одна из крупнейших и старейших британских хлебопекарных компаний; обыгрывается фамилия Brown («коричневый, бурый») и английское обозначение хлеба из непросеянной муки, «brown bread» (*букв.*: коричневый хлеб).

Я тогда не знал, но битлы и впрямь планировали нечто куда более амбициозное. Поиграв с вариантами «Four in the Bar» и «All Good Children Go to Heaven»(«Четверо в баре»; «Все послушные дети попадают в рай».), парни решили назвать альбом «Everest», чтобы на конверте было фото, как они взбираются на высочайшую в мире вершину. Пол воодушевился поездкой в Тибет, Джон и Джордж не могли определиться, а Ринго отказался наотрез, поскольку его желудок не принимал незнакомой еды. В итоге Джон с Джорджем согласились с Ринго. Если верить Джеффу Эмерику, Пол расстроенно спросил: «Но если не станем называть альбом «Everest» и не поедем в Тибет, чтобы сняться для конверта, то что же делать?» На это Ринго полушутя ответил: «Да ну его все нафиг, давай выйдем на улицу, а альбом так и назовем — «Abbey Road»».

853

Американская инструментальная группа, работавшая в жанре ритм-энд-блюз и соул, в 1970 г. выпустила альбом «McLemore Avenue» с инструментальными каверами «Битлз»; *Бенни Хилл* (Альфред Готорн Хилл, 1924–1992) — английский комик и эстрадный исполнитель, на обложке посмертного альбома-компиляции «The Best of Benny Hill» (1992); *Джордж Бенсон* (р. 1943) — американский певец и гитарист, сочетающий элементы ритм-энд-блюза, джаза и софт-рока, выпустил альбом «The Other Side of Abbey Road» с каверами с альбома «Abbey Road» (1970); детская телепередача «Улица Сезам» в 1993 г. выпустила альбом «Sesame Road» с пародиями песен «Битлз»; хор францисканского монастыря с альбомом церковных песнопений «Franciscan Road» (1999); *Роберт Док Кокс* (р. 1946) и его группа «Ivor Biggun and Ivor's Jivers» с альбомом «Partners in Crime» (1987); вокальный ансамбль *The King's Singers* с синглом 1988 г., включающим каверы «Blackbird» и «Back in the USSR»; *Red Hot Chilli Peppers* выпустили мини-альбом «Abbey Road E.P.» (1988), альбом «Jive Bunny and the Mastermixers Play the Music of Beatles» (2001) — сборник каверов «Битлз».

Да и на обложке написанной мной книжечки «1966 и все такое» (2005), обновленной версии классического труда «1066 и все такое», красовалась пародия на «Abbey Road», созданная Кеном Пайном(*Кен Пайн* (р. 1951) — британский карикатурист.): на ней вместо Джона, Ринго, Пола и Джорджа по зебре шествуют Бобби Чарльтон(*Роберт Чарльтон* (р. 1937) — легенда английского футбола, чемпион мира, обладатель «Золотого мяча».), королева-мать (на ходунках), Сид Вишес и Уинстон Черчилль.

855

В 2002 г. ограниченным тиражом были выпущены коллекционные экземпляры журнала с обложками, на которых Симпсоны пародируют конверты альбомов «Abbey Road», «Nevermind» группы *Nirvana* и «Born in the USA» Брюса Спрингстина.

856

Отпрыском прославленной Марты.

857

«Заведи меня, мертвец».

«Я похоронил Пола».

859

«Пол умер, чувак, я по нему тоскую, тоскую».

860

Фредерик Лабур (р. 1948) впоследствии взял себе сценический псевдоним Ту Слим (Too Slim, т. е. Слишком Стройный) и в 1977 г. основал популярную кантри-вестерн-группу *Riders in the Sky*, с которой выпустил больше 40 альбомов и стал обладателем двух премий «Грэмми».

861

«Линда Маккартни рыдает»; «IF» из номерного знака — «если бы».

862

«Один, один и еще один — будет три».

863

«Официально признан умершим».

«Остался без башки в машине».

865

«А вот вам всем еще намек: Морж — это Пол».

«Я рыдаю».

867

«Лапушки-полицейские ждут, когда приедет фургон».

868

«Желтый заварной крем сочится из глаза дохлой собаки».

869

«Я есть он как ты есть он и мы все вместе».

«Клюквенный соус».

«Your Mother Should Know» («Твоя мама должна знать»).

Это его настоящая фамилия. (Фамилия Tossey звучит как «tosser» — мудак).

873

«Radio-Keith-Orpheum» — основанная в 1928 г. голливудская студия.

Выступал защитником на таких громких судебных процессах, как дело Альберта де Сальво («Бостонский душитель»), а позднее представлял Патти Херст и О. Джей Симпсона (*Альберт де Сальво* (1931–1973) — американский серийный убийца; *Патрисия Кэмпбелл Херст* (р. 1954) — внучка американского миллиардера и газетного магната Уильяма Рэндольфа Херста (1863–1951), похищенная террористами с целью выкупа, позднее преступники принудили ее к участию в ограблении банка; *Орентал Джеймс Симпсон* (р. 1947) — американский спортсмен и актер, был судим за убийство бывшей жены и случайного свидетеля преступления; оправдан).

«Брат Пол»; «Мы все — Поло-носцы»; «Святой Пол»; «Прощай, Пол».

876

Позднее выяснилось, что это псевдоним Хосе Фелисиано (*Хосе Монтсеррат Фелисиано Гарсия* (р. 1945) — слепой пуэрто-риканский музыкант и гитарист-виртуоз, певец и композитор.), слепого пуэрто-риканского певца, которого и сейчас, наверное, лучше всего помнят по кавер-версии «Light My Fire» («Зажги мой огонь» — песня группы *The Doors* с их дебютного альбома («The Doors», 1967).), записанной в 1968 г.

877

«Прощай, Пол, как жаль, что ты уходишь, / Прощай, Пол, ты срубил столько бабла».

«Департамент полиции Онтарио».

879

«Blue Peter» — детская телепередача, первый выпуск которой состоялся в 1958 г.

880

Знаменитое туристическое агентство, основанное английским предпринимателем Томасом Куком в 1841 г.

881

Ричард Чарльз Николас Брэнсон (р. 1950) — британский бизнесмен, один из богатейших людей Великобритании, основатель корпорации «Virgin Group».

882

Алан Олдридж (1938–2017) — британский художник, создатель обложек для серии научной фантастики, выходившей в издательстве «Пингвин» в 1960-е гг., и конвертов для альбомов *The Who* и *Cream*, иллюстратор сборников текстов «Битлз» (1969, 1971); его работы отличает психоделический стиль, характерный для того времени.

883

Строка «Don’t Worry Kyoko (Mummy’s Only Looking for Her Hand in the Snow)» стала названием песни с Йоко Оно с альбома «The Fly» (1971) группы *Yoko Ono and Plastic Ono Band*.

884

Имеются в виду Элизабет Тейлор и Ричард Бертон, пятый муж актрисы, известный британский актер.

885

Свой проект «Желуди за мир» Оно и Леннон начали еще в июне 1968 г., посадив два желудя у садовой скамьи в соборе Святого Михаила в Ковентри; *бэгизм* (от *англ.* «bag» — мешок) — концепция, заявленная Йоко и Джоном на пресс-конференции в Вене в марте 1969 г., после того как на «Алхимической свадьбе», представлении, устроенном в конце 1968 г. в Альберт-холле, оба неподвижно просидели 45 минут в огромном белом мешке на сцене.

«Дайте миру шанс».

887

Глория Эмерсон (1929–2004) — известная американская писательница и журналист, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Сайгоне и впоследствии в Газе.

888

Резня в Сонгми (март 1968 года) первоначально была известна как Пинквилльская бойня, по названию, данному этой местности военнослужащими США. Учиненная американскими военными и унесшая жизни 504 гражданских лиц, в англоязычных источниках известна как «резня в Милае»; *Сонгми* — община, объединявшая села Милай и Михэ, жители которого также стали жертвами резни.

889

Имеется в виду массовая демонстрация протеста, требовавшая окончания войны во Вьетнаме, состоявшаяся по всей территории США 15 октября 1969 г. и завершившаяся маршем протеста 15 ноября 1969 г. в Вашингтоне, в котором приняли участие свыше полумиллиона человек.

890

«Преодолеем!» — американская песня протеста.

891

Саммит в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г., вторая личная встреча двух лидеров.

892

Росс Макманус (1927–2011). На «Ютьюбе» есть запись, как он в 1963-м с оркестром Джо Лосса исполняет «Please Please Me». Макманус здорово похож на сына и носит такие же очки в строгой оправе. А еще он так свободно и раскованно пританцовывает под латиноамериканские ритмы, что «Битлз» со своим вялым топтанием на сцене выглядят зажатыми. В 1970-м его версия «The Long and Winding Road» заняла 16-е место в австралийских чартах.

893

Джошуа Александр Лосс (1909–1990) — руководитель одного из самых известных британских эстрадных оркестров, основанного в 1930 г. и существующего до сих пор; в описываемое время оркестр выступал с вокальным трио: Роуз Бреннан, Ларри Греттон и *Росс Макманус*.

894

«Если бы у меня был молот» («Песня о молоте») — песня протеста, написанная Питом Сигером и Ли Хейзом в 1949 г., впервые исполненная фолк-группой *The Weavers* и ставшая популярной в 1962 г., после ее исполнения американской фолк-группой *Peter, Paul and Mary*.

895

Дикки Валентайн (Ричард Брайс, 1929–1971) — британский поп-певец, достигший пика популярности в 1950-е гг.

«Good King Wenceslas» — рождественский гимн.

897

В оригинале: «Brightly shone the moon that night / Though the frost was cruel», т. е. «Ярко месяц лил свой свет, / Хоть студило крепко». У битлов же вышло: «С неба боты засверкали / На злодея мшистого».

898

На мотив «Happy birthday to you»; бессмысленный набор слов, по звучанию напоминающий «Merry Christmas to you» («Счастливого рождества»).

899

Пародия на песенку о Красноносом Рудольфе — олене из упряжки Санта-Клауса, персонаже сказки американского писателя Роберта Льюиса Мэя (1905–1976).

900

Народная ирландская песня «Ты отцу стирал рубашку?».

901

«Все та же старая песня», с альбома «Four Tops' Second Album» (1965), записанная американским вокальным квартетом, основанным в 1953 г. и работающим в жанрах дувоп, соул, ритм-энд-блюз, джаз, диско и т. п.

«Повсюду Рождество».

903

«Не приноси больше свое банджо; кто знает, где оно побывало».

904

Фрэнсис Чарльз Чичестер (1901–1972) — британский авиатор и яхтсмен-одиночка; совершил кругосветное путешествие в рекордно короткий срок, за девять месяцев и один день.

905

«Рождество (снова пришло)».

906

Лк. 2: 13–14: «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

907

Тайни Тим (Герберт Хаури, 1932–1996) — американский музыкант, певец и композитор, исполнявший песни фальцетом под аккомпанемент укулеле.

908

В 1969 г. принц Чарльз прошел формальную инвеституру и стал титуловаться принцем Уэльским, а принцесса Анна окончила школу, и оба приступили к исполнению официальных обязанностей.

909

«Доброго вам вечера, господа, рад быть тут».

910

«И мы желаем вам веселого Нового года».

911

Перев. А. Ибрагимова.

912

Тереса Санчес Сепеда д'Авила-и-Аумада (1515–1582) — католическая святая, монахиня ордена кармелиток и его реформатор.

913

«Возвращайся туда, где тебе место», из песни «Get Back».

914

Крессида Конноли (р. 1960) — британская писательница, биограф, журналист и критик, дочь известного литературного критика Сирила Коннолли.

915

Pete and Dud — дуэт комиков *Питера Эдварда Кука* (1937–1995) и *Дадли Стюарта Джона Мура* (1935–2002).

916

Американская поп-группа, основанная в 1965 г. семейством Джексон; в ней начал свою музыкальную карьеру Майкл Джексон; шотландская поп-и рок-группа, основанная в 1969 г.; *Сюзан Кей Кватро* (р. 1950) — американская рок-музыкант, автор и исполнительница песен, продюсер, актриса и радиоведущая.

917

Сокр. от «grotesque» — гротескный.

«Что я говорил».

919

«Будешь ли ты любить меня завтра?»

«Как ты это делаешь?»

«Мне это нравится», «И не будешь ты один».

922

Рой Роджерс (Леонард Франклин Слай, 1911–1998) — американский ковбой, певец, актер и ресторатор. Да и вверх, наверное, тоже. Или Триггер воспользовался лифтом?

923

Очень дешево, по сравнению с тем, что предлагает Фрэнк Каяццо у себя в Нью-Джерси. А там у него, например, письмо, написанное Джоном поклоннице в начале 1963 года, которое начинается словами: «Дорогая Дон! Спасибо за письмо, рад, что концерт тебе понравился», и подписано: «Будь здорова, с любовью, Джон Леннон, чмоки-поки» — продается за 19500 долларов. Есть еще «письмо большой редкости и откровенности, собственноручно написанное Джоном Ленноном» из Ришикеша поклоннице по имени Бет в феврале 1968 года, завершающееся так: «Да благословит тебя Господь… джай гуру дэв, с любовью, Джон Леннон». Продается за 75000 долларов. В приветственном обращении своего онлайн-магазина мистер Каяццо говорит, что «все рукописные материалы представляют собой особую, глубоко личную часть жизни битлов, которая редко когда становилась достоянием общественности. Каждый из этих предметов представляет настоящее сокровище для любого фаната или коллекционера».

924

Британское вокальное трио (Мэриан Дэвис, Мэгги Стеддер и Глория Джордж), постоянные участники комедийного скетч-сериала «Шоу Бенни Хилла», в 1960-е гг. выступали на подпевках у многих известных исполнителей.

925

Территориальные притязания Германского союза, возникшего на месте Священной Римской империи, и Дании на герцогства Шлезвиг и Гольштейн, которые долгое время не удавалось разрешить ввиду чрезвычайной сложности, территориальной, этнической и языковой принадлежности этих земель.

926

«John, Paul & Me Before the Beatles: The True Story of the Very Early Days».

927

Не стоит путать этого Джона Гиллеспи с прославленным джазовым трубачом и певцом Джоном Бирксом («Диззи») Гиллеспи (1917–1993).

928

Пятьдесят три года спустя портфель ушел с молотка в Лос-Анджелесе, «вместе с письмом, подтверждающим его подлинность, от племянника Эпстайна, Генри Эпстайна», за 3437,5 фунта.

929

«Выбор молчания» Томаса Мертона был впервые издан в США в 1948 году и озаглавлен «Семиярусная гора». *Томас Мертон* (1915–1968) — американский богослов, проповедник т. н. дзен-католицизма, поэт, философ и публицист.

930

Джимми Парсон Стаггс (1935–2007) — американский диджей и владелец магазина грампластинок.

931

Дэвид Кеннет Харрис (1914–2005) — британский журналист и писатель.

932

Майк Берри (р. 1942) — певец. В январе 1963 года его сингл «Don’t You Think it’s Time»(«Не думаешь ли ты, что уже пора»). достиг шестого места в хит-парадах. В 1981 году его взяли на роль Берта Спунера в восьмом сезоне ситкома «Спасибо за покупку»(«Are You Being Served?»), в котором он и снимался вплоть до 1985 года.

933

The Clyde Valley Stompers — традиционный джазовый ансамбль, образованный в Глазго в 1950-х. Как писали в газете «Скотсмэн», «до взрыва битломании была стомпермания». В августе 1962 года *The Clyde Valley Stompers* достигли 25-го места со своей джазовой версией «Пети и волка» Сергея Прокофьева, но большего успеха в чартах им уже не светило.

934

Норман Воан (1923–2002) — эстрадный артист «семейного» жанра, актер «No Sex Please, We're British» («Без секса, пожалуйста, мы же британцы» — британская театральная постановка в жанре фарс.) и ведущий телевикторин «Golden Shot» («Золотой выстрел», 1972–1973).

935

The Temperance Seven — традиционный джазовый ансамбль, известный своим клоунским юмором. Их совместный с Питером Селлерсом хит 1960 года «Ukulele Lady»(«Дама с укулеле».) продюсировал Джордж Мартин. Их песня «You're Driving Me Crazy»(«Ты сводишь меня с ума».) заняла в 1961 году первое место в чартах.

936

Sounds Incorporated — инструментальная группа. В 1963 году они подписали контракт с NEMS Брайана Эпстайна и в апреле 1964 года выбрались на 30-е место с песней «The Spartans»(«Спартанцы».), а с песней «Spanish Harlem»(«Испанский Гарлем».) — на 35-е. Большего успеха они добились в Австралии со своей версией увертюры к «Вильгельму Теллю», которая заняла второе место. В августе 1965 года они открывали концерт «Битлз» на стадионе Ши, а спустя год после распада «Битлз», в 1971-м, распались и сами.

937

Родни Понт (Стив Дэй, р. 1942) — британский музыкант, основатель группы *Steve Day And The Drifters*.

938

Британский портной польского происхождения, мастер индивидуального пошива одежды.